

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
5.2. Экономика; 5.4. Социология; 5.5. Политология*

№ 2

**Ростов-на-Дону
2023**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор

ИГНАТОВА Т. В.,

Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор

Зам. главного редактора

ЧЕРКАСОВА Т. П.,

доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); **Eugene Nivorozhkin**, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); **Ford Lumban Gaol**, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); **Атанесян А. В.**, докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); **Кадол Н. Ф.**, докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); **Ушаков Д. С.**, докт. экон. наук, проф., Suap Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; **Дзахова Л. Х.**, докт. полит. наук, проф.; **Дробышевская Л. Н.**, докт. экон. наук, проф.; **Золочевская Е. Ю.**, докт. экон. наук, проф.; **Кислицын С. А.**, докт. ист. наук, проф.; **Козлюк Н. В.**, докт. экон. наук, доц.; **Колядин А. П.**, докт. экон. наук, проф.; **Крюкова Е. М.**, докт. экон. наук, проф.; **Миляева Л. Г.**, докт. экон. наук, проф.; **Овчаренко Р. К.**, докт. социол. наук, доц.; **Понеделков А. В.**, Заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; **Попова Е. А.**, докт. полит. наук, доц.; **Скворцов Н. Г.**, докт. социол. наук, проф.; **Сологуб В. А.**, докт. социол. наук, проф.; **Чернова О. А.**, докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-203-63-89,

e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications where
main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
5.2. – economic science; 5.4. – sociology; 5.5. – politology*

№ 2

**Rostov-on-Don
2023**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief **IGNATOVA T. V.**,
Honored Worker of Higher School of Russian Federation,
Doctor of Economic science, professor

Vice-Editor in Chief **CHERKASOVA T. P.**,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; **Eugene Nivorozhkin**, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; **Ford Lumban Gaol**, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; **Arthur V. Atanesyan**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; **Natalia F. Kadol**, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); **Denis S. Ushakov**, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand); **Arsenieva V. A.**, Doctor of Economic Science, Docent; **Dzakhova L. Kh.**, Doctor of Political Science, Professor; **Drobyshevskaya L. N.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Zolochevskaja E. Yu.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Kislitsyn S. A.**, Doctor of Historic Science, Professor; **Kozlyuk N. V.**, Doctor of Economic Science, Docent; **Kolyadin A. P.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Kryukova E. M.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Milyaeva L. G.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Ovcharenko R. K.**, Doctor of Sociology, Docent; **Ponedelkov A. V.**, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; **Popova E. A.**, Doctor of Political Science, Docent; **Skvortsov N. G.**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Sologub V. A.**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Chernova O. A.**, Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.
Tel: 8-863-203-63-89.

E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	11
<i>А. В. Баранов, О. В. Котлярова, А. В. Тагаев, В. М. Ганеева</i> УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ: ОПЫТ РЕГИОНА	11
<i>Вен Ман</i> СОЗДАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ГОРОДСКОЙ НИЗОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ И ЛОГИКА ИХ СТРОИТЕЛЬСТВА: НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА МОДЕЛИ САМОУПРАВЛЕНИЯ «ГОСТЕВАЯ КОМНАТА» В РАЙОНЕ ЦИНПУ, ШАН, КНР	19
<i>Д. И. Дынник</i> НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ	39
<i>А. С. Ефимова, Н. В. Брюханова</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ РЕГИОНОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	45
<i>А. А. Иванова, Е. А. Гринченко</i> УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ»	53
<i>Я. В. Ободец, Р. Г. Дудников</i> ФАКТОРИНГ И ФОРФЕЙТИНГ КАК ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА	62
<i>К. Н. Сериков, А. Ю. Анисимов</i> ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИИ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	69
<i>М. А. Суржиков, К. Г. Абазиева, Д. И. Кудрявцев</i> АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ	79
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	85
<i>Н. Н. Ажогоина, Л. В. Кутаева</i> ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕНТООРИЕНТИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	85
<i>М. А. Вахтина, Т. В. Игнатова</i> РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ МЕРИТОРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ: ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	91
<i>В. М. Джуха, Р. В. Мажара</i> АНАЛИЗ АКТУАЛЬНОСТИ И ЗНАЧИМОСТИ ESG-ПРОЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ	98
<i>В. В. Келарев</i> РОССИЙСКАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ	104

<i>А. Н. Козлов</i>	
ХОЗЯЙСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ В СТРУКТУРЕ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	109
<i>Е. В. Лобкова, А. А. Ки-Юан</i>	
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ.....	115
<i>Т. А. Макареня, А. И. Калиниченко, Али Маннаа, С. В. Петренко</i>	
ПОТЕНЦИАЛ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ.....	128
<i>Т. В. Мартыненко, Т. А. Черкашина, А. А. Егорихина</i>	
РАЗВИТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РФ С УЧЕТОМ ТРАНСФОРМАЦИИ КАТЕГОРИРОВАНИЯ, ОЦЕНКИ И КАДАСТРА ЗЕМЕЛЬ	135
<i>Л. И. Проняева, А. В. Павлова, К. А. Суровнева</i>	
ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ	142
<i>Ю. Ю. Садовникова, Ю. А. Мащенко, Л. Н. Тимейчук</i>	
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	157
<i>В. В. Сериков</i>	
ВЫБОР МОДЕЛИ ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ	167
<i>Ю. Р. Туманян</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В АСПЕКТЕ ГЕОЭКОНОМИКИ.....	175
<i>М. В. Чараева, Е. Н. Карпова, И. А. Прядко, Ян Лю</i>	
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫМИ ФИНАНСАМИ	181
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА.....	190
<i>О. А. Артюхин, Л. Л. Иванова, А. Т. Батов</i>	
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ МОДЕЛИ «ПЕНТАБАЗИСА» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ	190
<i>М. А. Аствацатурова, Л. Х. Дзахова</i>	
ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	197
<i>А. С. Геворгян</i>	
ОППОЗИЦИЯ В НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ ПЛЮРАЛИЗМА	205
<i>И. В. Лескова, Ю. Н. Манаенкова, М. Е. Зубарев</i>	
КОНЦЕПЦИЯ СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	210
<i>Л. А. Лобова, А. М. Старостин, Е. Н. Тованчова</i>	
ЕВРОПА И РОССИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КООРДИНАТАХ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО МИРА	218
<i>И. В. Лескова, В. И. Юдин</i>	
ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	226
<i>Е. Е. Термелева, М. Д. Чернозубов</i>	
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)	232
<i>М. В. Шутов, Т. П. Черкасова</i>	
РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИИ (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)	238

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	244
<i>Я. Г. Зинченко, А. Б. Понамарёв, А. К. Хаустова</i>	
РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	244
<i>В. В. Ковров, Н. С. Пичко, Н. Х. Гафиагулина</i>	
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМНОЕ СВОЙСТВО СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА	251
<i>С. А. Литвинова, Е. Ю. Золочевская</i>	
РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭТИКИ В ВУЗЕ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ	257
<i>Н. С. Пичко, Я. Г. Зинченко, С. И. Самыгин</i>	
ВОЛОНТЕРСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ	263
<i>Чу Дэфон</i>	
О ПРАКТИЧЕСКИХ ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ АНОМИИ В СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ	269
<i>М. М. Шахбанова</i>	
ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ДИНАМИКА И СОДЕРЖАНИЕ	282
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	288
<i>Чжан Чун</i>	
ИССЛЕДОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ КИТАЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	288
<i>Ч. А. Гогичаев, Б. М. Чилиев</i>	
ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КРАТКОСРОЧНЫМИ СТАВКАМИ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОГО ПРОФИЦИТА ЛИКВИДНОСТИ НА РЫНКЕ МЕЖБАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ	295
<i>Н. С. Давыдова</i>	
ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА	303
<i>М. В. Максимов</i>	
РОЛЬ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В РФ	309
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ	315
<i>Профессору С. А. Кислицыну – 70 лет</i>	<i>315</i>
<i>Профессору А. В. Кокину – 80 лет</i>	<i>317</i>
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	319

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT.....	11
<i>Alexey V. Baranov, Olga V. Kotlyarova, Alexey V. Tagaev, Valeria M. Ganeeva</i>	
MANAGING THE DESIGN OF ADDITIONAL PROFESSIONAL PROGRAMS: THE EXPERIENCE OF THE REGION	11
<i>Wen Man</i>	
UNIT CONFIGURATION AND CONSTRUCTION LOGIC OF GRASSROOTS SOCIAL SELF-GOVERNANCE IMPLEMENTATION IN URBAN AREAS: AN ANALYSIS BASED ON THE "KETANGJIAN" SELF-GOVERNANCE MODEL IN QINGPU DISTRICT, SHANGHAI, CHINA.....	20
<i>Dmitry I. Dynnik</i>	
NEW APPROACHES TO ASSESSING THE EFFICIENCY OF THE ACTIVITIES OF REGIONAL STRUCTURES FOR MANAGING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT	39
<i>Alina S. Efimova, Natalya V. Bryukhanova</i>	
TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE INDUSTRIES IN THE REGIONS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT	45
<i>Anastasia A. Ivanova, Elizaveta A. Grinchenko</i>	
INTELLECTUAL RESOURCE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT «EDUCATION»	53
<i>Yana V. Obodets, Ruslan G. Dudnikov</i>	
FACTORING AND FORFEITING AS EFFECTIVE TOOLS FOR THE DEVELOPMENT OF THE SOCIO-ECONOMIC INFRASTRUCTURE OF THE CITY	62
<i>Kirill N. Serikov, Alexander Yu. Anisimov</i>	
FEATURES OF EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THE RESTAURANT BUSINESS STRATEGY IN CONDITIONS OF ECONOMIC INSTABILITY	69
<i>Mikhail A. Surzhikov, Kamilla G. Abazieva, Dmitry I. Kudryavtsev</i>	
ANTI-CRISIS HUMAN RESOURCE MANAGEMENT AS A MECHANISM TO INCREASE EMPLOYEE MOTIVATION AND ORGANIZATIONAL SUSTAINABILITY	79
PROBLEMS OF ECONOMICS	85
<i>Natalia N. Azhogina, Lyudmila V. Kitaeva</i>	
INSTITUTIONALIZATION OF RENT-ORIENTED BEHAVIOR OF THE STATE IN THE WORLD ECONOMY	85
<i>Margarita A. Vakhtina, Tatiana V. Ignatova</i>	
ROLE OF CIVIL SOCIETY IN CREATION OF MERIT NEEDS: ECONOMIC-THEORETICAL ASPECT.....	91
<i>Vladimir M. Dzhukha, Roman V. Mazhara</i>	
ANALYSIS OF THE RELEVANCE AND SIGNIFICANCE OF SOCIAL INVESTMENT ESG-PROJECTS IN THE REGIONAL ECONOMY	98
<i>Vladimir V. Kelarev</i>	
RUSSIAN SCHOOL OF ECONOMIC THOUGHT: CHALLENGES OF MODERNITY	104
<i>Andrey N. Kozlov</i>	
ECONOMIC ENTITY IN THE STRUCTURE OF NEOINSTITUTIONAL INFLUENCE	109
<i>Elena V. Lobkova, Alina A. Ki-Yuan</i>	
DIGITAL TRANSFORMATION OF SECURITY SYSTEMS.....	115
<i>Tatyana A. Makarenko, Alexey I. Kalinichenko, Ali Mannaa, Svetlana V. Petrenko</i>	
THE POTENTIAL FOR COMPARATIVE ANALYSIS OF DEVELOPMENT TRENDS IN THE INDUSTRIAL COMPLEX OF THE FEDERAL DISTRICTS.....	128
<i>Tatiana V. Martynenko, Tatiana A. Cherkashina, Anastasia A. Egorikhina</i>	
DEVELOPMENT OF LAND RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION TAKING INTO ACCOUNT THE TRANSFORMATION OF CATEGORIZATION, ASSESSMENT AND CADASTRE OF LANDS	135

<i>Lyudmila I. Pronyaeva, Anna V. Pavlova, Kristina A. Surovneva</i> FINANCIAL SUPPORT OF THE CONSTRUCTION SECTOR ACTIVITIES: TRENDS, PROBLEMS AND OPPORTUNITIES.....	142
<i>Julia Yu. Sadovnikova, Yulia A. Mashchenko, Lyudmila N. Timeychuk</i> IMPROVEMENT OF FINANCIAL SUPPORT MEASURES FOR SOCIAL PROTECTION OF FAMILIES WITH CHILDREN IN THE RUSSIAN FEDERATION	157
<i>Vladimir V. Serikov</i> CHOICE OF A MODEL FOR ASSESSING AND FORECASTING THE ACTIVITIES OF ENTERPRISES IN THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE ECONOMY IN CONDITIONS OF IMPORT SUBSTITUTION	167
<i>Yurii R. Tumanyan</i> ECONOMIC POLICY OF THE STATE IN THE ASPECT OF GEO-ECONOMICS	175
<i>Marina V. Charaeva, Elena N. Karpova, Irina A. Pryadko, Yan Liu</i> THE IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE DEVELOPMENT OF CORPORATE FINANCIAL MANAGEMENT SYSTEM	181
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	190
<i>Oleg A. Artyukhin, Lyudmila L. Ivanova, Alim T. Batov</i> IDEOLOGICAL COMPONENTS OF THE "PENTABASIS" MODEL IN THE MODERN POLICY OF RUSSIA	190
<i>Maya A. Astvatsaturova, Larisa Kh. Dzakhova</i> FEDERAL MEANINGS AND REGIONAL PROJECTIONS OF THE STATE YOUTH POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION	197
<i>Ashkhen S. Gevorgyan</i> OPPOSITION IN SCIENTIFIC AND POLITICAL DISCOURSE: CATEGORICAL CERTAINTY AND THE POTENTIAL OF PLURALISM.....	205
<i>Irina V. Leskova, Yulia N. Manaenkova, Mikhail E. Zubarev</i> THE CONCEPT OF A SOVEREIGN STATE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION.....	210
<i>Larisa A. Lobova, Alexander M. Starostin, Elena N. Tovanchova</i> EUROPE AND RUSSIA IN THE CIVILIZATIONAL COORDINATES OF THE MODERN GLOBAL WORLD	218
<i>Irina V. Leskova, Valery I. Yudin</i> THE POTENTIAL OF INTERNET COMMUNICATIONS IN THE POLITICAL DEVELOPMENT OF CITIZENS IN MODERN SOCIETY: RESEARCH METHODOLOGY	226
<i>Ekaterina E. Termeleva, Mikhail D. Chernozubov</i> THE MAIN PROBLEMS OF REGIONAL POLICY IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS (ON THE EXAMPLE OF THE SAMARA REGION)	232
<i>Mikhail V. Shutov, Tatiana P. Cherkasova</i> REGIONAL SPECIFICS OF POLITICAL COMPETITION IN RUSSIA (BASED ON THE RESULTS OF ELECTIONS TO REPRESENTATIVE BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION)	238
SOCIOLOGY PROBLEMS	244
<i>Yaroslava G. Zinchenko, Alexander B. Ponomarev, Anna K. Khaustova</i> RESOURCE PROVISION AND HUMAN RESOURCE POTENTIAL FOR ENVIRONMENTAL EDUCATION IN CONTEMPORARY RUSSIA: SOCIOLOGICAL ANALYSIS.....	244
<i>Vladimir V. Kovrov, Natalia S. Pichko, Natalia Kh. Gafiatulina</i> SOCIO-CULTURAL MARGINALITY AS A PROBLEM PROPERTY OF STUDENTS YOUTH IN THE MODERN RISK SOCIETY	251
<i>Svetlana A. Litvinova, Elena Yu. Zolochevskaya</i> THE DEVELOPMENT OF DIGITAL ETHICS AT THE UNIVERSITY AS A FACTOR OF SUCCESSFUL SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS	257

<i>Natalya S. Pichko, Yaroslava G. Zinchenko, Sergey I. Samygin</i>	
VOLUNTEERING AND CHARITY AS FORMS OF SOCIAL SERVICE.....	263
<i>Chu Defeng</i>	
ON PRACTICAL WAYS TO OVERCOME MORAL ANOMIE IN MODERN CHINESE PUBLIC ORGANIZATIONS.....	269
<i>Madina M. Shakhbanova</i>	
ETHNIC IDENTITY OF DAGESTAN YOUTH: DYNAMICS AND CONTENT.....	282
YOUNG SCIENTISTS	288
<i>Zhang Chong</i>	
RESEARCH ON MANAGEMENT OF THE E-COMMERCE DEVELOPMENT IN RURAL AREAS OF CHINA: PROBLEMS AND SOLUTIONS.....	288
<i>Chermen A. Gogichaev, Boris M. Chiliev</i>	
PECULIARITIES OF MANAGING SHORT-TERM MONEY MARKET RATES UNDER CONDITIONS OF STABLE LIQUIDITY SURPLUS IN THE INTERBANK LENDING MARKET	295
<i>Natalya S. Davydova</i>	
DETERMINANTS OF THE DEVELOPMENT OF THE POLITICAL INNOVATION SYSTEM: THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRACTICE.....	303
<i>Maxim V. Maximov</i>	
THE ROLE OF DIRECT DEMOCRACY IN LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION	309
ANNIVERSARY DATES	315
<i>Professor S. A. Kislitsyn – 70</i>	315
<i>Professor A. V. Kokin – 80</i>	317
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	319

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 11–18
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):11–18

Проблемы управления

Научная статья
УДК 378+316.61
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-11-18

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ: ОПЫТ РЕГИОНА

**Алексей Викторович Баранов¹, Ольга Владимировна Котлярова²,
Алексей Васильевич Тагаев³, Валерия Маратовна Ганеева⁴**

^{1,3,4}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимир, Россия

¹a.v.baranov@uriu.ranepa.ru ²olya-apriori@yandex.ru ³tagaev-av@ranepa.ru ⁴ganeeva-vm@ranepa.ru

Аннотация. Представленная статья описывает результаты масштабного проекта, реализованного представителями ЮРИУ РАНХиГС, направленного на пополнение спектра дополнительных профессиональных программ экспертным, качественным, профильным образовательным контентом. В целях разработки таких программ на конкурсной основе были отобраны 22 претендента, которые на протяжении нескольких месяцев под руководством педагогов-трекеров проектировали дополнительные профессиональные программы, содержание которых составил их уникальный экспертный опыт. С исследовательской точки зрения интересен процесс управления проектированием образовательных контентов в условиях взаимодействия трекеров – преподавателей Президентской Академии и самих участников образовательного проекта, являющихся экспертами в своей профессиональной деятельности. В качестве качественно-количественного результата отметим разработку четырех уникальных дополнительных профессиональных программ повышения квалификации, которые реализуются в рамках национального проекта «Демография».

Ключевые слова: управление проектированием, проектирование образовательных программ, трекеры, дополнительные профессиональные программы

Для цитирования: Баранов А. В., Котлярова О. В., Тагаев А. В., Ганеева В. М. Управление проектированием дополнительных профессиональных программ: опыт региона // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 11–18. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-11-18>

Problems of Management

Original article

MANAGING THE DESIGN OF ADDITIONAL PROFESSIONAL PROGRAMS: THE EXPERIENCE OF THE REGION

Alexey V. Baranov¹, Olga V. Kotlyarova², Alexey V. Tagaev³, Valeria M. Ganeeva⁴

^{1,3,4}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Vladimir branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

¹a.v.baranov@uriu.ranepa.ru ²olya-apriori@yandex.ru ³tagaev-av@ranepa.ru ⁴ganeeva-vm@ranepa.ru

Abstract. The presented article describes the results of a large-scale project implemented by representatives of the RANEPa Law School aimed at replenishing the range of additional professional programs with expert, high-quality, specialized educational content. In order to develop such programs on a competitive basis, the jury selected 22 applicants who for several months, under the guidance of tracker teachers, designed additional professional programs, the content of which was their unique expert experience. From a research point of view, the process of managing the design of educational content in the conditions of interaction between trackers, teachers of the Presidential Academy and the participants of the educational project themselves, who are experts in their professional activities, is interesting. As a qualitative and quantitative result, we note the development of four unique additional professional training programs, which are implemented within the framework of the national project «Demography».

Keywords: design management, design of educational programs, trackers, additional professional programs

For citation: Baranov A. V., Kotlyarova O. V., Tagaev A. V., Ganeeva V. M. Managing the design of additional professional programs: the experience of the region. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(2):11-18. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-11-18>

Управление проектированием образовательных контентов интересует большое количество исследователей, однако существующий спектр научных работ в основном касается исключительно педагогической деятельности. То есть процесс управления проектированием направлен непосредственно на педагогов-разработчиков и предполагает управление именно педагогическим проектированием.

К примеру, в основе управленческой модели используется компетентностный подход, предполагающий ориентацию на спектр обязательно формируемых компетенций обучающихся. Интересны работы [1–2].

Информационные технологии становятся обязательной составляющей образовательной программы и требуют от педагогов-разработчиков дополнительных цифровых компетенций. Использование информационных технологий позволяют расширить спектр результатов, ожидаемых от освоения образовательных программ. Достойны внимания исследования [3–4].

В рамках дошкольного общего, среднего, среднего профессионального образования исследуется целый спектр барьеров, среди которых можно назвать отсутствие общей методологии и системы управления проектированием образовательных программ. См., например, работу [5].

Отдельным исследовательским интересом пользуется управление проектированием программ высшего образования. Это связано с кризисом элитарности высшего образования и попытками отечественных исследователей увидеть тенденции, актуализирующие результативность образовательного процесса [6–8].

Однако, не так много проектов, в которых образовательные программы проектируются не педагогами, а практиками, профессионалами в той или иной области. И нет исследований, направленных на изучение и анализ такого рода проектов.

Представители Южно-Российского института управления, филиала РАНХиГС заинтересованы в формировании спектра дополнительных профессиональных программ, предназначенных для удовлетворения образовательных потребностей обучающихся. В наших целях проектировать и внедрять такие программы, которые были бы уникальными по своему содержанию, в которых бы принимали участие лучшие эксперты, являющиеся профессионалами в конкретном направлении [9]. По нашему убеждению, программы высокого качества должны создаваться самими экспертами-практиками. Однако, эксперты-практики, не имеющие педагогического образования, не только не имеют мотивации для создания уникальных авторских образовательных контентов, они не имеют педагогических и методологических компетенций для проектирования подобных программ.

В целях устранения пробела между возможностями экспертов-практиков и дефицитом их педагогических и методологических компетенций командой ЮРИУ РАНХиГС был реализован проект «Акселератор дополнительного профессионального образования». В процессе реализации проекта авторский коллектив проанализировал управленческие методы, позволяющие регламентировать процесс проектирования образовательных программ.

Акселератор дополнительных профессиональных программ, реализуемый в течение нескольких месяцев, может рассматриваться как полноценный исследовательский трек в образовательном процессе. В процессе его реализации был изучен контингент и возможности экспертов-практиков, готовых поделиться профессиональным опытом в формате проектирования образовательного контента. Сами разработчики проектов занимались анализом своего компетентностного потенциала, изучали целевую аудиторию, то есть потенциальных слушателей образовательных программ, их образовательные потребности, исследовался рынок предложений по дополнительному профессиональному образованию, внедрялись модульный, интерактивный, проектный, подход, применяемые авторами разработчиками в процессе проектирования.

Акселерация реализовывалась в три этапа, первый из которых подразумевал отбор курсных заявок, второй – ряд образовательных интенсивов, где участники формулировали идеи, проводили анализ целевой аудитории и каналов продвижения, учились разрабатывать образовательный контент. Третий этап предполагал формирование пула образовательных программ для реализации в ЮРИУ РАНХиГС. Проектную идею запуска Акселератора по разработке образовательных программ высоко оценили и рекомендовали к реализации эксперты Южного IT-Парка.

Визуализируем этапность проекта на рис. 1.

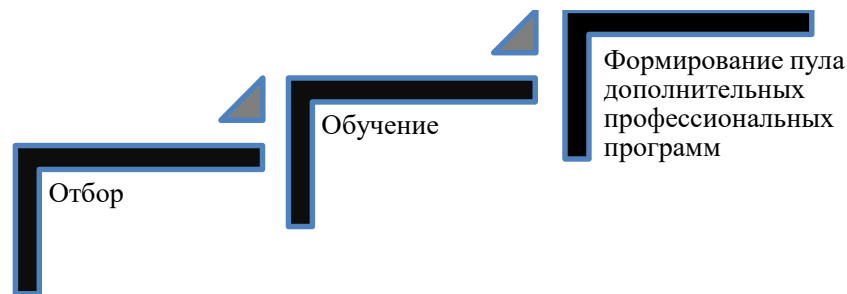


Рис. 1. Этапность «Акселератора дополнительных профессиональных программ»

Fig. 1. Stages of the «Accelerator of additional professional programs»

На каждом этапе использовался определенный управленческий инструментарий, позволяющий управлять проектированием дополнительных профессиональных программ.

Управленческий инструментарий представляет собой систему процессов управления проектированием и функции, реализуемые педагогами-экспертами, представителями Президентской Академии. Отнесем к ним наставничество, трекерство, фасилитацию, тьюторство и модерацию. (рис. 2).

Проанализируем управленческий инструментарий, обеспечивающий эффективность реализации проекта «Акселератор дополнительного профессионального образования».

1. Трекерство можно определить в качестве относительно инновационного инструмента управления развитием проектов.

Отметим, что в управленческой и педагогической терминологии нет однозначного трактования термина «трекер». Изначально, заимствованный из айти-сферы, термин «трекер» имел отношение к компьютерной программе по созданию трековой музыки. Позднее появились GPS-трекеры, шорт-трекеры, тремеры сердечной активности и другие тремеры, то есть цифровые инструменты, позволяющие проводить те или иные исследования.

Совсем иное значение слово «трекер» приобрело в управленческой, педагого-психологической сферах. Оно обозначает специалиста, усилия которого направлены на раскрытие всего потенциала проектной команды, его деятельность заключается в оказании помощи команде в проверке рабочих гипотез, оценке целевой аудитории, в оценке качества управления проектом. Отметим, что роль трекера активна, но решения всегда принимают разработчики и реализаторы проекта.

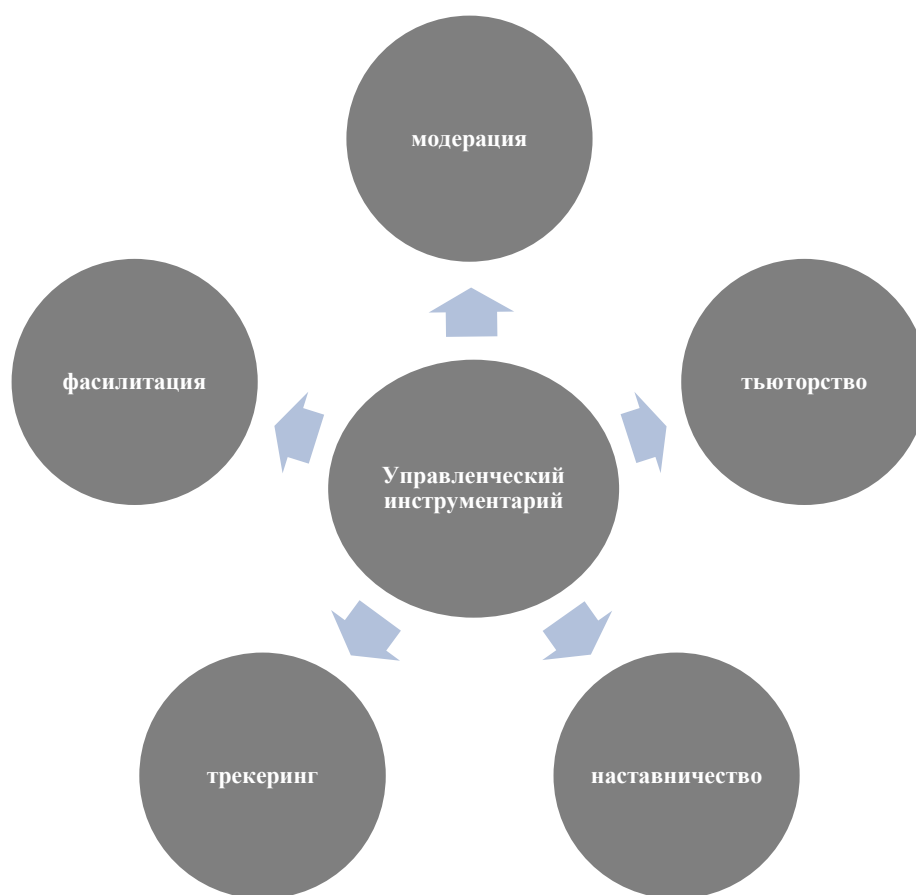


Рис. 2. Управленческий инструментарий педагогов-экспертов
Fig. 2. Managerial functionality of expert teachers

Еще одна проблемная область – это терминологическое определение деятельности трекера. Если использовать результат кальки, то есть перевода с английского языка, деятельность трекера может быть определена существительным *треккеринг*, однако русский термин, созданный по аналогии с терминами наставничество, учительство звучит как *трекерство*.

Трекерство популярно не только в образовательной, но и в корпоративной и бизнес-сферах. Трекер – это специалист, управляющий проектом опосредованно. Он не может давать команде (или автору проекта) конкретных указаний или советов, однако трекер при помощи открытого вопросно-диалогического метода на каждом этапе разработки проекта указывает разработчикам проекта на слабые места, на барьеры и вызовы, которые ухудшают количественную и качественную результативность проекта.

В рамках нашего исследования трекерство изучалось в качестве управленческого инструмента. К каждому автору проекта был прикреплен представитель Президентской Академии (трекер). В обязанности трекера входили

- консультации авторов проектов о домашних заданиях и самостоятельной работе,
- обсуждение содержания вебинаров и проблемных дискуссий, в которых принимали участия обучающиеся,
- обсуждения сложностей и барьеров, с которыми участники сталкивались в процессе разработки проектов и помощь в поиске решений.

Трекеры постоянно поддерживали обратную связь с разработчиками проектов, поддерживали их в интеллектуальном, психологическом и практическом плане.

Трекерство как управленческий инструмент предполагало постоянный анализ активности участников, стимулирование их креативной деятельности, разработку и помощь в продвижении по маршруту от идеи до реализации дополнительной профессиональной программы с уникальным авторским контентом.

2. В качестве другого инструмента управления проектированием дополнительных профессиональных программ было использовано *наставничество*. Наставничество предполагает прямую передачу практического опыта. Результатом процесса взаимодействия наставляемых (разработчиков программ) и наставников (педагогов Президентской Академии, носителей профессионального опыта по разработке и внедрению дополнительных профессиональных программ) стало приобретение обучающимися методологической и педагогической компетенций. Еженедельно для авторов разработчиков проводились вебинары и онлайн-тренинги, в рамках которых преподаватели-эксперты делились личным опытом, рекомендациями, пошаговыми инструкциями разработки и реализации образовательных проектов. В рамках таких занятий обучающиеся

- знакомились с нормативно-правовой системой, регламентирующей деятельность дополнительного профессионального образования;
- учились разрабатывать программы в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами;
- выявляли соответствия своих авторских программ и профессиональных стандартов, на которые ориентируются работодатели при приеме на работу новых сотрудников;
- учились оценивать и дифференцировать целевую аудиторию дополнительных профессиональных программ;
- учились взаимодействовать с разным контингентом студентов;
- учились оформлять программы в действующие документы.

Наставники активно передавали свой уникальный педагогический и методистский опыт для того, чтобы у проектировщиков программ, никогда не работающих в системе образования, появилась возможность самостоятельно разработать качественный и востребованный контент.

3. *Фасилитация* как инструмент управления проектированием дополнительных профессиональных программ была направлена на анализ обучающихся собственных возможностей и потенциалов. Представители разных профессиональных сфер начали свой путь в качестве проектировщиков программ со стадии оценки и рефлексии собственных возможностей. В первый месяц они изучали и оценивали свой компетентностный потенциал, искали слабые и сильные стороны в профессиональной деятельности и в личных качествах.

Совместно с фасилитаторами и в рамках самостоятельной работы обучающиеся определяли навыки и способности, которыми они обладают, заглядывали в «зону ближайшего развития», то есть анализировали свои потенциалы, то, что они пока не могут реализовывать самостоятельно, но способны выполнять при помощи педагога. К примеру, интересным опытом стало картирование (составление карты) собственных компетенций. Обучающиеся пользовались методом интраспекции, то есть самонаблюдения и старались беспринципно и объективно проанализировать свои способности. Они оценивали по 10-балльной шкале и визуализировали свою карту компетенций, составляя график-схему, на которой отображён уровень развития клиентоориентированности, работоспособности, умения принимать решения, стрессоустойчивости, системности мышления, способности к монотонной работе, критичности мышления, организаторских способностей, ораторского искусства, креативности, коммуникабельности, любопытства, контроля времени, аналитических навыков.

Мы считаем, что метод интраспекции на первом этапе проекта оправдан, потому что целью его внедрения было не просто определение реальных способностей, присутствующих у авторов-разработчиков дополнительных профессиональных программ. Его целью был «запуск» механизма постоянной рефлексии и самоанализа обучающихся.

Также, фасилитация предполагает видение, распознавание предконфликтных ситуаций и предупреждение конфликтного взаимодействия. Участники проекта дискутировали по многим вопросам и фасилитативная помощь периодически имела большое значение. Отметим, что в процессе реализации конфликта можно было наблюдать за развитием не только внешних, но и внутриличностных конфликтов. Некоторые участники не справлялись с интенсивностью и глубиной образовательной программы, появлялось желание бросить обучение. Фасилитаторы проводили беседы, выслушивали аргументы и страхи участников и, по возможности, возвращали авторов-разработчиков на траекторию обучения. Однако, некоторые участники все же выбывали из конкурсных мероприятий по причине низкой внутренней мотивации или внешних негативных факторов.

Фасилитация как управленческий инструмент предполагает поддержание наиболее комфортной и благоприятной для работы эмоциональной атмосферы. Участники проекта на протяжении всего обучения говорили о своих открытиях, новых эмоциях, огорчениях от осознания непрофессионализма в некоторых сферах и о радостях от приобретения и развития совершенно новых, не замечаемых до этого способностях. По мнению авторского коллектива, фасилитация выступает неотъемлемой частью образовательного процесса, потому что помогает формированию интерактивного, то есть открытого и честного взаимодействия между обучающимися и преподавателями.

4. *Тьюторство* как сопровождение индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся также использовалось в качестве управленческого инструмента. Обратим внимание на то, что все авторы-проектировщики программ были представителями абсолютно разных профессиональных сфер. Программы проектировали литераторы и представители IT-сферы, экологи и сотрудники туристической индустрии и мн. др. Обучение представителей разных профессий, разного социального статуса, людей разного возраста, интеллектуального и профессионального уровней невозможно организовать в единообразном формате.

В связи с этим использовалось тьюторство как инструмент индивидуального сопровождения в процессе обучения. Для кого-то процесс обучения был легким и интересным, но было сложно «упаковывать» авторские идеи в масштаб дополнительной профессиональной программы. Для кого-то сама педагогическая направленность обучения была новой и трудновыполнимой деятельностью. Каждый обучающийся требовал особого внимания и индивидуального подхода в процессе освоения дополнительной профессиональной программы. Тьюторство предполагало разработку индивидуальных образовательных маршрутов и следование этим маршрутам с учетом образовательных потребностей обучающихся.

5. Значимым инструментом управления проектированием дополнительных профессиональных программ выступает *модерация* (как процесс) и *модераторство* (как деятельность). Дифференцируя два этих понятия, мы делаем акценты на процессуальном и активном деятельностном признаке в семантике каждого из существительных.

Модерация подразумевает организацию процесса взаимодействия между авторами-разработчиками, участниками обучения и представителями образовательной организации и экспертным составом. Модераторство предполагает постоянный контроль и управление всем процессом развития проекта: своевременное предоставление заданий и алгоритмов их решения, сбор и проведение собраний для педагогического состава проекта, организацию и проведение вебинаров и тренингов, цифровую безопасность и бесперебойность при дистанционном формате, готовность и своевременность экспертной линии, управление обратной связью от фасилитаторов, наставников, тьюторов и трекеров. На модераторах *сходятся* все линии коммуникации между всеми участниками образовательного процесса. От их качественной и постоянной работы зависит успех реализации конкурсного проекта и результаты, к которым в финале подошли участники и их руководители.

Обратим особое внимание на то, что результатом акселерации стало проектирование авторами-разработчиками уникальных образовательных продуктов, в которых сконцентрированы и представлены результаты интеллектуальной деятельности участников и всей проектной команды. В этой связи в 2023 г. портфель образовательных программ, реализуемых Южно-Российским институтом управления Президентской академии, пополнился программами профессиональной переподготовки и повышения квалификации «Транспортная логистика», «Тренер-преподаватель. Специалист по физической культуре и спорту», «Методист образовательных программ» и «Гид-экскурсовод. Организация туристической деятельности».

Отметим, что используемый управленческий инструментариум универсален и может быть задействован в процессе подготовки кадров в других профессиональных направлениях.

Список источников

1. Балганова Е. В., Богдан Н. Н. Применение матрицы компетенций при проектировании образовательной программы по направлению подготовки «Управление персоналом» / В сборнике: Инновационные тенденции развития управления персоналом: образование и практика. Материалы региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2015. С. 46-53.

2. Кошкина С. М. Управление проектированием адаптированных образовательных программ для детей с ОВЗ / В сборнике: Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Пенза, 2018. С. 95–98.
3. Балакин М. А. Проектирование цифровой среды для управления основными образовательными программами в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 31–34.
4. Харитонов И. Ю., Смирнов С. П. Проектирование образовательных программ в области информационных технологий как процесс управления знаниями // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. Т. 11. № 1. С. 220–224.
5. Филимонюк Л. А., Сорокина Е. Н. Проектирование и реализация программы управления методической работой в образовательной организации среднего профессионального образования // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт". 2020. № 1. С. 23–36.
6. Петухова Г. В. Управление проектированием основной образовательной программы дошкольного уровня общего образования в образовательной организации // Дошкольное образование: опыт, проблемы, перспективы развития. 2015. № 4 (7). С. 69–71.
7. Самарханова Э. К., Имжарова З. У. Проектирование единой электронной платформы управления образовательными программами в вузе // Вестник Мининского университета. 2017. № 4 (21). С. 2.
8. Чандра М. Ю. Замысел и структура концепции управления качеством проектирования и реализации образовательных программ высшего образования // В сборнике: Методологические ресурсы качества педагогических исследований. Материалы международной сетевой научной конференции РАО «Методология научного исследования в педагогике» (посвящается 90-летию со дня рождения академика РАО В. В. Краевского). Под ред. В. В. Серикова и В. К. Пичугиной; сост., научн. подгот. текста и подбор фотоматериалов В. К. Пичугиной. Волгоград, 2016. С. 208–213.
9. Баранов А. В., Котлярова О. В., Овчаренко Р. К., Тагаев А. В. Потенциал системы дополнительного профессионального образования для государственных служащих // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 18–26.

References

1. Balganova E. V., Bogdan N. N. Application of the competence matrix in the design of an educational program in the field of training "Personnel management". In: *Innovative trends in the development of personnel management: education and practice*. Materials of the regional scientific and practical conference. Novosibirsk; 2015: 46–53. (In Russ.)
2. Koshkina S. M. Management of the design of adapted educational programs for children with disabilities. In: *Science and innovation in the XXI century: topical issues, discoveries and achievements. Collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference*: in 3 hours. Penza; 2018: 95–98. (In Russ.)
3. Balakin M. A. Designing a digital environment for managing basic educational programs at a university. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimut of scientific research: pedagogy and psychology*. 2020; 9(2(31)):31–34. (In Russ.)
4. Kharitonova I. Yu., Smirnov S. P. Designing educational programs in the field of information technology as a process of knowledge management. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie = Modern information technologies and IT education*. 2015;11(1):220–224. (In Russ.)
5. Filimonyuk L. A., Sorokina E. N. Design and implementation of the program of methodological work management in the educational organization of secondary vocational education. *Nauchnyi vestnik Gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Nevinnomysskii gosudarstvennyi gumanitarno-tekhnicheskii institut" = Scientific Bulletin of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute"*. 2020;(1):23–36. (In Russ.)
6. Petukhova G. V. Design management of the basic educational program of preschool level of general education in an educational organization. *Doshkol'noe obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitiya = Preschool education: experience, problems, development prospects*. 2015;(4(7)):69–71. (In Russ.)

7. Samerkhanova E. K., Imzharova Z. U. Designing a unified electronic platform for managing educational programs at the University. *Vestnik Mininskogo universiteta = Bulletin of the Mininsky University*. 2017;(4(21)):2. (In Russ.)

8. Chandra M. Yu. The idea and structure of the concept of quality management of design and implementation of educational programs of higher education. In: *Methodological resources for the quality of pedagogical research. Materials of the international network scientific conference of RAO "Methodology of scientific research in pedagogy" (dedicated to the 90th anniversary of the birth of Academician of RAO V. V. Kraevsky)*. Edited by V. V. Serikov and V. K. Pichugina. Volgograd; 2016:(208–213). (In Russ.)

9. Baranov A. V., Kotlyarova O. V., Ovcharenko R. K., Tagaev A. V. The potential of the system of additional professional education for civil servants. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2020;(1):18–26. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Баранов – заместитель директора ЮРИУ РАНХиГС.

О. В. Котлярова – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС.

А. В. Тагаев – кандидат экономических наук, директор информационно-технологического центра ЮРИУ РАНХиГС.

В. М. Ганеева – директор проекта центра дополнительного образования Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the authors

A. V. Baranov – Deputy Director of South-Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

O. V. Kotlyarova – Candidate of Philology Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of Vladimir branch of RANEPA.

A. V. Tagaev – Candidate of Economic Sciences, Director of the Information Technology Center of the South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

V. M. Ganeeva – Project Director of the Center for Additional Education of the South Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 17.04.2023.

The article was submitted 22.03.2023; approved after reviewing 14.04.2023; accepted for publication 17.04.2023.

Научная статья

УДК 352

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-19-38

СОЗДАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ГОРОДСКОЙ НИЗОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ И ЛОГИКА ИХ СТРОИТЕЛЬСТВА: НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА МОДЕЛИ САМОУПРАВЛЕНИЯ «ГОСТЕВАЯ КОМНАТА» В РАЙОНЕ ЦИНПУ, ШАН, КНР

Вен Ман

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, КНР, 13170602962@163.com

Аннотация. В 2019 году на четвертом пленуме ЦК КПК 19 созыва было подчеркнуто «ускорение модернизации городского общественного управления», что имеет большое теоретическое и практическое значение. В 2020 году пятое пленарное заседание ЦК КПК 19 созыва дополнительно выдвинуло такие требования, как «укрепление и внедрение инноваций в городском общественном управлении», «повышение уровня городского управления и усиление предотвращения рисков и контроля в управлении мегаполисами», что является следующим шагом в продвижении системы управления городским хозяйством, а модернизация возможностей управления указывает путь. Муниципальное общественное управление является важным аспектом государственного управления и играет ключевую роль в государственной системе управления. Это требует точного анализа и проявления взаимосвязи между государственным и местным управлением, управлением на низовом уровне и социальным управлением, городским, уездным и сельским социальным управлением округа. Это также способствует органичному сочетанию «самоуправления, нравственности и верховенства закона» в целях настоящей реализации на практике порядка общественного функционирования, в котором реализуется самоуправление, верховенство нравственности является наиболее важным, верховенство закона прочно, а политика упорядочена [1]. Институциональная конструкция и инновации механизмов городского социального управления обязательно требуют, чтобы содержание и поведение управления были скоординированы в соответствующих пространственных регионах и элементах управления. Необходимо выделять и корректировать существенные элементы управления в соответствии с местными условиями, гибко и удобно формировать сочетание и реконструкцию элементов управления разного уровня, разного типа и разной тематики. Требуется оптимизация пространственного масштаба социального управления в городских районах, содействие смещению фокуса управления вниз и укоренение самоуправления. Необходимо постоянно укреплять точки опоры и основу модернизации городского социального управления, еще лучше формировать интегрированную систему социального управления между городом и деревней, предусматривающую связь между верхними и нижними уровнями, горизонтальное взаимодействие, а также систему социального управления интеграции города и деревни с интеграцией данных. Также следует эффективно задействовать ценность и функции органов управления на низовом уровне, берущие на себя важную задачу по продвижению модернизации государственного управления [2].

Ключевые слова: муниципальное управление, управление на низовом уровне, модернизация управления, гостевой дом, Китай

Для цитирования: Вен Ман. Создание элементов городской низовой социальной автономии и логика их строительства: на основе анализа модели самоуправления «гостевая комната» в районе Цинпу, Шан, КНР // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 19–38. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-19-38>

UNIT CONFIGURATION AND CONSTRUCTION LOGIC OF GRASSROOTS SOCIAL SELF-GOVERNANCE IMPLEMENTATION IN URBAN AREAS: AN ANALYSIS BASED ON THE "KETANGJIAN" SELF-GOVERNANCE MODEL IN QINGPU DISTRICT, SHANGHAI, CHINA

Wen Man

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China, 13170602962@163.com

Abstract. In 2019, the Fourth Plenary Session of the 19th Communist Party of China Central Committee emphasized the "acceleration of modernizing urban social governance," which has significant theoretical and practical implications. In 2020, the Fifth Plenary Session of the 19th Communist Party of China Central Committee further proposed requirements such as "strengthening and innovating urban social governance" and "improving the level of urban governance and strengthening risk prevention and control in mega-city governance," pointing out the direction for the next step of modernizing the urban governance system and governance capacity. Urban social governance is an important dimension of national governance and plays a pivotal role in the national governance system. This requires accurate analysis and clarification of the relationship between national governance and local governance, grassroots governance and social governance, urban governance and county-level social governance, and village governance, and promoting the organic combination of the "system of self-governance, governance based on moral principles, and governance by law," to truly achieve the orderly social operation of self-governance, governance based on moral principles, powerful governance by law, and orderly politics. The construction of the institutional framework and mechanism innovation of urban social governance requires the governance content and behavior to be located in appropriate spatial areas and governance units, to flexibly and conveniently form combinations and reconstructions of governance units of different levels, types, and subjects according to local conditions. To optimize the spatial scale of urban social governance, shift the governance focus downwards, and continuously consolidate the pivot and base of modernizing urban social governance, in order to better form a rural-urban integration social governance system with top-down linkage, horizontal interaction, facility connectivity, and data integration, and effectively give full play to the value and function of grassroots governance units to undertake the heavy responsibility of promoting the modernization of national governance.

Keywords: Urban Social Governance, Grassroot Governance, Modernization of Governance, Guesthouse, China

For citation: Wen Man. Unit configuration and construction logic of grassroots social self-governance implementation in urban areas: an analysis based on the "Ketangjian" self-governance model in Qingpu district, Shanghai, China. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):19-38. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-19-38>

1. Обоснование вопроса

Городское общественное управление является подсистемой в государственном управлении. Городское управление является важной частью содействия модернизации государственной системы управления и возможностей управления, а также укрепления центров управления, существующих между макрогосударственным управлением и микроуправлением на низовом уровне. Только поместив муниципальное управление в контекст интеграции и развития городских и сельских районов, мы сможем в дальнейшем развернуть роль городского социального управления как связующего звена между прошлым и будущим и преодолеть дилемму одномерного и фрагментарного управления.

Начиная с уровня города, еще более необходимо реагировать на все более разнообразную и сложную реальность управления городскими и сельскими окраинами и пригородными районами в соответствии с требованиями городской и сельской интеграции, сосредоточив внимание на перспективе общего планирования, целостности и координации, а также на учете потребностей управления основными городскими районами, окраинными районами и переходными районами, рационально создавая многоуровневые и многотипные единицы управления и оптимизируя органичное сочетание их пространственных функций. С одной стороны, необходимо способствовать

урбанизации, упорядоченным и щадящим образом содействуя ведущей роли города для сельской местности. С другой стороны, успех возрождения сельской местности заключается не только в самой сельской местности, но и в учете устойчивости городов за пределами сельской местности. Связь между городскими и сельскими районами не может быть односторонней, и только так возможно подчеркнуть управленческие характеристики сосуществования городских и сельских районов в низовом обществе. Это также означает, что «сельский» характер городского и сельского низового общества неизбежно будет претерпевать изменения и коррективы в правилах управления в процессе трансформации его пространственной структуры. Необходимо перестроить и реконструировать систему субстантивных элементов управления и их органическое сочетание.

В административной структуре нашей страны прослеживается такой последовательный порядок: провинция (автономные районы, города прямого подчинения) – местный уровень (города, области, аймаки местного уровня) – уезд (районы, города уездного уровня) – волость и поселки (улицы). Общинные районные комитеты стали важной частью оказания общественных услуг, основной единицей распределения административных ресурсов, но источник социальных конфликтов и угроз общественной безопасности, как и основа города, лежит в сообществе. Если управление городским сообществом часто основывается на микрорайоне, то управление сельской местностью должно осуществляться в деревне.

Модель управления, которая останавливается на уровне сообщества или институционального уровня деревни, не может иметь дело со сложными городскими сообществами. Без возможности интегрировать различные деревни центр общественного управления неизбежно сместится к самой микроскопической единице управления. Благодаря реконструкции элементов управления и модели их комбинирования самоуправление будет реализовано по-настоящему для того, чтобы использовать общую реформу социального управления. В настоящее время, когда центр тяжести общественного управления оседает, а сложности управления возрастают, все регионы достигли целей эффективного управления, основанных на самоуправлении и на рассмотрении предложения государственных услуг и эффективности управления, а также на гибком поиске соответствующих масштабов и единиц масштаба между самоуправлением и совместным управлением для достижения результатов эффективного управления. Например, деревенский совет «групповой трехуровневой связи», практикуемый в Цинъюане, провинция Гуандун, «сетевое» управление, впервые появившееся в Чжэцзяне, «15-минутная жилая зона», исследованная в Шанхае, а также строительство точек добрососедства и создание общинных «соседских площадей». Все они изучают вопрос интервализации и соответствующего масштаба для низовых единиц социального управления.

В последние годы Шанхай полностью реализовал дух 19-го Всекитайского Съезда КПК, руководствуясь построением современного социалистического интернационального мегаполиса, сосредоточив внимание на проведении реформ управления на низовом уровне и постоянно укрепляя механизмы и системные инновации. Опираясь на четырехуровневую организационную систему город-район-улица-поселок-село, общественное управление достигло замечательных результатов, при этом поддерживая хорошую тенденцию к общей гармонии, стабильности и порядку в городском обществе. С точки зрения сферы управления, муниципальное и общественное управление Шанхая должно не только подчеркивать городское доминирование мегаполиса международного масштаба, но и учитывать излучение окружающих городских агломераций в целом, а также обращать внимание на упорядоченность сообществ нового типа, охватывающих обширные пригороды, и трансформацию сельского общества, а также характерные черты городского и сельского параллелизма в городских районах.

Что касается реформы органов управления, улицы и поселки получили более широкие, более эффективные и более действенные общие координирующие полномочия. Благодаря разработке самых основных и важных органов управления на низовом уровне партийное строительство ведет к самоуправлению и совместному управлению для достижения выдающихся результатов. Продолжают появляться такие примеры, как «Прекрасный край родной», «Край созвучных сердец», «Партийное строительство по соседству», городской добрососедский центр «Сборник гостевых комнат», бренд управления сельскими районами «гостевые комнаты» и инновации в управлении на низовом уровне. В то же время городское и сельское низовое общество также сталкивается с такими вызовами, как недостаточная сбалансированность государственных услуг, слабая правоохранительная деятельность в условиях наделения улиц, поселков и сел, единичные социальные

конфликты и риски, подвешенность и слабость самоуправления в условиях нравственного правления.

Следует корректировать и реконструировать вопросы масштаба, эффективные элементы управления и их комбинации, продвигать внедрение самоуправления для обеспечения эффективного управления на низовом уровне, активизировать жизнеспособность местного самоуправления, развивать и использовать основные характеристики единиц самоуправления, формировать «множественное эффективное управление», что становится важной темой, требующей внимания при преобразовании городского социального управления на низовом уровне.

II. Краткий обзор литературы: организация низового общественного пространства и основание элементов управления

Социальное управление на низовом уровне является микроосновой государственного и местного управления. Чжоу Сюэгуан выдвинул «масштаб управления» как важный аспект государственного управления и определил его как «пространственный масштаб и фактическое содержание государственного управления, управления и интеграции территории, находящейся под его юрисдикцией, и людей, живущих на ней».

В отличие от государственного и местного управления, общественное управление на низовом уровне непосредственно обращено к людям и является ядром и коренной основой общественного управления. Как правило, принято определять правительства уровня уездов как низовые правительства, а общества ниже уровня уездов определять, как низовые общества. Основными административными единицами, вовлеченными в низовое общество, являются города и поселки. В строгом смысле, улицы являются делегированными учреждениями уездного (районного) уровня власти и не относятся к органам государственной власти первого уровня. Однако в реальной административной практике мы как правило рассматриваем улицы и поселки как основные административные организации низового общества, чьими основной функцией является общественное управление. Городские и сельские районы, сообщества и деревни являются фоном низового общества, пересечением различных отношений интересов, точкой аккумуляции социальных конфликтов и точкой приложения силы для социального строительства [1].

Дилемма, с которой на данном этапе сталкивается общественное управление на низовом уровне, заключается в степени соответствия между созданием элементов управления и эффективностью практики самоуправления. «Подходящий масштаб» стал важным показателем для исследований и практики управления. В текущей ситуации с тяжелыми задачами общественного управления и огромным давлением на низовом уровне определение соответствующего организационного масштаба и определение подходящих единиц управления является ключом и основой для продвижения самоуправления жителей и повышения эффективности управления на низовом уровне [3].

Основываясь на практическом опыте исследований в некоторых областях, академические круги реагируют, демонстрируют и размышляют о проблемах низовых единиц общественного управления с точки зрения академической теории. Из-за различий во взглядах разных ученых на проблему в академических кругах возникают определенные дискуссии. Данные дискуссии в основном вращаются вокруг двух аспектов: во-первых, это метод, который следует принять для корректировки низовых элементов общественного управления, то есть спор о пути; во-вторых, откуда берется основа для корректировки элементов управления, то есть идентификация факторов влияния. В первом случае акцент делается на том, каким образом добиться баланса между административным и общественным характером, а во втором случае большее внимание уделяется факторам, влияющим на эффективность управления.

Самым идеальным элементом управления является единица «город-государство», получивший высокую оценку в классической политике. И Платон, и Аристотель считали, что численность населения и географическая протяженность являются наиболее важными для эффективности самоуправления города-государства. Размер города-государства «не может превышать оптимальный предел, он должен быть достаточно большим, чтобы поддерживать правление, и достаточно маленьким, чтобы защищать его всеми средствами» [4]. Наиболее подходящей численностью населения для города-государства является максимальное количество людей, при котором люди могут комфортно жить на самообеспечении и легко поддаваться надзору. Здесь можно видеть, что единица «город-государство» похожа на низовой социальный элемент с точки зрения городского

общества, в основном ориентируясь на систему пространственных услуг, состоящую из улиц, поселков, деревень и групп.

Направление исследования оседания элементов самоуправления, предложенное учеными, представленными Сюй Юном, очень полезно для этой статьи. Будучи практическим элементом самоуправления сельских жителей, структурные деревни сталкиваются с двумя трудностями:

Во-первых, самоуправление представляет собой прямой демократический акт с участием сельских жителей. Будучи организационным элементом самоуправления сельских жителей, структурные деревни часто выходят за границы общества знакомых людей с родственными интересами, географической близостью, культурными связями и определенными масштабами. Таким образом, будучи элементами самоуправления, структурные деревни сталкиваются с дилеммой высоких организационных затрат и неэффективной организации [5].

Во-вторых, в условиях системы, основанной на давлении, большой комплекс административных задач низовых органов власти должен быть реализован через сельские комитеты структурных деревень, что приводит к тому, что «сельские комитеты» «администрирование» и «бюрократизация» сельских кадров напрямую влияют на энергию и способность сельских комитетов к организации селян в деле реализации самоуправления.

Основываясь на анализе непригодности структурных деревень в качестве единиц самоуправления, ученые далее предлагают сместить фокус самоуправления вниз и исследовать новые формы самоуправления сельских жителей с естественными деревнями и группами сельских жителей в качестве единиц. На уменьшенном уровне единицы самоуправления легко сформировать основные условия самоуправления, такие как заинтересованность, умеренный масштаб, культурная связь, географическая близость и добровольные массы. Также легко сформировать осведомленность о правилах, социальные связи, эндогенную власть, эндогенное сообщество и другие условия для содействия эффективному самоуправлению [6].

Однако дискуссии об оседании элементов самоуправления и форме реализации не решили проблемы реализации самоуправления и эффективного управления. Невнимание к субъектности элементов самоуправления и невыяснение логики построения сообщества элементов самоуправления, отсутствие отслеживания происхождения и культурной основы сообщества самоуправления, – все это привело к недостаточности отслеживания происхождения и культурных корней сообществ самоуправления. Таким образом, элемент управления лишь определяет организационные границы управления на уровне деревни, а логика действий и методы управления нескольких диверсифицированных субъектов внутри элемента являются ключевыми факторами, формирующими состояние управления на уровне деревни.

Кроме того, с точки зрения объектов исследования, приводимая в качестве примера «гостевая комната» Цинпу имеет исследовательскую ценность, отличающуюся от предыдущего случая демонстрации «Сборника гостевых комнат» в Шанхае. Культура «гостевых комнат», богатая народными традициями и широко распространенная в пригородах Шанхая, была найдена и идентифицирована как эффективный ресурс для интегрированного управления.

Благодаря административному руководству и поддержке [7], сопоставление и сочетание комнат с подразделениями управления на разных уровнях сети предварительно показали преимущества в практике управления на низовом уровне [8]. Однако при предыдущем анализе больший упор делался на анализе политической функций «гостевой комнаты», демонстрируя «плоды» этого нововведения в деле самоуправления. При этом не было углубления до «корней», лежащих за этим, не были проанализированы глубинные основные характеристики работы гостевой комнаты и логика ее действий, и анализ логики самоуправления все еще нуждается в более углубленном подходе.

Поэтому, исходя из обсуждения разумного масштаба автономных элементов, в данной статье основное внимание уделяется различиям в уровне сельского управления с точки зрения исследования, а также определяются границы самоуправляемых сообществ с точки зрения естественной политической логики, в целях поиска механизма баланса политики, администрации и социального самоуправления, между управлением и самоуправлением. Основной анализ включает в себя три уровня: во-первых, с двух точек зрения трансформации сельского порядка и исчерпания ресурсов управления, производится анализ влияния системы административного давления на низовое

управление и на формирование и эффективность самоуправления; во-вторых, анализируется мотивация и значение возрождения самоуправления сельских жителей на фоне оседания управленческих услуг.

III. Краткий обзор низовых общественных характеристик и структуры управления в районе Цинпу

В «Мнениях по реализации об ускорении планирования и строительства новых городов в течение 14-й пятилетки», опубликованных муниципальным правительством Шанхая в 2021 году (далее именуемых – «Мнения»), четко определены цели строительства пяти крупных новых городов Шанхая¹. В «Мнениях» предлагается, чтобы к 2035 году пять новых городов в основном сформировали независимые муниципальные функции и имели статус комплексных узловых городов в городской сети дельты реки Янцзы. Новые города не будут ни городами-спутниками, ни пригородными центрами, что означает изменение и оптимизацию городского пространства и промышленной структуры. В их числе район Цинпу является единственным районом, который граничит как с провинцией Цзянсу, так и с провинцией Чжэцзян.

Основываясь на стратегической миссии дислокации нового города и круговых отношениях, общее позиционирование Нового города Цинпу с точки зрения улучшения основных функций города и основной конкурентоспособности таково: это будет город-врата Шанхайской агломерации, центральный город демонстрационной зоны интеграции и город-хаб муниципальной агломерации дельты реки Янцзы. Требования развития «быт прежде всего, интеграция промышленности и города, зеленая экология» означают, что ведущие функции центрального города и оживление сельской местности будут идти рука об руку. В условиях органического обновления старых районов и планомерного развития новых городов в пригороде, социальное управление усложняется, и на первый план выступают характеристики открытости. Приведение низового общества района Цинпу в качестве образца является типичной моделью городского социального управления, которая полезна для углубленного обсуждения современного выбора городских и сельских элементов социального управления на местах.

(1) Городские и сельские низовые социальные характеристики и опыт управления строительством нового города Цинпу

1. Новый город высвободит огромные городские мощности, а простор для пригородного управления мешает прецизионному управлению

С точки зрения целей строительства и стратегии развития «Нового города» в районе Цинпу, городская субурбанизация Цинпу и сельская эксурбанизация сливаются в двух направлениях, и повседневная жизнь пригородных сообществ имеет очевидные характеристики урбанизации и сельской местности. Строительство инфраструктуры и формирование новых коммерческих и жилых центров дает начало формированию поэтапной схемы заселения городов приезжающими в Шанхай людьми. Особенно будет усложняться и диверсифицироваться жилое пространство пригородных поселков и сельских поселений.

В дополнение к тесным отношениям между городом и деревней возникла новая социальная изолированность между городом и деревней. Возьмем, к примеру, деревню Бэйсинь в поселке Хуасинь. Традиционная схема отсутствия садов изменилась после реконструкции жилых домов и строительства вилл. Реконструированное жилье вперемешку с виллами после новостройки сменилось на традиционную структуру жилья без садовых насаждений. Была сформирована планировка дворового пространства с разделением аренды и жилья, а наплыв большого количества приезжающих в Шанхай людей резко контрастирует со структурой населения местных жителей. Нормой стали такие явления как инверсия населения на низовом уровне и высокая мобильность людей, приезжающих в Шанхай. Кроме того, тенденция внедрения предприятий паркового строительства в строительство новых городов еще больше усилила тенденцию к усложнению структуры управленческого персонала и открытому управленческому пространству. Приезд в пригороды большого количества людей, также и принес в сообщества большое количество противоречий.

¹ 十四五规划中，确立嘉定、青浦、松江、奉贤、南汇区为五大新城。

Во время 14-й пятилетки районы Цзядин, Цинпу, Сунцзян, Фэнсянь и Наньхуэй были утверждены как пять крупных новых городов.

По сравнению со зрелыми городскими сообществами переходные пригородные сообщества труднее отслеживать и контролировать. Отсутствие стабильных и контролирующих организаций самоуправления на низовом уровне еще больше ограничивает прецизионность и эффективность социального управления на низовом уровне.

2. Органическое обновление старых районов и подъем большого количества новых крупных сообществ.

Большое давление на изменение структуры и интеграцию сообщества

Район Цинпу изменил свой статус с окраины страны на стройку международного центра, и возникло большое количество сообществ «поселкового управления» или «поселковой зоны». С точки зрения новых и обновленных типов сообществ, здесь сосуществуют не только старые городские трактиры, старые дворы, но и открытые старые жилые кварталы, переселенные крестьянские поселения и переселенные общины, доступное жилье и коммерческое жилье. Высокая плотность жизни резко контрастирует с отчуждением общения и признания, а интеграция сообщества управления и сообщества района находится под большим давлением.

3. «Многоадресность» как характерная черта жизни городских и сельских жителей в новом градостроительстве. Сложный и полиэлементный характер противоречий и потребностей после бытовой трансформации

Кроме того, судя по современной тенденции эволюции образа жизни жителей низовых сообществ на окраинах города Цинпу, постепенно проявляются признаки «эксурбанизации», «урбанизации» и многоадресности, формируется система, которая требует позитивных изменений и ответов на городские и сельские системы общественного управления. Разнообразие моделей проживания сельских жителей предполагает неизолированность пригородных сообществ, показывая, что фокус возрождения села лежит не только в ключевых узлах и звеньях, но и в сбалансированности и устойчивости континуума. Семейная единица одновременно обладает жилыми характеристиками «локализации, многоадресности, эксурбанизации и новой урбанизации». Жилищное многообразие «не крестьян» [9] в сельской местности формирует новую низовую социальную структуру, превращая ее в открытый и динамичный фактор интеграции городских и сельских территорий. После корректировки нового градостроительного плана компактность сельской жилплощади заставляет более активно участвовать и уделять внимание деревенским делам, а не пассивно на это реагировать.

(2) Создание низовой структуры общественного управления и основных элементов управления в районе Цинпу

В 2014 году Шанхайский городской партийный комитет запустил исследование «Проект № 1» на тему «Инновации в общественном управлении и укрепление низового строительства», начав реформу уличной системы, ориентированной на общественные услуги, и сфокусировав внимание низовой работы на сферах государственных услуг, государственного управления и общественной безопасности, тем самым заложив прочную основу для развития городского социального управления. Реформированное городское низовое управление в Шанхае сформировало сложную управленческую иерархию «улицы (поселки) + интегрированные сервисные платформы / отделы вертикали + сообщества + небольшие функциональные платформы», тем самым нарушив одноуровневую структуру управления и сформировав общую систему управления нового типа, основанную на лидерстве партийного строительства, многоуровневой открытой, многоблочной интеграции и порайонной координации.

В дальнейшем мы будем использовать район Цинпу, чтобы объяснить сокрытую логику между структурой власти низового управления и системой пространства управления – каким образом сформировать эффективный баланс между административными и социальными аспектами.

Во-первых, следует сместить фокус управления вниз, расширить полномочия и возможности на уровне улиц и поселков, укрепить интегрированное управление партией и правительством с рабочим комитетом улиц и поселков в качестве ядра власти, скоординировать распределение служебных ресурсов, а также повысить общую эффективность управления. Улицы и поселки образуют комплексные единицы с административными, налоговыми, правоохранительными, обслуживающими и хозяйственными функциями.

Во-вторых, между улицами, поселками и сообществами учреждаются комплексные функциональные платформы, включающие центры административного обслуживания, центры городского транспорта, центры управления сетью и центры партийно-массового обслуживания. Формируется организация публичного обслуживания, усиливается способность координировать и сотрудничать между функциональными отделами, ориентированными на решение проблем, и значительно улучшается оперативность низового правительства. Среди них появляется низовая модель управления на основе сетки. «Сетка» используется для разграничения объема рабочих обязанностей различных субъектов управления, таких как отделы подразделений. Информация и ресурсы разных организаций могут совместно использоваться в «сетке», которая становится методом управления, наложенным параллельно с исходным режимом управления «сообществом». В частности, подключение горячей линии обслуживания граждан «12345» и функции реагирования на чрезвычайные ситуации к сетевой системе поможет повысить точность и эффективность управления.

В-третьих, следует построить крупномасштабную жилую систему «управляемого городом сообщества», сформировать комплексный центр обслуживания через районные комитеты и общественные районы, создать «элементы базового управления и обслуживания», а также усилить предоставление государственных услуг и объектов общей инфраструктуры. Однако также из-за того, что масштаб управления слишком велик, точности управления недостаточно.

Четвертое – это деревенская система (система сообщества), с институциональным сообществом или административной деревней в качестве элемента, для создания стандартизации сообщества «одна станция, два центра»¹ и поддержки строительства.

Пятое – это уровень сельской группы, которая является основным кругом самоуправляющихся элементов, однако на уровне ниже сельского комитета у группы сельских жителей есть только один руководитель группы. На самом деле, очень сложно играть роль организатора самоуправления сельчан, и легко столкнуться с дилеммой «приостановки самоуправления» из-за приносимой администрированием окраски.

Шестое – это исследование элементной матрицы деревень (естественных деревень, соседств, сообществ и даже домохозяйств), которые станут реальными элементами самоуправления при «осуществлении самоуправления». С помощью таких форм реализации самоуправления, как «гостевая комната», «система глав домохозяйства» и «ассоциация экономического сотрудничества» и т. д., формируются наложенные параллельные эффекты, и большинство из них являются коллективными экономическими производственными элементами или элементами активных союзных контактов.

Из создания вышеуказанной структуры управления нетрудно увидеть, что сельские низовые единицы общественного управления уровнем ниже района Цинпу (городского класса) разнообразны и сложны и образуют систему управления с перекрывающимися друг друга партийным и правительственным, перекрестным и межведомственным управлением. С точки зрения пространства, ситуация «полиэлементного» властного сотрудничества, образованная интеграцией блоков, линий и блоков под руководством и лидерством партийного строительства низового общественного управления на улицах и в поселках, означает повышение уровня власти низового управления и диверсификацию управленческих полномочий. Однако это также означает, что все это может сползти к методам административного управления, таким как чрезмерное вмешательство во многочисленные проекты для обеспечения выполнения требований управления. Это может легко привести к тому, что организационные уровни более низкого уровня столкнутся с ситуацией перегруженного пассивного предложения государственных услуг. С функциональной точки зрения, правительства районного уровня имеют политические полномочия для формирования политического центра; улицы, поселки и крупные жилые дома имеют административные и служебные функции, а деревенские резиденции, группы и естественные деревни имеют автономные функции. Нормативный характер требований самоуправления очевиден, но независимость нуждается в повышении уровня.

¹ 党建服务站、综治中心和社区事务受理中心三个社区标准化建设 Строительство трех общественных стандартизаций: станция обслуживания партийного строительства, комплексный центр управления и центр приема общественных дел.

IV. Практическое состояние модели сельского самоуправления «гостевой комнаты» Цинпу

(1) Цели и основы модели самоуправления «гостевая комната»

Слово «客堂间» происходит из шанхайского диалекта, оно звучит как «Khek Dhang Ke», и означает «гостевая комната». В шанхайском диалекте оно не только означает «гостевая комната», но и представляет собой своего рода гостеприимное отношение, где «каждый, кто приходит, является гостем», а хозяин должен предоставить самое лучшее, чтобы как следует принять гостя. Это пространственное поле для повседневных контактов. Изначально гостевая комната была деревенской комнатой для приема гостей, друзей и соседей в пригородах Шанхая.

В период коллективизации в народные коммуны сообщения обо всех крупных государственных делах или политики, посредничества в различных конфликтах и спорах в деревне, а также распределение производственных задач - все это осуществлялось в гостевой комнате дома способного человека деревни – сельского партийного секретаря. Гостевая комната получила широкое признание как важный носитель общественного управления [10].

Гостевые комнаты издавна существуют в сельской местности Шанхая, и жители деревни постоянно собираются в гостевой комнате «Озеро Гашань». Район Цинпу открыл и воссоздал эту традиционную связь между сельскими жителями и укрепил ее развитие и руководство. В 2018 году в ответ на общие требования горкома и райкома партии по «новаторскому общественному управлению и укреплению низового строительства», на фоне инновационного сельского управления в целях содействия возрождения села, механизм «возглавляемой правительством ответственности деревенских комитетов, добровольного участия сельских жителей и общественного участия» сформировал новый способ многопартийного участия и многосторонней интеграции и развития, эффективно способствуя распространению демократии на низовом уровне в сельских группах, для содействия трансформации методов управления и улучшения обсуждения и демократического принятия решений на низовом уровне.

В соответствии с духом документа «Руководящие мнения Управления по гражданским делам о подготовке и развитии демонстрационных мест для престарелых в муниципалитете» (Выпуск о престарелых в Шанхае [2017] № 9), была инновационно продвинута новая концепция добрососедской гостиницы. Районное управление по гражданским делам сформулировало и обнародовало «Технические условия работы добрососедских гостевых комнат в районе Цинпу», «Стандарты оценки строительства гостевых комнат добрососедства в районе Цинпу» и другие документы, начав строительство «гостевых комнат» в качестве носителя. Это продвинуло изучение новых путей содействия трансформации методов управления на низовом уровне и создания модели социального управления совместного строительства, совместного управления и совместного доступа к благам. На основе положительного отклика на раннем этапе, в 2019 году было выпущено «Мнения о реализации дальнейшего продвижения строительства «Гостевой комнаты», в целях углубления создания массового бренда самоуправления «Гостевая комната» со спецификой района Цинпу, а также уточнения критериев оценки создания «Гостевой комнаты», механизма работы, норм активности и других нюансов.

К концу 2021 года в районе было построено 1055 «гостевых комнат», обеспечивающих полное покрытие улиц, поселков и деревень. Улицы и поселки также создали бренды для жилых помещений, такие как «Спокойствие», «Соседство Цзиньсян», «Уголок для бесед» и «Землячество переулка» и т. д. Посредством практики «Бабушкиного чая», «Дедушкиного управления», «Старого шурина» и других методов обсуждения и убеждения с местными корнями они проникли вглубь народа, чтобы разрешать гражданские конфликты, решать споры и приходить к общественным дискуссиям. Эти гостевые комнаты стали «залами собраний» и «комнатами посредничества» для самоуправления и совместного управления сельскими жителями, «микроклассами» для обучения сельских жителей, «выставочными залами» для народной культуры и «собраниями народных сердец» для душевных встреч.

Создание гостевой комнаты сужает сферу управления сельским самоуправлением, и распространяет «крупные элементы» сельского самоуправления на «мелкие» сельские группы, формирует многоуровневое, трехмерное низовое самоуправление, эффективно стимулирующее новую жизненную силу сельского самоуправления.

Стоит отметить, что вышеупомянутые гостевые комнаты не существуют по отдельности, а встроены в «сетку» блока партийно-массовых отношений под руководством партийного строительства и создают (10-20 дворов) систему «глав домохозяйств» для дополнительного контроля за пробелами в управлении, а также координации и интеграции с другими организационными системами; во-вторых, с точки зрения пространственной организации она отличается от построения соседних общественных пространств, таких как «гостевая комната» в городских районах. За реальными достижениями построенной в Цинпу «гостевой комнаты» к ней пришла и слава. Как правило, гостевые комнаты устраиваются в домах сельских групп, а некоторые из них расположены в центрах обслуживания сообщества. Очевидно, что комнаты первого типа имеют большое значение, позволяя публично делиться личными делами, и являются важным полем «гражданзации» для перехода от частной сферы к публичной, роста и трансформации общественного сознания от «индивидуальных понятий без общественной морали» к «общественной деятельности с гражданским сознанием».

В-третьих, с точки зрения элементов управления нижнего уровня, гостевая комната в целом устанавливается на уровне «деревенской группы», дополненной матричными элементами, такими как «деревня», «район» и «домохозяйство» для слаженности пространства управления, с полным учетом различий в радиусных структурах, таких как естественные географические, культурные и общественные границы. Это позволяет реально выразить общественное сознание самоуправления, эффективно устраняет приостановку самоуправления на уровне сельской группы и разбавляет административную окраску.

Из вышеприведенной настройки видно, что гостевая комната основана на общем развертывании надежной рабочей сетки на низовом уровне, что изменяет шаблон «деревня реальная – группа виртуальная», а также дает полную свободу силам на уровне ниже деревни и расширяет присутствие низового общественного управления. Происходит расширение вниз на основе существующей структуры деревенской группы, детализация и реализация рабочих обязанностей, а также укрепление низовой основы для дальнейшего укрепления системы самоуправления. Все это увеличивает широту и глубину участия сельских жителей, повышает способности сельских жителей к самообразованию, самообслуживанию и самоуправлению, а также позволяет постепенно исследовать разделение администрации и самоуправления в целях максимизации роли местного самоуправления и его восстановления. Несмотря на то, что их институциональная реформа все еще продолжается, уже сложилась атмосфера, в которой придается большое значение роли органов управления и гражданского самоуправления.

(2) Структура и функционирование модели самоуправления «гостевая комната»

1. Создание модели сотрудничества основной команды под руководством «хозяина комнаты»

«Гостевая комната» учреждается в домах влиятельных и харизматичных лидеров деревенских групп и старых членов партии, которые выступают в роли «хозяев гостевой комнаты», образуя относительно фиксированный механизм ротации «стоящих у власти». Благодаря развертыванию деятельности и расширению сервисных функций постепенно формируется команда добровольцев, состоящая из кадров сельского комитета, хозяев «гостевых комнат», волонтеров и т. д. Тут в полной мере проявляется роль основной команды в пропаганде, организации и координации, а также посреднической деятельности внутри сообщества. Команда более своевременно, с еще большим удобством и вниманием предоставляет услуги еще большему количеству жителей села на местах, поблизости и по существу.

С начала функционирования добрососедских гостевых комнат, они в полной мере сыграли роль «сообщества знакомых людей», мобилизовали вокруг себя членов партии, жителей села и членов команды и укрепили создание рабочего механизма «1+X» для группового контакта и обслуживания масс. Посредством посещений на дом, семинаров и обменов, телефонной связи и контактов в других формах, были уяснены производственно-бытовые условия масс, а также заслушаны мнения и предложения масс. Это предоставило народу новый канал для равноправного общения и отражения мнения масс и ориентированный для простых людей. Добрососедская гостевая комната стала для членов партии и кадров способом общения с сельскими жителями с «нулевой дистанцией» и «нулевой нагрузкой», что расширяет право масс на знание и участие, строит мост с двусторонним движением между кадрами и массами, а также предоставляет «последний метр» в отношениях между кадрами и массами.

2. Руководящая роль административного вмешательства и стандартизация требований к строительству и функционированию

На основе отстаивания принципов самоуправления «гостевой комнаты» в полной мере проявляется руководящая роль правительства, которое устанавливает специальные стандарты оценки работы «гостевой комнаты» и повышает стандартизированный уровень строительства «гостевой комнаты» посредством демонстрационного руководства и политического направления. Группы руководства работой «гостевых комнат» создаются на всех улицах и в каждом поселке, чтобы укрепить основу управления и способствовать здоровому развитию «гостевых комнат». В соответствии с текущей строительной ситуацией и стандартами классификации «гостевых комнат», районное управление по гражданским делам представляет профессиональные общественные организации для классификации и руководства каждой «гостевой комнатой».

В отличие от стандартов оценки и аттестации и требований к выстраиванию классификации, здесь используются методы индивидуального руководства «тет-а-тет», «визави» и централизованное обучение, например, руководство на месте, удаленное руководство и т. д. Благодаря этому постоянно проявляются функции самоуправления «гостевых комнат» в «сборе народных мнений, концентрации народной мудрости людей и объединении народных чувств» и используйте характеристики обслуживания каждой «комнаты для гостей» а также выявляются характерные особенности службы каждой «гостевой комнаты» и неуклонно формируется независимый бренд «гостевых комнат» на разных улицах и в разных поселках.

Такие суббренды местных добрососедских гостевых комнат, как «Соседство Цзиньсян», «Уголок для беседы», «Сердца переулка», «Сердечная связь», «Спокойствие» и т. д., последовательно культивируются в различных районах. Кроме того, механизм оценки и поощрения стандартизированного строительства «гостевой комнаты» предусматривает определенные вознаграждения и поддержку «гостевой комнаты» по результатам специальной оценки работы, что стимулирует чувство сопричастности и чувство ответственности перед обществом у всех субъектов, участвующих в «гостевой комнате», а также их стремление к совершенству. Следует повышать качество деятельности «гостевых комнат», чтобы проводимые там мероприятия набирали популярность, приносили пользу публике и завоевывали сердца людей.

Конкретные требования к строительству и стандартизации заключаются в следующем:

Во-первых, открывается «прямая доставка информации». Первый день каждого месяца – это день акции «прямая доставка информации». Каждая деревня может проводить различные политические и нормативные агитационные мероприятия в связи с днем служения народу и днем политической пропаганды. Функциональные отделы уличных и городских властей должны в полной мере использовать роль «гостевой комнаты», интегрировать ресурсы, принимать общие меры и регулярно внедрять и проводить мероприятия.

Во-вторых, следует создать «комнаты народного общения». Первый день каждого месяца – это день активности «комнаты народного общения». Каждая деревня может сочетать такие мероприятия, как продвижение «двух представителей» в гостевой комнате, день совместного обсуждения повестки дня и т. д. Учреждение в гостевых комнатах режима «комнаты народного общения» позволит прислушаться к гласу народа и собрать народные мнения, а проведение мероприятий по «обсуждению общественных дел, аккумуляции общественных сил и решению групповых дел» позволит направлять группы сообщества на активное и инициативное участие в управлении сообществом.

В-третьих, нужно создать станцию для культурных и спортивных мероприятий. Первый день каждого месяца – это день «культурно-спортивных» мероприятий. В целях удовлетворения потребностей групп сообщества в общественных культурных и спортивных мероприятиях на платформе «гостевой комнаты» каждая деревня может проводить для сельских жителей ряд культурных и спортивных мероприятий в различных формах, таких как традиционная опера, каллиграфия и живопись, научно-популярные выставки, культурное обучение и спортивные игры.

В-четвертых, требуется обеспечить удобные станции для народа. Первый день каждого месяца – день мероприятий «удобной станции». Каждое село может по отдельности сосредоточиться на таких темах, как планирование семьи и образование, здоровый образ жизни, уход за пожилыми людьми, помощь инвалидам и сиротам и т. д. Продвигаемые в деревнях и вводимые группами обслуживающие мероприятия для удобства народа, предоставляют группам сообщества базовые бытовые гарантии и обслуживание по народному благосостоянию.

3. Внедрение существующей сети партийного и политического управления, расширение и прививание функций обслуживания и управления

В процессе обустройства гостевой комнаты в полной мере проявляется ведущая роль деревенской партийной организации, которая организывает и направляет сельских жителей и региональные объединения по совместному строительству для осуществления самоуправления и совместного управления посредством «гостевой комнаты», а также внедрить «четыре вида продвижения в гостевой комнате»: здесь обсуждаются вопросы пересмотра сельских правил и положений, устава самоуправления, строительство «Проекта по делам солнечной деревни» и другие ключевые задачи сельского комитета, проводится консультирование по жизненным интересам и потребностям людей, в гостевой комнате вносятся и обсуждается ход сценических работ, производится углубление демократического управления на низовом уровне, обновление содержания и формы самоуправления и дальнейшее стимулирование жизнеспособности самоуправления.

С точки зрения масштаба строительства 1055 гостевых комнат очевидно, что они встроены в систему организационного управления низового правительства, и гостевые комнаты. Гостевая комната легко превращается в «группу внутри комнаты» официального характера и партийно-правительственного значения, образуя механизм управления деревней под руководством правительства. Это процесс развития государственного управления, вмешивающегося в эндогенную организационную силу самоуправления сельских жителей посредством гибких способов «политического присутствия», «ресурсного присутствия», «служебного присутствия» и «физического присутствия» [8].

В ходе опроса обнаружилось, что причина, по которой местное правительство выбирает «гостевую комнату» в качестве поля для развертывания управления на местах. Это преднамеренная и чисто административно продвигаемая схема управления на основе сетки и региональная модель деревенских групп в рамках традиционной деревенской общины для формирования дополнительного сотрудничества и позитивной игровой модели, которая поддерживает способность к гражданским коллективным действиям и традиционную инновационную жизнеспособность деревенской общины, а также добивается гибкости и адаптивности политических успехов.

По сравнению с полем «деревенская группа» в рамках традиционной структуры деревенского сообщества, поле «гостевая комната» включает в себя несколько субъектов, таких как низовое правительство, гражданские власти, люди и группы, которые сотрудничают друг с другом.

По сравнению с сеткой, субъективность управления более заметна, а объективность ослаблена, что способствует достижению цели поиска политического доверия. В гостевой комнате параллельно накладываются друг на друга целый ряд таких общественно-политических институтов как деревенские группы, институт глав домохозяйств, контактные точки партийных групп, сетка и т.д. с уровнями и элементами управления, выделенных внутри политики. И их границы могут пересекаться с границами элементов другого ряда. Кроме того, что подобная интерференция способствует интеграции вышеперечисленных элементов и линий в более динамичную и полную структуру управления, она также наделяет государство мощными средствами и эффективностью для вмешательства в жизнь общества на низовом уровне.

С точки зрения функций гостевой комнаты, судя по практическим случаям добрососедских гостевых комнат, эффективно действующих в различных поселках и улицах, во многих из них сформировалось функциональное меню «добрососедство + самоуправление + X». На основе удовлетворения таких двух больших функций как добрососедство и самоуправление, также накладываются такие функции обслуживания сообщества как партийное строительство, женская федерация, федерация инвалидов, трудоустройство и культурно-пропагандистская работа. Под такими вывесками как «станция партийного строительства», «женский дом», «пункт трудоустройства и продвижения» и т. д. добрососедская гостевая комната осуществляет переход от однофункциональности к полифункциональности. Кроме того, за счет оседания ресурсов общественных работ, гостевая комната берет на себя некоторые общественные дела и деятельность по сообществу. Она играет заметную роль в уходе за пожилыми людьми и стандартизированной профилактике эпидемий и борьбе с ними внутри сообщества.

С точки зрения ухода за пожилыми людьми в сообществе, гостевая комната добровольно и естественным образом обеспечивает заботу и общение с пожилыми людьми, живущих по соседству, что обогащает жизнь жителей деревни и реализует «уход за пожилыми людьми по месту жительства»

для пожилых людей. С момента нормализации ситуации с COVID-19 гостевые комнаты сыграли непосредственную роль в профилактике и борьбе с пандемией. По словам сотрудников муниципального управления города Хуасинь, поскольку многие участники гостевой комнаты являются арендодателями, система ответственности арендодателей за профилактику и борьбу с пандемией может быть собрана и своевременно обновлена на платформе гостевой комнаты. Самый надежный способ – это посредством гостевой комнаты получать отчетность о самых последних зонах среднего и высокого риска и ситуации эпидемического контроля из информации, предоставленной арендатору квартиросъемщиками. Распространение пропаганды через добрососедские точки в гостевых комнатах лучше всего может дойти до адресата. Помимо этого, с точки зрения работы по классификации отходов, проводимой в Шанхае, арендодатели в гостевых комнатах своими словами доходчиво и понятно могут разъяснить слушающим сельским жителям любой из таких вопросов как, например, «что такое четыре классификации отходов», «как разделить сухие и влажные отходы», каким образом накапливать и обменивать «бонусы зеленого счета». Для того чтобы воспитать и направлять знания пришлых квартиросъемщиков о стандартах и классификации, арендаторов к признанию стандартов классификации и стандартизации выброса мусора, необходимо изменить поведение и привычки самих сельских жителей. С этой стороны, гостевая комната также сыграла очень хорошую роль в общении, воспитании и обучении на платформе.

(3) Эффективность и ценность модели самоуправления «гостевая комната»

1. Возврат к традиционным ресурсам, стимулирование народной активности и воспроизвести линии масс

Способы управления опираются на определенную историко-социальную основу и гуманистические психологические условия и воссоздаются из методов традиционной сельской цивилизации. В условиях сельских структурных изменений в новую эпоху традиционное административное давление, как и мобилизационное и организационное воздействие на движение, не могут удовлетворить сложные и многообразные ценностно-интересовые запросы деревни. Здесь требуются новые средства и методы реализации на практике линии масс. Путем восстановления линии народных масс устраняются внутрипартийные тенденции к бюрократизации, администрированию и социальному отчуждению. В процессе социальной интеграции партия не только создает ресурсы управления, основанные на массах, но и реализует управленческие навыки членов партии и кадров на низовом уровне, а также у жителей села культивируется сознание политической социализации.

Гостевая комната в качестве своей основной идеи берет партийное строительство, укрепляет организацию и лидерство низовых партийных организаций посредством внутренней интеграции, а затем путем традиционного встраивания создает структурное встраивание трех слоев «низовые партийные организации – сельские общественные организации – сельские жители», которые тесно связаны с массами. Данный практический механизм принятия традиционной массовой линии одновременно формирует инновационный механизм управления сельским хозяйством. То есть формируется сельская община социального управления с руководством низовых партийных организаций в качестве оси. Организация, которая концентрирует в себе мощные объединенные усилия деревни по совместному строительству, совместному управлению и совместному доступу к благам.

2. Поощрение полиэлементных субъектов, их интеграция и мобилизация, а также расширение управление как по вертикали, так и по горизонтали

Основной орган управления сельскими жителями всегда подчеркивал ориентацию на элиту, от традиционных помещиков до «новых сельских землевладельцев» и сельских элит, а политическая власть элит, как правило, индивидуализирована. Однако у хозяина гостевой комнаты в районе Цинпу есть как традиционная элитная линия, так и массовая линия, которая является еще более обширной и представительной. Что выглядит еще большей редкостью, так это то, что в гостевой комнате блистают женские персонажи, которые были скрыты в традиционном процессе управления деревней. Такая массовая линия помогает расшириться по горизонтали до границ и привлечь жителей села к активному участию в более широком диапазоне, тем самым решив проблему «укоренения», заключающуюся в том, что государственные службы и низовое управление могут проникать в села, но не могут проникать в домохозяйства.

По сравнению с прошлым из-за сложности осуществления самоуправления традиционные горизонтальные организационные связи между сельскими жителями сильно ослабили сельское общество вплоть до состояния распыления. Способности жителей села к самоуправлению, самообслуживанию и саморазвитию были очень слабыми. Столкнувшись с дискретным и индивидуализированным сельским низовым обществом, высокоразвитая вертикаль управления часто бессильна, даже пассивна и находится в состоянии конфликта. Поле и пространство, сформированное в гостевой комнате, является дискуссионным и культурным пространством, уделяющим больше внимания бытовому общению, а участвующие субъекты естественным образом осуществляют воспроизводство властных функций.

3. Гибкость формы и богатство содержания организации сельского самоуправления

При использовании в качестве платформы гостевая комната выполняет множество функций, таких как объявления о деревенских делах, взаимосвязь партийных групп, демонстрация народных обычаев, мероприятия общественного благосостояния, обучение наследию и народные контакты. Группы участников имеют разные круги и уровни, и основные участники имеют сильное социальное представление, а семейная сеть участников становится периферийной группой деятельности в гостевой комнате. Круг принимающих участие расширился от первоначальной группы пожилых людей до нескольких возрастных групп, включая людей среднего возраста и молодежь. Содержание мероприятий также расширилось от первоначального «разговора о делах семейных» до чтения книг и газет, общественной деятельности, посредничества в конфликтах соседей и предложений по созданию сообщества и т. д. Также, здесь можно своевременно освещать ключевые задачи партийного комитета и правительства, такие как осуществление «профилактики и борьбы с пандемией», «создание цивилизованного городского пространства государственного уровня», «классификация мусора» и «в помощь Экспо» и другую работу за счет участия кадров соседских комитетов в мероприятиях «Соседская гостевая комната» для проведения своевременного оповещения. Влияние «гостевых комнат» в жилых районах и их охват становится все больше, а их охват – все шире. В глазах граждан они уже стали площадкой для сбора мнений и предложений по застройке и управлению жилыми массивами, а также незаменимым местом деятельности.

V. Логика построения элемента самоуправления «гостевая комната»

(1) Эмоциональные отношения, базирующиеся на «деревенской основе» в рамках традиции домохозяйств

Деревня – это естественным образом сформировавшаяся социальная единица, традиционно известная как естественная деревня, которая является основным элементом жизни сельской общины, получившаяся в результате постепенного объединения нескольких семей в течение долгосрочного производственно-бытового процесса. Деревни различаются по размеру, производству и жилью, но все они являются точкой концентрации определенного количества домохозяйств, а также единицей управления.

По своей форме элементами деревенского самоуправления являются естественные деревни, слободы, усадьбы, запруды, холмы, бухты, перекрестки дорог или поселки и т. п. Основным органом самоуправления являются авторитетные люди (например, землевладельцы), родом из естественной деревни, а домохозяйства – это ячейки, составляющие деревню. По словам антрополога Цзинь Яоцзи, в традиционном Китае семья является не только репродуктивной, но и социальной, экономической, образовательной, политической и даже религиозной и развлекательной единицей. Это основная сила, поддерживающая сплоченность всего общества. При естественной деревенской единице их масштаб невелик, а взаимосвязь очень тесна. В течение долгого бытового и производственного срока люди формируют комплекс взаимно признанных привычек и правил поведения.

Самоуправление опирается на правила поведения для урегулирования конфликтов в общественной жизни и поддержания порядка в семье или деревенской общине. Поэтому в традиционный период естественные деревни использовались как единицы самоуправления, формируя высокоэффективное сельское самоуправление.

В гостевой комнате Цинпу отношения между хозяином и «гостями» осуществляются на основе домохозяйств, и единицей такого взаимодействия выступает хозяйственная организация. В ходе визитов было установлено, что тесная связь между хозяином комнаты и гостями опирается на пространство даже при отсутствии самой «гостевой комнаты», и уже сформировалась в траектории повседневного общения, а ее эмоционально-доверительная атмосфера превращает все это в естественную дискуссионную группу. Основываясь на личных отношениях «чувства различаются по глубине, доверие – по степени», низовая масса в гостинной спонтанна и естественна и постоянно взаимодействует, полагаясь на преимущества домохозяйств, для того чтобы сделать политическую интеграцию более эффективной. С этой точки зрения, эмоциональные отношения между гостинной – это линия близости. Этот вид «близости» – это не формальное объединение в соответствии с административными требованиями или сетевым районированием, а «физическое и ментальное присутствие» в условиях доверия и привязанности. Установление гостевой комнаты, несомненно, обеспечивает пространство для невидимой социальной сети, на которую можно положиться, а также помогает открыться и интегрироваться с посторонними людьми. Родственные отношения по-прежнему являются внутренней движущей силой и фоном для трансформации сельской низовой организации самоуправления.

(2) Инструментальные отношения, основанные на бытовых контактах в условиях географической близости

Главной отличительной чертой гостевой комнаты в Цинпу является добрососедство, и всем соседям от этого еще легче формировать информационные и коллективные союзы взаимодействия. Группа соседского быта объединяет по радиусу повседневные бытовые контакты. Соседи являются естественной «социальной почвой» для самоуправления. Только подходящая «социальная почва» охватывает такие условия, как интересы, географическая близость, частота общения, передача информации, культурная связь, массовая добровольность, благоприятствование самоуправлению. Это касается структуры глубинных областей, таких как отношения прав собственности, социальные связи, культурная самобытность и возможности самоуправления. Эффективные формы самоуправления могут поддерживать реализацию самоуправления.

Характеристики сообщества соответствуют логике жизненного общения, о которой говорил Аристотель: «Все жители видят друг на друга издали и вблизи, встречаются друг с другом и знают о поведении, способностях, статусе, богатстве и бедности друг друга» [11]. Для самоуправления может быть более подходящим освоить пространство для самоуправления сельских жителей на уровнях ниже сельского и опуститься до деревенских групп, естественных деревень и даже соседей. Радиус взаимодействия между 15-минутным бытовым кругом и соседями в высшей степени взаимосвязан и скоординирован. В таком бытовом кругу совместное использование равных ресурсов обслуживания является гарантией реализации коллективных интересов. Однако мы должны также заметить, что чем меньше единица самоуправления, тем более ограничены масштабы и содержание ее самоуправления. В настоящее время общественные дела сельских жителей имеют различные типы многоуровневости. При изучении и применении эффективных настроек единиц управления мы должны адаптировать меры к местным условиям и построить матрицу элементов самоуправления проблемно-ориентированным образом.

(3) Симбиотические отношения, основанные на общности интересов под руководством коллективных действий

В настоящее время организации низового самоуправления представляют собой достаточно крупные организации, в непосредственном подчинении которых имеются тысячи человек, и в масштабах села среди его жителей существуют сильные разногласия и конфликты интересов. Степень взаимосвязанности между личными особыми интересами сельских жителей и интересами сообщества достаточно низка, например, сельским жителям не хватает идей и моделей поведения для участия в развитии сельских сообществ и принятии решений по сельским общественным делам.

Кроме того, самоуправление сельских жителей, участвующих в сельских общественных делах, осуществляется в основном через формальную институциональную платформу, предусмотренную положениями об участии соответствующих организаций в системе сельских комитетов, таких как съезды сельских жителей и групповые собрания сельских жителей. В целом, отсутствие

участия сельских жителей в определенной степени отражает степень связи между отдельными сельскими жителями и общественными интересами организованных деревень. С точки зрения соотношения интересов, легче достичь консенсуса интересов и направленности коллективных действий на уровне сельской группы, так как традиционные общины и бригады ведут коллективный труд, строительство водного хозяйства, подготовку полка милиции, коллективное хозяйство. Из-за этого сельская группа как единица является основным способом реализации самоуправления в подходящих масштабах.

VI. Обсуждение ценности и точек рисков модели самоуправления «гостевая комната»

(1) Разделение на малые организации управления, использование принципа географической близости, конкретизация автономных элементов ниже уровня деревни

Нынешние меры по устройству гостевых комнат в целях активизации и стимулирования сил самоуправления на уровне сельских групп в основном используют административные методы. Организации самоуправления должны уважать правила элементов самоуправления, определять их масштаб и выбирать соответствующие формы управления. Разделение мелких хозяйственных единиц отражает процесс трансформации села, сохранение первоначального образа жизни и безопасности села, наследования региональной культуры и обычаев общения. Разделение на малые организации управления отражает экономические, социальные, культурные, географические, традиционные и другие сопутствующие факторы, необходимые и поддерживаемые самоуправлением сельских жителей. Эти факторы определяют, что для того, чтобы реализовать ценность самоуправления сельских жителей, мы должны найти подходящую форму реализации. Во-первых, это поможет решить проблему пассивного поддержания стабильности в сельском управлении, что изначально является трудной проблемой; во-вторых, это поможет решить проблемы недостаточной внутренней прочности и низкой устойчивости в процессе возрождения сельской местности. В-третьих, это поможет решить проблему того, что форма сельского самоуправления едина, и организованным селам и сельским группам трудно «осуществлять» сельское самоуправление.

В данной статье основное внимание уделяется решению проблемы самоуправления на низовом уровне, особенно с использованием гостевых комнат в качестве смотрового окна. После сравнения условий деревенских групп и сел как элементов низового управления, можно обнаружить, что деревни как элементы низового общественного управления имеют определенные сравнительные преимущества и действительно могут привести к укоренению самоуправления. Масштаб и взаимосвязь являются ключевыми атрибутами создания элементов управления, а основа осуществления самоуправления лежит в деревенских элементах.

(2) Пристальное внимание к основным атрибутам элементов самоуправления, развитие сил коллективного участия женских групп

Появление «гостиных комнат» возродило дискуссионную систему, ориентированную на сельские элиты. Уездные и деревенские кадры отправляются в «гостиную комнату», чтобы напрямую выслушать голоса и требования сельских жителей, понять их мысли и потребности, а также своевременно внедрить мнения и предложения сельчан в конкретную работу, и с помощью платформы «гостевой комнаты» вернуться к формату непосредственного общения лицом к лицу с сельчанами.

Однако сельские элиты являются редким ресурсом в селе, ведь элит в селе немного, построение системы совещаний сельской элиты требует авторитетной фигуры лидерского типа, представляющей коллектив. В различных тесных сетях и организациях, мобилизованных партией и правительством, ограниченная деревенская элита слаба в реагировании и выполнении различных задач и требований управления. Будь то кадры деревенской группы или возвращение в новую эпоху «схода именитых селян», всегда акцентируется коллективный характер и подчеркивается авторитет коллективной личности.

В то же время в этом вопросе очень легко «сползти» к руководству сельскими делами сельских политических лидеров. Серьезный характер централизованной власти блокирует повседневную жизнь деревенских дел, и мелкие вопросы уже не могут ставиться на повестку дня. И наоборот, «гостевая комната» под руководством «тетушка-хозяйка комнаты» более динамична и предполагает широкое участие. Сбор в «гостевой комнате» с женщинами в качестве связующего звена

может еще крепче связать семейства друг с другом. Возьмем в качестве примера развитие народных обычаев в «гостевой комнате», которые носят не только ритуальный, но и массовый характер.

Например, «Гостиная комната искусного рукоделия» в общине Юай на улице Сянхуацяо с момента своего создания привлекла к участию большое количество женщин-соотечественниц. Все усаживаются тесным полукругом, обсуждая, что произошло в общине за последнее время, а также занимаясь плетением разных поделок. Общение идет в гармоничной и живой атмосфере, где постоянно звучат шутки и смех. Хозяйка комнаты, являясь членом исполнительного комитета федерации женщин, руководит присутствующими в работе над ручными поделками. После изготовления, эти поделки будут отправлены пожилым людям в близлежащие дома престарелых, чтобы распространять теплые чувства в сообществе.

С другой стороны, используя положение в гостиной для пропаганды различных политик, со временем все доверяют этой любезной хозяйке комнаты, и все родители и члены семейств готовы находиться в «гостевой комнате», чтобы поговорить со всеми и услышать мнение хозяйки комнаты.

Другой типичный случай произошел в гостевой комнате «Лэцзюй» в деревне Бэйсинь города Хуасинь. Все принимающие там участие могут видеть, что присутствует типичная женская группа. Хотя хозяйкой комнаты является тетюшка Чжу, способ обсуждения дел остается групповым. Большинство постоянных гостей, которые приходят поучаствовать в мероприятиях в гостиной, – это тетюшки и старшие сестры. Разобщенность среди пришедшими издалека и местными женщинами в процессе ежедневных эмоциональных контактов и взаимопомощи давно уже переродилась в истинно сестринские чувства. Эта гостевая комната несет в себе две функции: «добрососедства» и «самоуправления». С одной стороны, обычные люди могут общаться с соседями, связывать спрос и предложение и осуществлять неформальный подход к делам. Среди дам, приходящих в гостевую комнату, встречаются и старше 80 лет, но большинству из них около 60 лет. Эмоциональное общение, забота и взаимопомощь сверстников – вот преимущества ухода за пожилыми людьми в сельской местности. С другой стороны, различные культурные и спортивные мероприятия, такие как пение оперы и лепка пельменей в гостевой комнате «Лэцзюй» также помогает увеличить энтузиазм по поводу участия; кроме того, визиты кадров сельского комитета по пятницам постепенно сформировали команду, состоящую из деревенских кадров, хозяев гостевых комнат, соседей и волонтеров, которые обсуждают в гостиной вопросы и направляют массы к участию в общественном самоуправлении.

Мы можем наблюдать, что участие женщин в «гостевых комнатах» чрезвычайно активно, а движущая сила масс также очень сильна. Будь то культурная деятельность или повседневные общественные контакты, эмоции и степень участия самих женских групп усиливают ощущение близости и мягкости «поля», а также делают деятельность и общение в поле более естественными и продолжительными. Система женского дискурса более дружелюбна, и тип знакомства с хозяйствами, стоящими на этом фоне, также намного сильнее. Особенно это касается культурной атмосферы шанхайского разделения труда в семье по половому признаку, где тетя управляет домом, а дядя готовит еду, выдвинуло женщин на передний план общественного участия. Активное участие в деятельности является гарантией организационной устойчивости.

Развитие обычаев и деятельности может сохранить корни деревни в условиях зыбких перемен на селе, сохранить ностальгию и тоску по родной земле в условиях меняющейся тенденции течения и неопределенности деревни, а также использовать традиционную культуру или сельские обычаи для формирования гармоничного отношения между людьми и семействами. Горизонтальная связь между ними устанавливает сплоченность и чувство идентичности сообщества. Предпосылкой для самоуправления является эффективное ограничение обычаев, а его широкое участие и глубокая коммуникация могут поддерживать обусловленность реальностью для деревенских обычаев.

Мышление женщин, участвующих в управлении, – это «чувственное познание и эмоциональное восприятие и переживание». Вникание в суть и понимание являются предпосылкой и основой для примирения конфликтов и разрешения споров. Достижение психологического понимания и поддержки группой является бесценной панацеей для устранения эмоциональных противоречий. Наложение таких факторов, как понимание, сопереживание, сердечное участие, поддержка и т. д., подчеркивает преимущества управления женской группой.

Кроме того, с точки зрения подходов к управлению, участие женщин в управлении носит групповой, а не индивидуальный характер. В однополой и групповой среде могут быть раскрыты секреты и мелочи жизни. В группе можно получить больше моральной поддержки, что также приводит к коллективному давлению на бескорыстных личностей, и это способствует социальной интеграции. Следует отметить, что сельские элиты и отдельные органы власти, в которых доминируют мужчины, не обязательно исключают вышеуказанные гибкие характеристики и преимущества, но преимущества и потенциал, заключенные в участии женских групп, не присущи мужскому индивидуализированному авторитарному управлению.

Таким образом, мы видим, что благодаря административному руководству по открытию каналов для участия женщин в управлении на низовом уровне «гостевые комнаты» вносят большой вклад. Нам ничто не мешает и далее привносить свои смелые инновации. На следующем этапе работы по продвижению «гостевых комнат», статус женщин-хозяек комнат будет значительно усилен. Процентное соотношение получивших награду «Хозяин комнаты» несельских кадров должно быть значительно увеличено, что поможет в дальнейшем выполнять политические и самоуправленческие функции общественного пространства «гостевой комнаты» и продвигать долгосрочный механизм реализации самоуправления.

(3) Укоренение общественного самоуправления на низовом уровне зависит от нравственности управления, однако следует постепенно вводить приоритет правовых норм

Самоуправление зависит от нравственности управления и правовых норм. Вследствие двусмысленности и неопределенности сельских дел в традиционной этике управления сельским хозяйством, нам очень трудно использовать рациональные рамки, чтобы приписать правильность и неправильность дела юридической справедливости. Понимание логики жизни, стоящей за двусмысленностью и «справедливостью» сельского порядка, может быть более полезным для «естественной политики» чем поддержка «правовых норм». Сельский порядок имеет свою собственную логику «справедливости». Связь между нравственностью управления и самоуправлением становится еще более тесной, и, очевидно, более важной для низового общества.

Однако вслед за повышением уровня понимания прав собственности и осведомленности о контрактах, внедрение правовых норм также является демократическим курсом на содействие гражданзации селян и открытому гражданскому образованию. Споры или судебные иски, которые могут быть вызваны селянами для четкого определения права собственности не должны наносить ущерб сельской этике и гармоничным сельским обычаям.

(4) Обсуждение точек риска: ликвидация самоуправления и инноваций вследствие административного вмешательства

В построении и продвижении «гостевых комнат» их неотъемлемой частью становится подтверждение государством своей политической легитимности. Еще более неотъемлемой становится поддержка ресурсами и услугами. Оседание ресурсов и услуг часто сопровождается вводом государственных правил управления и требованиями к управлению. Суть использования созданных «гостиных комнат» заключается в инновациях управления на низовом уровне.

Вследствие наложения и сопоставления сетевой системы партийных и правительственных организаций происходит оседание организации и услуг, отчего масштаб управления постепенно уменьшается, что приводит к осуществлению самоуправления на местах.

С одной стороны, в процессе административного взаимодействия мы должны избегать назначения представителей, чтобы помешать сельским элитам захватить права на управление.

С другой стороны, мы должны также избегать и пассивности и усталости, вызванных слишком большим количеством общественных дел и недостаточным общественным благополучием, и как следствие постепенной потере энтузиазма к работе, что приводит к приостановке реализации политики и трудностям в сохранении ответственности за самоуправление.

Административное взаимодействие часто сопровождается руководящими правилами и положениями, а с помощью многосубъектных, разнообразных методов надзора нужно побуждать руководство партийной группы к сотрудничеству с центром государственной работы и сотрудничать с выполнением работы в качестве исполнителем, что в определенной степени снизит

самостоятельность самоуправления. Это потребует от вышестоящих партийных организаций и государства большей институциональной поддержки и удобства механизмов в процессе взаимодействия, но никак не чрезмерного планирования жизни селян.

Подобные взаимодействия включают в себя следующее: способ взаимодействия не может заключаться только в посещении деревень и хозяйств для визитов и бесед. Наряду с оседанием обслуживания происходит также передача функций обеспечения безопасности и административного обслуживания, которые взяла на себя сама организация верхнего уровня. Что касается поддержки планирования мероприятий и поддержки проектов, группы самоуправления должны быть наделены правом самостоятельно принимать решения и исполнять их, а также должны быть внедрены методы совместного бюджетирования в целях эффективного решения практических проблем, способствующих жизнеспособности и фактам инновации на селе.

Именно вследствие этого, при управлении конкретными общественными делами необходимо делегировать полномочия на низовые уровни для самостоятельного изучения, а не произвольно и напрямую «задавать план». Административное вмешательство должно быть уместным и своевременным, а переход от «принятия решений за людей», в котором доминируют сельские кадры, к «самостоятельному принятию решений» сельскими жителями может обеспечить стандартизацию, упорядоченность и жизненную силу общества на низовых уровнях. Единовременная субсидия на строительство направлена на поощрение позитивного развития, в то время как цели последующих субсидий неясны и лишены точки применения. Рекомендуется интегрировать последующие расходы на субсидии, использовать возможности коллективных действий в формате «гостевых комнат» с системой торгов по проекту, вводить проектные ресурсы вместо операционных субсидий и эффективно улучшать управление сельскими поселениями.

Заключение

Элементы управления всегда были ключевой темой в управлении на низовом уровне, и масштаб управления, установленный элементами управления, считается фактором, влияющим на возможность реализации эффективного управления. Именно на этом также основано и то, что корректировка низовых единиц общественного управления считается одним из вариантов политики повышения уровня низового управления. Вслед за постоянным обновлением технологий управления и постоянным совершенствованием задач управления, корректировка элементов низового управления стала важной составляющей городского общественного управления и возрождения сельских районов.

В качестве реконструкции элементов низового управления практика низовых инноваций в форме «гостевой комнаты» является полезным исследованием для формирования многоуровневой и поэтапной системы элементов управления на основе существующих элементов низового управления. Цель этого состоит в том, чтобы реагировать на усложняющиеся с каждым днем реальности управления, служить целям развития планирования нового муниципального строительства, а также еще лучше понимать реализацию общественного самоуправления на низовом уровне в целях достижения эффективного управления. С помощью анализа практики самоуправления «гостевых комнат» в районе Цинпу, в данной статье обсуждаются индивидуальные характеристики и логика действий элементов управления, при этом уделяется особое внимание балансу между общественными предпосылками и расширением административной власти.

References

1. Yu Jianxing. Distinguishing National Governance, Local Governance, Grassroots Governance and Social Governance. *Guangming Daily*. August 30, 2019, 11th edition. (In Chinese)
2. Tao Xidong. City Social Governance: Features, Connotations, and Innovative Paths of Systems. *Theory and Modernization*. 2021;(2). (In Chinese)
3. Bai Xuejiao. Moderate Scale: The Organizational Basis for Effective Forms of Residents' Autonomy. *Southeast Academic*. 2014;(5) (In Chinese)
4. Plato. Translated by Guo Binhe and Zhang Zhuming. The Republic. *Commercial Press*. 2012 edition. (In Chinese)
5. Xu Yong. Regaining Autonomy: Exploring Version 3.0 of Villagers' Autonomy. *Social Sciences Daily*. June 5th, 2014. (In Chinese)

6. Tang Ming. From Pilot Projects to Villagers' Autonomy Based on Villager Groups or Natural Villages – A Report on Surveys of 24 Pilot Units at the National Level. *China Rural Observation*. 2020. Issue 1. (In Chinese)
7. Teng Luyang, Xu Ganli. The Mining and Transformation of Local Resources and the Extension of Political Power: A Case Study of 'Guest Hall Hui' in Xuhang Town, Shanghai. *Social Governance*. 2020. Vol. 4. (In Chinese)
8. Deng Dacai. The Relationship Between Property Units and Governance Units: Based on the Logic of Rural Governance in China. *Chinese Social Sciences*. 2015;(7). (In Chinese)
9. Zhihui Huang. From Not being a Farmer to not being a Landlord: The Transformation of Farmers' Housing Pattern and Rural Revitalization in the Relationship of mutual Benefit between Urban and Rural Areas. *Open Times*. 2022;(3) (In Chinese)
10. Chen Baozhong, Han Qianguang. A Case Study of "Ketanghui" in J District of Shanghai: A Case Study of Flexible Governance in Urban Communities. *Lingnan Academic Journal*. 2018;(2) (In Chinese)
11. Aristotle. Politics. *The Commercial Press*. 2013:361 (In Chinese)

Список источников

1. Юй Цзяньсин. Анализ государственного управления, местного управления, управления на низовом уровне и социального управления // Гуанмин жибао. 30.08.2019. Изд. 11.
2. Тао Сидун. Городское социальное управление: особенности, коннотация и пути системных инноваций // Теория и модернизация. 2021. № 2.
3. Бай Сюэцзяо. Подходящий масштаб: организационная основа для эффективных форм реализации самоуправления населения // Наука Юго-Востока. 2014. № 5.
4. Платон. Государство. Го Биньхэ, Чжан Чжунмин, перевод. Издательство Шаньгу Иньшугуань, 2012: 137.
5. Сюй Юн. Восстановление самоуправления: изучение самоуправления сельских жителей, версия 3.0 // Вестник общественных наук. 05.06.2014.
6. Тан Мин. Взгляд с экспериментальной точки зрения на самоуправление сельского населения с малыми группами сельских жителей или естественными деревнями в качестве основного элемента – отчет об исследовании 24 экспериментальных организаций на государственном уровне // Наблюдение за сельскими районами Китая. 2020. № 1.
7. Тэн Луян, Сюй Ганли. Раскопки и преобразование местных ресурсов и расширение политической власти – исследование примера “Гостевых комнат” в уезде Сюйхан, Шанхай // Социальное управление. 2020. № 4.
8. Чжао Синь. Самоорганизация сельских жителей и вмешательство воли государства — на основе исследования опыта “Гостевых комнат” уезда ХН // Обучение и практика. 2015. № 7.
9. Хуан Чжихуэй. От отсутствия крестьян к отсутствию землевладельцев: изменение модели проживания крестьян и возрождение сельской местности во взаимных отношениях между городскими и сельскими районами // Эпоха открытости. 2022. № 3.
10. Чэнь Баочжун, Хань Цяньгуан. Путь благотельного управления в городских сообществах – на примере “Гостевых комнат” в районе J Шанхая // Линнаньский академический вестник. 2018. № 2.
11. Аристотель. Политика. Издательство Шаньгу Иньшугуань, 2013: 361.

Информация об авторе

Вен Ман – доктор социологии, доцент Школы государственного управления и государственного управления Шанхайского политико-юридического университета.

Information about the author

Wen Man – Doctor of Sociology, Associate professor of School of Government and Public Administration, Shanghai University of Political Science and Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 19.05.2023.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

Дмитрий Игоревич Дынник

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, iubip502@yandex.ru

Аннотация. Определение комплексной оценки эффективности деятельности региональных структур управления развитием территории является актуальным вопросом на федеральном уровне. В последнее время Правительство РФ совместно с министерством экономического развития РФ проводит реформы в административной сфере. Совершенствуются и корректируются показатели оценки эффективности руководителей субъектов РФ, методики расчетов. Все это направлено на получение объективной оценки социально-экономического состояния региона и снижение риска искажения полученных данных. Учитывая тенденции перехода в цифровое пространство и внедрения цифровых платформ, искусственного интеллекта в деятельность человека, является актуальным и использование новых инструментов для проведения оценки эффективности региональных структур, которые в свою очередь включают показатели не только количественные, но и качественные. Проблемная область состоит в разбалансировки массива данных. В статье рассмотрены новые подходы к решению данной проблемной области.

Ключевые слова: эффективность, региональные структуры управления, когнитивные модели, регион, региональное развитие, индикатор, фактор, система, эмерджентность

Для цитирования: Дынник Д. И. Новые подходы к оценке эффективности деятельности региональных структур управления социально-экономическим развитием // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 39–44. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-39-44>

Problems of Management

Original article

NEW APPROACHES TO ASSESSING THE EFFICIENCY OF THE ACTIVITIES OF REGIONAL STRUCTURES FOR MANAGING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Dmitry I. Dynnik

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, iubip502@yandex.ru

Abstract. Determination of a comprehensive assessment of the effectiveness of the activities of regional structures for managing the development of a territory is a topical issue at the federal level. Recently, the Government of the Russian Federation, together with the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, has been carrying out reforms in the administrative sphere. The indicators for evaluating the effectiveness of the heads of the constituent entities of the Russian Federation, as well as the calculation methods, are being improved and adjusted. All this is aimed at obtaining an objective assessment of the socio-economic state of the region and reducing the risk of distorting the data obtained. Given the trends in the transition to the digital space and the introduction of digital platforms, artificial intelligence into human activities, it is relevant to use new tools to assess the effectiveness of regional structures, which in turn include indicators not only quantitative, but also qualitative. The problem area is the imbalance of the data array. The article considers new approaches to solving this problem area.

Keywords: efficiency, regional management structures, cognitive models, region, regional development, indicator, factor, system, emergence

For citation: Dynnik D. I. New approaches to assessing the efficiency of the activities of regional structures for managing socio-economic development. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):39–44.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-39-44>

В настоящее время для оценки эффективности системы управления социально-экономическим развитием применяются различные показатели. Из-за широкого спектра индикаторов оценки, сложности методики расчета существует риск представления искаженной информации. В период цифровых преобразований в экономике, в том числе и в государственном управлении, применение искусственного интеллекта в решении социально-значимых задач позволяет снизить вероятность предоставления неточных данных.

Помимо множества показателей, отражающих реальное положение региональной системы, существует проблема их выбора, тех самых ключевых индикаторов, которые позволят дать комплексную оценку эффективности управления региональным развитием. Так же немаловажно учитывать специфику региона. Если обратиться к теории систем и системного анализа, то регион выступает динамичной системой с постоянными внутренними и внешними связями. Каждая система в своем роде уникальна и ей присуща эмерджентность – отличительная особенность функционирования. Поэтому при выборе системы показателей оценки эффективности необходимо включить индикаторы, характеризующие эту особенность региональной системы. Если рассмотреть региональную систему Ростовской области, то эмерджентностью можно считать сельскохозяйственное хозяйство, сельскохозяйственное машиностроение. Поэтому для формирования объективной оценки желательно включать отраслевые индикаторы.

В общем виде регион как система имеет следующий вид:

$$R = \cup \{Ea + S + To + M\} \epsilon^{\vartheta},$$

где R – субъект Российской Федерации;

Ea – деятельность экономических агентов в регионе;

S – деятельность социальных институтов региона;

To – товарооборот (ввоз-вывоз продукции) региона;

M – финансовые рынки

ϵ^{ϑ} – внешний фактор влияния на региональную структуру (случайная величина).

Таким образом, совокупная деятельность экономических агентов, наличие социальной инфраструктуры и институтов, развитие внешних связей субъекта посредством товарооборота, финансовых ресурсов и наличия рынка сбыта определяют каркас региона. Развивая эти направления, происходят изменения как в экономическом, так и в социальном блоке. Главная задача, которая стоит перед исполнительными органами – это выработка верных управленческих решений в условиях нестабильности внешней геополитической обстановки и проведение оценки эффективности принятых решений.

Возвращаясь к вопросу проведению оценки эффективности деятельности региональных структур, необходимо обратиться к указам Президента РФ¹. С 2017 года начались преобразования в области определения результативности деятельности органов управления регионом. В настоящее время представленные в Указе Президента РФ от 04.02.2021 № 68 показатели не являются исчерпывающими. Особое внимание уделяется и достижению целевых значений по реализации национальных проектов на территории. Также, в своих докладах главы субъектов освещают данные по экономическим индикаторам (ВРП, доходы бюджета, безработица, уровень заработной платы и т.д.). Федеральные органы власти разрабатывают и утверждают методические рекомендации в рамках Указа Президента РФ от 04.02.2021 № 68, которые, в свою очередь, трудоемкие и содержат информацию для проведения дополнительных расчетов.

С учетом этого, а также большого массива данных, остро становится вопрос о сборе, обработке и представлении результатов без вмешательства должностных лиц с целью искусственно повысить эффективность. Функция аккумулирования статистических данных закреплена за органами

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 №1199 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35958> (Дата обращения: 01.04.2023). Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2017 № 548 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42465> (Дата обращения: 01.04.2023). Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2019 № 193 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44185> (Дата обращения: 01.04.2023). Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46402> (Дата обращения: 01.04.2023).

статистики, но есть индикаторы отраслевой принадлежности или интегральные, расчетом которых занимаются соответствующие исполнительные органы власти в рамках своей компетенции. Для проведения комплексной оценки эффективности региональных структур управления социально-экономическим развитием следует использовать всю имеющуюся статистическую информацию, за исключением показателей имеющих высокую корреляцию. Такие индикаторы необходимо исключить, иначе это приведет к искажению итоговой оценки системы управления.

В условиях цифровых преобразований в экономике, в системе государственного и муниципального управления необходимо применять в работе современные программные продукты, которые упрощают процедуру обработки больших данных. В рамках научного исследования особый интерес вызвали когнитивные технологии и модели в проведении оценки эффективности. Достоинством данного инструментария является то, что он позволяет проводить оценку и производить моделирование слабоструктурированных факторов, которые также оказывают влияние на региональную систему и результат.

На Юге России сформированы две большие научные школы: в Институте управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета [1, 2]; Кубанском государственном аграрном университете имени И. Т. Трубилина [3]. Проведя анализ результатов исследований научных школ, можно с уверенностью сказать, что когнитивные технологии и модели применяются не только в психологии, но и в экономике, менеджменте, геодезии, ветеринарии и т.д. Спектр применения методов нечеткой логики обширен.

Для проведения когнитивного анализа необходимо провести ряд действий, таких как:

- определение предметной области исследования;
- сбор и описание предметной области, в том числе указание ключевых проблем и тенденций развития (к данному действию желательно привлекать экспертное сообщество);
- структуризация предметной области и построение когнитивной модели (рис. 1);
- построение матрицы смежности причинно-следственных связей вершин модели;
- проверка достоверности и устойчивости модели.

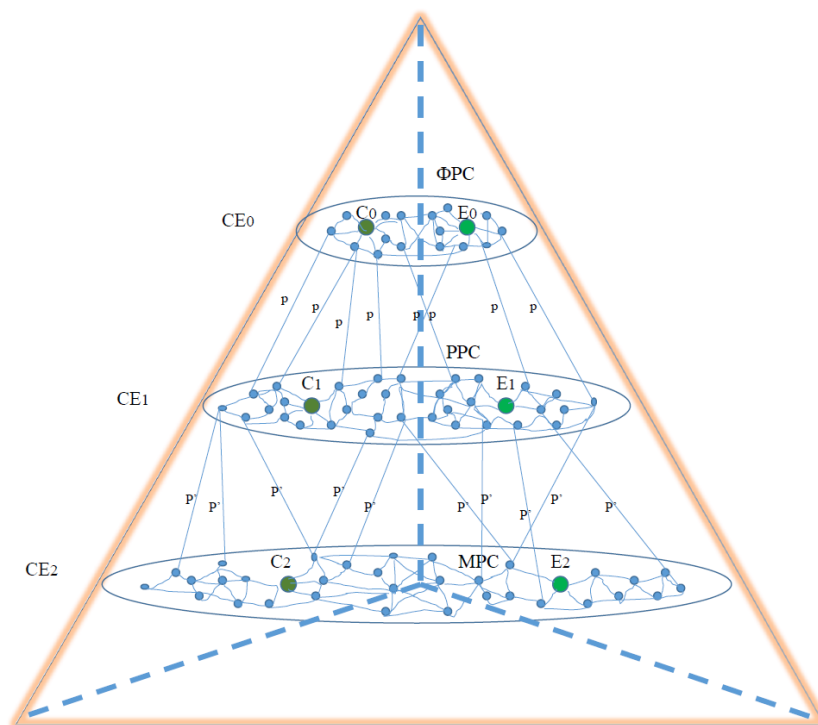


Рис. 1. Общее представление структурированной трехуровневой когнитивной модели «ФРС – PPC – MPC» (составлено автором)

Fig. 1. General presentation of the structured three-level cognitive model «FRS - RRS – MRS» (compiled by the author)

Когнитивные технологии применяются, если объект управления и его внешнее окружение имеют сложную систему, множество процессов и факторов, которые оказывают влияние друг на друга. Итогом будет отображение проблемных областей и тенденций развития региональной системы в упрощенной модели, построение прогнозных сценариев и выработка управленческих решений.

Оценка эффективности деятельности региональных структур должна быть основана на количественных показателях предлагаемой модели, которые дают четкий ответ о рациональности выбора той или иной когнитивной структуры. Фактор неопределенности внешней среды, а также экспертные мнения порой затрудняют и делают невозможным количественную оценку факторов, что в свою очередь оказывает влияние на общий результат эффективности. В этом случае необходимо провести формализацию оценок с использованием инструментария нечеткой логики. Применение методов нечетких множеств позволит формализовать процесс оценивания факторов и получить обоснованные математические результаты, а также снизить личностное влияние эксперта на результат эффективности, о котором говорилось выше. При проведении комплексной оценки эффективности управления региональным развитием необходимо привлекать независимое экспертное сообщество.

Проводить оценку эффективности с помощью программных продуктов можно как исполнительным органом власти для представления ситуации в настоящее время и в данной отрасли, так и исследователю (эксперту).

Принимая во внимание, что независимому эксперту или ответственному лицу исполнительного органа власти необходимо аккумулировать все материалы от заинтересованных лиц [4], привести в соответствие рабочие материалы и осуществить перевод в единую систему измерения, отметим, что это процесс сложный и трудоемкий и существует вероятность допустить неточности, ошибки, что в итоге окажет влияние на общий итог оценки эффективности социально-экономического развития региона. Здесь следует обратить внимание на готовые решения – программные продукты. Большинство из них доступны в открытом доступе в сети интернет, но, к сожалению, лишь в демо-версии. Особый интерес представляют следующие продукты по когнитивному моделированию: «Канва», «Аналитик», «Программа Когнитивного Моделирования» (ПКМ) [1], система «Эйдос» [3]. Все эти программы объединяет то, что они позволяют проводить экспертную оценку системы, создавать когнитивную динамическую карту и строить прогноз развития региональной системы.

В ходе исследования и проведения анкетирования экспертов по состоянию региональной регулирующей системы (РРС) была разработана когнитивная модель управления регионом (рис. 2).

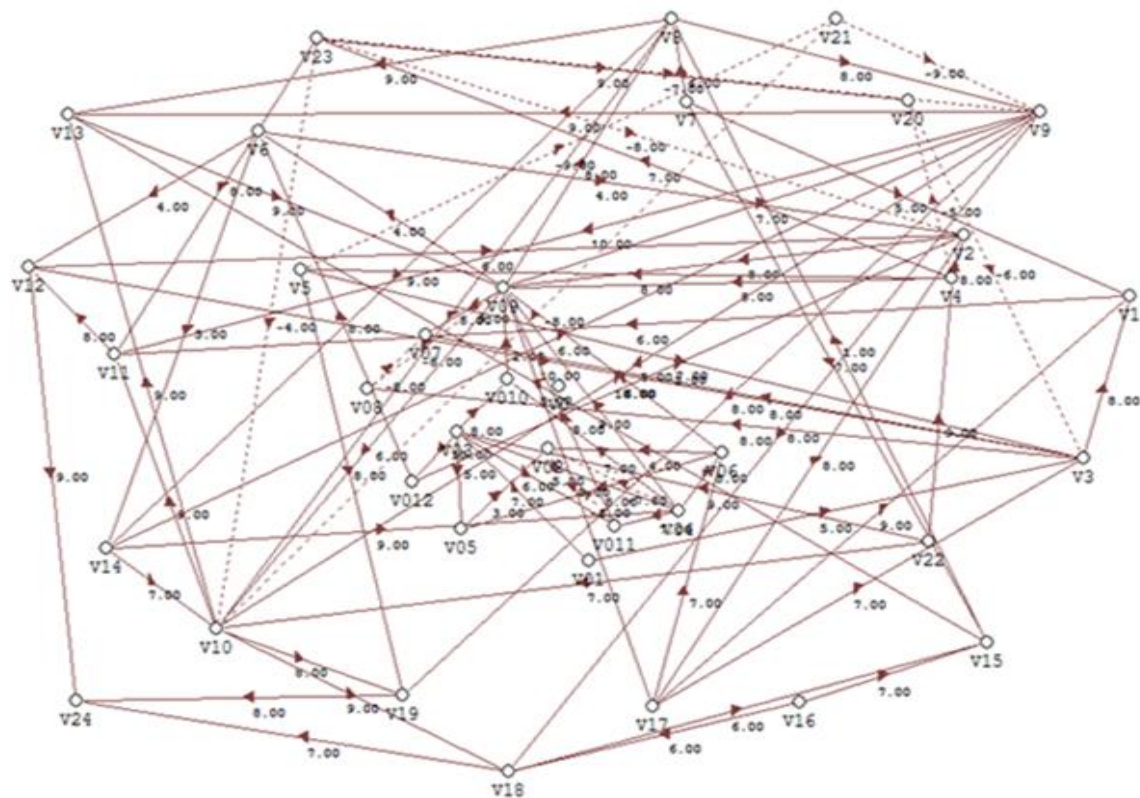
На базе когнитивной модели существует возможность построить прогноз развития, придавая возмущения (+q1) факторам модели. С этой помощью можно на этапе планирования регионального развития предвидеть все возможные варианты, в том числе и негативные.

В конечном итоге, применяя лишь метод экспертных оценок, мы лишаем себя количественных показателей, которые играют важную роль в определении комплексной оценки эффективности региональным развитием. В настоящее время существует необходимость в слиянии количественных и экспертных оценок. Проблема состоит в том, как именно произвести это объединение и представить результаты в единой единице измерения. Здесь подойдет метод нечетких множеств (fuzzy logic).

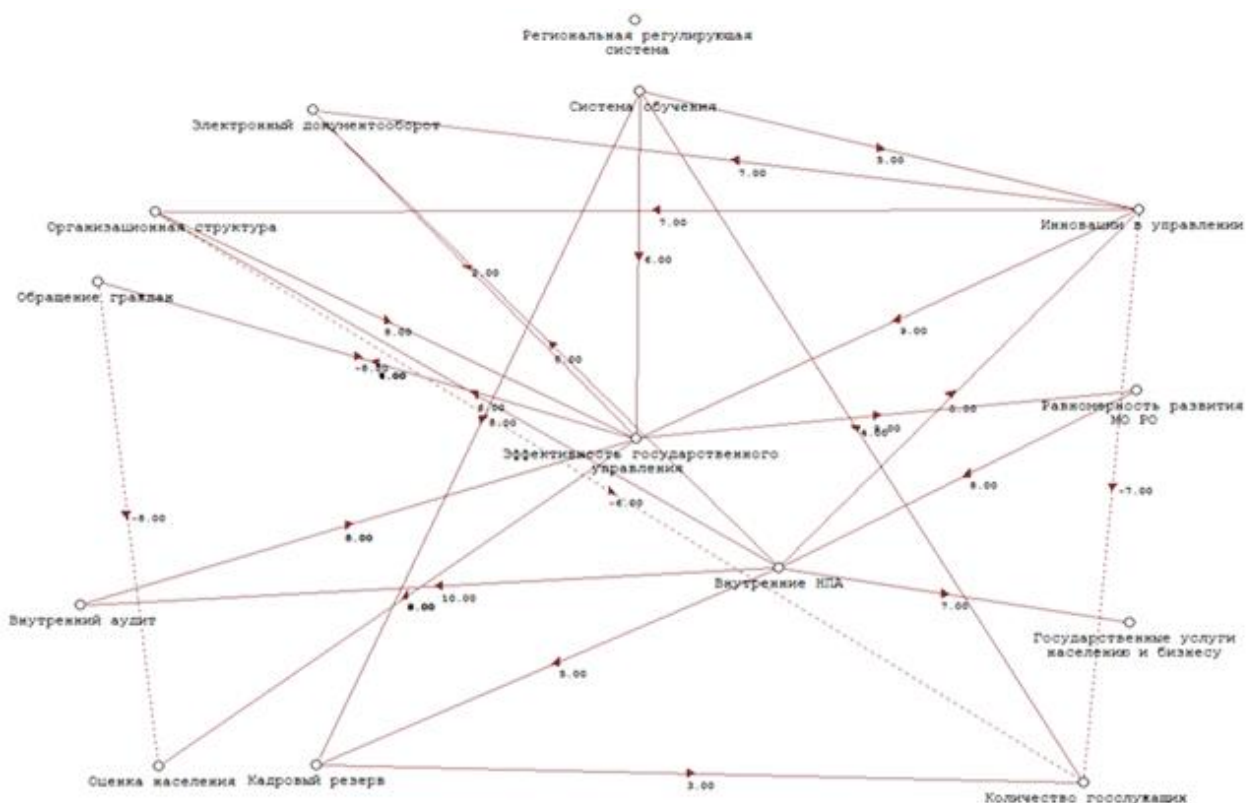
Учитывая большой массив данных и необходимых математических расчетов для лица, проводящего оценку, очень сложно провести данную работу. Поэтому для упрощения процедуры Луценко Е. В. была разработана система «Эйдос» [5, с. 61]. Программный продукт находится в открытом и свободном доступе. Более того, исследователи могут обмениваться своими разработками (приложениями) или корректировать под свою научную область исследования.

Моделирование в системе «Эйдос» основано на матрицах частот, отражающих количество пересечений градаций описательных и классификационных шкал. Математическая модель работы системы базируется на нечеткой логике, что позволяет обеспечить обработку больших данных, перевод в единую систему и сбалансировать массив данных.

Объединение двух программных продуктов существенно расширяет возможности по проведению объективной оценки эффективности управления региональным развитием. С помощью предлагаемого инструментария исследователь имеет возможность получить результаты с высоким уровнем достоверности.



А) Укрупненная модель РРС



Б) детализированная модель РРС

Рис. 2. Когнитивная модель управления регионом

(составлено автором с помощью программного продукта «ПКМ»)

Fig. 2. Cognitive model of regional management (compiled by the author using the PCM software product)

Список источников

1. Горелова Г. В. Когнитивное моделирование сложных систем: состояние и перспективы // Системный анализ в проектировании и управлении: Сборник научных трудов XXV Международной научной и учебно-практической конференции. В 3-х частях, Санкт-Петербург, 13–14 октября 2021 г. Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2021. С. 224-248. DOI 10.18720/SPBPU/2/id21-66. – EDN FIFIVF.
2. G. Gorelova, E. Melnik, I. Safronenkova. The Problem Statement of Cognitive Modeling in Social Robotic Systems // Lecture Notes in Computer Science. – 2021. – Vol. 12998 LNAI. – P. 62-75. – DOI 10.1007/978-3-030-87725-5_6. – EDN YUSCJG.
3. Луценко Е. В. Сценарный и спектральный автоматизированный системно-когнитивный анализ. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2021. 288 с. DOI 10.13140/RG.2.2.22981.37608. – EDN ZQLITW.
4. Дятлов А. В., Игнатова Т. В., Ковалев В. В., Черкасова Т. П. Ресурсы менеджизма для обеспечения эффективности муниципального управления (по оценкам экспертов Южного федерального округа) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 11-17. – DOI 10.22394/2079-1690-2021-1-4-11-17. – EDN WGFNCD.
5. Лойко В. И., Луценко Е. В. Развитый алгоритм принятия решений в интеллектуальных системах управления в АПК на основе АСК-анализа и системы «Эйдос» // Институциональные преобразования АПК России в условиях глобальных вызовов : Сборник тезисов по материалам V Международной конференции, Краснодар, 15–16 июля 2020 года. Краснодар: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», 2020. – С. 61. – EDN OXEQFP.

References

1. Gorelova G. V. Cognitive modeling of complex systems: state and prospects. In: *System analysis in design and management: Collection of scientific papers of the XXV International scientific and educational-practical conference*. In 3 parts, St. Petersburg, October 13–14, 2021. - St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University"; 2021. P. 224-248. DOI 10.18720/SPBPU/2/id21-66. EDN FIFIVF.
2. G. Gorelova, E. Melnik, I. Safronenkova. The Problem Statement of Cognitive Modeling in Social Robotic Systems. *Lecture Notes in Computer Science*. 2021;(12998) LNAI:62-75. DOI 10.1007/978-3-030-87725-5_6. EDN YUSCJG.
3. Lutsenko E. V. *Scenario and spectral automated system-cognitive analysis*. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after. I.T. Trubilina; 2021. 288 p. DOI 10.13140/RG.2.2.22981.37608. EDN ZQLITW.
4. Dyatlov A. V., Ignatova T. V., Kovalev V. V., Cherkasova T. P. Resources of managerialism to ensure the effectiveness of municipal government (according to experts from the Southern Federal District). *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):11-17. DOI 10.22394/2079-1690-2021-1-4-11-17. EDN WGFNCD.
5. Loiko V. I., Lutsenko E. V. Developed decision-making algorithm in intelligent control systems in the agro-industrial complex based on ASC-analysis and the Eidos system. In: *Institutional transformations of the agro-industrial complex of Russia in the context of global challenges: Collection of abstracts based on materials of the V International conference*, Krasnodar, July 15–16, 2020. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin; 2020. EDN OXEQFP.

Информация об авторе

Д. И. Дыльник – старший преподаватель кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. I. Dynnik – Senior Lecturer of the Department of Economics, Finance and Nature Management of South Russia Institute of Management –branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ РЕГИОНОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Алина Семеновна Ефимова¹, Наталья Владимировна Брюханова²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹a.s@uriu.ranepa.ru

²nbruhanova@uriu.ranepa.ru

Аннотация. Региональное развитие субъектов Российской Федерации отличается в зависимости от специфических характеристик и факторов, определяющих их уникальность. Данная статья посвящена анализу состояния креативных индустрий в Южном федеральном округе, а также оценке влияния региональных особенностей на тенденции развития его креативного сектора. Систематизированы региональные меры по поддержке креативного сектора в ЮФО. Предложены и обоснованы актуальные задачи развития креативных индустрий Юга России.

Ключевые слова: регион, социально-экономическое развитие, региональное развитие, Южный федеральный округ, креативные индустрии, креативное предпринимательство, региональный креативный кластер, креативное пространство

Для цитирования: Ефимова А. С., Брюханова Н. В. Тенденции развития креативных индустрий для регионов Южного федерального округа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 45–52. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-45-52>

Problems of Management

Original article

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE INDUSTRIES IN THE REGIONS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

Alina S. Efimova¹, Natalya V. Bryukhanova²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹a.s@uriu.ranepa.ru

²nbruhanova@uriu.ranepa.ru

Abstract. The regional development of the constituent entities of the Russian Federation differs depending on the specific characteristics and factors determining uniqueness. This article is devoted to the analysis of the state of creative industries in the Southern Federal District, as well as assessing the impact of these factors on the trends in the development of the creative sector. Regional measures to support the creative sector in the Southern Federal District have been systematized. The current tasks of the development of creative industries in the South of Russia have been proposed and substantiated.

Keywords: region, socio-economic development, regional development, Southern Federal District, creative industries, creative entrepreneurship, regional creative cluster, creative space.

For citation: Efimova A. S., Bryukhanova N. V. Trends in the development of creative industries for the regions of the Southern Federal District. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):45–52.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-45-52>

Современные тренды развития российской экономики свидетельствуют о необходимости использования креативных индустрий в качестве мощных и перспективных экономических инструментов, в том числе для увеличения потенциала регионального развития, формирования инвестиционной активности региона, ревитализации городских территорий, повышения туристической привлекательности (в том числе культурного туризма), построения новой модели предпринимательской активности [1]. Креативное развитие регионов начинается с создания условий для появления новых креативных инициатив, творческих и инновационных проектов, центров коммерциализации объектов интеллектуальной собственности и трансфера технологий. Креативная индустрия на региональном уровне представлена совокупностью компаний, организаций, институтов, индивидуальных предпринимателей и творческих людей, которые работают в различных отраслях креативных индустрий и других смежных областях, использующих креативный потенциал [2].

По мнению исследователей в области социально-экономического развития субъектов РФ, разработать единую стратегию развития креативного сектора экономики для разных регионов, учитывая специфические характеристики субъектов РФ и факторы, определяющие их уникальность, невозможно [3]. Однако модель развития региональных креативных индустрий можно систематизировать и адаптировать к особенностям каждого региона, учитывая его географическое положение, инфраструктуру, наличие высококвалифицированных кадров, особенности местной культуры и традиции, потенциал экономики и т.д. [4–5]. Работа в этом направлении может проводиться на основе анализа лучших практик развития креативных индустрий, подходов к планированию и реализации соответствующих программ и стратегий, а также участия заинтересованных сторон в этом процессе. Таким образом, для успешной реализации политики в области креативных индустрий необходимо на основе системного представления о креативном потенциале регионов сформировать индивидуальные пути развития региональных креативных индустрий с учетом локальных условий и потребностей.

Развитие экосистемы креативных индустрий на региональном уровне благоприятно влияет на экономическое развитие региона и позволяет использовать потенциал творческих людей и инновационных компаний в интересах решения социальных, экономических и культурных задач. Взаимодействие акторов экосистемы креативных индустрий на региональном уровне способно:

- развитию партнерских отношений и межрегионального трансфера товаров, работ и услуг креативного спектра;
- созданию инфраструктуры, специальных программ и фондов поддержки;
- созданию новых мест работы;
- развитию сферы туризма;
- улучшению социальной инфраструктуры и повышению привлекательности региона для молодых специалистов и инвесторов;
- пространственному развитию территорий, в том числе муниципальных;
- эффективному проектированию комфортной городской среды;
- сохранению культурной идентичности;
- брендингу территорий.

Креативное развитие регионов предполагает финансовую, экономическую и организационную поддержку инновационных и культурных проектов, которые способны усилить конкурентоспособность региона. В региональной инфраструктуре появляются такие проекты, как: креативные кластеры, инкубаторы, культурные центры, площадки с доступом к инструментам и высокотехнологическому оборудованию, арт-резиденции и т.д.

К самым крупным объектам инфраструктуры можно отнести креативные кластеры, которые имеют большое значение для развития креативного сектора в регионе. Они способствуют нетворкингу, улучшению бизнес-климата и благоприятных условий для разработки продуктов интеллектуальной деятельности. Кластеры играют ключевую роль в увеличении числа предприятий, занятых в креативном секторе, а также служат инструментом для коммуникаций, обмена опытом и знаниями между резидентами [6].

В последнее время наблюдается явная тенденция к концентрации креативного потенциала в различных регионах Юга России. Так, например, в Республике Крым работа по увеличению доли

креативного сектора в региональной экономике ведется с 2016 г., а в 2023 г. начал функционировать креативный кластер, созданный Центром «Мой бизнес» Республики Крым в рамках реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Резидентами креативного кластера стали предприниматели, занятые в сферах искусства и культуры, дизайна, digital-медиа и коммуникаций, цифровых технологий, которые в рамках инициативы могут получить помощь в продвижении товаров и услуг, в разработке новых проектов и своем обучении.

Перспектива развития креативной отрасли в Республике Крым обусловлена рядом положительных факторов, прежде всего возможностями туристической отрасли и богатого историко-культурного наследия. Для данного региона развитие креативного и туристического сектора носит синергетический эффект, который стимулирует культурное развитие, повышение туристической привлекательности региона, узнаваемость локальных брендов и освоение неиспользуемых территорий.

Статус креативной столицы Юга России может получить и Ростовская область, которая обладает достаточно широким спектром ресурсов для устойчивого развития креативных индустрий в регионе. Это и большое количество организаций в образовательной сфере и научно-исследовательской, научно-технической деятельности, научно-технологические центры, пространства для коллективной работы. Созданы и функционируют индустриальные парки в полюсах роста (Волгодонск, Шахты, Таганрог). В регионе поддерживаются культурные институции, развивается инфраструктура поддержки креативных отраслей и креативного предпринимательства. С целью стимулирования реализации инновационных проектов, роста уровня инновационной активности предприятий и формирования инновационного мышления детей и молодежи предоставлены субсидии на создание центров молодежного инновационного творчества «Умный кубик», «РОБОТОSchool». Создан центр молодежного инновационного творчества «Центр истинных ценностей» – инновационно-технологическое и креативное пространство, на базе которого функционирует клуб молодых креативных предпринимателей. Министерством культуры Ростовской области разработаны региональные проекты по развитию креативных инициатив: «Цифровая культура», «Творческие люди», «Культурная среда». Регионом заключено соглашение о сотрудничестве с Роскультцентром на экспертное и методологическое сопровождение, в том числе на разработку долгосрочной стратегии по развитию креативных индустрий в регионе, образовательных и культурных мероприятий, создание межведомственных механизмов взаимодействия, исследования состояния рынка и положения креативного предпринимательства в Ростовской области.

Креативные индустрии Краснодарского края также стремительно развиваются. Среди наиболее заметных секторов креативной индустрии можно отметить рекламу, дизайн, фотографию, видеопроизводство, арт-проекты, а также культурные и развлекательные мероприятия. В Краснодарском крае есть крупный центр креативной сферы – город-курорт Сочи. Инвестиции в город за последнее десятилетие усилили туристическую и логистическую инфраструктуры. В 2022 г. на базе Краснодарского краевого колледжа культуры в ст. Северская открылась первая «Школа креативных индустрий». В том же году проект города Армавира «Культурное пространство «Локация»» вошел в Топ-100 проектов России, поданных на конкурс «Лучшие молодежные проекты в сфере креативных индустрий».

Высокий уровень вклада креативных индустрий г. Севастополь в ВРП обеспечен высокой занятостью в предприятиях, осуществляющих деятельность в области разработки компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги, а также деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования, технических испытаний, исследований и анализа. Данные предприятия составляют 33 % от общего числа организаций. В городе Севастополе ежегодно проводятся масштабные культурные мероприятия, например, международный фестиваль профессиональных театров танца «ART-бухта». Функционирует креативное пространство – открытая летняя площадка «Театральная улица» для свободного творчества со сценой, оборудованной необходимой аппаратурой, а также зрительный зал. Проект «Театральная улица» способствует объединению молодых актеров, а также любителей кино и театров для совместного творчества с целью развития культурной городской среды.

Республика Калмыкия и Республика Адыгея по своему социально-экономическому и территориальному развитию уступают другим субъектам ЮФО, что в свою очередь затрагивает развитие креативных индустрий. В регионах отсутствуют крупные компании, работающие в сфере

дизайна, архитектуры, мультимедиа и других направлений креативной индустрии. Однако некоторые предприниматели занимаются производством национальных товаров, есть небольшие творческие группы и студии, занимающиеся фотографией, видеопродакшеном, дизайном сайтов и брендингом. В целом, уровень развития креативной отрасли в этих регионах нуждается в поддержке со стороны правительства и бизнес-сообщества. В настоящее время в Республике Калмыкия осуществляют деятельность более 15 творческих объединений, направленных на обеспечение творческого и культурного развития личности, успешной и эффективной самореализации молодежи, ее участие в культурной жизни региона. Также Республика Калмыкия включена в список 14 пилотных регионов по реализации проекта создания арт-резиденции. В настоящее время проходит второй этап программы по формированию проекта.

Креативный сектор Волгоградской области достаточно активный, в регионе присутствуют образовательные организации, направленные на подготовку кадров, занятых в креативном секторе [7]. В 2023 г. была утверждена программа сотрудничества региона с г. Санкт Петербургом, в том числе и по направлениям креативной индустрии. В регионе активно развивается социальная сфера – образование, культура, IT-технологии, активно ведется работа по реновации промышленных зон в свободные пространства (лофт, коворкинг). Активную деятельность по улучшению креативного потенциала ведет Центр урбанистики. На базе Волгоградского музея изобразительных искусств им. И. И. Машкова работают клубы, кружки, секции по изучению культурных, творческих технологий. На площадке музея-заповедника «Старая Сарепта» открыта креативная лаборатория по концепции открытого креативного пространства, работа которого сконцентрирована на создании творческих единиц, служащих для создания бренда региона.

В целом, креативный сектор Волгоградской области обладает определенной специализацией, что позволяет достичь рядом видов деятельности высоких показателей – так, в г. Урюпинске развито полиграфическое производство; во многих муниципальных районах, не являющихся городами, есть значительный процент организаций, осуществляющих культурно-просветительскую деятельность (библиотеки, музеи, арт-деятельность в области фотографии, мода и дизайн украшений).

Доля креативной отрасли Астраханской области в экономике довольно незначительная, однако креативный сектор имеет потенциал для дальнейшего развития. Креативная индустрия, такая как дизайн, архитектура, изобразительное искусство, музыкальная индустрия и технологии развлечений, имеет потенциал для создания высокодоходных рабочих мест и привлечения инвестиций. Тем не менее, в последнее время проводятся определенные мероприятия по поддержке и развитию креативных индустрий в регионе. Так, в 2019 году была создана централизованная площадка «Культура живого дела» для проведения мероприятий и промоушена творческих продуктов. Также регулярно организуются фестивали, выставки и конкурсы, призванные стимулировать развитие креативных индустрий.

На основе собранных данных о субъектах ЮФО был произведен расчет оценки вклада креативных индустрий в ВРП. Для расчета приближенной оценки доли креативных индустрий были использованы исходные данные из российских источников статистической информации Росстата и Атласа креативных индустрий Российской Федерации.

Как следует из приведенных в табл. 1 данных, к числу регионов ЮФО, характеризующихся наиболее высоким уровнем креативного развития, можно отнести Краснодарский край и Ростовскую область, к регионам со средним уровнем – Республика Крым, г. Севастополь и Волгоградскую область, к низкому – Астраханская область, Республика Адыгея и Республика Калмыкия.

Для более углубленной оценки обратимся к моделям определения индекса креативности, базирующимся на исследованиях российских и зарубежных авторов [8–9]. Индекс креативной активности – показатель, характеризующий уровень развития креативного сектора в регионе, необходимый для относительной оценки креативных индустрий с разной численностью населения, также позволяет оценить возможности инновационно-креативного сектора¹.

¹ Исследования ВШЭ

https://www.hse.ru/data/2022/02/16/1747107914/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue_Creative_Cities_02-2022.pdf.

Таблица 1. – Креативное развитие субъектов ЮФО (составлено авторами по данным [10])

Table 1. – Creative development of the subjects of the Southern Federal District

Показатель	Все субъекты РФ	Ростовская область	Краснодарский край	Республика Крым	город Севастополь	Волгоградская область	Астраханская область	Республика Адыгея	Республика Калмыкия
Общий объем оборота всех организаций, млн руб.	235630	5 288 581,8	8 115 779,5	911 019,0	226 145,4	2 238 951,3	926 050,1	380 555,9	67 338,9
Организаций задействовано в креативных индустриях региона, тыс.	747,8	17	25,8	8,2	2,8	7,8	2,9	1	0,85
От всех организаций области приходится на креативные индустрии, %	9,68	7,6	7,3	8,2	10,1	7,9	7,2	8,4	6,9
Среднесписочная численность работников организаций креативных индустрий региона, тыс. чел	1612,5	24,3	35,1	6,2	3,3	9,8	3,4	0,5	0,34
От общей численности сотрудников области приходится на креативные индустрии, %	4,98	3,2	3,4	1,9	4,4	2,1	1,9	1,2	0,7
Выручка организаций креативных индустрий, млрд руб.	1073	70,8	123,5	30,2	5,5	20,8	6,3	1,2	0,9
От суммарной выручки всех организаций приходится на креативные индустрии, %	4,21	1,9	1,8	2,5	4,3	1,2	1,1	0,8	2,5
Приближенная оценка вклада креативных индустрий в ВРП, %	4,98	3,2	3,4	1,9	4,4	2,1	1,9	1,2	0,7

Уровень развития креативной индустрии в регионах зависит многих факторов, например, таких как:

1. Уровень развития образования и науки (количество образовательных центров, университетов, научных центров, научно-исследовательского персонала и т.д.).

2. Уровень экономического развития (социально-экономическое развитие региона, благоприятный климат для ведения предпринимательской деятельности, перспективы реализации проектов).

3. Уровень предпринимательской активности (количество индивидуальных предпринимателей и самозанятых, условия для развития молодежного предпринимательства, поддержка стартап-проектов студентов).

4. Уровень социокультурной активности (посещение театров, библиотек, музеев, выставок, участие в культурно-досуговых мероприятиях).

5. Количество и качество государственной поддержки деятельности в сфере культуры, искусства, науки и техники.

Учет структуры креативного сектора в конкретных субъектах, соотношения в них локальных и городских бизнес-индустрий, особенностей исторического развития и пространственного размещения отдельных отраслей позволит предложить набор эффективных мер политики, направленных на поддержку данного сектора. Креативные индустрии в регионах ЮФО требуют индивидуального управленческого подхода, ориентированного на глобальное лидерство и конкуренцию. Также важным моментом является сотрудничество и партнерство со сторонами, включая государственные и частные организации, инвесторов и академическое сообщество.

Анализируя тенденции развития креативных индустрий в субъектах ЮФО, можно выделить основные механизмы, влияющие на рост и увеличение показателей креативной активности региона (см. табл. 2):

- создание кластеров инноваций и технологий, которые способствуют сотрудничеству между предприятиями, учеными и культурными организациями;

- развитие культурной инфраструктуры и рекреационных зон, которые могут привлекать туристов в регионы;

- формирование пространств для творческих людей, обмена идей и разработки проектов;

- поддержка и развитие новых форм бизнеса, которые основаны на использовании новых технологий, создании коллективного творчества;

- развитие образовательных программ и центров, созданных для развития творческих способностей и навыков у жителей регионов;

- поддержка запуска новых стартапов и инновационных проектов, включая финансирование;

- содействие взаимодействию и организация коллаборации между креативными и инновационными компаниями и другими заинтересованными сторонами в регионе;

- создание и развитие кластеров высокотехнологичной и креативной промышленности, способных привлекать инвесторов и талантливые кадры;

- поддержка предпринимательской деятельности, финансовых инвестиций и создание новых рабочих мест в креативных отраслях;

- развитие инновационной инфраструктуры, включающей в себя надежные коммуникационные и транспортные системы;

- разработка программы, предоставляющей креативным компаниям и предпринимателям доступ к субсидиям, грантам и налоговым льготам;

- разработка системы обучения, в том числе создание инновационных учебных программ, которые способствуют развитию творческого мышления и инновационных методов решения проблем.

Такие механизмы могут способствовать росту экономики и повышению стандартов жизни в регионе, обеспечивают стабильность и рост инвестиций в креативные отрасли, а также привлекают талантливых специалистов и предпринимателей. В целом, механизмы взаимодействия элементов экосистемы креативной индустрии многообразны и сложны, и их понимание является ключевым фактором для успешного развития креативной индустрии.

**Таблица 2. – Анализ наличия факторов развития креативной отрасли в регионах ЮФО
(составлено авторами)**

Table 2. – Analysis of the presence of factors for the development of the creative industry in the regions of the Southern Federal District

Регион	Наличие региональной стратегии развития КИ	Наличие функционирующего регионального кластера КИ	Наличие инструментов поддержки КИ/МСП	Наличие центров компетенций	Наличие центров по подготовке кадров КИ
Ростовская область	-	-	+	+	+
Краснодарский край	-	+	+	+	+
Республика Крым	+	+	+	+	+
город Севастополь	-	-	+	+	-
Волгоградская область	-	+	+	-	+
Астраханская область	-	-	+	-	+
Республика Адыгея	-	-	-	-	-
Республика Калмыкия	-	-	-	-	+

Также в экосистеме креативных индустрий особую роль играют культурные центры, галереи и музеи, которые занимаются продвижением творческих работ и привлечением публики к ним. Кроме того, большое значение имеют медиафирмы, которые продвигают творческие работы через различные каналы информации, хотя креативные индустрии являются очень инновационными, они сталкиваются с рядом проблем при проведении исследований и разработок, в том числе:

- их результаты в основном нематериальные и во многих случаях уникальны, что означает, что традиционные методы управления и финансирования НИОКР не всегда могут работать;
- они характеризуются большим количеством субъектов малого и среднего предпринимательства, и как следствие, им может не хватать потенциала для стратегических исследований и разработок, включая связи с академическим сообществом;
- результаты творческой деятельности, исследования или новые технологии не всегда признаются и используются;
- большой процент «креативного класса» составляют фрилансеры.

Тенденции развития креативных индустрий представляют собой эффективный инструмент, направленный на улучшение социально-экономического развития субъектов ЮФО. Большинство регионов проявляют интерес к развитию креативных индустрий, некоторые уже имеют достаточную базу для ее функционирования и конкурентные преимущества в разной степени. Наиболее активно этот сектор развивается в Краснодарском крае и Ростовской области.

Развитие креативных индустрий в Южном федеральном округе благотворно влияет на экономику регионов, территориальное устройство, привлекательность центральных и периферийных городов (например, кейс г. Урюпинск Волгоградской области), может стать одним из ключевых факторов экономического роста регионов Южного федерального округа. Сотрудничество между представителями креативных индустрий, государственными органами и другими экосистемными элементами креативной индустрии субъектов Южного федерального округа может стать основой для реализации межрегиональных креативных проектов.

Список источников

1. Пономарева А. М., Игнатова Т. В. Разработка матрицы инновационно-креативного развития города на основе индексного метода // Вопросы регулирования экономики. 2018. № 3. С. 37-47.
2. Ефимова А. С. Концептуальные основы экосистемы креативной индустрии // Конкурентоспособность в глобальном мире. 2023. № 4. С. 135-139.
3. Развитие креативной экономики региона: (на примере Республики Крым) / О. В. Локота, А. В. Баранов, Т. В. Подольская [и др.]. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2020. 172 с.

4. Смольянова И. В. Развитие креативных индустрий как перспективный инструмент региональной социально-экономической политики // Креативная экономика. 2022. Том 16. № 10. С. 3771–3784.
5. Смольянова И. В. Компаративистский анализ приоритетов социально-экономического развития регионов Южного Федерального округа // Креативная экономика. 2023. Том 17. № 2. С. 731–746.
6. Морозова С. С., Бабюк И. А. Развитие креативных пространств как источник роста социального капитала в цифровую эпоху // Креативная экономика. 2023. Том 17. № 2. С. 527–540.
7. Акимова О. Е. Анализ потенциала развития креативных индустрий в Волгоградской области // Вопросы региональной экономики. 2021. № 2(47). С. 19–27.
8. Морданов М. А. Оценка уровня креативности регионов России: применение индекса Флориды в современных реалиях // Креативная экономика. 2022. Том 16. № 6. С. 2093–2110.
9. Грошев И. В., Краснослободцев А. А. Цифровизация и креативность российских регионов // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 66–78.
10. Атлас креативных индустрий Российской Федерации / Т. Журавлёва, И. Токарев, О. Гай. М.: Агентство стратегических инициатив, 2021. 558 с.

References

1. Ponomareva A. M., Ignatova T. V. Elaboration of Innovative and Creative City Development on the Basis of Index Method. *Journal of Economic Regulation*, 2018;(3):37–47. (In Russ.)
2. Efimova A. S. Ecosystem conceptual foundations creative industrial. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire = Competitiveness in a global world: economics, science, technology*. 2023;(4):135–139. (In Russ.)
3. Lokota O. V., Baranov A. V., Podolskaya T. V. and others. *Creative economy of the region (Republic of Crimea)*. Rostov-on-Don; 2020. 172 p. (In Russ.)
4. Smolyanova I. V. (2022) Development of creative industries as a promising tool for regional socio-economic policy. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy*. 2022;16 (10): 3771–3784. (In Russ.)
5. Smolyanova I. V. Comparative analysis of the socio-economic development priorities of the Southern Federal District regions. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy*. 2023;17(2):731–746. (In Russ.)
6. Morozov, S. S., Babyuk I. A. Development of creative spaces as a source of social capital growth in the digital age. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy*. 2023;17(2):527–540. (In Russ.)
7. Akimova O. E. Analysis of the creative industries development potential in the Volgograd region. *Voprosy regional'noi ekonomiki = Economic Issues in Regional Integration*. 2021;2(47):19–27. (In Russ.)
8. Mordanov M. A. Assessing the level of creativity in Russian regions: application of the Florida index to current realities. *Kreativnaya ekonomika = Creative economy*. 2022;16(6):2093–2110. (In Russ.)
9. Groshev I. V., Krasnoslobodtsev A. A. Digitalization and creativity of Russian regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2020;(5):66–78. (In Russ.)
10. Zhuravleva T., Tokarev I., Gai O. *Atlas of Creative Industries of the Russian Federation*. Moscow; 2021. 558 p.

Информация об авторах

А. С. Ефимова – аспирант кафедры экономики, финансов и природопользования, эксперт отдела современных образовательных технологий инновационно-технологического центра ЮРИУ РАНХиГС.
Н. В. Брюханова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования, директор учебно-научного центра ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

A. S. Efimova – Postgraduate student of the Department of Economics, Finance and Environmental Management, expert of the Department of Modern Educational Technologies of the Innovation and Technology Center of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
N. V. Bryukhanova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Economics, Finance and Nature Management, Director of the Educational and Scientific center of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Научная статья

УДК 37+323+316.4

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-53-61

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ»

Анастасия Александровна Иванова¹, Елизавета Александровна Гринченко²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, a.ivanova2013@rambler.ru

²Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

²Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Современный образовательный детерминизм, его вес и качественное измерение определяют возможные контуры динамики политико-управленческого онтогенеза государственного строительства, контуры модификаций интеллектуального потенциала социально-экономических систем общества. Сущностные характеристики образования вполне соответствуют социально-политической природе того общества, которое именуется информационно-интеллектуальным, где знания становятся главной ценностью нематериальных активов, перманентно изменяя характер и взаимосвязи в системе образования и общества. Объект исследования – политическое управление интеллектуальными ресурсами в современных условиях модернизации российского образования. Предмет исследования – теоретико-методологическое основание моделирования политического управления динамикой изменения структурно-функционального содержания, организации и социального статуса системы интеллектуальных ресурсов в условиях политико-социальной трансформации российского общества.

Рассмотрены теоретико-методологические основания исследования управления интеллектуальными ресурсами и сущностные характеристики понятийно-категориального аппарата, которые повлияли на институциональную модификацию системы интеллектуального воспроизводства в современной России. Теоретико-методологическое изучение оснований моделирования политического управления как терминальной ценности изменения динамики содержания, организации и социально-политического статуса системы интеллектуальных ресурсов позволило по-новому проанализировать политико-социальную трансформацию российского общества. Определены концептуальные подходы к управлению интеллектуальными ресурсами, диагностировавшие состояние политико-социологического осмысления методологических проблем интеграции гуманитарного знания в государственную образовательную политику. Предложены меры, которые смогли бы поспособствовать оптимизации управления интеллектуальными ресурсами с учетом реализации задач национального проекта «Образование».

Ключевые слова: интеллектуальные ресурсы, государственная образовательная политика, образовательный детерминизм, интеллектуальная система, органический реинжиниринг, интеллектуальный потенциал, инновационное развитие, национальный проект «Образование»

Для цитирования: Иванова А. А., Гринченко Е. А. Управление интеллектуальными ресурсами в контексте реализации национального проекта «Образование» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 53–61. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-53-61>

Problems of Management

Original article

INTELLECTUAL RESOURCE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT «EDUCATION»

Anastasia A. Ivanova¹, Elizaveta A. Grinchenko²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, a.ivanova2013@rambler.ru

²Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

²South Russian branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. Modern educational determinism, its weight and qualitative dimension determine the possible contours of the dynamics of the political and managerial ontogenesis of state-building, the contours of modifications of the intellectual potential of socio-economic systems of society. The essential characteristics of education fully correspond to the socio-political nature of the society, which is called information and intellectual, where knowledge becomes the main value of intangible assets, permanently changing the nature and interrelationships in the education system and society. The object of the study is the political management of intellectual resources in the modern conditions of modernization of Russian education. The subject of the research is the theoretical and methodological basis for modeling political management of the dynamics of changes in the structural and functional content, organization and social status of the system of intellectual resources in the conditions of political and social transformation of Russian society. The theoretical and methodological foundations of the study of intellectual resource management and the essential characteristics of the conceptual and categorical apparatus that influenced the institutional modification of the system of intellectual reproduction in modern Russia are considered. The theoretical and methodological study of the foundations of modeling political governance as the terminal value of changing the dynamics of the content, organization and socio-political status of the system of intellectual resources allowed a new analysis of the political and social transformation of Russian society. Conceptual approaches to the management of intellectual resources have been identified, which have diagnosed the state of political and sociological understanding of methodological problems of integrating humanitarian knowledge into state educational policy. The measures that could contribute to optimizing the management of intellectual resources, taking into account the implementation of the tasks of the national project «Education», are proposed.

Keywords: intellectual resources, state educational policy, educational determinism, organic reengineering, intellectual system, intellectual potential, innovative development, national project "Education"

For citation: Ivanova A. A., Grinchenko E. A. Intellectual resource management in the context of the implementation of the national project «Education». *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(2):53–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-53-61>

Введение

Интеллектуальные ресурсы – единство носителей интеллекта и результата общего продукта умственной деятельности социальных групп, выраженного в виде когнитивной активности индивидов и последующей возможности интенсификации мыслительного капитала в процессах реализации индивидуально-личностного и коллективно творческого потенциала членов общества. Такие категории, как «образованность» и «интеллект» представляют собой продукт национального богатства государства в процессе его интеллектуальной трудовой инициативы с последующей модификацией компоненты интеллектуальных ресурсов.

Семантический анализ категории «интеллектуальные ресурсы» детерминирует конструкт двойного словообразования, соотносящегося с общенаучным характером – интеллект и ресурсы. Интеллект (от intellectus – «рассудок») это способность индивида к разумению, пониманию, интроспекции и рефлексивным процессам для осознанности управления окружающей средой человека с применением абстрактных концепций и когнитивных конструкций. Ресурс (от ressource) – это количественно измеряемая и физически осязаемая возможность выполнения какой-либо деятельности человеком для получения желаемого результата. Это, своего рода, материальный источник, имеющийся в наличии для мобилизации деятельности индивидов.

Видовая природа ресурсов развития образовательной политики, традиционно делится на: 1) интеллектуальные (образовательный уровень населения, умственный потенциал); 2) материально-инфраструктурные (материально-техническая база и развитость индустрии образовательного учреждения); 3) профессиональные (наличие компетентных высококвалифицированных специалистов, научная и культурная педагогическая элита); 4) духовно-ценностные (система культурного ценностно-ориентационного единства системы образования, корпоративная культура в среде научно-педагогического общества); 5) организационные (новые механизмы управления и организационные модели); 6) нормативно-правовые (совокупность нормативно-правовых актов, оказывающих воздействие на развитие системы образования).

Следовательно, интеллектуальное обеспечение, в значительной мере, носит характер сознательной, целеустремленной, предметно-практической деятельности, направленной на формирование, развитие и рациональное использование интеллектуальных ресурсов, т.е. это многогранный

и трудоемкий процесс преобразования интеллектуальной деятельности силами государственной образовательной политики.

Возрастает значение таких нематериальных активов социального развития общества, как информация, знания, интеллект, эрудиция, мастерство. Постепенное нелинейное, но мощное нарастание роли творческой деятельности индуцирует изменения факторов интеллектуального производства. Трансформируется культура знаний и структура, призванная сформировать базис креатосферы. Модификационному влиянию подвергается и социально-политическая роль образования как нового структурного подразделения, где человек становится активным элементом интеллектуального круговорота, а его мотивация и ценности тесно связаны с саморазвитием и самореализацией [1, с. 37]. На основе новосконструированных умственных интеракций развивается прозелит общественной жизни, конъюгированный с возрастанием доминантной роли творческой деятельности.

Проблемное поле исследования

Анализ генезиса образовательной системы обратил исследовательский фокус на то, что при весомом росте общественной потребности в получении профессионального высшего образования, качественное содержание интеллектуальной грамотности и потенциала страны существенно снизилось в следующих функциональных точках [2, с. 84].

- 1) минимизация нравственно-этической направленности обучения, отражающаяся в низком уровне гражданского воспитания и служения профессиональному долгу на пользу и благо страны;
- 2) регрессионный декаданс общего уровня функциональной грамотности населения страны;
- 3) деформационные процессы общего образовательного аксиологического пространства, где нравственной оценкой является образовательный консеквент, отраженный в диверсификации учебно-методических источников по исторической линии памяти;
- 4) утрата потенциала в когорте инженерно-технологических кадров в области отраслей, обеспечивающих современное научно-техническое состояние;
- 5) диспропорциональное распределение инновационно-технической материальной и лабораторной базы среднего общего образования;
- 6) снижение уровня стимулирующего финансирования интеллектуального труда преподавательского корпуса, его финансовая пауперизация;
- 7) фатальное сокращение духовного влияния и социального авторитета представителей интеллектуальной элиты в обществе.

Помимо обеспечения интеллектуальной безопасности государственных образовательных институтов и институций в поддержании высокого уровня общефункциональной грамотности населения и его компетентности, видна острая лакуна в создании благоприятных социокультурных и политико-ориентированных предпосылок для обеспечения процессов интеллектуальной гражданской социализации и воспроизводства состава профессиональных кадров для отраслей, обеспечивающих интеллектуальное развитие и прирост человеческого капитала. Непригодность традиционных моделей государственно-управленческого подхода образовательной системой, циклично обращает исследовательское внимание на потребность государственной образовательной политики в модернизационных переменах. Ориентация должна перейти на формирование гражданской культуры акторов интеллектуального процесса, сфокусированных на подготовке конкурентоспособных интеллектуальных ресурсов, востребованных на отечественном и международном рынке труда.

Теоретические основы и методы исследования

В отношении исследования интеллектуальных ресурсов было выделено пять подходов:

- 1) Философский подход. Фрагментарная умозрительная категория, созидательного импульса к модификации, отождествлялась с пониманием фабулы «интеллектуальные ресурсы», резилентной по способности трансформироваться во временном континууме. (Представители: Ф. Аквинский, А. А. Ухтомский, П. А. Флоренский).
- 2) Психолого-педагогический подход. Интерпретирует категорию «интеллектуальные ресурсы» как детерминированную возможность индивида к непрерывному обучению, заложенную функциональной потребностью к процессу самоактуализации. Репрезентативными индикаторы

подхода являются: компетентность, инициативность, творческая энергия. (Представители: Д. Б. Богоявленская, А. И. Кочетов, А. И. Субетто и др.).

3) Кадровый подход. Интеллектуальные ресурсы – резервы и возможности организации, включающие потенциал кадрового корпуса, структуру его организационного и кодифицированного знания. В данном подходе, актуальность кадрового обеспечения государственной службы связана с потребностью интенсификации профессиональной модернизации кадрового состава с целью оптимизации профессиональной подготовки сотрудников. Это определенный процесс «докимации кадров», т. е. проверка на профпригодность интеллектуальных кадров, позволяющая определить необходимость качественного выполнения служебных функций. (Л. С. Выготский).

3) Социально-экономический подход. Это комплексная характеристика уровня развития членов организации в контексте творческого мышления, разработки эффективных решений и возможностей для страны, отрасли, личности с функционированием сфер образования и науки и ускорением научно-технического прогресса. (Представители: К. Левашов, Б. Г. Клейнер, А. Ф. Мартынов).

На сегодняшний день, можно предположить, что система российской образовательной политики находится в бифуркационной стадии развития, что подразумевает турбулентное состояние, где система либо оптимизирует весь комплекс своих ресурсов и успешно пройдет стадию инноватизации, либо не сумеет должным образом мобилизовать свой ресурсный потенциал и качественно регрессирует. В этом смысле, целесообразно провести параллель перехода от конфликтологической модели развития образовательной системы к функциональной модели.

В русле конфликтологического подхода, представителем которого является Георг Зиммель, образовательная система представляет собой закономерный конфликт образовательных сил, так как претерпевает структурно- функциональное изменение системы, в целом. При конфликтологической модели обуславливаются следующие концепты: 1) каждый элемент общества в любой момент времени изменяется, структурное изменение всеобщее для каждого из функциональных звеньев социально-политической системы; 2) каждая социально-политическая система в любой из моментов времени испытывает естественно-рациональный микроструктурный и макроструктурный эвентуальный конфликт; 3) каждый элемент социально-политической системы общества содействует его изменению; 4) каждая система лабильна в политической иерархизации, а, следовательно, основана на подчинении одних индивидов и социальных групп другими, т.е. одних диссипативных структур в диссипативные структуры более высокого порядка [3, с. 113].

Функциональная модель фиксирует в своей концептуальной базе следующие смысловые единицы: 1) каждая социально-политическая система – относительно устойчивая и стабильная конфигурация элементов; 2) каждый элемент социально-политической системы-хорошо интегрированная конфигурация элементов; 3) каждый элемент общественной системы содействует его устойчивому функционированию. В рамках функционального подхода правомерно обратить исследовательский ракурс на значимость идеологии образовательной инновации, а также инновационного поведения и инновационной восприимчивости субъектов интеллектуальной системы. Государственная образовательная политика непременно должна задействовать ресурсы на оптимизацию организационного потенциала управления, выстраивания сферы компетентности инновационного развития по критерию значимости целей.

В рамках исследовательской работы основной вектор традиционного анализа нормативно-правовых актов был сопряжен с изучением ключевых национальных идей в рамках национального проекта «Образование». Рассмотрим ключевые показатели эффективности, на достижение которых влияет национальный проект «Образование»¹:

1) создание комплекта возможностей, адаптированных на комплексное развитие талантов личности, а также вхождение Российской Федерации в число десяти лидирующих стран мира по качеству общего образования;

2) создание условий для гуманного возвращения гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

¹ Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]. URL :<https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения: 17.12.2022 г.)

В соответствии с очерченными целями модернизации образования роль преподавателя становится базисной в процессе перехода к модели цифрового постиндустриального образования, «проблемного обучения», направленного на мобилизацию личностных творческих результатов. Дефицит социального творчества необходимо преодолеть и в преподавательской среде, где преподаватель – носитель нормативно-ценностных и символических интеллектуальных референций. Однако проблемным полем все еще остается приобретенный приписанный социальный статус акторам сферы образования Российской Федерации. Престиж и значимость интеллектуальной элиты, по результатам многочисленных социальных опросов, диагностирует колоссальное истощение данных характеристик, а работу представителей сферы образования отождествляют с исполнительными функциями [4, с. 68–69].

Эмпирическая база. В рамках настоящей исследовательской работы было проведено пилотное социологическое исследование, целью которого ставилось исследование социального самочувствия представителей интеллектуального кадрового корпуса и диагностирование развитости интеллектуальной экосистемы вуза, ее турбулентных ресурсных зон. Сбор первичной социологической информации осуществлялся с помощью социологической анкеты – «Оптимизация социоинженерных методов управления интеллектуальными ресурсами Российской Федерации с учетом реализации задач национального проекта «Образование»¹. В настоящем исследовании предпринята попытка исследования проблемного поля посредством анализа данных экспертного опроса представителей научного сообщества ЮРИУ РАНХиГС.

Позитивной тенденцией за последние два года, по мнению деканов высшей школы, стало государственное финансирование на реализацию проектов, включающих: 1) инновационную деятельность; 2) пополнение современных оснащением библиотечного фонда; и, что самое главное 3) модернизация учебно-лабораторного и учебно-производственного оборудования. И пусть по ранжированию, модернизация учебно-лабораторного и учебного-производственного оборудования, на сегодняшний день, занимает заключительное третье место, это уже говорит о том, что создаются колоссальные попытки осовременить материально-технические условия субъектов образовательного процесса. Реструктуризация учебно-производственного оборудования поспособствует формированию информационной культуры современного человека, послужит катализатором в прививании ему навыков организации самостоятельной познавательной деятельности, когда результатом обучения становится не простая сумма знаний, а умение самостоятельного поиска и приобретения знаний и работы с информацией [5, с. 130].

Специфика инновационного моделирования российской образовательной системы индуцирует появление качественно нового социотипа педагога, имманентно функциональной субинституциональной личности, обладающей инновационной способностью к обеспечению нового образовательного вектора развития [6, с. 47]. Это коллективный субъект образовательных методических новаций, воспроизводящий прогностически ориентированные черты жизнедеятельности общества.

Что понимают респонденты под инновациями в государственной образовательной политике? Результаты опроса демонстрируют, что большинство экспертов (25 %) понимают под инновациями в контексте государственной образовательной политике инновационно-технологическую организацию образовательной и научной деятельности. Меньшая доля экспертов (11,5 %), сводящих инновации к использованию инновационных методик. Еще 7,7 % считают, что инновации в образовательной политике – это использование ИКТ. Резюмируя, можно заключить, что 44 % экспертов склонны понимать под инновациями в образовательной политике инновационные способы, инструменты и методики организации научного и образовательного процесса, в том числе его цифровизацию.

¹ Сбор первичной социологической информации осуществлялся с помощью социологической анкеты – «Оптимизация социоинженерных методов управления интеллектуальными ресурсами Российской Федерации с учетом реализации задач национального проекта «Образование». Были опрошены деканы, входящие в профессорско-преподавательский состав, имеющие соответствующую ученую степень и ученое звание г. Ростова-на-Дону. Формулировки вопросов и варианты ответов изложены в редакции, предложенной респондентам. Данные приведены в процентах от реального количества ответов. Социологическое исследование было проведено в период с мая по июнь 2022 г.

Так, 2/3 опрошенных на вопрос «Какими инновационными компетенциями необходимо обладать преподавателю в процессе взаимодействия с обучающимися?» убеждают в первоочередной необходимости ментального формирования инновационной восприимчивости. Это вбирает в себя способность работать с информацией, управлять информационными потоками, адаптивность к новой информации – быстрота, гибкость, своевременность переключения с одного способа действий на другой. Объясним и тот факт, что меньшую популярность и внимание респондентов заняли такие компетенции как: лидерские (умение управлять изменениями, которые могут происходить в цифровом обучении) – 20 %; компетенции инициативного порядка (создание научно-инновационной и учебно-инновационных разработок) – 20 %. Так как находить баланс между изменениями и первоначальными требованиями, а также готовность к творческому эксперименту – составляющие показатели инновационной восприимчивости, индицирующие свойства ее адаптивности.

Примечательно, что респонденты не выразили направленность в сторону таких актуальных, на сегодняшний день, «предпринимательских компетенций», включающих в свой состав новаторство и новизну в методике преподавания с опорой на собственную инициативу, смелость и изобретательность, состязательность и не боязнь риска. Это можно истолковывать как сохранившийся атавизм конформного образовательного поведенческого бытия еще со времен Советского союза, нерешительность проявлять свои профессиональные умения в новаторских креативно-творческих разработках, брать на себя интеллектуальную ответственность перед обществом.

При формировании парадигмы «инновационного вуза», важным стало применение новых технологий в процессе преподавания. В сжатые сроки процесс взаимодействия преподавателя, как носителя информации и студента, как реципиента, принимающего информацию, был переведен на «дистанционные рельсы». Программы высшего образования заметно трансформировались, перейдя на электронные ресурсы, успешно автоматизировавшись на нескольких интернет-площадках с использованием аудио- и видеоконференций: Microsoft Teams, Zoom, Youtube, Skype Moodle, Teachbase, Фоксворд; электронно-информационной образовательной среде ВУЗа – СДО. Наибольшую популярность среди российских вузов получили LMS-платформы, предназначенные для размещения контента и проверки знаний студентов. Становится видно, что существует потребность в переориентировании дистанционной формы обучения, как неотъемлемой и естественной составляющей учебной деятельности человека, путем совершенствования методического и технического обеспечения учебного процесса.

Деканы ЮРИУ РАНХиГС твердо убеждены, что руководству вуза также необходимо внедрять новые аттестационные процедуры и предоставлять творческие возможности для профессорско-преподавательского корпуса.

1. Оценивать ценностное значение труда преподавателей как главных действующих акторов высшей школы, обеспечивающих созидательно-творческий учебный процесс. Уйти от процедуры оценивания ППС как персонала по оказанию образовательных услуг (60 %).

2. Ратифицировать такую систему учета деятельности ППС и последующего премирования, которая смогла бы функционально оценить суммарное участие преподавателя в подготовку и сопровождение студентов соразмерно затраченным трудовым ресурсам (60 %).

3. Оценивать преподавателей как интеллектуальных кадров, призванных обеспечить комплексное развитие и обучение студенческого корпуса, что послужит подспорьем в формировании их профессиональной мотивации (40 %).

4. Повысить социальный статус и престижность работы преподавателя в отношении работы со студентами (40 %).

5. Критичнее относиться к оценке ППС студентами, поскольку учащиеся (особенно имеющие плохую успеваемость) не достаточно компетентны в этом вопросе (20 %).

Ориентиром в данном контексте призваны служить не мертвые консервативные абстракции усредненных универсальных ценностей, а «живые потребности» и «интеллектуальное слово» представителей образовательной среды. Получается так, советский принцип себя изжил, так как от каждого «по способностям» – не гарантирует осуществление фабулы каждому «по потребностям», что генерализует диспропорцию вложенного интеллектуального блага и полученного за него воздаяния. В конечном итоге, это приводит к снижению качества образования, демотивации образовательного состава, к профессиональной деморализации и выгоранию.

Дефицит социального творчества интеллектуального корпуса предопределяется рядом объективных факторов, в первую очередь, структурой, обусловленной доминантными статусными характеристиками, а именно потребностью в признании профессионального труда и социальном престиже, определяемое, в том числе и через материальное благосостояние.

Тревожной тенденцией внешней среды социально-психологического характера становится характеристика социального самочувствия преподавателей. Так, деканы ЮРИУ РАНХиГС отметили, что каждый третий представитель высшей школы не удовлетворен степенью реализации своего научно-педагогического потенциала. Он также не уверен, что найдет поддержку в трудной жизненной ситуации со стороны руководства кафедры и факультета вуза. Следовательно, оценивая социальный статус профессии преподавателя (работающего в системе высшего образования), можно констатировать позитивное наполнение ощущением уважения и престижности социального статуса преподавателя, по мнению деканов ЮРИУ РАНХиГС. Однако дихотомию вносит самоощущение значимости и смысловой компоненты у педагогических сотрудников в профессиональной деятельности, по мнению директоров школ, где 80 % оказались не согласны с тем, что престиж профессии пользуется большим уважением в городе. Это наглядно демонстрирует отчуждение от социально желаемых символической и репрезентативной функций. Такая оценка настораживает и представляет опасность в символической утрате социокультурной идентичности в процессе маргинализации профессионального статуса. Позитивные ресурсы неформальной субкультурной интеллектуальной модели способны функционально интегрировать профессиональное сообщество на решение проблем дисфункционального общественного воздействия, нивелируя профессионально-этическое пренебрежение социальным статусом образовательных субъектов, творцов интеллектуальной промышленности нации. От этих тревожных тенденций зависит, какой консеквент интеллектуальных ресурсов государство получит на «выходе», в каких образовательных традициях будет воспитано подрастающее поколение, какой будет заложен культурный код нации. Для определения основных факторов мотивации интеллектуальных кадров закономерными становятся такие индикаторы, как: профессиональное мастерство, возраст, стаж, качество работы, уровень мобилизационного потенциала, количество рационализаторских предложений.

В современных образовательных реалиях необходимо вернуть преподавателю свойство субъекта, т.е. аттрактивную возможность мыслить в традициях ассертивности, оценивая ситуацию и осознавая интересы, активно влияя на модернизационные процессы государственной образовательной политики. Представитель интеллектуального капитала призван стать не только экономически-конъюнктурным, как в либеральной модели образования, но и политическим, национальным, идеологический творцом и социокультурным мобилизатором, осуществляющей активную деятельность, влияя, а не испытывая влиятельный сторонний стимул.

Выводы

Экспертный опрос позволил выявить сферы образовательного и научного процесса, которые должны стать приоритетными. Предлагается проект по реформации образовательной системы, включающий целый ряд направлений. Исходя из очерченных нами трансформаций, направления совершенствования государственной образовательной политики должны стать приоритетными с точки зрения стимулирования инноваций, индуцируя технологическое лидерство РФ.

Для решения продиктованных задач необходимо предложить механизмы, лимитирующие возможности модернизации государственной образовательной политики. Изменения в системе высшего образования в России после снятия ограничительных мер, связанных с пандемией, будут продолжаться. В первую очередь, трансформации коснутся требования к качеству цифровой организации образования и цифровых компетенций выпускников [9, с. 121]. Безусловно, реорганизации подвергнутся и требования к профессорско-преподавательскому составу. Возможны изменения и организационного характера, например, повсеместное сокращение количества вузов с параллельной возможностью расширения обучения удаленно.

Необходимо в течение указанного периода преодолеть диффузное состояние, исходящее от управления, задающего вектор инновационного развития. Это включает в себя также преодоление или минимизацию столкновения интересов акторов образовательной системы по их влиянию и ресурсности: социальной, политической, властной, экономической и символической. В этом смысле, образовательные инновации с социальной точки зрения могут носить символический, ценностно-ориентированный характер, способствующий, к примеру, повышению социального

статуса представителя образовательной системы. Если рассматривать под экономической призмой, инноватизация образовательного процесса будет детерминирована на инновационную деятельность, сопряженную с повышением ресурсности производительных сил интеллектуальной системы. С политической точки зрения, инновационный процесс будет связан, в первую очередь, с упрочением положения и позиционированием интеллектуальной системы как проводника в сфере развития устойчивости, легитимности, стабильности и национальной безопасности элементов образовательной системы.

Резюмируя вышеизложенные концепты, констатируем тот факт, что инновации в образовании должны пройти процесс политико-экономической трансформации аксиологической ценностной ориентированности, что определит эффективность, характер и степень реализации задач политико-культурного воспроизводства: степень новизны, содержание инновации, интенсивность новшеств, радикальность).

Содержательная предметность инновации – динамический ресурс общества. В образовательном поле функциональной объектности постепенно должно адаптироваться понятие образовательной системы в общую парадигму, где педагог – единица инновационности, модифицирующаяся градиенту своих функций с транслятивных на инновативные. Структура интеллектуальных ресурсов – это живая мыслительная среда с особыми педагогическими процессами, социально-психологическим климатом, историческими традициями и структурой иерархизированных управленческих отношений, которые фонтанируют «высвобождение» инновационной способности акторов образования [9, с. 122]. Инновационность – качество, а не количество педагогической культуры, основанная на внедрение принципа «постепенности», не нарушающих воспроизводство базисных функционально-ролевых характеристик. Целесообразно заключить, что следование вышеупомянутым императивам позволит вернуть Российской Федерации статус лидирующей (по качественным признакам) образовательной державы [10, с. 287].

Список источников

1. Зинченко Г. П., Сакалова Е. А. Моделирование управления вузом: теоретические основы исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2010. № 3. С. 35–48. EDN RCLKXB.
2. Исаева Т. Е. Компетенции и "электронная" педагогическая культура преподавателя высшей школы в постпандемическом мире // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 6. С. 80–96. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96. EDN YTOOXF.
3. Лебедева А. А. Международно-правовое сотрудничество России и других стран в сфере образования / Право и политика: теоретические и практические проблемы: Сборник материалов 5-й Международной научно-практической конференции, Рязань, 07–20 декабря 2017 года / Отв. ред. Н. Н. Кулешова. Вып. 5. Рязань: ООО "Издательство "Концепция", 2017. С. 112–115. EDN ZTXHTT.
4. Лизунов В. В. Роль современных университетов в развитии регионов. третья миссия университета // Национальные приоритеты России. 2021. № 1(40). С. 66–75. EDN CLPTON.
5. Литвиненко Э. В. Квалиметрия управленческой деятельности руководителей образовательных учреждений: монография. М.: Прометей, 2005. 250 с. ISBN 5-7042-1483-5
6. Макеева Т. В., Гурьянчик В. Н. Дистанционное обучение: инновация или образовательный симулякр? // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-3. С. 45–49. EDN WZWRJC.
7. Болгова В. В., Гаранин М. А., Краснова Е. А., Христофорова Л. В. Образование после пандемии: падение или подготовка к прыжку? // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 7. С. 9–30. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-7-9-30. EDN FKTYTN.
8. Журавлева И. А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74. EDN KTQEFK.
9. Журавлева Л. А. Перспективные направления развития государственной образовательной политики в России // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 3. С. 118–125. EDN WDIHOZ.
10. Чернышова В. А., Иванова А. А., Гринченко Е. А. Социологическое сопровождение как фактор повышения качества управления образованием // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 284–291. DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-3-284-291. EDN NMFHTK.

References

1. Zinchenko G. P., Sokolova E. A. Modeling of university management: theoretical foundations of research. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2010;(3):35-48. (In Russ.)
2. Isaeva T. E. Competencies and the "electronic" pedagogical culture of a high school teacher in the post-pandemic world. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2021;30(6):80-96. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-6-80-96. (In Russ.)
3. Lebedeva A. A. () International legal cooperation between Russia and other countries in the field of education. In: *Law and Politics: Theoretical and Practical problems: Collection of materials of the 5th International Scientific and Practical Conference, Ryazan, December 07-20, 2017* / Responsible editor N. N. Kuleshova. 2017;(5):112-115. Ryazan: Limited Liability Company "Publishing House "Concept". (In Russ.)
4. Lizunov V. V. The role of modern universities in the development of regions. the third mission of the University. *Natsional'nye priority Rossii = National priorities of Russia*. 2021;1(40):66-75. (In Russ.)
5. Litvinenko E. V. *Qualimetry of managerial activity of heads of educational institutions*: monograph. Moscow: Prometheus; 2005. 250 p. ISBN 5-7042-1483-5. (In Russ.)
6. Makeeva T. V., Guryanchik V. N. Distance learning: innovation or educational simulacrum? *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2021;(70-3):45-49. (In Russ.)
7. Bolgova V. V., Garanin M. A., Krasnova E. A., Khristoforova L. V. Education after a pandemic: falling or preparing for a jump? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2021;30(7):9-30. DOI 10.31992/0869-3617-2021-30-7-9-30. (In Russ.)
8. Zhuravleva I. A. Evaluation of the development of state educational policy (expert analysis). *Sotsiologiya = Sociology*. 2021;(4):63-74. (In Russ.)
9. Zhuravleva L. A. Perspective directions of development of state educational policy in Russia. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2016;11(3):118-125. (In Russ.)
10. Chernyshova V. A., Ivanova A. A., Grinchenko E. A. Sociological support as a factor of improving the quality of education management. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):284-291. DOI 10.22394/2079-1690-2022-1-3-284-291.

Информация об авторах

А. А. Иванова – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

Е. А. Гринченко – магистрант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, младший научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Information about the authors

A. A. Ivanova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology of South-Russian Institute of Management – branch of RANEP.

E. A. Grinchenko – 1st year Master's Student of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Junior Researcher of the South Russian branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 18.04.2023.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 18.04.2023.

Научная статья

УДК 338

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-62-68

ФАКТОРИНГ И ФОРФЕЙТИНГ КАК ЭФФЕКТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА

Яна Викторовна Ободец¹, Руслан Геннадиевич Дудников²

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан,
Уфа, Республика Башкортостан, Россия,

Донецкая академия управления и государственной службы, Донецк,

Донецкая Народная Республика, Россия

Автор, ответственный за переписку: Яна Викторовна Ободец, yana_o84@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности применения факторинга и форфейтинга для развития социально-экономической инфраструктуры на уровне города. Определены принципы, направления и факторы применения данных инструментов. Сформирована схема механизма факторинга предприятий инфраструктуры города. Раскрываются преимущества форфейтинга со стороны экспортёра и импортера. Так, определено, что форфейтинг является инструментом, который позволяет разработать антикризисную стратегию в части минимизации рисков, так как при форфейтинге все риски берет на себя форфейтер. В результате, апробация российского опыта по внедрению инструментов факторинга и форфейтинга в условиях Донецкой Народной Республики будет способствовать развитию инфраструктурного обеспечения развития города.

Ключевые слова: факторинг, форфейтинг, инфраструктура, социально-экономическое развитие, город

Для цитирования: Ободец Я. В., Дудников Р. Г. Факторинг и форфейтинг как эффективные инструменты развития социально-экономической инфраструктуры города // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 62-68. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-62-68>

Problems of Management

Original article

FACTORING AND FORFEITING AS EFFECTIVE TOOLS FOR THE DEVELOPMENT OF THE SOCIO-ECONOMIC INFRASTRUCTURE OF THE CITY

Yana V. Obodets¹, Ruslan G. Dudnikov²

¹Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

²Donetsk Academy of Management and Public Service, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia

Corresponding author: Yana V. Obodets, yana_o84@mail.ru

Abstract. The article reveals the features of the use of factoring and forfeiting for the development of socio-economic infrastructure at the city level. The principles, directions and factors of application of these tools are defined. Formed reveals the advantages of forfeiting by the exporter and importer. The forfeiting is a tool that allows to develop an anti-crisis strategy in terms of minimizing risks, since the forfeiter takes on all the risks during forfeiting are determined. As a result, the testing of Russian experience in the implementation of factoring and forfeiting tools in the conditions of the Donetsk People's Republic will contribute to the development of infrastructure support for the development of the city.

Keywords: factoring, forfeiting, infrastructure, socio-economic development, city

For citation: Obodets Ya. V., Dudnikov R. G. Factoring and forfeiting as effective tools for the development of the socio-economic infrastructure of the city. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):62–68.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-62-68>

Введение. Организационно-экономическое обеспечение управления предприятиями инфраструктуры города является важнейшей предпосылкой их эффективного функционирования, поскольку способствует формированию потенциала инфраструктурного хозяйства на новой организационно-финансовой основе и обеспечению конкурентоспособности на внешних рынках. Организационно-экономическое обеспечение управления предприятиями может быть достигнуто за счет увеличения объемов инвестиционных ресурсов, а также на основе их рационального использования в наиболее приоритетных сферах.

Цели и задачи статьи – обосновать возможность применения факторинга и форфейтинга в условиях интеграции ДНР как нового субъекта Российской Федерации для ускоренного восстановления и дальнейшего развития социально-экономической инфраструктуры города.

Теоретическое поле исследования

Теоретическое поле исследования находится в рамках финансовых и управленческих инструментов управления на уровне муниципального образования, в данном случае – города. Вопросы развития современных финансовых инструментов инфраструктурного обеспечения развития городов рассматривались в ряде работ, где выделяются в основном такие инструменты, как факторинг, лизинг и концессия. Развитие факторинга с позиции правового поля рассматривают отечественные ученые [1], где подтверждается необходимость детализации процессов применения на региональном уровне. На региональном уровне при разработке принципов инфраструктурного обеспечения Ободец Р. В., Ободец Я. В. определяют необходимость использования финансовых инструментов для привлечения инвестиций в приоритетные отрасли [2]. Практика применения данного инструмента также выделяет проблемные моменты на международном уровне [3–4] в период введения международных санкций против РФ. Взаимная дополняемость факторинга форфейтингом как переход от общего термина к частному, говорит о проблемах в понимании теоретических составляющих обозначенных управленческих инструментов [5].

В связи с развитием новых направлений международного сотрудничества получает развитие и такой инструмент как форфейтинг. Так, в ряде исследований соотносят действия механизмов факторинга и форфейтинга, выделяя их особенности [6]. Другие авторы рассматривают форфейтинг как инструмент управления дебиторской задолженностью [7]. С другой стороны, форфейтинг становится эффективным инструментом повышения ликвидности оборотных средств [8].

Для обеспечения эффективности управления социально-экономической инфраструктурой города необходимо активизировать финансовые ресурсы предприятий, улучшить структуру использования прибыли, обеспечить целевое использование внешних инвестиционных ресурсов, благоприятных для экономического роста предприятий.

Необходимость формирования эффективной социально-экономической инфраструктуры города при дефиците бюджетных средств, неплатежеспособности налогоплательщиков, проблемах с привлечением средств инвесторов, нестабильности фискальной и налоговой политики, проведение Специальной военной операции и других негативных процессов кризисной экономики Донецкой Народной Республики определяет поиск новых подходов к управлению предприятиями социально-экономической инфраструктуры города с учетом расширения финансовых возможностей и взаимосвязей предприятий с участием местных советов.

В связи с этим считаем целесообразным обозначить направления и факторы формирования организационно-экономического обеспечения управления предприятиями инфраструктуры города (табл. 1).

Последовательное укрепление финансовой базы социально-экономической инфраструктуры города предполагает развитие рыночных финансовых структур – парабанковской системы, представляющей собой совокупность небанковских финансово-кредитных предприятий (парабанков).

Парабанковскую систему представляют такие специализированные финансовые институты, как: лизинг, факторинг, франчайзинг, и другие институты, являющиеся определяющими элементами системы организационно-экономического обеспечения социально-экономической инфраструктуры города.

Следует отметить, что факторинговые операции осуществляются специализированными факторинговыми компаниями, отделениями банков, которые покупают денежные требования у предприятий инфраструктуры города к потребителям услуг, возникающие из кредита заемщика, когда факторинговая компания берет на себя получение платежа по ним [3].

Таблица 1 – Направления и факторы организационно-экономического обеспечения управления предприятиями инфраструктуры города

Table 1 – Directions and factors of organizational and economic support for the management of infrastructure enterprises of the city

Направления	Факторы
Развитие малых предприятий	Создание рыночной среды
	Увеличение поступления средств в местный бюджет
Развитие франчайзинга на предприятиях города	Увеличение производственно-сбытовых объемов предприятий
	Ускорение товародвижения
Лизинговое финансирование предприятий	Инвестиции в основные средства предприятий
	Увеличение объемов работ и услуг
Факторинговое обслуживание предприятий	Финансирование дебиторской задолженности предприятий социально-экономической инфраструктуры города
Концессия предприятий коммунальной собственности города	Инвестиции в объекты концессии
	Поступление средств в местный бюджет

Факторинговые операции могут быть следующих видов: по положению – внутренние, международные, по характеру финансирования – финансированием и без финансирования; по степени открытости – открытый и закрытый (конфиденциальный) факторинг; по наличию права регресса [4]. Так особенности применения факторинга были уже изучены автором в работе [9] и рассматривались как инструмент пространственного развития территорий [10].

Далее более подробно остановимся на исследовании сути форфейтинга, как управленческого инструмента, который ориентирован на работу экспортеров. Это обусловлено тем, что в условиях становления и развития Донецкой Народной Республики как субъекта Российской Федерации, возникает необходимость у предприятий ДНР (а это в основном промышленный и агропромышленный комплекс) в развитии экспортных операций, связанных с развитием производственной базы самих предприятий (покупка нового высокотехнологичного оборудования, техники, модернизация производства).

Слово «форфейтинг» (forfeiting) в переводе с английского означает «расплата» или «штраф», в переводе с французского – «целиком». То есть данный инструмент представляет собой вид кредитования внешнеэкономических операций. Он подразумевает приобретение (покупку) долговых обязательств импортера третьей стороной у экспортера. Этот вид финансовых инноваций стал наиболее популярен после окончания Великой Отечественной войны, когда многим государствам необходимо было восстанавливать свою экономику [6].

Сейчас форфейтинг также «набирает обороты» в части его применения. В операциях форфейтинга принимают участие, как правило, три стороны – импортер; экспортер; форфейтер [11].

Импортер, или же покупатель, оформляет договор, после чего получает товар, который был оплачен заемными средствами (чаще всего это векселя). После чего он отправляет их поставщику продукции.

Экспортер или продавец, занимается экспортом продукции покупателю. Он принимает от покупателя векселя (долговые обязательства), а затем передает векселя третьей стороне – форфейтеру с целью получения оплаты за продукцию.

Посредником или же форфейтером может выступать банк или специализированный посредник. Форфейтер является тем самым покупателем дебиторской задолженности (векселей), и он обладает правом дальнейшей перепродажи. Форфейтер также берет на себя все финансовые риски.

Форфейтинг может быть как внешним, где сторонами сделки являются импортер и экспортер, которые находятся в разных странах, так и внутренним – импортер и экспортер из одной страны. И развития именно внутреннего форфейтинга для Донецкой Народной Республики может стать динамичным «толчком» развития производства.

Методология исследования: основные элементы принципы организации форфейтинга

Организационно-экономическое обеспечение социально-экономической инфраструктуры города является наиболее эффективным при создании специальной системы, действие которой в экономической литературе до сих пор еще недостаточно исследовано. Обобщение опыта управления различными объектами привело к разработке подхода к формированию системы организационно-экономического обеспечения инфраструктуры города. При этом учитывалось, что организационно-экономическое обеспечение является частью системы управления предприятиями.

Под системой организационно-экономического обеспечения инфраструктуры города понимается совокупность подсистем и элементов рыночной среды, обеспечивающих взаимозависимые действия и реализацию функций предприятий социально-экономической инфраструктуры города, использование которых в заданных параметрах обуславливает цель их деятельности в рабочей среде.

Такая система организационно-экономического обеспечения социально-экономической инфраструктуры города должна состоять из следующих подсистем: финансовой, организационной, кадровой, информационной, правовой и должна базироваться на современных подходах к выбору способов и форм развития предприятий, систематизированное использование которых может гарантировать достижение миссии и целей инфраструктурного хозяйства города.

Кроме того, такая система организационно-экономического обеспечения социально-экономической инфраструктуры города включает следующие элементы рыночной среды:

применение рыночных парабанковских финансовых структур на предприятиях инфраструктур города;

развитие рыночной среды в городе с учетом обеспечения необходимой массы и экономического роста предприятий малого и крупного бизнеса на основе франчайзинга и государственной поддержки.

С целью более эффективного функционирования предприятий социально-экономической инфраструктуры города и снижения рисков неплатежеспособности потребителей (хозяйствующих субъектов и предприятий, населения города) социально-экономических услуг местным органам власти необходимо поддерживать развитие факторинговых и форфейтинговых услуг в городе.

Как известно, факторинг это операции по переуступке прав требований через посредников (кредиторов). В таких операциях участвуют три стороны – фактор (финансовый посредник), клиент, заемщик [1].

Схема механизма факторинга в сфере услуг предприятий социально-экономической инфраструктуры города приведена на рис. 1.

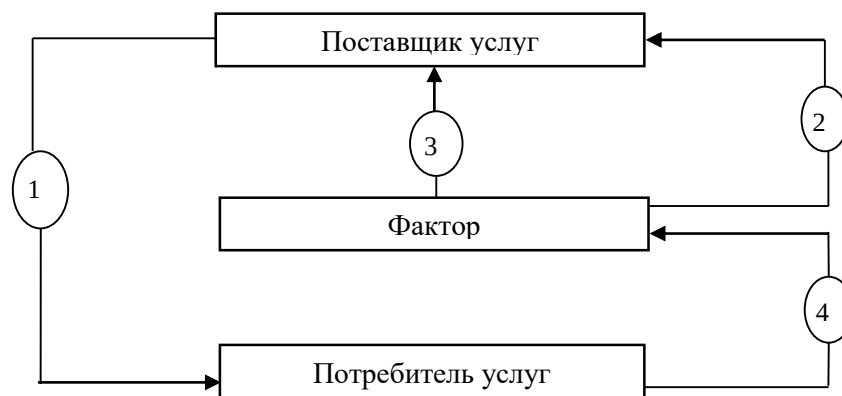


Рис. 1. Схема механизма факторинга предприятий инфраструктуры города

Fig. 1. Scheme of the mechanism of factoring of the city infrastructure enterprises

Условные обозначения:

- 1 – предоставление услуг потребителям (предприятиям) инфраструктуры города;
- 2 – составление договора с фактором;
- 3 – покупка счета-фактуры у поставщика услуг (клиента фактора);
- 4 – оплата расчетных документов потребителями услуг.

В работе Солдатовой А.О. представлены принципы организации форфейтинга [5], которые можно представить в виде схемы (рис. 2).

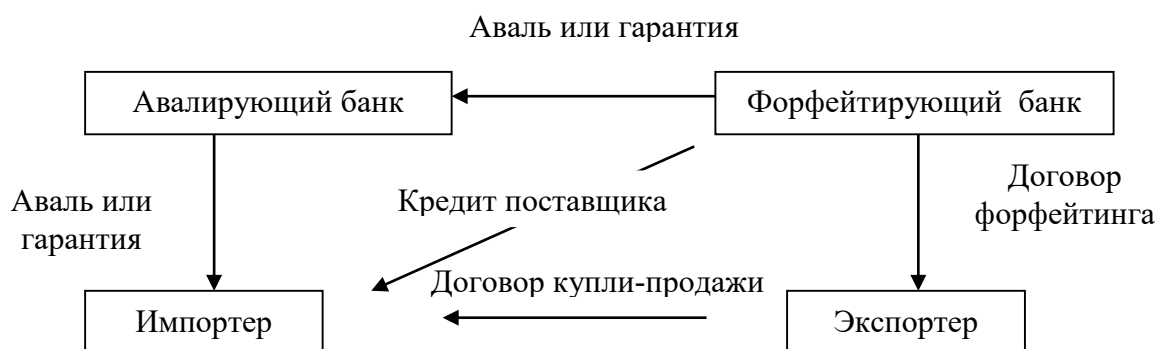


Рис. 2. Принципы организации форфейтинга
Fig. 2. Forfeiting organization principles

Проанализировав особенности форфейтинговых операций, риски и последствия применения форфейтинга [6; 8] можно выделить основные положительные факторы, влияющие на экспортера и импортера в виде табл. 2.

Таблица 2 – Преимущества форфейтинга со стороны экспортера и импортера

Table 2 – Advantages of forfeiting on the part of the exporter and importer

Экспортер	Импортёр
1. Повышение уровня продаж	1. Предоставление от форфейтеров программ лояльности в виде льготных периодов
2. Улучшение балансовых показателей за счет поступления денежной выручки и закрытия дебиторской задолженности	2. Оплата происходит обычно раз в полгода, что позволяет импортеру планировать платежи заранее
3. Передача всех видов рисков и проблем третьей стороне – форфейтеру	3. Фиксированная ставка
4. Предэкспортное финансирование (на основе контракта с форфейтером)	
5. Усиление конкурентной позиции	

Обсуждение результатов. Такой финансовый инструмент, как было отмечено выше, особенно интересен экспортерам, выходящим на рискованные рынки. На наш взгляд, развитие и применение такого финансового инструмента может быть полезен не только в Российской Федерации, но и, в частности, в ДНР. Это связано с тем, что международная конкурентоспособность продукции РФ занимает не лидирующие позиции, а страны «третьего» мира могут стать потенциальными рынками сбыта.

С одной стороны, факторинг как инструмент финансовой поддержки для предприятий ДНР имеет ряд положительных моментов. С другой стороны форфейтинг также не лишен своих перспектив развития. Так, в форфейтинге, в отличие от факторинга, предусматривается отсрочка платежа на период до 5-7 лет. В то же время в факторинге этот период составляет, как правило, 60-180 дней, что для предприятий ДНР достаточно трудно. Форфейтинговые сделки оформляются, как правило, без регресса, в отличие от факторинга (предусмотрено чаще всего с регрессом).

Закключение. Таким образом, апробация российского опыта в части внедрения инструментов факторинга и форфейтинга в условиях Донецкой Народной Республики будет способствовать развитию инфраструктурного обеспечения развития города. Так, в первую очередь это позволит расширить спектр банковских услуг, что, во-вторых, для предприятий создаст прочную финансовую «подушку», в-третьих, расширит возможности совершения экспортно-импортных операций, не только в пределах Российской Федерации, а и с возможностью выхода на другие рынки.

Форфейтинг является инструментом, который позволяет разработать антикризисную стратегию в части минимизации рисков, так как при форфейтинге все риски берет на себя форфейтер. Применение таких инструментов позволят предприятиям эффективно решать вопросы, связанные с восполнением своих основных и производственных фондов, повышением уровня оборачиваемости и ликвидности, что, в свою очередь, благоприятно скажется на структуре баланса.

Список источников

1. Высокинский Л. А., Мороз С. П., Телюкина М. В. Практика реализации конструкции «факторинг» в отечественной правовой системе, предложение новых подходов по регулированию отношений // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 9. С. 135-139.
2. Ободец Р. В., Ободец Я. В. Принципы формирования инфраструктурного обеспечения региона // Экономика строительства и городского хозяйства. 2015. Т. 11. № 1. С. 39-45.
3. Покаместов И. Е. Факторинг: учебное пособие. М.: Евразийский открытый институт, 2010. 360 с. // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS: [сайт]. - URL: <http://www.iprbookshop.ru/11105>, с. 25-31. ISBN: 978-5-374-00216-4
4. Самусева В. В. Рынок факторинга в России и международный факторинг: практика применения факторинговых операций // Аллея науки. 2020. Т. 1, № 8(47). С. 156-160.
5. Солдатова А. О. От факторинга к форфейтингу – от общего к частному // Актуальные вопросы экономических наук. 2012. № 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-faktoringa-k-forfeitingu-ot-obshchego-k-chastnomu> (дата обращения: 07.04.2023).
6. Панина Д. А., Круглик А. С. Механизм действия факторинга и форфейтинга // Строительство. Экономика и управление. 2018. № 1(29). С. 2-13.
7. Сысоева Е. Ф., Зайцева А. А. Управление дебиторской задолженностью: этапы и инструменты / Теория и практика функционирования финансовой и денежно-кредитной системы России: Сборник статей Международной научно-практической конференции (семнадцатое заседание), Воронеж, 09 декабря 2021 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга". 2021С. 220-223.
8. Шанин И. И., Новикова З. Н. Основные подходы к повышению ликвидности оборотных средств // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 1(67). С. 185-191.
9. Ободец Я. В., Дудников Р. Г. Инструменты развития инфраструктуры города // Менеджер. 2022. № 3(101). С. 3-10. DOI 10.5281/zenodo.7248222.
10. Ободец Я. В., Павлюкова А. В. Методические подходы к обеспечению пространственного развития приграничной территории // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 136-140. DOI 10.22394/2079-1690-2019-1-1-136-140. – EDN ZAWUZN.
11. DirkDaube, Susann Vollrath, Hans Wilhelm Alfen. A comparison of Project Finance and the Forfeiting Model as financing forms for PPP projects in Germany // International Journal of Project Management. Volume 26, Issue 4, May 2008. P. 376-387.

References

1. Vysokinsky L. A., Moroz S. P., Telyukina M. V. The practice of implementing the "factoring" construction in the domestic legal system, the proposal of new approaches to regulating relations. *Voprosy ustoichivogo razvitiya obshchestva = Issues of sustainable development of society*. 2021;(9):135-139. (In Russ.)
2. Obodets R. V., Obodets Ya. V. Principles of formation of infrastructure provision of the region. *Ekonomika stroitel'stva i gorodskogo khozyaistva = Economics of construction and urban economy*. 2015;11(1):39-45. (In Russ.)
3. Pokamestov I. E. *Factoring*: textbook. Moscow: Eurasian Open Institute, 2010. 360 p. // Electronic library system IPR BOOKS: [website]. - URL: <http://www.iprbookshop.ru/11105>. pp.25-31. ISBN: 978-5-374-00216-4 (In Russ.)

4. Samuseva V. V. Factoring market in Russia and international factoring: the practice of applying factoring operations. *Alleya nauki = Alley of Science*. 2020;1(8(47)):156–160. (In Russ.)
5. Soldatova A. O. From factoring to forfeiting – from general to particular. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk = Actual issues of economic sciences*. 2012;(26). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-faktoringa-k-forfeitingu-ot-obschego-k-chastnomu> [Accessed 07 April 2022]. (In Russ.)
6. Panina D. A., Kruglik A. S. Mechanism of action of factoring and forfeiting. *Stroitel'stvo. Ekonomika i upravlenie = Construction. Economics and management*. 2018;1(29):2–13. (In Russ.)
7. Sysoeva E. F., Zaitseva A. A. Accounts receivable management: stages and tools. In: *Theory and practice of functioning of the financial and monetary system of Russia: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (seventeenth meeting), Voronezh, December 09, 2021*. – Voronezh: Publishing and printing Center "Scientific Book"; 2021. P. 220–223. (In Russ.)
8. Shanin I. I., Novikova Z. N. Basic approaches to increasing the liquidity of working capital. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2023;1(67):185–191. (In Russ.)
9. Obodets Ya. V., Dudnikov R. G. City infrastructure development tools. *Menedzher = Manager*. 2022;3(101):3–10. DOI 10.5281/zenodo.7248222. (In Russ.)
10. Obodets Ya. V., Pavlyukova A.V. Methodological approaches to ensuring spatial development of the border area. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2019;(1):136–140. DOI 10.22394/2079-1690-2019-1-1-136-140. (In Russ.)
11. Dirk Daube, Susann Vollrath, Hans Wilhelm Alfen. A comparison of Project Finance and the Forfeiting Model as financing forms for PPP projects in Germany. *International Journal of Project Management*. May 2008;26(4):376–387.

Информация об авторах

Я. В. Ободец – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан.

Р. Г. Дудников – соискатель кафедры менеджмента непроизводственной сферы Донецкой академии управления и государственной службы.

Information about the authors

Ya. V. Obodets – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan.

R. G. Dudnikov – Applicant of the Department of Non-production Management of Donetsk Academy of Management and Public Service.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 16.05.2023; approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИИ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Кирилл Николаевич Сериков¹, Александр Юрьевич Анисимов²

^{1,2}Университет «Синергия», Москва, Россия

¹sanochnik82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1451-6166>

²anisimov_au@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8113-4523>

Аннотация. Важным этапом разработки и реализации стратегии развития организации является оценка ее эффективности. В процессе оценки эффективности стратегии должны учитываться, как особенности внешней среды, в том числе, ее экономическая нестабильность, так и внутренние особенности организации, для которой разрабатывается стратегия. Таким образом, необходимость исследования в данной области обуславливается потребностью формирования оптимальной методологии оценки эффективности разработанной стратегии развития, которая позволит спрогнозировать успешность ее реализации. Целью исследования является формирование оценочной комбинированной модели, позволяющей совместить количественные и качественные показатели эффективности стратегии развития организации. Методами исследования выступают: компаративный анализ, статистический анализ, PEST-анализ, бенчмаркинг, классификация и ранжирование и др. Результатом исследования является оценочная комбинированная модель, позволяющая совместить количественные и качественные показатели эффективности стратегии развития организации. Авторы делают вывод, что система показателей эффективности стратегии развития организации ресторанного бизнеса представляет собой сложный комплекс, позволяющий контролировать параметры организации, отражающие процесс ее функционирования.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, стратегия развития, PEST-анализ, методы стратегического анализа, ресторанный бизнес, экономическая нестабильность

Для цитирования: Сериков К. Н., Анисимов А. Ю. Особенности оценки эффективности стратегии ресторанного бизнеса в условиях экономической нестабильности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 69–78. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-69-78>

Problems of Management

Original article

FEATURES OF EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THE RESTAURANT BUSINESS STRATEGY IN CONDITIONS OF ECONOMIC INSTABILITY

Kirill N. Serikov¹, Alexander Yu. Anisimov²

^{1,2}Synergy University, Moscow, Russia

¹sanochnik82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1451-6166>

²anisimov_au@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8113-4523>

Abstract. An important step in the development and implementation of an organization's development strategy is to evaluate its effectiveness. In the process of evaluating the effectiveness of the strategy, both the features of the external environment, including its economic instability, and the internal features of the organization for which the strategy is being developed should be taken into account. Thus, the need for research in this area is determined by the need to form an optimal methodology for assessing the effectiveness of the developed development strategy, which will allow predicting the success of its implementation. The purpose of the study is to form an estimated combined model that allows you to combine

quantitative and qualitative indicators of the effectiveness of the organization's development strategy. The research methods are: comparative analysis, statistical analysis, PEST-analysis, benchmarking, classification and ranking, etc. The result of the study is an estimated combined model that allows you to combine quantitative and qualitative indicators of the effectiveness of the organization's development strategy. The authors conclude that the system of performance indicators of the restaurant business development strategy is a complex complex that allows you to control the organization's parameters that reflect the process of its functioning.

Keywords: strategic management, development strategy, PEST analysis, methods of strategic analysis, catering business, economic instability

For citation: Serikov K. N., Anisimov A. Yu. Features of evaluating the effectiveness of the restaurant business strategy in conditions of economic instability. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(2):69–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-69-78>

Введение

В условиях экономической нестабильности большое значение имеют ситуационные факторы, которые необходимо учитывать в процессе формирования стратегии развития организаций ресторанного бизнеса и ее предварительной оценке. Наиболее сильно на российский ресторанный бизнес повлияли, с одной стороны, кризис, вызванный пандемией коронавируса COVID-19, с другой стороны, геополитическая напряженности и антироссийские санкции. Отрицательное влияние указанных глобальных процессов обусловили необходимость адаптации стратегического развития организаций, в том числе, функционирующих в ресторанном бизнесе. При этом изменились критерии оценки стратегий развития, что, в свою очередь, требует проведение исследований по формированию новых адаптированных методик оценки эффективности. Ресторанный бизнес является одной из отраслей наиболее пострадавших от пандемии коронавируса, поскольку организаций общепита напрямую касались антиковидные ограничения, которые снизили поток посетителей и оборот в 2020 г. среднем упал на 21,3 % [1], в середине 2021 г. начался резкий рост объемов, который вывел ресторанный бизнес практически на доковидный уровень, однако, события февраля 2022 г. из-за снижения целевой аудитории прибыль упала на 30%¹. Таким образом, появилась потребность разработки новых стратегий развития, а также инновационных подходов к их оценке. На данный момент многие организации в рамках стратегического анализа проводят комплексную диагностику своего состояния по функциональным блокам, однако, как уже упоминалось выше, в процессе формирования стратегии развития необходима ее предварительная оценка на эффективность. Для осуществления такой оценки необходимо формировать адаптированные методики, объединяющие инструменты комплексного анализа. Набор показателей для системы подбирается исходя из конкретных параметров организации или ее отраслевой принадлежности. Результат оценки эффективности показывает насколько целесообразна та или иная стратегия развития.

Таким образом, учитывая, что для организаций ресторанного бизнеса набор оптимальных показателей оценки эффективности стратегии развития остается не до конца изученным, можно сделать вывод, что выбранная тема очень актуальна.

Обзор литературы

Вопросы адаптации существующих методик оценки эффективности стратегии организаций ресторанного бизнеса к быстро меняющимся условиям внешней среды сектора являются важной составляющей исследований развития ресторанного бизнеса РФ, поэтому научный интерес к данной тематики остается высоким. За последние пять лет среди отечественных авторов можно выделить А. Н. Алексеева, М. Е. Анохину, Г. В. Королева, Е. А. Кыштымова и др.

Особенности стратегического управления российскими организациями ресторанного бизнеса в современных условиях отражено в работах Н. А. Ковалеву, А. С. Троценко.

В международном научном сообществе также проводятся исследования вопросов сравнительного анализа существующих методик оценки эффективности стратегии развития, при этом можно выделить следующих зарубежных авторов: J. Franc-Dąbrowska, M. Porada-Rochon, R. Suwała. Обобщая направления работ данных авторов, можно сказать, что акцент сделан на оценку особенностей стратегий организаций в условиях экономической нестабильности.

¹ Тенденции ресторанной индустрии 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vc.ru/u/1407443-anastasiya-hramova/594366-tendencii-restorannoy-industrii-2023> (дата обращения: 06.03.2023).

Несмотря на научный интерес к теме поиска оптимального набора показателей для оценки эффективности стратегии развития ресторанного бизнеса многие вопросы остаются нерешенными и требуют дополнительных исследований.

Методы исследования

Исследование проводилось при помощи таких общенаучных методов таких, как компаративный анализ, статистический анализ, бенчмаркинг, классификация и ранжирование, метод Черчмена-Аккофа. Предварительный выбор методик стратегического анализа (СА) для включения в исследование был произведен с помощью компаративного анализа. Окончательный выбор методик СА для включения в модель оценки эффективности стратегии был осуществлен при помощи оценки альтернатив по методике Черчмена-Аккофа. Выбор критериев оценки и окончательный набор показателей оценки был осуществлен на основе бенчмаркинга, т.е. были изучены лучшие практики использования показателей в рассматриваемой отрасли. PEST-анализ позволил оценить основные факторы, влияющие на ресторанный бизнес в среднесрочной перспективе. Статистический анализ позволил сформировать исходный набор показателей оценки, поскольку выборка была осуществлена на основе наиболее часто используемых показателей в ресторанном бизнесе. С помощью классификации и ранжирования была построена окончательная модель оценки эффективности стратегии развития организации.

Результаты исследования

1. Выбор оптимальных стратегических инструментов разработки стратегии ресторанного бизнеса

Мировая экономическая система на данный момент находится в состоянии перехода к новому технологическому укладу, при этом она находится под влиянием трансформирующих глобальных тенденций, поэтому основным источником устойчивого развития в условиях экономической нестабильности выступают инновации. Инновации могут иметь различный характер, в том числе, в сфере управления. Управленческие технологии на стратегическом уровне включают в качестве одного из этапов оценку эффективности. Как уже было сказано выше, методики оценки для сохранения своей результативности должны адаптироваться под текущую ситуацию. В целом инновации в оценке эффективности могут развиваться по следующим направлениям:

- 1) новый набор показателей;
- 2) новый методический подход к оценке;
- 3) формирование принципиально новых оценочных моделей.

Все указанные направления могут привести к оптимизации оценки эффективности стратегии развития. Однако, на данный момент влияние внешней среды имеет ключевое значение для конечной эффективности стратегии развития, поэтому необходимо разработать оптимальную комбинацию методов стратегического анализа внешней среды и моделей оценки эффективности. В рамках данного исследования были рассмотрены два инструмента стратегического анализа:

- 1) PEST-анализ [2];
- 2) SWOT-анализ [3].

Для выбора оптимального инструмента воспользуемся методом Черчмена-Аккофа [4]. Таким образом, PEST-анализ – это альтернатива А; SWOT-анализ – альтернатива В. Далее выделим критерии оценки:

- 1) соответствие цели оценки (V1);
- 2) доступность исходных данных (V2);
- 3) возможность применения в различных условиях (V3);
- 4) возможность отражения специфики отрасли (V4);
- 5) уровень риска неверного прогноза (V5).

Результирующая таблица реализации данного метода представлена в табл. 1.

Данные табл. 1 демонстрируют, что полезность альтернативы А больше, чем альтернатива В, поэтому для включения в комплексную модель оценки эффективности целесообразно выбрать PEST-анализ. Для апробации результатов исследования проведем PEST-анализ по материалам московского ресторана Loona, принадлежащего компании ООО «Луна». Для этого сведем в табл. 2 качественные характеристики факторов, влияющих на рассматриваемую организацию.

Таблица 1 – Результирующая таблица оценки альтернатив*

Table 1 – The resulting table for evaluating alternatives

Критерии \ Альтернативы	Нормированный коэффициент	А	В
V1	0,26	0,7	0,6
V2	0,06	0,9	0,5
V3	0,17	0,7	0,8
V4	0,29	0,8	0,9
V5	0,23	0,9	0,9
Полезность	-	0,78	0,69

* Источник: составлено авторами на основании [4]

Таблица 2 – Качественный PEST-анализ*

Table 2 – Qualitative PEST analysis

PEST-факторы	Что дает возможности развития?	Что представляет угрозу?
Политические и правовые факторы	1. Государственная поддержка бизнеса	1. Антироссийские санкции
Экономические факторы	1. Увеличение спроса на итальянскую кухню; 2. Рост спроса на фаст-фуд	1. Рост инфляции; 2. Падение спроса на ресторанные услуги в целом; 3. Усиление конкуренции
Социальные факторы	1. Изменение покупательских привычек 2. Стремление к активному отдыху, после продолжительной самоизоляции	1. Снижение у населения располагаемого дохода; 2. Изменение стиля жизни из-за ухода большого количества иностранных ресторанных брендов
Технологические факторы	1. Развитие ИТ-технологии в ресторанном бизнесе	1. Ограниченность к доступу новых технологий и продуктов из-за антироссийских санкций
Экологические факторы	1. Увеличение спроса на экологические продукты	1. Повышенное внимание к экологической обстановке

*Источник: составлено авторами с использованием¹

В таблице 2 представлены наиболее значимы для рассматриваемой организации факторы внешней среды.

Далее проведем количественный PEST-анализ ООО «Луна» (табл. 3). Для этого используем балльный метод, шкала от 1 до 3.

¹ ООО «Луна» [Электронный ресурс] : Rusprofile. – Режим доступа: <https://www.rusprofile.ru/id/11775645> (дата обращения 15.05.2023)

Таблица 3 – Количественный PEST-анализ*

Table 3 – Quantitative PEST analysis

Факторы	Важность для отрасли – X	Влияние на организацию – Y	Направленность влияния – Z	Степень важности $S=X*Y*Z$
1. Политические				-3
1.1. Государственная поддержка бизнеса	3	2	1	6
1.2. Антироссийские санкции	3	3	-1	-9
2. Экономические				-5
2.1. Рост спроса на итальянскую кухню	2	3	1	6
2.2. Рост спроса на фаст-фуд	2	3	1	6
2.3. Рост инфляции	2	2	-1	-4
2.4. Падение спроса на ресторанные услуги в целом	3	3	-1	-9
2.5. Усиление конкуренции	2	2	-1	-4
3. Социокультурные				-7
3.1. Изменение покупательских привычек	2	1	1	2
3.2. Стремление к активному отдыху, после продолжительной самоизоляции	2	2	1	4
3.3. Снижение у населения располагаемого дохода	3	3	-1	-9
3.4. Изменение стиля жизни из-за ухода большого количества иностранных ресторанных брендов	2	2	-1	-4
4. Технологические				0
4.1. Развитие ИТ-технологии в ресторанном бизнесе	1	1	1	1
4.2. Ограниченность к доступу новых технологий и продуктов из-за антироссийских санкций	1	1	-1	-1
5. Экологические				0
5.1. Увеличение спроса на экологические продукты	2	1	1	2
5.2. Повышенное внимание к экологической обстановке	2	1	-1	-2

*Источник: составлено авторами с использованием¹

¹ ООО «Луна» [Электронный ресурс] : Rusprofile. – Режим доступа: <https://www.rusprofile.ru/id/11775645> (дата обращения 15.05.2023)

Как показывают данные табл. 3, в целом все группы факторов, кроме технологических и экологических оказывают отрицательное совокупное влияние на развитие организации ресторанного бизнеса. Это вызвано сильным влиянием отрицательных факторов, воздействующих на данную бизнес-сферу. При этом технологические и экологические факторы влияют нейтрально. Наиболее значимыми факторами, влияющим на компанию в данный момент являются:

- 1) антироссийские санкции;
- 2) падение спроса на ресторанные услуги в целом;
- 3) снижение у населения располагаемого дохода.

Составим резюме анализа внешних стратегических факторов (табл. 4).

Таблица 4 – EFAS – резюме анализа внешних стратегических факторов*

Table 4 – EFAS – summary of the analysis of external strategic factors

Внешние стратегические факторы	Вес	Оценка	Взвешенная оценка
<i>Возможности</i>			
1. Государственная поддержка бизнеса	0,09	6	0,55
2. Рост спроса на итальянскую кухню	0,09	6	0,55
3. Рост спроса на фаст-фуд	0,09	6	0,55
4. Изменение покупательских привычек	0,03	2	0,06
5. Стремление к активному отдыху, после продолжительной самоизоляции	0,06	4	0,24
6. Развитие ИТ-технологий в ресторанном бизнесе	0,02	1	0,02
7. Изменение стиля жизни из-за ухода основных иностранных брендов	0,03	2	0,06
<i>Угрозы</i>			
1. Антироссийские санкции	0,14	9	1,23
2. Рост инфляции	0,06	4	0,24
3. Падение спроса на ресторанные услуги в целом	0,14	9	1,23
4. Усиление конкуренции	0,06	4	0,24
5. Снижение у населения располагаемого дохода	0,14	9	1,23
6. Увеличение спроса на экологические виды продуктов	0,02	1	0,02
7. Ограниченность к доступу новым технологиям и продуктам из-за антироссийских санкций	0,02	1	0,02
8. Повышенное внимание к экологической обстановке	0,03	2	0,06
Суммарная оценка	1,00	66	6,27

* Источник: разработано авторами по результатам проведённого анализа

Как показывают данные табл. 4, влияние внешних стратегических факторов на ООО «Луна» значительно, и в целом, обстановка неблагоприятная для развития бизнеса, несмотря на наличие положительно влияющих факторов. Поэтому очень важно наличие объективных факторов оценки эффективности стратегии организации для понимания может ли организация правильно реагировать на возникающие угрозы и возможности. Проанализируем эффективность текущей стратегии организации и систему ее оценки.

2. Разработка модели оценки эффективности стратегии развития с помощью системы сбалансированных показателей

На данный момент в литературе выделяют множество показателей эффективности стратегии организаций, которые применимы для ресторанного бизнеса. Однако, все они являются в известной степени универсальными, что, с одной стороны, является их достоинством поскольку предполагает широкий охват объектов исследования, а, с другой стороны, недостатком, поскольку

они не в достаточной мере отражают отраслевую специфику [5]. Поэтому на основе изучения специальной литературы [5], [6] была предложена следующая система показателей, основанная на системе сбалансированных показателей, позволяющая комплексно оценить эффективность стратегии организации ресторанного бизнеса. Предлагаемая для использования в дальнейшем исследовании система содержит четыре блока, которые советуют блокам стратегической карты, а именно:

- 1) увеличение стоимости компании;
- 2) увеличение объема оказания услуг;
- 3) увеличение эффективности услуг;
- 4) повышение квалификации персонала.

Сформулируем конкретные показатели оценки эффективности стратегии развития ресторанного бизнеса для достижения требуемых изменений (табл. 5).

Таблица 5 – Показатели оценки эффективности стратегии развития ООО «Луна»*

Table 5 – Indicators for evaluating the effectiveness of the development strategy of Luna LLC

Проблема	Направление совершенствования	Показатель	Результат, %	
			Снижение потерь / уменьшение времени	Рост прибыли
1. Количество рекламаций				3,5
1.1.	Анализ выполнения предыдущих целевых показателей	Процент выполнения целевых показателей	5	
1.2.	Формирование стратегического плана по качеству	Процент достижения стратегических целей	27	
Итого			45	
2. Количество клиентов в год (качество услуг)				3,5
2.1	Оценка обратной связи с потребителями	Уровень квалификации маркетологов	2	
2.2	Оценка работы основных подразделений	Уровень квалификации владельцев-процессов	36	
2.3	Формирование стратегического плана	Уровень автоматизация бизнес-процессов стратегического управления	7	
Итого			45	
3. Длительность (стоимость) бизнес-процесса «Стратегическое управление»				
3.1	Анализ выполнения предыдущих целевых показателей	Уровень себестоимости бизнес-процессов стратегического управления	34	
3.2	Анализ результатов аудиторских проверок	Уровень соответствия стандартам менеджмента качества	26	
3.3	Оценка обратной связи с потребителями	Уровень рекламаций, %	26	
3.4	Оценка работы основных бизнес-процессов	Темп роста чистой прибыли	20	
3.5	Формирование стратегического плана	Повышение степени достижения стратегических целей	15	
Итого			95	

* Источник: составлено авторами с использованием [6], [7]

Информация, представленная в табл. 5, свидетельствует о том, что, если данные мероприятия будут успешно реализованы, то это приведет к ликвидации проблемы, которая не позволяла объективно оценивать стратегию развития организаций ресторанного бизнеса и обеспечит рост прибыльности и рентабельности.

В оценочной модели необходимо также предусмотреть возможность прогнозирования показателей, так как внешняя среда организаций ресторанного бизнеса очень изменчива. В целом можно использовать любые прогнозные модели, однако, в ситуациях, характеризующихся высокой степенью неопределенности, есть смысл опираться на экспертные методы, такие как разработка сценариев [7], в сочетании с приемами стратегического анализа (табл. 6).

Таблица 6 – Заключительная модель оценки эффективности стратегии развития*

Table 6 – The final model for evaluating the effectiveness of the development strategy

Сценарии	Факторы (STEPLE)	Предлагаемые показатели
1. Нормальный (наиболее вероятный)	1. политические;	1. EBIT
2. Оптимистичный	2. экономические;	2. EBITDA
3. Пессимистичный	3. социальные;	3. EBITDAR
	4. технологические;	4. NOPAT
	5. правовые;	5. EBIAT
	6. экологические	6. OIBDA
		7. NPV
		8. IRR

* Источник: разработано авторами

Представленная в табл. 6 модель оценки эффективности стратегии развития может быть использована для ресторанного бизнеса, поскольку содержит показатели характерные для этого вида деятельности, а также есть возможность учета специфики отрасли путем использования результатов STEP-анализа.

Необходимо отметить, что оценка эффективности стратегии может осуществляться на разных этапах:

- 1) предварительный (прогнозный, до реализации разработанной стратегии);
- 2) промежуточный (стратегия реализована на 50%);
- 3) заключительный (стратегия реализована полностью, можно анализировать результаты) [6].

Предлагаемая в рамках данного исследования модель оценки предназначена для первого этапа оценки, однако, она является достаточной гибкой для модификации под другие этапы. Промежуточный этап отличается в основном анализируемым периодом, главные отличия находятся на уровне заключительного этапа. Это обусловлено тем, что главной задачей оценки на заключительном этапе является оценка степени достижения целей. Исходя из этого в заключительный этап необходимо добавить инструменты сравнительного анализа, а также диагностики причин недостижения целей.

Таким образом, система показателей эффективности стратегии развития организации ресторанного бизнеса представляет собой сложный комплекс, позволяющий контролировать параметры организации, отражающие процесс стратегического управления. Каждый KPI обладает своими специфическими особенностями, требующими своих инструментов и приемов. Особенно важно оценить необходимость тех или иных управленческих решений, которые призваны регулировать деятельность всей организации на основе результатов разработки мероприятий по совершенствованию стратегий развития организаций.

Заключение и выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что оценка эффективности стратегии развития представляет собой сложный процесс, требующий применения на разных его этапах специфических инструментов. Одним из таких инструментов является PEST-анализ, позволяющий оценить состояние внешней среды ресторанного бизнеса, что в условиях экономической нестабильности является обязательным условием для разработки эффективной стратегии развития. Кроме того,

это обуславливается наличием потребности, как в прогнозном прогнозировании эффективности стратегии, так и в оценке результатов ее реализации.

Решению задач оценки эффективности стратегии способствуют инновации в методологии оценки, в том числе, использование разработанной модели оценки устраняет несколько актуальных проблем, связанных с адаптацией методики оценки к внешней среде и специфике ресторанного бизнеса.

Развитие систем оценки на основе сбалансированной системы показателей позволяет комплексно оценивать уровень эффективности разработанной стратегии и выявлять, те ее аспекты, которые нуждаются в совершенствовании. Кроме того, предлагаемая модель оценки эффективности является достаточно гибкой для использования при определённой модификации на всех этапах оценки.

Список источников

1. Лазутина А. Л., Сафатова К. С., Крылова Р. В., Моровова И. М. Современные тренды развития ресторанного бизнеса в России // Московский экономический журнал. 2020. №8. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-trendy-razvitiya-restorannogo-biznesa-v-rossii> (дата обращения: 07.03.2023).
2. Кыштымова Е. А., Медик Д. О. Стратегический менеджмент: современные концепции [Электронный ресурс] // Символ науки. 2017. № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskiy-menedzhment-sovremennye-kontseptsii> (дата обращения 16.02.2023)
3. Королев Г. В., Анохина М. Е. Развитие стратегии компании в условиях нестабильной экономической ситуации // Бюллетень науки и практики. 2019. № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-strategii-kompanii-v-usloviyah-nestabilnoy-ekonomicheskoy-situatsii> (дата обращения: 06.03.2023).
4. Алексеев А. Н., Королев Г. В. Управленческая диагностика в стратегическом менеджменте // Бюллетень науки и практики. 2019. № 7. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskaya-diagnostika-v-strategicheskom-menedzhmente> (дата обращения: 06.03.2023).
5. Троценко А. С., Ковалева Н. А. Особенности формирования финансовых стратегий корпораций на современном этапе [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». Том 9. 2017. №3 – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/88EVN317.pdf> (дата обращения 16.02.2023)
6. Porada-Rochon M., Franc-Dąbrowska J., Suwała R. Eliminating the Effects of the Companies Insolvency Risk – A Model Approach // WERI-World Economic Research Institute, April 2016. – URL: <http://wp.econworld.org/wp-content/uploads/2016/04/WP2006002.pdf>
7. Siadat M., Hammarlid O. Net Stable Funding Ratio: Impact on Funding Value Adjustment // Quantitative Finance, Jan 2017, URL: <https://arxiv.org/pdf/1701.00540.pdf>

References

1. Lazutina A. L., Safatova K. S., Krylova R. V., Morovova I. M. Modern trends in the development of the restaurant business in Russia. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2020;(8). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-trendy-razvitiya-restorannogo-biznesa-v-rossii> [Accessed 07 March 2023]. (In Russ.)
2. Kyshtymova E. A., Medic D. O. Strategic management: modern concepts [Electronic resource]. *Simvol nauki = Symbol of science*. 2017;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskiy-management-sovremennye-kontseptsii> [Accessed 16 February 2023]. (In Russ.)
3. Korolev G. V., Anokhina M. E. Development of the company's strategy in an unstable economic situation. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*. 2019;(6). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-strategii-kompanii-v-usloviyah-nestabilnoy-ekonomicheskoy-situatsii> [Accessed 06 March 2023]. (In Russ.)

4. Alekseev A. N., Korolev G. V. Management diagnostics in strategic management. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*. 2019;(7). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskaya-dagnostika-v-strategicheskom-manamente> [Accessed 06 March 2023]. (In Russ.)

5. Trotsenko A. S., Kovaleva N. A. Features of the formation of financial strategies of corporations at the present stage [Electronic resource]. *Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE» = Internet journal "SCIENCE"*. 2017;9(3). Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/88EVN317.pdf> [Accessed 16 February 2023]. (In Russ.)

6. Porada-Rochon M., Franc-Dąbrowska J., Suwała R. Eliminating the Effects of the Companies Insolvency Risk – A Model Approach. WERI-World Economic Research Institute, April 2016. Available from: <http://wp.econworld.org/wp-content/uploads/2016/04/WP2006002.pdf>

7. Siadat M., Hammarlid O. Net Stable Funding Ratio: Impact on Funding Value Adjustment. *Quantitative Finance*, Jan 2017. Available from: <https://arxiv.org/pdf/1701.00540.pdf>

Информация об авторах

К. Н. Сериков – аспирант кафедры предпринимательства и конкуренции факультета бизнеса Университета «Синергия».

А. Ю. Анисимов – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе факультета информационных технологий, доцент кафедры информационного менеджмента и информационно-коммуникационных технологий им. профессора В. В. Дика Университета «Синергия».

Information about the authors

K. N. Serikov – PhD Student, Department of Entrepreneurship and Competition, Faculty of Business, Synergy University.

A. Yu. Anisimov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Educational and Methodological Work of the Faculty of Information Technologies, Assistant Professor of the Department of Information Management and Information and Communication Technologies named after. Professor V.V. Dick, Synergy University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

Научная статья

УДК 331.1+316.4

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-79-84

АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Михаил Андреевич Суржиков¹, Камилла Григорьевна Абазиева²,
Дмитрий Игоревич Кудрявцев³

^{1,2,3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
¹2980135@mail.ru ²abazieva_kamilla@mail.ru ³kdidmitriy@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основы антикризисного управления в организации. Действия по антикризисному управлению разделены на оперативные и стратегические. В рамках статьи человеческие ресурсы организации рассмотрены в качестве важного элемента организационной устойчивости. Мотивация сотрудников обосновывается в качестве приоритетного направления антикризисного управления человеческими ресурсами и как фактор повышения организационной устойчивости. Мотивационная система, освещаемая в статье, включает материальные и нематериальные компоненты. Рассмотрена роль индивидуальных потребностей в системе мотивации сотрудников.

Ключевые слова: управление, человеческие ресурсы, организационный кризис, антикризисное управление, механизм, мотивация персонала, организация, организационная устойчивость

Для цитирования: Суржиков М. А., Абазиева К. Г., Кудрявцев Д. И. Антикризисное управление человеческими ресурсами как механизм повышения мотивации сотрудников и организационной устойчивости // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 79–84. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-79-84>

Problems of Management

Original article

ANTI-CRISIS HUMAN RESOURCE MANAGEMENT AS A MECHANISM TO INCREASE EMPLOYEE MOTIVATION AND ORGANIZATIONAL SUSTAINABILITY

Mikhail A. Surzhikov¹, Kamilla G. Abazieva², Dmitry I. Kudryavtsev³

^{1,2,3}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia
¹2980135@mail.ru ²abazieva_kamilla@mail.ru ³kdidmitriy@gmail.com

Abstract. The article discusses the basics of crisis management in the organization. Anti-crisis management actions are divided into operational and strategic. Within the framework of the article, the human resources of the organization are considered as an important element of organizational sustainability. Employee motivation is justified as a priority area of anti-crisis human resource management and as a factor in improving organizational sustainability. The motivational system covered in the article includes tangible and intangible components. The role of individual needs in the employee motivation system is considered.

Keywords: management, human resources, organizational crisis, mechanism, staff motivation, organization, organizational sustainability

For citation: Surzhikov M. A., Abazieva K. G., Kudryavtsev D. I. Anti-crisis human resource management as a mechanism to increase employee motivation and organizational sustainability. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):79–84.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-79-84>

В реальных условиях угроза прерывания бизнеса всегда является актуальной, более того, считается, что количество кризисов со временем только увеличивается [1, с. 133]. Анализ, проведенный консалтинговыми компаниями и крупными корпорациями, показывает наличие обеспокоенности бизнесом относительно собственной устойчивости¹. Безусловной актуальностью обладают исследования в области антикризисного управления в общем, и управления человеческими

© Суржиков М. А., Абазиева К. Г., Кудрявцев Д. И., 2023

¹ Gartner (2021). Predicts 2021: Organizational Resilience. URL: <https://www.gartner.com/en/documents/3995066-predicts-2021-organizational-resilience>; Mazars (2020). Organizational resilience: responding to the unknown. URL: <https://www.mazars.ru/>; Deloitte. (2021). Building the Resilient Organization. 2021 Deloitte Global Resilience Report. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/>

ресурсами (далее – ЧР), в частности. Последнее связано с тем, что современные организации рассматривают ЧР как один из самых ценных ресурсов, а эффективное управление ЧР – в качестве важного элемента организационной устойчивости, что, в свою очередь, дает значительное конкурентное преимущество организации, необходимое для развития и поддержания высокой эффективности бизнес-процессов.

К пониманию кризиса существует множество подходов, связывающих кризис с неотложными проблемами, вредом людям, значительным повышением уровня недоверия и неуверенности, репутационными и финансовыми потерями, и т.д. [2, с. 373]. В рамках данной статьи мы будем придерживаться следующего определения: кризис – это «любое частичное или полное нарушение основных операций бизнеса в результате повреждения имущества или оборудования, причинения вреда людям, разрушения взаимосвязей, проблем окружающей среды» [3, с. 464].

Выделяют три основных свойства кризисов, затрагивающих организации и отражающиеся на организационной устойчивости [4]:

1. Угроза жизнестойкости организации.

2. Неожиданность возникновения проблемы и, как следствие, неготовность менеджеров ее разрешать.

3. Вынужденность принятия быстрых, резких, а порою не до конца взвешенных решений.

Однако стоит отметить и позитивные функции организационных кризисов [1, с. 134]:

1. Оптимизация системы – выявление и устранение устаревших и больше не работающих должным образом элементов системы или процесса.

2. Обновление системы – поиск, разработка и внедрение новых элементов обновляемых систем.

3. Проверка работоспособности системы перед переходом к новым процессам.

Антикризисное управление – совокупность действий организации, направленных на управление в период кризиса эффективным способом, для чего необходимо предусмотреть и минимизировать все возможные риски для организации и ускорить процесс восстановления [2, с. 373]. В этом аспекте управления организацией важными становятся такие свойства организации как гибкость и адаптивность, поскольку они формируют организационную устойчивость. Однако устойчивость в большей степени связана с неожиданными угрозами и рисками, чем с повседневными проблемами и изменениями, для которых используются гибкость и адаптивность [5, с. 159–160]. Тем не менее, антикризисное управление производится на разных этапах и связано и с повседневной деятельностью компании, и с реакцией на возникающие кризисные ситуации.

Так, современные концепции антикризисного управления основываются на трехэтапной модели, включающей следующие стадии: предкризисную (подготовка), кризисную (реакция) и посткризисную (выход из кризиса) [2, с. 374]. Таким образом, действия по антикризисному управлению делятся на оперативные – устранение негативных изменений в деятельности компании, отклонений от плана, снижения показателей – и стратегические, например, исследование экономической ситуации в стране, развитие ЧР, внедрение новых технологий, обеспечение ресурсами.

Также важно отметить, что любой кризис связан и с внешними, и с внутренними организационными проблемами.

В качестве примера рассмотрим международные санкции в отношении России, которые затронули почти все сферы и отрасли в российской экономике. П. В. Горлачев, И. А. Кунаковская, С. Н. Загнитко, А. А. Бухтаяров на основе анализа видов антироссийских санкций со стороны коллективного Запада «недружественных стран» и их влияние на формирование развития российских организаций составили схему [6, с. 730], отражающую основные проблемы, которые сдерживают развитие российских организаций (рис. 1).

Среди внутренних проблем выделяются и проблемы эффективности управления ресурсами, в том числе и человеческими, которые являются источником развития организации. Так, исследователями отмечается, что благодаря развитию навыков сотрудников и обеспечению их высокой производительности можно повлиять на устойчивость организации [7, с. 160].

Важным фактором эффективного антикризисного управления человеческими ресурсами является стратегическая устойчивость организации, о которой пишут в своей статье «В поисках устойчивости» Г. Хэмел и Л. Валикангас [8], определяя стратегическую устойчивость не как простую способность справиться с однократно возникшим кризисом, а как «постоянное ожидание

масштабных, долговременных тенденций, которые навсегда могут уничтожить основные источники прибыли, и умение к ним приспособиться. Это возможность измениться до того, как изменения станут жизненно необходимыми» [8, с. 29].



Рис. 1. Проблемы, сдерживающие развитие российских организаций (предприятий) в условиях санкций. Авторы: П. В. Горлачев, И. А. Кунаковская, С. Н. Загнитко, А. А. Бухтаяров
Fig. 1. Problems hindering the development of Russian organizations (enterprises) under sanctions. Authors: P. V. Gorlachev, I. A. Kunakovskaya, S. N. Zagnitko, A. A. Bukhtoyarov

При управлении ЧР важно учитывать возможную амбивалентность поведения сотрудников: во время кризиса они могут как потерять мотивацию – и тогда организация рискует утратить ЧР, так и наоборот, могут быть побуждены быть более преданными организации. То, какая модель поведения сотрудников будет реализована, в значительной степени зависит от стратегии управления в организации [9]. Поэтому при антикризисном управлении ЧР важно отдавать приоритет фактору мотивации, ибо снижение мотивации, так или иначе, влечет за собой и снижение производительности сотрудников организации.

Мотивацию можно рассматривать как процесс, стимулирующий сотрудников осуществлять свою трудовую деятельность более эффективными способами, и в современной экономике мотивационный интерес не сводится только лишь к материальным аспектам [10]. Кризисные ситуации, ведущие к ухудшению финансовых показателей организаций, делают использование только лишь материальной мотивации сотрудников менее продуктивным. При этом дополнительное стимулирование нематериальными средствами ориентируется на индивидуальные способности и потребности сотрудников и повышает уровень их лояльности организации, приверженности общему делу, причастности к группе и внутренней осознанности. Таким образом, функции и механизмы нематериальной мотивации выходят за рамки только экономической и охватывают также социальную, идеологическую и нравственную.

К нематериальным механизмам мотивации относят психологическую поддержку, возможности для обучения и повышения квалификации, возможности карьерного роста, а также, например, возможность строить гибкий рабочий график, программы коучинга и наставничества, внутренние стажировки и ротация кадров, совершенствование структуры обратной связи, развитие системы информационной обеспеченности и осведомленности сотрудников.

Вся система мотивационных механизмов должна обладать свойствами дифференцированности, гибкости, комплексности и оперативности [7, с. 157]. Последнее свойство особенно важно брать в расчет при антикризисном управлении ЧР. Мотивационная система персонала должна быть дифференцированной, то есть принимать во внимание индивидуальные потребности и мотивы

каждого сотрудника. Одинаковые поощрительные меры могут не способствовать повышению эффективности работы в разных службах или группах. Разнообразие стимулирующих механизмов позволит более точно привязать мотивационную систему к реальным потребностям персонала и создать более сбалансированную и целенаправленную работу.

Таким образом, мотивация персонала и поиск адекватных механизмов ее повышения играет ключевую роль в увеличении эффективности работы организации и преодолении кризисных ситуаций, способствуя тем самым организационной устойчивости.

Выделяют две модели антикризисного управления ЧР – мягкую и жесткую. При использовании первой модели ЧР рассматриваются в качестве ценного организационного ресурса и антикризисное управление направлено на поддержание сотрудников и их мотивацию на результат. При жесткой модели в приоритете находится снижение затрат на сотрудников и более жесткий контроль. Однако, как с любым социальным явлением, невозможно найти примерно чистого использования только одной модели – на практике они комбинируются с перекосом в сторону одной из них [2, с. 374-375].

Также важно учитывать, что все кризисы отличаются друг от друга, как минимум, по времени, скорости охвата и условиям возникновения, масштабам распространения, длительности и интенсивности, что приводит к невозможности существования какой-либо универсальной модели антикризисного управления ЧР. Однако в общих чертах можно описать возможные алгоритмы.

В качестве заключения обратимся к программе антикризисного управления ЧР с учетом мотивационной системы, представленной на рис. 2 [10, с. 222].



Рис. 2. Программа антикризисного управления персоналом на предприятии с учетом мотивации.

Автор: А. С. Килодченко

Fig. 2. The program of anti-crisis personnel management at the enterprise, taking into account motivation.

Author: A. S. Kilodchenko

Эта антикризисная программа основана на системе мер, направленных на устранение затруднений, с которыми сталкивается организация в результате кризиса, а также сохранение и развитие рыночных позиций при опоре на собственные ресурсы.

Ответственность руководителя состоит в задачах прогнозирования и проактивного предотвращения кризисных ситуаций, а также развертывания мер, нацеленных на вывод организации из состояния кризиса и эффективного антикризисного управления персоналом.

При создании мотивационной системы важно учитывать корпоративную культуру, личностно-ориентированный подход [11], стратегические цели компании и индивидуальные потребности каждого сотрудника. Только комплексный подход и система мотивационных механизмов могут значительно повысить продуктивность труда и стимулировать развитие бизнеса.

Антикризисное управление ЧР имеет ярко выраженные различия со стандартным управлением. В рамках процесса управления персоналом, главной задачей является обеспечение поддержки мер по преодолению кризисных явлений, путем взаимодействия работников на всех ступенях организационной иерархии, разработки антикризисных программ с учетом мотивации персонала, что значительно повысит эффективность управления ЧР и обеспечит высокий уровень стабильности на предприятии.

В целом, антикризисное управление – это сложный, многогранный процесс, требующий глубокой экономической, правовой и социальной компетенции сотрудников, а также понимания актуальных тенденций на рынке и в отрасли. Успешная реализация антикризисных мер в управлении ЧР может стать гарантом дальнейшего развития компании и укрепления ее позиций на рынке.

Список источников

1. Аверина Т. А., Авдеева Е. А., Курбатова Т. М. О создании системы антикризисного управления на предприятии в условиях неопределенности // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2022. Т. 22. № 3. С. 132–140.
2. Шпрингер А. С. Управление человеческими ресурсами в условиях кризисов 2008–2009 и 2020–2021 гг.: сравнительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2021. № 20 (3). С. 371–390.
3. Vardarlier P. (2016). Strategic approach to human resources management during crisis. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 235 (2): 463–472.
4. Айвазян З., Кириченко В. Антикризисное управление: принятие решений на краю пропасти // Менеджмент и маркетинг. 2019. № 4. С. 94–103.
5. Вершинина О. И. Организационная устойчивость и практики управления человеческими ресурсами российских организаций в период пандемии COVID-19 // Организационная психология. 2022. № 2. С. 157–182.
6. Горлачев П. В., Кунаковская И. А., Загнитко С. Н. Управление организацией и человеческими ресурсами в условиях незаконных ограничений и санкций // Управленческий учет. 2022. № 6-3. С. 725–738.
7. Шапиро С. А. Социально-экономические аспекты трудовой деятельности. М.: ИД «АТИСО», 2011. 254 с.
8. Чикаева К. С., Вакула И. М., Самыгин С. И. Управление человеческими ресурсами в период социального кризиса и антироссийских санкций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2.
9. Исаев Е. И. Современная система управления мотивацией персонала в условиях введения международных санкций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 242–245.
10. Килодченко А. С. Мероприятия по антикризисному управлению персоналом с учётом мотивации // Профессиональная ориентация. 2017. №2. С. 220–223.
11. Гафиатулина Н. Х. Влияние корпоративной культуры вуза на социальное здоровье студенческой молодежи // Образование. Наука. Инновации. 2012. № 6 (26). С. 113–119.

References

1. Averina T. A., Avdeeva E. A., Kurbatova T. M. About the creation of a crisis management system at an enterprise in conditions of uncertainty. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Komp'yuternye tekhnologii, upravlenie, radioelektronika» = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Computer Technologies, Automatic Control, Radio Electronics*. 2022;22(3):132–140. (In Russ.)

2. Springer A. S. Human resource management in the context of the 2008-2009 and 2020-2021 crises: a comparative analysis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment = Bulletin of St. Petersburg University. Management*. 2022;20 (3):371-390. (In Russ.)
3. Vardarli P. Strategic approach to human resources management during crisis. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2016;235(2):463-472.
4. Ayvazyan Z., Kirichenko V. Crisis Management: Decision-making on the Edge of the Abyss. *Menedzhment i marketing = Management and Marketing*. 2019;(4):94-103. (In Russ.)
5. Vershinina O. I. Organizational sustainability and human resource management practices of Russian organizations during the COVID-19 pandemic. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational psychology*. 2022;(2):157-182. (In Russ.)
6. Gorlachev P. V., Kunakovskaya I. A., Zagnitko S. N. Management of organization and human resources in conditions of illegal restrictions and sanctions. *Upravlencheskii uchet = Managerial accounting*. 2022;(6-3):725-738. (In Russ.)
7. Shapiro S. A. *Socio-economic aspects of labor activity*. Moscow: «ATISO»; 2011. 244 p. (In Russ.)
8. Chikhaeva K. S., Vakula I. M., Samygin S. I. Human resource management in the period of social crisis and anti-Russian sanctions. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2023. № 2. (In Russ.)
9. Isaev E. I. Modern system of personnel motivation management in conditions of introduction of international sanctions. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2018;(4):242-245 (In Russ.)
10. Kilodchenko A. S. Measures for anti-crisis personnel management taking into account motivation. *Профессиональная ориентация = Professional orientation*. 2017;(2):220-223. (In Russ.)
11. Gafiatulina N. Kh. Influence of the corporate culture of the university on the social health of student youth. *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii = Education. The science. Innovation*. 2012;6(26):113-119. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Суржиков – доктор экономических наук, профессор РГЭУ (РИНХ).
К. Г. Абазиева – доктор экономических наук, профессор РГЭУ (РИНХ).
Д. И. Кудрявцев – кандидат социологических наук, доцент РГЭУ (РИНХ).

Information about the authors

M. A. Surzhikov – Doctor of Economics, Professor of Rostov State University of Economics.
K. G. Abazieva – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of Rostov State University of Economics.
D. I. Kudryavtsev – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Rostov State University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication 24.05.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 85–90

State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):85–90

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 336.71.078.3

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-85-90

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕНТООРИЕНТИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Наталья Николаевна Ажогина¹, Людмила Васильевна Китаева²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹natochka30-11@yandex.ru

²lvk_vvk@mail.ru

Аннотация. В статье реализуется расширенная трактовка категории ренты и ее видов. Анализируется частная собственность на ограниченный ресурс как основа рентных отношений, а также формальная и неформальная институционализация частной собственности. Рентоориентированное поведение государства рассматривается через призму создания надгосударственных институтов, позволяющих перераспределять рентные доходы в пользу доминантов в мировой экономике. Создание военных конфликтов выступает своеобразным каналом для извлечения комплексной ренты – денежной (долларовой), земельной, военной.

Ключевые слова: рента, рентоориентированное поведение, долларовая рента, военная рента, право на формирование «международных правил», милитаристские институты

Для цитирования: Ажогина Н. Н., Китаева Л. В. Институционализация рентоориентированного поведения государства в мировой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 85–90. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-85-90>

Problems of Economics

Original article

INSTITUTIONALIZATION OF RENT-ORIENTED BEHAVIOR OF THE STATE IN THE WORLD ECONOMY

Natalia N. Azhogina¹, Lyudmila V. Kitaeva²

^{1,2}South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹natochka30-11@yandex.ru

²lvk_vvk@mail.ru

Abstract. The article implements an extended interpretation of the category of rent and its types. Private ownership of a limited resource is analyzed as the basis of rental relations, as well as formal and informal institutionalization of private property. The state's rent-seeking behavior is viewed through the prism of the creation of supranational institutions that make it possible to redistribute rental income in favor of dominants in the world economy. The creation of military conflicts acts as a kind of channel for extracting complex rent – monetary (dollar), land, military.

Keywords: rent, rent-oriented behavior, dollar rent, military rent, the right to form "international rules", militaristic institutions.

For citation: Azhogina N. N., Kitaeva L. V. Institutionalization of rent-oriented behavior of the state in the world economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(2):85–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-85-90>

Современная мировая экономика характеризуется большой долей спекулятивных сделок, выраженных операциями с деривативами. Это порождает противоречие между масштабами мировых финансовых ресурсов и производственным процессом. Однако необходимость потребления вполне реальных товаров и использования экономических ресурсов не исчезает из-за этого противоречия. Глобализация экономических процессов дает возможность перераспределять созданный национальный доход в интересах собственников фиктивного капитала, превращая последний в инструмент извлечения глобальной ренты.

Актуальными, в связи с этим, представляются слова Кейнса Дж. М. «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, – пишет Дж. Кейнс, – трудно ожидать хороших результатов» [1, с. 224].

Погоня за рентой выступает одной из видимых потребностей человечества получать доход, исходящий из права собственности на различные ресурсы, которые самостоятельно не используются в хозяйственной деятельности. Чтобы появилось это право, необходимо создать соответствующие институты, которые будут способствовать рентоориентированному поведению и делать его легитимным.

В статье будет сделана попытка проследить этапы институционализации рентоориентированного поведения, которое выступает необходимым процессом для получения дохода в отсутствии проблем, связанных с его легитимностью.

Не исключая наличие различных трактовок категории «рента» и «институт», в контексте данного исследования будем исходить из следующих определений. Рента – регулярный доход от любого ресурса, имеющегося в ограниченном количестве, который используется в хозяйственной деятельности не его собственником. Институт – определенным образом сложившейся порядок, который поддерживается формальными и неформальными нормами и правилами.

В основе рентных отношений лежат отношения собственности на ограниченный ресурс. Собственник ресурса присваивает ренту только путем реализации своего права собственности. Частная собственность дает возможность ограничить доступ к определенным, абсолютно или значительно ограниченными ресурсам.

Оценка последствий для общества наличия частной собственности как первоосновы рентных отношений приводит представителей экономических школ к разным выводам.

В частности, у Людвига фон Мизеса находим: «если история и может что-либо доказать и чему-то нас научить, то только лишь тому, что частная собственность на средства производства есть необходимая предпосылка цивилизации и благополучия» [2, с. 154].

Не столь оптимистичен в этом вопросе Карл Маркс. Основательно изложенная теория ренты дала возможность выявить различия между дифференциальной и абсолютной рентой. В связи с этим становится очевидным, что монополия хозяйствования и монополия на ресурс – не однозначные понятия. Если первая происходит из способностей к предпринимательству и особенности технологии, то вторая дает право на доход как бы из ниоткуда, только по праву собственности, отвлекая тем самым часть ресурса из предпринимательского сектора [3, с. 702]. Однако без наличия указанного права и дифференциальная рента утрачивает свою сущность.

Еще Франсуа Кенэ относил класс землевладельцев к бесплодному классу, ничего не производящему и ничего не перерабатывающему, а пользующегося чистым доходом, так как считал, что производством продукта занимаются только крестьяне. Однако, класс собственников, по его мнению, необходим для поддержания духовной культуры и управления, поэтому он имеет право на доход от собственности [4].

Институционалисты обращали внимание на то, что неполнота спецификации прав собственности ведет их к размыванию, а значит, проще всего это выразить фразой, что «никто не будет сеять, если не уверен, что урожай достанется ему». Анализ трансакционных издержек приводит Р. Коуза к выводу о том, что издержки на защиту прав собственности являются одними из наиболее значительных в условиях нестабильности рыночной среды [5].

Таким образом, частная собственность, с одной стороны, дает возможность присваивать доход от ограниченного ресурса и служит основой для рентных отношений. С другой стороны, возникают издержки, связанные с защитой частной собственности. Очевидно, что с точки зрения собственника извлекаемый доход должен превышать размер трансакционных издержек.

Предполагаемые издержки на защиту частной собственности ограничивают возможности перераспределения рентных доходов, но не исключают такого перераспределения.

Условия устойчивого интереса к присвоению ренты мы находим у В. Л. Тамбовцева:

- 1) концентрированность источника ренты;
- 2) относительные размеры ренты;
- 3) устойчивость демократической формы правления [6, с. 374].

Если первые два пункта не вызывают сомнений, то последний требует корректировки. Демократическая форма правления не гарантирует отсутствия недемократических условий перераспределения собственности на источники ренты.

Заметим, что защита частной собственности в современном обществе институционализирована по-разному. Формально создаются законы и демократические институты, правоохранительные органы. Однако наличие этих институтов не исключает возможности применения как силовых методов с использованием армии, так и экономических санкций для отчуждения ограниченных ресурсов. Причем, такой подход применим и в рамках отдельного государства, и в международном пространстве.

Рентоориентированное поведение на межгосударственном уровне реализуется через создание надгосударственных институтов, которые объединяют ресурсы и делают возможным извлечения ренты одними государствами за счет других.

В современном мировом хозяйстве усилиями развитых государств создана специфическая форма частной собственности – право на формирование «международных правил». Это право используется для создания подконтрольных международных институтов и принуждению уже существующих принимать решения, дающие возможность извлекать глобальную ренту. Таким образом институты, в том числе и вполне формальные, но установленные конкретными субъектами и, что главное, – под конкретные экономические интересы, – создают условия для изменения формы создаваемого национального дохода и субъекта присвоения этого дохода.

Если представить некие этапы в развитии представлений о видах и источниках ренты, то можно выделить следующие:

- 1) земельная рента внутри государства;
- 2) природная рента внутри государства и на мировом рынке;
- 3) денежная (долларовая) рента на фоне создания мировой валютной системы и международных расчетов;
- 4) милитаристская рента и ее частный случай военная рента.

В связи с тем, что авторами выпущен цикл работ в соответствующем направлении исследования, то касаться первых двух этапов в данной статье мы не будем [7–8].

Подробное рассмотрение 3 и 4 этапов являются основным предметом исследования. Итак, современная денежная система появилась ввиду отказа от реальных денег, обладающих стоимостью в пользу денег бумажных, которые эмитируются во всех государствах, однако, для международных расчетов используется только несколько валют, обладающих особым авторитетом и свободной конвертируемостью. Согласно последним данным, по итогам сентября 2022 года доля доллара США в международных платежах составила 42,31 % [9].

Учитывая, что доллар занимает примерно 40 %, однако за 15 лет произошло более чем 11-кратное увеличение долларовой массы в обращении [9], следует утверждать, что именно американская экономика является основным получателем денежной ренты.

Государство, эмитирующее валюту, используемую для международных расчетов, фактически вынуждает покупать эту валюту. При покупке иностранной валюты эмиссионный доход уходит в пользу страны, валюту которой выкупает национальный эмитент (Центробанк). Происходит авансированное наполнение этой иностранной валюты ценностным содержанием. Такая операция позволяет фактически перераспределять добавленную стоимость из страны, принимающей мировую валюту, созданную и оплаченную трудом ее граждан, в страну-эмитент мировой валюты. Указанная транзакция не способна обеспечить развитие стран, покупающих валюту для осуществления международных платежей. Происходит подрыв их экономического и политического суверенитета [10].

Выделение валюты, используемой в качестве мировых денег, не случайно. По мнению Л. Г. Бадалян, В. Ф. Криворотова, доминантный энергетический ресурс обеспечивает стабильность

валюты той страны, где он начинает добываться. Так было с углем и фунтом стерлингов, так стало с нефтью и долларом. Соответственно институционализация является необходимым следствием извлечения ренты доминантом. Если есть реальная угроза его смены, то в этом случае любые инструменты могут быть использованы, в том числе не совсем легитимные и демократические. Последним козырем доминанта, теряющего экономические позиции, является оборонная мощь и готовность отстаивать свои интересы силой оружия [11].

Таким образом, преобразование институтов из финансовых в милитаристские делает невозможным смену доминанта еще достаточно продолжительное время. Извлечение долларовой ренты становится условием для финансирования военно-промышленного сектора, а институт войны позволяет зарабатывать на продаже вооружения в зоны конфликта и перманентного разжигания локальных конфликтов на территории других государств. Воспроизводящиеся конфликты в разных частях мира делают устойчивым спрос на оружие, а значит, возможным получение теперь уже военной ренты. При этом локализация военного конфликта выбирается с учетом решения параллельных интересов, в частности извлечения природной ренты.

В связи с этим следует утверждать, что военный конфликт на территории Украины решает взаимосвязанные задачи по извлечению трех видов ренты: милитаристской, денежной и природной. Геополитический жест доброй воли в виде финансовой помощи на поставку вооружения предполагает вложения в американскую экономику, в ее военно-промышленный сектор. Таким образом, финансовая помощь не только порождает возникновение финансовых обязательств у Украины, но является инвестициями в американскую экономику. Не вызывает сомнения, что обязательства перед внешними кредиторами могут быть оплачены путем присвоения природной ренты Украины. Формальные институциональные условия для этого уже созданы. Весной 2021 г. был принят закон, позволяющего иностранцам покупать в Украине земельные участки несельскохозяйственного назначения за пределами населенных пунктов, а также изменять их назначение без согласования с властями. Теперь 40% сельскохозяйственных земель принадлежат трем американским предприятиям [12, с. 296].

Следует также отметить, что природная рента включает не только и не столько земельную, сколько нефтяную. Развязывание конфликта в Европе, объявление России агрессором, введение санкций, способствует переориентации европейского спроса на американские энергетические ресурсы. Это способствует переключению на «демократический» источник энергоресурсов и росту рентных доходов США.

Необходимость защиты прав собственности демократическими институтами никто не подвергает сомнению. Однако и этот тезис может быть использован для реализации рентоориентированных интересов отдельных стран. Появляется еще один механизм для создания надгосударственных институтов, способствующих перераспределению ренты в мировой экономике, – это объявление формы правления в том или ином государстве недемократическим и разжигание военного конфликта при поддержке выгодополучателей. Закрепление происходит при подключении санкционных механизмов и дальнейшей блокировки развития экономики того или иного государства (Ирак, Ливия, Сирия и др.).

Создание источников нестабильности и конфликтов в различных регионах мира, стимулирование кризисов в мировом пространстве способствуют сохранению возможности получения спекулятивных доходов на политических, ресурсных и валютных рынках. «Страны-гегемоны», декларируя принципы демократизма, формально выступая за самостоятельность и независимость государств, фактически приватизируют источники национальных рентных доходов, оставляя возникающие издержки гражданам этих стран.

Трудно не согласиться с тезисом П. Кругмана, характеризующим необходимость кардинальных изменений в современном мировом хозяйстве. «Истинная редкость в мире, – это не ресурсы и даже не добродетели, а понимание происходящего. Но я уверен, что единственными важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей» [13, с. 296].

Таким образом, погоня за рентой становится формой функционирования современного государства, стремящегося институционализировать процессы перераспределения различных видов ренты, причем доход от одного ресурса воспроизводит возможности по извлечению дохода из другого ресурса.

Список источников

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Джон Мейнард Кейнс; пер. с англ. М.: ЗАО «Бизнеском», 2013. 408 с. (Библиотека Генерального Директора. Вечная классика; том IV (LII)). ISBN 978-5-91663-155
2. Мизес Людвиг фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: «Дело», 1993. 240 с. ISBN 5-85900-061-8.
3. Маркс К. Капитал. Т. 3. М.: Эксмо, 2023. 1200 с. ISBN 978-5-04-177947-4
4. Физиократы. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П. С. Дюпон де Немур; [пер. с фр.: А. В. Горбунов и др., пер. с англ. и нем.: П. Н. Клюкин]. М.: Эксмо, 2008. 1200 с. ISBN 978-5-699-18767-6
5. Коуз Р. Фирма, рынок и право: сб. статей / пер. с англ. Б. Пинскера; науч. ред. Р. Капелюшников. М.: Новое издательство, 2007. 224 с. Серия «Библиотека Фонда "Либеральная миссия"». ISBN 978-5-98379-087-2.
6. Тамбовцев В. Л. Можно ли ожидать защиты прав собственности в России? // Проблемы экономической теории и политики/ Под общ. ред. А. П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2006. 374 с.
7. Ажогина Н. Н., Китаева Л. В., Мальцева О. В. Природная рента и современные механизмы ее улавливания и использования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 83-90.
8. Ажогина Н. Н., Китаева Л. В. Перераспределение и монетизация доходов как форма рентоориентированного поведения государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 138-143. С. 138-144.
9. Катасонов В. Американский доллар пока не уступает место другим валютам // Электронное издание Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/pview/2022/11/08/amerikan-skij-dollar-poka-ne-ustupaet-mesto-drugim-valjutam-57622.html> (дата обращения 11.02.2022).
10. Китаева Л. В. Рентные эффекты мировых денег // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 131-135.
11. Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. №50; №8. Изд. стереотип. URSS. 2019. 288 с. ISBN 978-5-397-06521-4.
12. Андриампарани Л. Три американских компании – хозяева трети Украины // Юманите. URL: Три американских компании – хозяева трети Украины – Юманите (humanite-russie.ru) (дата обращения 11.02.2023)
13. Кругман П. Р. Возвращение великой депрессии? [Мировой кризис глазами нобелевского лауреата; пер. с англ.]. М.: Эксмо, 2009. 336 с. ISBN 978-5-699-34222-8, ISBN 978-0-393-07101-6

References

1. Keynes J. M. *General theory of employment, interest and money*. Transl. by John Maynard Keynes. Moscow: "Business"; 2013. 408 p. ISBN 978-5-91663-155 (In Russ.)
2. Mises Ludwig von. *Bureaucracy. Planned chaos. Anti-capitalist mentality*. Moscow: "Delo"; 1993. 240 p. ISBN 5-85900-061-8 (In Russ.)
3. Marx K. *Capital*. T. 3. Moscow: Eksmo; 2023. 1200 p. ISBN 978-5-04-177947-4 (In Russ.)
4. *Physiocrats. Selected economic works* / F. Quesnay, A. R. J. Turgot, P. S. Dupont de Nemours; [transl. from French: A. V. Gorbunov et al., trans. from English. and German: P. N. Klyukin]. Moscow: Eksmo; 2008. 1200 p. ISBN 978-5-699-18767-6 (In Russ.)
5. Coase R. *Firm, market and law: Sat. articles*. Transl. from English. B. Pinsker; scientific ed. R. Kapelyushnikov. Moscow: New publishing house; 2007. 224 p. Series "Library of the Liberal Mission Foundation". ISBN 978-5-98379-087-2 (In Russ.)
6. Tambovtsev V. L. Is it possible to expect the protection of property rights in Russia? In: *Problems of economic theory and politics*. Ed. A. P. Zaostrovtssev. St. Petersburg: "Leontievsky Center"; 2006. 374 p. (In Russ.)
7. Azhogina N. N., Kitaeva L. V., Maltseva O. V. Natural rent and modern mechanisms for its capture and use. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(2):83-90. (In Russ.)

8. Azhogina N.N., Kitaeva L.V. Redistribution and monetization of income as a form of rent-oriented behavior of the state. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(1):138–143. (In Russ.)

9. Katasonov V. The American dollar is not giving way to other currencies yet. *Electronic edition of the Fund for Strategic Culture*. Available from: <https://www.fondsk.ru/pview/2022/11/08/amerikanskij-dollar-poka-ne-ustupaet-mesto-drugim-valjutam-57622.html> [Accessed 11 February 2022]. (In Russ.)

10. Kitaeva L. V. Rent effects of world money. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2016;(4):131–135. (In Russ.)

11. Badalyan L. G., Krivorotov V. F. *Story. Crises. Perspectives: A new look at the past and the future*. No. 50; No. 8. Moscow: URSS; 2019. 288 p. (In Russ.)

12. Andriamparani L. Three American companies are the owners of a third of Ukraine. *Humanite*. Available from: Three American companies are the owners of a third of Ukraine – Humanite (humanite-russie.ru) [Accessed 11 February 2022]. (In Russ.)

13. Krugman P. R. *Return of the Great Depression? (World crisis through the eyes of a Nobel laureate)*. Moscow: Eksmo; 2009. 336 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. Н. Ажогина – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Л. В. Китаева – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

N. N. Azhogina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

L. V. Kitaeva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 04.05.2023.

The article was submitted 19.04.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 04.05.2023.

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ МЕРИТОРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ: ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Маргарита Анатольевна Вахтина¹, Татьяна Владимировна Игнатова²

¹Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», Самара, Россия

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Владимировна Игнатова, ignatova-tv@ranepa.ru

Аннотация. В статье обосновывается положение, что одной из важнейших функций гражданского общества является трансляция общественных потребностей в государственную и экономическую подсистемы. При этом гражданское общество понимается как сфера аналитически независимая и в определенной степени эмпирически отделенная от государства и от рынка. Опираясь на положения концепции мериторных благ Ричарда Масгрейва, авторы доказывают, что общественный интерес формируется как результат индивидуальных предпочтений, усвоенных и принятых индивидами, действующими в соответствии с групповыми нормами и установками. В этой связи одна из основных функций негосударственных некоммерческих организаций – акторов гражданского общества – заключается в налаживании трастовых связей с государственно-административной сферой, с одной стороны, и сферой экономики – с другой. Применение исследовательского подхода мериторной концепции к анализу гражданского общества, по мнению авторов, открывает широкий спектр для экономических исследований, не относящихся к классической школе. В статье рассматриваются преимущественно теоретические аспекты формирования общественных потребностей при участии гражданского общества. При этом высказывается мнение, что эффективной реализации функции трансляции общественных потребностей в другие подсистемы общества способствует механизм партнерского взаимодействия гражданских институтов с государством.

Ключевые слова: гражданское общество, мериторные блага, негосударственные некоммерческие организации, общественные потребности

Для цитирования: Вахтина М. А., Игнатова Т. В. Роль гражданского общества в формировании мериторных потребностей: экономико-теоретический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 91–97. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-91-97>

Problems of Economics

Original article

ROLE OF CIVIL SOCIETY IN CREATION OF MERIT NEEDS: ECONOMIC-THEORETICAL ASPECT

Margarita A. Vakhtina¹, Tatiana V. Ignatova²

¹Samara University of Public Administration «International Market Institute», Samara, Russia

²South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Tatiana V. Ignatova, ignatova-tv@ranepa.ru

Abstract. The article substantiates the position that one of the most important functions of civil society is the translation of public needs into state and economic subsystems. At the same time, civil society is understood as an analytically independent sphere and to a certain extent empirically separated from the state and from the market. Relying on the provisions of Richard Musgrave's concept of meritorious goods, the authors prove that the public interest is formed as a result of individual preferences learned and accepted by individuals acting in accordance with group norms and attitudes. In this regard, one of the main functions of non-governmental non-profit organizations - actors of civil society - is to establish trust relations with the public administration sphere, on the one hand, and the economic sphere, on the other. The application of the research approach of the meritorious concept to the analysis of civil society, according to the authors, opens up a wide range for economic research that does not belong to the classical school. The article deals mainly with theoretical aspects of the formation of social needs with the participation of civil society. At the same time, the opinion is expressed that the mechanism of partnership interaction of civil institutions with the state contributes to the effective implementation of the function of translating public needs into other subsystems of society.

Keywords: civil society, meritorious goods, non-governmental non-profit organizations, public needs

For citation: Vakhtina M. A., Ignatova T. V. Role of civil society in creation of merit needs: economic-theoretical aspect. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):91-97. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-91-97>

Гражданское общество и его функции

В последние годы российские ученые и практические деятели уделяют много внимания теоретическому и эмпирическому исследованию такого феномена как гражданское общество. Введение категории гражданское общество в научный оборот датируется еще эпохой Просвещения и связано с именами таких ученых, как А. де Токвиль, Ю. Хабермас, Д. Л. Коэн, Э. Арато, Г. Шпинер, М. Уоррен, М.М.Ховард, Т. Янссон, Э.Внук-Липиньский, Д. Александер и других. Среди российских ученых сформировались исследовательские группы, которые изучают это явление: лаборатория исследования гражданского общества ГУ-ВШЭ под руководством Л. И. Якобсона и И. В. Мерсияновой, которые подготовили и провели за последние годы целую серию публикаций и опросов; группа ученых историков и юристов в составе А. С. Тумановой, А. Д. Степанского, И. С. Розенталя и других, выпустивших масштабную монографию о самоорганизации российской общественности за трехсот-летний период, Л. Г. Ионин, А. Ю. Сунгуров, М. Н. Громова и другие ученые. Так или иначе, все эти исследования тесно связаны с социально-историческим контекстом. Возможно поэтому, а также по ряду других причин, в понимании феномена гражданское общество по-прежнему нет единства.

Большинство ученых понимают под гражданским обществом «сферу между индивидом и государством, особую общественную сферу. При этом часть из них причисляет гражданское общество к негосударственной сфере политической жизни, в то время как другая трактует его как независимую и от государства, и от политических структур неполитическую сферу социума, к которой происходит институционализация частных лиц посредством различных объединений или ассоциаций» [1, с. 10-15]. Аналитический обзор можно подробнее прочесть в статьях и монографиях российских авторов [2, с.10-26; 3, с. 390-412].

В современных условиях гражданское общество определяется категориально как сфера объективно независимая и на практике отделенная от государства и от рынка. В некоторых случаях ее также отделяют от других специализированных сфер жизни общества, где господствуют иные, чем в гражданском обществе, принципы и нормы поведения (например, семья, религия). Ученые выявляют специфические отличия гражданского общества, экономической и государственно-административной сфер, принимая во внимание, конечно, что они находятся в состоянии взаимопроникновения и взаимосвязи. «Выявляется целый ряд различий и сходств, которые в своей совокупности определяют характер отношений гражданского общества с другими сферами и областями общественной жизни» [2, с. 20-26] и его специфику. Если экономическая сфера зиждется на частном интересе, то государственная и гражданская сферы более тесно взаимосвязаны из-за ориентации на общественный интерес. При этом государственно-административная сфера, в отличие от гражданской, отличается стремлением к власти и господству, что сближает ее с экономической.

По мере своего развития гражданское общество все более институционализируется, принимая определенные организационные формы, опираясь на формальные и неформальные правила и ценности, которые регулируют человеческое поведение в соответствующих рамках. В ряду

предпосылок институционализации гражданского общества выделяют наличие рынка, публичного пространства и общественной (публичной) коммуникации. Рынок создает условия для обмена ценностями, опирается на частную собственность и предполагает ее защиту, его качество оказывает влияние на характер институтов гражданского общества, степень их экономической и финансовой самостоятельности, а также на сферы деятельности. Наличие публичного пространства и коммуникации, в свою очередь, обеспечивает свободную институционализацию общественных сил, которая в противном случае становится невозможной. При отсутствии данных предпосылок публичное пространство будет наполняться квазигражданскими организациями [4, с. 191-193]. Можно поддержать тезис о том, что «институционализированное гражданское общество представляет собой совокупность негосударственных некоммерческих организаций и объединений, действующих в публичной сфере. Эти структуры отличаются относительной автономией по отношению к государству и рынку, добровольным участием», солидарностью, предполагают инициативу снизу [1, с. 10-15].

Наряду с институционализированными отношениями сфера гражданского общества, которая отличается большей подвижностью, чем другие, включает инициативные группы, иные объединения неинституционального характера, а также отдельных индивидуальных субъектов действия – людей с их персональными социальными практиками.

На наш взгляд, М. Ховард верно прогнозировал, что «только институты и их реформирование смогут обеспечить длительные изменения в развитии гражданской самоорганизации при том условии, что они являются эффективными, вызывающими доверие и, наряду с этим, актуальными в плане соответствия общественным потребностям и культуре общества, прочно установившимися в истории» [5, с. 61].

В монографии «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII–начале XX вв.» были выработаны основные критерии, которые, по мнению авторов, позволяют судить о качественном состоянии общественной самоорганизации. Среди них наличие институционального каркаса в виде оформившейся системы добровольных ассоциаций, которые отражают разнообразные интересы, потребности и ценности различных групп общества; наличие правовой основы для самоорганизации, и ее регулирование, основанное на доверии к праву; укоренившееся представление о значимости объединения людей как важного фактора развития общества и решения назревших проблем; а также деятельностный аспект, который заключается в наличии у самодеятельных объединений положительных социальных практик [6, с. 280-286]. К социальным практикам гражданского общества ученые относят взаимопомощь, филантропию, добровольческую деятельность, участие в негосударственных некоммерческих организациях, гражданские инициативы, участие в местном самоуправлении.

Таким образом, гражданское общество – это сфера между личностью и государством, где совершаются коммуникации, ядром которой являются негосударственные некоммерческие организации, находящиеся вне государства и экономики, которые, как отмечал автор теории публичной сферы немецкий философ Ю. Хабермас, дают возможность гражданам управлять самостоятельно и формировать общественное мнение [7, р. 27-73; 8].

В рамках данной статьи нас, прежде всего, будут интересовать функции гражданского общества. В зависимости от приоритетов, целей и задач ученые выявляют и анализируют различные из них. Ю. Хабермас, будучи философом и социологом, особое внимание уделил такой функции гражданского общества, как солидарность, которая является альтернативой административной власти и собственному интересу и выступает в качестве источника общественной интеграции [9].

Историк Ш.-Л. Хоффманн в своем масштабном исследовании, посвященном развитию и роли гражданских ассоциаций в транснациональной перспективе, сосредоточил внимание на формировании в рамках гражданского общества ассоциативной культуры [10]. У экономистов, на наш взгляд, применительно к гражданской сфере также есть предмет для исследования – это функция трансляции общественных потребностей субъектов – акторов гражданского общества (институционализированных или неинституционализированных, отдельных индивидов или их групп) в государственную и экономическую подсистемы. Для теоретического обоснования вышеназванных взаимосвязей следует обратиться к концепции мериторных благ Ричарда Масгрейва, находящейся за пределами мейнстрима и до сих пор остающейся, к сожалению, на периферии экономической теории и практики.

Мериторные потребности и их носители

Мериторными называются блага (термин в научный оборот ввел Масгрейв), спрос на которые со стороны частных лиц отстает от «желаемого обществом» и поэтому нуждается в стимулировании государством. Таким образом, понятие мериторики связано с общественными интересами, которые не проявляются в индивидуальных предпочтениях [11–13]. Из четырех специфических типов потребностей, которые выделяет Масгрейв, нас будут интересовать мериторные потребности – общие потребности, которые отражают интересы совокупности индивидов.

В отличие от подходов отечественных ученых Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна, авторов концепции экономической социодинамики, согласно которой мериторная активность государства объясняется исключительно несводимыми интересами общества [14], мы стоим на позиции Масгрейва о том, что носителями социального интереса выступают сами индивиды, принадлежащие к определенным группам и общностям. В таком случае общественный интерес формируется как результат индивидуальных предпочтений, усвоенных и принятых индивидами, действующими в соответствии с групповыми нормами и установками.

Чтобы особо подчеркнуть более широкие рамки мериторных товаров в их отличие от частных благ, Масгрейв предлагает смотреть на них шире, чем просто на товары, и трактовать как институты, склоняющие индивидов к общественному признанию даже тогда, когда они сами с чем-то не соглашаются. Формированию общественного признания, на наш взгляд, способствуют ассоциативная культура, солидарность, доверие, присущие гражданскому обществу и его организационным формированиям. На этом фундаменте формируются определенные правила и нормы, влияющие на поведение индивидов, выступающих акторами гражданского общества. О важности этих составляющих как раз и вели речь вышеупомянутые Ю. Хабермас, Ш. Л. Хоффманн и другие ученые. Индивид, ставший актором гражданского общества, ведет себя не как ограниченный гедонист, заинтересованный исключительно в минимизации рисков (именно так его чаще всего представляют экономисты традиционного направления), а как этически ориентированный человек, член общества.

В практической плоскости Масгрейв и его последователи ведут в этой связи речь о налаживании трастовых связей между индивидуальными и общественными интересами, в частности, о политическом трасте, когда индивиды, голосуя за ту или иную политическую партию или какого-то конкретного кандидата, наряду со своим голосом, передают им право выражать общественные предпочтения. Мы предлагаем расширить рамки этого продуктивного исследовательского подхода и распространить его на всю сферу гражданского общества, включающую в себя негосударственные некоммерческие организации. В этой связи основная функция последних заключается в налаживании трастовых связей с государственно-административной сферой, с одной стороны, и сферой экономики – с другой для выражения общего и групповых интересов и потребностей. Таким образом, мериторики, которая отличается своеобразием по сравнению с мейстримом, не является отклонением от рынка, а существует как неотъемлемая часть экономики и самого рынка.

Трансляция мериторных потребностей

Итак, гражданское общество – это область солидарности, равенства, уважения, доверия, где переплетаются абстрактно-универсальные принципы и партикулярные основания общностей. Если основой деятельности членов гражданского общества является общественная солидарность, то его институты становятся стабильными средствами выражения этих моральных ценностей. В ряду таких институтов – конституционные требования, законодательные нормы, механизмы выражения общественного мнения, негосударственные некоммерческие организации. Благодаря вышеназванным качественным характеристикам, гражданским институтам характерна инклюзия, то есть максимально широкое включение индивидов в их деятельность. Последние, будучи членами гражданского общества, выступают в самом абстрактном виде, максимально свободными от каких-либо конкретных определений: пола, возраста, национальности, профессии.

Таким образом, индивиды, носители определенных ценностей (последние можно рассматривать в качестве предпосылок развития гражданского общества) объединяются между собой в союзы и ассоциации (свободно самоорганизуются) для выражения общего мнения по социально значимым вопросам общественного развития. В этом смысле определение гражданского общества, данное Х. Анхайером, представляется нам наиболее точным: «Гражданское общество – это публичное пространство за пределами семьи, государства и рынка, где люди объединяются для продвижения общих интересов» [15].

Ведя речь о мериторных благах и формировании общественного спроса на них, на наш взгляд, следует анализировать состояние тех каналов, благодаря которым правительство и бизнес могли бы знакомиться с мнением и социальной позицией гражданских структур, чтобы на этой теоретической базе выстраивать позитивные механизмы. Причем генерируемые в этой среде представления и предпочтения должны доноситься до власти не только в рамках отдельных, пусть даже масштабных, многолюдных мероприятий, а постоянно и каждодневно в процессе доверительного диалога. Это предполагает формирование институционального представительства гражданского общества, а также специфических каналов транслирования информации, отличающиеся открытостью и возможностью осуществлять постоянные коммуникации. При этом импульсы для диалога должны быть двусторонними и генерироваться не только внутри государственно-административной подсистемы или рынка, акторами которого выступают представители бизнеса. Важно, чтобы эти импульсы исходили со стороны самого гражданского общества – носителя и выразителя социальных потребностей, чтобы быть услышанными и воспринятыми.

Конкретные каналы между гражданским обществом и властью, гражданским обществом и бизнесом могут быть различными и в значительной степени зависят от исторически сложившейся культурной среды. В последние годы, в том числе в нашей стране, они приняли вполне осязаемые формы. Среди этих форм встречаются как непосредственные, так и опосредованные каналы связи. К первым можно отнести опросы, референдумы, собрания, форумы, переговорные площадки, в ряду других – деятельность экспертов как выразителей общественного мнения, общественные советы при различных властных структурах, федеральная и региональные общественные палаты, согласительные и конфликтные комиссии, рабочие группы. Разного рода общественные советы при исполнительных органах власти, а также общественные палаты, согласно установленным в нашей стране нормативным требованиям, выступают своего рода посредниками между властью и негосударственными некоммерческими организациями. К числу таких опосредованных форм также можно отнести экспертов как выразителей групповых интересов и потребностей индивидов. В конечном итоге, каждый из каналов связи призван влиять на выработку политических и хозяйственных решений, включая законотворчество, а также находить реальное отражение в муниципальных, региональных и федеральных программах и проектах.

Особая роль в создании мериторных благ принадлежит государству, которое не только должно выступать участником доверительного диалога, но и оказывать материальную и нематериальную поддержку гражданским организациям и объединениям.

Согласно материалам трех социологических исследований, проведенных в рамках состояния гражданского общества ГУ-ВШЭ, касающихся вопросов взаимодействия НКО с органами власти всех уровней, каждый второй россиянин полагает, что власти должны создавать благоприятные условия тем некоммерческим организациям, которые реально помогают людям и приносят им пользу. При этом авторы опроса отмечают значительную долю тех россиян, которые не могут ответить на поставленные вопросы (в отдельных случаях число таких составляет до 48%) [16, с. 161, 166]. Можно согласиться с авторами опроса, что такое положение дел является следствием недостатка информации, знаний и некомпетентности россиян по вопросам функционирования негосударственных некоммерческих организаций и гражданского общества в целом, их взаимодействия с государством и бизнес структурами при формировании и отстаивании общественных интересов и потребностей в условиях рыночных отношений. В этой связи повышение информированности граждан должно стоять в ряду приоритетных задач государственной политики в любой социально значимой сфере деятельности. Применительно к экологической информации об этом идет речь в статье «Экологическая информация как фактор формирования институциональной среды: общая динамика и региональные особенности» [17, с. 161, 166].

На основе исторического анализа ученые выделяют различные варианты взаимодействия органов власти и гражданских структур, включая конкретные модели (подробнее об этом можно прочесть в работах А. С. Автономова, Л. И. Якобсона, Н. Ю. Беляевой, А. Л. Нездурова, А. Ю. Сунгурова и других). В этой связи говорят о партнерском взаимодействии; взаимодействии, основанном на доминировании власти или об отсутствии взаимодействия (игнорировании). Даже если те или иные типы взаимодействия сосуществуют, в определенный период времени, всегда можно выделить доминирующие [18; 19, с. 7-26; 20, с. 209–232].

Таким образом, у гражданского общества есть важнейшая функция, заключающаяся в трансляции общественных (групповых) интересов, потребностей и формировании мериторных благ.

Эта функция может быть реализована с большей или меньшей эффективностью, в зависимости от степени развития гражданского общества, уровня его институционализации и характера последней. Стимулом формирования гражданского общества как раз и является, на наш взгляд, выстраивание эффективных каналов взаимодействия (траста) между гражданской сферой, сферой экономики и государственно-административной сферой. В идеале о гражданском обществе можно говорить как о сфере, представляющей разветвленную сеть свободных ассоциаций граждан, транслирующих общественные интересы в государственно-административную и экономическую сферы и влияющих на процесс управления.

Список источников

1. Туманова А. С. Концепции гражданского общества западных обществоведов XX века // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 10–15.
2. Ионин Л. Г. Теоретико-методологические основы изучения гражданского общества / В кн.: Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Под ред. Л. И. Яковсона. – М.: Вершина, 2008. С. 10-26.
3. Туманова А. С. Добровольные объединения в истории России как предшественники современных НКО / В кн.: Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально-ориентированными НКО: учебник / Отв. ред.: И.В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 390–412.
4. Внук-Липинский Э. Социология публичной жизни. М.: Мысль, 2012. С. 191-193.
5. Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 61 (290 с.)
6. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII- начале XX в. / редкол.: Туманова А.С. (отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2011. С. 280-286.
7. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Anguiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989. P. 27-73.
8. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Изд-во «Весь Мир», 2016. 342 с.
9. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. 382 с.
10. Хоффманн Ш.- Л. Социальное общение и демократия: ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750-1914. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
11. Musgrave R.A. The Theory of Public Finance. N.Y., L.: McGraw-Hill, 1959.
12. Musgrave R.A. Public goods // Paul Samuelson and Modern Economic Theory / E.C. Brown, R.M. Solow (eds.). N.Y.: McGraw-Hill, 1983.
13. Musgrave R.A. Merit Goods // The New Palgrave Dictionary of Economics / J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (eds.). L.: Macmillan, 1987.
14. Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Экономическая социодинамика. М.: ИСЭПРЕСС, 2000. 274 с.
15. Anheier H.K., Carlson L. The civil society diamond: A Primer. CIVICUS index on civil society. Occasional paper series. Iss. 2. July 2001. Vol. 1.
16. Мерсиянова И. В. Взаимоотношения власти и организованной общественности в восприятии населения, руководителей НКО и муниципальных служащих / В кн.: Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Яковсона. М.: Вершина, 2008.
17. Вахтина М. А., Белокрылова О. С. Экологическая информация как фактор формирования институциональной среды: общая динамика и региональные особенности // Journal of Economic Regulation, 2022. Т. 13. № 1. С. 75–87.
18. Автономов А. С., Виноградова Т. И., Замятина М. Ф., Хананашвили Н. Л. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России. М., 2003. 416 с.
19. Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: теория и практика. Формирование научных школ // Публичная политика в современной России: субъекты и институты: Сборник статей / отв. ред.-сост. Н.Ю. Беляева. М., 2006. С. 7-26.
20. Нездуров А.Л., Сунгуров А.Ю. Взаимодействие органов власти и структур гражданского общества: возможные модели и их реализация в общественно-политической жизни современной России / Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Яковсона. М.: Вершина, 2008. С. 209–232.

References

1. Tumanova A.S. Concepts of civil society of Western social scientists of the twentieth century. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil society in Russia and abroad*. 2013;(1):10–15. (In Russ.)
2. Ionin L. G. Theoretical and methodological foundations of the study of civil society. In: *Factors of civil society development and mechanisms of its interaction with the state*. L.I. Yakobson (ed.). Moscow; 2008. (In Russ.)

3. Tumanova A.S. Voluntary associations in the history of Russia as precursors of modern NGOs. In: *Organization of volunteer (volunteer) activities and interaction with socially oriented NGOs: textbook*. Ed.: I.V. Mersiyanova. Moscow: National Research University "Higher School of Economics"; 2022:390–412. (In Russ.)
4. Vnuk-Lipinsky E. *Sociology of public life*. Moscow: Mysl; 2012:191–193. (In Russ.)
5. Howard M. M. The weakness of civil society in the post-communist Europe. Moscow: Aspect Press; 2009. 290 p. (In Russ.)
6. *Self-organization of the Russian public in the last third of the XVIII – early XX century*. Editorial board: Tumanova A.S. (ed.) and others. Moscow: ROSSPEN; 2011:280–286. (In Russ.)
7. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere. Anguiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge; 1989:27–73.
8. Habermas Yu. *Structural change of the public sphere: Studies on the category of bourgeois society*. Moscow: Publishing House "The Whole World"; 2016. (In Russ.)
9. Habermas Yu. *Involving the other. Essays on Political Theory*. St. Petersburg; 2001. 382 p. (In Russ.)
10. Hoffmann Sh.- L. *Social communication and democracy: Associations and Civil Society in a transnational perspective, 1750-1914*. Moscow: New Literary Review; 2017. (In Russ.)
11. Musgrave R. A. *The Theory of Public Finance*. N.Y., L.: McGraw-Hill; 1959. (In Russ.)
12. Musgrave R. A. Public goods. In: *Paul Samuelson and Modern Economic Theory* / E.C. Brown, R.M. Solow (eds.). N.Y.: McGraw-Hill, 1983.
13. Musgrave R.A. Merit Goods. In: *The New Palgrave Dictionary of Economics* / J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (eds.). L.: Macmillan; 1987.
14. Grinberg R. S., Rubinstein A. Ya. *Economic Sociodemics*. Moscow: ISEPRESS; 2000. (In Russ.)
15. Anheier H. K., Carlson L. The civil society diamond: A Primer. *CIVICUS index on civil society. Occasional paper series*. Iss. 2. July 2001. Vol.1.
16. Mersiyanova I. V. The relationship between the government and the organized public in the perception of the population, the heads of NGOs and municipal employees. In: *Factors of the development of civil society and mechanisms of its interaction with the state*. Edited by L. I. Yakobson. Moscow: Vershina; 2008. (In Russ.)
17. Vakhtina M. A., Belokrylova O. S. "Environmental information as a factor in the formation of the institutional environment: general dynamics and regional features". *Journal of Economic Regulation*. 2022;13(1):75–87. (In Russ.)
18. Avtonomov A. S., Vinogradova T. I., Zamyatina M. F., Khananashvili N. L. *Social technologies of intersectoral interaction in modern Russia*. Moscow, 2003. 416 p. (In Russ.)
19. Belyaeva N. Yu. Public policy in Russia: theory and practice. Formation of scientific schools. In: *Public policy in modern Russia: subjects and institutions: Collection of articles*. Ed.-comp. N.Y. Belyaeva. Moscow; 2006:7–26. (In Russ.)
20. Nezdyurov A.L., Sungurov A.Yu. Interaction of authorities and civil society structures: possible models and their implementation in the socio-political life of modern Russia. In: *Factors of civil society development and mechanisms of its interaction with the state*. Edited by L. I. Yakobson. Moscow: Vershina; 2008:209–232. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Вахтина – доктор экономических наук, профессор Самарского университета государственного управления «Международный институт рынка».

Т. В. Игнатова – доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

M. A. Vakhtina – Doctor of Economic Sciences, Professor of Samara University of Public Administration "International Market Institute".

T. V. Ignatova – Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 19.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 19.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 332

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-98-103

АНАЛИЗ АКТУАЛЬНОСТИ И ЗНАЧИМОСТИ ESG-ПРОЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Владимир Михайлович Джуха¹, Роман Вячеславович Мажара²

^{1,2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Владимир Михайлович Джуха, dvm58@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0424-6510>

Аннотация. Важнейшим инструментом продвижения концепции ESG является социальное инвестирование, когда решение о финансировании того или иного проекта принимается исходя из того, какой социальный эффект будет иметь его реализация. В статье предпринята попытка определить потенциал социального инвестирования через оценку его востребованности и значимости в инвестиционной среде в мире и в России. Также приведена и исследована успешная региональная практика социального инвестирования.

Ключевые слова: социальное инвестирование, региональная экономика, концепция ESG, устойчивое развитие

Для цитирования: Джуха В. М., Мажара Р. В. Анализ актуальности и значимости ESG-проектов социального инвестирования в региональной экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 98–103. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-98-103>

Problems of Economics

Original article

ANALYSIS OF THE RELEVANCE AND SIGNIFICANCE OF SOCIAL INVESTMENT ESG-PROJECTS IN THE REGIONAL ECONOMY

Vladimir M. Dzhukha¹, Roman V. Mazhara²

^{1,2}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Vladimir M. Dzhukha, dvm58@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0424-6510>

Abstract: The most important tool for promoting the ESG-concept is a social investment, when the decision to finance a project is made based on what social effect its implementation is to have. The article attempts to determine the potential of social investment through an assessment of its relevance and significance in the investment environment in the world and in Russia. The successful regional practices of social investment are also presented and investigated.

Keywords: social investment, regional economy, ESG-concept, sustainable development

For citation: Dzhukha V. M., Mazhara R. V. Analysis of the relevance and significance of social investment ESG-projects in the regional economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):98-103. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-98-103>

Введение

Региональный портфель ESG-проектов в России расширяется вслед за распространением концепции ESG и принципов социального инвестирования, которые имеют длительную и содержательную эволюцию своего теоретического и практического развития.

Декларирование концепции ESG произошло в 2004 году в докладе генерального секретаря ООН Кофи Аннана «Неравнодушный побеждает»¹. В нем публикуется обращение к крупным компаниям в части необходимости соблюдения трёх принципов: ответственное отношение к окружающей среде (E – environment); высокая социальная ответственность (S – social); высокое качество корпоративного управления (G – governance). В докладе утверждается, что именно соблюдая эти три главных принципа, компания может добиться как высокого результата в своей хозяйственной деятельности, так и привнести положительные интеграционные эффекты в свое окружение. Общество станет более благополучным, окружающая среда – более защищённой, держатели акций – более удовлетворенными и спокойными за свои инвестиции.

Постепенно международные общественные организации и мировые корпорации стали проявлять внимание к этим социальным, экологическим и корпоративным аспектам, в том числе при выборе проектов и предприятий для инвестирования. Данное явление получило название «социально-ответственное инвестирование». В результате, для инвесторов наряду с финансовыми показателями важными стали показатели, отражающие степень соответствия принципам ESG.

В рамках конференции «Who Cares Wins 2005: Инвестирование ради долгосрочной ценности», в которой участвовали крупные институциональные инвесторы, управляющие активами, эксперты и биржевые аналитики, глобальные консультанты, а также государственные органы власти, была изучена роль экологических, социальных и корпоративных факторов в оценке и управлении стоимостью актива (действующего предприятия или бизнес-проекта). Участники согласились с тем, что факторы ESG играют важную роль в контексте долгосрочных инвестиций. Общеизвестно, что стоимость актива тем выше, чем более он удовлетворяет требования ESG.

На этой же волне крупными институциональными инвесторами из 12 стран мира при финансовой и организационной поддержке ООН были разработаны и представлены в 2006 г. принципы ответственного инвестирования. Этими же инвесторами была создана Ассоциация ответственного инвестирования (PRI), призванная консультировать и содействовать внедрению принципов в хозяйственную деятельность компаний – членов PRI. Если изначально к принципам присоединились 63 финансовых института, то в 2020 г. их число возросло до 3000 финансовых организаций, совокупный портфель инвестиций которых составлял 100 трлн долл. США [1].

Исследованию концепции ESG и развития социального инвестирования сегодня уделяется значительное внимание в научной литературе. Так существенный вклад внесли российские ученые, такие как А. Л. Белоусов [2] (в части внедрения ESG-стандартов в российский банковский сектор), М. В. Мажорина [3] (применительно к международному бизнесу и устойчивым контрактам), Л. Д. Петренко [4] (применительно к инвестиционной сфере), В. А. Черненко [5] (в части на финансовой устойчивости предприятий), О. С. Боброва (в части опыта европейских компаний и правил по внедрению ESG).

Цель и задачи

Учитывая существенно меняющуюся в настоящее время макроэкономическую повестку, для исполнительных органов субъектов Российской Федерации важно обосновано определять приоритеты экономической политики, на которые следует направлять поддержку. Данные приоритеты должны иметь высокий интеграционный эффект и «вытягивать» за собой экономическую активность. В связи с этим основной целью настоящего исследования является определение потенциала социального инвестирования через оценку его востребованности и значимости в инвестиционной среде в мире и в России на современном этапе.

¹ Who Cares Wins. Connecting Financial Markets to a Changing World. United Nations. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/280911488968799581/pdf/113237-WP-WhoCaresWins-2004.pdf>

Материалы и методы

В узком смысле под социальными инвестициями понимают капиталовложения в конкретные виды деятельности, способствующими развитию социальной инфраструктуры и решению социальных проблем. Например, речь может идти о строительстве объектов здравоохранения, образования, спорта, социального обслуживания населения и других. Либо это проекты в повышение финансовой грамотности старших поколений, патриотическое воспитание молодежи или защиту окружающей среды.

В широком смысле под социальными инвестициями понимается не только запуск социальных проектов, но и любые решения, ведущие к социальной справедливости и удовлетворению интересов общества, например, решения по отказу от вложений в процессы, несущие вред человеку и обществу (такими как табачная индустрия или игровой бизнес), а также решения, направленные на внутреннее саморазвитие организации (популяризация экологического мышления среди работников, корпоративные социальные программы поддержки работников, модернизация производства и переход на безотходные технологии и другие).

Главным инструментом привлечения инвестиций в проекты, реализующихся по принципам ESG, является выпуск облигаций: «социальных», «зеленых», облигаций устойчивого развития и привязанным к целям устойчивого развития¹. Мировой объем ESG-облигаций растет высокими темпами и в 2022 г. составил более 1 трлн долл. США². Около 50 % из них приходится на «зеленые облигации», посредством которых привлекается финансирование на реализацию экологически нейтральных проектов: в сфере безотходного производства или использующих альтернативную генерацию.

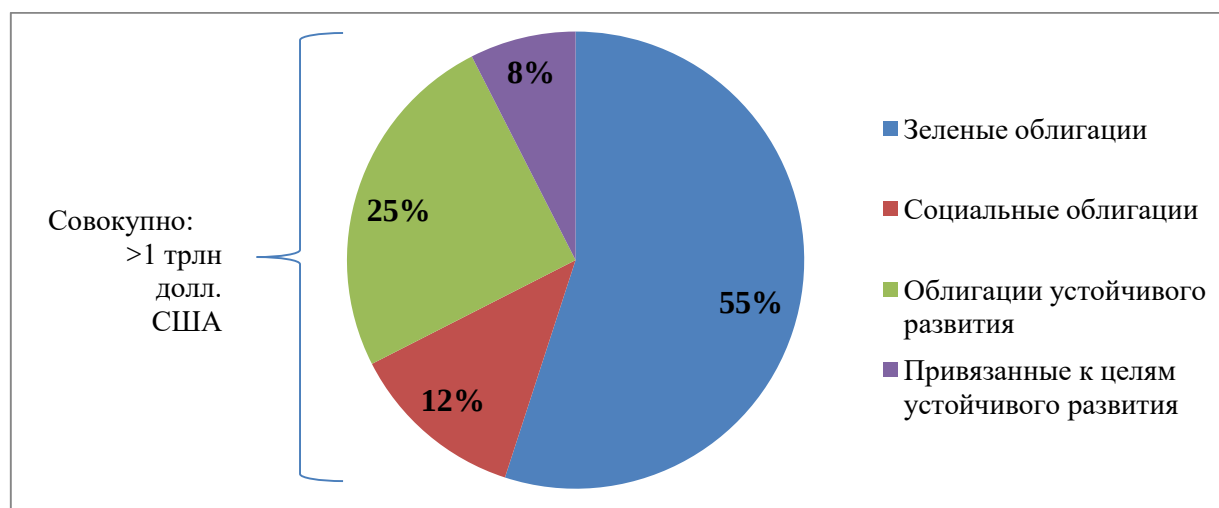


Рис. 1. Мировой выпуск ESG-облигаций в 2022 году

Fig. 1. Global issue of ESG bonds in 2022

Социальные облигации выпускаются под проекты, направленные на решение социальных общественно-значимых задач, таких как строительство или модернизация социальной инфраструктуры, комплексные программы по борьбе с бедностью, повышению уровня грамотности и образованности населения. Как правило, инициатором и основным плательщиком по обязательствам социальных облигаций является государство или международные социальные фонды. Инвесторы, участвующие в проектах социальных облигаций, предоставляют финансирование на его реализацию и получают купонный доход только в том случае, если заявленные по проекту цели в результате независимой экспертизы будут достигнуты.

¹ Побеждают неравнодушные: как забота об экологии и обществе становится конкурентным преимуществом. URL: <https://sber.pro/publication/pobezhdaiut-neravnodushnye-kak-zabota-ob-ekologii-i-obshchestve-standovitsia-konkurentnym-preimushchestvom?ysclid=1978j2j1ej861209345>

² ESG 2022 Outlook. 3 Themes Driving Capital Flow. URL: <https://www.db.com/files/documents/2022/01-JAN/ESG-Capital-Markets-2022-Outlook.pdf>

Облигации устойчивого развития и привязанные к целям устойчивого развития выпускаются под проекты, направленные на достижение широкого спектра целей, соответствующих принципам концепции устойчивого развития. Денежные средства, по сути, привлекаются, на осуществление модернизации и внутренних улучшений компаний. В случае, если заявленные цели не достигаются, то инвесторам выплачивается повышенный купонный доход.

Общая политика крупнейших институциональных игроков вынуждает инвесторов соблюдать принципы ответственного инвестирования, в результате чего увеличивается число компаний, подписавших принципы ответственного инвестирования, а также растёт совокупный портфель активов под управлением мировых инвестиционных фондов.

В России также последовательно растёт интерес к социальному инвестированию как к приоритетному направлению экономического развития, а также к выпуску ESG-облигаций как к инструменту обеспечения целей устойчивого развития. За 2018-2022 годы состоялось несколько десятков выпусков ESG-облигаций на сумму более 400 млрд руб. Наиболее активными институтами развития, масштабно содействующими реализации ESG-проектов, являются ВЭБ.РФ, ДОМ.РФ, Сбер, РЖД, АО «Синара ТМ», ГК «Росатом».

Многие регионы включились в ESG-повестку и запускают проекты устойчивого развития. Так, в 2019 году по инициативе ВЭБ.РФ при поддержке Правительства Республики Саха (Якутия) в рамках Постановления Правительства РФ от 21.11.2019 № 1491¹ был запущен проект социального воздействия «Повышение образовательных результатов учащихся Республики Саха (Якутия)». В нем участвуют около 5 тысяч учащихся и свыше 700 учителей из 27 школ муниципального района «Хангаласский улус». Его цель – повышение образовательных результатов учащихся на 10%². К 2024 г. планируется реализация не менее 30 подобных проектов в регионах страны с привлечением частных инвестиций общим объёмом финансирования до 3 млрд руб.

В 2021 г. Москва стала первым субъектом в России, выпустившим «зеленые» облигации. Средства от их продажи направляются на проекты, положительно влияющие на окружающую среду, развитие экологичных видов общественного транспорта: метро и электробусов.³ Выпуск был размещен на сумму 70 млрд руб., при объеме заявок на 86 млрд руб., что свидетельствует о высоком спросе на данный актив. В 2021 г. на привлеченные средства закуплено 400 электробусов и профинансировано строительство 18 станций и 43,8 км линий большой кольцевой линии Московского метрополитена.

В 2022 г. ДОМ.РФ осуществил выпуск «зелёных ипотечных облигаций». Привлечённые средства идут на рефинансирование жилищных кредитов в «зеленых» домах – с классом энергоэффективности, А, А+, А++. В перспективе к ним добавятся объекты, получившие сертификат соответствия будущему «зеленому» стандарту ГОСТ Р, который ДОМ.РФ разработал совместно с Минстроем России.⁴ И те регионы, в которых будет реализованы жилищные проекты, соответствующие будущему «зеленому» стандарту, смогут получить доступ к данному проектному финансированию.

ESG-повестка в приоритете и в Ростовской области. В Стратегии социально-экономического развития региона ESG-трансформация названа инструментарием достижения целей устойчивого развития. Особенности ESG-трансформации Ростовской области рассматриваются в контексте формирования и реализации конкурентного потенциала региона по целевому сценарию развития и включают 6 ключевых направлений (рис. 2), в том числе развитие низкоуглеродной экономики, ресурсосбережение, инклюзивные практики, поддержка семейных ценностей, социально ответственный бизнес и государственного и муниципального управления на принципах устойчивого развития.

¹ Постановление Правительства РФ от 21.11.2019 № 1491 «Об организации проведения субъектами Российской Федерации в 2019 - 2024 годах пилотной апробации проектов социального воздействия»

² Проекты социального воздействия ВЭБ.РФ. URL: <https://вэб.рф/ustojchivoe-razvitie/socialnoe-finansirovanie/socialnye-proekty/>

³ Экономика Москвы. «Зеленые» облигации. URL: <https://economy.mos.ru/projects/zelenye-obligacii-goroda-moskvy?ysclid=lemlz2wfl311796673>

⁴ ДОМ.РФ запланировал два выпуска «зелёных» облигаций в 2022 году. URL: <https://www.дом.рф/media/news/dom-rf-zaplaniroval-dva-vypuska-zelyenykh-obligatsiy-v-2022-godu/>

Рис. 2 – Приоритеты ESG-трансформации Ростовской области¹

Fig. 2 – Priorities of the ESG transformation of the Rostov region

Особое внимание в Стратегии Ростовской области уделено развитию социального предпринимательства в регионе, то есть повышению активности тех субъектов МСП, которые готовы решать социальные проблемы. Для реализации данной стратегической инициативы Стратегией, в частности, предполагается запустить образовательные программы в сфере социального предпринимательства, предоставлять грантов субъектам МСП, включенным в перечень социальных предпринимателей, а также применять инструмент социального контракта в целях адресной социальной помощи для возможного финансирования реализации проектов социальных предпринимателей.

Среди реальных проектов ESG-трансформации экономики Ростовской области выделяется концессионный проект таганрогского трамвая, реализуемый с 2021 г. ГК «Синара», совокупной стоимостью более 11,8 млрд руб., из которых более 6,5 млрд руб. под проект выделил ВЭБ.РФ. По проекту должно быть реконструировано 43 км трамвайных путей, построено около 100 остановочных комплекса и закуплено 60 единиц современных низкопольных трамвая. При этом проект отвечает всем критериям ESG, так как трамвайный общественный транспорт экологичен и безопасен, имеет высокую социальную значимость и при этом имеет достаточную коммерческую эффективность. Первый этап проекта выполнен, а его высокие положительные результаты позволяют компании масштабировать полученный опыт на другие регионы.

В перспективе компания «Синара» продолжит реализовывать ESG-проекты в Ростовской области. Так планируется модернизация трамвайной сети и запуск скоростного трамвая в г. Ростове-на-Дону. По плану будет модернизировано и проложено 103 км трамвайных путей, а также построено 2 депо. Объем финансирования проекта оценивается в 62 млрд руб. Основной моделью реализации проекта будет концессионное соглашение сроком на 25 лет.

¹ Постановление Правительства Ростовской области от 26.12.2018 № 864 (в редакции постановления от 19.12.2022 № 1100) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года»

Результаты, выводы

Таким образом, несмотря на нестабильность макроэкономических условий, усиливающуюся геополитическую напряженность, актуальность ESG-повестки сохраняется, востребованность проектов устойчивого развития в регионах растёт, как и растёт инвестиционный интерес к ним. Для региональных исполнительных органов и институтов развития важно выступать в качестве инициаторов подобных проектов, поддерживать частные инициативы, осуществлять грамотную экспертизу предлагаемых проектов, а также самостоятельно осуществлять выпуск «зелёных» или «социальных» облигаций по примеру успешного опыта города Москвы как первооткрывателя такой возможности.

Список источников

1. Козырев Н. А., Маркина А. М. Перспективы развития принципов управления ESG в России // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/40ECVN122.pdf>
2. Белоусов А. Л. Правовые и организационные аспекты внедрения ESG-стандартов в российском банковском секторе // Russian Journal of Economics and Law. 2022. № 3. С. 577-586.
3. Мажорина М. В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. Том 16. С. 185-198.
4. Петренко Л. Д. ESG-критерии в практике принятия инвестиционных решений // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 11-2. С. 100-102.
5. Черненко В. А., Лядова Ю. О. Принципы ESG, как фактор, влияющий на финансовую устойчивость предприятия // Национальная ассоциация ученых. 2021. № 73-2. С. 17-20.

References

1. Kozyrev N. A., Markina A. M. Prospects for the development of ESG management principles in Russia. *Vestnik evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2022;14(1). Available from: <https://esj.today/PDF/40ECVN122.pdf> (In Russ.)
2. Belousov A. L. Legal and organizational aspects of the introduction of ESG standards in the Russian banking sector. *Russian Journal of Economics and Law*. 2022;(3):577-586. (In Russ.)
3. Mazhorina M. V. ESG-principles in international business and "sustainable contracts". *Actual problems of Russian law*. 2021;(16):185-198. (In Russ.)
4. Petrenko L. D. ESG-criteria in the practice of making investment decisions. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2020;(11-2):100-102. (In Russ.)
5. Chernenko V. A., Lyadova Yu. O. Principles of ESG as a factor influencing the financial stability of an enterprise. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh = National Association of Scientists*. 2021;73-2:17-20. (In Russ.)

Информация об авторах

В. М. Джуха – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой инновационного менеджмента и предпринимательства РГЭУ (РИНХ).

Р. В. Мажара – аспирант РГЭУ (РИНХ).

Information about the authors

V. M. Dzhukha – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Innovation Management and Entrepreneurship of Rostov State University of Economics.

R. V. Mazhara – Graduate Student of Rostov State University of Economics

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2023; принята к публикации 23.05.2023.

The article was submitted 10.05.2023; approved after reviewing 22.05.2023; accepted for publication 23.05.2023.

Научная статья

УДК 330.8

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-104-108

РОССИЙСКАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Владимир Викторович Келарев

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
vkelarev@yandex.ru

Аннотация. Западники и славянофилы. Дискуссия между ними ведется уже более 200 лет. Есть ли у России свой, особенный путь развития? Либерально-демократическая модель экономики России, которая была в основе экономики с 90 годов, не выдержала испытаний временем. Какой должна быть современная модель развития страны? На какие принципы должна опираться современная школа российской мысли при выработке собственной модели? Нужно ли учитывать мировой опыт развития и в какой форме? Такие вопросы рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: славянофилы и западники, российская школа экономической мысли, российская и западная цивилизации, факторы формирования российской школы экономической мысли

Для цитирования: Келарев В. В. Российская школа экономической мысли: вызовы современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 104–108. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-104-108>

Problems of Economics

Original article

RUSSIAN SCHOOL OF ECONOMIC THOUGHT: CHALLENGES OF MODERNITY

Vladimir V. Kelarev

South Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, vkelarev@yandex.ru

Abstract. Westernizers and Slavophiles. The discussion between them has been going on for more than 200 years. Does Russia have its own, special way of development? The liberal-democratic model of the Russian economy, which has been at the heart of the economy since the 1990s, has not stood the test of time. What should be the modern model of the country's development? What principles should the modern school of Russian thought rely on when developing its own model. Is it necessary to take into account the world experience of development and in what form?

Keywords: Slavophiles and Westernizers, Russian school of economic thought, Russian and Western civilizations, Factors determining the formation of the Russian school of economic thought

For citation: Kelarev V. V. Russian school of economic thought: challenges of modernity. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):104–108. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-104-108>

События последних лет, связанные с отторжением нашей экономики от так называемой «европейской цивилизации», все чаще подталкивают российских ученых на возвращение к диспуту о западническом и славянофильском подходах к дальнейшему развитию страны. Данная дискуссия начала активно вестись в экономическом сообществе с начала XIX века. Западники в лице таких представителей литературы, публицистов, ученых как Чаадаев П. Я., Печерин В. С., Соловьев В. С., Тургенев И. С., Чичерин Б. Н., Белинский В. Г., Герцен А. И., Чернышевский Н. Г., Грановский Т. Н., Кудрявцев П. Н. и многие другие¹, исходили из того, что существующий феодальный строй царской России не способствует развитию страны. Они стояли на позициях проведения реформ и построения в стране буржуазно-парламентского принципа управления Россией, на основе примера Франции и Англии. То есть, построение российской системы экономики, управления экономикой на основе опыта и образца Западной Европы. Все это, по их мнению, будет способствовать бурному росту промышленности, торговли и других сфер экономики России.

Позиция славянофилов заключалась в том, что России необходимо идти собственным, самобытным путем в развитии. Западный опыт, ценности необходимо знать, но использовать стоит только в условиях адаптации к российским особенным условиям социально-культурной и экономической жизни. По большому счету, позиция славянофилов опиралась на исторические ценности, идеалы, христианские основы и традиции российского народа и способствовала становлению и развитию национальной идентичности и национального самосознания.

Среди наиболее ярких представителей данного движения стоит выделить таких деятелей, как Хомяков А. С., Киреевский И. В., Аксаков К. С. и Аксаков И. С., Самарин Ю. Ф., Кошелев А. И., Чижов Ф. В. и другие².

В настоящее время, когда мы живем в условиях изолированности от европейской экономики, стоит еще раз осмыслить взгляды на дальнейшее развитие страны, используя выше обозначенные позиции западников и славянофилов. И главный тезис данного осмысления лежит в плоскости ответа на вопрос: а способна ли русская школа управления найти такой особый путь развития нашей страны.

Сам по себе термин «русская школа управления» носит в большей степени маркетинговый характер названия частной бизнес-школы, которая существует в нашей системе обучения более 20 лет и нацелена на большее привлечение слушателей к обучению. Программы обучения в основном опираются на стандарты MBA, mini MBA, micro MBA, в которых используется в основном западный опыт и подход к управлению³.

В этой связи можно сформулировать риторический вопрос: а существует ли действительно национальная научная экономическая база, которая может дать ответ на вопрос: какой должна быть политика государства в экономической и социальной сферах в условиях хрупкого и нелинейного мира, в условиях неопределенных и нестабильных экономических отношениях, в условиях четвертой промышленной революции, в которой решающее значение имеют новых технологии, использование которых можно направить как на развитие человечества, так и на его уничтожение.

Достаточно актуально озвучивает данную проблему известный советский и российский ученый, экономист Л. И. Абалкин. Он, пишет ««Столкнувшись с глубоким структурным кризисом в конце XX столетия, мы обратились к самоосознанию России. Одним из его отражений и стал поиск самоопределения российской школы экономической мысли» [1]. К этому стоит добавить то, что навязанные руководству российской экономики с этапа перехода к рынку так называемые «либерально-демократические» ценности Запада оказались полностью неприемлемые для нас, и западные модели трансформации нашей экономики были направлены только на одно, выжать как можно больше собственной выгоды для финансовых групп Запада. Примерами этого могут быть цифры контрольных пакетов акций СБЕРА, РУСАЛа и других крупных предприятий, владельцами которых являются иностранные резиденты.

¹ Википедия. Свободная энциклопедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Западничество/Славянофильство>.

² Там же.

³ Ассоциация дополнительного профессионального образования «Русская Школа Управления». <https://uprav.ru/>

Исходя из такой постановки проблемы, необходимо определить, а в чем, собственно, состоит различие между так называемой западной цивилизацией и «русским миром» [2], т. е. нашей славянской цивилизацией. Учет данных характеристик важен в определении черт той самой государственной политики, которая даст возможность российской экономики выжить в современных, «особенных» условиях.

Формирование основных черт российской цивилизации начинается с X–XI веков нашей эпохи. Именно эти черты и стали определяющими в формировании российской школы экономической мысли. В результате следующих столетий основными факторами, которые способствовали генерированию ее идентичности, своеобразия, стали:

Масштабы страны и ее географические, природные и климатические особенности. Большие территории, отсутствие дорог, суровый климат, значительное количество населения, которое проживает в сельских территориях и занимается сельским хозяйством. Преодоление таких трудностей, формировало у российского населения свои, особенные подходы к управлению своим хозяйством. Эти подходы исходили из необходимости общинного типа собственности, коллективного и совместного труда.

Так, по мнению известного представителя российской школы экономической мысли М. И. Туган-Барановского, к 1916 г. наша страна занимала первое место по количеству кооперативов, более 40 процентов сельскохозяйственного населения были объединены в разные совместные формы коллективов [3]. В то же время на Западе доминировали другие ценности: индивидуализм и получение собственной выгоды.

Сельскохозяйственная специализация страны и особенности раннего капиталистического производства. Так, если в европейских странах его развитие приводило к обогащению населения, то в нашей стране к обеднению страны. Основой экономики в период начала 19 – 20 веков было земледелие. «Всем управляет у нас «господин урожай» [4]. Такой подход начал формировать в общественном сознании населения ставку на значительную роль сельского хозяйства.

Значительную роль в нашей культуре играет православие. Различие в религиях западного и восточного православия заложило и различную культуру поведения нашего населения, отличного от западного. Так, принципы соборности, на которых держится, наше православие включают в себя следующие основные ценности:

- помимо материальных ценностей, важнейшее место занимают духовные блага и нематериальные ценности нашего народа;
- справедливость выше закона;
- свободная общность людей и совместные действия;
- свобода личности не ограничивает, а дополняет свободу других.

Особое отношение к государству. Если на Западе государство – аппарат насилия и создавалось оно для защиты своих властных структур, то в нашей стране формирование государства опиралось на необходимость самоукрепления территорий и защиты населения. И такие примеры характерны не только для истории Древней Руси. Восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый и сегодняшние столетия это подтверждают.

Таким образом, можно сделать определенные выводы. Формирование российской школы экономической мысли опиралось на особый мир и менталитет российского народа. Его основные качества можно оценить как:

- Потребность в коллективном и общественном труде.
- Необходимость в духовной культуре и в собственных нравственных ценностях.
- Вера в справедливость и в свободу поведения.
- Поддержка государства, патриотизм и независимость.

Кстати, «советский период» нашей страны внес свой вклад в укрепление данного менталитета. Это проявилось в доминирующих государственных формах собственности и отсутствии частного хозяйства, воспитании населения на принципах патриотизма и коллективизма, любви к своей стране и формировании справедливого мира.

И когда начались рыночные реформы 90-х годов прошлого столетия, их «новые ценности», навязанные западными идеологами, вступили в противоречие с массовым общественным сознанием граждан нашей страны. Последствия таких противоречий выражаются в трудностях роста

национальной экономики. Так, по сравнению с Китайской Народной Республикой, которая имеет свой путь развития, мы в разы отстаем от темпов экономического роста с 2000 года [5].

Общий вывод, который вытекает из представленных примеров и тезисов, содержит следующие постулаты:

- Российская экономическая мысль, опираясь на ценности российской цивилизации, должна с учетом мирового опыта искать собственные пути управления экономикой и адаптировать мировой успешный опыт тех стран, которые наиболее отвечают нашим национальным ценностям.

- Механизм выхода из сложной ситуации сегодняшнего периода должен опираться на силу государства, коллективные формы труда, национальные традиционные ценности справедливости и свободы действий.

Примером такого подхода может служить замена либерально-демократической модели, навязанной нам европейскими «партнерами», на использование опыта модели «восточного капитализма» [6–7]. Данная модель успешно применяется в Японии, Южной Корее, Малайзии и других восточных странах. Ее суть в создании некапиталистических форм организации рыночной экономики, использовании принципов семейной организации. Базируется «восточный капитализм» на ценностях, которые свойственны нашему обществу:

- Общинность и коллективизм.
- Долг и служение Родине.
- Взаимозависимость и солидарность.
- Общественная иерархия и уважение авторитета государства.

Настоящий период требует от российской школы экономической мысли дать свои национальные рекомендации по радикальной переделке сложившейся модели экономики страны. И в основе этих рекомендаций должны лежать духовно-нравственные и цивилизационные ценности и принципы России.

Список источников

1. Абалкин Л. И. В поисках самоопределения российской школы экономической мысли // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2012. № 5(47). С. 3–6.
2. Назаренко Л. В. Слово на обновление Десятинной церкви, или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. Москва; Брюссель: Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2013. 224 с.
3. Полюбина И. Б. М. И. Туган-Барановский и кооперация // Финансы и кредит. 2003. № 14(128).
4. Туган-Барановский М. И. Из «Трудов Императорского Вольного экономического общества» за 1898 г., том 1. <https://freeconomy.ru/istoriya/statisticheskie-itogi-promyshlennogo-razvitiya-rossii.html>
5. Глазьев С. Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса». 2020 год. Официальный сайт Сергея Глазьева. <https://glazev.ru>
6. Сафронов Э. Е. Трансформация капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 165–172.
7. Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Гринин А. Л., Коротаев А. В. Умрет ли капитализм? Размышления о капитализме прошлого, настоящего и будущего // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 2. С. 100–130.

References

1. Abalkin L. I. In search of self-determination of the Russian school of economic thought. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2012;5(47):3–6. (In Russ.)
2. Nazarenko L. V. *Word on the renewal of the Church of the Tithes, or on the history of the veneration of St. Clement of Rome in Ancient Rus'*. Moscow; Brussels: St. Catherine's Monastery, 2013. 224 p. (In Russ.)

3. Polyubina I. B. M. I. Tugan-Baranovsky and cooperation. *Finansy i kredit = Finance and credit*. 2003;14(128). (In Russ.)
4. Tugan-Baranovsky M. I. *From the "Proceedings of the Imperial Free Economic Society" for 1898, volume 1*. Available from: <https://freeconomy.ru/istoriya/statisticheskie-itogi-promyshlennogo-razvitiya-rossii.html> (In Russ.)
5. Glazyev S. Yu. On the underlying causes of the growing chaos and measures to overcome the economic crisis. 2020. Available from: <https://glazev.ru> (In Russ.)
6. Safronov E. E. Transformation of capitalism in the 21st century: the concept of "surveillance capitalism" by Shoshana Zuboff. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2021;(4):165–172. (In Russ.)
7. Grinin L. E., Malkov S. Yu., Grinin A. L., Korotaev A. V. Will capitalism die? Reflections on capitalism of the past, present and future. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological journal*. 2022;28(2):100–130. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Келарев – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

V. V. Kelarev – Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Научная статья

УДК 330.8

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-109-114

ХОЗЯЙСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ В СТРУКТУРЕ НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Андрей Николаевич Козлов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ko-an-14@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению хозяйствующего субъекта в структуре современного взаимодействия институциональной проекции экономической действительности. Оптимальность динамического развития субъекта хозяйственной деятельности в ситуации неинституционального воздействия формируется при структурной трансформации и устойчивости специфицированных экономических отношений. Рассмотрена специфика использования института собственности в рамках институционального влияния на совершенствование экономической деятельности предприятия, при которой ответственность реализуется в диверсификации и дифференциации производимого продукта. Показано, что транзитивное положение рыночного механизма отечественной экономики выводит использование производственного, инновационного и технологического состояния на новый уровень существования хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: спецификация, институт собственности, экономические отношения, приоритеты, хозяйствующий субъект, институциональная среда, предпринимательское сообщество, экономическое пространство

Для цитирования: Козлов А. Н. Хозяйствующий субъект в структуре неинституционального воздействия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 109–114. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-109-114>

Problems of Economics

Original article

ECONOMIC ENTITY IN THE STRUCTURE OF NEOINSTITUTIONAL INFLUENCE

Andrey N. Kozlov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ko-an-14@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of an economic entity in the structure of modern interaction of the institutional projection of economic reality. The optimality of the dynamic development of the subject of economic activity, in a situation of neoinstitutional impact, is formed with the structural transformation and stability of specified economic relations. The specifics of the use of the institution of ownership within the framework of institutional influence on the improvement of the economic activity of the enterprise, in which responsibility is realized in the diversification and differentiation of the manufactured product, are considered. It is shown that the transitive position of the market mechanism of the domestic economy brings the use of the production, innovation and technological state to a new level of existence of an economic entity.

Keywords: specification, property institution, economic relations, priorities, business entity, institutional environment, business community, economic space

For citation: Kozlov A. N. Economic entity in the structure of neoinstitutional influence. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):109–114.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-109-114>

В современных условиях экономическая деятельность хозяйствующего субъекта осуществляется в контексте неинституционального воздействия, в котором специфика природы преобразования экономического состояния самого субъекта, формирует его будущий институциональный потенциал. Эффективность деятельности определяется тем, что хозяйственный фактор раскрывается в рамках поддержания и регулирования экономических отношений институционального характера, при всех административных, правовых и организационных норм поведения субъекта. Такая деятельность выражается через функционирование всей экономической системы как многофакторности развития неинституциональной проекции, в ситуации нового направления существования всего хозяйственного взаимодействия, при технологическом, инновационном и инвестиционном приоритетном использовании комплекса исследования экономической действительности. Реализуемая неинституциональная проекция рассматривает хозяйствующий субъект, а это компании, фирмы, организации, учреждения, предприятия, как институт нового экономического взаимопроникновения, при котором достижения от ведения деятельности формирует системный подход к проблемам оптимального пропорционального использования отраслевой, промышленной и производственной инфраструктуры.

Совокупный инструментарий при динамическом развитии хозяйствующего субъекта, показывает оптимальный вектор в движении компании, где неинституциональные возможности выражаются в системном характере целевой роли субъекта стратегического, долгосрочного и планомерного преобразования. Институционализация динамического развития компании, в формате нового экономического времени, показывает необходимость сбалансированности производственного, технологического, промышленного, инновационного, организационного и информационного использования ресурсов [1, с. 37].

Оптимальность динамического развития компании в условиях неинституционального воздействия формируется при обеспечении структурного изменения макроэкономического состояния, где специфика такого макроэкономического состояния, является для субъектов хозяйственной деятельности определяющим фактором экономического роста во всех направлениях экономики компании. Рыночное направление отечественной экономики, а это современный государственный капитализм, обеспечивает для компании институциональное использование современного правового, административного и управленческого влияния, как усилия в движении нового постиндустриального экономического состояния.

Эффективность использования хозяйствующим субъектом современной структуры неинституционального влияния осуществляется в разрезе интенсивного экономического пространства, при котором главной хозяйственной задачей, являются внутренние интеграционные процессы производственного, промышленного и технологического нового направления взаимоотношений организаций, компаний, предприятий. Сетевое преобразование внутреннего интеграционного процесса для хозяйствующего субъекта открывает в сложившихся условиях некоторые конкурентные преимущества стратегического характера [2, с. 10]. Деятельность компании в таких условиях показывает транзитивное положение рыночного механизма отечественной экономики, что выводит компанию на новый уровень использования импортного производственного, промышленного, инновационного и технологического состояния. Замещение импортируемых товаров и продукции усиливает внутреннюю интеграционную доктрину российского бизнес сообщества, где экономическое пространство реализует неинституциональное влияние на организационно-правовое и структурно-производственное использование всех видов информационных и интеллектуальных ресурсов в контексте современного экономического времени.

Особенность национального экономического пространства внутри интеграционного использования ресурсов в современной ситуации определяет хозяйствующий субъект как легко и быстро трансформирующийся элемент экономического взаимодействия, где специфика российского предпринимательского класса позволяет вести в стране социально-экономические отношения в рамках последних событий экономической действительности. В таких условиях нормативно-правовая доктрина базируется на регулировании общественно-экономических и общественно-политических предпочтений субъекта хозяйственной деятельности [3, с. 154].

Ответственность компании в рамках такого регулирования состоит в диверсификации и дифференциации производимого товара, продукции и услуг, при котором насыщение промышленно-технологического и организационно-цифрового направления, выводит компанию на новый

уровень использования всех своих ресурсов производства. Экономическое пространство под давлением особенного экономического характера, приводит внутренние интеграционные процессы на новый уровень институционального поведения субъектов хозяйственной деятельности, в которых движение устремляется в сторону повышения конкурентоспособности своего товара и продукции.

Спецификация неинституционального воздействия для хозяйствующего субъекта, а это, прежде всего деятельность и реализация института собственности, открывает новые возможности использования информационно-административного и информационно-правового фактора институционального функционирования отечественного класса собственников.

Отношения собственности в период экономической несостоятельности компании развиваются как результат трансформации предшествующего экономического времени [4, с. 92]. В этих условиях отношения собственности усиливается в рамках перспективных проектов хозяйственной деятельности через: 1) субъективизм права собственности на средства производства; 2) понимание объекта права собственности в структуре экономического сотрудничества; 3) набор защищаемых правомочий субъекта хозяйственной деятельности; 4) сложившийся механизм защиты правообладателей интеллектуального достижения; 5) прибыльные сферы деятельности рыночного взаимопроникновения. Ответственность субъекта хозяйственной деятельности в рамках современной специфики развития института собственности имеет особое значение для малого, среднего и большого предпринимательского класса. Информационно-аналитическое состояние этих групп находится в ситуации усиленного изменения производственного и промышленного характера [5, с. 278].

Функционирование института собственности в структуре неинституционального воздействия показывает необходимость трансформации всего наработанного материала нового технологического и информационного влияния к самому институту. Прорывные научно-исследовательские разработки в области экономического использования ресурсов варьируются в применении интеллектуального права, а компании рассматривают такую вариацию как свое конкурентное преимущество среди отечественных и иностранных субъектов собственности.

Спецификация института собственности между субъектами хозяйственной деятельности и его структурными элементами выводит затраты на интеллектуальную деятельность в особый планируемый свод организационно-управленческого и организационно-информационного состояния, где собственники не всегда имеют возможность осуществлять действия в рамках правового обладания своих результатов. Состоятельность такого объекта права определяется спектром высоко технологического производства отечественного информационного и инновационного направления, что и показывает в конечном итоге созданный товар и продукт деятельности [6, с.11]. Такое экономическое поведение компании и территориальные особенности нашей страны, дают для некоторых отечественных компаний конкурентные преимущества и возможность использования ноу-хау в своих производственных и промышленных целях.

Приоритеты субъекта хозяйственной деятельности, в положении неинституционального влияния, создают новые направления развития для отечественных предприятий в контексте территориального пространственного критерия, где множество проблем, в отличие от стран с небольшими территориями, необходимо решать в краткосрочном технологическом, информационном, промышленном и производственном аспекте. Определенное усиление в приоритетном движении экономического преобразования хозяйствующего субъекта раскрывает такие возможности, которые необходимы для предприятия в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном экономическом периоде [7, с. 1008].

Траектория в приоритетах неинституционального влияния по продвижению конкурентного преобладания фирмы определяется как: 1) географическое преимущество отечественного предпринимательского класса; 2) институциональное применение структурно-инновационной сферы; 3) определение вектора хозяйственной состоятельности в передвижении товаров, продукции и услуг; 4) реализация производственной программы с неодинаковыми издержками для фирмы; 5) формирование для фирмы особенного режима деятельности. Экономическая состоятельность компании в каждом территориальном субъекте страны, имеет специфические условия приоритетного направления производства конкурентоспособного товара, где модель хозяйственного использования ресурсов определяется насыщением организационными и структурными взаимосвязями.

Оптимальность в систематизации конкурентных преимуществ, при консолидации промышленного взаимодействия, открывает спектр приоритетных позиций компании в направлении создания нового продукта. В этот период необходимо широко воздействовать на использование всех видов производственных ресурсов, что дает усиление позиций компании внутри отечественного конкурентного соперничества [8, с. 359].

Приоритеты субъекта хозяйственной деятельности в группе по классификации предпринимательского сообщества, открывают для компании совместное с другими субъектами сообщества регулирование интеллектуальных ресурсов, инвестиционных ресурсов и информационных ресурсов в рамках инфраструктурных проектов отечественного комплексного отраслевого развития. Деятельность в планировании экономического сотрудничества такого взаимопроникновения, выводит процессы оптимизации на новый уровень через использование: 1) современного отечественного интеллектуального фактора в структуре производства; 2) ноу-хау как перспективное направление развитие производственной программы фирмы; 3) научно-технологическое влияние компании на конечный результат своей деятельности.

Институциональная среда выводит современные экономические контуры развития на необходимость дополнения и изменения структурного положения, где субъект хозяйственной деятельности воспринимает сложившиеся условия как фактор перспективных позиций в развитии каждого региона страны. Специфичное влияние институциональной среды на усиление хозяйствующего субъекта, открывает функциональные и территориальные перспективы к проблемам технологического преобразования нестабильного хозяйствования. Эти факторы институционального применения транзитивного характера выводят рост экономики предприятия на совершенно новую устойчивую позицию, а санкционное давление со стороны иностранных государств показывают те условия, которые препятствуют планомерному экономическому развитию предприятия.

Институциональная среда при воздействии на проблемы производственно-инновационного функционирования стимулирует влияние на современные организационно-экономические отношения как вспомогательного фактора нового транзитивного хозяйственного состояния предприятия [9, с.54]. Институциональная среда раскрывает для субъекта хозяйственной деятельности некоторые возможности, а это: 1) сокращение неопределенности в преобразовании своей экономической направленности; 2) организация устойчивой сферы при систематизации информационного контроля; 3) снижение внутри предприятия транзакционных издержек; 4) определенность при формировании планируемого комплекса мер технологического изменения; 5) эффективное применение планового управления процессами производственной деятельности.

Неопределенность в трансформации экономического взаимодействия в рамках неинституционального влияния, открывает для хозяйствующего субъекта специфический конкурентный механизм, при котором санкционное давление необходимо удерживать на уровне расширенного воспроизводства. Такие тенденции показывают, что формирование научно-промышленного и научно-территориального аспекта, организует определенные формы институциональной среды, где основными предпочтениями могут являться: 1) развитие сферы научно-технологического пространства; 2) оптимизация научно-производственного состояния предприятия; 3) улучшение использования ресурсов для ведения деятельности фирмы; 4) динамика оборотного капитала компании в направлении научных исследований.

Особые характеристики изменения институциональной среды, предопределяют вектор научно-информационного и научно-инновационного фактора в деятельности компании [10, с. 239]. Эти условия создают для субъекта хозяйственной деятельности возможность использования ресурсов производства постиндустриального общества, а усилия в контексте стратегии нового применения информационно-инвестиционного преобразования в области эффективной производственной и промышленной политики компании, осуществляется через создание определенного хозяйственного механизма технологического характера.

Усиление неинституционального воздействия на предпринимательское сообщество раскрывает для компаний весь объем приоритетных направлений развития комплексного информационного, хозяйственного и коммуникативного использования превосходства своего конкурентного положения. Хозяйствующий субъект в структуре предпринимательского сообщества выводит на новый уровень свое производственное, управленческое и организационное состояния через институционализацию экономического поведения. Эволюция такого поведения предопределяет будущее

компаний в рамках территориального использования всего предпринимательского потенциала, а это: 1) особенность правового регулирования региона страны; 2) внутренняя экономическая гармония социально-политического состояния компании; 3) определенность административного ресурса региона; 4) распределительное воздействие на хозяйственную устойчивость предприятия; 5) динамическая проекция промышленной и производственной инфраструктуры. Дифференциация производственной деятельности самого активного предприятия внутри предпринимательского сообщества, выводит оптимальное экономическое взаимодействие на уровень современного перспективного промышленно-технологического процесса создания товаров, продукции и услуг.

Концентрация промышленных объединений в структуре предпринимательского сообщества, осваивает хозяйственные закономерности в развитии технического, конструкторского и инновационного поглощения предприятия, где диверсификация производственных мощностей хозяйствующего субъекта при создании современной продукции, осуществляется через организационно-экономические отношения с управленческими структурами государственных органов власти.

Неинституциональное воздействие на производственную связанность компании внутри предпринимательского сообщества, в условиях промышленного кластера, показывает: 1) экстенсивность экономических отношений между субъектами предпринимательского класса; 2) мобильность в движении результатов производственной деятельности; 3) активное перемещение всех видов ресурсов предприятия внутри кластера; 4) коммуникативное использование связей с другими хозяйствующими субъектами. Трансформация основного капитала предприятия в контексте предпринимательского сообщества, усиливает организационное и управленческое положение производственных групп нового информационно-технологического состояния.

Отличительные характеристики неинституционального воздействия на применение расширенного спектра управленческих инструментов, направлены на принятие среднесрочных и долгосрочных управленческих решений в преобразовании субъекта хозяйственной деятельности при специфичности неэкономического сотрудничества. Достижение баланса ресурсных и организационных перспектив в развитии основных секторов экономического функционирования, приносит для субъектов отечественной экономики консолидацию хозяйственных пространственных интересов, где существование ключевых позиций кластерного производственного комплекса, показывает успешность в самой деятельности предприятия.

Управленческие инструменты в ситуации неинституционального применения опираются на: 1) увеличение производительность труда в компании; 2) интенсивность управленческой структуры на предприятии; 3) эффективность организационной деятельности предприятия; 4) результативность производственной программы развития компании; 5) создание товаров, продукции, услуг соответствующие современному технологическому уровню. Взаимодействие форм управленческих инструментов, в структуре производственного, промышленного и технологического обновления, обусловлены необходимостью хозяйственного применения долгосрочного и перспективного позиционирования предприятия на рынке.

Неинституциональное воздействия на поставленные задачи хозяйствующим субъектом в рамках управленческого инструментария, раскрывают обстоятельства повышения экономического благополучия компании, при принятии институциональных мер сбалансированного развития, где важнейшими институтами выступают субъекты перспективного промышленного кластерного объединения. Решение управленческих проблем в условиях неэкономического состояния предлагает для предприятия, организации, учреждения, фирмы, компании, транзитивное преодоление цикличности макроэкономического изменения экономики страны, при котором экспортно-импортные отношения не всегда выводят предприятие на отрицательные позиции в области технологического отставания от ведущих мировых транснациональных компаний.

Таким образом, хозяйствующий субъект в условиях неинституционального воздействия, предопределяет функционирование всего спектра информационного, технологического, производственного, промышленного потенциала, в котором приоритеты экономического взаимопроникновения раскрывают особенности в деятельности субъекта, и тем самым осуществляется способности компании выходить на новый технологический уровень производства товаров и продукции. Особенность этого изменения, в ситуации неинституционального воздействия, проецирует стратегический вектор совершенствования современного субъекта хозяйственной деятельности в условиях специфического экономического и производственного состояния.

Список источников

1. Проскурнова К. Ю. Институциональные основы регионального развития: монография. Ярославль: ООО «ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2019. 74 с.
2. Игнатова Т. В., Черкасова Т. П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друkerовский весник. 2020. № 2 (34). С. 5-14.
3. Сухарев О. С. Институциональная теория. Траектория эволюции / 3-е изд., испр. Монография. М.: Финансы и статистика. 2022. 580 с.
4. Старостенко К. В., Чекулаев А. А. Геоэкономические аспекты современной глобализации // Экономические и гуманитарные науки. 2018. № 3 (314). С. 89–100.
5. Институциональная экономика в синергии развития: монография / Под ред. И. К. Ларионова. 2-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. 405 с.
6. Козлов А. Н. Техничко-экономические отношения как парадигма системного экономического мышления // Экономический журнал. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 6А. Том 12. С. 7-14.
7. Симонин П. В., Алексеенко В. Б., Богачева Т. В. Институционализация социального корпоративизма и конфликтов в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10-1. С. 1006-1009.
8. Ревина С. Н. Экономические отношения и экономические системы // Евразийский юридический журнал. 2016. №2 (93). С. 359-361.
9. Кирильчук О.В. Институциональные изменения как условие повышения конкурентоспособности экономики // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 53-55.
10. Гельцер Ю. Г. Основы предсказуемой экономики: Экономика в свете общей теории систем. М.: Ленанд, 2018. 352 с.

References

1. Proskurnova K.Yu. *Institutional foundations of regional development*. Yaroslavl: LLC "PKF "SOYUZ-PRESS". 2019. 74 p. (In Russ.)
2. Ignatova T. V., Cherkasova T.P. Institutions and technologies of the digital economy as factors of innovative growth in Russia. *Drukerovskij vesnik = Drucker's spring*. 2020;2(34):5–14. (In Russ.)
3. Sukharev O.S. *Institutional theory. The trajectory of evolution*. 3rd ed. Moscow: Finance and Statistics; 2022. 580 p. (In Russ.)
4. Starostenko K. V., Chekulaev A. A. Geo-economic aspects of modern globalization. *Ekonomicheskie i humanitarnye nauki = Economic and humanitarian sciences*. 2018;3(314):89–100. (In Russ.)
5. *Institutional Economics in the synergy of development*. Edited by I.K. Larionov. 2nd ed. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and K"; 2019. 405 p. (In Russ.)
6. Kozlov A. N. Technical and economic relations as a paradigm of systemic economic thinking. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2022;12(6A):7–14. (In Russ.)
7. Simonin P. V., Alekseenko V. B., Bogacheva T. V. Institutionalization of social corporatism and conflicts in the Russian Federation. *Ekonomika i predprinimatelstvo = Economy & Entrepreneurship*. 2017;10-1:1006–1009. (In Russ.)
8. Revina S. N. Economic relations and economic systems. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2016;2(93):359–361. (In Russ.)
9. Kirilchuk O. V. Institutional changes as a condition for increasing the competitiveness of the economy. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2015;(8):53–55. (In Russ.)
10. Geltser Yu. G. *Fundamentals of a predictable economy: Economics in the light of the general theory of systems*. Moscow: Lenand; 2018. 352 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. Н. Козлов – кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии и экономической политики ЮФУ.

Information about the author

A. N. Kozlov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and Economic Policy of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 16.05.2023.

Научная статья

УДК 351.741

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-115-127

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Елена Валерьевна Лобкова¹, Алина Александровна Ки-Юан²

¹Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, elenavalerin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2804-3427>

²ООО «МФЦ Полюс», Красноярск, Россия, kiyuan@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9897-9082>

Аннотация. Авторами рассмотрены вопросы и проблемы цифровизации систем обеспечения безопасности в разных сферах: общественной, транспортной, информационной. Проведено исследование проектов цифровой трансформации систем безопасности субъектов Российской Федерации с акцентом на группировке регионов по уровню активности в области разработки и внедрения указанных проектов. Представлен обзор региональных практик систем управления и обеспечения безопасности населения, информационных систем, транспортных систем, городской среды. На примере Красноярского края показаны процессы цифровой трансформации сферы безопасности, ее проблемы и перспективы. Определены факторы, препятствующие достижению целей проектов цифровой трансформации отрасли «Безопасность» субъектов Российской Федерации. Выявлены конкурентные преимущества и социально-экономические эффекты цифровой трансформации сферы обеспечения безопасности.

Ключевые слова: проект цифровой трансформации, система обеспечения, общественная безопасность, информационная безопасность, интеллектуальная среда, органы исполнительной власти, государственные и муниципальные услуги, чрезвычайная ситуация, цифровизация

Финансирование: Исследование выполнено в рамках реализации проекта № 2022030908431 «Разработка методики оценки эффективности реализации стратегических направлений цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления субъектов Российской Федерации (на примере Красноярского края)», поддержанного Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках регионального конкурса «Конкурс проектов прикладных научных исследований и инновационных разработок в интересах развития Красноярского края» по приоритетным темам, представленным органами государственной власти и местного самоуправления Красноярского края.

Для цитирования: Лобкова Е. В., Ки-Юан А. А. Цифровая трансформация систем обеспечения безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 115–127. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-115-127>

Problems of Economics

Original article

DIGITAL TRANSFORMATION OF SECURITY SYSTEMS

Elena V. Lobkova¹, Alina A. Ki-Yuan²

¹Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, elenavalerin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2804-3427>

²LLC «MFC POLYUS» (Multifunctional Center Polyus Limited Liability Company), Krasnoyarsk, Russia, kiyuan@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9897-9082>

Abstract. The authors considered the issues and problems of digitalization of security systems in various areas: public, transport, information. Research has been carried out of projects for the digital transformation of the security systems of the constituent entities of the Russian Federation with an emphasis on grouping regions according to the level of activity in the development and implementation of these projects. This report provides an overview of regional practices of management systems

and ensuring the safety of the population, information systems, transport systems, and the urban environment. The example of Krasnoyarsk Krai shows the processes of digital transformation of the security sphere, its problems and prospects. The factors that hinder achievement of goals of projects of digital transformation of industry «Security» of subjects of the Russian Federation have been determined. It reveals competitive advantages and socio-economic effects of digital transformation.

Keywords: digital transformation project, support system, public security, information security, intellectual environment, executive authorities, state and municipal services, emergency situation, digitalization

Financial Support: The study was carried out as part of the implementation of the project 2022030908431 «Development of methods of assessment of effectiveness of realization of strategic directions of digital transformation of key sectors of economy, social sphere and state administration of subjects of the Russian Federation (on example of the Krasnoyarsk region)» supported by the Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific and Technical Activities in the Regional Competition «Projects of Applied Scientific Research and Innovative Development for the Development of the Krasnoyarsk Region» on priority topics, represented by the bodies of state power and local self-government of the Krasnoyarsk Krai.

For citation: Lobkova E. V., Ki-Yuan A. A. Digital transformation of security systems. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):115-127. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-115-127>

Актуальность

Среди национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г., утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474, на особом месте находится цель сохранения здоровья и благополучия населения, обеспечение комфортной и безопасной среды для жизни. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. диктует внедрение цифровых технологий и инструментов в управленческие системы всех отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления, обороны и безопасности, обеспечения правопорядка.

Требование перевода всех основных и вспомогательных систем обеспечения жизнедеятельности населения, функционирования бизнеса и управления органов власти на цифровые платформы и специализированные цифровые экосистемы продиктовано всеобъемлющей тенденцией цифровой трансформации по пути автоматизации и оптимизации протекающих процессов. Указанные системы и платформы должны характеризоваться высокими показателями оперативности работы, устойчивости функционирования и информационной безопасности. Еще более высокие требования предъявляются к продуктам, внедряемым в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности человека. Последствия от реализации наблюдаемых и контролируемых рисков в этой сфере могут выражаться в прямом экономическом, физическом, психическом, социальном и т.д. ущербе и быть общественно опасными, одномоментными и точечными (однородными) или комплексными, иметь продолжающийся во времени характер. Автоматизация и оптимизация на основе цифровых систем в области обеспечения безопасности ориентированы, прежде всего, на предотвращение в краткие сроки угроз либо последствий их реализации в результате чрезвычайных ситуаций [1].

Наиболее обстоятельно авторами разработаны правовые аспекты вопроса обеспечения национальной безопасности в условиях всеобщей цифровизации, при этом системы и инструменты решения задач в этой отрасли заметно тяготеют к созданию и развитию систем межведомственного информирования и взаимодействия [2–4]. Проблемы предупреждения чрезвычайных ситуаций исследуются группой авторов, акцентирующих внимание на применении современных информационных технологий [5]. Ряд авторов работают над вопросом обеспечения безопасности с позиций управления рисками в рамках сценарного подхода. Идеи разработаны концептуально, предложены основные направления трансформации общественных отношений и задачи их законодательного регулирования. Акцент в исследовании авторами делается на управлении противодействием коррупционным и экстремистским проявлениям [6–7]. Отдельным аспектом обеспечения безопасности является промышленная безопасность. В этом направлении разработки систем и инструментов идут активно и давно, но успехи очень дифференцированы в зависимости от финансовых возможностей компаний инвестировать в эту сферу охраны труда [8–9].

Международный опыт систем обеспечения безопасности населения включает: развитие механизмов и инструментов предотвращения угроз, нивелирования, минимизации и защиты от последствий реализации рисков с помощью решений Интернета вещей (*IoT*); создание и развитие мобильных пунктов управления ситуациями, в т.ч. чрезвычайными; внедрение датчиков мониторинга состояния объектов повышенной опасности (атомных электростанций, гидросооружений), водных объектов, лесов и т.д.; разработку приложений для населения, немедленно передающих информацию о возникших угрозах (затоплениях, землетрясениях, экстремальных погодных условиях, пожарах, оползнях и т.д.). Примером может служить система защиты персонала экстренных служб с помощью интеллектуальных масок, касок и костюмов, которые контролируют качество воздуха и жизненно важные функции организма, передают информацию лицам, контролирующим процесс [10–12].

Созданная в 1992 г. Российская система предупреждения и действий в чрезвычайных ситуациях и преобразованная в 1995 г. в Единую государственную систему по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) законодательно основана на Федеральном законе от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». В 2013 г. внимание на законодательном уровне было уделено системам обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и атак на ИТ-ресурсы¹.

Концептуальные, нормативные и методические основы обеспечения безопасности в Российской Федерации были заложены «Основными направлениями государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры РФ» (утв. Президентом РФ 03.02.2012 г. № 803), «Концепцией государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ» (№ К 1274 от 12.12.2014 г.), Федеральным законом от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», Методическими рекомендациями по созданию ведомственных и корпоративных центров ГосСОПКА от Центра защиты информации и специальной связи Федеральной службы безопасности, созданным Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам и др. [13]

Цифровая трансформация РСЧС, проводимая органами власти в приоритетном порядке, содействует росту уровня контролируемости рисков и угроз для населения и государства в чрезвычайных ситуациях, в области пожарной безопасности, безопасности на водных объектах и т.д. путем развития и повышения эффективности взаимодействия граждан, организаций и органов власти (государственных и муниципальных). Одним из направлений в этой области является развитие аппаратно-программных комплексов и технических средств мониторинга, прогнозирования и поддержки принятия решений.

Как и в других отраслях, цифровизация в сфере безопасности имеет свои особенности в разных регионах. Во многих регионах и крупных городах используются технологии повышения безопасности города, например, системы видеонаблюдения, которые позволяют отслеживать происходящее на улицах и в общественных местах; системы распознавания лиц, которые помогают быстрее находить граждан, совершивших преступление. Важным элементом цифровизации является создание единой базы данных о лицах, нарушивших закон, и их местонахождении; активно внедряются цифровые технологии повышения безопасности дорожного движения – системы, позволяющие быстро обнаруживать нарушения правил дорожного движения и адресовать штрафы; системы дистанционного наблюдения за объектами, которая помогает быстро реагировать на возможные угрозы [14].

В Калининградской области функционирует единая система управления оперативной обстановкой, которая позволяет быстро реагировать на возможные угрозы, координировать действия служб безопасности и своевременно информировать население о происходящем. В Республике Татарстан активно внедряются системы контроля доступа к объектам. Например, в школах и дошкольных учреждениях используются системы биометрического контроля или технологии распознавания лиц в целях контроля посещаемости и оплаты питания учеников и воспитанников. Система распознавания лиц используется в Татарстане правоохранительными органами и местными властями.

¹ Указ Президента РФ от 15.01.2013 г. № 31с (ред. от 22.12.2017).

Примеров региональных систем контроля и управления ситуацией довольно много: часть из них основаны на федеральных проектах, а некоторые субъекты РФ разработали и реализуют собственные проекты и системы.

Материалы и методы

Авторами проведено исследование по материалам текстов стратегий в области цифровой трансформации ключевых отраслей субъектов РФ¹ с целью выявления активности регионов в разработке и внедрении цифровых проектов в области обеспечения безопасности. Акцент сделан на сфере обеспечения общественной безопасности, но также учитывались проекты обеспечения транспортной и информационной безопасности.

Согласно ОКВЭД², ключевая отрасль цифровой трансформации «Безопасность» относится к деятельности по обеспечению безопасности в чрезвычайных ситуациях (код классификатора 84.25). Деятельность, относящаяся к сфере обеспечения информационной безопасности, расположена в классификаторе под кодом 74.90.3 «Предоставление консультационных услуг по вопросам безопасности».

Авторами выявлено, что 16 субъектов РФ (19 %) включили в свои стратегии отрасль «Безопасность» («Безопасность жизнедеятельности») в качестве ключевой в области цифровой трансформации. Из них 7 регионов сделали акцент только на проектах, рекомендованных федеральными органами власти (ФОИВ), – «Развитие «Озера данных» регионального уровня в рамках РСЧС» и «Цифровизация процесса оказания финансовой помощи населению, пострадавшему в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (Курская область, Тамбовская область, Республика Тыва, Челябинская область и др.). Всего 9 субъектов РФ помимо федеральных реализуют и региональные проекты цифровой трансформации в отрасли «Безопасность»: Мурманская область, Забайкальский край, Сахалинская область, Красноярский край и др. (рис. 1).

Наибольшее количество субъектов РФ вошли в группу регионов, реализующих рекомендованные ФОИВ проекты в иных сферах и отраслях цифровой трансформации (в области обеспечения отдельных аспектов безопасности, например, транспортной, информационной, промышленной безопасности), – всего 43 субъекта РФ или 51 % (Курганская область, Республика Ингушетия, Астраханская область, Приморский край, Республика Калмыкия и др.). К субъектам, реализующим рекомендованные ФОИВ и региональные проекты в иных отраслях цифровой трансформации в области обеспечения отдельных аспектов безопасности, отнесено 19 субъектов РФ или 23 % от общего количества регионов. И еще 6 регионов в текстах своих стратегий цифровой трансформации не уделили пристального внимания вопросам безопасности, в том числе в сфере транспорта (рис. 1).

В число обследованных субъектов РФ не вошла Москва – у города федерального значения отсутствует стратегия цифровой трансформации как документ. В Москве в 2011 г. принята государственная программа «Развитие цифровой среды и инноваций» (постановление Правительства Москвы от 09.08.2011 г. № 349-ПП в ред. от 29.03.2022 г. № 494-ПП)³, включающая в качестве задач подпрограмм: обеспечение информационной безопасности систем и ресурсов города; обеспечение общественной безопасности в рамках городской системы видеонаблюдения (почти 165 тыс. камер), информация из которой поступает в ГИС «Единый центр хранения и обработки данных» (ЕЦХД, доступ к нему предоставлен сотрудникам правоохранительных органов), и другие направления, сформулированные в «Концепции комплексной безопасности города Москвы»⁴.

¹ Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Стратегии цифровой трансформации:

https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f

² Общероссийской классификатор видов экономической деятельности (ред. 2022 г.)

³ <https://www.mos.ru/dit/documents/gosudarstvennaya-programma-goroda-moskvy/view/275384220/>

⁴ Распоряжение Правительства Москвы от 16.04.2010 г. № 707-рп «Об утверждении концепции комплексной безопасности города Москвы»

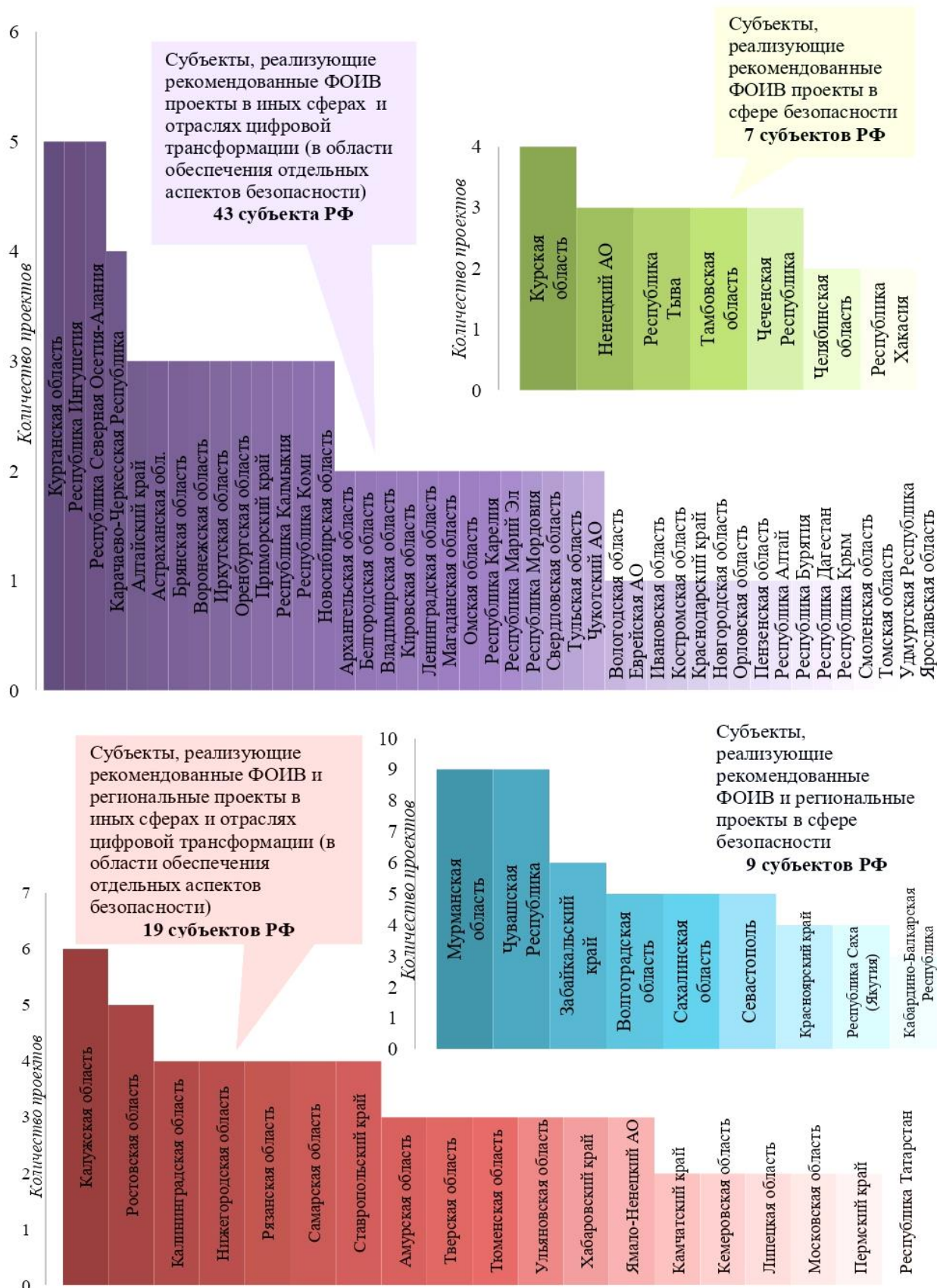


Рис. 1. Распределение субъектов РФ по реализации проектов цифровой трансформации в области безопасности

Fig.1. Distribution of Russian subjects for the implementation of digital transformation projects in the field of security
 Источник: разработано авторами

Результаты и обсуждение

Активность субъектов РФ по разработке и внедрению проектов цифровой трансформации в области обеспечения общественной, транспортной, информационной безопасности характеризуется показателем количества проектов в этой области. На рис. 1 показано, что наибольшую активность среди всех регионов проявили Мурманская область и Чувашская Республика (общее количество проектов в области обеспечения безопасности – 9). Большая часть регионов реализуют 3–4 и менее проектов, 6 регионов не включили проекты обеспечения безопасности в текст стратегии цифровой трансформации.

Наиболее часто реализуемыми проектами явились:

- «Цифровое управление транспортным комплексом» и «Цифровизация для транспортной безопасности» (проекты отрасли «Транспорт и логистика»);

- «Развитие «Озера данных» регионального уровня в рамках РСЧС» (проект реализуется субъектами в рамках отраслей «Государственное управление», «Социальная сфера», «Развитие городской среды», «Безопасность»);

- «Цифровизация процесса оказания финансовой помощи населению, пострадавшему в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (проект отраслей «Государственное управление», «Социальная сфера», «Безопасность»);

- «Интеллектуальная городская среда» (проект отрасли «Развитие городской среды»).

Частично эти проекты реализуются субъектами РФ в рамках проектов «Умный город» и «Безопасный город» (системы общественной безопасности). Указанные проекты относятся к рекомендованным федеральными органами власти (ФОИВ).

Среди региональных проектов субъектов РФ следует отметить:

- внедрение принципиально новой системы информирования граждан о возникновении чрезвычайных ситуаций (обеспечение своевременного и гарантированного доведения информации и сигналов оповещения до органов управления гражданской обороны и населения (РАСИОН) Волгоградской области);

- интеллектуальные транспортные системы обеспечения транспортной безопасности (Калининградская область, Амурская область, Камчатский край);

- создание и развитие ситуационного центра (Кабардино-Балкарская Республика, Калужская область, Рязанская область, Тульская область, Чувашская Республика);

- «Регистратор» Нижегородской области (получение оперативной информации о технологических нарушениях, об аварийных или чрезвычайных ситуациях, возникших на объектах жизнеобеспечения населения);

- развитие информационно-аналитической системы оперативного мониторинга обстановки при введении режима чрезвычайной ситуации, повышенной готовности на территории Республики Саха (Якутия) (отрасль «Безопасность»);

- автоматизированная информационная система «Единая платформа управления транспортной системой Республики Татарстан» (отрасль «Транспорт и логистика»);

- «Единая государственная информационная система «ГЛОНАСС+112», создание (модернизация) интеллектуальных транспортных систем в Ростовской агломерации (отрасль «Транспорт и логистика»);

- интеграция «Системы-112» Чувашской Республики с мобильным приложением вызова экстренных оперативных служб, реконструкция РАСЦО, формирование единой системы экстренного оповещения населения Чувашской Республики.

Ряд субъектов реализуют проекты построения SOC-центра обеспечения информационной безопасности (Волгоградская область), трансформации ведомственного центра ГосСОПКА в SOC (информационная безопасность Красноярского края), создания платформы автоматизированных систем обеспечения общественной безопасности (отрасль «Безопасность» Красноярского края), создания комплексной системы сбора и обработки данных из различных источников информации, системы мониторинга, камер видеонаблюдения, датчиков состояния окружающей среды и т.д., описывающие критически важные показатели безопасности населения (отрасль «Безопасность» Мурманской области).

Некоторые регионы включают в тексты стратегий проекты в сфере промышленной безопасности – «Цифровая промышленная безопасность в ТЭК» (отрасль «Энергетическая инфраструктура» Брянской области, Мурманской области и др.).

Вопрос выбора отрасли в качестве ключевой для включения проектов в области безопасности у субъектов РФ решен по-разному. Ряд регионов включили проекты по развитию «Озера данных» в отрасль «Государственное управление» (Алтайский край, Забайкальский край, Иркутская область и др.). Проект по цифровизации процесса оказания финансовой помощи населению, пострадавшему в результате ЧС, часто субъектами реализуется в рамках отраслей «Социальная сфера» (Забайкальский край, Иркутская область) или «Государственное управление» (Алтайский край, Амурская область).

Преобладающая часть субъектов РФ акцентирует внимание в своих стратегиях на обеспечении безопасности дорожного движения, развивая проекты «Интеллектуальная транспортная система» (Ивановская область, Иркутская область и др.), «Цифровое управление транспортным комплексом» и «Цифровизация для транспортной безопасности» [15].

К субъектам РФ, не включившим в тексты своих стратегий цифровой трансформации проекты в области обеспечения общественной безопасности (в том числе в сфере транспорта), относятся Псковская область, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Санкт-Петербург, Саратовская область, Ханты-Мансийский АО. В некоторых из них реализуются проекты, подразумевающие внедрение инструментов и технологий обеспечения информационной безопасности (Псковская область, Ханты-Мансийский АО).

Проекты цифровой трансформации отрасли «Безопасность» Красноярского края

В целях обеспечения безопасности по основным направлениям жизнедеятельности населения Красноярского края в рамках государственной программы «Развитие информационного общества», утвержденной Постановлением Правительства Красноярского края от 30.09.2013 г. № 504-п, Министерство цифрового развития Красноярского края и его подведомственное учреждение КГКУ «Центр информационных технологий» осуществляют развитие, содержание и эксплуатацию комплексной автоматизированной системы «Безопасный город», реализуют мероприятия по созданию, развитию и организации автоматизированного обмена информацией в рамках «Озера данных» регионального уровня РСЧС, совершенствование системы «112».

В стратегию цифровой трансформации Красноярского края в 2022 г. в качестве приоритетной (ключевой) была введена отрасль «Безопасность». Помимо рекомендованных федеральными органами власти проектов по развитию «Озера данных» и цифровизации процесса оказания финансовой помощи населению, пострадавшему в результате ЧС, в стратегию включены проекты по трансформации центра ГосСОПКА края в СОС края и по созданию платформы автоматизированных систем обеспечения безопасности – аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» (АПК «БГ»).

Реализация проекта «Умный город» в рамках цифровой трансформации отрасли «Безопасность» позволит решить, помимо прочих, задачи формирования оперативной и эффективной системы управления городским хозяйством, создания безопасных и комфортных условий для населения за счет внедрения систем круглосуточного мониторинга и видеонаблюдения.

Цифровая трансформация отрасли «Безопасность» невозможна без качественной информационной инфраструктуры, поэтому цифровизация безопасности в Красноярском крае во многом зависит от реализации регионального проекта «Информационная инфраструктура», который предполагает развитие широкополосного доступа к сети Интернет на территории всего края. Проект создания и развития «Озера данных» нацелен на повышение уровня межведомственного взаимодействия за счет внедрения цифровых решений в работу всех ведомств (перевод 100 % ведомств к 2024 г.). Проект трансформации центра ГосСОПКА в СОС Красноярского края ориентирован на автоматизацию обработки информации (до 85 % информации о событиях безопасности к 2024 г.), что позволит повысить уровень кибербезопасности. Проект создания платформы автоматизированных систем обеспечения общественной безопасности правопорядка и безопасности среды обитания Красноярского края подразумевает подключение всех органов местного самоуправления края к платформе автоматизации безопасности к концу 2024 г.

В Красноярском крае предполагается реализовать следующие решения для развития отрасли «Безопасность»:

– формирование системы управления оперативными данными в цифровом формате, сокращение времени реагирования органов повседневного управления;

– повышение эффективности функционирования РСЧС;

– повышение степени оперативности и эффективности действий реагирующих структур;

– минимизация ущерба в результате реализации рисков, воздействия факторов природного и техногенного характера, возникновения кризисных ситуаций для населения и окружающей среды;

– сокращение среднего срока простоя государственных информационных систем исполнительных органов государственной власти;

– снижение риска простоя после компьютерных атак;

– расширение возможностей обращения в экстренные службы;

– недостаток профессиональных компетенций сотрудников;

– получение дополнительных гарантий безопасности при возникновении аварий;

– совершенствование процесса оказания финансовой помощи населению, пострадавшему в результате ЧС природного и техногенного характера, посредством предоставления государственных услуг, в том числе в электронной форме.

В табл. 1 приведены ожидаемые результаты цифровой трансформации отрасли «Безопасность» Красноярского края.

Таблица 1 – Проекты цифровой трансформации отрасли «Безопасность» Красноярского края

Table 1 – Digital Transformation Projects of the Industry «Security» of the Krasnoyarsk Region

Наименование проекта стратегии цифровой трансформации	
Показатель развития отрасли	Целевое значение показателя
Проект «Создание и развитие «Озера данных» регионального уровня в рамках РСЧС» (рекомендовано ФОИВ)	
«перевод в цифровой формат информационного взаимодействия со всеми (100 %) органами повседневного управления территориальной подсистемы РСЧС до 2024 года»	показатель измеряется в процентах, ожидаемые значения: 2022 г. – 0 %, 2023 г. – 100 %, 2024 г. – 100 %.
Проект «Трансформация Ведомственного центра ГосСОПКА Красноярского края в SOC Красноярского края»	
«доля событий безопасности информации, обрабатываемых автоматизировано»	показатель измеряется в процентах, ожидаемые значения: 2022 г. – 20 %, 2023 г. – 80 %, 2024 г. – 85 %.
Проект «Создание платформы автоматизированных систем обеспечения общественной безопасности правопорядка и безопасности среды обитания Красноярского края»	
«доля органов местного самоуправления, подключенных к платформе автоматизации безопасности»	показатель измеряется в процентах, ожидаемые значения: 2022 г. – 0 %, 2023 г. – 16 %, 2024 г. – 100 %.
Проект «Цифровизация процесса оказания финансовой помощи населению, пострадавшему в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (рекомендовано ФОИВ)	
«фактический перевод процесса оказания финансовой помощи населению, пострадавшему в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, на предоставление государственных услуг в I полугодии 2023 года (100 % услуг)»	показатель измеряется в процентах, ожидаемые значения: 2022 г. – 0 %, 2023 г. – 100 %, 2024 г. – 100 %.

Источник: Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Красноярского края¹.

¹ <http://digital.krskstate.ru/page11464/page14216>

Среди проблем текущего состояния отрасли «Безопасность», решаемых в рамках процесса цифровой трансформации, выделяются следующие:

- низкий уровень межведомственного взаимодействия, обусловленный разрозненностью информационных систем, задействованных в ликвидации ЧС;
- отсутствие интеграции между разными программными продуктами (ведомственными ИС), используемыми при обеспечении безопасности;
- недостаточная отработка механизма возмещения ущерба лицам, пострадавшим в результате ЧС природного и техногенного характера;
- необходимость повышения уровня кибербезопасности.

РСЧС объединяет 15 министерств, 8 федеральных служб, 11 федеральных агентств и 2 госкорпорации. Цифровая трансформация РСЧС путем формирования «Озера данных» в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект» включает также внедрение системы космического мониторинга ситуаций, механизмов сокращения времени реагирования на чрезвычайные ситуации и инциденты, а также повышение безопасности населения края. Проект направлен на организацию единого информационного пространства федерального и регионального уровней с целью снижения ущерба от чрезвычайных ситуаций за счет формирования платформы межведомственного обмена информацией и глубокой аналитики на основе больших данных, цифровизацию процессов предупреждения и ликвидации последствий ЧС. Использование «Озера данных» и технологий искусственного интеллекта позволит построить модели развития наиболее вероятных сценариев, способствующих принятию управленческих решений по недопущению и минимизации ущерба. Информационные технологии значительно ускоряют процесс прогнозирования, а также способствуют изменению временных показателей в реагировании на чрезвычайные ситуации и происшествия оперативных служб РСЧС.

В августе 2022 г. в целях повышения качества и оперативности реагирования на инциденты информационной безопасности в органах исполнительной власти, а также в целях снижения риска простоя после компьютерных атак в Красноярском крае был разработан проект «Трансформация Ведомственного центра ГосСОПКА Красноярского края в SOC Красноярского края». Центр ГосСОПКА ориентирован на выявление атак на объекты критической информационной инфраструктуры, проведение мероприятий по ликвидации последствий таких атак и снижение вероятности их повторного возникновения. В развитие этой системы Центр управления инцидентами информационной безопасности (Security Operation Center – SOC) выполняет мониторинг и анализирует вторжения в режиме реального времени, предотвращает кибератаки, действуя на опережение, сканируя сети на уязвимости и анализируя киберинциденты.

За последние три года в Красноярском крае проведена масштабная работа в области информационной безопасности: созданы отдельные подразделения в министерстве цифрового развития и подведомственных учреждениях, организован ведомственный центр ГосСОПКА, получена лицензия на оказание услуг по защите информации, регулярно проводится обучение специалистов. Все эти меры ориентированы на противостояние киберугрозам.

В целях повышения эффективности деятельности экстренных оперативных служб при предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций, расширения возможностей обращения в экстренные службы, получения дополнительных гарантий безопасности при возникновении чрезвычайной ситуации, минимизации ущерба для населения и окружающей среды и др. в августе 2022 г. в Красноярском крае был разработан проект «Создание платформы автоматизированных систем обеспечения общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания Красноярского края».

Для достижения поставленных целей в Красноярском крае в течение 2022–2023 гг. планируется развернуть аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» (далее АПК «БГ») на территории всего края. На первом этапе реализации планируется приобретение специализированного программного обеспечения для создания базовой инфраструктуры в целях дальнейшего ее внедрения на территории всего региона. На втором этапе планируется выполнить проектирование аппаратно-программного комплекса с учетом созданной инфраструктуры и для обеспечения подключения к АПК «БГ» крупных территорий региона. На третьем этапе планируется развернуть АПК «БГ» на территории остальных муниципальных образований Красноярского края и перевести

систему в режим постоянной эксплуатации. АПК «БГ» как комплекс систем всесторонней защиты населения от разного рода внешних угроз (природных, техногенных, экологических и т.д.) включает также правоохранный блок с камерами наблюдения, фиксирующими нарушения общественного порядка и правил дорожного движения. Суть его работы заключается не только в фиксации фактов происшествий – система настроена на предупреждение чрезвычайных ситуаций, что существенно снижает расходы на их ликвидацию.

К основным направлениям «Безопасного города» следует отнести:

- формирование коммуникационной площадки для органов местного самоуправления с целью устранить риски и обеспечить безопасность населения;
- разработка требований к аппаратным и программным средствам, ориентированным на обеспечение природной и техногенной безопасности на муниципальном уровне;
- обеспечение обмена информацией между участниками всех существующих программ в сфере безопасности через единое информационное пространство на всех уровнях управления;
- проведение ситуационного анализа причин дестабилизации, прогнозирование существующих и потенциальных угроз.

Основным координатором реализации и развития АПК «Безопасный город» в регионах является МЧС России, его соисполнителями мероприятий по строительству и развитию комплекса на федеральном уровне являются около 20 министерств, служб и агентств.

Система «Безопасный город» внедряется в Красноярске с 2010 г. Проводится круглосуточный мониторинг ситуации на городских дорогах, общественных пространствах, просматриваются «тревожные» места с помощью камер и направляются сотрудники правоохранительных структур. По состоянию на начало 2023 г. в Красноярске функционирует 3 565 камер, видеoinформация с которых транслируется в режиме реального времени и в режиме видеоархива на рабочие места сотрудников полиции, силовых структур, администраций, объектов образования, подключенных к комплексной автоматизированной системе «Безопасный город». Проект постепенно расширяет свои границы путем развертывания единой платформы комплекса для всех муниципальных образований края. Перспективными модулями, которые будут включены в АПК «БГ», являются блоки экологического мониторинга и мониторинга промышленных объектов.

Существует ряд причин, которые препятствуют достижению целей проектов цифровой трансформации отрасли «Безопасность» субъектов РФ:

- территориально неравномерное развитие цифровой инфраструктуры;
- недостаточный уровень квалификации кадров для работы с цифровыми решениями;
- низкий уровень цифровой грамотности граждан;
- недостаточное финансирование проектов цифровой трансформации;
- низкий уровень совместного использования имеющихся у органов власти информационных ресурсов и систем, использование в работе министерствами и ведомствами только собственных ресурсов.

Внедрение цифровых технологий в отрасль «Безопасность» ведет к значительному трансформационному эффекту. В первую очередь, это позволяет повысить качество государственных и муниципальных услуг в области безопасности, ускорить реакцию на происшествия и снизить риски. Цифровизация позволяет сократить время ожидания и упростить процедуры получения государственных и муниципальных услуг, снизить затраты на их оказание и сделать услуги более доступными для населения, что ведет к росту качества жизни граждан и повышению уровня безопасности в регионе.

Заключение

На протяжении последних лет цифровая трансформация стала одной из стратегических задач национального развития Российской Федерации. Цифровизация субъектов РФ проводится в рамках региональных стратегий в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления. Большое значение для достижения национальных целей имеет программа «Цифровая экономика Российской Федерации», целями которой являются: повышение цифровой грамотности граждан, обеспечение информационной безопасности, рост качества и доступности государственных услуг. Цифровизация и трансформация территорий проходит неравномерно, отсутствуют универсальные решения по внедрению цифровых сервисов.

Цифровая трансформация является нетривиальной задачей, требующей больших усилий и специфических подходов от органов власти, а также определенного уровня восприятия этого процесса средой внедрения (населением, организациями).

Реализация Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Красноярского края позволяет получить ряд конкурентных преимуществ, повышающих уровень безопасности и эффективности превентивной деятельности в этой сфере:

- внедрение цифровых технологий и систем безопасности увеличивает эффективность работы правоохранительных органов и служб безопасности – возрастает скорость реакции на возможные угрозы, уровень безопасности в регионе повышается;
- цифровая трансформация позволяет создать новые услуги и продукты в сфере безопасности: обеспечена возможность мониторинга общественной безопасности через системы видеонаблюдения; внедрены новые технологии защиты информации, что позволило повысить уровень кибербезопасности;
- цифровые технологии позволяют эффективно управлять финансовыми и человеческими ресурсами, оптимизировать процессы в сфере безопасности.

Цифровая трансформация отрасли «Безопасность» позволяет получить следующие социально-экономические эффекты:

- рост качества услуг в сфере обеспечения безопасности: применение новых технологий и цифровых решений позволяет повысить эффективность работы сотрудников, ускорить реакцию на происшествия и снизить имущественные и личные риски;
- сокращение затрат на обеспечение безопасности: внедрение цифровых технологий позволяет автоматизировать процессы и оптимизировать кадровый состав соответствующих структур;
- развитие новых рынков и возможностей для бизнеса: цифровая трансформация отрасли «Безопасность» позволяет создать новые рынки для различных технологических решений и услуг, стимулируя развитие инновационных компаний и привлечение инвестиций;
- рост качества жизни людей: благодаря повышению уровня безопасности, люди могут чувствовать себя более защищенными и уверенными, что положительно сказывается на их психологическом и физическом здоровье.

Цифровая трансформация сферы оказания государственных и муниципальных услуг обеспечивает:

- рост качества услуг за счет применения цифровых технологий, внедрение которых позволяет повысить эффективность работы сотрудников, занятых оказанием услуг;
- автоматизацию процессов и уменьшение количества необходимых документов и справок, упрощая процедуры получения услуг и сокращая время ожидания;
- оптимизацию процессов, решая кадровые вопросы и задачи минимизации расходов бюджетов;
- рост безопасности получения и доступности услуг для населения, в том числе для проживающего в отдаленных или труднодоступных местностях.

На текущий момент Красноярский край активно развивает цифровые технологии в сфере безопасности. Внедрены цифровые платформы обмена информацией между правоохранительными органами, системы видеонаблюдения и иные технические средства мониторинга ситуации и фиксации фактов и инцидентов. Реализация проектов стратегии: решает проблему межведомственного взаимодействия в регионе; позволяет наладить механизм возмещения ущерба населению, пострадавшему в результате ЧС природного и техногенного характера, и интеграцию между различными программными продуктами, используемыми в работе ведомств; повышает уровень кибербезопасности. В Красноярском крае регулярно проводятся мероприятия по повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов в области цифровых технологий. При этом важно продолжать работу по внедрению новых цифровых решений и развитию существующих в целях повышения уровня безопасности и качества услуг для населения.

Список источников

1. Алиева Э. Цифровизация и безопасность // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2019. № 10-3 (40). С. 84–87.
2. Корабельников С. М. Цифровизация и национальная безопасность // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 1. С. 44–49. doi: 10.33874/2072-9936-2022-0-1-44-49
3. Vedysheva N., Mukhlynina M., Efimova O., Nikiforov A. Digital Technologies in Ensuring the Protection of the Population and Territories of the Russian Federation from Natural and Man-Made Emergencies: Legal Aspect. SHS Web of Conferences. 2021; 93: 02022. doi: 10.1051/shsconf/20219302022
4. Sidorenko E. L., von Arx P. Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the correct priorities // Digital Law Journal. 2020. № 1(1). С. 24–38. doi: 10.38044/DLJ-2020-1-1-24-38
5. Юркин М. А., Латышенко К. П., Семенов Е. С. Предупреждение чрезвычайных ситуаций с применением современных информационных технологий // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2019. № 1 (40). 40–45.
6. Шульц В. Л., Бочкарев С. А., Кульба В. В. и др. Сценарное исследование проблем обеспечения общественной безопасности в условиях цифровизации. М.: Проспект. 2020. 240 с.
7. Шульц В. Л., Кульба В. В., Шелков А. Б., Чернов И. В., Тимошенко А. А. Методы анализа влияния процессов трансформации права на развитие социально-экономической системы в условиях цифровизации: сценарный подход (постановка задачи) // Российский журнал правовых исследований. 2021. № 8-1. С. 19–36. doi: 10.17816/RJLS65146
8. Водянова С., Мальцев С. Цифровизация промышленной безопасности и прогресс в области средств охраны труда // CONNECT. 2020. № 5–6. С. 102–106. https://www.connect-wit.ru/wp-content/uploads/2021/06/BTU_Vodjanova_5_6_20.pdf
9. Киселева О. Н. Инновационная цифровизация в контексте обеспечения управленческой безопасности промышленной безопасности России // Основы экономики, управления и права. 2019. № 1(19). С. 21–25. doi: 10.51608/23058641_2019_1_21
10. Ellebrecht S., Kaufmann S. Digitalization and Its Security Manifestations // European Journal for Security Research. 2020;(5):1–3. doi: 10.1007/s41125-019-00063-8
11. Salminen M., Hossain K. Digitalisation and human security dimensions in cybersecurity: An appraisal for the European High North // Polar Record. 2018. № 54(2). P. 108–118. doi: 10.1017/S0032247418000268
12. OECD Policy Framework on Digital Security: Cybersecurity for Prosperity. OECD Publishing, Paris. 2022. doi: 10.1787/a69df866-en
13. Снастин В. А., Харитонов Т. П., Сорока Г. Ю. Оценка качества обеспечения информационной безопасности России в условиях цифровизации экономики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 8-1(59). С. 105–108. doi: 10.24412/2500-1000-2021-8-1-105-108
14. Морозова Г. А., Лапаев Д. Н. Современная цифровизация и обеспечение безопасности // Развитие и безопасность. 2019. № 1. С. 70–81. doi: 10.46960/74159_2019_1_70
15. Бажина М. А. Правовое регулирование безопасности дорожного движения в эпоху цифровизации // Безопасность дорожного движения. 2021. № 4. С. 4–6.

References

1. Aliyeva E. Digitalization and Security. *Nauchnyye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS = Scientific works of the North-Western Institute of Management of RANEPa*. 2019; 10-3(40): 84-87. (In Russ.)
2. Shipbuilders S. M. Digitalization and national security. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*. 2022; 1: 44-49. doi: 10.33874/2072-9936-2022-0-1-44-49. (In Russ.)
3. Vedysheva N., Mukhlynina M., Efimova O., Nikiforov A. Digital Technologies in Ensuring the Protection of the Population and Territories of the Russian Federation from Natural and Man-Made Emergencies: Legal Aspect. *SHS Web of Conferences*. 2021; 93: 02022. doi: 10.1051/shsconf/20219302022
4. Sidorenko E. L., von Arx P. Transformation of Law in the Context of Digitalization: Defining the correct priorities. *Digital Law Journal*. 2020; 1(1): 24–38. doi: 10.38044/DLJ-2020-1-1-24-38

5. Yurkin M. A., Latyshenko K. P., Semenov E. S. Prevention of emergency situations using modern information technologies. *Nauchnyye i obrazovatel'nyye problemy grazhdanskoj zashchity = Scientific and educational problems of civil protection*. 2019; 1 (40): 40–45. (In Russ.)
6. Shults V. L., Bochkarev S. A., Kulba V. V. et al. Scenario study of the problems of ensuring public safety in the context of digitalization. Moscow: Prospekt. 2020. 240 p. (In Russ.)
7. Shults V. L., Kulba V. V., Shelkov A. B., Chernov I. V., Timoshenko A. A. Methods for analyzing the impact of law transformation processes on the development of the socio-economic system in the context of digitalization: a scenario approach (problem setting). *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Research*. 2021; 8 (1): 19–36. doi: 10.17816/RJLS65146. (In Russ.)
8. Vodyanova S., Maltsev S. Digitalization of industrial safety and progress in the field of labor protection. *CONNECT*. 2020; 5–6: 102–106. Available from: https://www.connect-wit.ru/wp-content/uploads/2021/06/BTU_Vodjanova_5_6_20.pdf. (In Russ.)
9. Kiseleva O. N. Innovative digitalization in the context of ensuring the management security of industrial enterprises in Russia. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava = Fundamentals of Economics, Management and Law*. 2019; 1 (19): 21–25. doi: 10.51608/23058641_2019_1_21. (In Russ.)
10. Ellebrecht S., Kaufmann S. Digitalization and Its Security Manifestations. *European Journal for Security Research*. 2020; 5: 1–3. doi: 10.1007/s41125-019-00063-8
11. Salminen M., Hossain K. Digitalisation and human security dimensions in cybersecurity: An appraisal for the European High North. *Polar Record*. 2018; 54(2): 108–118. doi: 10.1017/S0032247418000268
12. OECD Policy Framework on Digital Security: Cybersecurity for Prosperity. OECD Publishing, Paris. 2022. doi: 10.1787/a69df866-en
13. Snastin V. A., Kharitonov T. P., Soroka G. Yu. Assessment of the quality of information security in Russia in the context of digitalization of the economy. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021; 8-1(59): 105–108. doi: 10.24412/2500-1000-2021-8-1-105-108. (In Russ.)
14. Morozova G. A., Lapaev D. N. Modern digitalization and security. *Razvitiye i bezopasnost' = Development and security*. 2019; 1: 70–81. doi: 10.46960/74159_2019_1_70. (In Russ.)
15. Bazhina M. A. Legal regulation of road safety in the era of digitalization. *Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya = Road safety*. 2021; 4: 4–6. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. В. Лобкова – кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономического планирования Института экономики, государственного управления и финансов Сибирского федерального университета.

А. А. Ки-Юан – эксперт ООО «МФЦ Полюс».

Information about the authors

E. V. Lobkova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Socio-economic Planning, Institute of Economics, Public Administration and Finance, Siberian Federal University.

A. A. Ki-Yuan – expert of LLC «MFC POLYUS» (Multifunctional Center Polyus Limited Liability Company).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Научная статья

УДК 332.14

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-128-134

ПОТЕНЦИАЛ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ

Татьяна Анатольевна Макареня¹, Алексей Игоревич Калинин²,
Али Маннаа³, Светлана Владимировна Петренко⁴

^{1, 2, 3, 4}Южный федеральный университет, Таганрог, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Анатольевна Макареня, mta-76@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу тенденций развития промышленного комплекса Южного федерального округа с целью выделения основных векторов развития и определения составляющих промышленного комплекса региона. Динамика развития за несколько лет позволяет определить общие тенденции и изменения, произошедшие в промышленном производстве, выделить субъекты региона с наибольшим потенциалом и субъекты регионы, требующие дополнительной поддержки. Данный анализ определяет актуальность и необходимость поддержания имеющегося высокого потенциала роста промышленности Южного федерального округа в условиях внешних изменений.

Ключевые слова: социально-экономические показатели, макроэкономические показатели развития, индекс промышленного производства, динамика индекса, промышленность ЮФО

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00537, <https://rscf.ru/project/23-28-00537/> «Моделирование развития промышленного комплекса Южного федерального округа в условиях введенных экономических санкций».

Для цитирования: Макареня Т. А., Калинин А. И., Али Маннаа, Петренко С. В. Потенциал компаративного анализа тенденций развития промышленного комплекса федеральных округов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 128–134. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-128-134>

Problems of Economics

Original article

THE POTENTIAL FOR COMPARATIVE ANALYSIS OF DEVELOPMENT TRENDS IN THE INDUSTRIAL COMPLEX OF THE FEDERAL DISTRICTS

Tatyana A. Makarenya¹, Alexey I. Kalinichenko², Ali Mannaa³, Svetlana V. Petrenko⁴

^{1, 2, 3, 4}Southern Federal University, Taganrog, Russia

Corresponding author: Tatyana A. Makarenya, mta-76@inbox.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the development of the industrial complex of the Southern Federal District in order to identify the main vectors of development and determine the final object of the industrial complex of the region. The dynamics of development over several years makes it possible to determine the general trends and changes that have occurred in industrial production, to identify the subjects of the region with the greatest potential and the subjects of the regions that require additional support. This analysis determines the relevance and necessity of maintaining the existing high growth potential of the industry of the Southern Federal District in the face of external changes.

Keywords: socio-economic indicators, macro-economic indicators of development, index of industrial production, index dynamics, industry of the Southern Federal District

Financial Support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00537, <https://rscf.ru/project/23-28-00537/> "Modeling the development of the industrial complex of the Southern Federal District in the conditions of economic sanctions imposed".

For citation: Makarenya T. A., Kalinichenko A. I., Ali Mannaa, Petrenko S. V. The potential for comparative analysis of development trends in the industrial complex of the federal districts. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):128–134.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-128-134>

Южный федеральный округ Южный федеральный округ образован в 2000 году. Центр федерального округа – г. Ростов-на-Дону. Общая численность населения составляет 16434898, общая площадь территории 447,9 тыс. кв. км.

В состав ЮФО входит 8 субъектов Российской Федерации, которые значительно отличаются по площади и численности населения. Самой большой по площади является Волгоградская область, а самой большой по численности населения – Краснодарский край. Информация о структуре площади Южного федерального округа представлена на рис. 1, Волгоградская область занимает 25 % площади, Ростовская область – 22 %, Краснодарский край – 17 %, республика Калмыкия – 17 %, Астраханская область – 11 %, республика Крым – 6 %, республика Адыгея – 2 %.

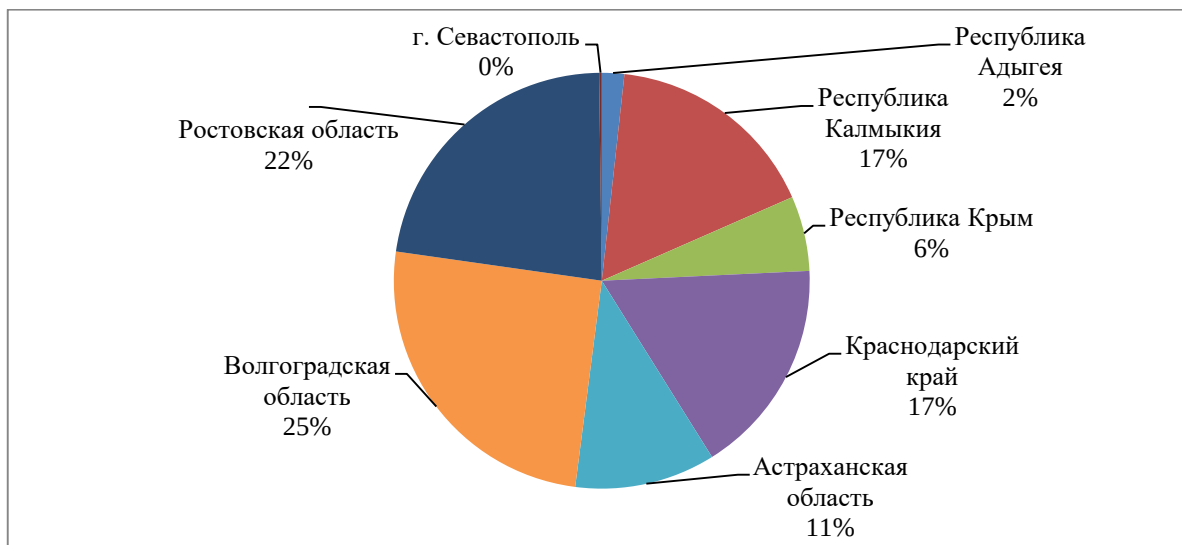


Рис. 1. Южный федеральный округ, площадь территории, тыс. кв. км. [1]

Fig. 1. Southern Federal District, territory area, thousand sq. km. [1]

На рис. 2 представлены данные о доли субъектов Южного федерального округов по численности населения. Численность Краснодарского края составляет 35 % всего населения ЮФО, Ростовская область – 25 %, Волгоградская область – 15 %, республика Крым – 11 %, Астраханская область – 6 %, г. Севастополь – 3 %, республика Адыгея – 3 %, республика Калмыкия – 2 %. Таким образом, по численности населения субъекты Южного федерального округа значительно отличаются друг от друга.

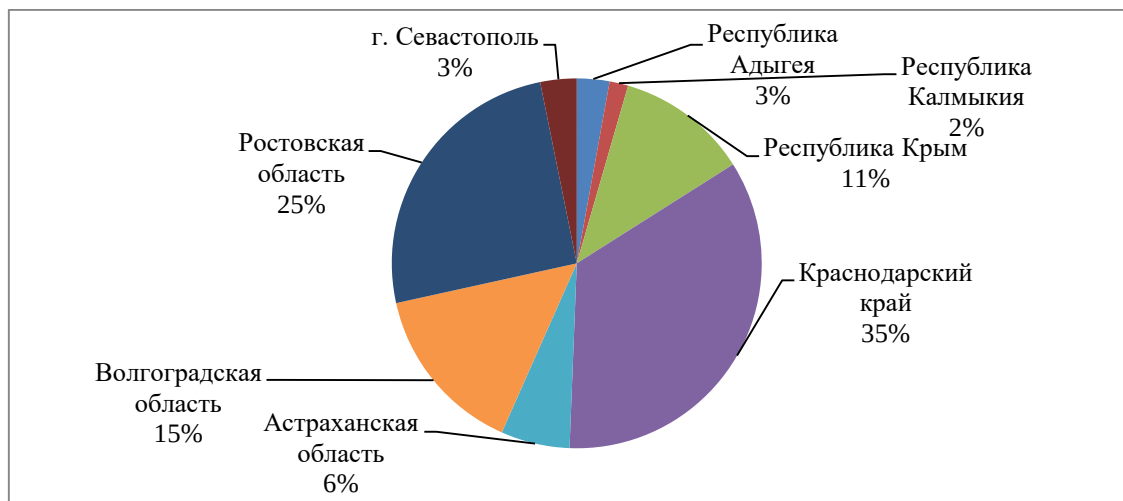


Рис. 2. Южный федеральный округ, численность населения на 01.01.2022 г., чел.¹

Fig. 2. Southern Federal District, population as of 01.01.2022, persons

¹ Составлено авторами с использованием Социально-экономические показатели Южного федерального округа в январе-сентябре 2022 г. Ростов-на-Дону. 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rostov.gks.ru/> (дата обращения: 01.03.2023).

Если сравнить основные макроэкономические показатели на региональном уровне (уровне ЮФО), где происходит реализация задач по удовлетворению формулируемых населением социально-экономических потребностей [1], то можно наблюдать следующую картину. По добыче полезных ископаемых среди федеральных округов доля ЮФО составляет 2 %. (см. рис. 3).

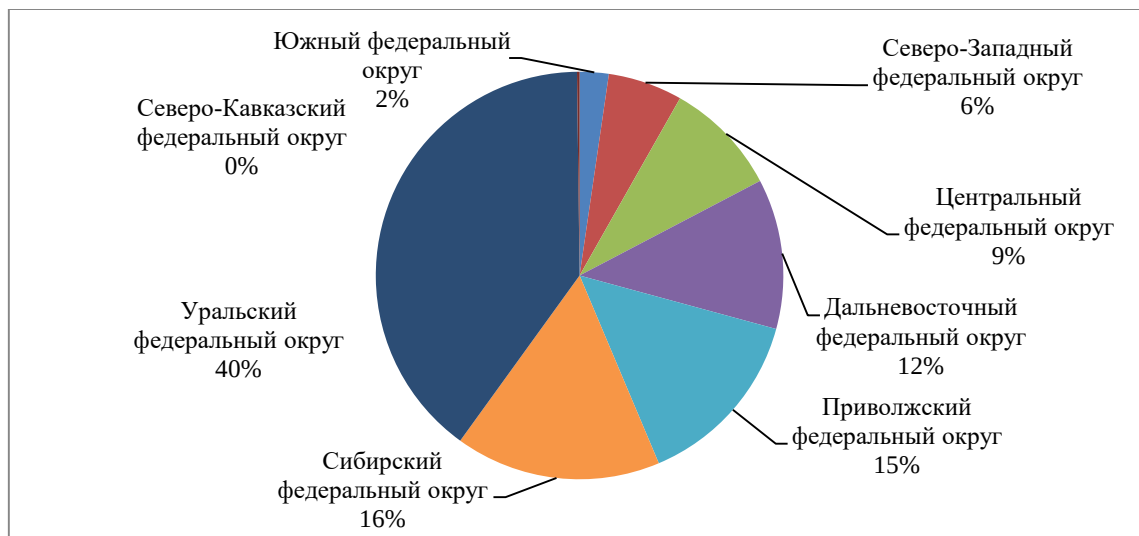


Рис. 3. Добыча полезных ископаемых в разрезе федеральных округов¹

Fig. 3. Extraction of minerals by federal districts

Доля ЮФО в обрабатывающем производстве составляет 6 %, это достаточно высокая доля среди федеральных округов.

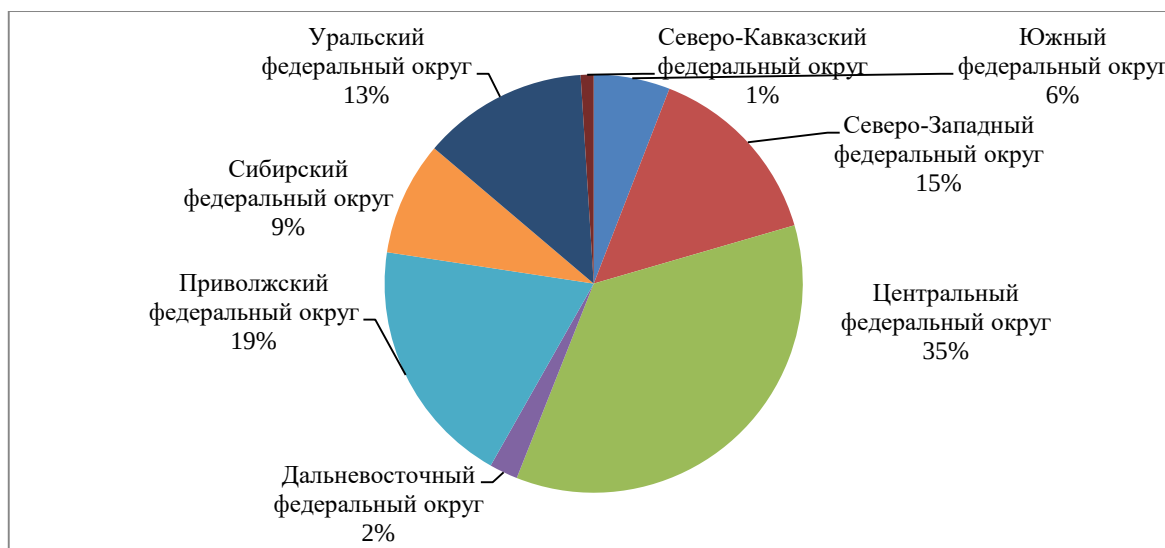


Рис. 4. Обрабатывающая промышленность в разрезе федеральных округов²

Fig. 4. Manufacturing industry by federal districts

По показателю «Инвестиции в основной капитал» доля ЮФО тоже составляет 6 %.

В целом за 10 месяцев 2022 г. по отношению к тому же периоду 2021 г. индекс цен производителей промышленных товаров составил 112,8 %, индекс промышленного производства 99,9 %, то есть объем промышленного производства практически не изменился.

¹ Составлено авторами с использованием Социально-экономические показатели Южного федерального округа в январе-сентябре 2022 г. Ростов-на-Дону. 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rostov.gks.ru/> (дата обращения: 01.03.2023).

² Составлено авторами с использованием Социально-экономические показатели Южного федерального округа в январе-сентябре 2022 г. Ростов-на-Дону. 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rostov.gks.ru/> (дата обращения: 01.03.2023).

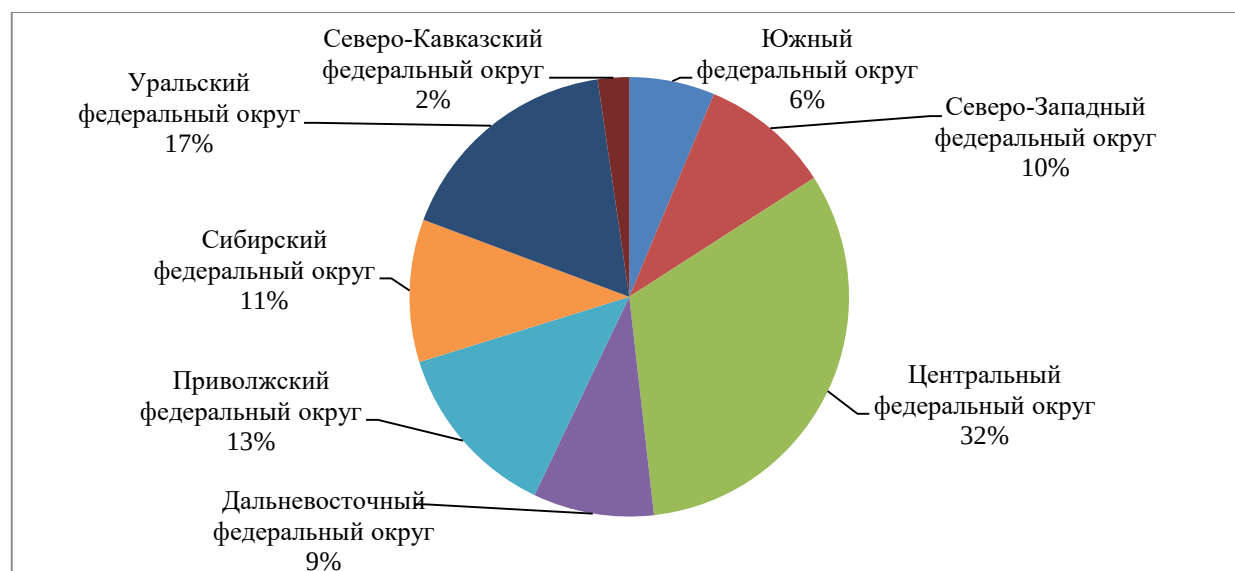
Рис. 5. Инвестиции в основной капитал, в разрезе федеральных округов¹

Fig. 5. Investments in fixed capital, by federal districts

На рис. 6 представлена динамика индекса промышленного производства по федеральным округам Российской Федерации с 2016 года по 2022 год. Можно видеть, что в ЮФО индекс промышленного производства ниже, чем в Центральном федеральном округе и Дальневосточном федеральном округе, но выше, чем в остальных федеральных округах.

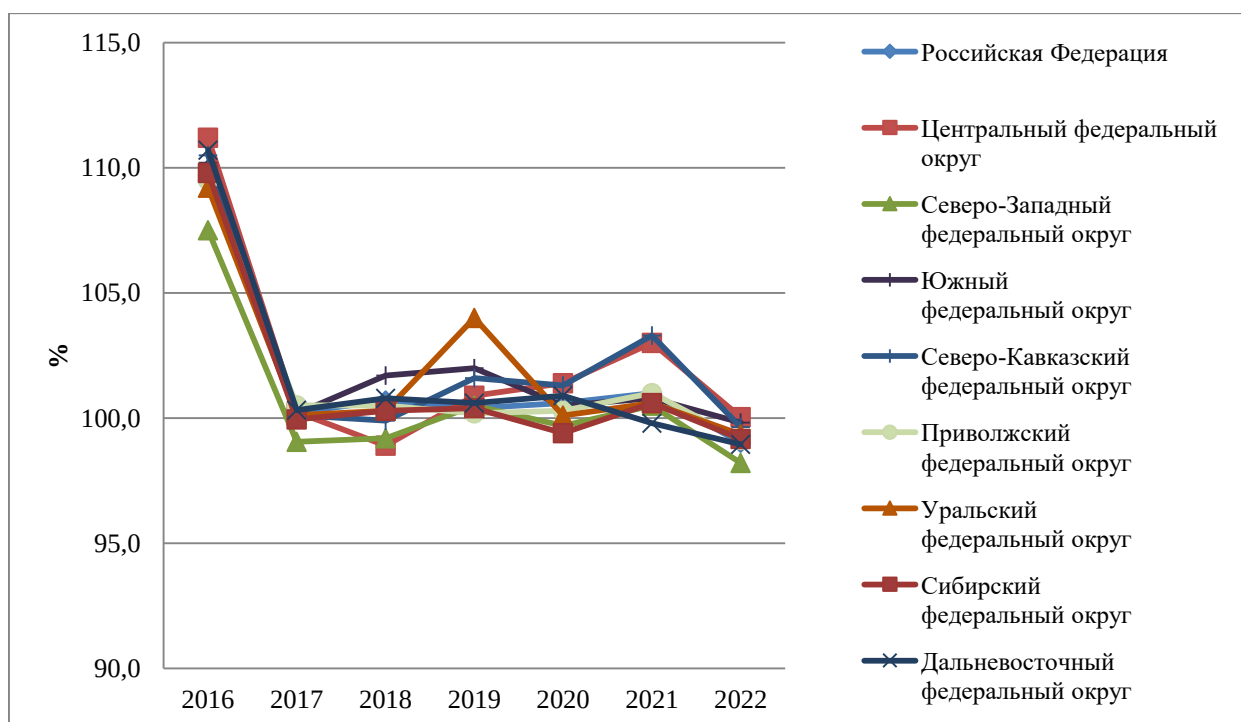
Рис. 6. Динамика индекса промышленного производства по федеральным округам Российской Федерации с 2016 года по 2022 год²

Fig. 6. Dynamics of the industrial production index by federal districts of the Russian Federation from 2016 to 2022

¹ Составлено авторами с использованием Социально-экономические показатели Южного федерального округа в январе-сентябре 2022 г. Ростов-на-Дону. 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rostov.gks.ru/> (дата обращения: 01.03.2023).

² Составлено авторами с использованием Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109> (дата обращения 27.02.2023).

На рис. 7 представлена динамика среднего индекса промышленного за период с 2016 г. по 2022 г. по федеральным округам. Можно наблюдать, что с 2016 г. по 2018 г. имел лидирующие позиции среди федеральных округов по среднему темпу роста и вернулся к нему в 2022 г.

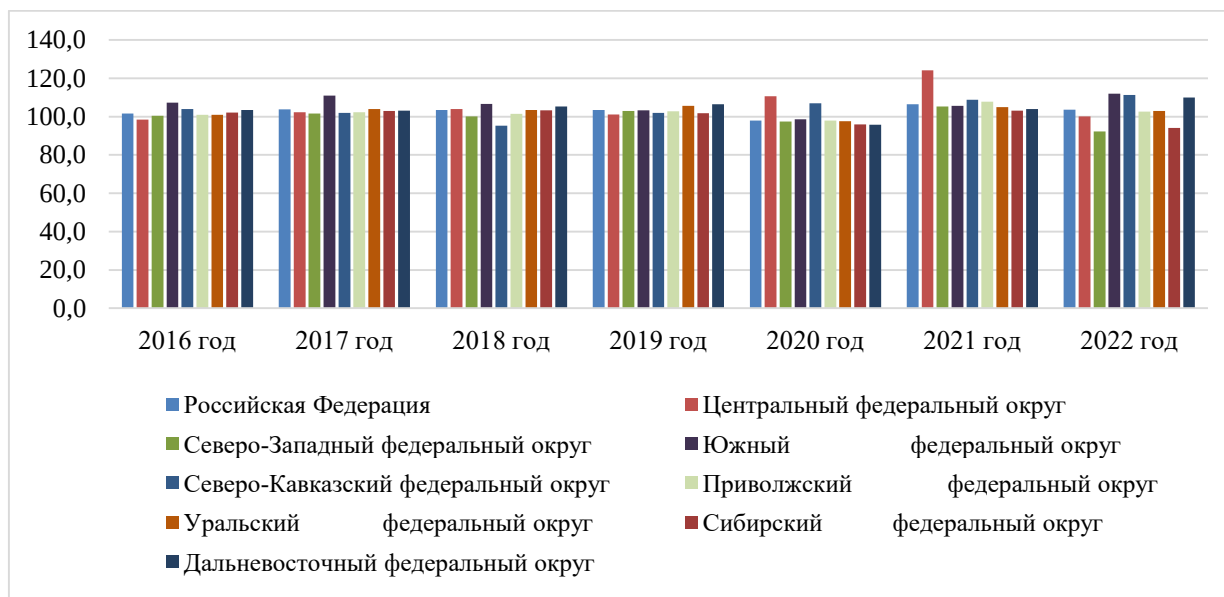


Рис. 7. Динамика среднего индекса промышленного комплекса за период с 2016 года по 2022 год¹

Fig. 7. Dynamics of the average index of the industrial complex for the period from 2016 to 2022

По данным рис. 8 можно видеть, что из общей тенденции значения индекса промышленного производства выбивается значение по г. Севастополь, среднее значение данного индекса выше значений в ЮФО и в целом в РФ, и имеет место резкий скачок в 2019 г. По всем остальным субъектам ЮФО значение индекса промышленного производства в целом в пределах 100 – 110 %, в 2021 г. резкий темп роста индекса промышленного производства наблюдается в Калмыкии. В целом среднее значение индекса промышленного производства в ЮФО за период с 2016 г. по 2020 г. выше, чем в РФ.

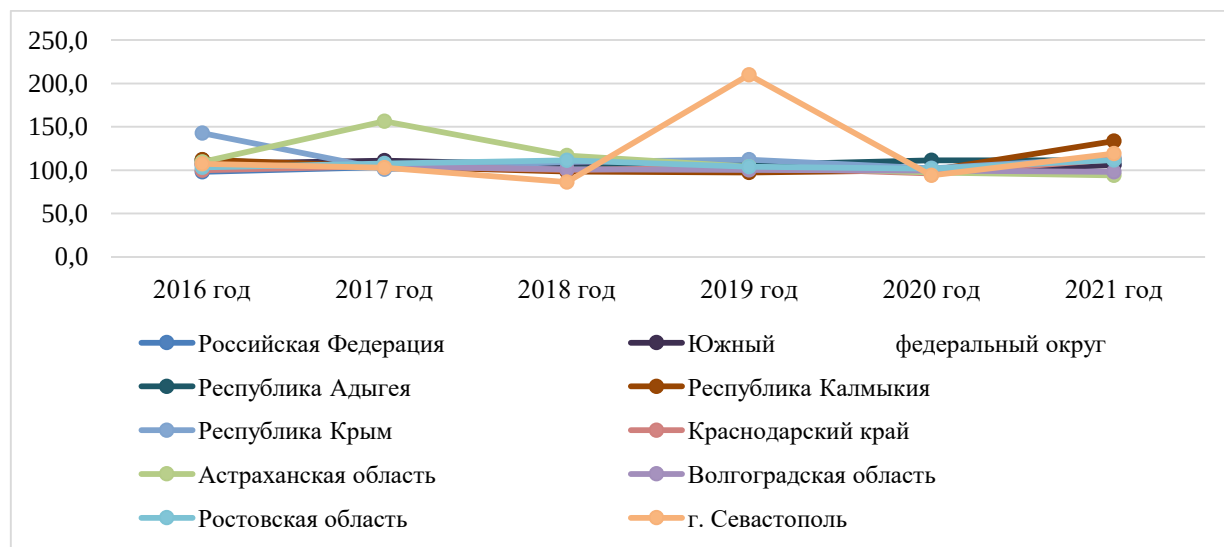


Рис. 8. Динамика индекса промышленного производства субъектов Южного федерального округа²

Fig. 8. Dynamics of the index of industrial production of the subjects of the Southern Federal District

¹ Составлено авторами с использованием Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109> (дата обращения 27.02.2023).

² Составлено авторами с использованием Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109> (дата обращения 27.02.2023).

На рис. 9 представлены данные по среднегодовому значению индекса промышленного производства субъектов Южного федерального округа, из которого четко видно, что в 2016 г. значение данного показателя в ЮФО отставало от среднероссийского значения. В 2017 г. по ряду субъектов значение данного показателя уже было выше среднероссийского, в лидеры выбивается Астраханская область, в 2018 г. сохраняется данная тенденция. В 2019 г. имеет место резкий скачок данного показателя по городу федерального значения – Севастополь, в 2021 г. и 2020 г. лидерами по темпу роста индекса промышленного производства лидерами становятся Калмыкия и г. Севастополь.

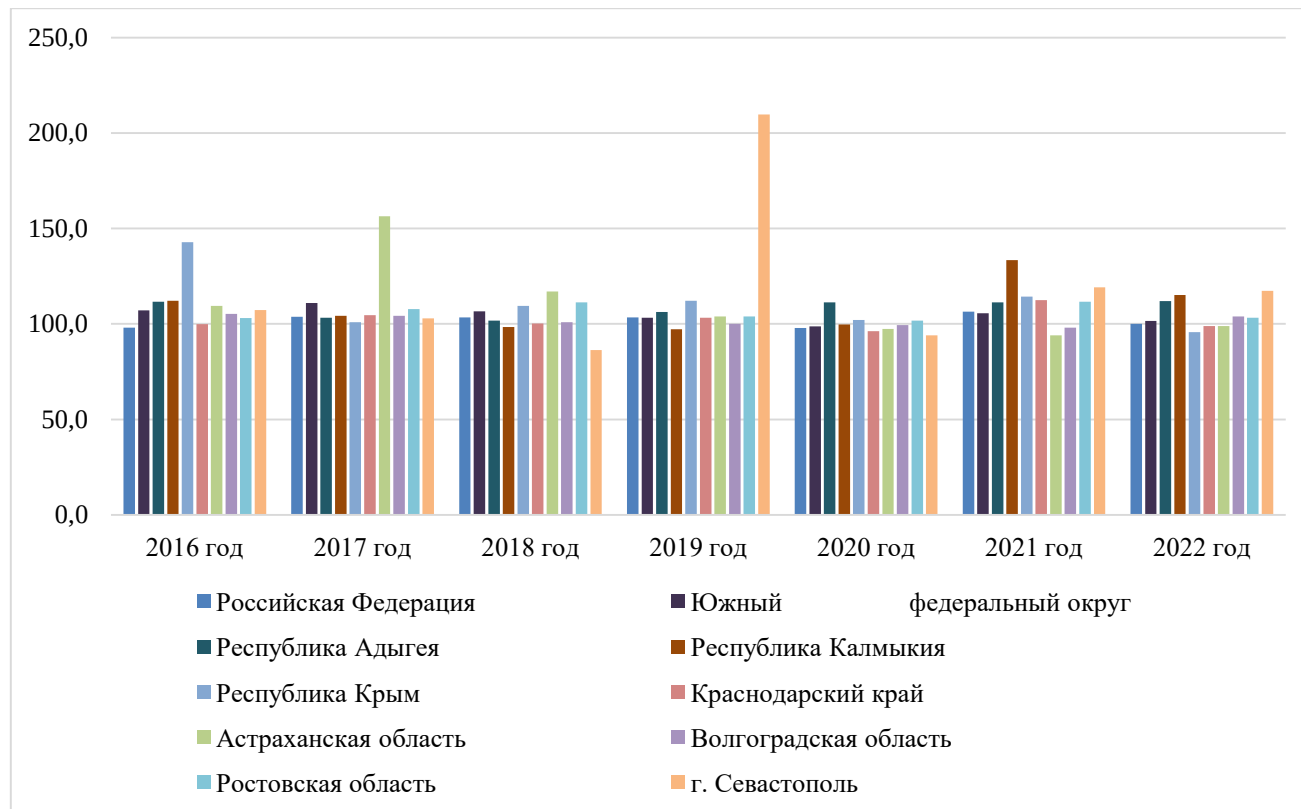


Рис. 9. Динамика среднегодового значения индекса промышленного производства субъектов Южного федерального округа, %¹

Fig. 9. Dynamics of the average annual value of the index of industrial production of the subjects of the Southern Federal District, %

Таким образом, тенденции развития промышленности ЮФО характеризуются показателями выше среднероссийских значений, что свидетельствует о высоком потенциале роста промышленности, который необходимо использовать и развивать, учитывая географические особенности округа и людские ресурсы, которые характеризуются высоким уровнем квалификации [2]. Промышленный комплекс округа характеризуется специализацией на обрабатывающем производстве, несмотря на развитость добывающего производства в Астраханской области и республики Калмыкия. В сложившихся геополитических условиях необходимо прикладывать все усилия для сохранения и развития промышленного комплекса округа. Для этих целей необходима разработка программы развития промышленности ЮФО с указанием целевых показателей достижения, которые должны быть декомпозицией показателей макроуровня [3, 4]. Также необходим перечень конкретных мероприятий, направленных на решение вопроса по производству и восполнения импортных составляющих, а не только решение вопроса по параллельному импорту. Для этих целей на промышленных предприятиях необходимо возрождать все этапы жизненного цикла продукции – начиная от НИР и ОКР, а для этого необходимо квалифицированные инженерные кадры [5]. Поэтому одной из важнейших задач развития промышленности округа является подготовка инженерных кадров для местных промышленных предприятий.

¹ Составлено авторами с использованием Официальный сайт федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109> (дата обращения 27.02.2023).

Список источников

1. Игнатова Т. В., Кюрджиев С. П., Уварова Г. Г. Факторный подход к оценке условий развития конкурентной среды на региональном уровне // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 25 (3). С. 81-86.
2. Макареня Т.А., Назаренко Г.П., Синельников Т.Т. Эволюция категориального аппарата и основные этапы развития промышленности в России // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики) Том 8, № 3. 2017. С. 36-46. DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.3.036-046.
3. Kosenko O.Y., Ignatova T.V., Mikryukova M.Y., Ivanova D.E. Assessment by Econometric Modelling of the Innovative Potential of Regional Socio-economic Systems. In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. ISC 2019. // Lecture Notes in Networks and Systems, vol 198. Springer, Cham. 2021, pp. 909-915. https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_159
4. Kazanskaya A. Yu., Makarenya T.A., Nalesnaya Ya. A., Stash S.V. Cognitive modelling as a tool for strategic planning of an industrial development // European proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. T. 116. Krasnoyarsk, Russia, 2021. С. 803-810. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.91.
5. Макареня Т. А. Необходимость стратегического планирования развития промышленного комплекса Ростовской области // Материалы XX Всероссийского симпозиума. Под редакцией Г.Б. Клейнера. Стратегическое планирование и развитие предприятий. М., 2019. С. 441-443.

References

1. Ignatova T. V., Kyurdzhiev S. P., Uvarova G. G. Factor approach to assessing the conditions for the development of a competitive environment at the regional level. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Humanitarian Research*. 2019;25 (3):81–86. (In Russ.)
2. Makarenya T. A., Nazarenko G. P., Sinelnikov T. T. The evolution of the categorical apparatus and the main stages of industrial development in Russia. *Journal of economic regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki)*. 2017;8(3):36-46. DOI: 10.17835/2078-5429.2017.8.3.036-046. (In Russ.)
3. Kosenko O. Y., Ignatova T. V., Mikryukova M. Y., Ivanova D. E. Assessment by Econometric Modelling of the Innovative Potential of Regional Socio-economic Systems. In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. ISC 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 198. Springer, Cham. 2021, pp. 909-915. Available from: https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_159
4. Kazanskaya A. Yu., Makarenya T.A., Nalesnaya Ya. A., Stash S.V. Cognitive modelling as a tool for strategic planning of an industrial development. *European proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. 2021;(116):803-810. Krasnoyarsk, Russia. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.02.91.
5. Makarenya T. A. The need for strategic planning for the development of the industrial complex of the Rostov region. In: *Proceedings of the XX All-Russian Symposium*. Edited by G.B. Kleiner. Strategic planning and development of enterprises; 2019:441–443. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. А. Макареня – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой инженерной экономики ЮФУ.
 А. И. Калиниченко – член научного коллектива гранта РФФ № 23-28-00537 «Моделирование развития промышленного комплекса Южного федерального округа в условиях введенных экономических санкций», ЮФУ.
 Али Маннаа – ассистент кафедры синергетики и процессов управления им. проф. А. А. Колесникова ЮФУ.
 С. В. Петренко – кандидат экономических наук, доцент кафедры инженерной экономики ЮФУ.

Information about the authors

T. A. Makarenya – Doctor of Economic Sciences, Docent, Head of Department of Engineering Economics of Southern Federal University.
 A. I. Kalinichenko – Member of the scientific team of the Russian Science Foundation № 23-28-00537 "Modeling the development of the industrial complex of the Southern Federal District under the conditions of economic restrictions", Southern Federal University.
 Ali Mannaa – assistant of the Department of Synergetics and Management Processes named after prof. A.A. Kolesnikov of Southern Federal University.
 S. V. Petrenko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Engineering Economics of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 19.04.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 04.05.2023.

The article was submitted 19.04.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 04.05.2023.

Научная статья
УДК 332.025.12+332.622
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-135-141

РАЗВИТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РФ С УЧЕТОМ ТРАНСФОРМАЦИИ КАТЕГОРИРОВАНИЯ, ОЦЕНКИ И КАДАСТРА ЗЕМЕЛЬ

Татьяна Васильевна Мартыненко¹, Татьяна Алексеевна Черкашина²,
Анастасия Александровна Егорихина³

^{1,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹tatianamart@list.ru

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
TKCherkasina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7010-0256>

Аннотация. В контексте стратегических приоритетов государственной программы о национальной системе пространственных данных в РФ актуализируется вопрос всестороннего изучения земельных ресурсов с точки зрения улучшения их состояния и правильного принятия управленческих решений. Целью работы является обоснование исследования теоретико-практических аспектов земельных отношений, выявление проблем, возникающих в процессе присвоения категории землям, их кадастровой оценки и кадастровых работах. В статье применяются общенаучные методы; графическая интерпретация данных, позволяющие обеспечить достоверность результатов исследования. Даны предложения по систематизации, сбору, обработке и консолидации данных; предоставлению услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на него; совершенствованию процесса определения кадастровой стоимости в целях повышения эффективности налогообложения и развития территорий.

Ключевые слова: земельные отношения, категории земель, оценка, кадастровая стоимость, рыночная стоимость, кадастровый учет

Для цитирования: Мартыненко Т. В., Черкашина Т. А., Егорихина А. А. Развитие земельных отношений в РФ с учетом трансформации категорирования, оценки и кадастра земель // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 135–141. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-135-141>

Problems of Economics

Original article

DEVELOPMENT OF LAND RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION TAKING INTO ACCOUNT THE TRANSFORMATION OF CATEGORIZATION, ASSESSMENT AND CADASTRE OF LANDS

Tatiana V. Martynenko¹, Tatiana A. Cherkashina², Anastasia A. Egorikhina³

^{1,3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹tatianamart@list.ru

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, TKCherkasina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7010-0256>

Abstract. In the context of the strategic priorities of the state program on the national spatial data system in the Russian Federation, the issue of comprehensive study of land resources from the point of view of improving their condition and correct management decision-making is being updated. The purpose of the work is to substantiate the study of theoretical and practical aspects of land relations, to identify

problems arising in the process of assigning a category to lands, their cadastral valuation and cadastral works. The article uses general scientific methods; graphical interpretation of the data to ensure the reliability of the results of the study. Proposals are given on systematization, collection, processing and consolidation of data; provision of services in the field of state cadastral registration of immovable property and state registration of rights to it; improvement of the process of determining cadastral value in order to increase the efficiency of taxation and development of territories.

Keywords: land relations, land categories, valuation, cadastral value, market value, cadastral accounting

For citation: Martyntenko T. V., Cherkashina T. A., Egorikhina A. A. Development of land relations in the Russian Federation taking into account the transformation of categorization, assessment and cadastre of lands. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):135–141. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-135-141>

Введение

Как показывает практика, земельные отношения в России представляют собой одно и самых сложных и трудоемких направлений деятельности органов государственной и муниципальной власти, что обусловлено, прежде всего, особенностями процесса землеустройства. Поэтому, в рамках реализации государственной программы «Национальная система пространственных данных»¹, сегодня как никогда важно обратить внимание на существующие проблемы в области земельных отношений связанных с категорией земель, стоимостной оценкой и кадастровым учетом.

Результаты и обсуждения

Земельные отношения представляют собой комплекс имущественных и управленческих решений. Земельный кодекс дает всеобъемлющее определение объектам земельных отношений: «земля как природный объект и природный ресурс; земельные участки; части земельных участков»². В Российской Федерации земля используется на платной основе. Граждане и организации платят арендные платежи и земельный налог. Для того, чтобы правильно уплачивать налог, а также устанавливать объективную цену при продаже или покупке земли, нужно провести государственную кадастровую оценку всех земель, существующих в российском законодательстве.

Категоризация земель производится для того, чтобы земельные участки можно было бы использовать в соответствии с их функциональным назначением: для строительства зданий и сооружений, для сельскохозяйственных работ и др.

Существует целый ряд характеристик, которые влияют на возможности использования того или иного участка. Наиболее важным критерием является вид разрешенного использования (ВРИ). Из 86 вариантов назначений (наименований ВРИ) согласно Приказу №П/0412³, в практическом обороте используется в рамках земель населенных пунктов только 17 видов⁴. Наиболее полная характеристика земельных участков дается Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). В него заносится наряду с категорией земли еще и кадастровая стоимость вместе с видом разрешенного использования.

При создании ЕГРН были допущены существенные погрешности, так как вначале не предполагалось его использовать при кадастровой оценке, что впоследствии привело к многочисленным спорам и оспариванию кадастровой оценки в судах [1].

¹ Государственная программа Российской Федерации «Национальная система пространственных данных» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2021 г. №2148 (ред. от 29.04.2022). - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 05.12.2022). - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков [Электронный ресурс]: Приказ Росреестра от 10 ноября 2020 г. № П/0412 (ред. от 23.06.2022). - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Сборник корректировок. Сегмент «Земельные участки» / Совет экспертов Рынка недвижимости Cjdt [Электронный ресурс]. - URL: www.arreall.ru (дата обращения: 27.12.2022).

Оспаривание кадастровой стоимости связано прежде всего с тем, что она играет ключевую роль при расчетах различных платежей, включая плату за аренду земли, земельный налог, сервитуты, а также влияет на выкупную цену того имущества, которое находится в собственности государства.

Для определения кадастровой стоимости земельных участков используются различные методы, которые основаны на экономических характеристиках объекта, его описании в процессе кадастрового учета. Методы массовой оценки не всегда в полной мере отражают рыночную стоимость объектов. Назранова М.А. отмечает, что «несовершенство методов оценки кадастровой стоимости является одной из насущных проблем российского земельного права, а вопросы, связанные с оспариванием кадастровой стоимости, зачастую рассматриваются судебными инстанциями» [2, с. 31].

В случае невозможности определения кадастровой стоимости методами массовой оценки проводят индивидуальную оценку с помощью профессиональных оценщиков с использованием стандартов оценки.

Следует отметить, что проблемы кадастровой оценки недвижимости освещены в работах Вдовенко Ю. И., Гунько Л. М., Захарченко Е. С., Иваненко Д. Е., Лазаревой В. В., Лепихиной О. Ю., Павлова В. А., Тепман Л. Н., Черкашиной Т. А., Швандар В. А. Однако многие вопросы остаются нерешенными на протяжении многих лет.

Рассматривая данные о количестве споров по размеру кадастровой стоимости за 2016–2022 гг., мы можем определить тенденцию изменения судебных разбирательств, связанных с оценкой земельных участков (рис. 1).

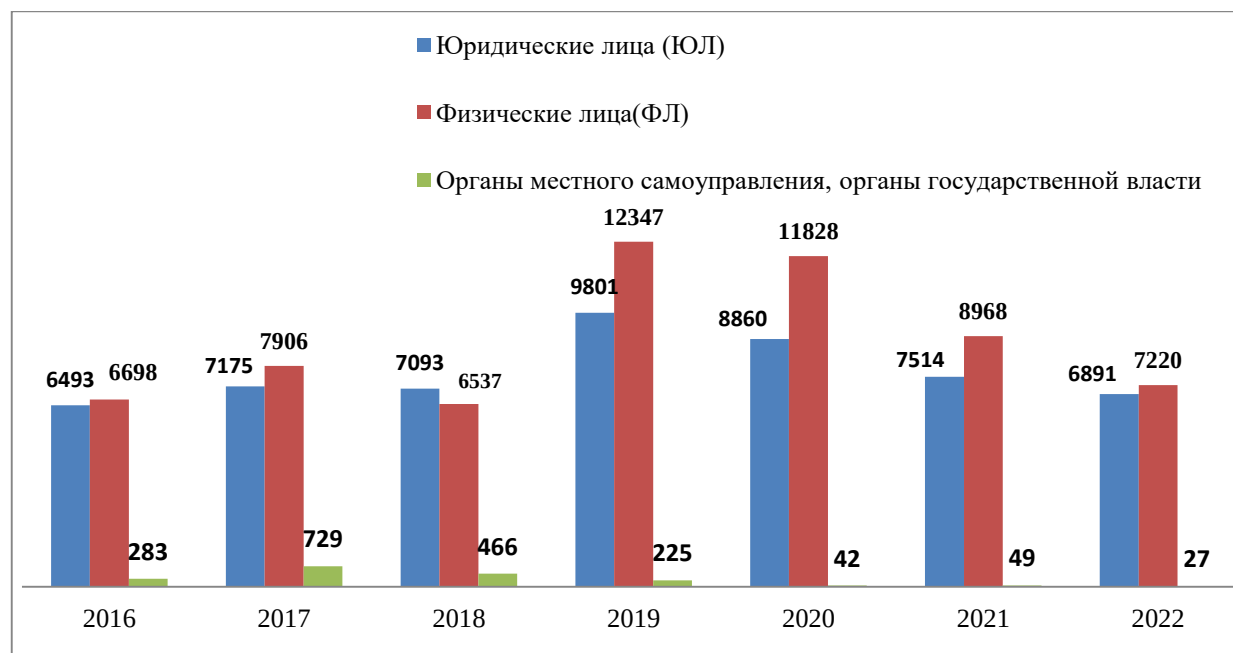


Рис. 1 – Изменения в количестве судебных исков с 2016 г. по 2022 г. по результатам определения кадастровой стоимости объектов недвижимости (по категориям заявителей).

Составлено по данным Росреестра¹.

Fig. 1 – Changes in the number of lawsuits from 2016 to 2022 based on the results of determining the cadastral value of real estate objects (by category of applicants). Compiled according to Rosreestr

¹ Результаты судебных решений по оспариванию кадастровой стоимости объектов недвижимости с 2017 г. по 2022 г. Официальный сайт Росреестра [Электронный ресурс]. - URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/kadastrrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrvoy-stoimosti/-/informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrvoy-stoimosti-obektov/> (дата обращения: 10.01.2023).

Следует обратить внимание на то, что оспаривают результаты кадастровой оценки наряду с юридическими и физическими лицами также государственные органы власти и органы местного самоуправления. Рисунок нам демонстрирует, что в 2019 г. наибольшее количество исков было подано домохозяйствами (12347) и фирмами (9801).

В 2022 году суды рассмотрели 14 165 споров о величине кадастровой стоимости. При этом основная часть споров касалась несоответствия кадастровой и рыночной стоимости. В 95,04 % случаев суды становились на сторону заявителей¹.

Довольно часто погрешности в определении кадастровой стоимости земельного участка вызваны и рядом ошибок, связанных с человеческим или техническим фактором. Чаще всего это определение размера участка по неправильно заполненным кадастровым документам. Наиболее частыми ошибками являются неправильное межевание участка или его размеры. Росреестр отмечает, что двадцать два миллиона земельных участков имеют неточные границы². Так, например, в Рязанской области на начало 2022 года в отношении всего 48,5% земельных участков в ЕГРН внесены сведения об описании их местоположения³. В результате, собственники вынуждены через суд отстаивать размер земельных участков, вкладывая собственные средства на исправление кадастровых документов и дальнейшую переоценку стоимости участка.

С 2018 г. и по настоящее время кадастровую оценку проводят государственные бюджетные учреждения (ГБУ), которые были специально созданы субъектами Российской Федерации. При этом ГБУ анализируется рынок недвижимости, вносятся коррективы в данные ЕГРН, но рассчитывать рыночную стоимость с целью оспаривания кадастровой стоимости они не могут.

Роль независимых оценщиков в связи с новеллами в оспаривании кадастровой стоимости определена расчетом только рыночной стоимости в соответствии с методологией стоимостной оценки (методами затратного, сравнительного или доходного подходов) [3, с. 92].

Следует обратить внимание на то, что оспаривать кадастровую стоимость и производить перерасчет налога на землю можно за все периоды применения прежней стоимости в том случае, если в кадастровую стоимость внесены исправления по результатам: технических ошибок в ЕГРН; доказанностью недостоверных сведений судебными решениями или комиссиями [4].

Наличие механизма кадастровой стоимости объектов недвижимости, основанного на достаточной и достоверной информации, рассматривается Росреестром как потенциал развития территории при принятии градостроительных решений. Однако, в стране повсеместно наблюдается наличие нелегальных жилых построек на территории земельных участков. Как показывают данные Росреестра, в каждом из регионов фиксируется от 1 до 5 тыс. жилых домов, используемых без регистрации прав⁴. Данный факт прежде всего затрудняет работу органов государственной и муниципальной власти, поскольку без наличия достоверных сведений относительно данной территории невозможно принятие правильного управленческого решения, связанного, например, с прокладкой сетей газо- электро-, тепло- и водо- снабжения.

Исправление исторически накопленных ошибок в ЕГРН является одной из пяти ключевых задач Росреестра в рамках госпрограммы «Национальная система пространственных данных» (НСПД)⁵.

¹ Результаты судебных решений по оспариванию кадастровой стоимости объектов недвижимости

с 2017 г. по 2022 г. Официальный сайт Росреестра [Электронный ресурс]. -

URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/kadastrvaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrvoy-stoimosti-/informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrvoy-stoimosti-obektov/> (дата обращения: 10.01.2023).

² Руководитель Росреестра выступил на «правительственном часе» в Совете Федерации [Электронный ресурс]. - URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rukovoditel-rosreestra-vystupil-na-pravitelstvennom-chase-v-sovete-federatsii/> (дата обращения: 27.12.2022)

³ Кадастровая палата по Рязанской области рассказала об установлении границ земельных участков [Электронный ресурс]. - URL: <https://kadastr.ru/magazine/news/kadastrvaya-palata-po-ryazanskoy-oblasti-rasskazala-ob-ustanovlenii-granits-zemelnykh-uchastkov/> (дата обращения: 27.12.2022)

⁴ Сорная территория: на заброшенные дачи готовят управу [Электронный ресурс]. - URL: <https://iz.ru/1417024/dmitrii-alekseev/sornaia-territoriia-na-zabroshennye-dachi-gotoviat-upravu> (дата обращения: 27.12.2022).

⁵ Росреестр продолжает работу по выявлению реестровых ошибок [Электронный ресурс]. - URL: <https://kadastr.ru/magazine/news/stolichnyy-rosreestr-prodolzhaet-rabotu-po-vyyavleniyu-reestrovyykh-oshibok/> (дата обращения: 27.12.2022)

Однако, в последние годы наблюдается заметное снижение числа действующих кадастровых инженеров в РФ. Согласно докладу Исполнительного директора саморегулируемой организации «Ассоциация кадастровых инженеров Поволжья» с 2017 по 2021 год их количество в нашей стране уменьшилось почти на 17 %¹. В особо сложную ситуацию попадают кадастровые инженеры по гендерному признаку. Законодательно установлено, что, если женщина – кадастровый инженер не осуществляет трудовую деятельность в течение трех лет, саморегулируемая организация должна исключить ее из числа своих членов, при этом декретный отпуск исключением не является. В связи с этим многие женщины – кадастровые инженеры либо теряют работу в этот период, либо вовсе не выходят в декретный отпуск.

С учетом увеличения нагрузки, связанной с сокращением срока учетно-регистрационных мероприятий по кадастровой документации до трех дней, возникает также вопрос о поддержании и стимулирования качества выполнения межевых планов и технической документации. При этом на фоне роста количества приостановленных и отказанных по кадастровому учету заявлений и документов, подготовленных кадастровыми инженерами, Росреестр уже поставил задачу держать данный показатель не выше 8%, а также, разработал сборник типичных ошибок для кадастровых инженеров в целях их предупреждения. Однако, на сколько эта методика является эффективной покажет только время.

Нельзя не отметить широкий круг проблем, относящихся к реестровым данным. Еще в конце 2021 года руководитель Росреестра, О. Скуфинский, в рамках заседания Совета Федерации, обратил внимание на эту проблему со стороны полноты и качества информации в сфере землеустройства. Так, по данным Росреестра, неустановленными и отсутствующими в ЕГРН являются границы населенных пунктов (59%), границы территориальных зон (72%), выявлены реестровые ошибки (8,5 миллионов), бумажные дела не переведены в цифровой формат (123 миллиона)².

Необходимо отметить, что огромное количество проблем было вызвано неэффективным межведомственным взаимодействием, объясняемым обособленностью государственных земельных информационных ресурсов. Существующие противоречия в сведениях государственных реестров затрудняют работу органов власти, тормозят реализацию ряда государственных программ и законов. Подобная ситуация наблюдается в процессе исполнения закона о лесной амнистии. Например, в Калужской области на 01.06.2022 г. сведения, занесенные ЕГРН и Государственный лесной реестр (ГЛР) о площади земель, отнесенных к лесному фонду расходятся почти на 175 тыс.³ В отношении земель лесного фонда также стоит сказать, что в ЕГРН накоплено большое количество дублирующих сведений по данной категории земель. Так, в рамках закона о лесной амнистии за последние 5 лет были выявлены и исключены дублирующие сведения о 45,2 тыс. лесных участков⁴.

Для многих регионов актуальна проблема эффективного использования и учета земель, которые относятся к сельскохозяйственным. В настоящее время неиспользованными остаются примерно 44 млн. га земель сельскохозяйственного назначения⁵. При этом инвентаризация и качественная оценка земель не проводилась уже более 20 лет. Как показывает практика на земельных участках данной категории зачастую нет установленных границ и отсутствует достоверная информация о качестве земель, повсеместно выявляются случаи нецелевого использования.

¹ Текущая ситуация в сфере кадастра и саморегулирования кадастровой деятельности [Электронный ресурс]. - URL: <https://np-okirt.ru/news/godovoe-sobranie-2022/> Доклад%20Савельева%20В.П.%2020.05.2022.pdf (дата обращения: 27.12.2022)

² Руководитель Росреестра выступил на «правительственном часе» в Совете Федерации [Электронный ресурс]. - URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rukovoditel-rosreestra-vystupil-na-pravitelstvennom-chase-v-sovete-federatsii/> (дата обращения: 27.12.2022)

³ Из реестра недвижимости исключены дублирующие сведения о почти 200 тыс. га лесных участков Калужской области [Электронный ресурс]. - URL: <https://kadastr.ru/magazine/news/iz-reestra-nedvizhimosti-isklyucheny-dubliruyushchie-svedeniya-o-pochti-200-tys-ga-lesnykh-uchastkov/> (дата обращения 27.12.2022)

⁴ 5 лет «лесной амнистии» [Электронный ресурс]. - URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/5-let-lesnoy-amnistii-dubliruyushchie-svedeniya-o-bolee-45-tys-lesnykh-uchastkakh-isklyucheny/> (дата обращения 27.12.2022)

⁵ Майоров А. Основные инструменты обеспечения рационального использования земель нуждаются в совершенствовании [Электронный ресурс]. - URL: <http://council.gov.ru/events/news/135033/?hl=кадастр> (дата обращения 27.12.2022)

Так, за 2021 год было выявлено 743 нарушения земельного законодательства по Ростовской, Волгоградской и Астраханской областям, Республике Калмыкия¹.

Невозможно оставить без внимания трудности введения в оборот бесхозных земель сельскохозяйственного назначения. Проблемы в данной области во многом вызваны экономической непривлекательностью некоторых регионов России, что подтверждается внутренней миграцией населения, когда фермеры переезжают в другие субъекты РФ в поисках улучшения условий жизни. В результате множество плодородных земель простаивают и зарастают лесом, что усложняет их эксплуатацию в дальнейшем.

Следует также отметить, что принятие федерального закона 2 июля 2021 г. № 299-ФЗ «О внесении изменений в статью 77 Земельного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепляющего возможность крестьянским (фермерским) хозяйствам возведения жилого дома на земельных участках сельскохозяйственного назначения, также предполагает возникновение ряда трудностей, связанных с его реализацией. Как отмечают специалисты², прежде всего это проблема, с отсутствием законодательного закрепления процесса изъятия у фермера земельного участка с расположенным на нем домом в случае нецелевого использования земли, что, в свою очередь, в дальнейшем спровоцирует волну судебных обжалований.

Выводы

Таким образом, можно отметить, что до 2030 года перед государством стоят довольно амбициозные задачи по систематизации, сбору, обработке и консолидации данных; настраивании механизма наиболее качественного предоставления услуг в сфере государственного кадастрового учета недвижимого имущества и государственной регистрации прав на него; поиску и устранению накопленных ошибок в кадастровой деятельности, картографии; определении кадастровой стоимости, а также сокращения бесхозных земель и поиску путей их качественного сохранения.

Список источников

1. Черкашина Т.А., Брутян Г.Э. Особенности кадастровой оценки объектов капитального строительства в условиях цифровизации экономики / Состояние, проблемы и перспективы развития современных социально-экономических процессов: [монография / Алехина Е.И. и др.]: Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2019. 240 с. – С.154-165.
2. Назранова М. А. Проблемы правового регулирования определения кадастровой стоимости земельного участка // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. №1. С. 30-38.
3. Захарченко Е. С., Черкашина Т. А., Пятикопова А. В. Некоторые проблемы налогообложения и кадастровой оценки земельных участков на примере города Ростова-на-Дону // Финансовые исследования. 2019. № 2(63). С. 91–98.
4. Черкашина Т. А. Новое в кадастровой оценке недвижимости для целей налогообложения / Теоретические и практические аспекты трансформации налоговой системы России: материалы Всероссийской научно-практической конференции 18 декабря 2019 года. Ростов н/Д.: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2019. С. 95-99.

References

1. Cherkashina T. A., Brytun G. E. Features of cadastral valuation of capital construction projects in the conditions of digitalization of the economy. In: *State, problems and prospects of development of modern socio-economic processes*. Monograph / Alyokhina E.I. et al.]. : Petrozavodsk: ICNP "New Science"; 2019. 240 p. P. 154–165. (In Russ.)

¹ Предварительные итоги деятельности Управления Россельхознадзора за 2021 год [Электронный ресурс]. - URL: <https://fsvps.gov.ru/ru/fsvps/news/46746.html> (дата обращения 27.12.2022)

² Закон о фермерских домах разрешил строить на сельскохозяйственной земле [Электронный ресурс]. - URL: <https://agrobook.ru/instruction/zakon-o-fermerskih-domah-razreshil-stroit-na-selskohozyaystvennoy-zemle-kommentarii> (дата обращения: 27.12.2022); Атаманов, С. А., Григорьев, С. А. О распространенных ошибках / С. А. Атаманов, С. А. Григорьев // Учет недвижимости : электронный журнал : сайт «Кадастр.Москва». – Москва, 2022 [Электронный ресурс].- URL: <http://кадастр.москва/news/889> (дата обращения: 22.12.2022).

2. Nazranova M. A. Problems of legal regulation of determining the cadastral value of a land plot. *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoi dejatel'nosti = Legal regulation of economic activity*. 2022;(1):30–38 (In Russ.)
3. Zakharchenko E. S., Cherkashina T. A., Pyatikopova A. V. Some problems of taxation and cadastral valuation of land plots on the example of the city of Rostov-on-Don. *Finansovye issledovanija = Financial research*. 2019;2(63):91–98 (In Russ.).
4. Cherkashina T. A. New in the cadastral valuation of real estate for taxation purposes. In: *Theoretical and practical aspects of the transformation of the tax system of Russia: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference on December 18, 2019*. Rostov-on-Don: Publishing and printing complex of RSEU (RINH); 2019:95–99 (In Russ.).

Информация об авторах

Т. В. Мартыненко – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Т. А. Черкашина – кандидат экономических наук, профессор кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ).

А. А. Егорихина – студент факультета управления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. V. Martynenko – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

T. A. Cherkashina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Financial Monitoring and Financial Markets of Rostov State University of Economics.

A. A. Egorikhina – Student of Management Faculty of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 18.04.2023.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 18.04.2023.

Научная статья

УДК 332.834

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-142-156

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

**Людмила Ивановна Проняева¹, Анна Вячеславовна Павлова²,
Кристина Александровна Суровнева³**

^{1,2,3}Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орёл, Россия

¹pli.dom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4311-2892>

²anna-pavlova1010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4322-2530>

³eforags@mail.ru

Аннотация. Строительная отрасль является основой развития экономических систем регионов и государства. В статье представлен анализ современного состояния сферы строительства, определены основные тенденции в данном сегменте экономики. Особое внимание акцентировано на вопросах финансового обеспечения деятельности субъектов строительной сферы. В современных условиях базовым инструментом привлечения финансовых ресурсов для строительной отрасли является проектное финансирование на основе эскроу-счетов, характеризующиеся определенными преимуществами и рисками для участников взаимодействия, нивелирование которых возможно путем совершенствования механизма использования средств. Авторами также рассмотрены возможности применения дополнительных источников финансового обеспечения сферы строительства на основе использования проектных, корпоративных и инфраструктурных облигаций, краудлендинга, средств крупных отечественных фондов, возрождении практики жилищных кооперативов. Развитие подходов к финансовому обеспечению позволит расширить возможности субъектов строительной отрасли, активизировать их деятельность и обеспечить мультипликативный эффект в экономике.

Ключевые слова: строительная отрасль, проектное финансирование, эскроу-счета, проектные облигации, корпоративные облигации, инфраструктурные облигации, краудлендинг, инвестиционные возможности фондов

Для цитирования: Проняева Л. И., Павлова А. В., Суровнева К. А. Финансовое обеспечение деятельности субъектов строительной сферы: тенденции, проблемы и возможности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 142–156. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-142-156>

Problems of Economics

Original article

FINANCIAL SUPPORT OF THE CONSTRUCTION SECTOR ACTIVITIES: TRENDS, PROBLEMS AND OPPORTUNITIES

Lyudmila I. Pronyaeva¹, Anna V. Pavlova², Kristina A. Surovneva³

^{1,2,3}Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

¹pli.dom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4311-2892>

²anna-pavlova1010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4322-2530>

³eforags@mail.ru

Abstract. The construction industry is the basis for the development of the economic systems of the regions and the state. The article presents an analysis of the current state of the construction industry, identifies the main trends in this segment of the economy. Particular attention is focused on the issues of financial support for the activities of the subjects of the construction industry. In modern conditions, the basic tool for attracting financial resources for the construction industry is project financing based on escrow accounts, which are characterized by certain advantages and risks for the participants in the interaction, the leveling of which is possible by improving the mechanism for using funds. The authors also considered the possibility of using additional sources of financial support for the construction industry through the use of project, corporate and infrastructure bonds, crowdlending, funds from large domestic funds, and reviving the practice of housing cooperatives. The development of approaches to financial support will expand the capabilities of the construction industry, intensify their activities and ensure a multiplier effect in the economy.

Keywords: construction industry, project finance, escrow accounts, project bonds, corporate bonds, infrastructure bonds, crowdlending, fund investment opportunities

For citation: Pronyaeva L. I., Pavlova A. V., Surovneva K. A. Financial support of the construction sector activities: trends, problems and opportunities. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):142–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-142-156>

Строительная отрасль является динамично развивающимся сектором экономики. В последние годы от эффективного функционирования строительной сферы зависит развитие многих смежных отраслей народного хозяйства. В числе приоритетных задач стратегии развития строительного сектора до 2030 г. выделяют: развитие строительной отрасли, как основы для восстановления экономики, повышение качества городской среды и доступности жилья для граждан, создание высокотехнологичных отраслей в строительстве, повышение энергоэффективности строительных объектов, задействование новых земельных участков и др.

Исторически сложилось так, что строительная сфера определяет динамику развития экономики, обеспечивает занятость и рост доходов граждан. За последние годы строительная отрасль претерпела существенные структурные изменения, начало которых было положено в 2004 г. с принятием Градостроительного кодекса и Жилищного кодекса. Эти годы отмечены и значительными финансовыми изменениями в цепочке финансирования строительной сферы. Сформировался рынок ипотеки, были созданы государственные корпорации «Автодор» и Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства.

Данные рис. 1 отражают динамику функционирования строительной отрасли в период до и после пандемии¹.

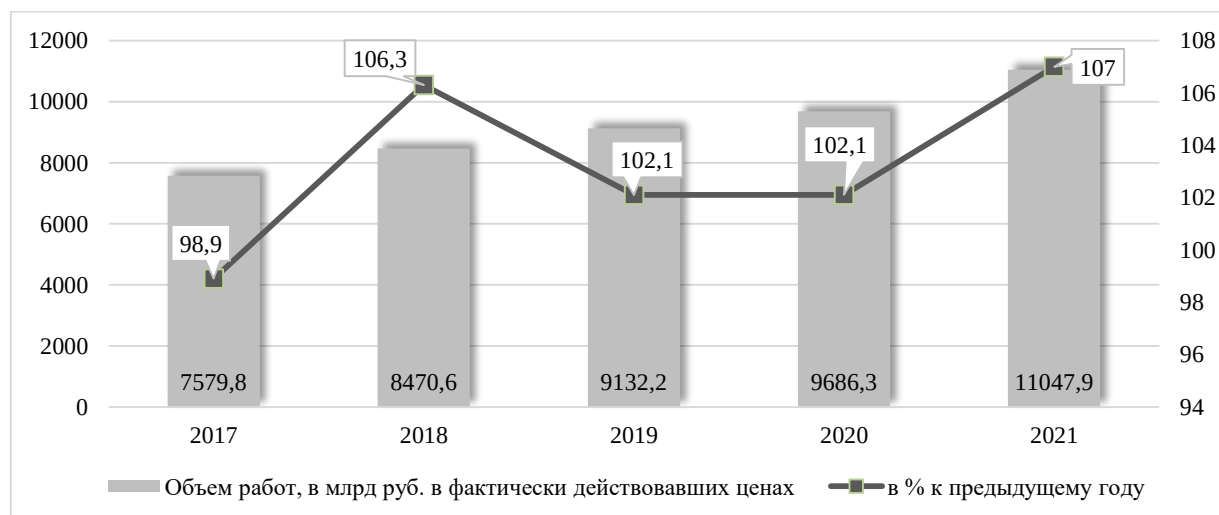


Рис. 1. Динамика объема строительных работ в России

Fig. 1. Dynamics of the volume of construction work in Russia

¹ Строительство в России. 2022: Стат. сб. / Росстат. - М., 2022. – 148 с.

Структура произведенных строительных работ показывает, что в общем их объеме преобладает строительство инженерных сооружений и зданий (преимущественно жилых) (рис. 2)¹.

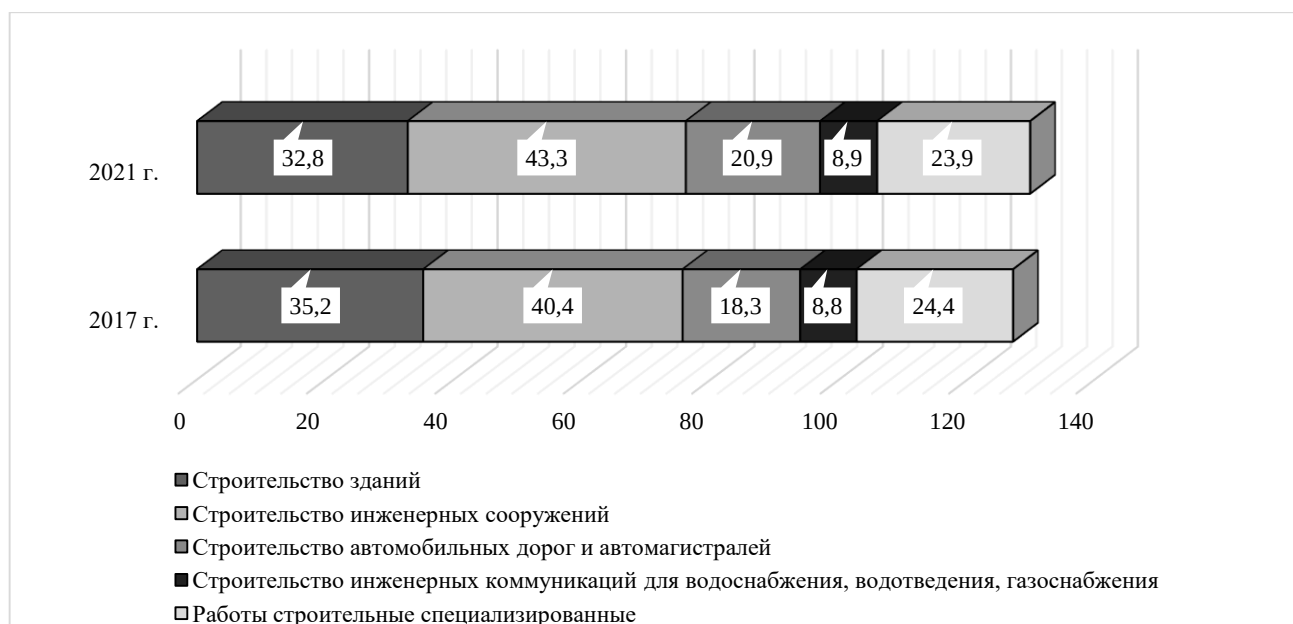


Рис. 2 – Структура строительных работ в России, %

Fig. 2 – The structure of construction work in Russia, %

Условия функционирования российской экономики в период специальной военной операции сказались на снижении производства строительного сегмента – до 28,1%. На развитии строительного производства в 2022 г. отразились рост инфляции, скачок цен, потеря иностранных поставщиков и прочие факторы. Условия неустойчивости развития были заложены в конце 2021 г. Этот факт демонстрируют данные рис. 3, где приведена динамика изменения объемов строительства в разрезе регионов ЦФО². Мы исключили Москву и города Московской области по причине большого объема строительных работ в этих регионах.

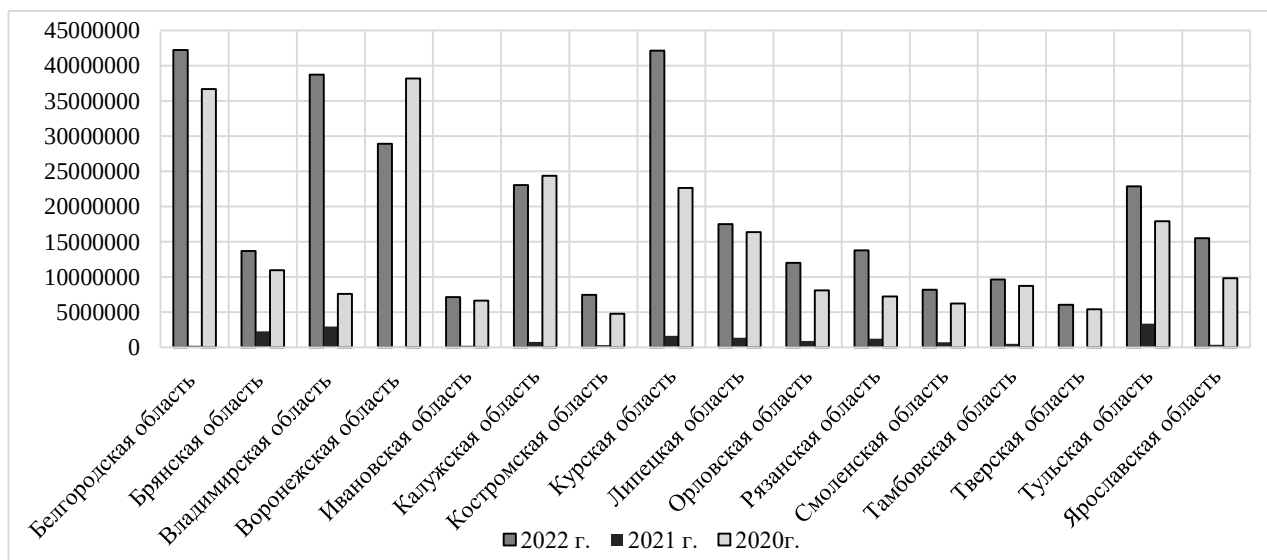


Рис. 3. Динамика изменения объема строительных работ по регионам ЦФО, тыс. руб.

Fig. 3. Dynamics of changes in the volume of construction work by regions of the Central Federal District, thousand rubles

¹ Строительство в России. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 148 с.

² Там же.

Регионами-лидерами в ЦФО по строительной активности и высокому уровню развития строительной индустрии являются Белгородская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Курская, Липецкая, Тульская и Ярославская области. Это подтверждает динамикой объемов ввода жилья в кв.м. (табл. 1).

Темпы роста ввода жилья в ЦФО превышают среднероссийские показатели и в 2021 г. по сравнению с 2020 г. составили – 114,5 %, в 2021 г. в сопоставлении с 2017 г. – 120,2 %.

Таблица 1 – Динамика годового объема ввода жилья по регионам Российской Федерации, млн м²

Table 1 – Dynamics of the annual volume of housing commissioning by regions of the Russian Federation, mln m²

Регионы	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Темп роста, %	
						2021/2020	2021/2017
Российская Федерация	79,2	75,7	82,0	82,2	92,6	112,7	116,9
Центральный федеральный округ	24,3	23,4	25,8	25,5	29,2	114,5	120,2
Белгородская область	1,3	1,2	1,3	1,1	1,2	109,0	92,3
Брянская область	0,6	0,4	0,4	0,4	0,5	125,0	83,0
Владимирская область	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	114,3	114,3
Воронежская область	1,7	1,7	1,9	1,7	1,9	111,8	111,8
Ивановская область	0,3	0,4	0,3	0,3	0,4	120,0	120,0
Калужская область	0,9	0,8	0,8	0,8	0,9	112,5	100,0
Костромская область	0,3	0,2	0,2	0,3	0,3	100,0	100,0
Курская область	0,6	0,6	0,6	0,5	0,6	120,0	100,0
Липецкая область	1,1	0,9	1,3	1,2	1,2	100,0	120,0
Московская область	9,1	8,9	8,6	9,0	9,2	102,2	101,1
Орловская область	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,75	100,0
Рязанская область	0,7	0,8	0,8	0,6	0,8	133,3	114,3
Смоленская область	0,5	0,4	0,4	0,4	0,5	125,0	100,0
Тамбовская область	0,8	0,9	0,9	0,7	0,8	114,3	100,0
Тверская область	0,6	0,4	0,6	0,7	0,6	85,7	100,0
Тульская область	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	114,3	114,3
Ярославская область	0,8	0,8	0,8	0,7	0,8	114,3	100,0
Город Москва	3,4	3,5	5,2	5,0	7,8	156,0	229,4

Строительная отрасль является довольно материалоемкой, в структуре затрат материальные затраты составляют 54-58 % (рис. 4).



Рис. 4. Структура затрат на производство строительных работ, %

Fig. 4. Structure of costs for the production of construction works, %

На долю расходов на заработную плату и социальные отчисления в совокупности приходится 24 % всех затрат. Высокая доля затрат на оплату труда в строительстве подтверждается данными о росте численности занятых и средней заработной платы (рис. 5)¹.



Рис. 5. Динамика численности занятых и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в строительной отрасли

Fig. 5. Dynamics of the number of employees and the average monthly nominal accrued wages in the construction industry

Оценка среднесписочной численности работников организаций показывает, что в 2021 г. в отрасли были заняты почти 6,5 млн чел., что на 177 тыс. чел. больше, чем в 2017 г. Динамика уровня среднемесячной заработной платы устойчиво положительная и к 2021 г. она составила почти 52 тыс. руб.

Инвестиции в основной капитал в сфере строительства также ежегодно увеличиваются, максимального значения, равного 869,4 млрд руб., показатель достигает в 2021 г. (рис. 6). Удельный вес инвестиций в строительной отрасли в общем объеме инвестиций в основной капитал в экономике в период 2017–2021 гг. находится в диапазоне 3,2–3,8 %².

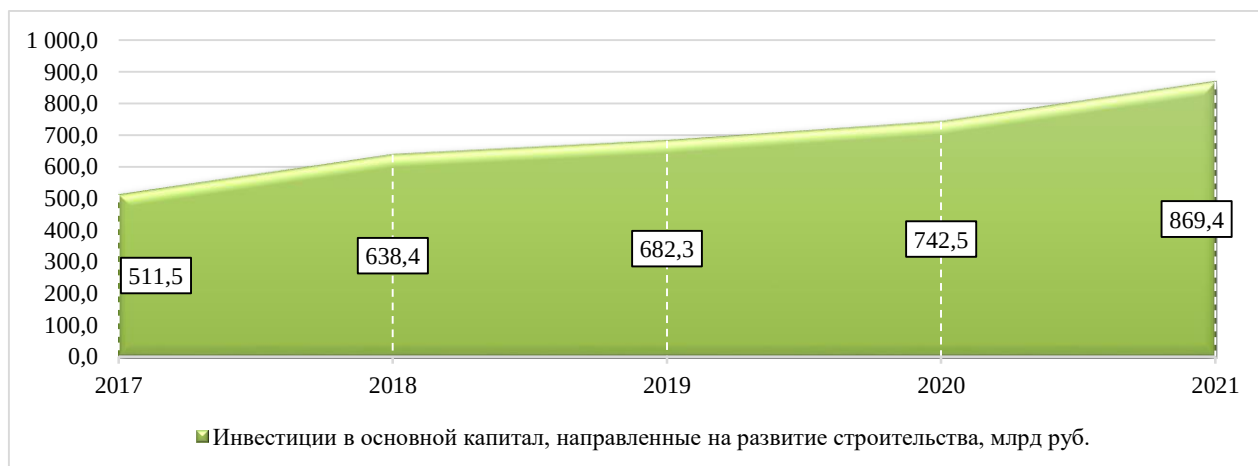


Рис. 6. Динамика инвестиций в основной капитал, направленных на развитие строительства в России

Fig. 6. Dynamics of investments in fixed assets aimed at the development of construction in Russia

Для успешного развития строительной отрасли в государстве требуются основные фонды, данные по динамике которых представлены на рис. 7³.

¹ Строительство в России. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 148 с.

² Там же.

³ Там же.

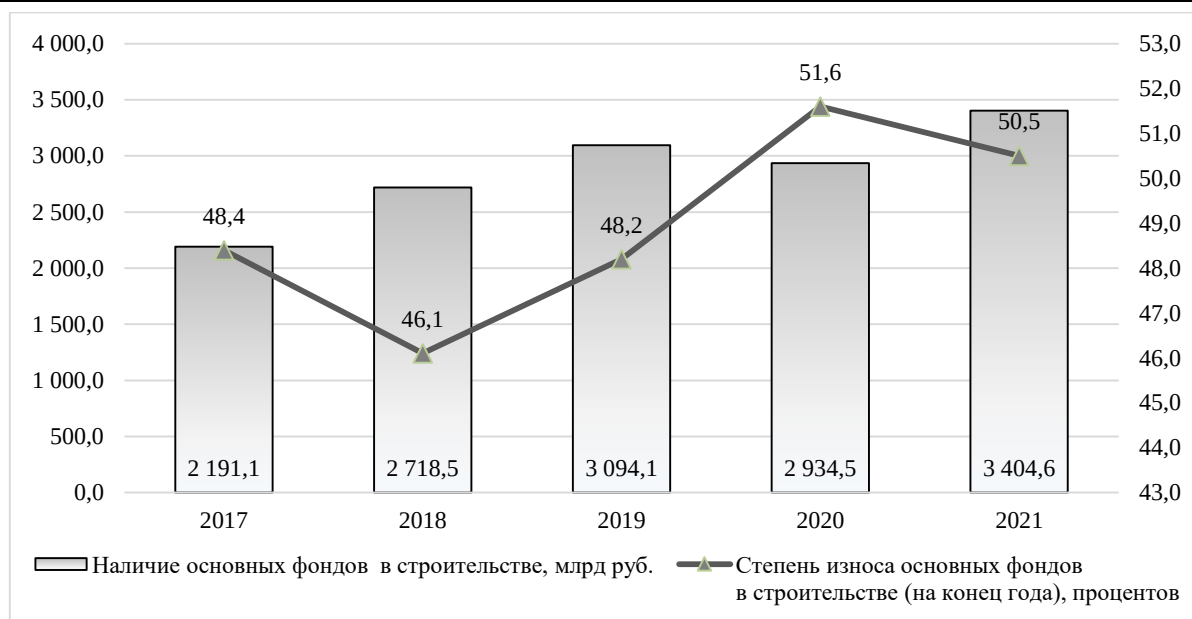


Рис. 7. Наличие основных фондов и степень их износа в отрасли строительства

Fig. 7. Availability of fixed assets and the degree of their depreciation in the construction industry

В строительной сфере в 2021 г. введено в действие основных фондов на сумму 556 млрд руб. Несмотря на рост стоимости основных фондов наблюдается их старение. В сфере строительства основные фонды характеризуются начиная с 2020 г. высоким уровнем износа, который превышает 50 %. В среднем по экономике же в РФ коэффициент износа основных фондов в 2021 г. составил 40,5 %.

Основными параметрами, характеризующими эффективность деятельности строительных организаций с экономической точки зрения, выступают финансовый результат и рентабельность (рис. 8)¹.

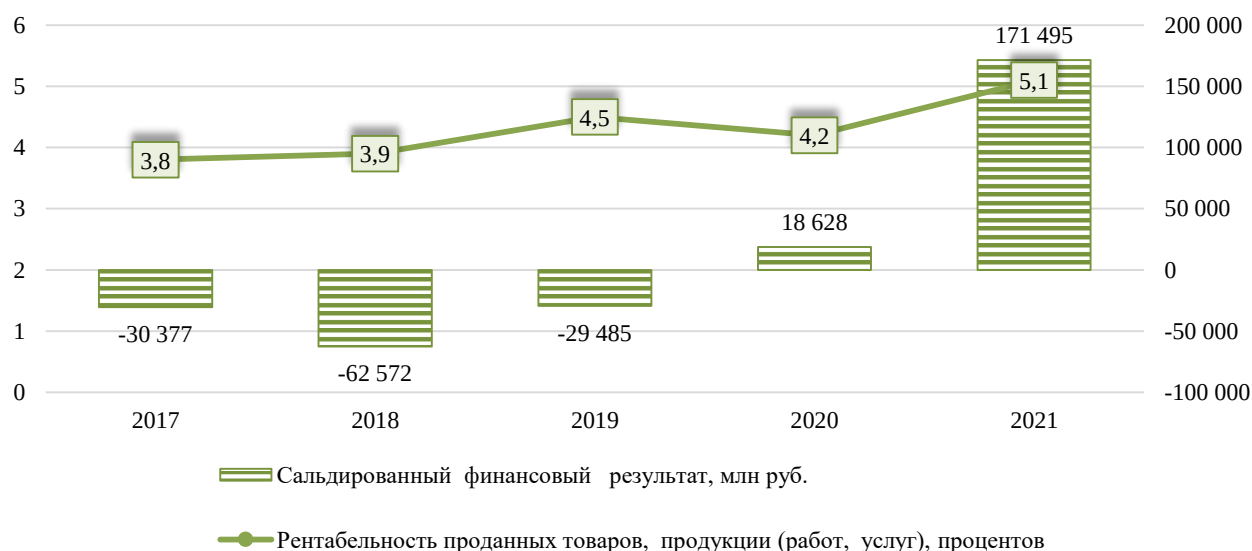


Рис. 8. Динамика финансовых показателей эффективности деятельности строительных организаций

Fig. 8. Dynamics of financial performance indicators of construction organizations

¹ Строительство в России. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 148 с.

Данные рисунка демонстрируют, что за анализируемый период финансовая ситуация в отрасли улучшилась, по данным за 2021 год сумма прибыли, полученная строительными организациями, составила 171 млрд руб., рентабельность установилась на уровне 5,1 %. Этот показатель ниже, чем в среднем по экономике (14,7%).

В этой связи на государственном уровне большое внимание уделяется развитию строительства. В Стратегии развития строительной отрасли в РФ заложены достаточно амбициозные показатели на перспективу (табл. 2)¹.

Таблица 2 – Некоторые целевые показатели развития отрасли строительства в соответствии с базовым сценарием Стратегии

Table 2 – Some target indicators for the development of the construction industry in accordance with the basic scenario of the Strategy

Показатели Стратегии	2021 г.	2035 г.
Объем жилищного строительства (в год), млн м ²	92,6	120
Обеспеченность населения жильем, м ² на человека	27,8	36,7
Объем гражданского и промышленного строительства (административные, коммерческие, социальные и другие объекты, кроме жилья), млн м ²	34	36
Индекс физического объема валовой добавленной стоимости по виду экономической деятельности "Строительство" к 2021 г., %	100	146,4
Численность занятых в строительной отрасли, тыс. чел.	6496	7294
Снижение доли фальсифицированных строительных материалов, используемых при строительстве объектов, %	-	80
Снижение доли импортируемых строительных материалов, используемых при строительстве объектов, %	-	50

Объем финансирования программ, заложенных в Стратегии до 2030 г., составляет около 150 трлн руб., планируемый объем поступлений в бюджет 30 трлн руб. Достижению целевых показателей будет способствовать решение проблем, которые стоят перед строительной сферой, к важнейшим из которых является проблема финансового обеспечения.

Вопросы привлечения и оптимизации финансовых ресурсов являются актуальными для организаций любой сферы деятельности, но для строительной отрасли они выходят на первый план и могут быть решены посредством эффективного управления финансовыми ресурсами.

Повышению эффективности управления финансовыми ресурсами способствует внедрение системы проектного управления. В рамках данной системы реализуется подход проектного финансирования, который обычно применяется при внедрении крупных инфраструктурных проектов в условиях высокого риска и большого количества участников, что в действительности и осуществляется в строительной отрасли.

Как научная категория проектное финансирование определяется как «способ привлечения заемных финансовых ресурсов на долгосрочной основе посредством «финансового инжиниринга», основанного на заимствовании под денежный поток, генерируемый самим проектом, затрагивая все аспекты его разработки и реализации договорных соглашений» [1].

Ряд ученых рассматривают проектное финансирование как мульти инструментальный и сложноструктурированный механизм привлечения финансовых средств, реализуемый в установленных законодательных, организационных и экономических рамках взаимодействия всех участвующих в проекте субъектов с четким распределением между ними рисков и доходов, возврат которых обеспечивают будущие денежные потоки проекта [2-4].

В строительной сфере механизм проектного финансирования заменил собой договора долевого участия, которые ранее активно применялись в России. Ситуация с долевым строительством постепенно начала обостряться, вызывая экономические и социальные проблемы (обманутые дольщики, выведенные за рубеж и в офшоры средства строительных компаний в результате

¹ Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 N 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430333/

мошеннических схем, рост числа объектов незавершенного строительства, срывы сроков строительства и др.). Так, по данным на начало 2018 г. в стране насчитывалось 1260 недостроенных домов для более 80 тыс. дольщиков.

Для исправления данной ситуации в 2019 г. на государственном уровне были введены меры, связанные с изменением законодательства, регулирующего финансовые взаимоотношения между субъектами в строительной сфере. Теперь граждане, желающие приобрести жилье у застройщика, вносят денежные средства на специальный эскроу-счет в банке. Уполномоченный банк контролирует процесс строительства и по его завершении передает средства с эскроу-счетов застройщику. Если же у застройщика недостаточно собственных средств для реализации строительного проекта банк осуществляет его кредитование. Схематично движение финансовых средств с использованием проектного финансирования в строительной сфере представлено на рис. 9.

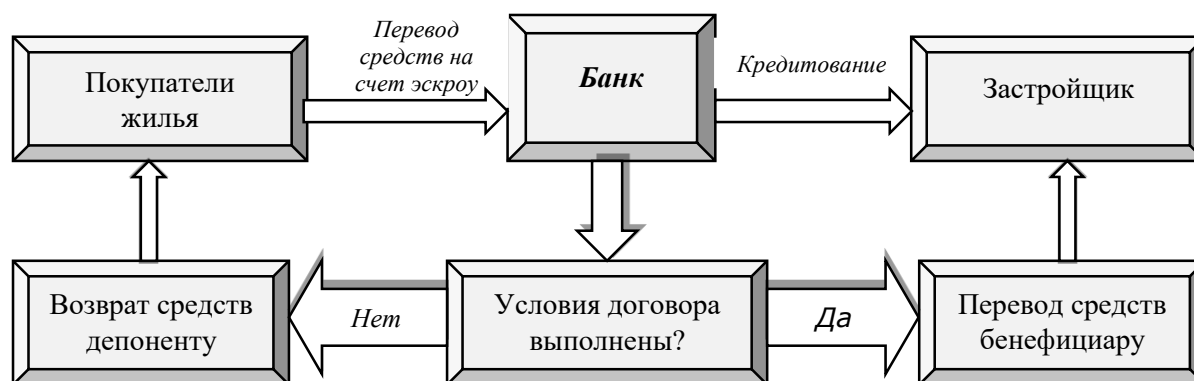


Рис. 9. Схема реализации проектного финансирования в строительной сфере

Fig. 9. Scheme for the implementation of project financing in the construction industry

Применение в данной схеме эскроу-счетов выступает инструментом защиты покупателей жилья-участников долевого строительства. Так, например, они в случае банкротства застройщика могут забрать свои денежные средства со своего счета. При этом, как и другие банковские вклады, средства на эскроу-счетах застрахованы Агентством по страхованию вкладов. В случае банкротства банка по эскроу-счетам гарантированно будут произведены выплаты в размере до 10 млн руб. (предельная страховая сумма по обычным депозитам в банках составляет 1,4 млн руб.). Срок страхования средств на эскроу-счетах равен сроку с момента их размещения и до официальной передачи построенного объекта по договору купли-продажи [5].

Застройщики при проектном финансировании и использовании эскроу-счетов в строительной сфере также получают ряд преимуществ: к ним не применяются правила об обязательном страховании гражданской ответственности или о банковском поручительстве.

При проектном финансировании потребности застройщика в заемных средствах могут быть обеспечены в размере до 85 % от бюджета проекта. Сумма кредита зависит от схемы финансирования и определяется по результатам оценки финансовой модели проекта. Проектное финансирование смогут получить только застройщики, которые соответствуют определенным требованиям банка.

Данные Единой информационной системы жилищного строительства (ЕИСЖС) показывают, что в объемах строящегося в России жилья примерно 67 % составляет жилье, которое будет оплачено с эскроу-счетов, от общего количества работающих в строительной сфере застройщиков проектное финансирование применяют около 75 % компаний. По данным информационной платформы Банка ДОМ.РФ средства эскроу-счетов, размещенные в банках позволяют им предоставлять кредиты застройщикам по более низким ставкам, снижение от обычной кредитной ставки составляет 1,8–4,3 %.

Нельзя однозначно сказать, что именно проектное финансирование с использованием эскроу-счетов стало основным драйвером роста в строительной сфере, так как в последние годы

Правительством страны были приняты меры по поддержке строительного рынка, связанные с внедрением программ льготной ипотеки на новостройки, материнского капитала, погашения ипотечных кредитов в размере 450 тыс. руб. семьям с тремя и более детьми. Но следует отметить, что механизм проектного финансирования позволил привлечь большее количество дольщиков, так как граждане получили уверенность, что их средства вложенные в строительство, будут сохранены.

Это подтверждается данными приведенными на рис. 10, демонстрирующими рост за 4 года объемов средств на эскроу-счетах до 3,1 млрд руб.¹

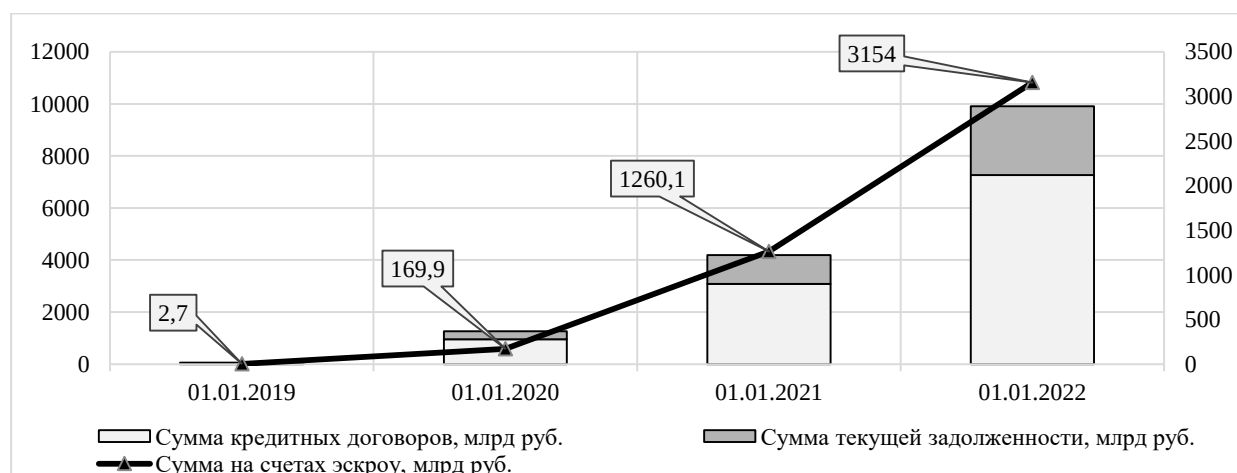


Рис. 10. Динамика объемов средств проектного финансирования в строительной сфере с использованием эскроу-счетов

Fig. 10. Dynamics of the volume of project financing in the construction industry using escrow accounts

На конец 2022 г. количество эскроу-счетов в России составило более 699 тыс., а объем денежных средств, размещенных участниками долевого строительства на счетах, превысил 4,1 трлн руб.

Регионами-лидерами по вводу построенного жилья с использованием механизма проектного финансирования стали в 2022 г. Москва, Санкт-Петербург, Тюменская, Московская, Ленинградская, Ростовская области, Краснодарский край, Республика Татарстан. Среди банков, лидерами по объемам средств, размещенных на эскроу-счетах, являются Сбербанк, Банк ВТБ, Банк ДОМ.РФ, Банк ФК Открытие, Россельхозбанк, Газпромбанк, Альфа-банк. Первую строку лидеров занимает Сбербанк с объемом средств на эскроу-счетах более 1517 млрд руб., на втором месте Банк ВТБ с объемом средств 564 млрд руб., на третьем Банк ДОМ.РФ с объемом 272 млрд руб. По данным Банка ДОМ.РФ в 2022 г. объем средств с эскроу-счетов в размере 160 млрд руб. был направлен на оплату построенного жилья площадью 2,6 млн кв. м. Это показатели в банке превышают в 3 раза значения 2021 г. [6]

К основным преимуществам проектного финансирования в строительной сфере можно отнести следующие:

- создание условий для максимальной защиты прав и интересов участников долевого строительства;
- упорядочение финансового взаимодействия позволяет определить субъектов, действительно способных и заинтересованных в реализации строительных проектов;
- прозрачность финансового взаимодействия создает возможность для привлечения бюджетных средств на условиях государственно-частного партнерства;
- возможность выделения инвестиционного, строительного, финансового блоков в инвестиционно-строительном цикле реализации проекта позволяет оптимизировать взаимоотношения субъектов, направления финансовых средств и перераспределить риски.

¹ Финансирование долевого строительства // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации URL: https://cbr.ru/banking_sector/equity_const_financing/#t1

Несмотря на упорядочение взаимоотношений на строительной рынке, связанное с применением механизма проектного финансирования, его субъекты несут определенные риски. Так, для девелоперов сохраняются риски выбора проекта и места его реализации не соответствующего финансовым возможностям, отвлечения финансовых средств проекта на другие потребности, что приводит к дефициту финансирования работ по проекту. Данные риски могут быть компенсированы детальным анализом конъюнктуры рынка на предпроектной стадии (спрос, предложение, цены на строительные материалы, прогнозирование роста расходной части проекта и т.п.), проведением экспертизы проектно-сметной документации, усиление контроля за ходом строительных работ, объемами расходов, соблюдением сроков строительства для сокращения накладных расходов, применением грамотного подхода к финансированию проекта на основе профессионально разработанного бизнес-плана с мониторингом его эффективности на всех стадиях жизненного цикла [7].

Риски для застройщиков при применении проектного финансирования связаны с тем, что стоимость построенного жилья у них несколько выше из-за привлечения заемного капитала для финансирования строительства, чем у застройщиков, использующих «живые» деньги дольщиков, чем снижается их конкурентоспособность. Эта ситуация влияет также на показатели рентабельности и финансовой устойчивости строительной компании, а также на повышение зависимости от банковского сектора. Эти риски могут быть нивелированы использованием различных каналов привлечения финансовых ресурсов для реализации проектов или совершенствованием существующей практики использования средств эскроу-счетов.

В этой связи можно использовать опыт зарубежной практики долевого строительства. Так, например, в Германии применяется подход, при котором застройщик в соответствии с графиком выполнения отдельных этапов строительных работ использует частями средства дольщиков. На этапе подготовки земельного участка привлекаются до 30 % средств клиентов, после его завершения и письменного уведомления в этом дольщиков производится взнос на строительство здания (около 40 % средств), остальные средства привлекаются частями после завершения других этапов работ [8].

Опираясь на этот опыт, можно предложить поэтапное использование средств с эскроу-счетов, закрепив законодательно промежуточные этапы в реализации строительного проекта (нулевой цикл, возведение здания, устройство инженерных коммуникаций, отделочные работы, благоустройство территории). Размер доли средств эскроу-счетов, приходящийся на каждый этап строительных работ, может коррелировать с их затратными долями в общем объеме расходной части бюджета строительного проекта. Внесение изменений в законодательство в части указанного предложения позволит защитить права застройщиков, а также повысить эффективность их деятельности.

Дольщики также несут определенные риски при использовании эскроу-счетов. Так, если застройщик будет признан банкротом, средства дольщиков банки им вернут. Но для приобретения другого жилья в условиях роста цен, этих средств с большой вероятностью им уже будет недостаточно. При банкротстве банка, дольщик внесший на эскроу-счет более 10 млн руб. потеряет превышающую разницу. Эта ситуация вынуждает дольщиков мониторить состояние банков.

При все большем расширении применения проектного финансирования существуют и определенные риски для экономики строительной отрасли в целом. Данный подход не доступен для малых и средних компаний-застройщиков, и они постепенно будут вытесняться с рынка крупными игроками, при этом объемы и темпы строительства могут сократиться. В этой связи на государственном уровне необходимо принятие мер поддержки МСП строительной отрасли для обеспечения возможностей их участия в проектом финансировании [9-10].

Применение проектного финансирования вызывает необходимость привлечения застройщиком средств на реализацию проекта. При этом источник финансирования должен оцениваться в первую очередь по критерию оптимальной стоимости привлечения капитала, а затем должны уже учитываться и другие факторы [11].

Самый распространенный источник привлечения финансирования при реализации проектов в строительной сфере – это банковские кредиты. Привлечение этого источника финансирования обеспечивает не только финансовые возможности осуществления строительства, но контроль за их целевым использованием. Однако, это довольно «дорогой» источник привлечения капитала и в текущих экономических условиях в стране на фоне санкционной политики ощущается нехватка

«длинных» денег, которую банковский сектор не может удовлетворить, поэтому крайне необходимо привлечение средств частных инвесторов.

В этой связи следует рассмотреть возможные не банковские источники привлечения финансового обеспечения в строительную сферу. Таким источником могут выступать облигации, которые следует подразделить по направлениям и способам привлечения средств на проектные, корпоративные и инфраструктурные.

Возможность привлечения инвестиций для реализации различных проектов путем выпуска облигаций законодательно закреплена в России с 2013 г. Проектные облигации являются долгосрочным инструментом, примерно 80% объема их выпуска со сроком обращения более 10 лет. Они обычно полностью погашаются в конце срока обращения. Созданные специализированные общества проектного финансирования (СОПФ) составили основу конструкции обращения проектных облигаций. СОПФ могут обеспечивать возможность долгосрочного финансирования инвестиционных проектов путем осуществления эмиссии облигаций и предоставления займов. Однако, первый выпуск проектных облигаций состоялся только в 2019 г. СОПФ «Фабрика проектного финансирования» выпустила проектные облигации на 10 млрд руб. под гарантии Министерства финансов РФ и залог прав требований в рамках реализуемых проектов. В 2021 г. СОПФ «Инфраструктурные облигации» осуществило два выпуска проектных облигаций на сумму 20 млрд руб. Планируется, что дальнейшее развитие этого механизма привлечения финансирования в реализацию проектов позволит привлечь средства инвесторов на сумму 300 млрд руб., которые будут обеспечены гарантиями и в т. ч. со стороны Фонда национального благосостояния РФ.

Средства облигационных займов будут направляться в сферу жилищного строительства и реализации инфраструктурных проектов, осуществляемых на условиях государственно-частного партнерства. Проектные облигации позволяют снизить стоимость привлечения капитала для реализации проектов по сравнению со средней стоимостью на 3-4 %.

В целях привлечения средств для реализации строительного проекта застройщик может использовать механизм корпоративного облигационного займа. Но этот способ финансирования возможен для компаний строительной сферы с хорошей репутацией добросовестного застройщика [12].

Выпуск корпоративных облигаций для застройщиков является обоснованным в случае, если привлечение средств будет более оптимальным по сравнению с банковским кредитом (по ставкам, срокам и другим условиям). Как показывает отечественная практика размещения корпоративных облигаций застройщиками, стоимость привлечения финансирования в этом случае им обходится по ставке от 8,5 до 10 %. Кроме более низкой стоимости привлечения капитала, девелоперы и застройщики получают при выпуске облигаций прирост капитализации компании, что существенно сказывается на рейтинговой оценке их финансового положения.

Также, корпоративные облигации субъектов строительной сферы, размещенные на отечественном долговом рынке, обладают одним из лучших соотношений между риском и доходностью [13].

К основным преимуществам привлечения финансирования в строительную сферу через механизм корпоративных облигаций являются:

- использование надежного источника диверсификации привлекаемого потока финансовых средств, снижающего зависимость от банковского кредитования при проектном финансировании;
- возможность формирования схемы привлечения финансового обеспечения на собственных условиях;
- отсутствие жесткого контроля по целевому использованию привлеченных средств позволяет застройщику направлять их на решение наиболее насущных задач в текущей деятельности (на рефинансирование текущего долгового портфеля, финансирование стартовых затрат проектов, приобретение новых площадок и т.п.);
- возможность привлечения средств на более длительный срок по сравнению с проектным финансированием и отсутствие необходимости погашать «тело» долга в течение срока реализации проекта, тем самым постоянно отвлекая часть средств из оборота;
- наличие государственной поддержки для субъектов МСП строительной сферы при выпуске ими корпоративных облигаций в части субсидирования 70 % купонных выплат, до 2 % затрат при размещении облигаций (но не более 1,5 млн руб.), предоставления гарантийной поддержки через Корпорации МСП.

Еще одной формой привлечения финансирования в строительной сфере являются инфраструктурные облигации, выпуск которых обусловлен тем, что в современных условиях реализации строительных проектов существует необходимость инфраструктурного обеспечения построенных объектов (благоустройство территорий и улично-дорожной сети, строительство паркингов, котельных, подстанций и прочей инженерной инфраструктуры). Данный источник финансирования может быть реализован как самим застройщиком, так и на условиях государственно-частного партнерства. При этом погашение займа может производиться полностью после завершения проекта или для погашения может применяться механизм концессии. Здесь также применяются гарантии государства, в чем сильно заинтересованы инвесторы. Это позволяет осуществлять строительные проекты на территориях со слабо развитой инфраструктурой, что способствует увеличению объемов строительства, а также удерживать рост цен на построенные объекты, обеспечивая их доступность для покупателей.

Несмотря на наличие значительных преимуществ облигаций как источника привлечения финансирования в строительные проекты они не лишены недостатков. Главным из них для застройщиков является неразвитость рынка облигаций в России, особенно среди такой категории частных инвесторов как население. Среди недостатков облигационных займов для инвесторов следует отметить их сравнительно низкую доходность (облигации являются хорошим способом сохранения капитала, но не лучшим способом его приумножения), наличие отложенного срока в получении дохода, отсутствие механизма страхования инвестиций.

Одним из современных способов привлечения финансовых средств выступает краудфандинг, позволяющий аккумулировать средства частных инвесторов для реализации проекта. Этот инструмент реализуется через онлайн-привлечение средств населения на специально созданной интернет-площадке. Подходы по инвестированию в краудфандинге можно проиллюстрировать на примере крупнейшей американской площадки Kickstarter. Производится сбор средств на реализацию проекта до момента формирования полной суммы заявленного объема финансирования и только после этого они передаются инициатору проекта. Если же полный объем средств не удастся собрать, деньги возвращаются инвесторам. Площадка функционирует на условиях 5 % комиссии от объема инвестиций. Краудфандинговые площадки функционируют и в России («Биржа идей» Сбербанк, Planeta.ru, Boomstarter, SmartMarket.net и др.).

В краудфандинге существует механизм краудлендинга, который чаще всего используется для финансирования строительных проектов и организуется как площадка на базе коммерческого банка. Предоставление финансирования посредством краудлендинга осуществляется инвесторами по принципу кредитования, интернет-платформа в этой ситуации выступает одновременно посредником и гарантом сделки. Краудлендинг обеспечивает оперативность и доступность получения денежных средств заемщиком (при соответствии условиям инвестора) и документальное оформление всех условий кредитного договора на основе действующего законодательства.

Финансирование проектов осуществляется поэтапно. Вначале строительный проект регистрируется на краудфандинговой (краудлендинговой) площадке, производится его проверка, оценка эффективности. В результате для потенциальных инвесторов формируется информация о застройщике, проекте, размерах и сроках привлекаемого финансирования и др. После этого производится прием средств от инвесторов. Затем реализуется этап предоставления средств застройщику (краудлендинговое кредитование) и реализации проекта. Возврат средств производится с учетом начисленных процентов [14].

Преимуществом краудлендинга как способа финансирования в строительство является доступность и скорость привлечения средств. Однако, высокая стоимость их привлечения в данной ситуации требует тщательного анализа целесообразности применения такого инструмента [15].

Основными недостатками для застройщиков в применении краудлендинга являются высокие процентные ставки (отечественные краудлендинговые площадки предлагают финансирование под 25-30 %) и короткий срок привлечения средств (примерно 1-3 года). Для инвесторов, несмотря на потенциально высокий доход на вложения, недостатки краудлендингового инвестирования связаны в основном рисками. Заемщики проверяются только по скорингу и кредитной истории, без тщательной проверки, которую делает банк. По предоставленной платформе информации невозможно судить о прозрачности бизнеса заемщика, составляемые площадками рейтинги заемщиков зачастую субъективны. Также существует риск потери платформой данных, ее банкротства или ухода с рынка.

В качестве следующего источника привлечения средства для финансирования строительных проектов и в настоящее время крайне незадействованного следует привести инвестиционные возможности крупных фондов, к которым в России относятся пенсионные и паевые инвестиционные фонды. Так, на счетах отечественных НПФ сосредоточено более 4,4 трлн руб., российские ПИФы располагают объемом активов в 4,8 трлн руб. При этом вложения отечественных НПФ в основном сосредоточены в государственных ценных бумагах, корпоративных облигациях, акциях организаций нефтегазовой, машиностроительной и транспортной отраслей. ПИФы в большей части инвестируют в ценные бумаги, на долю инвестиций в недвижимость приходится только 17 %. В зарубежных странах крупные фонды являются серьезными игроками на финансовом рынке и выступают основными инвесторами строительных проектов. В России же инвестиционные возможности НПФов и ПИФов в этой сфере законодательно ограничены и не урегулированы. Решение этой проблемы позволило бы открыть новый источник финансирования в строительном секторе, придать ему серьезный импульс развития и увеличить инвестиционную активность крупных фондов.

В качестве «хорошо забытой», но возможной к возрождению формы привлечения финансирования с строительную сферу следует отметить жилищно-строительные и жилищно-накопительные кооперативы. В настоящее время они функционируют только на условиях участия в жилищных программах с государственной поддержкой. Пайщики такого ЖСК (определенные категории граждан (врачи, учителя, молодые ученые, военные и др.), включенные в программы льготного приобретения жилья) бесплатно получают земельный участок под долевое строительство. Они приобретают паи за собственные средства. Экономия на стоимости квартиры на данных условиях составляет до 60 %.

Таким образом, проведенный анализ тенденций развития строительной отрасли в России показал, что она успешно вышла из кризисной ситуации, вызванной пандемией коронавируса и демонстрирует к настоящему времени экономический рост. Эти тенденции напрямую связаны с реформированием системы взаимоотношений субъектов строительной сферы и постепенным переходом к проектному финансированию. Объемы средств, привлеченных в рамках проектного финансирования на эскроу-счета за последние 5 лет составили более 4,1 трлн руб. Это обусловлено преимуществами проектного финансирования в строительной сфере, связанными с созданием условий для максимальной защиты прав и интересов участников долевого строительства и упорядочение их финансового взаимодействия. Однако, данный механизм не лишен определенных недостатков и рисков, требует дальнейшего совершенствования в части возможностей поэтапного использования средств эскроу-счетов. Потенциал в привлечении дополнительных и диверсифицирующих основной источник средств в качестве проектного финансирования в строительной отрасли заложен в возможностях применения проектных, корпоративных и инфраструктурных облигаций, краудлендинге, использовании средств крупных отечественных фондов, возрождении практики жилищных кооперативов. Выбор соответствующего источника финансового обеспечения реализации проектов в строительной сфере должен быть обусловлен оценкой их преимуществ и недостатков, расчетами цены привлечения капитала в разрезе отдельных источников, текущими потребностями и возможностями субъектов строительной отрасли.

Список источников

1. Йескомб Э. Р. Принципы проектного финансирования. М.: Альпина-Паблишер, 2015. 408 с.
2. Никонова И. А. Развитие проектного финансирования в России // Современные технологии управления. 2012. № 7(19). С. 8-13.
3. Вахрушев Д. С., Гаилов Т. С. Проектное финансирование как перспективный инструмент реализации инфраструктурных проектов в условиях ограничения доступа к зарубежному фондированию // Интернет-журнал Науковедение. 2016. Т. 8. № 4(35). С. 26.
4. Кабушкин С. Н., Никонорова М. Е. Особенности проектного финансирования как метода финансового и организационного обеспечения реализации инвестиционного проекта // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2022. № 6. С. 52–60.

5. Грабовый П. Г., Манухина Л. А., Буданов И. В. Особенности проектного финансирования инвестиционно-строительных проектов жилищной недвижимости: проблемы, риски, прогноз // Недвижимость: экономика, управление. 2019. № 4. С. 6–12.
6. Авраменко И. Е. Особенности развития проектного финансирования строительной отрасли в России // Академическая публицистика. 2022. № 7-1. С. 66–72.
7. Масаев В. Ю., Котова Т. В. Риски проектного финансирования инвестиционно-строительных программ // Алтайский вестник Финансового университета. 2018. № 3. С. 92–97.
8. Тулебердиев А. Т. Зарубежный опыт финансирования проектов жилищного строительства // Вестник Кыргызского экономического университета им. М. Р. Рыскулбекова. 2020. № 2(49). С. 91–92.
9. Зуева К. А. Развитие института проектного финансирования в сфере жилищного строительства в Российской Федерации: тенденции и потенциальные риски // Актуальные проблемы права. 2019. № 6. С. 50–56.
10. Ковалевская Н. Ю. Управление инвестиционно-строительными проектами в условиях проектного финансирования // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-investitsionno-stroitelnyimi-proektami-v-usloviyah-proektnogo-finansirovaniya> DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(2).10.
11. Соколова А. А. Источники финансирования деятельности строительных компаний в условиях нововведений в законодательстве, защищающих интересы дольщиков // Скиф. 2020. № 7 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-finansirovaniya-deyatelnosti-stroitelnyh-kompaniy-v-usloviyah-novovvedeniy-v-zakonodatelstve-zaschischayuschih-interesy>
12. Безруких О. А., Абмаева Е. М. Анализ и оптимизация структуры источников финансирования компании инвестиционно-строительной сферы // Молодежный вестник ИрГТУ. 2021. Т. 11. № 2. С. 118–124.
13. Афанасьев А. С., Клейменова Л. В. Корпоративные облигации девелоперов как дополнительный источник фондирования в условиях проектного финансирования долевого жилищного строительства // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 2(44). С. 9–15. DOI 10.18324/2224-1833-2021-2-9-15.
14. Садыкова А. И., Курманова Л. Р. Реализация механизма проектного финансирования жилищного строительства в современных условиях // Экономика и предпринимательство. 2019. № 10(111). С. 1029–1032.
15. Бакиева М. Ю. Краудинвестинг как перспективный инструмент финансирования инновационной деятельности строительных организаций // Инновационная деятельность. 2021. № 2(57). С. 92–105.

References

1. Yescomb E.R. *Principles of project financing* Moscow: Alpina-Publisher; 2015.408 p. (In Russ.)
2. Nikonova I. A. Development of project financing in Russia. *Sovremennye tekhnologii upravleniya = Modern management technologies*. 2012; 7(19): 8–13. (In Russ.)
3. Vakhrushev D. S., Gaibov T. S. Project finance as a perspective tool for implementation of infrastructure projects in the conditions of limited access to foreign funding. *Internet-zhurnal Naukovedenie = Online journal "Science Studies"*. 2016; 8(4(35)): 26. (In Russ.)
4. Kabushkin S. N., Nikonorova M. E. Peculiarities of Project Financing as a Method of Financial and Organizational Support for the Investment Project Implementation. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Belarusian State Economic University*. 2022; (6):52–60. (In Russ.)
5. Graboviy P. G., Manukhina L. A., Budanov I. V. Features of project financing of investment and construction projects of housing real estate: problems, risks, forecast. *Nedvizhimost': ekonomika, upravlenie = Real Estate: Economics, Management*. 2019; (4): 6–12. (In Russ.)
6. Avramenko I. E. Features of the development of project financing of the construction industry in Russia. *Akademicheskaya publitsistika = Academic journalism*. 2022; (7-1): 66–72. (In Russ.)
7. Masaev V. Yu., Kotova T. V. Project financing risks of investment and construction programs. *Altaiiskii vestnik Finansovogo universiteta = Altai Bulletin of the Financial University*. 2018; (3): 92–97. (In Russ.)

8. Tuleberdiev A. T. Foreign experience in financing housing construction projects. *Vestnik Kyrgyzskogo ekonomicheskogo universiteta im. M.R. Ryskulbekova = Bulletin of the Kyrgyz Economic University. M.R. Ryskulbekov.* 2020; 2(49): 91-92. (In Russ.)
9. Zueva K. A. Development of the institution of project financing in the field of housing construction in the Russian Federation: trends and potential risks. *Aktual'nye problemy prava = Actual problems of law.* 2019; (6): 50-56. (In Russ.)
10. Kovalevskaya N. Yu. Management of investment and construction projects in terms of project financing. *Baikal Research Journal.* 2021; Vol. 12 (2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-investitsionno-stroitelnyimi-proektami-v-usloviyah-proektnogo-finansirovaniya> DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(2).10. (In Russ.)
11. Sokolova A. A. Sources of financing for construction companies in the context of innovations in legislation that protect the interests of shareholders *Skif.* 2020;7(47). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-finansirovaniya-deyatelnosti-stroitelnyh-kompaniy-v-usloviyah-no-vovvedeniy-v-zakonodatelstve-zaschischayuschih-interesy> (In Russ.)
12. Bezrukikh O. A., Abayeva E. M. Analysis and optimization of the structure of sources of financing of the investment and construction sector company. *Molodezhnyi vestnik IrGTU = Youth Bulletin of IrSTU.* 2021; 11(2): 118-124. (In Russ.)
13. Afanasyev A. S., Kleimenova L. V. Corporate bonds of developers as an additional source of funding the context of project financing of shared-equity housing construction. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of socio-economic development of Siberia.* 2021; 2(44): 9-15. DOI 10.18324/2224-1833-2021-2-9-15. (In Russ.)
14. Sadykova A. I., Kurmanova L. R. Implementation of the mechanism of project financing of housing construction in modern conditions. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship.* 2019; 10(111): 1029-1032. (In Russ.)
15. Bakieva M. Yu. Prospective directions of financing innovative activities of construction organizations. *Innovatsionnaya deyatelnost' = Innovative activity.* 2021; 2(57): 92-105. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. И. Проняева – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и экономическая безопасность» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.
 А. В. Павлова – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и экономическая безопасность» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.
 К. А. Суровнева – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и экономическая безопасность» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the authors

L. I. Pronyaeva – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Economic Security of Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA.
 A. V. Pavlova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Economic Security of Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA.
 K. A. Surovneva – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Economic Security of Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2023; одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 26.03.2023.

The article was submitted 04.03.2023; approved after reviewing 25.03.2023; accepted for publication 26.03.2023.

Научная статья

УДК 369.04

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-157-166

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Юлия Юрьевна Садовникова¹, Юлия Александровна Машченко²,
Людмила Николаевна Тимейчук²

^{1,2,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹julia-js16@mail.ru

²yulia-maschenko@yandex.ru

³timeichuk@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления финансирования мер социальной защиты семей с детьми в Российской Федерации. Проведен анализ финансовых инструментов социально-демографической политики, направленных на повышение качества и уровня жизни семей с детьми. Особенно актуальным является вопрос о необходимости повышения эффективности бюджетных расходов в сфере социальной защиты граждан при предоставлении мер социальной поддержки.

Ключевые слова: финансовое обеспечение, социальная защита, социальная поддержка, финансовые меры, семья с детьми, социальные расходы

Для цитирования: Садовникова Ю. Ю., Машченко Ю. А., Тимейчук Л. Н. Совершенствование мер финансового обеспечения социальной защиты семей с детьми в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 157–166. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-157-166>

Problems of Economics

Original article

IMPROVEMENT OF FINANCIAL SUPPORT MEASURES FOR SOCIAL PROTECTION OF FAMILIES WITH CHILDREN IN THE RUSSIAN FEDERATION

Julia Yu. Sadovnikova¹, Yulia A. Mashchenko², Lyudmila N. Timeychuk³

^{1,2,3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹julia-js16@mail.ru

²yulia-maschenko@yandex.ru

³timeichuk@mail.ru

Abstract. The article considers the main directions of financing measures of social protection of families with children in the Russian Federation. An analysis of the financial instruments of socio-demographic policy aimed at improving the quality and standard of living of families with children was carried out. Particularly relevant is the question of the need to increase the efficiency of budget expenditures in the field of social protection of citizens in the provision of social support measures.

Keywords: financial security, social protection, social support, fiscal measures, family with children, social expenses

For citation: Sadovnikova Ju. Yu., Mashchenko Yu. A., Timeychuk L. N. Improvement of financial support measures for social protection of families with children in the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):157–166. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-157-166>

Приоритетом национального развития Российской Федерации и также ключевым показателем эффективности государственной социально-экономической политики выступает обеспечение устойчивого воспроизводства населения страны, невозможное без повышения качества и уровня жизни семей с детьми. В современных российских условиях, характеризующихся кризисными социально-экономическими явлениями, которые обусловлены целым рядом геополитических и экономических факторов, особую значимость приобретают принципиально новые подходы при формировании государственной системы социальной защиты и поддержки детства и материнства, адекватной существующим угрозам. Приоритетное значение в существующих непростых экономических условиях имеет вопрос необходимости повышения эффективности финансирования мер социальной поддержки детства и материнства.

Социальная защита представляет собой многоуровневую систему экономических, организационно-правовых, медико-социальных, и иных мер, направленных на реализацию прав и свобод личности в области социального обеспечения, гарантированность достаточного уровня и качества жизни.

Российская система социальной защиты граждан включает 4 главных направления (рис. 1), каждое из которых обладает своими особенностями, функциями, структурами и методами. Реализация всех мер указанных направлений возложена государством на федеральные, региональные, муниципальные и местные органы власти и органы социальной защиты населения. Следовательно, социальная защита граждан в РФ реализуется как на государственном, так и негосударственном, частном, частно-партнерском уровнях и выражается в различных формах социальной помощи.

Меры социальной защиты и социального обеспечения выступают основным аргументом социально ориентированной деятельности российского государства. При этом источники финансирования являются основным инструментом поддержания финансовой стабильности социальной защиты населения. Важнейшим фактором стабильности финансирования социального обеспечения выступает преобладающая роль бюджетного сектора.



Рис. 1. Направления социальной защиты населения в РФ¹

Fig. 1. Directions of social protection of the population in the Russian Federation

¹ Составлена авторами по материалам исследования.

В соответствии со ст. 30 Федерального закона от 28.12.2013 N 442-ФЗ¹, основа финансового обеспечения российской системы социальной защиты, социального обеспечения и обслуживания населения носит многоуровневый и многоканальный характер и включает в себя бюджетные и внебюджетные государственные источники, а также негосударственные источники (взносы и пожертвования, плата при предоставлении социальных услуг потребителям, доходы от предпринимательской и иной деятельности, осуществляемой организациями социального обслуживания и др.). При этом в целях финансирования государственных социальных обязательств значительная часть средств с помощью межбюджетных трансфертов (дотаций, субвенций, субсидий, иных межбюджетных трансфертов) перераспределяется между элементами бюджетной системы [1, с. 141].

К государственным бюджетным источникам системы социальной защиты населения относятся: федеральный бюджет, бюджеты субъектов федерации, муниципальные бюджеты. К государственным внебюджетным источникам относят федеральные и территориальные государственные (региональные) внебюджетные фонды (пенсионный фонд, фонд социального страхования, фонд занятости, фонд обязательного медицинского страхования, территориальные фонды социальной поддержки населения). К негосударственным источникам принято относить частные, общественные благотворительные фонды. С 1 января 2023 г. начал работать единый Социальный фонд (СФР), объединивший два других фонда – Пенсионный (ПФР) и социального страхования (ФСС), и предоставляющий более 100 услуг населению.

Динамика средств государственных внебюджетных фондов (ГВНФ), затраченных на социальные обязательства, в 2020–21 гг. представлена в табл. 1. Можно отметить, что социальные траты составляют львиную долю (свыше 80 %) в общем объеме расходов бюджетов социальных фондов и за указанный период наблюдается их рост.

Таблица 1 – Динамика социальных расходов ГВНФ РФ за 2020-21 гг., млрд руб.²

Table 1 – Dynamics of social expenditures of the state extra-budgetary funds of the Russian Federation for 2020-21, billion rubles

Наименование	2020		2021	
	Утверждено, млрд руб.	Исполнено, млрд руб.	Утверждено, млрд руб.	Исполнено, млрд руб.
Социальная политика	10 828,55	10 622,76	11 702,14	11 296,10
Здравоохранение	2 367,57	2 359,08	2 595,93	2 568,10
Общегосударственные вопросы	150,39	144,89	154,57	146,24
Образование	0,24	0,20	0,21	0,17

С 2017 г. наблюдался рост объема расходов, предусмотренных на социальную сферу, который составил 30,8 % от бюджета страны. Данные тенденции продолжились и в последующий период, что наглядно отражено на рис. 2. В 2018 и 2020 гг. доля расходов из федерального бюджета по направлению «Социальная политика» составила свыше 30 % (33,53 % и 30,63 % соответственно). В структуре расходов бюджетной системы Российской Федерации по разделам функциональной классификации в 2020–2022 гг. основную долю занимают расходы на социальную политику (12,3 % от ВВП, в среднем, за 2020–2022 гг.). С 2021 г. доля социальных обязательств федерального бюджета немного снизилась – до 26,4 % по сравнению с 29,4 % в 2020 г. Данные о доле расходов по разделу «социальная политика» в структуре исполнения федерального бюджета свидетельствуют о дальнейшем незначительном снижении в 2022 г. (до 23,35 %) объема плановых издержек на выполнение социальных обязательств государства.

¹ Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» //СПС Консультант Плюс – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/

² Электронный бюджет //Сайт Единого портала Бюджетной системы Российской Федерации - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://budget.gov.ru/>

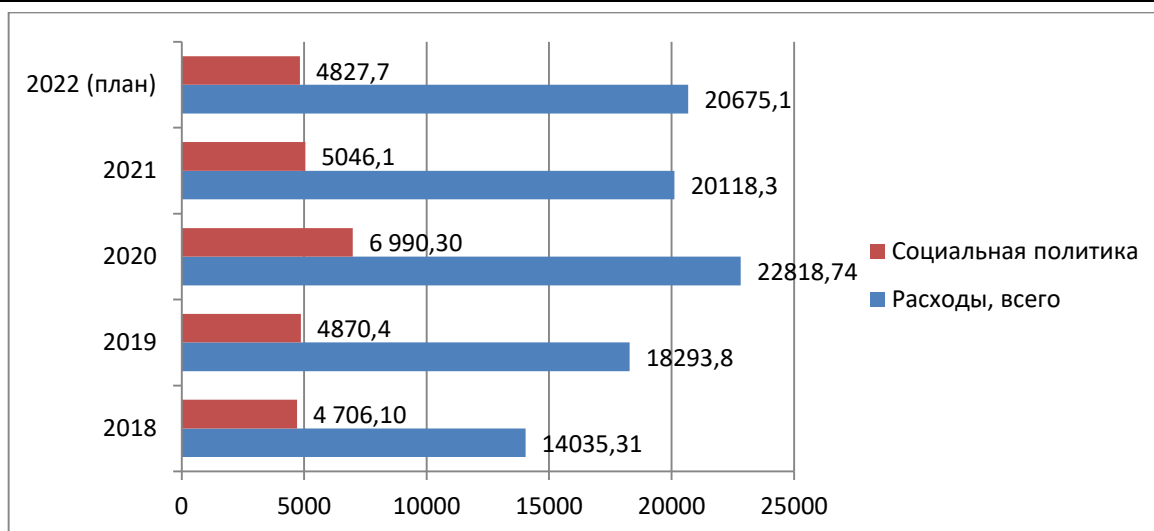


Рис. 2. Структура расходов федерального бюджета РФ в 2018-2022 г., млрд руб.¹

Fig. 2. Structure of expenditures of the federal budget of the Russian Federation in 2018-2022, billion rubles

Данные рис. 3 отражают структуру социальных расходов федерального бюджета в 2020–2021 гг., а также демонстрируют приоритет направления бюджетных расходов «Охрана семьи и детства», занимающих второе-третье место по выделяемым объемам средств. Изменение динамики по данным статьям бюджетных затрат можно связать со сложившейся ситуацией с COVID-19, поскольку были смещены приоритеты в виду необходимости направить средства на социальную поддержку населения, особенно семей с детьми.

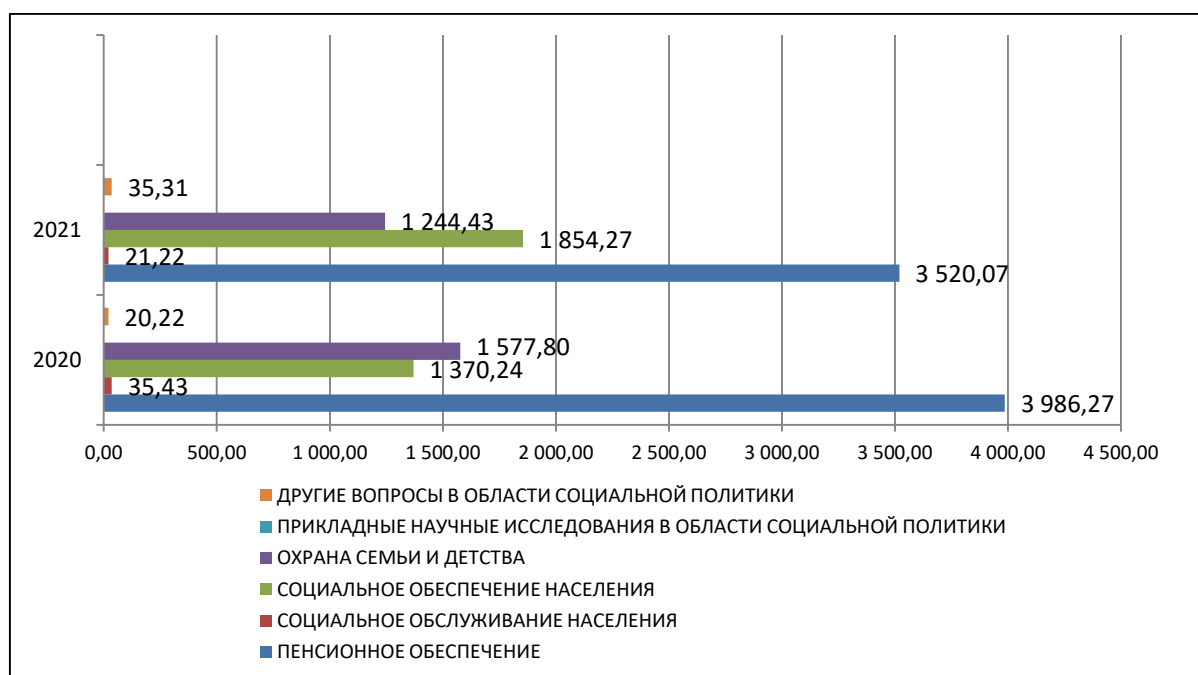


Рис. 3. Структура исполнения расходов федерального бюджета по разделу «Социальная политика» по расходам за 2020-21 гг., млрд руб.²

Fig. 3. Structure of execution of federal budget expenditures under the section "Social policy" on expenditures for 2020-21, billion rubles

¹ Составлено авторами по: Государственные программы Российской Федерации, Новое качество жизни [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://programs.gov.ru>

² Составлено авторами по: Электронный бюджет//Сайт Единого портала Бюджетной системы Российской Федерации - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://budget.gov.ru/>

Финансирование социальной сферы осуществляется также посредством использования программно-целевых инструментов, в частности, социальных государственных целевых программ. Сейчас в стране реализуется комплексное направление государственных программ «Новое качество жизни», включающее 10 программ [2]. Важнейшим инструментом, ориентированным на повышение уровня социального обеспечения различных граждан, находящихся в социально уязвимом состоянии, включая семьи с детьми, выступает государственная программа «Социальная поддержка граждан» на 2013-2024 годы. Она основана на принципах адресности, справедливости и нуждаемости включает в себя 6 подпрограмм, из которых подпрограмма «Обеспечение государственной поддержки материнства, детства и семьи» направлена на государственную поддержку семей с детьми и представляет собой финансовую помощь беременным женщинам, детям-сиротам, многодетным семьям.

Таким образом, вышеуказанные данные свидетельствуют о важности мер государственной поддержки в России уровня социальной обеспеченности населения, прежде всего детства и материнства.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации материнство и детство, семья находятся под особой защитой государства¹. Для обеспечения стабильности и достойного уровня жизни семей с детьми наиболее значимым механизмом социальной защиты детства и материнства является финансово-экономический механизм.

Меры социально-демографической политики, направленные на повышение рождаемости и социальной помощи семьям с детьми, в значительной части носят характер финансовой и материальной поддержки. По мнению ряда ученых, в настоящее время в РФ среди видов мер социальной поддержки семей с детьми преобладают формы денежных пособий (58,4 %) и предоставление различных услуг и прав/преимуществ на них (32,1 %).

К комплексу финансовых мер государственной социальной защиты детства и материнства, который реализуется в соответствии с российским законодательством с 2007 года, можно отнести следующие направления, финансируемые из средств федерального бюджета²:

1) денежные выплаты и пособия (единовременное пособие при рождении/усыновлении ребенка, единовременное пособие по беременности и родам, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им 1,5 лет, ежемесячные пособия на ребенка – от 3 до 17 лет и др.);

2) материнский (семейный) капитал после рождения (усыновления) первого и последующих детей;

3) льготы и преференции молодым семьям, семьям с детьми, родителям (жилищные, трудовые, медицинские, налоговые и т.д.);

4) различные виды материальной неденежной помощи малоимущим семьям с детьми (одежда и обувь, детское питание, лекарства и др.);

5) преференции, льготы, выплаты и иная помощь многодетным семьям (бесплатное получение при рождении 3-го ребенка земельного участка, региональный маткапитал, ипотечные льготы и пр.);

6) оказание конкретной педагогической, психологической и юридической помощи, социальных услуг.

Данные меры социальной помощи и поддержки распространяются на определяемые нормами федерального и регионального законодательства категории граждан и семей с детьми, относящихся к социально уязвимым или оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

В качестве налоговых инструментов социальной поддержки семей с детьми в настоящее время в соответствии с законодательством России относят налоговые льготы (вычеты), которые предоставляются ряду категорий населения: родителям, усыновителям, опекунам, попечителям:

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Официальный портал правовой информации Плюс – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

² Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.10.2006 N 256-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // СПС Консультант Плюс – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/

стандартный ежемесячный налоговый вычет на ребенка; социальный налоговый вычет на образование; социальный налоговый вычет на медицинское лечение и медицинские услуги, имущественный налоговый вычет; льгота по налогу на доходы физических лиц (в соответствии со ст. 218, 219 Налогового кодекса РФ (часть 2) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023)).

Правовую базу функционирования государственных мер финансовой поддержки семей с детьми на федеральном уровне формируют следующие законодательные акты: ФЗ № 178-ФЗ от 17.07.1999 «О государственной социальной помощи» (ред. от 28.12.2022), ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в РФ» № 442-ФЗ от 28.12.2013 г., ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» № 165-ФЗ от 16.07.1999 г. (ред. от 14.07.2022), ФЗ от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (ред. от 21.11.2022), ФЗ от 29.12. 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 28.12.2022), ФЗ от 29.12. 2006 г. № 225-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (ред. от 03.04.2023), ФЗ от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» (ред. от 05.12.2022) и др.

21 апреля 2021 г. в своем послании Федеральному Собранию В. В. Путин обратил особое внимание на усиление поддержки семей с детьми, поскольку пандемия не только негативно сказалась на здоровье миллионов людей, но и усугубила проблему бедности. В 2020-21 гг. в связи с ростом социально-экономических кризисных явлений в совокупности с пандемическим фактором комплекс мер государственной поддержки финансового благосостояния семей с детьми был расширен и обновлен, включив в себя мероприятия на федеральном, региональном уровне и на уровне образовательных организаций [3, с. 4]. Во время коронавирусной пандемии в 2020–2021 гг. на федеральном уровне для поддержки семей с детьми были введены единовременные дополнительные финансовые меры на детей-граждан РФ. В этих целях были предоставлены 2 единовременных выплаты в размере 10 000 руб. на каждого ребенка в возрасте от 3 до 16 лет, выплаты по 5 000 руб. на каждого ребенка в возрасте до 3 лет и в возрасте до 8 лет. Перечень основных мер финансово-экономической поддержки семей с детьми в России на федеральном и региональном уровнях за период 2020-2022 гг. представлен в табл. 2.

В современных сложных социально-экономических и военно-политических условиях руководство страны по-прежнему акцентирует внимание на социальной поддержке семей с детьми и развитии мер демографической политики. С 1 января 2023 г. на основании Указа Президента РФ В. В. Путина¹ было введено единое пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка, которое будут платить по единым правилам из средств Социального Фонда России. По словам министра труда и социальной защиты РФ А. Котякова, на выплату данного пособия из федерального и региональных бюджетов будет направлено 1,7 трлн руб.²

Главным критерием выплаты единого пособия будет критерий нуждаемости и малообеспеченности семьи с детьми, при котором ее среднедушевой доход не должен превышать прожиточный минимум на душу населения в субъекте России. Указанное ежемесячное пособие объединило ряд федеральных семейных пособий: пособие для нетрудоустроенных по уходу за ребенком до 1,5 лет, выплату малоимущим семьям на первого и второго ребенка от 0 до 3, выплаты по уходу за ребенком в возрасте от 1,5 до 3 лет, пособие на детей от 3 до 7 лет и пособие на детей от 8 до 17 лет, а также выплату беременным женщинам, вставших на учет в ранние сроки.

Правительством России в конце 2021 г. утвержден план реализации финального этапа Концепции демографической политики РФ до 2025 г. в 2021–2025 гг.³ Данный план ориентирован на увеличение численности и продолжительности жизни населения страны, финансируется

¹ Указ Президента РФ от 13 января 2023 г. № 12 «О некоторых вопросах, связанных с предоставлением мер социальной поддержки семьям, имеющим детей» // СПС Консультант Плюс – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_437414/

² Материалы официального сайта Министерства труда и социальной защиты РФ - [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <https://mintrud.gov.ru/social/422>

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.09. 2021 г. № 2580-р «План мероприятий по реализации в 2021 - 2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Интернет-портал Правительства РФ - [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://static.government.ru/media/files/QFHNS7LF3pa7KdeiThGuxg90XpAnvYdh.pdf>

из средств федерального бюджета с учетом расходов профильного и смежных нацпроектов и федеральных программ. В 2/3 из 7 разделов плана представлены мероприятия, направленные на решение демографических проблем: снижение материнской и младенческой смертности, улучшение репродуктивного здоровья за счет средств ОМС, повышение продолжительности жизни и снижение смертности всего населения страны, увеличение рождаемости. Также акцент делается на вопросах поддержки семей с детьми путем проактивного предоставления мер помощи (охват до 2,5 млн детей), улучшения жилищных условий семей (до 120 тысяч), продвижения традиционных семейных ценностей и распространения практик ответственного родительства.

Таблица 2 – Перечень федеральных мер поддержки семей с детьми в РФ¹

Table 2 – List of federal measures to support families with children in the Russian Federation

Основные пособия и выплаты для семей с детьми	Дополнительные меры поддержки семей с детьми	Льготы, выплаты и поощрения для многодетных семей
Единовременное пособие при рождении ребёнка/ при передаче ребёнка на воспитание в семью	Выплата при постановке на учет в женской консультации	Выдача удостоверения многодетной семьи
Ежемесячное пособие по уходу за ребёнком по достижении им 1,5 лет (трудоустроенным)	Ежемесячное пособие беременным женщинам в трудной материальной ситуации	Денежные выплаты при рождении третьего ребёнка и последующих детей
Ежемесячная денежная выплата, предоставляемую при рождении первого и второго ребёнка от 0 до 3 лет (малообеспеченные семьи)	Ежемесячное пособие на ребёнка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву	Орден «Родительская слава» и денежное поощрение к нему
Ежемесячные выплаты по уходу за ребёнком в возрасте от 1,5 до 3 лет	Увеличенные больничные по уходу за ребёнком до 7 лет	Выделение земельного участка многодетной семье
Ежемесячные выплаты на ребёнка от 3 до 7 лет	Семейная ипотека под 6%	450 000 Р для погашения ипотеки
Ежемесячное пособие на ребёнка в возрасте от 8 до 17 лет	Программа «Молодая семья»	Региональный материнский капитал
Пособие по беременности и родам («декретные»)		
Материнский (семейный) капитал на 1 и 2 ребенка		

При анализе публикаций, рассматривающих зарубежный опыт реализации меры социальной поддержки семей с детьми [4], можно отметить, что данные меры имеют двойной характер: выступают как финансовые стимулы (пособия и выплаты на детей), так и материальные неденежные стимулы (льготы на обучение, по налогам, субсидии, льготное кредитование молодых семей и семей, имеющих детей и др.). Подобными чертами обладают и российские меры финансовой поддержки детства и материнства. Следовательно, и за рубежом, и в России главное внимание уделяется формированию комплексной системы мер социальной поддержки семей с детьми, направленной на создание благоприятных условий для создания семьи, стимулирования рождаемости, повышения качества и уровня их жизни.

Главными целями реализации национального проекта «Демография» на период до 2024 года и составляющих его 5 приоритетных федеральных проектов стали: рост естественного воспроизводства и численности населения, повышение ожидаемой продолжительности жизни и качества жизни семей с детьми в стране. Важнейшим федеральным проектом, в рамках которого реализуется комплекс финансовых мер поддержки семей с детьми для повышения качества их жизни, стал проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей». Изначальный объем финансирования

¹ Составлена авторами по материалам официального сайта Государственной Думы РФ - [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://duma.gov.ru/news/51978/>

мероприятий национального проекта «Демография» составлял 3,1 трлн руб. на шесть лет (2019–2024 гг.), а с 2020 г. руководством страны было принято решение об увеличении финансирования национального проекта «Демография» на 691 млрд руб. [5]. В целом, в 2019–2024 гг. на него направят 4,7 трлн руб. Львиную долю всех указанных расходов на нацпроект (2,79 трлн руб., или 92,0 %) составили средства федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ.

Наиболее финансово емкими среди вышеуказанных 5 проектов нацпроекта «Демография», на долю которых приходится основной объем финансовых мер поддержки семей с детьми и мер повышения рождаемости, стали два федеральных проекта: «Финансовая поддержка семей при рождении детей» и «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет». Объем их суммарных инвестиций составил 91,8 % от всего объема затрат по нацпроекту «Демография» (свыше 2,85 трлн руб.) (рис. 4).

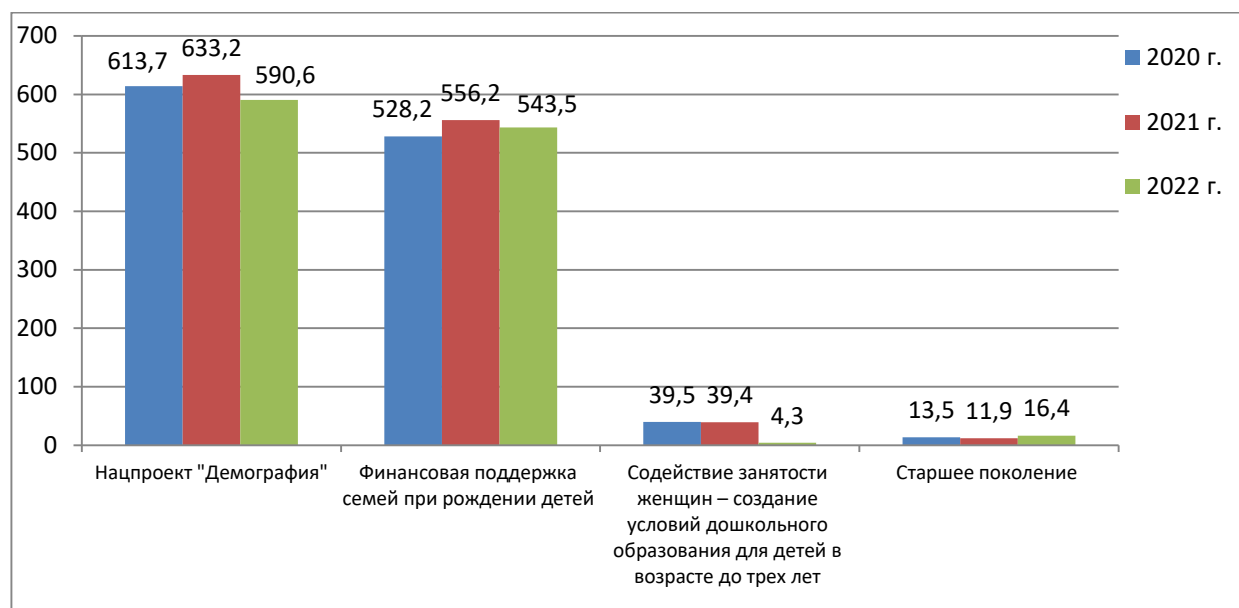


Рис. 4. Расходы на реализацию нацпроекта «Демография» в период 2020-2022 гг. (млрд руб.)¹

Fig. 4. Expenses for the implementation of the national project "Demography" in the period 2020-2022 (billion rubles)

Таким образом, в 2020–2021 гг. наблюдался значительный рост расходов федерального бюджета РФ на социально-демографическую политику, которые составили 6,6–6,9 трлн руб., и заняли 1-е место по объему финансирования (26,4–29,4 % от общего объема расходов). Социальные ассигнования консолидированного бюджета РФ и государственных внебюджетных фондов по разделу «Охрана семьи и детства», по данным Казначейства РФ², в 2020 г. возросли в 3 раза, составив 1 577,8 млрд руб. от 521,6 млрд руб. в 2019 г. В 2021 г. данный показатель также демонстрировал наиболее значимый рост – с 1 577,8 млрд руб. до 1 854,3 млрд руб. (прирост на 17,5 %).

Также можно отметить, что в трехгодичном проекте федерального бюджета сохраняется положительная динамика средств на поддержку семей с детьми и выделяется в качестве специального «детского бюджета». При этом предполагается значительный рост ассигнований на поддержку детства и материнства: с 1,7 трлн руб. в 2022 г. до 2,7 трлн руб. в 2023 г. (рис. 5).

¹ Составлен авторами по данным Министерства финансов РФ - [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://minfin.gov.ru/>

² Данные официального сайта Казначейства России – [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheto/>

СКОЛЬКО ДЕНЕГ ГОСУДАРСТВО ВЫДЕЛЯЕТ НА "ДЕТСКИЙ БЮДЖЕТ", ТРЛН РУБЛЕЙ

Источник: Минфин

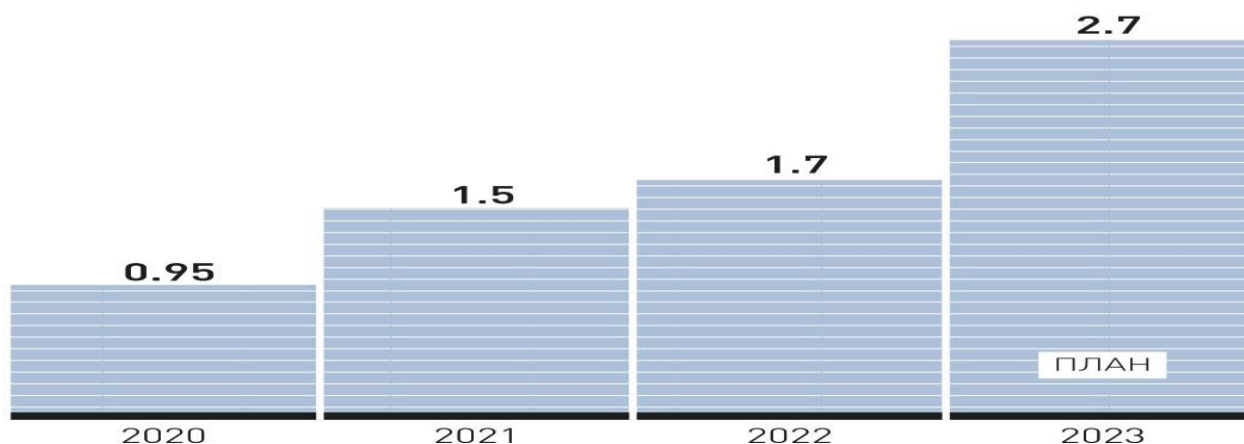


Рис. 5. Динамика средств на финансовую поддержку семей с детьми в Российской Федерации¹

Fig. 5. Dynamics of funds for financial support of families with children in the Russian Federation

В заключение можно отметить, что проведенный анализ финансовых инструментов современной социально-демографической политики России, направленных на повышение качества и уровня жизни семей с детьми и стимулирования рождаемости, свидетельствует о системности существующих мер и значительном охвате нуждающихся семей в социальной поддержке.

Однако для решения проблем повышения эффективности реализации всей социально-демографической политики и усиления мер социальной поддержки российских семей с детьми необходимо обеспечить расширение доступа к качественной медико-санитарной помощи, получения более широких возможностей образования детьми. При этом важно усилить комплексный подход, который бы объединил решение большинства проблемы малоимущих семей, включая их здоровье, образование, занятость, социальную защиту. Также в целях повышения качества жизни семей с детьми необходимо обеспечить рост реальных зарплат и расширения спектра мер соцподдержки нуждающихся категорий семей на протяжении всего жизненного цикла – предоставлять социальное жилье многодетным семьям, вводить налоговые вычеты, целевые выплаты на образование, медобслуживание, отдых детей.

Список источников

1. Управление в социальной сфере: состояние, проблемы и тенденции развития: монография / под ред. Т.В. Игнатовой, С.П. Кюрджиева. – Ростов-на-Дону, 2018. 210 с.
2. Баштыгова А. Т., Меликсетян С. Н. Расходы бюджета на социальную политику: особенности и тенденции // Актуальные исследования. 2022. №2 (81). С. 43-46. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://apni.ru/article/3566-raskhodi-byudzheta-na-sotsialnuyu-politiku>
3. Алексейчева Е. Ю., Куломзина Е. Ю., Шинкарева О. В. Меры социальной поддержки семей с детьми для смягчения последствий пандемии COVID-19 // Вестник Екатеринбургского института. 2021. № 3(55). С. 4–11.
4. Сбродова О. Д., Болгова Е. В. Зарубежный опыт демографической политики и поддержки семей с детьми / В сборнике: Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики и финансов. Сборник научных трудов 7-й Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2021. С. 307–316.
5. Бюджет для граждан. К Федеральному закону о федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годы. М.: Министерство финансов РФ, 2020. 72 с.

¹ Индексация материнского капитала и единое пособие. Какие меры примет государство, чтобы помочь нуждающимся семьям с детьми // Российская газета. - [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2022/11/09/scheta-semejnye.html>

References

1. *Management in the social sphere: state, problems and development trends: monograph*. Edited by T.V. Ignatova, S.P. Kurdjieff. Rostov-on-Don; 2018. 210 p. (In Russ.)
2. Bashtygova A. T., Meliksetyan S. N. Budget expenditures on social policy: features and trends. *Aktual'nye issledovaniya = Actual research*. 2022;2(81):43–46. Available from: <https://apni.ru/article/3566-raskhodi-byudzheta-na-sotsialnuyu-politiku> (In Russ.)
3. Alekseicheva E. Yu., Kulomzina E. Yu., Shinkareva O. V. Measures of social support for families with children to mitigate the consequences of the COVID-19 pandemic. *Vestnik Ekaterininskogo instituta = Bulletin of the Catherine Institute*. 2021;3(55):4–11. (In Russ.)
4. Rabrodova O.D., Bolgova E.V. Foreign experience of demographic policy and support for families with children. In: *Cluster initiatives in the formation of a progressive structure of the national economy and finance. Collection of scientific papers of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference*. Kursk; 2021: 307–316. (In Russ.)
5. *Budget for citizens. To the Federal Law on the Federal Budget for 2020 and for the planning period 2021 and 2022*. Moscow: Ministry of Finance of the Russian Federation; 2020. 72 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Ю. Ю. Садовникова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС.

Ю. А. Мащенко – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС.

Л. Н. Тимейчук – старший преподаватель кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

Ju. Yu. Sadovnikova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Finance and Environmental Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Ju.A. Mashchenko – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Finance and Environmental Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

L.N. Timeychuk – Senior Lecturer of the Department of Economics, Finance and Environmental Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 12.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

ВЫБОР МОДЕЛИ ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Владимир Витальевич Сериков

АО «Энергия», Елец, Россия, serikov2012@gmail.com

Аннотация: В действующих условиях развития российской экономики переосмысления требуют вопросы планирования, прогнозирования и моделирования деятельности предприятий промышленного сектора, обеспечивающих суверенитет отечественной экономики. В связи с этим цель данной статьи заключается в исследовании и обосновании моделей, обеспечивающих учет факторов внутренней и внешней среды предприятия, динамику процессов модернизации и технологического развития. В статье обосновывается целесообразность применения когнитивного подхода к моделированию динамики развития предприятий в отраслях промышленного сектора экономики. Автором предлагается комплекс факторов для включения в когнитивную модель, обеспечивающих оценку внутреннего потенциала и учет динамики внешней среды.

Ключевые слова: промышленное предприятие, импортозамещение, когнитивная модель, прогнозирование, моделирование, факторы

Для цитирования: Сериков В. В. Выбор модели оценки и прогнозирования деятельности предприятий промышленного сектора экономики в условиях импортозамещения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 167–174. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-167-174>

Problems of Economics

Original article

CHOICE OF A MODEL FOR ASSESSING AND FORECASTING THE ACTIVITIES OF ENTERPRISES IN THE INDUSTRIAL SECTOR OF THE ECONOMY IN CONDITIONS OF IMPORT SUBSTITUTION

Vladimir V. Serikov

JSC «Energiya», Yelets, Russia, serikov2012@gmail.com

Abstract. In the current conditions of the development of the Russian economy, rethinking requires planning, forecasting and modeling the activities of enterprises in the industrial sector that ensure the sovereignty of the domestic economy. In this regard, the purpose of this article is to study and justify models that take into account the factors of the internal and external environment of the enterprise, the dynamics of modernization processes and technological development. The article substantiates the expediency of applying the cognitive approach to modeling the dynamics of the development of enterprises in the industries of the industrial sector of the economy. The author proposes a set of factors to be included in the cognitive model, providing an assessment of the internal potential and taking into account the dynamics of the external environment.

Keywords: industrial enterprise, import substitution, cognitive model, forecasting, modeling, factors

For citation: Serikov V. V. Choice of a model for assessing and forecasting the activities of enterprises in the industrial sector of the economy in conditions of import substitution. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):167–174.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-167-174>

Введение

Сегодня российская экономика находится в условиях перманентной конфронтации с индустриально развитыми странами, вызванной масштабным санкционным давлением, что актуализирует необходимость снижения импортозависимости в базовых отраслях экономики, а также формирования технологического суверенитета, что в последующем будет способствовать структурной адаптации экономики к новым условиям. При этом, на сегодняшний день перед экономическими субъектами встает необходимость не только импортозамещения отдельных товаров, но и физическое наращивание объемов производства, что зачастую становится серьезным вызовом для предприятий «дефицитных» отраслей промышленного сектора экономики.

В данном контексте представляет интерес исследование критической импортозависимости предприятий обрабатывающей промышленности¹, в результате которого приведены данные средней импортозависимости обрабатывающей промышленности по категориям импорта «Детали и компоненты» – 26,9 % (наибольшее значение импортозависимости в группе по виду деятельности «Производство одежды» – 43,9 %, наименьшее значение по виду деятельности «Производство кожи и изделий из кожи» – 15,8 %); «Машины и оборудование» – 26,6 % (наибольшее значение импортозависимости в группе по виду деятельности «Производство одежды» – 36,8 %, наименьшее значение по виду деятельности «Производство металлургическое» – 17,5 %); «Технологии» – 38,8 % (наибольшее значение импортозависимости в группе по виду деятельности «Производство компьютеров, электронных и оптических изделий» – 50,0 %, наименьшее значение по виду деятельности «Производство бумаги и бумажных изделий» – 22,5 %); «Услуги (инжиниринг, дизайн, обслуживание, ремонт)» – 45,4 % (наибольшее значение импортозависимости в группе по виду деятельности «Производство машин и оборудования» – 57,6 %, наименьшее значение по виду деятельности «Производство лекарственных средств и материалов» – 34,6 %). Указанные данные свидетельствуют о наличии критических значений импортозависимости, как по отдельным видам экономической деятельности, так и по обрабатывающей промышленности в целом, что позволяет в текущей конъюнктуре подчеркнуть актуальность исследования факторов роста, оказывающих непосредственное влияние на возможность загрузки производственных мощностей.

Материалы и методы

Текущий контур функционирования экономики определяет необходимость не просто наращивания производственных мощностей, а формирования мобилизационных мощностей промышленных предприятий в императивах политики импортозамещения. В то же время важно отметить снижение уровня загрузки производственных мощностей в отраслях добывающего и обрабатывающего секторов промышленности с 2019 г., что связано с кризисными явлениями, вызванными пандемией COVID-19. В 2022 г. наблюдается стабилизация анализируемого показателя (за исключением сезонных колебаний) который составил 57,5 % в отраслях добывающего сектора экономики, 60,3 % в обрабатывающих производствах (рис. 1).



Рис.1. Динамика среднего уровня загрузки производственных мощностей [1]

Fig. 1. Dynamics of the average level of production capacity utilization [1]

¹ Импортозамещение в России: вчера и завтра. Февраль 2023 г. Меры. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/814560067.pdf>.

Важно отметить, что концепт мобилизационности не является новым для российской экономики, в историческом контексте под которым понимается «развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, будем называть мобилизационным типом развития». Данный процесс направлен на целеориентацию ресурсов в направлении противодействия угрозе из вне, которая присуща именно мобилизационной экономике и позволяет подчеркнуть роль государственной политики, в императивах которой происходит мобилизация ресурсов для решения поставленных задач и поиска ответов на большие вызовы.

Исторически, модель мобилизационной экономики сформировалась в СССР в 1920 г., как реакция государственного управления на возникающие внешние угрозы. Седов В. В. выделяет следующие признаки мобилизационной экономики: «наличие угрозы существованию общества как целостной системы и ее осознание руководителями государства; постановка руководителями государства цели, заключающейся в устранении этой угрозы или противодействие ей; разработка государственного плана или программы достижения поставленной цели; организация соответствующими государственными органами действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения плана или программы [2]». При этом, субъектами мобилизационной экономики являются предприятия промышленного сектора экономики, деятельность которых в условиях мобилизационности основана на определенных принципах, таких как принцип главного звена, принцип достижения цели, принцип командности, принцип дискретности, принцип сознательности.

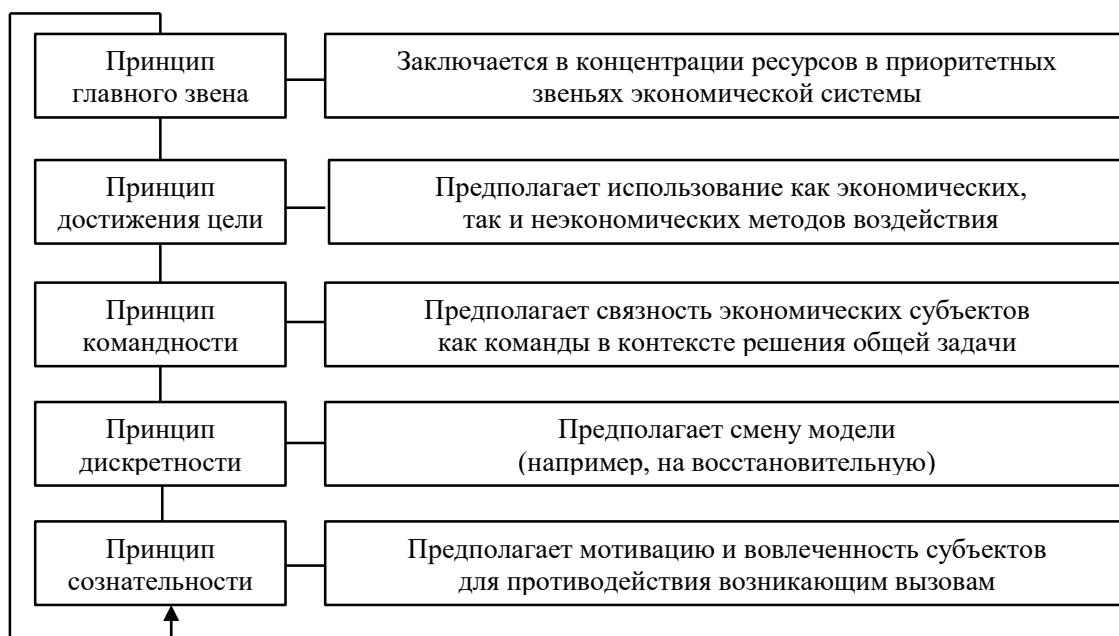


Рис. 2. Основные принципы мобилизационной экономики (составлено автором на основе [2])

Fig. 2. Basic principles of the mobilization economy (compiled by the author based on [2])

Важно отметить, что на сегодняшний день в научном поле идет активный научный дискурс о мобилизационном подходе в отдельных отраслях промышленности [3], исследовании потенциала мобилизационной экономики как инструмента обеспечения национальной безопасности [4], а также как технологии государственного управления в условиях тотальных санкций [5], в том числе в долгосрочном периоде [6]. В рамках настоящего исследования целесообразно обозначить одну из важных проблем, возникающих при реализации модели мобилизационной экономики, а именно исследование механизмов включения различных субъектов в модель, определение роли предприятий, производящих продукцию двойного назначения, исследование производственной мощности предприятий и их мобилизационных резервов в контексте возможностей дозагрузки производственных мощностей. В этом контексте важнейшей теоретической и практической задачей является разработка и адаптация прогнозных моделей сложных, динамических систем, к которым относятся промышленные предприятия в условиях высокой неопределенности. В современном научном поле используется большое число инструментов моделирования сложных систем, однако, не все модели в полной мере отображают возможные сценарии их развития (табл. 1).

Таблица 1 – Теоретический обзор моделей, апробированных для оценки и прогнозирования сложных систем¹

Table 1 – Theoretical review of models tested for evaluation and prediction of complex systems

Модель	Возможности модели
Интегральный подход [7]	Определяется возможностью формирования частных и интегрального показателей, которые включают индикаторы, характеризующие экономическую, социальную, финансовую, экологическую, инновационно-технологическую, политико-правовую устойчивость развития территории. Полученный интегральный показатель может быть интерпретирован по шкале Харрингтона. Прогнозирование в рамках исследования основано на регрессионной модели, описывающей взаимосвязь между устойчивым развитием региона и научно-техническим потенциалом. В ходе прогнозирования изменялись отдельные составляющие интегрального показателя (наращивание кадровой, финансовой, результативной составляющих) для определения возможностей по управлению устойчивостью территории.
Рейтинговая модель [8]	Для формирования модели, на основании которого может быть принято решение о выборе направления технологического развития, предлагается перечень факторов, оказывающих влияние на выбор прорывной технологии. К таким факторам относят возможности НИОКР, текущие и будущие рынки, инфраструктура, уровень предпринимательства, налоговая структура и наличие стимулов, наличие капитала и другие. Оценка факторов проводится для каждой прорывной технологии отдельно посредством экспертной оценки и установления рейтинговых значений.
Модель серого ящика GM [9]	Прогнозирование финансового роста, технологических инноваций и экономического развития также может быть основано на модели серого ящика GM на основе системы индексов отобранных показателей с использованием методов энтропийного веса и экспертной оценки, а также модели степени связи для оценки связи и координации факторов. Такой метод прогнозирования предполагает сложную и большую систему, тенденции которой неопределенны и не могут быть спрогнозированы посредством линейных или нелинейных моделей. Модель прогнозирования серого ящика предназначена для системы с частично неопределенной информацией и обеспечивает формирование закона системных изменений и упорядочивание данных для создания дифференциального уравнения, посредством которого прогнозируется будущая тенденция. Ограничения модели: не учитываются побочные эффекты от технологических инноваций и финансового развития, опосредованно влияющие на модель, теоретический базис модели сформирован не в полной мере, модель ограничивается перечнем входных показателей.
Модели на основании макроэкономических прогнозных расчетов [10]	Моделирование осуществляется посредством коэффициентов, сформированных на основе ретроспективных данных. Так одной из наиболее распространенных моделей анализа и прогнозирования социально-экономической системы мезоуровня является межотраслевой баланс, характеризующий структуру экономики на основе таблиц «затраты-выпуск». Однако, при этом в отдельных исследованиях отмечается, что применительно к региону межотраслевые модели должны быть скорректированы в связи с отсутствием движения стоимости по ряду видов деятельности.
Модели на основе нейронных сетей [11]	Прогнозирование основывается на ретроспективном анализе показателей, который используется для формирования базы данных и машинного обучения. Моделирование такого вида позволяет на основе регрессионного анализа либо авторегрессионной модели сформировать прогнозную динамику и точное значение показателя в требуемый момент времени. К недостатком данного метода относится необходимость большого объема данных по каждому из показателей модели.
Смешанные модели [12]	Комбинированные модели, использующие методы машинного обучения и объединяющие модель остаточной авторегрессии, которая предполагает, что ряд состоит из линейной и нелинейной части, и модель, позволяющую сопоставлять данные с множеством признаков через нелинейную функцию. Такой метод позволяет повысить точность модели и подходит в том числе для долгосрочного прогнозирования.

¹ Составлено автором по материалам исследования.

Одним из подходов, обладающим научной и практической значимостью, позволяющим учесть максимально возможное число вариантов развития событий является когнитивное моделирование, возможности которого для достижения устойчивого развития сложных систем в российской действительности, прежде всего в экономике, управлении, общественной жизни, используются далеко не в полной мере. Именно когнитивный подход позволяет на основе детального анализа и оценки ключевых подсистем и компонентов устойчивости получить прогнозную модель с учетом комплекса факторов влияния. Е. А. Ильина отмечает: «Сложная структурированность процессов, нестабильность и неравномерная динамика ключевых составляющих устойчивого развития промышленного предприятия определяют обязательность прогнозирования и моделирования рабочих процессов, а также видения новых перспектив с учетом перемен и факторов внешней среды [13]». Именно эти параметры способна учитывать когнитивная модель. Прохорова В. В. отмечает: «Преимущество метода когнитивного моделирования состоит в том, что метод может оперировать не только точными количественными значениями и формулами, но качественными значениями и оценками [14]».

Результаты исследования

В контексте исследования необходимо рассмотреть этапность процесса когнитивного моделирования, заключающегося в анализе инструментов моделирования и прогнозирования состояния отдельных подсистем промышленных предприятий; определении вершин; идентификации связей между вершинами; построении матрицы смежности для установления причинно-следственных связей; установлении силы связей между вершинами на основе корреляционно-регрессионного анализа; сборе данных; апробации модели и интерпретации полученных результатов (рис. 3). Важно отметить, что ключевым этапом моделирования является определение вершин (основных факторов), влияющих на целевую подсистему промышленного предприятия, которые могут быть факторами как внутреннего, так и внешнего характера. Также, на этапе идентификации связей между вершинами и установления силы связи между вершинами в логике когнитивного моделирования выполняется построение графа взаимосвязей между факторами когнитивной модели, что модельно представлено на рис. 4.



Рис. 3. Последовательность когнитивного моделирования для прогнозирования состояния отдельных подсистем промышленного предприятия¹

Fig. 3. The sequence of cognitive modeling for predicting the state of individual subsystems of an industrial enterprise

¹ Разработано автором по результатам исследования.

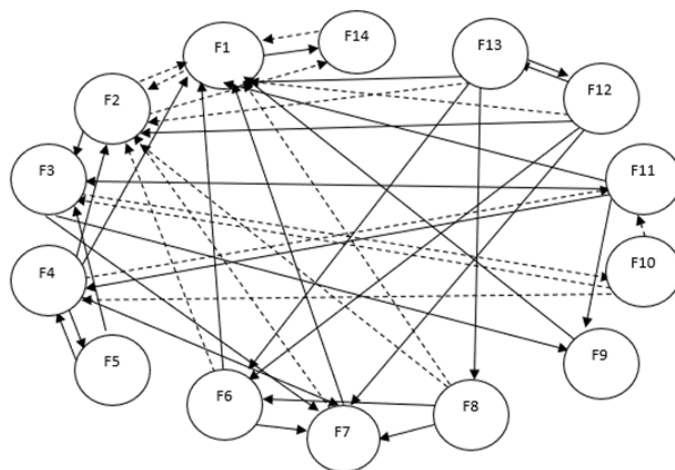


Рис. 4. Модельная схема графа в методике когнитивного моделирования¹

Fig. 4. Model diagram of a graph in the method of cognitive modeling

На рис. 4 схематически представлена когнитивная модель в виде ориентированного графа, который состоит из 14 вершин F1-F14 и дуг, отражающих связи между ними. Каждая вершина графа характеризуется начальным значением. Каждая дуга также имеет знаковое значение, также на графе обозначаются дуги с положительным влиянием (стрелка влияния на фактор) и отрицательное влияние (пунктирная стрелка влияния на фактор). Дуге со знаком «+» соответствует значение 1. Дуге со знаком «-» соответствует значение -1. Отсутствующие дуги (дуги, не изображённые на графе имеют значение 0. Для осуществления процедуры прогнозирования необходимо произвести ряд математических расчетов в соответствии с формулами с применением импульсных воздействий, при помощи которых можно вычислить значение вершины в следующий момент времени через значение вершины в предыдущий момент времени по формуле:

$$v_i(t+1) = v_i(t) + p_i(t+1), \quad (1)$$

где $p_i(t)$ – импульс i -й вершины в момент времени t .

Импульс $p_i(t)$ вычисляется по формуле

$$p_i(t) = \sum_{j=1}^{14} a_{ij} p_j(t-1) \quad (2)$$

где, $v_i(t)$ – значение i -й вершины в момент времени t , где $v_i(0)$ значение вершины в предыдущий момент времени; a_{ij} – вес дуги, отражающей влияние i -й вершины на j -ю.

T – период прогнозирования, t – момент времени относительно начального момента 0. Шаг по времени берётся в один год, т.е. $t=0, \dots, T$; i – номер вершины, следующий за буквой F в его названии, $i=1, \dots, 14$.

Выводы

Когнитивные модели в рамках решаемой задачи моделирования экономических процессов в условиях мобилизационной модели развития отдельных отраслей промышленного сектора позволяет с одной стороны учесть большое количество факторов внешней и внутренней среды отрасли и предприятия, такие как уровень загрузки производственных мощностей как важнейший индикатор, характеризующий потенциал увеличения объемов производства промышленной продукции; параметры производственного, технологического и инновационного потенциалов субъектов экономической деятельности; потенциал взаимосвязанных отраслей экономики. С другой стороны, когнитивные модели обеспечивают включение параметров институциональной среды, нормативно-правового обеспечения деятельности предприятий в сфере промышленности, инфраструктурной среды. В качестве основных факторов, внутренней и внешней среды предприятия

¹ Составлено автором по материалам исследования.

могут быть применены такие как объем инвестиций в основной капитал, затраты на обучение персонала и повышение квалификации, затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, показатели, характеризующие производственный процесс – скорость производственного процесса, загрузка производственных мощностей, объем производства, возраст оборудования, доля брака.

Таким образом, предлагаемая в данной статье модель позволит произвести оценку и прогнозирование деятельности предприятий в сфере промышленности в условиях импортозамещения, для последующей разработки комплекса мероприятий, направленных на увеличение потенциала отечественной промышленности, в том числе связанных с модернизацией действующих производственных мощностей предприятия и наращивания инновационного потенциала.

Список источников

1. Деловая активность российской промышленности в декабре 2022 года. Проблемы отрасли (по результатам конъюнктурных опросов). М.: НИУ ВШЭ, 2023. 11 с.
2. Седов В. В. Мобилизационная экономика: от практики к теории / Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / Под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. 571 с.
3. Мохов А. А. Мобилизационный подход в отдельных отраслях и секторах отечественной экономики: историко-правовой аспект // История государства и права. 2023. № 2. С. 7-14.
4. Бухвальд Е. М. Мобилизационная экономика как инструмент обеспечения национальной безопасности / В сборнике: Глобальная неопределенность. Развитие или деградация мировой экономики? Сборник статей XI Международной научной конференции. В 2-х томах. Под редакцией С.Д. Валентея. Москва, 2022. С. 210-216.
5. Винслав Ю. Б. Мобилизационная экономика как технология государственного управления в условиях тотальных санкций // Российский экономический журнал. 2022. № 4. С. 4-29.
6. Гузев М. М. Мобилизационная экономика в России как долгосрочная реальность // Философия хозяйства. 2022. № 6 (144). С. 83–93.
7. Золотухина А. В., Франц М. В. Оценочно-прогнозная модель научно-технического потенциала региона // Экономика региона. 2012. № 1(29). С. 211–221.
8. S. Kassicieh, N. Rahal. A model for disruptive technology forecasting in strategic regional economic development. Technological Forecasting and Social Change. Vol. 74, Issue 9, 2007, P. 1718-1732.
9. R. Wang, J. Tan. Exploring the coupling and forecasting of financial development, technological innovation, and economic growth. Technological Forecasting and Social Change. Vol. 163, 2021.
10. Суворов А. В., Горст М. Ю. Система макроэкономических балансов для прогнозирования экономики региона // Проблемы прогнозирования. 2003. № 4. С. 67-83.
11. Лосев В. С., Толкачева Е. В. Прогнозные модели социально-экономических показателей регионов на основе искусственных нейронных сетей // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2021. № 3 (62). С. 45–52.
12. Luo D., Guo K., Huang H. (2014) Regional Economic Forecasting Combination Model Based on RAR+SVR. In: Cao BY., Nasser H. (eds) Fuzzy Information & Engineering and Operations Research & Management. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 211. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-38667-1_32
13. Ilina E. A. Modeling the strategy of sustainable development of industrial enterprises // Organizer of production. 2021. Т. 29. №. 3. С. 130-138. DOI: 10.36622/VSTU.2021.39.13.014.
14. Прохорова Н. В. Когнитивное моделирование устойчивого экономического развития предприятий // Экономика и управление. 2011. №1.

References

1. *Business activity of the Russian industry in December 2022. Problems of the industry (according to the results of market surveys)*. Moscow; 2023. 11 p. (In Russ.)
2. Sedov V. V. Mobilization economic: from practice to theory. In: *Mobilization model of the economy: the historical experience of Russia in the twentieth century: a collection of materials of the All-Russian scientific conference*. Chelyabinsk, November 28–29, 2009. Ed. G. A. Goncharova, S. A. Bakanova. Chelyabinsk: Encyclopedia LLC; 2009. 571 p. (In Russ.)

3. Mokhov A. A. Mobilization approach in certain industries and sectors of the domestic economy: historical and legal aspect. *Istoriya gosudarstva i prava = History of state and law*. 2023;(2):7–14. (In Russ.)
4. Buchwald E. M. Mobilization economy as a tool for ensuring national security. In: *Global Uncertainty. Development or degradation of the world economy?* Collection of articles of the XI International scientific conference. In 2 volumes. Edited by S.D. Valentey. Moscow; 2022:210–216. (In Russ.)
5. Vinslav Yu. B. Mobilization economy as a technology of public administration under conditions of total sanctions. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian economic journal*. 2022;(4):4–29. (In Russ.)
6. Guzev M. M. Mobilization economy in Russia as a long-term reality. *Filosofiya khozyaistva = Philosophy of economy*. 2022;6(144):83–93. (In Russ.)
7. Zolotukhina A. V., Franz M. V. Estimated and predictive model of the scientific and technical potential of the region. *Экономика региона = Economy of the region*. 2012;1(29):211–221. (In Russ.)
8. S. Kassicieh, N. Rahal. A model for disruptive technology forecasting in strategic regional economic development. *Technological Forecasting and Social Change*. 2007;74(9):1718–1732. (In Russ.)
9. R. Wang, J. Tan. Exploring the coupling and forecasting of financial development, technological innovation, and economic growth. *Technological Forecasting and Social Change*. 2021;(163). (In Russ.)
10. Suvorov A. V., Gorst M. Yu. The system of macroeconomic balances for forecasting the regional economy. *Problemy prognozirovaniya = Problems of Forecasting*. 2003;(4):67–83. (In Russ.)
11. Losev V. S., Tolkacheva E. V. Predictive models of socio-economic indicators of regions based on artificial neural networks. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Pacific State University Bulletin*. 2021;3(62):45–52. (In Russ.)
12. Luo D., Guo K., Huang H. (2014) Regional Economic Forecasting Combination Model Based on RAR+SVR. In: Cao BY., Nasser H. (eds) *Fuzzy Information & Engineering and Operations Research & Management. Advances in Intelligent Systems and Computing*, vol 211. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-38667-1_32
13. Ilina E.A. Modeling the strategy of sustainable development of industrial enterprises. *Organizer of production*. 2021;29(3):130–138. DOI: 10.36622/VSTU.2021.39.13.014.
14. Prokhorova N. V. Cognitive modeling of sustainable economic development of enterprises. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2011;(1). (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Сериков – генеральный директор АО «Энергия».

Information about the author

V. V. Serikov – General Director of JSC «Energiya».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.03.2023; одобрена после рецензирования 13.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

The article was submitted 26.03.2023; approved after reviewing 13.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В АСПЕКТЕ ГЕОЭКОНОМИКИ

Юрий Рафаэлович Туманян

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, yrtumanyan@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0520-139X>

Аннотация. Современное государство, проводя экономическую политику, все больше внимания уделяет объективным тенденциям развития экономики, экономическим отношениям в воспроизводственном процессе, в том числе и в аспекте геоэкономики. При этом оно базируется на имеющихся ресурсах и учитывает, прежде всего, собственные экономические возможности и национальные интересы. Отсюда актуальность проблемы и внимание к экономическим, финансовым и правовым средствам и механизмам регулирования экономики, позволяющим решать как внутри-, так и внешнеэкономические проблемы. Сегодня возрастает роль экономической политики государства в геоэкономике и, прежде всего, в таких стратегических областях, как инновационные технологии, цифровизация, переход к ресурсосберегающим технологиям и участие страны в глобальной мировой финансовой системе. Следует подчеркнуть, что государство при этом одновременно выступает и как полноправный субъект экономики, и как ее регулятор.

Ключевые слова: геоэкономика, экономическая политика, национальные экономические интересы, конкурентоспособность, пространственные и производственные ресурсы, экономические союзы, экономические и финансовые инструменты

Для цитирования: Туманян Ю. Р. Экономическая политика государства в аспекте геоэкономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 175–180. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-175-180>

Problems of Economics

Original article

ECONOMIC POLICY OF THE STATE IN THE ASPECT OF GEO-ECONOMICS

Yurii R. Tumanyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, yrtumanyan@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0520-139X>

Abstract. The modern state, pursuing economic policy, is increasingly paying attention to objective trends in the development of the economy, economic relations in the reproductive process, including in the aspect of geo-economics. At the same time, it is based on available resources and takes into account, first of all, its own economic opportunities and national interests. Hence the relevance of the problem and attention to economic, financial and legal means and mechanisms for regulating the economy, which allow solving both domestic and foreign economic problems. Today, the role of state economic policy in geo-economics and, above all, in such strategic areas as innovative technologies, digitalization, the transition to resource-saving technologies and the country's participation in the global financial system is increasing. It should be emphasized that the state at the same time acts both as a full-fledged subject of the economy and as its regulator.

Keywords: geoeconomics, economic policy, national economic interests, competitiveness, spatial and production resources, economic unions, economic and financial instruments

For citation: Tumanyan Yu. R. Economic policy of the state in the aspect of geo-economics. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):175–180. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-175-180>

В методологии исследования проблем государственного воздействия на процессы общественного развития актуализируются вопросы экономической политики в направлении сохранения и укрепления национального суверенитета как внешнеполитической основы страны. В то же время в качестве субъекта международных отношений выступает геоэкономика как внешний фактор экономического (финансового, технологического, информационного) суверенитета страны. Поэтому экономическая политика в геоэкономических координатах рассматривается как внешнеэкономическая стратегия и является объектом управления, прежде всего, экономическими средствами для реализации национальных социально-экономических целей. Как отмечал М. Wigell – это «геостратегическое использование экономической мощи» [1], означающее, что экономическая политика государства в геоэкономике автоматически не переносится во внешнеэкономические отношения.

Сегодня глобальный мир более взаимосвязан, а его участники теснее связаны между собой чем когда-либо это было в мировых экономических отношениях, так как стратегические императивы экономической политики стран стали более гибкими и постоянно претерпевают изменения.

В настоящее время традиционные инструменты, такие как финансы, экспорт-импорт, обмен производственными и сервисными технологиями, контроль над иностранными инвестициями, установление стандартов и торговых соглашений, претерпевают качественные изменения, что, в свою очередь, требует новых экономических стратегий. Поэтому неэффективное и несвоевременное использование методов и инструментов государственного воздействия при проведении модернизации социальных и экономических структур может негативно повлиять на уровень развития страны, на степень ее технологического суверенитета и в целом на конкурентоспособность в геоэкономике.

Таким образом, перманентные трансформации экономического и финансового развития, возникновение новых отраслей и сфер общественного производства, изменение механизма функционирования традиционных отраслей (например, рост доли участия криптовалют в сделках, тотальный безналичный расчет между странами, относительно свободное движение капитала и труда в рамках экономических союзов и др.) способствуют возрастанию и значимости роли современного государства в развитии геоэкономики.

Если ранее экономическая политика в основном руководствовалась принципом сравнительных издержек, используя как абсолютные, так и относительные преимущества страны, то в современном мире этого оказалось недостаточно [2, 3]. После того, как относительные преимущества в международной торговле и сфере межгосударственных экономических отношений стали принимать главенствующее положение, появление нового объекта научного анализа (геоэкономики) потребовала и соответствующей методологии исследования [4].

В данном аспекте геоэкономика рассматривается не изолировано, а как часть геополитической деятельности с комплексом показателей, в том числе и геоэкономических, которые постоянно находятся в динамических циклах. В свое время многие ученые-экономисты согласились с тезисом Эд. Люттвака о том, что в новую эпоху наиболее важными факторами развития геоэкономических отношений являются экономические и финансовые инструменты [5]. В качестве доказательства и утверждения данного тезиса можно привести примеры функционирования транснациональных корпораций, крупных международных банков, фондовых бирж и различных спекулятивных товаров, которые легко преодолевают барьеры национальных государств. Поэтому новое поколение экономистов стало искать и исследовать последовательные тенденции и закономерности в геоэкономике, которых ранее не было [6].

Так, например, один из современных исследователей геоэкономики К. Soilen, считает, что геоэкономика – это изучение не только пространственных, но и стратегических экономических ресурсов страны, преследующее цель получения устойчивого конкурентного преимущества [7]. Другими словами, это продолжение логики геополитики, которая возникла в эпоху глобализации. Эта «новая» логика разделения экономико-географического пространства показывает переход от геополитики к геоэкономике. Например, американское присутствие на Ближнем Востоке, где исчисляются запасы углеводородов, или интересы Китая в развитии аграрного производства и нефтяной отрасли некоторых африканских стран [8].

Как известно, исторически возникновение и развитие геоэкономики и ее хозяйственных связей базировались на фундаментальном принципе рыночной экономической системы – стремлении к собственной выгоде. Данный принцип в исследуемом объекте основывается на концепции национальных экономических интересов, реализация которых, естественно, выдвигает на первый план активное вмешательство государства в функционирование международных рынков с целью создания благоприятных экономических условий и достижения баланса в экономических отношениях и взаимозависимостях с другими странами.

Поэтому основной принцип реализации национальных экономических интересов страны предполагает сотрудничество, которое может осуществляться при наличии принципов взаимовыгодности и взаимозависимости участвующих субъектов. Так, А. Hirschman, один из ведущих теоретиков, обосновывающих взаимозависимость национальных экономик, утверждал, что «право прерывать коммерческое или финансовое регулирование с любой страной, рассматриваемое как атрибут национального суверенитета, является коренной причиной влияния или положения власти, которое страна приобретает в других странах также, как это является основной причиной зависимости от инвестиций и торговых сделок» [9].

Наличие национальных экономических интересов стимулирует необходимость проведения эффективной и рациональной геополитики с целью минимизации рисков в межгосударственных экономических отношениях. Еще на заре возникновения и развития геоэкономики такие инструменты регулирования международной торговли как тарифы и субсидии выступали в качестве временных мер для защиты зарождающейся отечественной промышленности на международной арене: «плохая политика – регулировать все и продвигать все, используя властные полномочия, где вещи могут лучше регулировать себя и могут быть лучше поддержаны частными усилиями; но не менее плохая политика заключается в том, чтобы оставить те вещи в покое, которые могут только поощряться вмешательством государственной власти» [10]. А. Смит писал, что «...до тех пор, пока существует разделение человеческой расы на независимые нации, политическая экономия будет столь же часто противоречить космополитическим принципам. ...нация будет действовать неразумно, стремясь содействовать благосостоянию всего человечества за счет его особой силы, благосостояния и независимости» [11]. Он признавал преимущества свободной торговли и поэтому предупреждал об опасности чрезмерного вмешательства правительства в проведении политики протекционизма. Но экономическая практика и условия ее функционирования вызвали необходимость усиления роли государственного вмешательства под влиянием конкуренции между странами.

В настоящее время можно выделить три основные формы реализации национальных интересов в рамках экономической политики государства, которые могут повлиять на баланс межгосударственных экономических связей с точки зрения получения выгод в аспекте геоэкономических отношений:

во-первых, это тарифы и субсидии, которые используются для поддержки отечественного производства до ее конкурентоспособного уровня на международных рынках. Здесь традиционно речь идет, прежде всего, о создании прочной производственной и финансовой базы. Хотя справедливости ради нужно отметить, что в современных условиях первостепенную важность приобретают стимулы для инноваций и технологических скачков;

во-вторых, это контроль над производственной и экономической инфраструктурой, который страна должна осуществлять для обеспечения надежного доступа к экономическим ресурсам и безопасным транспортным потокам;

и, наконец, в-третьих, это механизмы сотрудничества, которые государство должно создавать при проведении экономической политики, направленные, с одной стороны, на увеличение степени автономности и, с другой стороны, на стимулирование экономических союзов. Здесь речь идет о диалектическом подходе к процессам глобализации и регионализации, что будет способствовать введению эффективных коллективных переговоров между участниками геоэкономических отношений, в том числе по поводу торговых режимов, устанавливающих стандарты, создания банков развития, возможности появления «сильной» торговой и резервной валюты и т.д.

Развитие геоэкономики и углубление геоэкономических отношений предоставляют странам возможность ориентировать экономическую политику на решение долгосрочных проблем, таких как экономический рост, развитие экосистем, экология, сокращение неравенства в доходах, диверсификация производства и экономики, устранение барьеров, препятствующих совместному развитию.

Как известно, проблемы экономического роста и развития (например, проблема бедности, создание новых высококвалифицированных рабочих мест) невозможно решить без долгосрочной структурной экономической политики. Это объясняет, почему на практике результаты экономического развития по-прежнему неравномерно распределяются между государствами и регионами [12]. Поэтому при ее проведении необходимо учитывать следующий важный аспект – экономический рост и развитие взаимосвязаны между собой и методологически оцениваются с позиции двух подходов: основного и критического.

В рамках основного подхода экономический рост и развитие связаны с недостаточной степенью удовлетворения постоянно растущих материальных потребностей домохозяйств. Поэтому необходимо обеспечение и генерирование такого уровня ресурсов, который позволит удовлетворять растущие потребности. Согласно этому подходу, развитие является линейным, то есть страны следуют по пути прогрессивного развития на основе функционирования конкретного социально-экономического механизма.

Критический подход, напротив, делает акцент не на линейном пути развития, а на разнообразии. То есть, согласно данной позиции, развитие направлено на удовлетворение не только материальных, но и нематериальных потребностей. Отсюда благосостояние домохозяйств возможно путем создания различных обществ: социальных, политических, экономических и культурных структур, которые расширяют возможности их участников [12].

Таким образом, проведение экономической политики государства с учетом вышеназванных подходов, повышает конкурентоспособность страны в рамках геоэкономики и в дальнейшем способствует ее социально-экономическому развитию. Следовательно, и основная задача экономической политики государства должна состоять в создании и постоянной поддержке таких условий эффективного развития, которые обеспечат повышение конкурентоспособности страны в пространстве геоэкономики.

Так, эффективность бизнеса может создать оптимальную конкурентную среду как внутри страны, так и в рамках геоэкономических отношений. Если обратиться к деятельности Центра исследования международной конкурентоспособности, который создан на базе крупнейшего исследовательского Международного института развития менеджмента (IMD)¹ и занимается, в том числе, составлением рейтингов конкурентоспособности мировой экономики, то одним из ключевых рейтинговых показателей является индекс конкурентоспособности (index IMD). Этот параметр как раз и реализует оба подхода, то есть включает в себя не только основные экономические критерии стран, исследуемых в рейтинге, но и социальные аспекты их развития. Например, данный индекс учитывает доход на душу населения, занятость и мобильность рабочей силы, рост ВВП, экспорт товаров и коммерческих услуг, условия торговли и отношение объема торговли к ВВП.

Следует также отметить, что на основе индекса IMD составляются рейтинги мирового уровня в таких областях, как образование, подготовка кадров, инновационный потенциал стран, языковые навыки, качество жизни и др. Это объясняет также, что экономическая политика в аспекте геоэкономики охватывает практически все сферы социально-экономической жизни страны.

Итак, при проведении экономической политики государство (правительство) разрабатывает основные направления (стратегии), которые касаются всех сторон общественного воспроизводства. Отсюда следует, что эффективная экономическая политика государства должна строиться не только на универсальных общеэкономических принципах, но и учитывать экономическую конъюнктуру, а также ее возможные последствия. В этой связи на передний план экономической политики выходят:

а) регулирование прямых инвестиций (как отечественных, так и иностранных), которые должны возрастать более быстрыми темпами, чем рост мировой торговли, ускорять передачу новых технологий и проведение промышленной реструктуризации и т.д.;

б) стимулирование инвестиций в новейшие технологии, которые способствуют повышению общественной производительности труда и усиливают конкурентные позиции в геоэкономических отношениях.

¹ Международный институт развития менеджмента находится в г. Лозанна, Швейцария.

Однако сегодня в экономической политике некоторых стран с низким уровнем геоэкономических отношений можно увидеть обратную тенденцию. Эти страны стремятся проводить протекционистскую политику и сохранять относительный «экономический изоляционизм». К ним можно отнести Швейцарию, Новую Зеландию, Австралию, Японию и др.

Сторонники так называемого «нового меркантилизма» считают, что, защищая собственное производство, можно обеспечить развитие местного бизнеса и поддержать современное высокотехнологическое отечественное производство [13]. А их критики утверждают, что стратегии, выбранные правительствами этих стран, могут привести к дисбалансу на макроуровне и рыночным диспропорциям, поскольку они защищают неэффективные отрасли от конкуренции и технологии [14]. Более того, протекционистская политика может также привести к торговым конфликтам между странами, которые негативно сказываются на мировом экономическом росте и стабильности.

Тем не менее, объективные процессы мирохозяйственных связей подталкивают правительства многих стран к активной геоэкономической политике. Так было относительно недавно с промышленной политикой США и Франции, где главный вектор экономической политики учитывал фактор геоэкономики. Данная тенденция наблюдается и в экономической политике Японии и Китая, делающая их лидерами геоэкономических процессов.

При существующих различиях в экономической политике разных стран очевидно, что общим правилом для них является следующее: при проведении экономической политики государство, преследуя стратегические цели и являясь одновременно важнейшим субъектом международных отношений, стремится проводить эффективную экономическую политику, адекватную национальным интересам, создавая при этом благоприятные условия для привлечения инвестиций, движения капитала (промышленного и торгового) и высококвалифицированного труда.

Таким образом, экономическая стратегия и политика государства должны разрабатываться и реализовываться с учетом конъюнктурных изменений и степени участия страны, являющейся структурным и необходимым элементом геоэкономики, в международных экономических процессах. Такой подход не только увеличивает влияние страны на геоэкономику, но и позволяет ей соблюдать баланс между глобальным и региональным развитием.

Список источников

1. Wigell, M. Conceptualizing Regional Powers Geoeconomic Strategies: Neo-Imperialism, NeoMercantilism, Hegemony, and Liberal Institutionalism. *Asia Europe Journal*, 2016. 14(2), 135–151.
2. Weber, A. *Theory of industry placement. The problem of industrial standard*. Munich. 1926.
3. Christaller, W. Some Considerations of Tourism Location in Europe. In: *Papers, Regional Science Association*. Jg. 1964.12, 95–105.
4. Gilpin, R., 2011. *Global Political Economy. Understanding the international economic order*. Published by Princeton University Press, 41 William Street, Princeton, New Jersey 08540.
5. Luttwak, E.N. From geopolitics to geo-economics, *Logic of conflict, grammar of commerce*. 1990. *The National Interest* 20: 17–24.
6. Szlajfer H. *Economic nationalism and globalization: lessons from Latin America and Central Europe*. 2012. Brill, Leiden. 143 p.
7. Soilen, K. *Geoeconomics*, Bookboon, 2012, part 2, 8, 14–16.
8. Вахрушева М.А. Новая экономическая политика – геоэкономика // *Вятский медицинский вестник*. 2009. № 1. С. 134–136.
9. Hirschman, A. *Национальная власть и структура внешней торговли*. Berkeley: University of California Press. 1945. 221 p.
10. Лист Фридрих. *Национальная система политической экономии*. М.: Европа, 2005. 383 с.
11. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. (Перевод с англ. предисл. В. С. Афанасьева). М.: Эксмо, 2009. 960 с. (Антология экономической мысли).
12. Ажогина Н. Н., Игнатова Т. В., Павлюкова А. В. Взаимосвязь экономического роста и доходов домохозяйств в новой социально-экономической стратегии государства // *ФЭС: финансы, экономика, стратегия*. 2020. Том 17. № 5. С.13–19.
13. Тарасюк В. М. Тенденции территориального развития России. *Внутренняя геоэкономика // Государственная власть и местное самоуправление*. 2008. № 5. С. 20–23.

14. Гладкий Ю. Н., Писаренко С. В. «Геополитическая конструкция» и «геополитический потенциал» – основные понятия геополитики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 154. С. 129–137.

References

1. Wigell M. Conceptualizing regional powers geoeconomic strategies: Neo-Imperialism, NeoMercantilism, hegemony, and liberal institutionalism. *Asia Europe Journal*. 2016;14(2):135–151.
2. Weber A. *Theory of industry placement. The problem of industrial standard*. Munich; 1926.
3. Christaller W. Some considerations of tourism location in Europe. In: *Papers, Regional science association*. Jg. 1964. 12, 95-105.
4. Gilpin R., 2011. *Global Political Economy*. Understanding the international economic order. Published by Princeton University Press, 41 William Street, Princeton, New Jersey 08540.
5. Luttwak E.N. From geopolitics to geo-economics, logic of conflict, grammar of commerce. *The National Interest*. 1990;(20):17–24.
6. Szlajfer H. *Economic nationalism and globalization: lessons from Latin America and Central Europe*. 2012. Brill, Leiden. 143 p.
7. Soilen K. *Geoeconomics*. Bookboon;2012, part 2, 8: 14-16.
8. Vakhrusheva M. A. New economic policy – geoeconomics. *Vyatskii meditsinskii Vestnik = Vyatka Medical Bulletin*. 2009;(1):134–136. (In Russ.)
9. Hirschman A. *National power and structure of foreign trade*. Berkeley: University of California press; 1945. 221 p.
10. Liszt Friedrich. *National system of political economy*. Moscow: Europe; 2005. 383 p. (In Russ.)
11. Smith A. *A study on the nature and causes of the wealth of peoples*. (Translation from English Preface V. S. Afanasyeva). Moscow: Eksmo; 2009. 960 p. - (Anthology of Economic Thought). (In Russ.)
12. Azhogina N. N., Ignatova T. V., Pavlyukova A. V. The relationship of economic growth and household income in the new socio-economic strategy of the state. *FES: finansy, ekonomika, strategiya = FES: finance, economy, strategy*. 2020;17(5):13–19. (In Russ.)
13. Tarasyuk V. M. Trends in the territorial development of Russia. *Internal Geoeconomics. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local government*. 2008;(5):20-23. (In Russ.)
14. Gladkiy Yu. N., Pisarenko S. V. «Geopolitical construction» and «geopolitical potential» - the main concepts of geopolitics. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*. 2013;(154):129–137. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. Р. Туманян – докт. экон. наук, проф. кафедры политической экономии и экономической политики ЮФУ.

Information about the author

Yu. R. Tumanyan – Doctor of Economics, Professor of Department of Political Economy and Economic Policy of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.05.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 06.05.2023; approved after reviewing 18.05.2022; accepted for publication 19.05.2023.

Научная статья

УДК 336+338

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-181-189

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫМИ ФИНАНСАМИ

Марина Викторовна Чараева¹, Елена Николаевна Карпова²,
Ирина Анатольевна Прядко³, Ян Лю⁴

^{1, 2, 3, 4}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹mvcharaeva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6482-8777>

²enarpova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0679-6081>

³iapryadko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-3738>

⁴ialiu@sfedu.ru

Аннотация. В статье анализируются основные трансформационные тенденции в экономике, основанные на реализации концепций Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0. Выявляются основные направления цифровизации в финансовой, производственной, торговой и социальной сферах. В статье рассматриваются современные подходы к финансовому управлению, основанные на применении инноваций, цифровых технологий и принципов устойчивого развития. При проведении исследования используются методы анализа и синтеза, сравнения, приемы систематизации, обобщения теоретических аспектов в исследуемой области. По итогам исследования проводится систематизация современных инструментов и технологий финансового управления в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, финансовые технологии, зеленое управление финансами, ESG-принципы

Для цитирования: Чараева М. В., Карпова Е. Н., Прядко И. А., Ян Лю. Влияние цифровой трансформации на развитие системы управления корпоративными финансами // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 181–189. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-181-189>

Problems of Economics

Original article

THE IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE DEVELOPMENT OF CORPORATE FINANCIAL MANAGEMENT SYSTEM

Marina V. Charaeva¹, Elena N. Karpova², Irina A. Pryadko³, Yan Liu⁴

^{1, 2, 3, 4}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

¹mvcharaeva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6482-8777>

²enarpova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0679-6081>

³iapryadko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-3738>

⁴ialiu@sfedu.ru

Abstract. The article analyzes the main transformational trends in the economy based on the implementation of the concepts of Industry 4.0 and Industry 5.0. The main directions of digitalization in the financial, industrial, trade and social spheres are identified. The article discusses modern approaches to financial management based on the application of innovations, digital technologies and the principles of sustainable development. The research uses methods of analysis and synthesis, comparison, methods

of systematization, generalization of theoretical aspects in the field under study. Based on the results of the study, the systematization of modern tools and technologies of financial management in the context of digital transformation is carried out.

Keywords: digital economy, digital transformation, financial technologies, green financial management, ESG principles

For citation: Charaeva M. V., Karpova E. N., Pryadko I. A., Yan Liu. The impact of digital transformation on the development of corporate financial management system. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(2):181–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-181-189>

Введение. Современные экономические условия иллюстрируют трансформационные процессы, происходящие в мировой экономике, технологиях и управлении. Наступает смена укладов, в том числе и технологического. В настоящее время существует множество новых прорывных инноваций, включающих биоинженерные, нано- и цифровые технологии, которые оказывают влияние на деятельность компаний. Эти новые концепции, технологии и процессы, направленные на преобразование производственного ландшафта, получили общее название четвертой промышленной революции, а именно Индустрия 4.0. К основным технологиям Индустрии 4.0 можно отнести: Интернет вещей (IoT), большие данные (Big Data), облачные вычисления, интеллектуальное производство и интеллектуальную фабрику, адаптивное производство, искусственный интеллект (ИИ) и автоматизацию с использованием киберфизических систем.

Цифровая трансформация направлена на интеграцию информационно-компьютерных технологий, киберфизических технологий в хозяйственную деятельность компаний, проникновение во все элементы бизнес-процесса на всех его этапах, результатом чего должно стать построение «экосистемы взаимозависимых цифровых технологий, постоянное развитие которых стимулирует экономические и социальные изменения» [1, с. 10] и возникновение промышленности нового типа, которая развивается по следующим направлениям: «цифровизация и интеграция вертикальных и горизонтальных цепочек стоимости, цифровизация предлагаемых товаров и услуг, цифровые бизнес-модели и цифровая доступность для потребителей, формирование цифровой культуры и обучение цифровым навыкам сотрудников организаций, обеспечение цифрового доверия и оптимального порядка выбора, анализа и хранения данных» [2, с. 62-64].

Исследования выявили потенциальное повышение эффективности производства в результате внедрения технологий Индустрии 4.0. По оценкам, прирост в производственном секторе достигает 30%. Основные преимущества Индустрии 4.0 заключаются в следующем: повышение экономической эффективности; повышение эффективности работы; повышенная гибкость; снижение производственных затрат; увеличение возврата инвестиций.

Другим направлением развития экономики является ее курс на изменение модели на так называемую «зеленую экономику». Данная модель «делает акцент на удовлетворении потребностей человека с учетом взаимодействия с окружающей средой, в приоритете – благосостояние будущих поколений» [3, с. 20]. Это должно способствовать интеграции инноваций, в том числе и в финансовый менеджмент, в процессе модернизации производства, а также уменьшить зависимость от природных ресурсов и способствовать развитию применения возобновляемых ресурсов.

Соответственно, в складывающихся условиях смены мирохозяйственного и технологического укладов, в результате которых происходит трансформация методов управления и бизнес-моделей компаний, возникает проблема поиска новых подходов в управлении корпоративными финансами.

В рамках данной работы необходимо определить современные подходы корпоративного финансового управления, выявить оптимальные технологии управления финансами, а также провести анализ возможностей их использования в современных корпорациях в условиях цифровой трансформации.

Материалы и методы. Методологической базой данного исследования являются теоретические аспекты управления корпоративными финансами. Традиционный подход к системе финансового менеджмента включает следующие функциональные характеристики: «финансовое прогнозирование, принятие финансовых решений, финансовое планирование, финансовый контроль и финансовый анализ» [4]. Другие авторы анализируют изменения в подходах к корпоративному

финансовому менеджменту в условиях цифровой трансформации через реализацию следующих управленческих функций: «принятие финансовых решений, управление капиталом, управление расходами, финансовые функции, финансовая отчетность и финансовые риски» [5, с. 139]. И в первом, и во втором подходах функциональные связи представляют различные этапы финансового управления. Они тесно связаны, ограничивают и взаимодействуют друг с другом, образуя цикл управления финансами.

В процессе исследования используются общенаучные методы: анализа и синтеза, сравнение, приемы систематизации, обобщения теоретических аспектов в исследуемой области.

Результаты. Бурное развитие информационных технологий и цифровых решений является ярким трендом в развитии современной мировой экономики. Прежде всего, это сквозные информационные технологии, которые формируют новый технологический уклад, меняют порядок существования и работы финансовой системы, изменяют механизмы промышленного производства, усложняют бизнес-процессы и принятие эффективных управленческих, трансформируют взаимодействия между потребителем и производителем товаров и услуг посредством использования цифровых платформ и электронных сервисов.

Выделение цифровой экономики, как самостоятельной экономической категории, обусловлено ее отличительными характеристиками:

1. Всеобщая цифровизация и использование информационно-коммуникационных технологий.
2. Предоставление любой информации в качестве продукта.
3. Изобретение новых способов ведения и организации трудового и производственных процессов.
4. Предоставление новых источников личностного роста, посредством использования электронных сервисов.

В целом, существует большое разнообразие мнений по поводу определения понятия «цифровая экономика» (табл. 1).

Цифровизацию мировой экономики в широком смысле слова можно наблюдать в следующих основных областях: финансовой, производственной, торговой и социальной.

Цифровизация в финансовой сфере. Кредитные организации, как банковские, так и иные, все чаще внедряют в свою деятельность цифровые технологии взаимодействия с потребителями финансовых услуг. Они, в свою очередь, сами создают спрос на современные цифровые финансовые платформы. Ярким примером здесь являются P2P-кредитование, краудфандинг, дополняющие инструменты банковского кредитования. Параллельно также идет и процесс трансформации самих банков, появляются и новые полностью виртуальные банки. Россию этот процесс не обходит стороной и здесь в качестве примера можно привести банк «Тинькофф», действующий без отделений в классическом понимании функционирования банковской организации. Все эти технологии в финансовой сфере охватываются распространенным в последнее время термином – финтех («финансовые технологии»).

Основными сегментами распространения финансовых технологий в настоящее время являются: сегмент платежей и переводов (примеры – платежные системы PayPal, Qiwi и др.); сегмент небанковского кредитования через цифровые платформы (краудлендинговые и краудфандинговые интернет-площадки); интернет-банкинг; Big Data и машинное обучение (технологии, которые позволяют банкам, на основе оперативного машинного анализа огромных массивов данных, содержащихся в банковских информационных системах, получать информацию в целях повышения эффективности их деятельности); Blockchain (в частности, технология «распределенных реестров» позволяет исключить риски, связанные с проникновением в транзакции и иные данные третьих лиц).

Цифровизация в производственной сфере. Современные тенденции перехода экономики на новый технологический уклад «Индустрии 4.0» вызывают необходимость модернизации отечественных производственных систем, формирования актуальных подходов к организационно-экономическому обеспечению процессов производства, а также систем и методов управления. На промышленных предприятиях активизируются процессы автоматизации и роботизации производства, совершенствуются управленческие механизмы на основе моделирования бизнес-процессов, повышается уровень цифровой интеллектуализации предприятий.

**Таблица 1 – Подходы международных организаций
к определению понятия «цифровая экономика»**

Table 1 – Approaches of international organizations to the definition of the concept of "digital economy"

Источник	Определение
Организация экономического сотрудничества и развития	• «Цифровая экономика делает возможной и задействует торговлю товарами и услугами посредством электронной торговли в сети Интернет» (2012) [6, с. 58]. • «Цифровая экономика есть результат трансформационных эффектов новых технологий общего назначения в области информации и коммуникации» (2015) [6, с. 58]. • «Цифровая экономика представляет собой сочетание технологий общего применения и ряда видов экономической и общественной деятельности, осуществляемых пользователями Интернета при помощи соответствующих технологий. Цифровая экономика, таким образом, включает в себя физическую инфраструктуру, которую задействуют цифровые технологии (широкополосные проводящие сети, маршрутизаторы), устройства доступа (компьютеры, смартфоны), информационные системы (Google, Salesforce) и обеспечиваемый ими функционал (Интернет вещей, анализ больших данных, облачные вычисления)» (2016) [6, с. 58]. • «Использование данных и цифровых технологий для создания новых или изменения существующих видов деятельности; цифровая трансформация – совокупность экономических и социальных эффектов в результате цифровизации» (2019) [1, с. 12].
Всемирный банк	• «Цифровая экономика – это новая парадигма ускоренного экономического развития, основанная на обмене данными в режиме реального времени, [...] это система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий» (2016) [6, с. 58]. • «Проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов» (2018) [1, с. 12].
Конференция ООН по торговле и развитию	• «Цифровая экономика – применение цифровых интернет-технологий в процессе производства товаров и услуг и торговли ими» (2017) [6, с. 58]. • «Направления радикального влияния цифровых продуктов и услуг на традиционные секторы экономики» (2019) [1, с. 12].

Источник: составлено авторами на основе [1, с. 12; 6, с. 58].

Цифровизация в торговой сфере. Сфера торговли во многих странах, включая Россию, является одной из наиболее высокотехнологичных и применение инноваций, являющихся продуктом цифровой экономики, идет здесь по трем основным направлениям: автоматизированный глубокий анализ аудитории, создание понятных и удобных цифровых платформ для покупателей, обеспечение ритейлерами автоматизированного контроля всех этапов собственной работы с покупателем. В настоящее время, основным сегментом-драйвером цифровизации в торговой сфере, безусловно, является интернет-торговля. Причем эта закономерность характерна как для российского, так и для мирового рынка.

Цифровизация в социальной сфере. Примерами проявления цифровизации в социальной сфере уже сейчас является активное развитие во многих странах мира порталов электронного правительства. В качестве примера можно привести Великобританию, Австралию, Францию, Южную Корею и Россию. В России – это портал «Госуслуги». Представляется, что в дальнейшем основным направлением цифровизации социальной сферы в РФ будет именно развитие разного рода интернет-порталов, позволяющих получить интересующую информацию, а также государственные услуги.

Начало цифровой трансформации российской экономики связано с запуском масштабной программы развития экономики нового технологического поколения, которая реализуется в рамках Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.¹

Также Правительством Российской Федерации в 2019 г. была сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в соответствии с которой развитие экономики в условиях цифровизации будет происходить по следующим направлениям, которые представлены на рис. 1.



Рис. 1. Направления развития цифровой экономики в соответствии с положениями национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»²

Fig. 1. Directions of development of the digital economy in accordance with the provisions of the national program "Digital Economy of the Russian Federation"

Реализация задач в рамках каждого из направлений возлагается на три уровня цифровой экономики: рынки и отрасли экономики, платформы и технологии, среда для развития платформ и технологий, взаимодействия субъектов рынка. Они направлены на развитие как уже имеющихся условий для создания прорывных цифровых платформ и технологий, так и создание новых условий для возникновения перспективных технологий.

При этом развитие национальной экономики происходит в основном за счет трансформации финансового рынка. Это обусловлено его социально-экономическими функциями. Так, благодаря развитию финансового сектора повышается уровень и качество жизни населения, создается большое количество сервисов для доступа и получения различных услуг на рынке. Также посредством управления сбережениями и расходами экономических субъектов происходит перераспределение доходов, часть из которых направляется на инвестирование в реальный сектор экономики. Выполняя эти и ряд других функций, финансовый рынок выступает драйвером изменений и развития национальной экономики.

В связи с этим немаловажно обеспечить трансформацию именно финансового сектора. Одним из главных координаторов цифрового развития финансового рынка выступает Центральный банк Российской Федерации, осуществляющий свою деятельность как мегарегулятор. Помимо законодательной и надзорной деятельности Банк России активно содействует внедрению новых цифровых финансовых технологий.

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 21.03.2023).

² Составлено авторами на основе: Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 г. №7). URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 21.03.2023).

В 2017 г. Советом директоров Банка России были приняты «Основные направления развития финансовых технологий на период 2018-2020 годов»¹, в которых заложены цели и принципы развития инновационных технологий в финансовом секторе. По итогам пройденного периода были достигнуты определенные результаты по нескольким направлениям. При этом по результатам международных исследований Российская Федерация занимает во многих категориях высокие позиции, что говорит о правильно выработанной стратегии изменения экономики страны.

Основываясь на полученных результатах, Банк России в декабре 2021 г. определил стратегические направления развития финансовых технологий на период 2022–2024 гг.², которые позволят увеличить доступность и набор предоставляемых услуг экономическим субъектам, снизить возникающие издержки при проведении транзакций, а также повысить безопасность использования финансовых продуктов и технологий. На основе изучения потребностей участников финансового рынка было выделено двенадцать важных направлений развития (рис. 2).

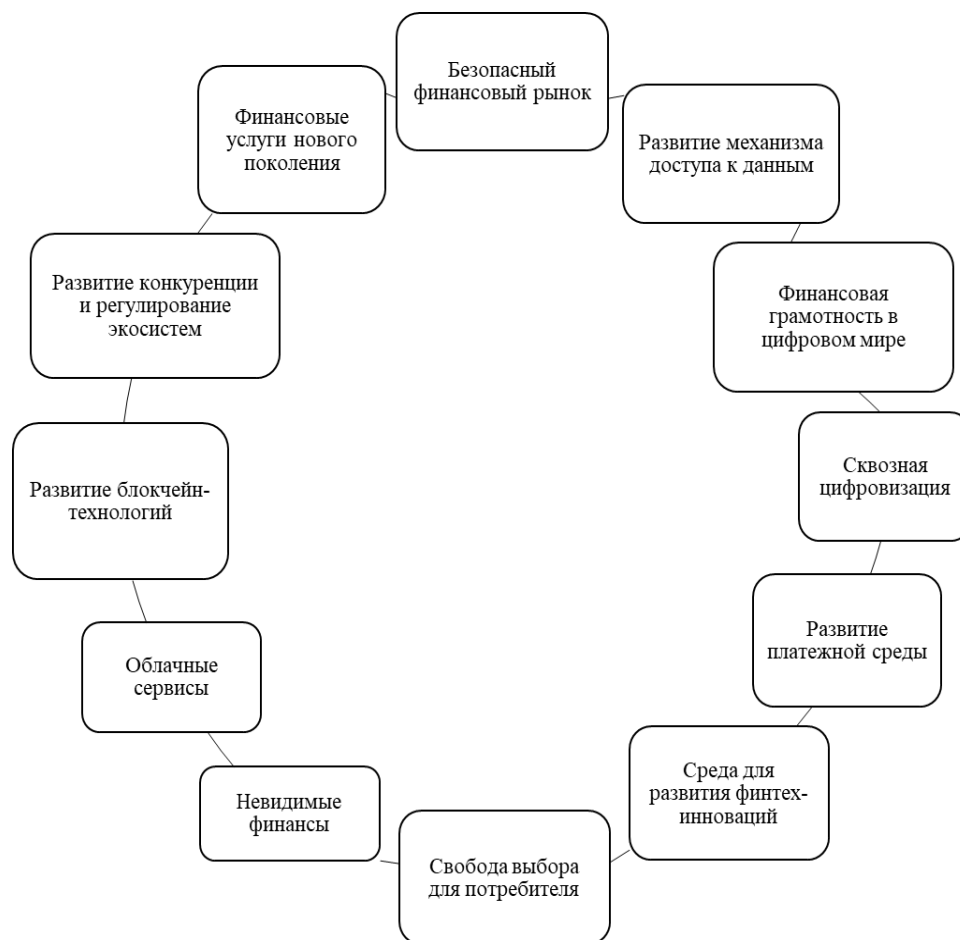


Рис. 2. Направления развития финансового рынка на период 2022-2024 годов³

Fig. 2. Directions of financial market development for the period 2022-2024

Таким образом, в рамках концепции «Индустрия 4.0» центральным ядром являются интеллектуальные технологии, которые, с одной стороны, способствуют повышению эффективности и продуктивности производства, а с другой, – приводят к снижению значимости человеческих

¹ Основные направления развития финансовых технологий на период 2018-2020 годов. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/84852/ON_FinTex_2017.pdf (дата обращения: 21.03.2023).

² Проект Основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022-2024 годов. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131360/oncfr_2022-2024.pdf (дата обращения: 21.03.2023).

³ Составлено авторами на основе: Основные направления развития финансовых технологий на период 2018-2020 годов... С. 13.

ресурсов в выполнении многих задач. Данное противоречие привело к появлению новой концепции «Индустрия 5.0», целью которой является продолжение расширения цифровой трансформации, но уже за счет сочетания «точности и скорости промышленной автоматизации с креативностью, инновациями и критическими навыками мышления людей»¹.

В современной литературе по управлению корпоративными финансами можно вычленить несколько подходов, которые являются актуальными в соответствии с нынешними экономическими условиями, складывающимися во всем мире.

Одним из таких направлений является теория «зеленого финансового менеджмента». В рамках данного подхода перераспределение финансовых ресурсов идет на реализацию «зеленых» проектов предприятий с низкоуглеродной экономикой, а также на управление зелеными фондами компаний, что должно способствовать управлению и развитию экологических проектов корпорации.

Другой подход показывает влияние ESG-принципов на развитие корпоративных финансов. «ESG представляет собой набор стандартов и критериев для инвесторов и других заинтересованных сторон для оценки экологических, социальных и управленческих результатов деятельности компании»². Современное устойчивое корпоративное управление представляет систему, основанную на объединении и взаимоувязке целей акционеров и основных стейкхолдеров компании ради достижения общественно-значимых интересов и защиты окружающей среды. Результаты множества исследований демонстрируют чрезвычайно положительную связь между практикой устойчивого развития и корпоративными финансовыми показателями. Об этом свидетельствует рост числа компаний, публикующих ESG-отчетность, а также увеличение инвесторов, включающих критерии ESG в инвестиционные модели оценки. С другой стороны, увеличивается количество документов, регулирующих поведение участников рынка в контексте ESG, выпускаемых государственными органами и неправительственными организациями.

Однако эффективная реализация данных подходов невозможна без внедрения инноваций. Именно фактор использования инноваций в корпоративных финансах является объединяющим для всех современных концепций. В настоящее время таковыми инновациями являются, в первую очередь, компьютерные и цифровые технологии.

К основным инновационным разработкам в системе корпоративного финансового менеджмента относится модель управления финансами на основе использования облачных технологий и Big Data. Применение облачных технологий облегчает хранение большого массива информации, в том числе финансовой, что позволяет снизить временные и стоимостные затраты компаний. В свою очередь, использование технологии Big Data позволяет создавать автоматизированные модели управления финансами, а также управления бизнес-процессами. Полученные на основе применения финансового моделирования результаты позволяют разрабатывать эффективные способы корректировки финансового управления и принятия решений в соответствии с рабочим процессом корпорации. В основе таких автоматизированных систем управления лежит система показателей всесторонней оценки финансового состояния и финансовых рисков компании, в т.ч. риска обслуживания долга, риска доходности, риска эксплуатации активов и другие. По результатам углубленного анализа вырабатываются решения по: наилучшей структуре капитала, разработке разумного плана обслуживания долга и оптимизации каналов привлечения средств и финансирования; улучшению коэффициента использования активов, созданию дополнительных отделов управления инвестиционными рисками, повышению эффективности использования капитала и создания основных мобильных продуктов; усилению управления рисками активов, расширению масштабов продаж продукции, стандартизации системы движения денежных средств и использования централизованных банковских счетов; разработке обоснованных продуктовых проектов, оптимизации основных бизнес-операций и формированию стратегических планов развития [7].

¹ Индустрия 5.0: добавление человеческого потенциала к «Индустрии 4.0». URL: <https://www.sap.com/cis/insights/industry-5-0.html> (дата обращения: 21.03.2023).

² Корпоративное управление в контексте ESG: новое понимание устойчивости. – М., 2021. URL: <http://corprtransparency.ru/documents/corporate-governance-in-the-context-of-esg.pdf> (дата обращения: 16.03.2023). С. 5.

Выводы. Развитие систем управления финансами на основе использования цифровых технологий, таких как большие данные и искусственный интеллект, приведет к совершенствованию процесса финансового управления, реализации автоматизации, компьютеризации и цифровизации финансового развития. Это позволит, учитывая различные аспекты, такие как факторы затрат и контроль рисков, при повышении преимуществ и конкурентоспособности своих собственных сетевых платформ, построить систему, основанную на сочетании управления, ориентированного одновременно на текущее и стратегическое развитие.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время идет трансформация концептуальных подходов и методов управления корпоративными финансами в сторону цифровизации (машинное обучение, включая искусственный интеллект, облачные вычисления, большие данные, виртуальная реальность), которые будут способствовать развитию не только компаний, но и приносить благо обществу, достигая результатов посредством увеличения скорости принятия решений и быстрого перераспределения ресурсов.

Список источников

1. Цифровая трансформация: ожидания и реальность: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. [Текст] / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский, М. А. Гершман, Л. М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 221 с.
2. Бекбергенева Д.Е. Ключевые направления развития индустрии 4.0 в современных условиях цифровизации экономики // Экономические науки. 2020. № 4 (185). С. 61–65. DOI: 10.14451/1.185.61
3. Иванова Н. И., Левченко Л. В. «Зеленая» экономика: сущность, принципы и перспективы // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zelenaya-ekonomika-suschnost-printsipy-i-perspektivy> (дата обращения: 16.03.2023).
4. Jun Gao. Research on Financial Informatization Construction of Business and Finance Integration. International Journal of Science and Research (IJSR). 2022; Volume 11 Issue 7: С. 355. DOI: 10.21275/SR22704192347.
5. Дэн Л. Основные аспекты цифровой трансформации корпоративного финансового управления // Академическая публицистика. 2022. № 5-1. С. 138–144.
6. Головенчик Г. Теоретические подходы к определению понятия "цифровая экономика" // Наука и инновации. 2019. № 1(191). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 21.03.2023). <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2019-1-54-59>
7. Deng, Yuenan. (2022). Construction of a Digital Platform for Enterprise Financial Management Based on Visual Processing Technology. Scientific Programming. 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/360562099_Construction_of_a_Digital_Platform_for_Enterprise_Financial_Management_Based_on_Visual_Processing_Technology (дата обращения: 16.03.2023).

References

1. Abdrakhmanova G. I., Vasilkovsky S. A., Vishnevsky K. O., Gershman M. A., Gokhberg L. M. and other. *Digital transformation: expectations and reality*: Collection to the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on problems of Economic and Social Development. Moscow; 2022. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2022. 221 p. (In Russ.)
2. Bekbergeneva D. E. Key directions of development of industry 4.0 in modern conditions of digitalization of the economy. *Ekonomicheskie nauki = Economic sciences*. 2020;4(185):61–65. DOI: 10.14451/1.185.61 (In Russ.)
3. Ivanova N. I., Levchenko L. V. "Green" economy: essence, principles and prospects. *Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika = OmSU Bulletin. Series: Economics*. 2017;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zelenaya-ekonomika-suschnost-printsipy-i-perspektivy> [Accessed 16 March 2023]. (In Russ.)

4. Jun Gao. Research on Financial Informatization Construction of Business and Finance Integration. *International Journal of Science and Research (IJSR)*. 2022;11(7):355. DOI: 10.21275/SR22704192347.
5. Dan L. The main aspects of the digital transformation of corporate financial management. *Akademicheskaya publitsistika = Academic journalism*. 2022;(5-1):138–144. (In Russ.)
6. Golovenchik G. Theoretical approaches to the definition of the concept of "digital economy". *Nauka i innovatsii = Science and innovation*. 2019;1(191). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-tsifrovaya-ekonomika> [Accessed 21 March 2023]. <https://doi.org/10.29235/1818-9857-2019-1-54-59> (In Russ.)
7. Deng, Yuenan. (2022). *Construction of a Digital Platform for Enterprise Financial Management Based on Visual Processing Technology*. Scientific Programming. 2022. Available from: https://www.researchgate.net/publication/360562099_Construction_of_a_Digital_Platform_for_Enterprise_Financial_Management_Based_on_Visual_Processing_Technology [Accessed 16 March 2023].

Информация об авторах

М. В. Чараева – доктор экономических наук, и.о. заведующего кафедрой теории и технологий в менеджменте, профессор факультета управления Южного федерального университета.

Е. Н. Карпова – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и технологий в менеджменте, факультет управления Южного федерального университета.

И. А. Прядко – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и технологий в менеджменте, факультет управления Южного федерального университета.

Ян Лю – магистрант факультета управления Южного федерального университета.

Information about the authors

M. V. Charaeva – Doctor of Economics, Acting Head of the Department of Theory and Technology in Management, Professor of the Faculty of Management of the Southern Federal University.

E. N. Karpova – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Theory and Technologies in Management, Faculty of Management of Southern Federal University.

I. A. Pryadko – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Theory and Technologies in Management, Faculty of Management of Southern Federal University.

Yan Liu – Master's student of the Faculty of Management of the Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 03.05.2023; принята к публикации 04.05.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 03.05.2023; accepted for publication 04.05.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 190–196
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):190–196

Политология и этнополитика

Научная статья

УДК 32

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-190-196

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ МОДЕЛИ «ПЕНТАБАЗИСА»
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ**

Олег Александрович Артюхин¹, Людмила Леонидовна Иванова²,

Алим Тимурович Батов³

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Экспертный совет Молодежного парламента при Государственной Думе РФ, Москва, Россия

¹oart1969@mail.ru

²ivanova-ll@uriu.ranepa.ru

³alimbatov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются аксиологические проблемы выбора цивилизационного пути развития современной России, определяются причины и проблемы возникшего мировоззренческого кризиса, анализируются мировоззренческие компоненты модели «пентабазиса», предложенные в рамках проекта «ДНК России». По результатам исследования предлагается использовать гуманистические ценности для формирования мировоззрения молодежи в рамках современной образовательной политики. Использование мировоззренческих компонентов «пентабазиса» в образовательной практике будет способствовать формированию патриотизма и гражданской ответственности у студенческой молодежи, как одной из наиболее социально активной части российского общества.

Ключевые слова: национальная идея, мировоззрение, патриотизм, российская цивилизация, ценностные компоненты, аксиологические основы государственности

Для цитирования: Артюхин О. А., Иванова Л. Л., Батов А. Т. Мировоззренческие компоненты модели «пентабазиса» в современной политике России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 190–196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-190-196>

Politology and Ethnopolitics

Original article

**IDEOLOGICAL COMPONENTS OF THE "PENTABASIS" MODEL
IN THE MODERN POLICY OF RUSSIA**

Oleg A. Artyukhin¹, Lyudmila L. Ivanova², Alim T. Batov³

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

³Expert Council of the Youth Parliament under the State Duma of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹oart1969@mail.ru

²ivanova-ll@uriu.ranepa.ru

³alimbatov@mail.ru

Abstract. The article examines the axiological problems of choosing the civilizational path of development of modern Russia, identifies the causes and problems of the emerging ideological crisis, analyzes the ideological components of the "Pentabasis" model proposed within the framework of the "DNA of Russia" project. According to the results of the study, it is proposed to use humanistic values to form the worldview of young people within the framework of modern educational policy. The use of the ideological components of "Pentabasis" in educational practice will contribute to the formation of patriotism and citizenship among students, as one of the most socially active part of Russian society.

Keywords: national idea, worldview, patriotism, Russian civilization, value components, axiological foundations of statehood

For citation: Artyukhin O. A., Ivanova L. L., Batov A. T. Ideological components of the "Pentabasis" model in modern policy of Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):190–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-190-196>

В условиях тектонического изменения ландшафта современного мирового порядка и перехода к новой модели мира, Россия встала перед выбором цивилизационного пути развития. До начала специальной военной операции, ознаменовавшей моральный поворот в общественном сознании, замеры качественных социологических исследований демонстрировали кризис духовно-нравственных ценностей у части современного российского общества¹. Попытка пойти после демонтажа советской системы политического управления по западному либеральному цивилизационному пути привела к образованию множества мировоззренческих перекосов в сознании населения. Либеральные ценности «потребительского общества», культивируемые Западом создали серьезную угрозу разрушения культурной идентичности россиян. Гедонизм детерминирует потребительские мировоззренческие установки западного человека, и данный стереотип пытались навязать россиянам на протяжении нескольких десятилетий.

Особенностью образа поведения западного человека является индивидуализм, где на первом месте находятся потребительские интересы. Этому способствуют, в том числе и средства массовой информации и коммуникации, кинематограф, пропагандирующие индивидуализм, космополитизм, праздный образ жизни, насилие и жестокость. К сожалению, перенос многих западных мировоззренческих стереотипов на российское общество во многом оказался успешным. Тем не менее, западные акторы, отличающиеся узостью геополитического мышления, допустили стратегический просчет. В западной экспертной среде, имеющей, как правило, лишь теоретическое представление о России, принято считать, что за три с небольшим десятилетия применения оптимальных инструментов реализации политики мягкой силы, Запад перековал российское общество в новый либеральный класс потребителей. Но феномен российского общества – в его ментальности, оно устроено так, что действительно серьезные, экзистенциальные проблемы консолидируют российский народ, заставляют мобилизовать все внутренние ресурсы, и стимулируют духовно-национальный подъем, что не соответствует западной культурологической концепции общества потребления, западной демократии и западной модели либерализма. Это парадокс и духовная идеология русского человека. Данная особенность наиболее ярко проявилась с начала специальной военной операции на Украине.

Мировоззренческий кризис связан, прежде всего, с мировоззренческой гетерогенностью российского общества, отсутствием национальной идеи и идеологии. Мировоззренческая гетерогенность стала деструктивным дестабилизирующим аксиологическим фактором построения постсоветской российской государственности. Необходимость объединяющей национальной идеи стала очевидной с усилением геополитического противостояния России со странами Запада, началом конфликта и гибридной войны на территории Украины. Возникшие угрозы детерминировали поиск объединяющей национальной идеи, которая могла бы сплотить вне зависимости от социальной или политической принадлежности россиян разных возрастов, национальностей, конфессий и вероисповеданий.

¹ Аналитический обзор ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/moralnyi-povorot>

На необходимость формирования мировоззренческих установок и выбор национальной идеи, которая стала бы фундаментом для создания аксиологических основ российского общества, неоднократно указывал президент В. В. Путин. В своих выступлениях президент подчеркивал, что базовой идеей для России может стать патриотизм, который как идея способен лечь в фундамент построения новой российской государственности, так как проблема развития современной России во многом связана с дальнейшим определением ценностных ориентиров [1].

Очень интересной в этом плане представляется статья Харичева А. Д., Шутова А. Ю., Полосина А. В., Соколовой Е. Н. «Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробаций)» [2]. В ней авторы публикуют результаты проведенных исследований по выявлению базовых ценностей россиян. Главной целью исследования стало выявление «интегральной системы базовых ценностей», на основе которых можно говорить о формировании «общенационального цивилизационного кода», при этом полученные данные авторы предлагают использовать «в разработках прикладного характера».

В рамках исследования авторами была выведена рабочая модель «Пентабазис» (рис. 1), структурными компонентами которой обозначены: Человек – Семья – Общество – Государство – Страна. Для каждой компоненты была определена своя «ценностная доминанта»: Человек – Созидание, Семья – Традиции, Общество – Согласие, Государство – Доверие к институтам, Страна – Патриотизм, – которым соответствуют определенные «ценностные установки».



Рис. 1. Рабочая модель мировоззренческого «пентабазиса»

Fig. 1. Working model of the ideological "pentabasis"

Данная статья стала теоретической основой для исследования мировоззренческих компонентов и основополагающих духовно-нравственных скреп в ходе реализации проекта «ДНК России», которые, по мнению разработчиков проекта, позволят воспитать поколение нового формата, способного решать самые сложные мировоззренческие задачи.

В статье представлена многоуровневая модель ценностного базиса (рис. 2):

- базовые факторы и структуры социально-исторического развития;
- ценностные доминанты;
- ценностные установки.

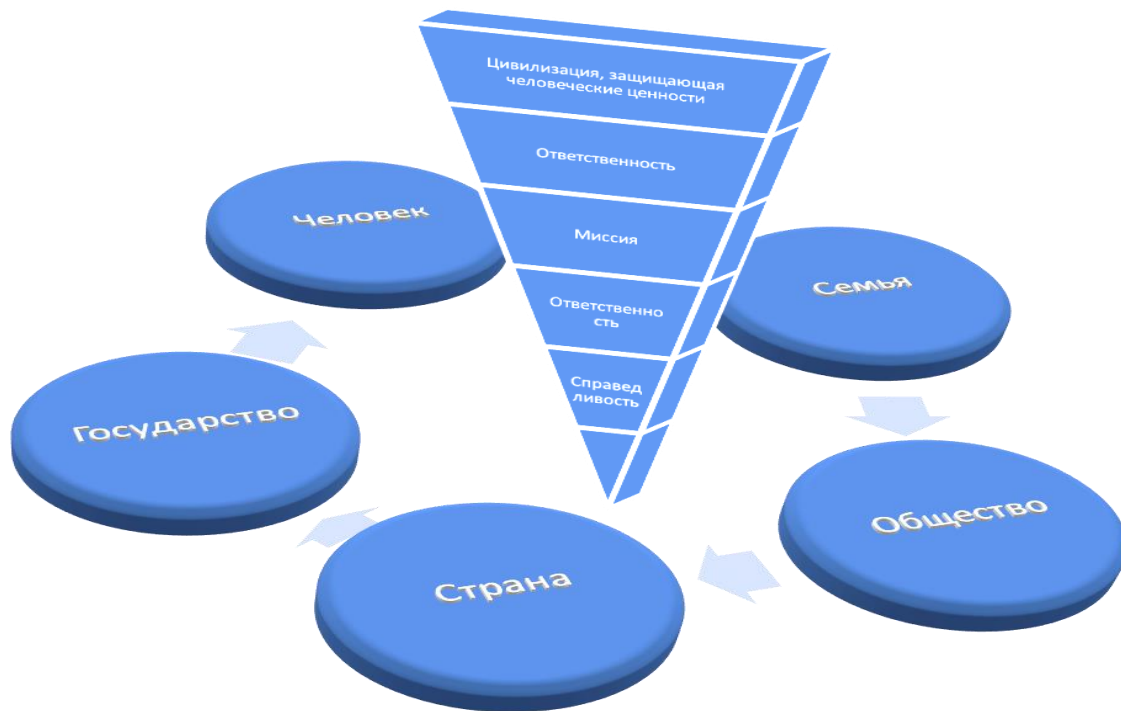


Рис. 2. Ценностные ориентиры мировоззренческой модели «Пентабазис»

Fig. 2. Value orientations of the worldview model "Pentabasis"

Что же касается патриотизма, то в ценностной доминанте «Страна», патриотизм будет общим как для россиянина, так и для представителей других народов, будь то американец, либо китаец, марокканец и т.д. Это будет справедливо и для таких категорий как «традиции», «семья», «согласие», «общество» или «государство». Но российский патриотизм будет в первую очередь базироваться на богатой истории, гордости за вклад России в процессы мирового исторического развития. Интересно, что раскрываться многие категории могут взаимоисключающим образом, в зависимости от этических взглядов, представлений об идеале или о будущем. Раскрытие категории «Патриотизм», например, может подразумевать стремление к национальной закрытости или интеграции в глобальный мир со стиранием национальных черт, ориентации на Восток или на Запад; стремление к либерализму или консерватизму, к монархии, парламентаризму или прямой демократии. И все это будет – искреннее субъективное выражение патриотизма отдельных людей. Представление о благе для государства априори может быть различным. В этой связи ценностью является не «патриотизм» как таковой, а то понятие о благе, которое в него вкладывается. А первоосновой, определяющей это понятие, по мнению авторов проекта, может выступать только этическая система.

Многие из ключевых положений анализируемого исследования нашли свое отражение в утвержденной Владимиром Путиным новой Концепции внешней политики Российской Федерации¹, которая заменила предыдущий вариант Концепции², действовавший с 2016 г. Концептуальный документ в нынешней версии принципиально отличается сущностными новеллами: от его трехуровневой иерархической структуры «интересы – цели – задачи» – до использования крайне важного с идеологической точки зрения цивилизационного подхода.

В новой Концепции Президентом впервые официально и однозначно закрепляется на доктринальном уровне определение России как «самобытного государства-цивилизации». Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавших

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

² Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 2016. № 49, ст. 6886.

эпох, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира. Идентифицируя себя как цивилизация, Россия руководствуется собственными культурно-историческими критериями, исключая универсализм и любые попытки извне навязать нам чуждые ценностные нормы. В современном мире цивилизационные противоречия приводят к усилению социальной и политической конфликтности. Столкновение цивилизаций, как утверждает С. Ф. Хантингтон [3], неизбежно и приведет к перекраиванию политической карты мира.

Проект «ДНК России» возник на основе опыта реализации Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹, Указа Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»² и нашел свое воплощение в Указе Президента РФ от 25 января 2023 г. №35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики»³, где рассматриваются пути решения проблем обеспечения «культурного суверенитета». Именно культурный суверенитет, состоящий из множества компонентов социально-культурной направленности, позволяет формировать свою идентичность, как российскому народу, так и российскому государству. Только в рамках культурного суверенитета можно свято хранить культурное наследие, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей, базирующихся на исторической памяти, что способствует минимизации культурной и социально-психологической зависимости от внешнего влияния и защите от деструктивного информационного и идеологического воздействия.

На рис. 3 представлены мировоззренческие противоречия, детерминированные цивилизационными особенностями. В системе ценностных ориентиров большинства россиян духовное доминирует над материальным, что остается неотъемлемой частью мировоззрения и культуры российского общества.

Такие мировоззренческие компоненты, как: патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, историческая память, интернационализм, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, справедливость, милосердие, семья, созидательный труд и другие гуманистические ценности легли в основу концепта модели «пентабазиса» – интеллектуального полигона для выработки смысловых оснований развития страны и выступают основой масштабного учебного курса «Основы и принципы российской государственности». Планируется, что его будут преподавать студентам всех специальностей для «расставления мировоззренческих акцентов» [4]. Формирование патриотической жизненной позиции студенческой молодежи сегодня является одним из приоритетных направлений работы Министерства науки и высшего образования РФ. Разрабатываемый курс направлен на формирование мировоззрения студенческой молодежи – одной из самых значимых демографических групп как по численности, так и по уровню социальной значимости. В нем должны быть четко определены конкретные задачи и функции, а также механизм оценки конечных результатов его освоения.

Для построения и укрепления в обществе идей и граней патриотизма на основе научно обоснованных и организационных основ координации патриотической деятельности в общегосударственном масштабе – актуальной остается задача согласования действующих нормативно-правовых документов стратегического планирования в области патриотического воспитания и обновления законодательной базы, исходя из задач и потребностей субъектов патриотического воспитания. В сложном и многогранном процессе патриотического воспитания происходит

¹ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Собрание законодательства РФ. № 30, ст. 4884.

² Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. № 27 (часть II), ст. 5351.

³ Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808». Собрание законодательства РФ. № 5, ст. 777.

оздоровление духовно-нравственного климата в стране. Формирование патриотического мировоззрения, сохранение исторической памяти, героических традиций и национального единства является неотъемлемым компонентом российского патриотизма как базовой национальной идеи. Особо отметим, что наряду с образованием необходимо заниматься именно патриотическим воспитанием, способным прививать населению патриотические ценности и идеалы.

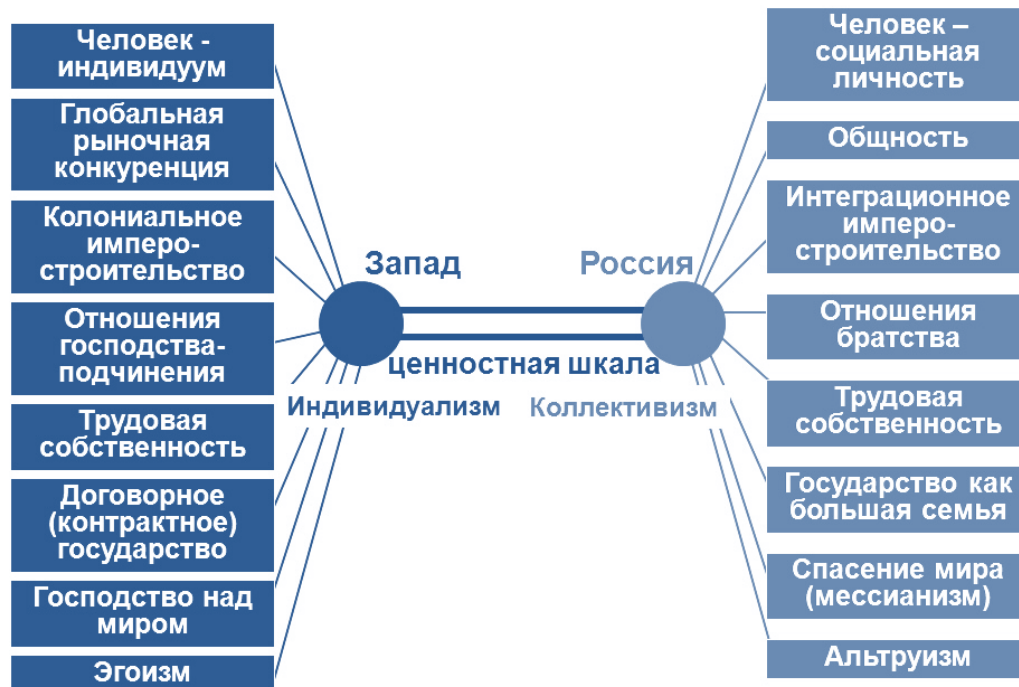


Рис. 3. Ценностные проекции коллективизма и индивидуализма¹

Fig. 3. Value projections of collectivism and individualism

Таким образом, на современном этапе общественного развития российское государство находится в фазе особого поступательного развития, которое обусловлено экономическими, политическими и социальными преобразованиями. Характерной чертой современного развития выступает формирование и закрепление гуманистических ценностей и идеалов, развитие устойчивой системы патриотического воспитания, сохранения традиционных ценностей. На всем этапе исторического развития России, гражданственность и патриотическая идея имели значительное влияние для воспитания морально-волевых качеств. Нормативно-ценностная парадигма патриотизма характеризуется как качество личности, которое детерминировано такими гранями как любовь к Отечеству, преданность, готовность служить Родине, связывать свою жизнь со страной, видеть в ней будущее своих детей. Каждая из граней по-разному укоренена и отрефлексирована в представлениях общества.

Список источников

1. Гусаров С. Посвятить себя развитию страны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-nacionalnaya-ideya>
2. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробаций) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Ю. Новикова. СПб.: АСТ, 2003. 603 с.

¹ <https://54studio.ru/psychology/odin-za-vseh-ili-vse-na-odnogo-kollektivizm-i-individualizm.html>.

4. Васильева А., Винокуров А. Полный пентабазис. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5652423>

References

1. Gusarov S. *Devote himself to the development of the country*. [electronic resource]. Available from: <https://russian.rt.com/russia/article/745442-putin-patriotizm-nacionalnaya-ideya>. (In Russ.)
2. Kharichev A. D., Shutov A. Yu., Polosin A. V., Sokolova E. N. Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation materials). *Zhurnal politicheskikh issledovaniy = Journal of Political Studies*. 2022;6(3):9–19. (In Russ.)
3. Huntington S. *The Clash of Civilizations*. Translated from the English by Yu. Novikova. Saint-Petersburg: AST; 2003. 603 p. (In Russ.)
4. Vasilyeva A., Vinokurov A. *Full pentabasis*. [electronic resource]. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5652423>. (In Russ.)

Информация об авторах

О. А. Артюхин – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры «Теория и история государства и права» ДГТУ.

Л. Л. Иванова – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

А. Т. Батов – член экспертного совета Молодежного парламента при Государственной Думе РФ.

Information about the authors

O. A. Artyukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa; Associate Professor of the Department «Theory and History of State and Law» of Don State Technical University.

L. L. Ivanova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

A. T. Batov – Member of the Expert Council of the Youth Parliament under the State Duma of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 11.05.2023.

The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 11.05.2023.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-197-204

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Майя Арташесовна Аствацатурова¹, Лариса Хасановна Дзахова²

¹Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, maya.astv@gmail.com

²Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, ldzakhova@mail.ru

Аннотация. Статья содержит политический анализ реализации главных принципов государственной молодежной политики РФ на региональном уровне субъектов РФ Северо-Кавказского федерального округа, в частности, Республики Северная Осетия-Алания (РСО-А). Выделяются характерные свойства молодежи как особой социальной группы, требующей соответственного политико-управленческого внимания государства. Прослеживаются программно-целевые усилия регионального профильного органа исполнительной власти РСО-А по воплощению доктринальных принципов российской федеральной политики в отношении молодежи. Как самостоятельный кейс анализируются содержательные и организационные инициативы главы РСО-А С. И. Меняйло по формированию значимого информационно-коммуникационного и ценностного пространства взаимодействия власти и молодежи. Привлекается документальный эмпирический материал, осмысленный на базе контент-анализа и включенного наблюдения.

Ключевые слова: подвижки миропорядка, роль России в современных геополитических процессах, молодежная политика, политико-административное управление, Республика Северная Осетия-Алания, взаимодействие власти и молодежи, организационные формы региональной молодежной политики, инновационные технологии реализации интересов молодежи, информационно-коммуникационный «диалог на равных»

Для цитирования: Аствацатурова М. А., Дзахова Л. Х. Федеральные смыслы и региональные проекции государственной молодежной политики Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 197–204. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-197-204>

Politology and Ethnopolitics

Original article

FEDERAL MEANINGS AND REGIONAL PROJECTIONS OF THE STATE YOUTH POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maya A. Astvatsaturova¹, Larisa Kh. Dzakhova²

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, maya.astv@gmail.com

²North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, ldzakhova@mail.ru

Abstract. The article contains a political analysis of the implementation of the main principles of the state youth policy of the Russian Federation at the regional level of the constituent entities of the Russian Federation of the North Caucasian Federal District, in particular, the Republic of North Ossetia-Alania (RNO-A). The characteristic properties of youth are singled out as a special social group that requires the appropriate political and managerial attention of the state. The program-targeted efforts of the regional profile executive body of the North Ossetia-A to implement the doctrinal principles of the Russian federal youth policy are traced. As an independent case, the content and organizational initiatives of the head of the RNO-A S.I. Menyailo on the formation of a significant information, communication and value space for interaction between the authorities and youth. Documentary empirical material is involved, meaningful on the basis of content analysis and participant observation.

Keywords: shifts in the world order, the role of Russia in modern geopolitical processes, youth policy, political and administrative management, the Republic of North Ossetia-Alania, interaction between government and youth, organizational forms of regional youth policy, innovative technologies for realizing the interests of youth, information and communication «dialogue on an equal footing»

For citation: Astvatsaturova M. A., Dzakhova L. Kh. Federal meanings and regional projections of the state youth policy of the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):197–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-197-204>

Постановка проблемы. Проблема молодежной политики как значимого сегмента социальной политики государства сохраняет свою актуальность для политического знания. Политология, как и социология, традиционно уделяет большое внимание социальному состоянию, социальным настроениям, а также и социальным ожиданиям молодежи [1]. Это обусловлено общеизвестными обстоятельствами, среди которых мы, поддерживая известные экспертные оценки, выделим следующие. Так, молодежь [2]:

- является решающим демографическим, трудовым, кадровым ресурсом общества, без участия которого невозможно развитие государства и общества;
- выступает носителем политической культуры настоящего и в то же время резервом социальной и политической культуры будущего;
- создает в силу типологических социально-стратных свойств, в частности, стремления к коллективным и эмоционально окрашенным акциям, настроение в обществе;
- способна к креативному мышлению, к инновационным решениям, нестандартным типам поведения, которые недоступны старшим и средним поколениям;
- тяготеет к неординарным поступкам, которые могут быть катализаторами нового содержания общественных отношений, а также отношений общества и власти;
- стремится критически оценивать социальные традиции, социальный порядок общества, как равно и миропорядок, формируя тем самым платформу для новых общественных устоев, как широких социальных, так и профильных – морально-нравственных, этических, эстетических.

Ресурсы молодежи чрезвычайно важны не только в обеспечении общенационального социально-экономического развития, но и в обновлении политической культуры, осовременивании политических отношений, ротации участников партийно-политического и политико-управленческого процесса. Участие молодежи в реформационных, революционных, модернизационных трендах имеет решающее значение для политической системы и политического режима [3].

В современных условиях, характеризующихся существенными подвижками миропорядка, острыми противоречиями между государствами, распространением гибридных войн и конфликтов, роль молодежи особенно актуализируется [4]. Молодые люди во всех странах стремятся или вынуждены определяться со своим выбором в отношении сложнейших общественно-политических институтов, тенденций.

Смыслы современной молодежной политики РФ. В современной РФ аспект молодежной политики и управления в сфере проблем молодежи проявляется четко и рельефно. В течение долгого времени готовился Федеральный закон о молодежной политике, который был принят в 2020 г. и который составил полнокровную нормативно-правовую базу политики и управления в сфере интересов молодежи. Само принятие этого закона на федеральном уровне говорит о том, что Российское государство выделяет молодежную политику в самостоятельно значимую сферу государственного функционала. Федеральный закон знаменателен многими позициями, однако, на наш взгляд, прежде всего, тем, что он вводит в правовое поле важные категории социального, политического и управленческого процесса. В Федеральном законе даются определения таких категорий, как «молодежь», «молодая семья», «молодежное общественное объединение», «молодежная политика», «молодой специалист». Очень важными нам представляются такие категории, как «инфраструктура молодежной политики», а также «самореализация молодежи»¹.

Среди смысловых целей молодежной политики названы и те, которые обусловлены полиэтничностью и поликонфессиональностью российского общества, в котором российская гражданская

¹ Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573248507> (дата обращения: 27 апреля 2023).

идентичность составлена множеством идентичностей народов и групп населения, имеющих этнокультурные, а также и этнополитические интересы [5]. Так, в законе декларируются: «4) *повышение уровня межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодежной среде; 5) формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям*»¹.

Все национальные проекты, которые реализуются с 2018 г. имеют прямое или опосредованное (но чаще – прямое) отношение к решению проблем молодежи. Сами титулы проектов говорят о том, что они включают целевые программы и акции, адресованные молодежи: «Демография», «Здоровье», «Карьера и бизнес», «Образование», «Саморазвитие», «Социальная активность», «Туризм», «Экология», «Жилье». Здесь подчеркнем, что активные молодые люди, общественные молодежные объединения, волонтерские молодежные организации, молодежные партийно-политические организации и движения выступают не только объектами, но субъектами молодежной политики. Сотни молодежных общественных организаций и движений в сотрудничестве с органами власти МСУ работают в таких направлениях, как: охрана и восстановление объектов историко-культурного наследия, природных памятников; забота о природе, о редких растениях и животных; помощь ветеранам, инвалидам, малоимущим, людям, находящимся в тяжелой жизненной ситуации; проведение массовых общественно-значимых, спортивных, творческих мероприятий; забота о детях, оставшихся без попечения родителей и о детях с редкими и орфанными заболеваниями и др. Особым вектором действий молодежных общественных организаций является сохранение традиций, образцов народного наследия, как материального, так и нематериального.

Руководство страны, чиновники высокого уровня, лидеры политических партий уделяют большое внимание работе с молодежью и воплощению молодежной политики. Президент РФ В. В. Путин в связи с созданием в России новой общественной организации – **Российского движения детей и молодежи** – отметил: «...своими делами, поступками, своей решимостью и при этом открытостью наших намерений, планов, принципов мы сможем сделать мир более справедливым»².

Закономерно, что молодежная политика в РФ, как и всякая иная, реализуется органами власти и управления на всех уровнях федеративного административно-территориального устройства. Прежде всего, это уровень федерального центра, далее – уровень субъекта Федерации и далее – уровень местного самоуправления, который сегодня актуализируется в связи с включением органов МСУ в систему публичной власти.

Региональные проективные формы воплощения молодежной политики. «Молодежный вопрос» является актуальным для сообществ субъектов РФ, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Данная актуальность обусловлена следующими обстоятельствами: большая доля молодежи в составе населения (до 30%). Среди молодежи СКФО в меньшей степени, чем в других регионах РФ распространены социальные болезни и девиации (алкоголизм, склонность к немотивированному насилию, увлеченность нетрадиционными культурами и «культурами насилия» и др.). Молодежь СКФО отличается региональным патриотизмом и невысокой мобильностью, как вертикальной, так и горизонтальной, что имеет как позитивные, так и негативные следствия³. Также присутствует зримый социальный контроль-патронаж над молодежью со стороны старших. Это: родители и родственники, преподаватели, начальники, лидеры религиозных и национально-культурных организаций, главы семей, общин и кланов и др.

В то же время у молодежи СКФО множество проблем, которые требуют нацеленного политико-управленческого внимания. Это: безработица, проблематичность трудоустройства и карьерного роста. На Северном Кавказе узок рынок труда, слабы социальные лифты, низок уровень

¹ Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ. Ст. 4. Цели молодежной политики. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573248507>. (дата обращения: 27 апреля 2023).

² Путин обратился к молодежи: мы сможем сделать мир более справедливым // Вести. 2022. 18 декабря. URL: <https://www.vesti.ru/article/3104688> (дата обращения: 25 апреля 2023).

³ Молодежь Северного Кавказа связывает свое будущее с родным регионом. Ставрополь. URL: https://www.ncfu.ru/home/news/Molodej_-Severnogo-Kavkaza-svyazyvaet-svoe-buduee-s-rodnyim-regionom/ (дата обращения: 6 апреля 2023).

жизни в целом. В СКФО недостаточны объем и уровень социального обслуживания; недостаточное качество образования, медицины, досугового комплекса. Также с 90-х гг. XX в., когда Северный Кавказ стал ареной жестоких этнических конфликтов, сепаратизма, экстремизма и терроризма, появилась проблема включения молодежи в террористические организации, в радикальные сообщества. Продолжаются, хотя и не в прежнем масштабе, попытки вербовать молодежь в незаконные террористические соединения, склонить молодых людей и девушек к совершению террористических актов «во благо религии, во благо своего народа».

Данные проблемы зафиксированы в соответствующей государственной программе развития СКФО, как равно и направления и мероприятия по их решению¹. В связи с этим важна своевременная экспертная оценка, как социального состояния молодежи СКФО, так и количественных и качественных показателей реализации в субъектах РФ СКФО государственной молодежной политики. В этом плане большой интерес вызывают программные действия власти по реализации государственной молодежной политики в Республике Северная Осетия-Алания.

Субъектом реализации государственной молодежной политики выступает профильный орган власти региона – Комитет Республики Северная Осетия-Алания по делам молодежи (Комитет). Данный орган власти с 1995 г. прошел несколько стадий организационного развития. Сегодня Комитет имеет очень широкий спектр полномочий, которые предусматривают управленческую, организационную деятельность во всех сферах, интересующих молодежь.

Деятельность Комитета имеет в целом ординарный характер, однако, в ней присутствуют оригинальные проекты, которые обеспечивают социальные потребности молодежи РСО-А. К таким проектам отнесем: «Профилактику идеологии терроризма и экстремизма», «Социальную активность», «Книгу памяти», «Год памяти и славы – 2020»². Реализуемые проекты позволяют: а) реагировать на разные запросы разных групп молодежи; б) ограждать молодежь от опасного воздействия носителей террористической и экстремистской идеологии; в) вовлекать молодежь в общественно-значимую деятельность; д) формировать у молодежи общероссийское гражданское самосознание и патриотизм на лучших героических примерах общей истории народов страны [6].

Большой пакет информационных, агитационных, методических материалов предлагается Комитетом в рамках общей профилактики распространения среди молодежи экстремистского сознания и наклонностей к насилию, терроризму. В этом пакете выделяются: проведение фокус-групп и образовательных семинаров, экспертные круглые столы, Календарный план по исполнению мероприятий **«Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы в Республике Северная Осетия-Алания на 2020 год»**³.

Крайне важно, что при Комитете действуют общественно-консультативные органы. В них входят молодые специалисты, ученые, активисты, творческие работники, члены молодежных общественных организаций, молодые политические лидеры, волонтеры и др. При Комитете работает Коллегия, Общественный совет. Также действует Совет молодых ученых и специалистов при Главе РСО-А. Эти общественные структуры обеспечивают прежде всего тесные связи профильного органа власти с молодежью республики, а также публичность принятия и внедрения политических и управленческих решений.

Углубляя этот аналитический кейс, отметим, что содержательный тон и многие организационные проекции молодежной политики в РСО-А задает глава республики – С. И. Меняйло. Возглавляя республику с 2021 г., имея большой опыт военно-политического, государственного служения, он привнес в регион собственный стиль политико-административного управления.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 309 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» (в ред. от 28 декабря 2022 г.). Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/45216715db08af70990494aa3e8f7c8f/gos_programma_rf_razvitiye_skfo_28122022.pdf (дата обращения: 25 апреля 2023).

² Комитет Республики Северная Осетия-Алания. Деятельность. URL: <http://kdm.alania.gov.ru/about/tasks> (дата обращения: 3 апреля 2023).

³ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы в Республике Северная Осетия-Алания на 2020 год». URL: <http://kdm.alania.gov.ru/pages/595> (дата обращения: 29 апреля 2023).

С одной стороны, глава РСО-А наращивает сдержанный тренд принципиального руководства, свободного от фамилно-родственных связей, от необъективности и эмоциональности. С другой стороны, глава республики стремится к расширению поля публичной политики, к открытости власти для граждан и гражданского общества, прежде всего, с собственным участием. Официальный портал Республики Северная Осетия-Алания представляет главу республики как активного участника множества встреч, общественно-значимыми диалогов, дискуссий. Можно утверждать, что с его подачи в республике инициировано формирование самостоятельно весомого информационно-коммуникативного пространства публичного общения власти и граждан. Из акций 2022-2023 гг. выделим такие, как: поздравление победителей олимпиады «Кредо – знание»; посещение открытия фестиваля «Кино на службе Отечеству»; встречи с известными спортсменами и спортивными командами; участие в открытии Всероссийского конкурса «Мастер года» на территории СКФО; беседы со студенчеством РСО-А и Москвы; посещение новых производственных и образовательных комплексов, а также новых учреждений медицины и культуры¹. Особое внимание глава республики уделяет военнослужащим, которые исполняют воинский долг в ходе специальной военной операции (СВО) РФ на Украине и членам их семей, встречаясь с участниками СВО, поддерживая семьи воюющих, отдавая долг памяти погибшим.

Непосредственное общение с молодежью главы РСО-А как самостоятельный сегмент информационно-коммуникационного пространства взаимодействия власти и граждан постоянно расширяется. Закономерно, что именно молодежь является благодарной и в то же время взыскательной аудиторией, которая стремится вникнуть в проблемы республики и актуализировать их в прямом диалоге с политической и управленческой элитой РСО-А, прежде всего, с главой региона. За 2022–2023 гг. выработаны и применяются несколько эффективных организационных форм взаимодействия первого лица политико-административного управления с молодыми жителями республики. Проведем блиц-реферирование таковых на основе контент-анализа и включенного наблюдения.

1. **«Диалог на равных».** Сам титул акции говорит о заинтересованности власти в общении с молодежью, а также о том, что молодые активисты выступают не только объектами, но и субъектами молодежной политики на региональном уровне. Диалоги проходят с волонтерами ресурсного центра, которые оказывают помощь людям в сложных ситуациях как члены студенческого союза спасателей, а также с активистами молодежных движений. Глава республики подчеркивает общую позицию руководства РСО-А в отношении молодежи – будущему республики, которая составляет «продвинутый» ресурс. Формат «Диалога на равных» – «...без отчетов и статистики. Такой тон задал сам врио главы. Говорить о важном. О том, что действительно волнует»².

2. **Поддержка молодежного лидерства.** Республиканские власти при содействии Главы используют популяризацию конкурса «Лидеры России» для актуализации проблемы подготовки молодых лидеров во всех сферах социально-экономического, производственного, социокультурного комплекса республики. Здесь важными являются такие послы главы РСО-А, как необходимость для молодых активистов аргументировать свои идеи и проекты, уметь работать в команде, быть эффективным кадровым резервом. Важными свойствами молодежи как важнейшего человеческого капитала является нацеленность на новизну, свобода от архаичных традиций и стереотипов. Глава республики составил реестр качеств, необходимых для молодых специалистов, руководителей, а именно: «...отвечать требованиям времени... уметь оперативно и гибко реагировать на любые изменения. В общем, лидер должен быть амбициозно-креативным, небезразличным, активным... способным держать удар, быть стойким... быть штучным товаром». Для подготовки ротации власти «...необходимо формировать кадровый резерв. Причем он должен быть не номенклатурным, а живым и действующим, который будет выдавать готовых специалистов для дальнейшей работы»³.

Важно, что тезисы главы РСО-А имеют возвратный характер, т.е., они обращены к самому политико-административному истеблишменту региона, без программных усилий которого невозможно сохранить и нарастить человеческий капитал и человеческий потенциал.

¹ Республика Северная Осетия-Алания. Глава Республики Северная Осетия-Алания. Сергей Иванович Меняйло. URL: <http://alania.gov.ru/head?page=2> (дата обращения: 27 апреля 2023).

² Каллагова Н. «Диалог на равных»: Сергей Меняйло встретился с молодежью республики. URL: <https://alania-tv.ru/dialog-na-ravnyh-sergej-menyajlo-vstretilsya-s-molodezhyu-respubliki/> (дата обращения: 10 апреля 2023).

³ Меняйло: молодые и прогрессивные лидеры нужны нам во всех сферах. Глава Северной Осетии о том, в каких сферах сейчас нужны талантливые управленцы и кто такой настоящий лидер. URL: <https://osnova.news/n/19953/> (дата обращения: 12 апреля 2023).

3. **Поддержка молодежного сегмента гражданского общества.** С. И. Меняйло инициирует систематическое взаимодействие с молодежными организациями «третьего сектора», регулярно встречаясь с руководителями и членами молодежных общественных организаций. Данные встречи достигают нескольких стратегических и тактических задач. Прежде всего, глава РСО-А транслирует в молодежном сообществе региона позицию федерального центра, Президента РФ в сфере молодежной политики и проблем молодежи. Выделяется стратегическая задача «... обеспечить содержательную преемственность поколений». *«Поступайте так, как считаете правильным. Должно быть внутреннее убеждение своей правоты. Это непростой путь, но именно он приведет вас к нужным результатам»*¹. Он подчеркивает важность коллективного мнения и коллективной позиции молодежи в обсуждении и разрешении проблем динамического развития, которые стоят перед республикой.

Отметим, что для республики, которая в определенной мере имеет свойства традиционного общества, типичного для регионов СКФО, проблема соотнесения традиций и инноваций оценивается как сложносоставная и, отчасти, конфликтная. В связи с этим очевидна необходимость наращивания социальных и профессиональных компетенций молодежи, а также приобретения ею проектной культуры.

4. **«Политическое ориентирование» молодежи.** Глава РСО-А как политик, имеющий существенный опыт функционирования в разных политических и управленческих сферах, считает политическую культуру важной составляющей общекультурного идентификационного комплекса молодежи. Актуализация политико-правовых аспектов молодежного группового сознания и поведения состоялась в 2022-2023 гг. в связи с геополитическими вызовами, резким обострением отношений России со многими странами, санкциями и «культурой отмены», которые применяются к РФ со стороны США, «коллективного Запада» и иных стран. Особое внимание руководитель республики уделяет профилактике информационного воздействия на молодежь, которое приобрело агрессивные формы «фейковой войны», «фейковой экспансии». Эти явления, поддерживаемые современными IT-технологиями, пагубно воздействуют, прежде всего, на молодежь. Глава РСО-А отмечает, что *«враг цинично манипулирует сознанием и настроениями в обществе, провоцируя к необдуманному и ошибочным решениям»*².

Обращая внимание на суть современного противостояния мировых держав и на роль России в отстаивании справедливого миропорядка, он рекомендует *«...отличить правду от лжи... более критично относиться к информации, вникать в происходящие политические процессы и доверять только надежным информационным источникам»*³. Содержание современного политического и геополитического пространства обязывает граждан РФ, в том числе, и молодежь к консолидации, сплочению на патриотической почве, в том числе, и на площадках молодежных общественных организаций, которые имеют собственные возможности информационно-разъяснительной работы с молодыми людьми.

5. **Рационализация молодежной блогосферы.** Современный этап общественно-политического дискурса имеет глобальное электронное выражение (блогосфера, личные и групповые сайты, чаты, электронные инфо-ресурсы, социальные сети, нейросети и др.). Это побуждает власть на основе государственных доктрин и правовых норм к максимальному «обеззараживанию» «интернет-паутины» для молодежи.

Глава региона на встрече с блогерами из разных уголков России – участниками проекта «Твоя Осетия» обозначил главные противоречия и перспективные ниши блогерства как значительного явления информационно-коммуникационного поля: *«Каждый из вас имеет активную жизненную и гражданскую позицию – эту позицию вы излагаете, доносите до своих подписчиков»*⁴.

¹ Сергей Меняйло встретился с представителями молодежных организаций республики.
URL: <http://alania.gov.ru/news/11675> (дата обращения: 27 апреля 2023).

² Сергей Меняйло встретился с представителями молодежных общественных организаций Северной Осетии.
URL: <https://alaniatv.ru/sergej-menyajlo-vstretilsya-s-predstaviteliyami-molodezhnyh-obshhestvennyh-organizatsij-severnoj-osetii/> (дата обращения: 7 апреля 2023).

³ Там же.

⁴ Сергей Меняйло встретился с блогерами из разных регионов России, которые стали участниками проекта «Твоя Осетия». URL: https://vk.com/wall-28951727_41491 (дата обращения: 10 апреля 2023).

Общие проблемы блогосферы увязываются главой республики с региональным целеполаганием в связи с развитием этнокультурного, историко-культурного туризма. Здесь подчеркнем, что такой вид туризма составляет один из продуктивных аспектов реализации **«Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»** (ред. 2018 г.). *«Поэтому симбиоз блогеров и традиционных СМИ – это то, что сегодня необходимо, на мой взгляд, для наполнения информационного поля позитивным и добрым контентом, повышения туристической привлекательности и узнаваемости республики, всего Северного Кавказа как мирного, перспективного, гостеприимного региона»*, отметил он на встрече¹.

Блог-тур «Твоя Осетия» стал убедительным примером сотрудничества профессионалов таких сфер, как информационная, культурно-просветительская, образовательно-воспитательная, спортивно-туристическая на привлекательной платформе регионального патриотизма, выраженного в живых, историко-культурных, природно-ландшафтных образах. Глава подчеркивает значимость *«... активной творческой деятельности, способствующей развитию туризма, популяризации природных, исторических и культурных памятников республики»*². По мнению руководителя РСО-А, чрезвычайно важно, что блогеры из других регионов страны, создавшие информационные материалы об РСО-А, стали популяризаторами ее достопримечательностей, природных красот, памятников истории и культуры, туристических маршрутов, традиций и обычаев.

6. Пополнение образовательного ресурса студенчества. Внимание государства и органов власти и управления к студенчеству как к самостоятельно значимой группе молодежи закономерно в связи со многими известными обстоятельствами. Студенчество – наиболее информированная и образованная часть молодой генерации, способная на критические рефлексии в отношении политической системы, власти, миропорядка. В этой связи глава РСО-А уделяет большое внимание общению со студентами, которые присутствуют на всех мероприятиях, встречах, диалогах и интервью с его участием. Так, например, в диалоге со студенчеством Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова он акцентировал необходимость уважительного отношения к историко-культурному наследию народов региона: *«... у меня к вам предложение: взять ответственную и важную миссию по сбору информации на себя совместно с преподавателями»*³.

Новой и весьма перспективной формой диалога со студенчеством стала лекция, которую прочел глава республики студентам Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации (МГИМО). Проблемное поле лекции было посвящено, прежде всего, Северной Осетии-Алании в разрезе ее социально-экономических, общественно-политических, этнокультурных характеристик, а также и геополитического положения. Главу РСО-А *«впечатлило, что студенты живо интересовались реализацией проектов экономической модели развития Осетии, нашими инвесторами – такие темы молодежь обычно мало волнуют, но, видимо, только не студентов МГИМО»*⁴. Также он прокомментировал ряд современных проблем международных отношений, внешней политики РФ, перспектив развития страны и ее регионов.

Некоторые обобщения

Проведенный анализ новых организационных форм реализации молодежной политики в Республике Северная Осетия-Алания позволяет сделать ряд обобщений:

- молодежная политика на региональном уровне РСО-А в полной мере соответствует доктрине и правовым установкам молодежной политики РФ, но, с учетом социально-экономических, социокультурных, этнокультурных свойств республиканского североосетинского сообщества;
- цели, задачи молодежной политики в РСО-А, реализуемые профильным органом исполнительной власти на основе программно-целевого метода, достигаются при осмыслении специфических проблем молодежи республики и СКФО;

¹ Сергей Меняйло встретился с блогерами из разных регионов России, которые стали участниками проекта «Твоя Осетия». URL: https://vk.com/wall-28951727_41491 (дата обращения: 10 апреля 2023).

² Там же.

³ Сергей Меняйло встретился со студентами исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Республика Северная Осетия-Алания. Официальный портал. URL: <http://alania.gov.ru/news/12241> (дата обращения: 10 апреля 2023).

⁴ Глава Северной Осетии прочитал лекцию о республике студентам МГИМО. URL: <https://kavkaz.mk.ru/social/2023/04/14/glava-severnoy-osetii-prochital-lekciju-o-respublike-studentam-mgimo.html> (дата обращения: 12 апреля 2023).

- формы и методы осуществления молодежной политики на региональном уровне РСО-А включают тесное сотрудничество органов власти и управления с молодежными общественными организациями как институтами гражданского общества, которые выступают не только объектами, но и субъектами молодежной политики;
- содержательные ниши и инновационные формы реализации интересов молодежи РСО-А в ходе политико-административного управления во многом внедряются по инициативе главы региона, который инициирует информационно-коммуникационное взаимодействие с молодежью;
- повестка «диалога на равных» органов власти и управления, а также главы РСО-А с молодежью откликается на актуальные и острые проблемы современности социально-экономического, общественно-политического, политико-управленческого и геополитического порядка.

Список источников

1. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. *Sociology of youth*. Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. 336 p.
2. Аствацатурова М. А., Воронцов С. А., Понеделков А. В., Игнатова Т. В. Упрочение гражданского единства в этнополитическом контексте Юга России экспертные оценки (политико-управленческие идеи и экспертное мнение) // *Власть*. 2018. № 7. С. 17-23.
3. Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики: сборник статей / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской, Ю.А. Зубок. М.: Изд-во Эконом-Информ. 2019. 325 с.
4. Молодежь перед вызовами XXI века: Сб. науч. тр.; отв. ред. М.А. Ядова. Сер.: Теория и история социологии. М., 2018. 228 с.
5. Аствацатурова М. А., Дзахова Л. Х. Содержательно-структурная этнополитическая синкретизация российской гражданской идентичности (некоторые северокавказские практики) // *Вопросы политологии*. 2021. Т. 11, № 8(72). С. 2243-2255.
6. Воронцов С. А., Игнатова Т. В., Понеделков А. В. Восприятие Великой Отечественной войны в молодежной среде Ставропольского края и РСО-Алания: вызовы для государственной молодежной политики // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2020. № 1. С. 169-173.

References

1. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. *Sociology of youth*. Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. 336 p. (In Russ.)
2. Astvatsaturova M. A., Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V., Ignatova T. V. Strengthening civil unity in the ethno-political context of the South of Russia expert assessments (political and managerial ideas and expert opinion). *Vlast' = The Authority*. 2018; 7: 17-23. (In Russ.)
3. *Youth and youth policy: new meanings and practices: collection of articles*; edited by S.V. Ryazantseva, T.K. Rostovskaya, Yu.A. Zubok. Moscow: Publishing House of Economy-Inform. 2019. 325 p. (In Russ.)
4. *Youth facing the challenges of the XXI century: collection of scientific papers*; resp. edited by M. A. Yadov. Ser.: Theory and history of sociology. Moscow, 2018. 228 p. (In Russ.)
5. Astvatsaturova M. A., Dzakhova L. Kh. Content-structural ethno-political syncretization of Russian civil identity (some North Caucasian practices). *Voprosy politologii = Political science issues*. 2021; 11(8)72: 2243-2255. (In Russ.)
6. Vorontsov S.A., Ignatova T.V., Ponedelkov A.V. Perception of the Great Patriotic War among the youth of the Stavropol Territory and North Ossetia-Alania: challenges for the state youth policy. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Pyatigorsk State University*. 2020; 1: 169-173. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Аствацатурова – доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований ПГУ.

Л. Х. Дзахова – доктор политических наук, заведующий кафедрой философии и социальных наук СОГУ им. К. Л. Хетагурова.

Information about the authors

M. A. Astvatsaturova – Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Research of Pyatigorsk State University.

L. Kh. Dzakhova – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests. Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 19.05.2023.

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 19.05.2023.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-205-209

ОППОЗИЦИЯ В НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ ПЛЮРАЛИЗМА

Ашхен Сергеевна Геворгян

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, ashkhen-aroyan@yandex.ru

Аннотация. В представленной работе рассмотрены не только конкретные представители политической оппозиции в России, но и изучен ряд факторов, описывающих их современной состояние. Автор рассматривает политический феномен оппозиции: понятие и сущность, факторы, которые оказали влияние на эволюционный характер ее формирования, а также анализирует оппозицию как механизм политического плюрализма. Также представлены основные подходы к оценке оппозиции, три этапа осмысления, изучены научные подходы к определению данного термина. Предпринята попытка решения важной научной задачи, связанной с анализом соотношения видов оппозиции в России и ее возможной роли в кратко- и среднесрочной перспективе развития политической системы нашей страны.

Ключевые слова: оппозиция, власть, оппозиционная деятельность, партии, подходы, демократическое государство, методы, факторы

Для цитирования: Геворгян А. С. Оппозиция в научно-политическом дискурсе: категориальная определенность и потенциал плюрализма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 205–209. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-205-209>

Politology and Ethnopolitics

Original article

OPPOSITION IN SCIENTIFIC AND POLITICAL DISCOURSE: CATEGORICAL CERTAINTY AND THE POTENTIAL OF PLURALISM

Ashkhen S. Gevorgyan

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, ashkhen-aroyan@yandex.ru

Abstract. In the presented work, not only specific representatives of the political opposition in Russia are considered, but also a number of factors describing their current state are studied. The author examines the political phenomenon of the opposition: the concept and essence, the factors that influenced the evolutionary nature of its formation, and also analyzes the opposition as a mechanism of political pluralism. The main approaches to the assessment of the opposition, three stages of comprehension are also presented, scientific approaches to the definition of this term are studied. An attempt has been made to solve an important scientific problem related to the analysis of the correlation of the types of opposition in Russia and its possible role in the short- and medium-term development of the political system of our country.

Keywords: opposition, government, opposition activity, parties, approaches, democratic state, methods, factors

For citation: Gevorgyan A. S. Opposition in scientific and political discourse: categorical certainty and the potential of pluralism. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):205–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-205-209>

В научной литературе не существует универсального определения термина «оппозиция». Изучение такого феномена как политическая оппозиция прошло определенную эволюцию в политической науке, на которую повлияли научные факторы, к которым можно отнести доминирование тех или иных научных подходов и направлений. Поскольку политическая оппозиция является понятием многоаспектным, следовательно, существует и множество подходов к его определению.

С точки зрения этимологии слово «оппозиция» происходит от латинского языка и означает «противопоставление». Сам же термин «политическая оппозиция» был введен в лексику политологии в середине XVIII в. в Англии учеными Генри Болингброком и Эдмундом Берком, поскольку в этот период парламентская система Великобритании претерпевала кардинальные изменения, и именно в этой стране произошло становление официально признаваемой оппозиции на уровне парламента [1].

В политической науке существует множество классификаций оппозиции, и некоторым из них стоит уделить особое внимание.

Западные исследователи-политологи в своем большинстве выделяют такой критерий, характеризующий оппозицию, как соответствие целей оппозиции принципам конституционного строя. По данному критерию в западной политологии традиционными являются два типа оппозиции – системная и внесистемная.

Исследованием политических партий и, в частности, оппозиции занимался известный французский ученый, государствовед Морис Дюверже, утверждавший о непосредственной связи особенностей оппозиции и функционирующей политической системы. Ученый пришел к выводу, что двухпартийная и многопартийная политические системы порождают абсолютно отличающиеся друг от друга структуры власти. При двухпартийной политической системе оппозиция превращается в эффективный политический институт.

В свою очередь при режиме многопартийности границы оппозиции по отношению к правительству являются размытыми. Вдобавок, в многопартийной системе нет такого органа, который мог бы действительно взять на себя функцию официальной оппозиции [2, с. 74].

Исследованием политических партий и, в частности, оппозиции занимался известный французский ученый, государствовед Морис Дюверже, утверждавший о непосредственной связи особенностей оппозиции и функционирующей политической системы. Ученый пришел к выводу, что двухпартийная и многопартийная политические системы порождают абсолютно отличающиеся друг от друга структуры власти. При двухпартийной политической системе оппозиция превращается в эффективный политический институт.

В свою очередь при режиме многопартийности границы оппозиции по отношению к правительству являются размытыми. Вдобавок, в многопартийной системе нет такого органа, который мог бы действительно взять на себя функцию официальной оппозиции.

Изучаемые политические явления очень редко можно рассмотреть только с одной точки зрения, в своем большинстве они являются многогранными. В прочем схематические построения классификаций не являются бесполезными, ведь такие «идеальные типы» оппозиций полезны в процессе сравнения, помогают при выявлении специфики взглядов той или иной партии, а также выступают в качестве общей модели в концепции политической жизни.

У политической оппозиции существуют как положительные стороны, так и отрицательные.

С точки зрения положительного влияния оппозиция обеспечивает альтернативу выбора для людей с различными политическими взглядами и воззрениями, способствует достижению компромисса в процессе принятия важнейших политических и политико-социальных решений, а также исключает возможность существования монополии на принятие тех самых вышеупомянутых решений исключительно властным большинством [3].

Впрочем, необходимо не забывать об одной из главных характеристик оппозиции – ее вовлеченности в конфликт с действующей властью. И если отсутствуют действенные способы включения оппозиции в политический процесс, то вполне реален сценарий использования оппозицией различных механизмов дестабилизации политической системы общества, что может стать угрозой для целостности политической системы.

Оппозиция как общественное явление прошло достаточно долгий путь формирования и осмысления, продолжающийся вплоть до настоящего времени. На сегодняшний день существует

множество подходов к определению термина «оппозиция», критериев ее выделения, способов выражения и форм действия, а интерес исследователей к феномену оппозиции продолжает расти, что обеспечивает дальнейшее развитие оппозиционных теорий и концепций.

Оппозицию как двигатель функционирования политической системы рассматривал уже упоминаемый политолог – Морис Дюверже. Он рассматривал партийную конкуренцию как основу баланса политических сил, при которой та или иная партия становилась правящей, а другая оппозиционной.

Такая конфигурация политических сил порождала эффективность функционирования политической системы. При этом описание конфигурации относит нас к бипартийной системе, когда автор считал многопартийную систему менее эффективной. В рамках многопартийности оппозиция не представляет собой единый механизм функционирования политической системы.

Данная авторская позиция свидетельствует о том, что существует проблема не только наличия или отсутствия той или иной оппозиции внутри политических систем, но и ее влияния на плюрализм и многообразие. Если Дюверже акцентировал внимание на этом в рамках партологического подхода, то в контексте данного исследования стоит дать более широкий круг концептуальных подходов к исследованиям оппозиции в рамках вопроса политического плюрализма.

Акцент на многообразии, в свою очередь, обусловлен тем, что демократические и правовые общества непосредственно реализуют свою жизнедеятельность на основе плюралистических установок, выраженных в принципе.

Многообразие в политике в контексте политических групп ассоциируется в первую очередь с теорией элит, в рамках которой существует концепт контрэлиты, активно использующийся Вильфредо Парето в его концепции циркуляции элит. Данный подход к рассмотрению оппозиции можно считать элитологическим, ведь он отождествляет политическую оппозицию с амбициозной в политическом смысле группой людей, которая борется за право стать элитой или заменить существующую. Данная группа людей называется контрэлита и до определенных политических перемен, она является оппозиционной.

Отсюда формируется такой признак оппозиции, как временной характер, зависящий от политической конъюнктуры. Роль и место той социальной группы, что формировала в определенный момент оппозицию и определяет плюрализм и динамику политической системы.

Наравне с элитологическим подходом, плюрализм в политическую систему вносит политическое поведение участников оппозиции. Следует акцентировать внимание на бихевиоралистском подходе, в котором методологически обособляются отношения власти и институты. Взамен предлагается рассмотрение властных отношений, детерминированное природой человека. В рамках данного подхода предлагается рассмотрение оппозиции в качестве совокупности людей – носителей противоположного политического поведения, культуры и установок. Известным идеологом данного подхода является – Р. Даль.

В рамках элитологии следует выделить также Й. Шумпетера, по мнению которого, население является пассивным участником политического процесса. Его роль состоит в выборе элитной группы в электоральном процессе. В данной связи, следует понимать оппозицию как такое же меньшинство в политических процессах, как и действующую правящую группу.

Далее известным и наиболее широко применяющимся подходом к рассмотрению оппозиции является конфликтологический подход. Оппозиция в данном контексте рассматривается в качестве субъекта политического конфликта, продуктами которого является множество элементов политической системы. Если политический конфликт происходит вне поля насилия и ведет к положительным эффектам, то его стоит рассматривать в качестве конкуренции власти и оппозиции, без которых не может существовать демократический принцип государственного и общественного устройства.

Конфликт власти и оппозиции интересен тем, что он создает отдельный политический дискурс – обмен смыслами, на основе которых выстраиваются социальные действия, призванные решать социальные проблемы. Но возможен ли данный обмен между оппозицией и властью? Отличительной чертой политического дискурса действующей власти и противостоящей ей оппозиции является конфликтность и неоднозначность целей обоих в данном взаимодействии. В некотором роде это говорит о попытках взаимoadaptации и приспособленчестве относительно перспектив и практик деятельности каждого при помощи социально-политического диалога, направленного

на получение подтверждения легитимности в глазах общества. В то же время данные цели говорят о стремлении к одностороннему превосходству и правящей партии, и оппозиции в коммуникационной сфере для получения значительного количества властных ресурсов. То есть политический дискурс власти и оппозиции может приводить к двум конфликтным состояниям:

1. Характеризующееся двусторонней критикой и попытками разрушить облик и репутацию противоположной стороны. В данной связи создается ситуация дестабилизации политической системы, способствующая внутренним расколам внутри обеих групп, что способствует многообразию.

2. Характеризующееся нахождением общих точек согласия, на основе примирения ряда потребностей участников обеих групп. Создается ситуация трансформации политической конъюнктуры в сторону дерадикализации и полюсный дискурс нивелируется, что приводит к дроблению двух лагерей на меньшие группы.

При любом подходе рассмотрения политической оппозиции она играет роль катализатора политического плюрализма, а соответственно способствует становлению демократического общества. Данное утверждение можно подкрепить примером из политической истории: оппозиционные группы начинают играть роль двигателей демократии в контексте ее глобального распространения в 1980-е годы. Так, оппозиция теоретически начинает рассматриваться в качестве инициатора демократических транзитов в странах – бывших колониях, а также недемократических государствах. Позиция и роль инициатора транзита уже выводила оппозицию из-под рассмотрения в качестве противодействующей силы для политической системы. Восприятие сместилось в сторону множества оппозиций, способствующих консолидации демократии – консенсуса оппозиционных группировок, как основы нового демократического общества.

Роль оппозиции в современных демократических обществах сводится к созданию ситуации, при которой любая политическая сила попадает в условия конкуренции и не может навязывать свои установки в качестве абсолюта.

Плюрализм, создаваемый в условиях взаимодействия власти и оппозиционных групп, способствует в контексте правового общества соблюдению принципам законности и верховенства права. Это происходит в результате контролирующей функции, которую выполняет оппозиция. Та или иная политическая власть, как правило, стремится к еще большему доминированию, что приводит к ограничению прав и свобод граждан. Наличие эффективной оппозиции в многополюсных политических системах не позволяет данной ситуации сохраняться на протяжении долгого времени.

Негативным аспектом в данной связи может являться лишь характер самой оппозиции. Так, следует акцентировать внимание на том, что политическая оппозиция должна предлагать альтернативный взгляд на политику, а не просто бороться с существующей.

Иначе возможными угрозами допущения плюрализма будут являться:

- Нарушение внутреннего суверенитета, в силу невозможности или ограниченности проведения государственного управления действующей политической властью.
- Нарушение внешнего суверенитета. Ситуация возможная в условиях современной мировой политики, когда ряд национальных правительств смещаются оппозиционными группами в результате цветных революций, осуществляемых в целях других государств.
- Комплексная опасность национальной безопасности, которая синтезирует вышеперечисленные угрозы, а также охватывающая все виды безопасности.

Плюрализм хоть и создается непосредственно наличием и функционированием института политической оппозиции, но не должен являться причиной допущения деструктивного влияния на политическую систему. Наоборот, оппозиция призвана для недопущения данного влияния со стороны имеющейся политической власти.

Наконец, следует отметить формальную сторону того, на чем основывается необходимость оппозиции в построении плюрализма. Так, в российском политическом кейсе оппозиционные группы, попадающие в формальное политическое поле, представлены в виде политических партий, функционирующих в электоральной составляющей и представительстве.

Так, Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ, впервые обозначил данные политические группы в качестве единственного объединения, способного

участвовать в выборной деятельности. Участие в электоральных процессах важно в процессе формирования и функционирования политической конкуренции.

Сам электоральный процесс с недавнего времени (к седьмому созыву Государственной Думы Российской Федерации) снова начал быть смешанным, то есть сочетающим в себе мажоритарную и пропорциональную выборные системы, последствия для оппозиции которой будут рассмотрены во второй главе данного исследования. Само изменение произошло в рамках уже имеющегося закона.

Таким образом, можно сделать вывод: оппозиция и оппозиционная деятельность являются неотъемлемым элементом политического плюрализма, необходимого для построения демократического и правового государства. В условиях многочисленности мнений создается политическая конкуренция, являющаяся инструментом политического управления для достижения основных принципов демократии и правового государства. Данный инструмент необходим, как самому государству, так и обществу, стремящемуся находить точки соприкосновения со всеми акторами социального развития.

Соответственно, гражданское общество (как наиболее активная ячейка общества) на основании всего вышесказанного заинтересовано в эффективной оппозиции, для сохранения собственных демократических и правовых основ. Те общества, которые только конструируются на основе данных принципов не всегда способны интегрировать оппозицию в имеющуюся политическую систему, что в итоге не приведет к установлению демократии и принципа правового государства.

Данная ситуация справедлива для нашей страны, в силу относительной «молодости» демократии (наша страна вступила в процесс демократического транзита на стыке 80–90-х годов 20 века). В этой связи практическое рассмотрение российского кейса должно стать надстройкой для вышесказанного теоретического базиса.

Список источников

1. Пономарева В. В. *Ins and Outs: Институт парламентской оппозиции в Великобритании XVIII в.* // Правоведение. 2002. №3 (242). С. 228–238.
2. Барабанов М. В. *Партии и многопартийность в современной России: возникновение, основные тенденции развития.* М.: МГОУ, 2011. 456 с.
3. Сергеев С. А. *Политическая оппозиция и оппозиционность: опыт осмысления понятий* // Социально-гуманитарные знания. 2004. №3. С. 125–137.

References

1. Ponomareva V. V. *Ins and Outs: The Institute of Parliamentary opposition in the UK of the XVIII century.* *Pravovedenie = Jurisprudence.* 2002;3(242):228–238. (In Russ.)
2. Barabanov M. V. *Parties and multiparty system in modern Russia: emergence, main development trends.* Moscow: Moscow State University; 2011. 456 p. (In Russ.)
3. Sergeev S. A. *Political opposition and oppositionality: experience of understanding concepts* // *Socio-humanitarian knowledge.* 2004. No. 3. pp. 125–137. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Геворгян – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. S. Gevorgyan – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 12.05.2023.

Научная статья

УДК 32

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-210-217

КОНЦЕПЦИЯ СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ирина Валерьевна Лескова¹, Юлия Николаевна Манаенкова²,
Михаил Евгеньевич Зубарев³

^{1, 2, 3}Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку: Ирина Валерьевна Лескова, project.edu.2024@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы политических процессов современного государства, понимания его роли и места в мировых политических процессах в условиях глобализации. В статье подробно рассматриваются проблемы концептуализации суверенного государства в условиях глобализации, вызовов и повышенной конфликтности мировых политических процессов. В статье оцениваются риски и вызовы суверенному государству в условиях неолиберализма, подчеркивается роль глобальных экономико-политических институтов в реализации неолиберального подходов и принципов глобального регулирования.

Ключевые слова: глобализация, суверенное государство, неолиберализм, демократизация

Для цитирования: Лескова И. В., Манаенкова Ю. Н., Зубарев М. Е. Концепция суверенного государства в условиях глобализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 210–217. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-210-217>

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE CONCEPT OF A SOVEREIGN STATE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Irina V. Leskova¹, Yulia N. Manaenkova², Mikhail E. Zubarev³

^{1, 2, 3}Russian State Social University, Moscow, Russia

Corresponding author: Irina V. Leskova, project.edu.2024@gmail.com

Abstract. The article analyzes the actual problems of the political processes of the modern state, understanding its role and place in world political processes in the context of globalization. The article examines in detail the problems of conceptualizing a sovereign state in the context of globalization, challenges and increased conflict in world political processes. The article assesses the risks and challenges to a sovereign state in the context of neoliberalism, highlights the role of global economic and political institutions in the implementation of neoliberal approaches and principles of global regulation.

Keywords: globalization, sovereign state, neoliberalism, democratization

For citation: Leskova I. V., Manaenkova Yu. N., Zubarev M. E. The concept of a sovereign state in the conditions of globalization. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):210–217. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-210-217>

Современное общество в значительной степени способствовало усилению необходимости переопределения позиции суверенного национального государства. В классическом понимании суверенитет предполагает независимость государства в международных отношениях, которая вытекает из внутреннего суверенитета этого государства. «Классическое представление о суверенитете в эпоху глобализации не только серьезно ограничивается, но и в чем-то видоизменяется. Второй крупный вызов для современного государства исходит из сферы экологии, из сферы отношения человека и общества к природе (...) Третья группа вызовов для современного государства исходит из сферы культуры. Сохранение и развитие национальных культур и этнической идентичности представляет собой противовес процессам глобализации и стандартизации. (...)

Наконец, как драматическим образом показывает нынешняя ситуация, современные государства сталкиваются с большими проблемами, которые возникают во времена больших экономических и финансовых кризисов и потрясений, которые порождают армии безработных, расширяют поля бедности и поднять уровень конфликтности внутри современных государств и обществ» [1]. Государство не только защищает культуру и язык большинства (возможно, и религии), но и принимает меры для того, чтобы эта культура и язык доминировали в публичном пространстве. Напротив, культуре и языку других этнических групп гарантируется защита только в частном пространстве, поэтому они не могут конкурировать с доминирующей культурой и языком. Таким образом, базовая нация не чувствует угрозы.

Реалистический подход рассматривает государство как единственного актёры сложного мироустройства, «существующего в результате баланса сил, стремящихся максимизировать государственные интересы» [2]. Либерализм выступает в международных отношениях как альтернатива реализму.

Концепция современного государства и неолиберальные вызовы

Мнение, что государство может быть единственным источником лояльности, оказалось неадекватным для осмысления положения и роли государства в начале второго тысячелетия [3, с. 12]. Принимая во внимание, что международные отношения трудно свести только к отношениям между суверенными нациями/государствами, как утверждает классический подход к суверенитету, внезапно вестфальский подход к государственному суверенитету в международных отношениях устарел.

Суверенное национальное государство, каким мы его знаем со времен Вестфальского мира (1648 г.) ограниченный союз. За время своего существования национальное государство менялось и адаптировалось в соответствии со своими функциями: «Оно было не только охранителем территориальной целостности и законным обладателем права на применение силы, но и основной формой социальной интеграции и движущей силой капиталистического развития». Через законодательство и образование ряда государственных аппаратов национальное государство пыталось защитить внутренний рынок, чтобы укрепить национальную экономику и благосостояние своих граждан [4, с. 89]. А выстраивая механизм социального законодательства, она пыталась смягчить и устранить негативные социальные последствия беспощадной логики рыночной конкуренции» [5, с. 176]. С другой стороны, сохранение суверенитета государств является, пожалуй, важнейшей их задачей, поскольку «государство, теряющее свой суверенитет, перестает быть государством, а когда общество теряет свою идентичность, оно перестает быть суверенной личностью» [6].

В этом контексте концепция Вестфальского государства, функционировавшая в течение трех с половиной столетий, была заменена новой ролью государства в процессе глобализации. «Тенденции этой формы глобализации характеризуются большой мировой волной изменений, среди которых мы могли бы отметить здесь лишь некоторые из наиболее значительных. Прежде всего, можно выделить возникновение открытого и непрерывного мирового пространства, где происходит перераспределение власти и влияния в пользу транснациональных и наднациональных акторов (сжатие мира или мира как единого места). Параллельно развивается и глобализация как открытие и противостояние миров, сопровождающееся появлением напряжения между центром и периферией, одновременно схватывая локальное с глобальным» [5].

Проблема заключается в том, что более слабые и менее развитые государства не в состоянии сохранить свою государственность под диктатом мировых кредиторов и кредиторов. Они фактически вынуждены приспосабливать весь спектр государственной политики к определенным стандартам, от которых отказались западные страны [7]. «Это приводит к противоречивым и противоречивым процессам суверенитета и десоверенизации в нынешнюю эпоху глобализации». В менее развитых странах очевидна либерализация, тогда как в более сильных странах происходит возврат к известному кейнсианству и укреплению позиций государства, прежде всего в социальной сфере» [8].

Дэвид Харви справедливо отмечает, что неолиберальное государство представляет собой нестабильную и противоречивую политическую форму [2]. Неолиберализм, как определяющая политико-экономическая парадигма современности, указывает на то, что вмешательство государства должно быть сведено к минимуму из-за эффективности капиталистического порядка.

Свободный рынок считается единственным рациональным, справедливым и демократическим выбором. Таким образом, современное государство оказалось включенным в транснациональную систему, которая либо рушится, либо, по крайней мере, ослабляет свои основные функции. «Конец 20 века принес развитие различных типов границ, от полностью закрытых, полужакрытых до текучих или проницаемых и подвижных. В то же время некоторые границы, по крайней мере, в экономическом смысле, перестали существовать. Однако, хотя благодаря транснациональным глобалистским течениям суверенитет государства концептуально претерпел определенные изменения, границы как зоны, разделяющие ареалы разного географического, политического, экономического, этнического и иного характера, по существу, сохранили свою роль во главе государства как главный субъект международных отношений. Безусловно, упомянутые современные процессы технологической, экономической и социокультурной интеграции между наиболее развитыми регионами мира усилили механизмы взаимозависимости, то есть политику децентрализации и процессы группирования государств» [9].

Утрата принципов демократии национальным государством

Усилились процессы де-демократизации, который на основе концептуализации неолиберальной модели глобализации вторгается во все части мира. Н. Хомский указывает на заявление корреспондента «New York Times» Нила Льюиса, который указывает на то, что наиболее важным убеждением американской внешней политики является следующее: «Разговоры о желании видеть американский стиль демократии как копию во всем мире, является постоянным требованием американской внешней политики» [10].

Взгляд на демократию и капитализм, точнее его неолиберальную модель, привел к гибели демократических ценностей в пользу капиталистических, что оставило много места для развития пост демократии как новой формы того, что Ю. Хабермас называет «фасадной демократией» (...) Несмотря на публичные провозглашения, дальнейшее нарушение равенства является следствием того, что при капиталистическом строе демократически избранные политики, даже левые, не могут успешно проводить меры, которые они считают лучшими и в то же время удерживать власть без сотрудничества с частными инвесторами и международными финансовыми организациями» [11]. Даже если предположить, что существует воля к управлению внутренней и внешней политикой вне неолиберальной концепции, мы сталкиваемся с угрозой того, что владельцы крупного капитала просто изменят потоки их денег, или что мы столкнемся с различными давлением как снаружи, так и изнутри.

Наоми Клейн указывает, что «М. Фридман и его последователи приняли и усовершенствовали следующую стратегию: ожидание крупного кризиса, затем продажа частей государства частным игрокам, пока граждане еще не оправились от шока, и затем немедленно объявить реформы перманентными» [12].

Это еще больше затрудняет определение роли государства, которое навязывает сам неолиберализм. Одно из ключевых противоречий неолиберального государства, на которое указывает Дэвид Харви, заключается в том, что развитые страны Запада несмотря на то, что они настаивают на свободном рынке и неолиберальных принципах, на практике часто идут противоположным курсом, чтобы защитить определенные чувствительные области. Есть, например, вмешательства, направленные на защиту сельского хозяйства, промышленности, обеспечение социальных прав и безопасности граждан, повышение уровня образования и др. Вот почему практически невозможно найти государство, которое всегда и везде будет придерживаться неолиберализма. «Государства развития согласуются с неолиберализацией до тех пор, пока они способствуют конкуренции между фирмами, корпорациями и территориальными образованиями и принимают правила свободной торговли, полагаясь на открытые экспортные рынки». Но они активно вмешиваются в создание инфраструктуры для благоприятного делового климата» [2]. Это подводит нас к мысли о неоднозначной роли неолиберального государства, заключающейся в том, что оно не должно мириться с финансовыми неудачами и что в случае экономических проблем оно должно вмешаться, чтобы исправить ситуацию как кризис [13, с. 15]. Это приводит к необходимости вмешательства государства с целью финансовой поддержки и спасения не только от финансового кризиса, но и спасение компаний, которые он считает важными.

Всемирный банк, безусловно, самый влиятельный разработчик теории и стратегии развития, разработал очень похожую модель развития. Эта организация дистанцировалась в 1990-х гг. от прежнего строгого и чистого неолиберализма, приняв более прагматичный, целостный подход. Стремясь оправдать само свое существование, Банк постепенно расширял свою доктрину развития [14]. Главным стимулом послужила разочаровывающая эффективность «структурной перестройки» – программ, направленных на сдерживание, сбалансирование бюджетов, дерегулирование рынков, открытую экономику и приватизацию государственных корпораций – особенно в Латинской Америке и Африке.

Так называемый «пост-Вашингтонский консенсус» отражает эти предположения, хотя внутри него возникают актуальные политические дискуссии по поводу надлежащего темпа, последовательности и сочетания реформ для любой конкретной страны, региона или периода [15].

«Третий путь», отстаиваемый, в частности, премьер-министром Великобритании Тони Блэром и президентом США Биллом Клинтон, требует от государства более активной роли, чем та, которую предусматривает либерализм старого образца (североамериканский неоконсерватизм). Этот приоритет направляет внимание правительства на улучшение всеобщего образования и технической подготовки, а также на технологические исследования и разработки. Тем не менее, «Третий путь» не выступает за крупные перераспределительные реформы или регулирующие меры, способствующие равенству возможностей или условий [16].

Джордж Сорос в своей книге 1998 г. «Кризис глобального капитализма: открытое общество под угрозой» предупреждает, что нерегулируемые рынки угрожают вызвать негативную реакцию населения из-за ненадежности и неравенства, которые они порождают. Известный неоконсерватор Фрэнсис Фукуяма называет нынешнюю эпоху «великим разрушением» [17], характеризующимся социальным распадом, моральным упадком и социальным беспорядком. Почему существуют эти тенденции? Отчасти потому, что «культура интенсивного индивидуализма, которая на рынке и в лаборатории ведет к инновациям и росту, распространилась на сферу социальных норм, где она разъела практически все формы власти и ослабила узы, связывающие семьи, соседей и нации вместе» [17]. Если отдельные рынки разрушат общество и природу, эта тенденция станет легитимным защитным ограничением рыночных сил.

Цифровая революция, особенно стремительное развитие социальных сетей, радикально изменили функционирование современной демократии. Цифровая революция предлагает бесчисленные новые возможности для взаимного общения и доступа к неограниченному количеству информации, социальным сетям, но это угрожает традиционному обеспечению качества информации, снижает уровень дискуссий и расширяет публичное пространство упрощенными лозунгами, фальшивыми новостями, разделяет общество.

Активность избирателей постепенно снижается. Данный факт подтверждается в странах Европы, где избиратели традиционно более активны, чем в США. Это, безусловно, применимо и к выборам в Европарламент, хотя активность избирателей в выборах в 2019 г. немного увеличилась. Уровень участия особенно низок в странах Центральной и Восточной Европе, многие представители молодежи считают, что политическая элита не предоставляет им достаточных возможностей для участия в процессе принятия решений и что их мнение не воспринимается всерьез [14].

Неудовлетворенность функционированием демократии ведет к росту недоверия к выборным институтам и в обществе чувствуется призыв к прямой демократии. Поскольку активность политических консультаций с гражданами не определены с точки зрения их деятельности и отношения к представительной демократии, то это вызывает недовольство граждан, которые не получают прямого ответа на свои предложения, апелляции к властям и жалобы [3]. Это, в свою очередь, приводит к протестным движениям, демонстрациям, а иногда и к насилию на улицах. В этом смысле особенно заметно движение «желтых жилетов» во Франции. Как и другие подобные движения, оно характеризуется сильным противостоянием масс и элиты. Наблюдается контраст между людьми «из ниоткуда», используя термин Дэвида Гуджарат, которые не стесняются идти куда угодно со своими дипломами и навыками, в отличие от людей «откуда-то», которые прочно укоренились в своей местной среде и не имеют ни воли, ни возможности «выйти в мир».

Растущая сложность современного мира приводит в некоторых странах к новому призыву к сильному государству и сильному гражданину, чтобы заново привить ценности молчаливого большинства. Знаком времени является призыв в обществе убрать прилагательное «либеральный» из термина «либеральная демократия» [18].

Демократия является элементом хорошей жизни, что она способствует гибкому правительству, что она не препятствует экономическому развитию, а скорее может способствовать хорошей политике; и что это позволяет людям посредством свободного обсуждения определять свои потребности и приоритеты.

Амбивалентность концепции глобализации как вызов национальному государству

Концепция «Развитие как свобода» снижает вероятность того, что высококонцентрированная частная собственность на средства массовой информации может сузить общественные дебаты до минимума. Такая концентрированная собственность на СМИ сегодня является реальностью практически во всех либерально-капиталистических обществах, как развитых, так и развивающихся [19, с. 83].

Эта растущая глобальная мобильность и ее следствие – слияния, которые порождают все более крупные транснациональные картели, – создают проблемы как для демократии, так и для равенства, особенно когда эти тенденции сочетаются с глобальным снижением уравнивающей силы организованного труда [20, с. 35].

Концепция глобализации привносит амбивалентность в контекст потребления. Дж. Бартельсон [21] утверждает, что именно понимание амбивалентности этого понятия является важным и решающим фактором, позволяющим считать появление глобализации фактом. Различные дискурсы соревнуются друг с другом, чтобы представить наиболее приемлемую интерпретацию и понимание этого явления. Хотя определения и концепции глобализации можно найти в различных дисциплинах социальных наук – политологии, экономике, социологии, философии, географии и коммуникативных исследованиях, глобализация – это просто отдельная область, принадлежащая любой из этих дисциплин. Традиционно выделяют реалистическую (У. Бек, А. Гидденс) и конструктивистскую (Ч. Муфф, Т. Риссе) теории социальных наук, анализирующих феномен глобализации. Обилие описаний и определений глобализации само по себе вызывает опасения по поводу ценности и полезности этих различных теорий. Дж. Лауссон [22] отмечает, что не так просто решить, какая теория более верна, всеведущий или локальный подход. На что должны ориентироваться теоретики глобализации – на эмпирические данные, раскрывающие, как проявляется глобализация, или на культурные аспекты и социальные отношения каждой конкретной области?

В целом выделяются сторонники трех концептов интерпретации феномена глобализации – «гиперглобалистов», «скептиков» и «трансформаторов» [21]. Гиперглобалисты говорят об упадке мощи национального государства, что ведет к уменьшению способности государства контролировать граждан. Они предсказывают, что глобализация будет продолжать разрушать и подтачивать государственный суверенитет и автономию. В отличие от гиперглобалистов, скептики утверждают, что в мире принципиально ничего не изменилось. Глобализация как явление – всего лишь миф, а весь мир – просто супер интегрированный глобальный рынок [23].

Сторонники третьего концепта глобализации – трансформационисты – утверждают, что новый режим и порядок интерпретации суверенитета заменяет традиционное определение статуса независимого государства, где государственность абсолютна, неделима, закрепляется только за определенной территорией и не дает никакой власти гражданину или ущемляет форму правления [24, с. 506]. Гражданин получает больше власти при принятии решений в государстве, потому что сама власть рассредоточена по разным институтам: государственным институтам, гражданскому обществу (различным НПО и т.д.), международным организациям (ЮНЕСКО, НАТО, ЕС), международным неправительственным организациям.

Глобализация изменяет внутреннее качество социальной и политической жизни. Сегодня суверенитет все меньше понимается как границы, разделяющие определенную территорию; скорее, он рассматривается как источник переговоров, соглашений, определяющих текущую политику как сложную сеть транснациональных коммуникаций [21]. Представители концепта «трансформационисты» утверждают, что глобализация является главной движущей силой быстрых социальных, политических и экономических изменений, которые меняют современные общества и мировой порядок [21]. Эти три разные концепта демонстрируют, что дискурсы глобализации многогранны; они выявляют как положительные, так и отрицательные последствия глобализации для социальной реальности.

Дж. Бартельсон подчеркивает, что сегодня концепция глобализации все меньше и меньше рассматривается как идеологическое оружие; больше подчеркивается сила этого понятия, его способность быть инструментом преобразований и движений [16]. Фактически следует согласиться с утверждением Дж. Бартельсона о том, что важность глобализации исходит не из множества различных теоретических определений и смыслов, а из воздействия глобализации на мир, которое понимается и определяется концепциями современной социальной науки. Отношения между современным государством и политикой невообразимы без объяснения процесса глобализации. Глобализация пронизывает все сферы жизни общества, в том числе и политику. Глобализацию можно понимать прежде всего как развитие, углубление и ускорение взаимосвязанности всех аспектов современной социальной жизни в глобальном масштабе [16; 25].

Конкретные процессы и технологии глобализации- в производстве, в негосударственном и транснациональном управлении, в электронных и компьютеризированных коммуникациях – пронизывают все общественные процессы. Характерные для того периода анализа, стратегические интервенции и политические обещания также явно сосредоточены на определенных про рыночных, антигосударственных признаках, то есть на неолиберализме.

Неолиберальная глобализация по-прежнему предлагает свое объяснение неспособности государства в поиске решений по отношению к рынкам. Однако в своем апогее неолиберальная глобализация неоднократно предлагала инструментарий, который, несомненно, соответствовал ее принципам, и тем не менее давал серьезные (хотя и противоречивые) ответы на реальные проблемы.

Последним показателем разрушения неолиберальной глобализации является широко наблюдаемое общее нарушение космополитической или локализирующей идентичности и возрождение исключительных форм национализма, регионализма.

Правый популизм в последнее время стал особенно мощным разрушителем консенсуса элиты неолиберальной эпохи.

Заключение

В заключении следует отметить о противоречивости процессов глобализации, их излишней эмоциональной нагрузке относительно современного общественного дискурса. Процесс глобализации является исключительно сложным и противоречивым процессом. Процессы глобализации включают в себя переформатирование мирового пространства, ведущим направлением которого является появление новых сетевых структур во всех общественных сферах (политике, экономики, финансах и т.п.). Для современных представителей либеральной мысли процессы глобализации в основном означают измерение экономических и торгово-финансовых направлений, зачастую остается в стороне проблематика политических решений, трансформации публичных позиций социальных групп [26]. Процессы глобализации меняют позиции социальных акторов – суверенных государств, которым сложно поддерживать собственную идентичность без соответствующей привязки к глобальным структурам и наднациональным организациям. Вновь актуальным вопросом общественных дискуссий приверженцев либерализма становится дискурс роли и места современных демократических институтов, интерпретации теорий демократии.

Список источников

1. Stasavage, D., The Rise and Decline of Democracy. A global history from antiquity to today. Princeton University Press, 2020.
2. Стојадиновић М., Матић П. Десуверенизација националних држава у процесу глобализације // Глобализација и сувереност – са освртом на Босну и Херцеговину /под. Ред. Б.Ковачевић/ Европски дефендологија центар. Бања Лука. 2014.
3. Наоми Клајн, Доктрина шока – процват капитализма катастрофе. Самиздат Б92. 2009.
4. Гађиновић Р. Национална безбедност као кључни фактор у функционисању модерне државе // Војно дело, Министарство одбране. 2017. №1. С. 89–90.
5. Сања Стошић, Александар Ђорђевић, Мултикултурализам савременог друштва и национални идентитет // Српска политичка мисао. Институт за политичке студије. Београд. 2018. №. 3.
6. Olson K. Deliberative democracy. In: B. Fultner (Ed.), Jürgen Habermas: Key Concepts. Acumen Publishing. 2011. pp. 140-155. doi:10.1017/UPO9781844654741.008
7. The rise and fall of the Washington Consensus as a paradigm for developing countries' // World Development. 2000. № 28(5). Pp. 789–804.

8. Rajkot T., The Limits of Neoliberal Globalization // *Montenegrin Journal of Economics. Economic Laboratory for Transition Research*. 2020. Vol. 16(4). P. 157-170.
9. Гуторов В.А. Глобализация и кризис современного государства // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХИГС. СПб., 2017. Том 8. Выпуск 3 (30). С. 60-78.
10. Вукашин П. Држава и демократија // Савремена држава: структура и социјалне функције /под ред. Вукашин П., Стојиљковић З. / Факултет политичких наука, Konrad Adenauer Stiftung. Београд. 2010. С. 44-45.
11. Ноам Хомски. Контролисана демократија. ЦИД Подгорица. 1999. с. 419.
12. World Bank. Accelerated Development in Sub-Saharan Africa: An Agenda for Action, Washington, DC: World Bank, 1981. P 64.
13. Стојиљковић З., Пост(либерална) демократија, капитализам и криза државе// Урушавање или слом демократије? / Под ред. Вујачић И., Вранић Б./ Удружење за политичке науке и Србији, Факултет политичких наука. Београд. 2016.
14. Shigeki J. Neoliberal Globalization: Critiques and Alternatives// *Theological Studies*. 2008. №69(2). P.321-339. <https://doi.org/10.1177/004056390806900205>
15. Anderle J., Coffey R. Long-Term Trends in Rural Depopulation and Their Implications for Community Banks // *FDIC Quarterly*. 2014. № 8(2). P.44-59.
16. Held, D., McGrew, A. et al. 1999. *Global Transformations / Politics, Economics and Culture*. Cambridge Polity Press.
17. Fukuyama F. *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*. New York: Free Press, 1999, p 3.
18. Roberts M.T. Globalization and Neoliberalism: Structural Determinants of Global Mental Health? // *Humanity & Society*. 2021. №45(4). P.471-508. <https://doi.org/10.1177/0160597620951949>
19. Обреновић З. Национална држава и изазови глобализације // *Филозофија и друштво XIX и XX века*. Београд. 2002.
20. Стоядинович М. Неолиберализм и неимпериалистический концепт глобализации // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2013. № 2-1(47). С. 35-38.
21. Bartelson J. Three Concepts of Globalization // *International Sociology*. 2000. № 15. P. 180-196.
22. Lawson J. Mounting Turbulence in Neoliberal Globalization: Political Economy, Populist Discourse, and Policy in Alberta, Canada. *Soc. Sci.* 2022. №11. P.221. <https://doi.org/10.3390/socsci11050221>
23. Ступар М. Светски поредак, глобализација и питање суверенитета // *Филозофијаи друштво XXI, Универзитет у Београду, Институт за филозофију у друштвеној теорији*, Београд, 2002. с. 274-282.
24. Naim M. Fads and fashions in economic reforms // *Third World Quarterly*. 2000. №21(3). P. 505-528.
25. Харви Д. Краткая история неолиберализма : актуальное прочтение / Дэвид Харви ; пер. с англ. Н. С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. 285 с. ISBN 978-5-9763-0022-4
26. Westergaard John Where does the Third Way lead? // *New Political Economy*. 2009. №4(3). Pp. 429-436.

Reference

1. Stasavage D. *The Rise and Decline of Democracy. A global history from antiquity to today*. Princeton and Oxford, Princeton University Press; 2020.
2. Stoyadinović M., Matij P. Desovereignization of National Dzhava in the Process of Globalization. *Globalization and Sovereignty – with a reference to Bosna and Herzegovina* /under. Ed. B.Kovachević / European Defendology Center. Basha Luka. 2014.
3. Naomi Klajn, *The Shock Doctrine – Capitalism Favors Disaster*. Samizdat B92. 2009.
4. Gašinović R. National well-being as a factor in the functioning of the modern dzhava. *Military Affairs, Ministry of Choice*. 2017;(1):89-90.
5. Saња Stoshih, Aleksandar Ђorђевић, Multiculturalism of modern times and national identity. *Srpska politician misao*. Institute for politics studio. Beograd; 2018;(3).
6. Olson K. Deliberative democracy. In: B. Fultner (Ed.), Jürgen Habermas: *Key Concepts*. Acumen Publishing. 2011.pp. 140-155. doi:10.1017/UPO9781844654741.008
7. The rise and fall of the Washington Consensus as a paradigm for developing countries'. *World Development*. 2000;28(5):789-804.
8. Rajkot T., The Limits of Neoliberal Globalization. *Montenegrin Journal of Economics. Economic Laboratory for Transition Research*. 2020;16(4):157-170.
9. Gutorov V.A. Globalization and the crisis of the modern state. *Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEP*. Saint-Petersburg. 2017;8(3(30)):60-78. (In Russ.)

10. Vukashin P. Drzhava and Democracy. *Samrema Drzhava: structure and social function* / ed. Vukashin P., Stojiljkoviĥ Z. / Faculty of Political Science, Konrad Adenauer Stiftung. Beograd. 2010, pp. 44–45.
11. Noam Chomsky. *Democracy controlled*. CID Podgorica; 1999.
12. World Bank. *Accelerated Development in Sub-Saharan Africa: An Agenda for Action*, Washington, DC: World Bank, 1981.
13. Stojiljkoviĥ Z., Post(liberal) democracy, capitalism and crisis dzhava. In: *Urushava or demolition of democracy?* / ed. Vujacih I., Vraniĥ B. / Friendship for political science and Serbia, Faculty of political science. Beograd. 2016.
14. Shigeki J. Neoliberal Globalization: Critiques and Alternatives. *Theological Studies*. 2008;69(2):321-339. <https://doi.org/10.1177/004056390806900205>
15. Anderle J., Coffey R. Long-Term Trends in Rural Depopulation and Their Implications for Community Banks. *FDIC Quarterly*. 2014;8(2):44-59.
16. Held, D., McGrew, A. et al. 1999. *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. Cambridge Polity Press.
17. Fukuyama F. *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*. New York: Free Press, 1999.
18. Roberts M.T. Globalization and Neoliberalism: Structural Determinants of Global Mental Health? *Humanity & Society*. 2021;45(4):471-508. <https://doi.org/10.1177/0160597620951949>
19. Obrenoviĥ Z. National dzhava and izazov globalization. *Philosophy and friendship of the XIX and XX centuries*. Beograd; 2002.
20. Stoyadinovich M. Neoliberalism and the non-imperialist concept of globalization. *Bulletin of the Cherepovets State University*. 2013;2-1(47):35–38. (In Russ.)
21. Bartelson J. Three Concepts of Globalization. *International Sociology*. 2000;(15):180-196.
22. Lawson J. Mounting Turbulence in Neoliberal Globalization: Political Economy, Populist Discourse, and Policy in Alberta, Canada. *Soc. Sci*. 2022;(11). <https://doi.org/10.3390/socsci11050221>
23. Stupar M. Svetlitsky Poredak, Globalization and Nutrition of Sovereignty. *Philosophy and Friendship XXI, University near Beograd, Institute for Philosophy and Friendship Theory*, Beograd, 2002:274-282.
24. Naim M. Fads and fashions in economic reforms. *Third World Quarterly*. 2000;21(3):505-528.
25. Harvey D. *Brief history of neoliberalism: current reading*. Transl. from English. N. S. Bragina. Moscow: Generation; 2007. ISBN 978-5-9763-0022-4 (In Russ.)
26. Westergaard John. Where does the Third Way lead? *New Political Economy*. 2009;4(3):429-436.

Информация об авторах

И. В. Лескова – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета.

Ю. Н. Манаенкова – соискатель кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета.

М. Е. Зубарев – соискатель кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета.

Information about the authors

I. V. Leskova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Applied Political Work of the Russian State Social University.

Yu. N. Manaenkova – Applicant of the Department of Political Science and Applied Political Work of the Russian State Social University.

M. E. Zubarev – Competitor of the Department of Political Science and Applied Political Work of the Russian State Social University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 18.04.2023.

The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 18.04.2023.

ЕВРОПА И РОССИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КООРДИНАТАХ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Лариса Александровна Лобова¹, Александр Михайлович Старостин²,
Елена Николаевна Тованчова³

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, lora.lobova2009@yandex.ru

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, amstar2912@mail.ru

³Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, Just_ien@mail.ru

Аннотация. В статье с позиций современных российских политических документов (Послание Президента РФ, Концепция внешней политики РФ) рассматриваются процессы развития и утверждения цивилизационной идентичности России и Запада, обуславливающие в ряде аспектов современные конфликтные ситуации и процессы глобального уровня. Показано, что развитие глобальной цивилизационной идентичности выступает в качестве нового формата социальной глобализации – децентрализованной глобализации. Применительно к российской цивилизационной идентичности показаны доктринальные истоки ее почвеннической модели, заложенные в трудах Н. Я. Данилевского и оппонирующей ей западной парадигмы, лежащей в основе концепций модернизации и конвергенции России по западной модели.

Ключевые слова: «полный мир», глобальное доминирование, глобальная децентрализация, государство-цивилизация, Европейский Союз, цивилизационный суверенитет, почвенническая парадигма, западная парадигма

Для цитирования: Лобова Л. А., Старостин А. М., Тованчова Е. Н. Европа и Россия в цивилизационных координатах современного глобального мира // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 218–225. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-218-225>

Politology and Ethnopolitics

Original article

EUROPE AND RUSSIA IN THE CIVILIZATIONAL COORDINATES OF THE MODERN GLOBAL WORLD

Larisa A. Lobova¹, Alexander M. Starostin², Elena N. Tovanchova³

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lora.lobova2009@yandex.ru

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, amstar2912@mail.ru

³Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia, Just_ien@mail.ru

Abstract. The article examines the processes of development and affirmation of the civilizational identity of Russia and the West from the standpoint of modern Russian political documents (the Message of the President of the Russian Federation, the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation), which determine modern conflict situations and processes at the global level in a number of aspects. It is shown

that the development of global civilizational identity acts as a new format of social globalization – decentralized globalization. In relation to the Russian civilizational identity, the doctrinal origins of its soil-based model are shown, laid down in the works of N. Y. Danilevsky and the Western paradigm opposing it, which underlies the concepts of modernization and convergence of Russia according to the Western model.

Keywords: "full world", global domination, global decentralization, state-civilization, European Union, civilizational sovereignty, soil paradigm, Western paradigm

For citation: Lobova L. A., Starostin A. M., Tovanchova E. N. Europe and Russia in the civilizational coordinates of the modern global world. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):218–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-218-225>

Перечитывая доклад, подготовленный к 50-летию «Римского клуба» [1], невольно обращаешь внимание на одну из главных его идей – «полного мира». Авторы подчеркивают, что не только в сфере глобальной экологии человечество столкнулось с «пределами роста» в контексте сложившейся системы социальных и инженерных технологий к природным богатствам планеты Земля. Речь идет и о «пределах роста» экономических, политических, социокультурных отношений: «Сегодняшний кризис не циклический, но усиливающийся. Он не ограничен природой вокруг нас, но включает социальный, политический, культурный, моральный кризис, кризис демократии, идеологий и капиталистической системы» [1, с. 3]. И, продолжают авторы доклада: текущие форматы международного сотрудничества и глобального управления неэффективны, но те, которые придут на смену, могут быть гораздо лучше [1, с. 14].

У данной идейной платформы немалое число сторонников не только среди ученых, общественных деятелей, экономистов, но и у ведущих политиков. Однако, спустя 5 лет после обнародования и последующего обсуждения данной платформы, мы столкнулись, прежде всего на деле, в контексте резко ускорившихся глобальных и межгосударственных отношений, и с иной идейной платформой, конкурентной по-сути. Речь идет не только о сохранении глобальной социальной однополюсной иерархии под патронажем США, но и о ее закреплении не только экономическими, но и военно-политическими средствами, балансируя на грани глобальной ядерной катастрофы и допуская возможность цепи локально-региональных ядерных конфликтов как инструмента поддержания моноцентрического глобального порядка, вопреки нарождающемуся децентрализованному глобальному миру.

Эпицентрами и полигонами столкновения двух полярных доктрин оказались: Восточноевропейский регион, опирающийся на конфликт России и Украины; Дальневосточный регион с будируемым конфликтом Китая и Тайваня; в перспективе – Ближневосточный регион, включающий конфликтный потенциал Израиля и Ирана, а также напряженными отношениями между рядом других государств в этой части. Наиболее масштабным ныне выступает восточноевропейский конфликт, где быстро развиваются объемные боевые действия.

Остановимся подробнее на анализе развития данной ситуации и прогнозах ее перспектив.

Исторически, в последнее столетие в данном регионе уже прошли две мировых войны, где негативно лидерская миссия выпала на Германию и Россию. По итогам этих, по сути, макрорегиональных конфликтов поэтапно и последовательно шло продвижение США к глобальному доминированию. Параллельно снижалось глобальное влияние стран Европы (разрушение прежней колониальной системы) и быстро выросло международное влияние Советской России. Однако внутрикризисные процессы в СССР, поддерживаемые извне, и трудности его роста привели

в конце концов к развалу советской системы и разрушению патронируемого ею одного из двух глобальных центров политического и экономического влияния.

С начала 90-х годов началось успешное оформление однополярного глобального мира под патронажем США. Однако данная система не вполне развернулась из-за опережающего роста Китая, Индии и ряда других государств, с одной стороны, и кризисных проявлений в рамках Западного мира, который не справился с переходными процессами, от индустриального к постиндустриальному укладу на глобальном уровне. К тому же, частично вышли из-под контроля процессы расширения круга государств – обладателей ракетно-ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а, с другой, – глобальные социально-экологические процессы.

В итоге глобальное управление и влияние, основанное на доминировании одного из глобальных центров, оказалось неэффективным, а в ряде случаев – и разрушительным. Главным на глобальной повестке дня оказался вопрос о неделимости безопасности в децентрализующемся глобальном мире. Риски глобальной безопасности резко возросли не только из-за стремления к утверждению глобально-монополярной системы управления, но и из-за динамичного расширения «ядерного клуба», в который ныне уже входят 9 государств из разных частей мира. А в ближней перспективе их число может увеличиться до полутора-двух десятков.

Поэтому важен и опыт, и рациональные проекты грядущего децентрализованного, но сбалансированного и управляемого миропорядка. Наиболее потенциально опасным, но в то же время перспективным при конструктивном и здравомыслящем подходе, остается макрорегион «Россия-Европа».

В то же время потенциал конструктивности в этих отношениях распределен неравномерно. Если современная Россия, опираясь на свой природно-ресурсный и военно-политический потенциал, быстро восстанавливает полноту своего суверенитета, столь же быстро дистанцируясь от европоориентированных конвергентных трендов развития, то Европа, напротив, в том числе и из-за потери данного конвергентного потенциала быстро утрачивает свой политический суверенитет. Как ни странно, но одним из способствующих этому базовых условий стало движение к межгосударственной консолидации, создание Европейского экономического сообщества и, в то же время, расширение НАТО и подчинение консолидированных экономических связей военно-политическим под предлогом укрепления безопасности. В итоге доминирующую роль в данной системе заняли военно-политические структуры США. Они, по сути, и завершили мирным путем перевод своего основного экономического и политического конкурента в подчиненное, вассальное положение. Построение такого рода глобального вассалитета шло параллельно в течение 90-х годов XX в. – 2010-х гг. XXI в. на протяжении почти 30 лет применительно и к Европе, и к России. Первой встрепенулась Россия, быстро терявшая свой суверенный потенциал. Что касается Европы, то порядка пяти лет назад из объединенной Европы вышла Великобритания, рассчитывая на восстановление своего суверенитета (хотя пока и не слишком в этом преуспела). На очереди – Франция. Хотя, как показывает анализ, еще в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. у объединявшейся (но еще не до конца достигнувшей своего полного формата) Европы, еще наблюдались интересные и вполне значимые попытки сохранения и наращивания своей субъектности.

Так, еще совсем недавно, после распада Советского Союза и присоединения к ЕС бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы, ведущие страны «Юга» ЕС (Франция, Испания и Италия) беспокоились о том, что рост сотрудничества – особенно финансового – с восточными странами, рассматриваемыми в качестве потенциальных членов ЕС, будет происходить за счет средиземноморской политики ЕС [2, 3].

В 1995 году они обеспечили создание евро-Средиземноморского партнерства – так называемого Барселонского, включающего пятнадцать стран-членов ЕС и двенадцать стран-членов Средиземноморского региона: Алжир, Палестинскую автономию, Кипр, Египет, Израиль, Иорданию, Ливан, Мальту, Марокко, Сирию, Тунис, Турцию. Кроме того, Ливия, подвергшаяся с 1992 г. санкциям ООН (приостановленным в 1999 году и возобновленным в 2003 году) за участие в актах терроризма, а затем европейскому эмбарго (введенному в октябре 2004 года), присутствовала на заседаниях только в качестве наблюдателя.

Главной целью этого партнерства являлось содействие совместному строительству «евро-средиземноморской зоны мира, стабильности и безопасности», функционирующей в рамках институциональной структуры, включающей двухуровневый механизм: двусторонний, через межгосударственные соглашения об ассоциации, и многосторонний. Это Евро-Средиземноморское партнерство предлагало проектный подход и создание свободной торговли путем снижения таможенных барьеров, а также инструменты финансового сотрудничества для ускорения экономических преобразований в странах южного побережья.

Число стран-участниц партнерства впоследствии сократилось, когда Кипр и Мальта вступили в ЕС в мае 2004 года. Так называемый Барселонский процесс, по-видимому, дал ограниченные результаты: разрыв между уровнем жизни в Европе и Восточным и Южным побережьями Средиземного моря все еще велик, и этот процесс сталкивается с бесчисленными случаями инакомыслия на Юге и отсутствием прогресса со стороны Союза арабского Магриба (АМУ) [4].

Трудности, с которыми столкнулся Барселонский процесс в достижении своих целей, стали очевидными, когда лишь половина глав государств и правительств стран Южного и Восточного побережья приехали на празднование десятилетней годовщины партнерства. Успех и неоднозначность вынашивания новой геополитической структуры стали понятны на фоне, когда геополитические последствия отсутствия средиземноморской интеграции считались разрушительными, что подчеркнул в то время кандидат в президенты Франции Николя Саркози, выступая с инновационным проектом. 7 февраля 2007 года на выступлении во французском Средиземноморском военно-морском порту Тулон, когда его избирательная кампания была в полном разгаре, он выдвинул идею «Средиземноморского союза», который подразумевал Средиземноморско-центрическую межправительственную, а не европейскую перспективу сообщества. Цель состояла в том, чтобы предложить всем странам Средиземноморского региона эксклюзивный эгалитарный Партнерский процесс, с помощью которого можно было бы построить общую судьбу, вдохновленную проектом ЕЭС, и в то же время предложить компенсационное место для Турции, чьи переговоры о членстве в ЕС были остановлены. Этот проект, начатый без предварительного обсуждения с ЕС, имел встроенную предвзятость, которая могла поставить под угрозу его успех.

Избранный президентом в мае 2007 года, Николя Саркози выступил с речью в Танжере (Марокко) 23 октября того же года, более подробно описав этот проект. Это должен был быть союз, построенный вокруг проектов, но это не заменит существующих инициатив [5]. Цель состояла в том, чтобы придать ему новую динамику. Вскоре после этого немецкие официальные лица дали понять французам, что другие страны ЕС имеют диаспоры в Средиземноморье и что подобный раскол совершенно недопустим, заявив, что средства сообщества будут поглощены проектом, в котором участвуют не все члены ЕС [4, с. 37].

20 декабря 2007 года на трехстороннем саммите, проведенном Францией, Италией и Испанией, проект подвергся изменениям и стал союзом Средиземноморья (UfM). После выработки франко-германского компромисса президент Франции и канцлер Германии совместно представили Европейскому Совету в марте 2008 года проект под названием «Барселонский процесс: Союз для Средиземноморья». Его основателями были не только страны Средиземноморского региона, но и все члены ЕС. Наконец, 13 июля 2008 года в Париже под председательством Франции в ЕС была официально создана UfM с участием членов ЕС и пятнадцати партнеров из Южного Средиземноморья и Ближнего Востока: Албании, Алжира, Боснии, Герцеговины, Египта, Израиля, Иордании, Ливана, Мавритании, Монако, Черногории, Марокко, Палестинской автономии, Сирии, Туниса и Турции. Это означает, что UfM – один из немногих международных форумов, который смог объединить Израиль и арабские страны вокруг общих вопросов (исключая вопрос разрешения конфликтов), и это уже можно было считать успехом, если, конечно, это не будет также дамкловым мечом над головой проекта [6]. На Парижском саммите были отобраны шесть проектов: борьба с загрязнением Средиземного моря, морские и сухопутные магистрали, Гражданская защита, план альтернативной энергетики и солнечной энергии, высшее образование и научные исследования, а также инициатива по развитию бизнеса. Она обещала форму правления, непосредственно связывающую партнеров по южному побережью, с совместным председательством государства-члена и партнера, а также генерального секретаря.

Таким образом, саммит стал настоящим дипломатическим успехом для Франции, которая сумела усадить за один стол почти всех главных действующих лиц из Европы и Средиземноморья, включая страны, между которыми продолжалась большая вражда; только Ливия Муаммара Каддафи бойкотировала встречу и критиковала проект. Примерно с этого времени началось торпедирование данного проекта при активной роли США и его сателлитов.

Несмотря на успех, в формулировке резолюции была использована риторика, которая, не могла скрыть того факта, что ни одна из фундаментальных проблем региона не была решена. Едва успели высохнуть чернила на резолюции UfM во второй половине 2008 года, как началось новое геополитическое противостояние по вопросам состава и организации исполнительной власти.

Арабские государства, отказываясь от структурного дисбаланса в евро-Средиземноморском партнерстве, в котором ЕС был представлен как единое целое, в то время как государства Южного и Восточного Средиземноморья не имели общего представителя, попросили Лигу арабских государств, созданную в 1945 году, получить статус наблюдателя и каким-то образом принимать участие, несмотря на то, что лига практически не имела опыта успешной интеграции.

Когда министры иностранных дел встретились 3 и 4 ноября 2008 года в Марселе, Израиль уступил в обмен на одну из пяти должностей заместителя генерального секретаря наряду с Палестинской администрацией, Грецией, Италией и Мальтой на трехлетний срок. Место расположения офиса генерального секретаря УфМ также было предметом споров. Поскольку Сирия и Ливан претендовали на место в арабской стране, кандидатура Туниса была в конечном счете отклонена в пользу Барселоны. Таким образом, Израиль провел военную операцию в секторе Газа в период с 27 декабря 2008 года по 17 января 2009 года, чтобы положить конец ракетным обстрелам ХАМАСом на юге Израиля. Все заседания УфМ были немедленно приостановлены. После усилий двух сопредседателей УфМ – Николя Саркози и Хосни Мубарака – в июне 2009 года вновь состоялись совместные встречи. Наконец, 4 марта 2010 года должность генерального секретаря, которая оставалась вакантной из-за отсутствия соглашения, была назначена иорданцу Ахмаду Халаф Масаде.

Однако европейский потенциал финансирования перечисленных в 2008 году проектов вскоре был ограничен, так как осенью 2008 г. начался финансовый кризис. Затем, в конце 2010 г., на геополитические параметры УфМ начал влиять новый крупный эпизод: «Арабская весна», приведшая к свержению в январе 2011 года президента Туниса Бен Али, а в феврале 2011 года – сопредседателя УфМ Хосни Мубарака в Египте. Политическая нестабильность на юге и Востоке в сочетании с экономическим кризисом и воздействием на туристическую индустрию Север-Юг и связанные с этим доходы вскоре привели к тому, что проекты «пошли ко дну» [7].

Поэтому в 2011 году ЕС принял решение о внедрении новых финансовых инструментов и осуществлении программ укрепления демократии и процветания на Южном берегу и в Средиземноморье. Однако неадекватность Барселонского процесса и перипетии УфМ в принципе не мешали другим событиям в геополитических отношениях между ЕС и странами Южного Средиземноморья.

В течение нескольких десятилетий ЕС игнорировал силовую политику и концентрировался на экономической интеграции. Но за последние пятнадцать лет, когда обновилась политическая режимы во многих частях мира, а лидерство США сконцентрировало усилия на укреплении военно-политического инструментария влияния в Европе через структуры НАТО и внешнеполитическом влиянии на кадры ЕС, внешняя политика ЕС со своими собственными слабыми военно-политическими структурами пытается приспособиться к новой реальности.

Изменения в институциональном цикле ЕС в конце 2019 года сопровождались незнакомой риторикой. Новый президент Европейской комиссии Урсула фон дер Лейен говорила о создании «геополитической комиссии». (Термин «геополитический», используемый политиками ЕС, обычно означает подход к внешней политике, сфокусированный на распределении военной и экономической мощи и вытекающей из этого динамике власти). И она, и новый глава внешней политики ЕС Жозеп Боррель настаивали на том, чтобы профсоюз теперь должен «научиться использовать язык власти». Точно так же президент Франции Эммануэль Макрон предупредил, что Европа «исчезнет геополитически», если она не станет действовать в качестве стратегической державы. Однако следует вспомнить, что, начиная с французских государственных деятелей Жана Моне и Роберта Шумана, европейская интеграция была задумана, чтобы преодолеть наследие силовой политики, которая в прошлом привела к войне и конфликтам в Европе. Цель отцов-основателей состояла в том, чтобы заменить это наследие новой концепцией безопасности, основанной на взаимозависимости и общем суверенитете в общих институтах. К сожалению, в итоге данная инициатива оказалась заменена американской инициативой создания консолидированного Запада, в рамках которого Европе отведена роль лимитрофа континентального уровня – буфера между Западом и Россией, что пока реализуется, и это получается.

В связи с этим закономерен вопрос: а что – Европа, теряя свою политическую субъектность, находится на пути потери и цивилизационной субъектности? Или же создается новый цивилизационный формат: вместо Западноевропейского – единый с США – Западный? Окончательного ответа на данный вопрос политическая практика пока не дала. Хотя, в связи с этим, возникают не менее важные вопросы, связанные с цивилизационной субъектностью России. Суть дела такова: еще в XIX в., 200 лет назад, в связи с оформлением в России известных идейных течений – славянофильства и западничества, сложились и две парадигмы в понимании политической и культурной

идентичности России. Данные споры, дебаты время от времени оформлялись во влиятельные социально-политические проекты прогрессистской и консервативной направленности. Можно сказать, что в течение 200 последних лет они представляли главный нерв не только в рамках теоретической и политической полемики, но и больших политических проектов.

Не углубляясь детально в историю этой темы, а она и содержательна, и болезненна, подчеркнем, что споры по части цивилизационной идентичности России актуальны и поныне. Скажем только то, что в поддержку славянофильства и почвенничества в 70-х гг. XIX века нашим известным историком и мыслителем Н. Я. Данилевским была выдвинута доктрина культурно-исторических типов [8], которая в последующем была поддержана по своим соображениям и основаниям известными европейскими историками и философами – О. Шпенглером и А. Тойнби.

Н. Я. Данилевский утверждал, что «...нет единой человеческой истории, а есть череда сменяющих друг друга цивилизаций, проходящих в своей истории детство, зрелость и дряхлость. Все цивилизации реализовывались в какой-нибудь одной из четырех сфер: религиозной, культурной, политической или экономической» и только в славянской Н. Я. Данилевский надеялся на осуществление четырехосновного культурно-исторического типа» [9, с. 7]. И в этом плане Россия представляет самостоятельную, отличную от Европы, цивилизацию.

«Что же такое Европа в политическом смысле? Это есть совокупность государств, сознающих себя как одно целое, интересы которого противоположны России и славянству» [9, с. 174]. Подход Н. Я. Данилевского был поддержан Ф. М. Достоевским, К. Н. Леонтьевым, академиками Н. Н. Страховым и К. Н. Бестужевым-Рюминым. С критикой выступили известные философы, ученые В. С. Соловьев, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев и другие западники.

Как видно из исторической практики последних 150 лет, прошедших после публикации идей Данилевского, Европа не однажды доказывала свой цивилизационный антагонизм России, в том числе в двух мировых войнах. Но идея европейской цивилизационной идентичности применительно к России жива не только на доктринальном, но и на житейском уровне.

Самый последний доктринальный заход заложен в президентском Послании В. В. Путина 21 февраля 2023 г., где утверждается: «Россия – открытая страна и при этом самобытная цивилизация» [10, с. 4].

Данный подход закреплен в Концепции внешней политики Российской Федерации, которая определяет особое положение **России как самобытного государства-цивилизации**¹.

Кстати говоря, в связи с вхождением в официальный политический лексикон новых терминов («государство-цивилизация», «локально-цивилизационный суверенитет», «цивилизационная идентичность»), следует подтвердить в научном аспекте статус новых терминов. В недавно вышедшем энциклопедическом издании «Идентичность: личность, общество, политика» подчеркивается: «В современной философии, социологии и политической науке под *цивилизационной идентичностью* понимается отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этноса или государства с той или иной локальной цивилизацией – общностью, по преимуществу привязанной к определенному географическому ареалу и выступающей носителем таких религий, идеологий, ценностей, культурных норм и социальных практик, которые имеют свою ярко выраженную специфику, но при этом претендуют на универсальную, всемирную значимость» [11, с. 143].

Что касается России, то она претендует уже более 150 лет на собственную цивилизационную идентичность и, вместе с этим, на собственную цивилизационную миссию патронажа жизнедеятельности справедливо организуемого сообщества многих десятков народов, этносов, сообществ и гарантий их безопасного развития.

Таким образом, следует подчеркнуть, что быстро развивающийся процесс разработки и внедрения в практику международных отношений новой децентрализованной модели глобализации опирается прежде всего на актуальный политический опыт взаимоотношений России и Европы. Определенный импульс этому процессу способна придать не только активная военно-политическая и дипломатическая практика в этом регионе (как, впрочем, и ряде других), но и начало глубокого процесса цивилизационной суверенизации самой Европы и Запада в целом.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 31 марта 2023 г.

Список источников

1. Anders Wijkman and Ernst von Weizsäcker. *Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. New York, Springer, 2018. 220 p.
2. Афанасьева И. И. Глобализация и регионализация как факторы мирового развития // Вестник Академии знаний. 2019. №33 (4). С. 33-37.
3. Выходец Р. С. Теоретико-методологическая связь геополитики с глобалистской парадигмой теории международных отношений // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. СПб.: Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2015.
4. Громыко А. А., Носов М. Г. Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. М.: Весь мир, 2015. 592с.
5. Старостин А.М. Стратегические направления современной глобальной динамики: междисциплинарный ракурс / Глава в колл. монографии «Глобальные вызовы современного развития экономических систем: новые риски и приоритеты (научн. ред. Н.Г. Кузнецов). Ростов н/Д.: Изд. РГЭУ (РИНХ), 2019.
6. Гладкий Ю. Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010.
7. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, [Электронный ресурс]:13 December 2007. - Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/ALL/?uri=OJ:C:2007:306:TOC>
8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995.
9. Данилевский Н. Я. Политическая философия. Дополнение к книге «Россия и Европа». М.: Изд-во «ФИВ», 2013.
10. Путин В. В. Мы должны обеспечить право России быть сильной // Российская газета. 2023. 22 февраля. № 39.
11. Идентичность: личность, общество, политика. М.: «Весь Мир», 2017. 992 с.

References

1. Anders Wijkman and Ernst von Weizsäcker. *Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. New York, Springer, 2018. 220 p.
2. Afanasyeva I. I. Globalization and regionalization as factors of world development. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2019;33(4):33-37. (In Russ.)
3. Vykhodets R. S. Theoretical and methodological connection of geopolitics with the globalist paradigm of the theory of international relations. In: *Psychological and pedagogical problems of human and social security*. St. Petersburg: Publishing House: St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergency Situations and Elimination of Consequences of Natural Disasters; 2015. (In Russ.)
4. Gromyko A. A., M. G. Nosov. *The European Union in Search of a Global Role: Politics, Economy, Security*. Moscow; 2015. (In Russ.)
5. Starostin A. M. Strategic directions of modern global dynamics: an interdisciplinary perspective. In: Chapter in Coll. Monographs *"Global challenges of modern development of economic systems: new risks and priorities"* (scientific ed. N.G. Kuznetsov). Rostov-on-Don: Publishing House of RSUE; 2019. (In Russ.)
6. Gladkiy Yu. N. *Humanitarian geography: scientific explication*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University; 2010. (In Russ.)
7. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, [Electronic resource]:13 December 2007.Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/ALL/?uri=OJ:C:2007:306:TOC>

8. Danilevsky N. Ya. *Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance*. St. Petersburg, 1995. (In Russ.)
9. Danilevsky N. Ya. *Political philosophy. Supplement to the book "Russia and Europe"*. Moscow: Publishing House "THEBES", 2013. (In Russ.)
10. Putin V. V. We must ensure Russia's right to be strong. *Rossiyskaya Gazeta*. 2023. February 22. № 39.
11. *Identity: personality, society, politics*. Moscow: "The Whole World"; 2017. 992 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. А. Лобова – преподаватель ЮРИУ РАНХиГС.

А.М. Старостин – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и стратегического управления РГЭУ («РИНХ»).

Е.Н. Тованчова – кандидат политических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» РГУПС.

Information about the authors

L. A. Lobova – teacher of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

A. M. Starostin – Doctor of Political Sciences, Professor Chief Researcher of the Institute of Interdisciplinary Studies of Global Processes and Strategic Management of the Rostov State University of Economics.

E. N. Tovanchova - Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department "State and Municipal Administration" of the Rostov State University of Railways.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023; одобрена после рецензирования 26.04.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted 14.04.2023; approved after reviewing 26.04.2023; accepted for publication 27.04.2023.

ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ирина Валерьевна Лескова¹, Валерий Иванович Юдин²

^{1,2}Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку: Ирина Валерьевна Лескова, project.edu.2024@gmail.com

Аннотация. В статье авторы анализируют дискурс интернет коммуникаций в современном открытом обществе, анализируют теоретические конструкты раскрывающие политический потенциал интернет коммуникаций, влияния политических активностей граждан на их политическое участие. В статье авторы заключают, что существуют различные модели взаимодействия органов публичного управления, публичной коммуникации.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, политическая коммуникация, политическое участие, публичная сфера

Для цитирования: Лескова И. В., Юдин В. И. Потенциал интернет-коммуникаций в политическом развитии граждан в современном обществе: методология исследований // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 226–231. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-226-231>

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE POTENTIAL OF INTERNET COMMUNICATIONS IN THE POLITICAL DEVELOPMENT OF CITIZENS IN MODERN SOCIETY: RESEARCH METHODOLOGY

Irina V. Leskova¹, Valery I. Yudin²

^{1,2}Russian State Social University, Moscow, Russia

Corresponding author: Irina V. Leskova, project.edu.2024@gmail.com

Abstract. In the article, the authors analyze the discourse of Internet communications in a modern open society, analyze the theoretical constructs that reveal the political potential of Internet communications, the impact of political activities of citizens on their political participation. In the article, the authors conclude that there are various models of interaction between public authorities and public communication.

Keywords: Internet communication, political communication, political participation, public sphere

For citation: Leskova I. V., Yudin V. I. The potential of Internet communications in the political development of citizens in modern society: research methodology. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):226–231. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-226-231>

Демократия стала общепризнанной ценностью в западных обществах, однако не прекращались дискуссии о ее совершенстве в соответствии с возрастающими требованиями общества к качеству институтов, эффективности политики и публичного управления. В итоге участие граждан в политических процессах стало важным элементом теории демократии. Считается, что политическое участие будет способствовать сокращению разрыва между институтами представительной

демократии и гражданами, способствовать обеспечению политической образованности населения, развитию гражданских навыков и повышению его веры в собственные силы и росту доверия политическим институтам, использованию информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) для улучшения коммуникации. Интернет существенно расширил доступ различных групп к информации и другим ресурсам для политического участия [1].

Это открыло широкие возможности для получения и распространения политической информации. ИКТ помогают поддерживать градус политических дебатов, позволяет проводить интерактивно политические кампании, привлечь труднодоступные целевые аудитории и сочетать прямые и электронные формы гражданского участия и демократии. Коммуникационные технологии создают сетевые компетенции для обмена знаниями в сообществе, сотрудничестве граждан и их самовыражения [2]. В публичном управлении ИКТ предоставляют гражданам более удобные услуги (электронное правительство), информацию, разрешение стоящих перед гражданами проблем и участие в принятии решений.

Растущий спрос на различные ИКТ-решения можно объяснить популярностью индивидуализированных стратегий политического поведения, децентрализованных и краткосрочных формы политического участия. Каждый участник интернет-коммуникации может стать равноправным игроком на мировом медиарынке. Модель передачи информации в Интернете более децентрализована и интерактивна, чем средства массовой информации, которые транслируют ограниченную информацию массовой аудитории в одном направлении. В интернет-коммуникации отправитель сообщения строго не отделен от получателя. Это означает, что отправитель сообщения может легко стать получателем сообщения и наоборот. Также возможна передача информации в Интернете в различных форматах, что повышает оперативность и гибкость коммуникации. Учитывая эти преимущества интернет-коммуникаций, его роль в освещении массовых мероприятий становится еще более значимой. Влияние Интернета на социальные и политические процессы можно рассматривать с точки зрения как государственно-частных, так и индивидуально-государственных отношений.

Социальные сети, информационный поиск и Интернет-СМИ пользуются наибольшей популярностью среди пользователей Интернета.

Прежде всего необходимо выяснить – каковы цели использования ИКТ в контексте публичного управления и демократии, и адекватны ли существующие институты и демократия в целом для полноценного использования интернет-коммуникаций. Хотя этот дискурс является обязательными в политике и теории коммуникации, он часто остается в тени предсказанных преимуществ информационной революции [3, р. 39]. В контексте данного исследования можно выделить две такие проблемы. Первая связана с неспособностью интернет-коммуникаций восстановить критическое и информированное общественное мнение. Вторая – с разнообразным влиянием ИКТ на институты представительной демократии и адаптацией этих институтов к существующим в условиях сегодняшней открытости моделям потребления информации, коммуникации и политического участия.

Для принятия коллективно обязательных решений в условиях плюрализма ценностей, идентичностей и интересов гражданам все чаще приходится обсуждать и договариваться о понимании разности ценностей и приоритетов. В этих условиях использование новых коммуникационных технологий для быстрой, всеобъемлющей и интерактивной передачи информации облегчило бы обмен мнениями между частным и публичным пространством, обеспечив более тесную коммуникацию [4].

До сих пор коммуникационные технологии использовались для обеспечения личного общения, а не для получения политической информации и формирования общественного мнения [5]. Получается, что коммуникация в продвижении требований участников в публичном раскрытии также препятствует специфическим поведенческим стратегиям участников виртуальной коммуникации и особенности цифровой.

В результате интернет-проявления индивидуальных поведенческих стратегий зачастую остаются незамеченными широкими слоями населения. Способствует закрытости интернет-коммуникации и от запросов общественности.

Аккумуляция в неформальной сфере политической коммуникации происходит через отдельные онлайн-платформы, дискуссионные форумы и общественные порталы мобилизации

граждан. Более конструктивной альтернативой закрытости была бы адаптация демократических институтов к более динамичному коммуникативному контексту. Это означает более полное использование коммуникативного потенциала Интернета и большую восприимчивость демократических институтов к неформальным формам интернет-коммуникации и политического гражданского участия.

Знания о концепциях накоплены в журналистике, социологии коммуникаций, политологии, но понимание взаимосвязей между явлениями, обсуждаемыми в разных дисциплинах, все еще развивается [6]. Для того чтобы ввести дискуссию о влиянии ИКТ на демократию в теоретических рамках, которые обозначили бы границы этого обсуждения и дали бы понимание используемых концепций и предположений, необходимо базироваться на идеях теории демократии, исследований политических партий и теорий коммуникации. Есть несколько препятствий в исследованиях ИКТ и социального взаимодействия. Во-первых, понимание взаимосвязи интернет-общения и демократии часто связано не с самим Интернетом, а с представлениями об Интернете, созданными техническим и общественным прогрессом, которые подчеркивают решающую роль коммуникативных технологий в социальных изменениях. Интересно, что в социальных науках ИКТ также рассматриваются скорее как инструменты для достижения социально и политически желательных целей. Поэтому многих исследователей социальных процессов можно справедливо критиковать за излишний техно-детерминизм. Альтернативное видение выражается социальными конструктивистами, утверждающими, что только соприкасаясь с социальной реальностью, с различными запросами групп и индивидов, технологии приобретают определенную ценность обоснованности, а также идеологический оттенок [7].

Чтобы сохранить баланс между взглядами техно-детерминистов и социальных конструктивистов, следует уделять должное внимание характеристикам технологий, а также мотивам создателей, реализаторов и пользователей этих технологий. Многие исследования, проведенные до сих пор, игнорируют тот факт, что изменения в отношениях между институтами и гражданами вызываются политическими акторами [8]. Поэтому теории электронной демократии должны уделять больше внимания анализу процессов микроуровня, что включает в себя изучение мнений, установок и мотиваций индивидов. В контексте данного посыла это означает поиск ответа на вопрос, почему политики и партии в настоящее время решают использовать или не использовать ИКТ, как их использовать и как выстраивать эффективные политические стратегии в СМИ и интернет [9]. Мнения политиков являются ценным познавательным материалом для оценки сценариев развития электронной демократии и контекстуализации результатов исследования интернет-коммуникаций партий.

Второй проблемой исследований интернет-коммуникаций является их плохая сопоставимость и недостаточная обобщаемость результатов. Первые исследования влияния Интернета на открытость и политические процессы были сделаны в конце 90-х годов, когда распространение Интернета не было еще таким всеобщим. Третье препятствие для исследования ИКТ связано со слабой концептуальной и методологической связью концепций политики и теории коммуникации с характеристиками приложений ИКТ. Чтобы выяснить, как Интернет создает/трансформирует/расширяет открытость сферы коммуникаций, некоторые исследователи пытались просто отождествить Интернет с открытостью, предложенной Ю. Хабермасом в его работе «Структурная трансформация открытости», хотя сам автор в своей более поздней работе отказался от нескольких утверждений [10].

Чтобы избежать одномерного взгляда на технологии, необходимо опираться на комплексный подход к анализу технологий, основанный на взглядах канадского философа технологий Дарина Барни в отношении «технологического гражданства». Д. Барни считает, что большее влияние техники на жизнь людей потребовало бы и более широкого публичного обсуждения ее, а это значит, что люди могли бы судить о технике так же, как о любом общественном решении или политике [8].

Для того чтобы создать целостную основу для обсуждения технологий, их следует рассматривать как: (а) публичные арены для принятия решений и реализации определенных политических стратегий, (б) инструменты для решения тех или иных проблем современной демократии, (в) объекты общественного внимания.

Интернет и средства массовой информации создают разные коммуникативные модели, создавая точки напряженности на стыке технологических арен, формируемых Интернетом, и средств массовой информации. Интерес исследователей к роли ИКТ в расширении открытости в XX веке в конце концов, способствовали возможности Интернета для индивидуального контакта, сетевого распространения знаний, интерактивности и низкой эффективности цензуры [11].

Важный вклад внесли Стивен Шнайдер и др. [12–13], изучавший характеристики открытости на виртуальных интернет-дискуссионных форумах. Оба автора руководствовались моделью открытости, разработанной Ю. Хабермасом, и оценивали ход и содержание форумных дискуссий по принципам равенства, качества, разнообразия, взаимности и другим принципам. Исследователи пришли к выводу, что Интернет-коммуникация не подходит для расширения и оживления открытости, по крайней мере, не в том виде, в каком она была описана в работах Хабермаса.

Это связано с тем, что повседневные проявления интернет-коммуникации способствуют противостоянию мнений, дезинформации, раздробленности публики и взаимным оскорблениям на анонимной основе, что не способствует формированию рациональной коммуникации. Однако потенциал Интернета в двустороннем информационном обмене не позволил полностью исключить виртуальное общение из плана по восстановлению открытости коммуникаций. Коммуникационные структуры Интернета – электронная почта, группы новостей, Википедия, блоги, чаты и порталы социальных сетей значительно расширили возможности передачи информации, позволив охватить больше участников коммуникации и разнообразить выражений их политический позиций и политического участия [14]. В целом роль ИКТ в восстановлении открытости оценивалась неоднозначно. Интернет-коммуникация способствовала разнообразию голоса граждан, представленных в их открытости, что увеличивало инклюзивность открытости, но дифференциация публичности мнений и нецивилизованность общения затрудняли восприятие открытости политической сферой – политиками, государственными институтами и политическими партиями [15].

Формат выражений в Интернете не соответствовали стандартам, принятым в публичном общении, но сообщения виртуального пространства растворялись в разнообразии мнений. Игнорирование проявлений интернет-коммуникаций в политических коммуникациях препятствовало внедрению инновационных приложений интернет-коммуникаций и не способствовало внедрению приложений ИКТ в демократические институты.

На основе предложений Расмуссена и других теоретиков открытости предлагается модель интерференции открытости для политических организаций, в которой публичное пространство выделяется как для формальных, так и для неформальных выражений коммуникации. Внедрение принципов вмешательства в политическую коммуникацию открыло бы каналы для более тесной связи между гражданским обществом, открытостью и политической сферой [16]. Это помогло бы институтам усилить свои представительские качества и стать равными конкурентами индивидуализированным формам политического участия и мобилизации.

Вмешательство открытости уменьшает ограничения интернет-коммуникации в создании более широкой, более инклюзивной и критической публичной сферы. В результате интерференции создается среда для циркуляции выражений открытости между формальной и неформальной сферами общения, тем самым повышается инклюзивность открытости, публичность плохо организованного интернет контента и его тематической направленности.

Однако объем политической информации в сети невелик по сравнению, например, с объемом развлекательной информации. Опросы показывают, что относительно небольшое количество граждан все еще использует Интернет для получения политической информации, но еще меньше людей используют возможности Интернета для участия. Кроме того, те, кто использует возможности Интернета для политического участия, как правило, уже политически активны. Таким образом, Интернет скорее расширяет возможности политического участия уже активного населения, тем самым усиливая существующие тенденции политического участия (сценарий усиления). Это предположение можно проверить, выявив общие тенденции населения в использовании Интернета, участии в политической жизни и политическом выборе граждан. В целях адаптации учреждений к требованиям информационной эпохи, их восприимчивость к более широкому и разнообразному участию граждан, взаимному общению и сотрудничеству должна быть увеличена. Партии занимают особое место в политической системе, что позволяет им обеспечивать целостность

политической системы и способствовать превращению общественного мнения в политическую власть [17].

Согласно видению Ю. Хабермаса, в коммуникативные механизмы социальной координации в партиях для уравнивания доминирующих в настоящее время неязыковых механизмов координации, должны быть введены стратегические коммуникации через СМИ, рыночные силы медиа и административные власти, т.е. все должно быть систематизировано.

Для того чтобы стимулировать коммуникативные процессы с помощью Интернета, необходима исследовательская база, которая увеличивала бы понимание изменений в открытости публичной сферы, вызванных интернет-коммуникациями, и связывала бы эти изменения с эмпирически обнаруживаемыми тенденциями в стратегиях интернет-кампаний.

Список источников

1. Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital// Journal of Democracy.1995. № 6(1).
2. Bolshakova Y. M., Nikonov S. B., Puiu Y. V. Cloud Technologies in the Promotion Strategy of Integrated Communications // Asian Social Science. Published by Canadian Center of Science and Education. 2015. Vol. 11, No. 19.
3. Morris, M., & Ogan, C. (1996). The Internet as a Mass Medium. Journal of Communication, 46, 39-50. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1460-2466.1996.tb01460.x>
4. Smith, A., Rainee, L. The internet and the 2008 election. Washington: Pew Internet and American Life Project. 2009. Av.: <http://www.pewinternet.org/>
5. Bolshakova Yu.M., Mokhalchenkova N.A., Istikhovskay M.D. Innovative Media Technologies as a Way to Address Socially Important Issues// GMJ-Global Media Journal. Social institutions, groups, relations within the globalization context and society virtualization 2016. Vol. Special Issue No.S3:19.
6. Adorno T., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment. London: Verso. 1997.
7. Dahlberg, L. Net-Public Sphere Research: Beyond the 'First Phase' // The Public. 2004.№ 11(1).
8. Barney D. One Nation Under Google. Citizenship in the Technological Republic. The Heart House Lecture Committee. University of Toronto: Toronto. 2007. Av.: http://www.mcgill.ca/files/arts/barney_2007HartHouseLecture.pdf.
9. Bimber B. The Internet and Citizen Communication With Government: Does the Medium Matter? // Political Communication. 1999.16(4). Pp. 409-428.
10. Habermas J. Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: The MIT Press, 1996. Pp. 442-443.
11. Zittel T. Political Communication and Electronic Democracy: American Exceptionalism or Global Trend? Comparing Political Communication: Theories, Cases and Challenges. New York. Cambridge University Press. 2004.
12. Schneider S. M. Expanding the Public Sphere through Computer-Mediated Communication: Political Discussion about Abortion in a Usenet Newsgroup. Doctoral Dissertation in Political Science, Massachusetts: MIT.1997.
13. Salter L. Democracy, New Social Movements, and the Internet. A Habermasian Analysis. In M.McCaughey & M.Ayers (Eds.), Cyberactivism: online activism in theory and practice. New York: Routledge 2003. Pp. 117-44.
14. Norris P. Preaching to the Converted? Pluralism, Participation and Party Websites. Party Politics, 2003. № 9(1).
15. Katz J. Birth of a digital nation. Wired. 1997.№ 5(4). pp. 49-52, 184-191. <http://www.wired.com/wired/archive/5.04/netizen.html>.
16. Dahlberg, L. Computer-Mediated Communication and The Public Sphere: A Critical Analysis// Journal of Computer-Mediated Communication. 2001. № 7(1). Av.: <http://jcmc.indiana.edu/vol7/issue1/dahlberg.html>.
17. Stromer-Galley K.A. et. al. What Citizens Want, Where they Went, and What they Got Online in the US Election 2000. In: S. Coleman (Ed.), Elections in the age of the internet: lessons from the United States. London: Hansard Society. 2001. Pp. 26-35.

References

1. Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. 1995;6(1).
2. Bolshakova Y. M., Nikonov S. B., Puiu Y. V. Cloud Technologies in the Promotion Strategy of Integrated Communications. *Asian Social Science. Published by Canadian Center of Science and Education*. 2015;11(19).
3. Morris, M., & Ogan, C. (1996). The Internet as a Mass Medium. *Journal of Communication*, 46, 39-50. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1460-2466.1996.tb01460.x>
4. Smith, A., Rainee, L. *The internet and the 2008 election*. Washington: Pew Internet and American Life Project. 2009. Available from: <http://www.pewinternet.org/>
5. Bolshakova Yu. M., Mokhalchenkova N. A., Istikhovskay M. D. Innovative Media Technologies as a Way to Address Socially Important Issues. *GMJ-Global Media Journal. Social institutions, groups, relations within the globalization context and society virtualization*. 2016;S3:19.
6. Adorno T., Horkheimer M. *Dialectic of Enlightenment*. London: Verso; 1997.
7. Dahlberg, L. Net-Public Sphere Research: Beyond the 'First Phase'. *The Public*. 2004;11(1).
8. Barney D. *One Nation Under Google. Citizenship in the Technological Republic. The Heart House Lecture Committee*. University of Toronto: Toronto. 2007. Available from: http://www.mcgill.ca/files/arts/barney_2007HeartHouseLecture.pdf.
9. Bimber B. The Internet and Citizen Communication With Government: Does the Medium Matter? *Political Communication*. 1999;16(4):409-428.
10. Habermas J. *Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge: The MIT Press, 1996. Pp. 442-443.
11. Zittel T. *Political Communication and Electronic Democracy: American Exceptionalism or Global Trend? Comparing Political Communication: Theories, Cases and Challenges*. New York. Cambridge University Press. 2004.
12. Schneider S. M. *Expanding the Public Sphere through Computer-Mediated Communication: Political Discussion about Abortion in a Usenet Newsgroup*. Doctoral Dissertation in Political Science, Massachusetts: MIT. 1997.
13. Salter L. Democracy, New Social Movements, and the Internet. A Habermasian Analysis. In M. McCaughey & M. Ayers (Eds.), *Cyberactivism: online activism in theory and practice*. New York: Routledge 2003:117-44.
14. Norris P. Preaching to the Converted? Pluralism, Participation and Party Websites. *Party Politics*. 2003;9(1).
15. Katz J. Birth of a digital nation. *Wired*. 1997;5(4):49-52, 184-191. Available from: <http://www.wired.com/wired/archive/5.04/netizen.html>.
16. Dahlberg, L. Computer-Mediated Communication and The Public Sphere: A Critical Analysis. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2001;7(1). Available from: <http://jcmc.indiana.edu/vol7/issue1/dahlberg.html>.
17. Stromer-Galley K.A. et. al. What Citizens Want, Where they Went, and What they Got Online in the US Election 2000. In: S. Coleman (Ed.), *Elections in the age of the internet: lessons from the United States*. London: Hansard Society; 2001:26-35.

Информация об авторах

И. В. Лескова – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета.

В. И. Юдин – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и и прикладной политической работы кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета.

Information about the authors

I. V. Leskova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Applied Political Work of the Russian State Social University.

V. I. Yudin – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Applied Political Work of the Russian State Social University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 12.05.2023.

The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 12.05.2023.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Екатерина Евгеньевна Термелева¹, Михаил Дмитриевич Чернозубов²

^{1,2}Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
Самара, Россия

¹termeleva.ee@ssau.ru

²mischersamara@gmail.com

Аннотация. В последнее время в Российской Федерации вся спортивная деятельность находится под пристальным взглядом, как государственной власти, так и общественности. Это связано со спортивными успехами наших национальных сборных по разным видам спорта, возросшим интересом к спортивной сфере в связи с проведением в нашей стране международных спортивных соревнований, а также с приоритетным значением физической культуры и спорта для здоровья нации и интеграции общества. Можно выделить взаимосвязь между развитием данной сферой со здоровьем общества, а также экономикой государства. За последние годы сфера физической культуры и спорта стала играть важную роль в осуществлении социально-экономической и инвестиционной политики на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: спорт, сфера физической культуры и спорта, региональная политика в области спорта, спортивная организация, спортивная программа, спортивные соревнования

Для цитирования: Термелева Е. Е., Чернозубов М. Д. Основные проблемы региональной политики в области физической культуры и спорта (на примере Самарской области) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 232–237. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-232-237>

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE MAIN PROBLEMS OF REGIONAL POLICY IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS (ON THE EXAMPLE OF THE SAMARA REGION)

Ekaterina E. Termeleva¹, Mikhail D. Chernozubov²

Samara National Research University, Samara, Russia

¹termeleva.ee@ssau.ru

²mischersamara@gmail.com

Abstract. Recently, in the Russian Federation, all sports activities have been under the scrutiny of both the state authorities and the public. This is due to the sporting successes of our national teams in various sports, the increased interest in the sports field in connection with the holding of international sports competitions in our country, as well as the priority importance of physical culture and sports for the health of the nation and the integration of society. It is possible to distinguish the relationship between

the development of this area with the health of society, as well as the economy of the state. In recent years, the sphere of physical culture and sports has begun to play an important role in the implementation of socio-economic and investment policy on the territory of the Russian Federation.

Keywords: sport, sphere of physical culture and sports, regional sports policy, sports organization, sport program, sport competitions

For citation: Termeleva E. E., Chernozubov M. D. The main problems of regional policy in the field of physical culture and sports (on the example of the Samara region). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):232–237. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-232-237>

Каждый день миллионы людей со всего мира занимаются спортом и ведут здоровый образ жизни, принимают участие в спортивных соревнованиях. Также, в настоящее время, физическая культура и спорт могут влиять на политику страны, государственные и национальные отношения, социально-экономическую сферу в стране, участвуют в формировании моды, мировых брендов, общественно-важных ценностей и взглядов людей.

Прежде чем проанализировать политику региона в области физической культуры и спорта в Самарской области, нужно дать определение этим понятиям.

Если говорить про понятие «физическая культура», то это такой вид культуры, который влияет на укрепление здоровья человека, способствует развитию физических и двигательных способностей, выработке морально-волевых качеств, формированию иммунитета человека в процессе занятия физическими упражнениями.

Необходимо отметить то, что начиная с 2019 года, сфера физической культуры и спорта в Российской Федерации столкнулась с множеством проблем. В условиях карантина по коронавирусной инфекции все спортивные организации, соревнования либо были отменены, либо перешли на удаленный режим работы. Перед органами власти встала цель не только сохранить, но и нарастить темпы развития сферы физической культуры и спорта, не допустить сокращения работы спортивных организаций и клубов [1–2]. После введения санкций и международной спортивной изоляции к этим проблемам добавились проблемы создания конкурирующей среды для отечественных спортсменов и сборных команд, поддержки спортивных клубов, взаимодействия со спортивными комитетами по допуску отечественных спортсменов на международные соревнования. Организованная деятельность органов государственной власти, спортивных федераций, всего физкультурного и спортивного сообщества позволяет поддерживать спорт в России на высоком уровне даже в условиях жестких санкций.

Если говорить про сферу физической культуры и спорта в Самарской области, то на ее состояние влияют направления и мероприятия, которые выбираются в качестве оптимальных инструментов развития спортивной сферы, органами государственной власти Самарской области. На сегодняшний день, в качестве главенствующей спортивной программы на территории Самарской области, на которую опираются все органы власти и спортивное сообщество региона является государственная программа Самарской области «Развитие физической культуры и спорта в Самарской области на 2014-2025 годы», главной целью которой является всестороннее развитие спортивной сферы на территории области, улучшение показателей физического развития и развитие спортивной инфраструктуры региона.

В настоящее время акцент в спортивной сфере региона делается на следующих задачах:

- постоянное и полное отслеживание уровня здоровья спортсменов;
- увеличение различных методов ГЧП в области строительства спортивных объектов;
- организация и проведение региональных соревнований для поддержки российских спортсменов в условиях международной изоляции;
- работа по модернизации и совершенствованию материально-технической базы, медицинского обеспечения спортсменов;
- регулярное проведение переподготовки кадров, тренеров детских и взрослых команд и сборных;
- составление плана развития инфраструктуры для летних и зимних видов спорта в регионе.

Можно отметить успешную реализацию регионального проекта «Спорт – норма жизни», который является составной частью национального проекта «Демография». За несколько лет действия проекта значительно улучшились показатели физического развития населения области, детско-юношеского спорта, обеспеченности спортивной инфраструктурой. Благодаря проекту, ежегодно проводятся различные спортивные мастер-классы и семинары, организуются городские и областные соревнования. Также, развивается инфраструктура для сборных команд России, строятся новые объекты, устанавливается современное оборудование.

Благодаря реализации региональных спортивных программ в области ежегодно проводятся многочисленные спортивные мероприятия и соревнования. Например, соревнования по хоккею «Золотая шайба»; Самарский лыжный марафон «Соколы горы»; городская легкоатлетическая гонка, посвященная Дню космонавтики; городские соревнования по футболу «Кожаный мяч» и «Лето с футбольным мячом» и т.д. Важность их проведения заключается в том, что успешная организация таких соревнований поднимет авторитет региона, тем самым обеспечит дополнительное финансирование спортивной сферы со стороны государства и частных инвесторов.

Важно отметить, что одним из главных направлений региональной политики в области спорта является поддержка и развитие спортивных клубов. На 2023 год существует такая тенденция, что все спортивные клубы в Самарской области финансируются за счет областного бюджета. Следовательно, снижение или прекращение финансирования повлечет за собой банкротство спортивных организаций, а это, в свою очередь, негативно скажется на всей отрасли физической культуры и спорта в регионе. В настоящее время четыре профессиональных спортивных клуба на территории области полностью зависят от Правительства Самарской области¹.

Из-за кризисных и санкционных явлений в 2022 г. принято решение о поддержке спортивных организаций в виде предоставления дополнительного финансирования. Министерство спорта Самарской области в рамках региональной поддержки спорта выделил специальные субсидии для спортивных клубов и организаций в размере 1,5 млн руб.

До сих пор сказываются последствия коронавирусной инфекции в спортивной сфере. В 2021-2022 г. зафиксировано снижение показателя загруженности спортивной инфраструктуры, так как в связи с карантином многие объекты простаивали и до сих пор их не привели в полную готовность для эксплуатации населением.

В 2022 год показатель загруженности снизился почти на 30% по сравнению с 2021 г. Следовательно, снижаются и доходы спортивных организаций. За 2022 год более чем на 90 млн руб. упали доходы от платной деятельности и секций спортивных организаций. Внебюджетные источники финансирования спорта часто использовались за 2020-2022 г.

Этот показатель влияет на формирование зарплаты работников. В 2022 году зарплатный фонд работников спорта был увеличен почти на 900 млн рублей, так как было проведено перераспределение бюджетных средств. Курировалось перераспределение Министерством спорта Самарской области.

В какой-то степени можно отметить не слишком большую успешность региональной политики в области финансовой помощи спортивным субъектам. Не все организации воспользовались предложенными субсидиями. Главной причиной, по которой спортивные клубы отказывались от субсидий, была низкая эффективность этих субсидий при более высоких затратах при подготовке документации. Основными рисками также принято считать изменение тенденций и ориентиров населения Самарской области, а также сокращение реальных доходов населения в связи с кризисом.

¹ Распоряжение о ходе реализации в 2021 году государственной программы Самарской области "Развитие физической культуры и спорта в Самарской области на 2014-2023 годы" – URL: <https://minsport.samregion.ru/wp-content/uploads/sites/8/2022/04/otchet.pdf> (дата обращения 07.03.2023).

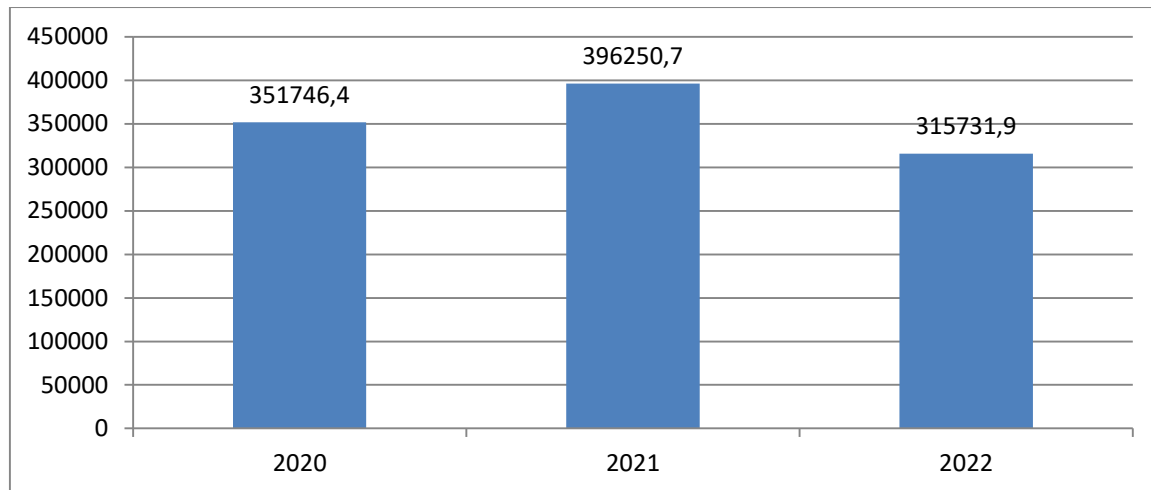


Рис. 1. Внебюджетное финансовое обеспечение спортивных организаций за 2020-2022 гг.

Fig. 1. Extra-budgetary financial support of sports organizations for 2020-2022

В ближайшей перспективе важными составляющими в развитии спорта в регионе станут поддержание состояния инфраструктуры на высоком уровне, модернизация и переоборудование спортивной инфраструктуры, переподготовка в соответствии с современными стандартами кадровый и тренерский состав¹. В итоге, главная задача всех этих преобразований – поддержание и укрепление здорового образа жизни и как следствие благосостояния населения Самарской области.

Перспективы развития инфраструктурной составляющей спортивной сферы Самарской области отражены в специальной подпрограмме «Развитие инфраструктуры сферы физической культуры и спорта на 2014 – 2025 годы». Главными задачами в перспективе должны стать развитие материально-технической базы физической культуры, массового спорта и спорта высших достижений, реставрация спортивных объектов и улучшение оснащённости спортивных баз.

Все чаще приходится говорить о проблеме неэффективной и устаревшей системы детско-юношеского спорта, который стоит фундаментом для подготовки и развития будущих спортсменов сборной. Причины неэффективности системы детско-юношеского спорта кроются в низком уровне технической, спортивно-теоретической и инфраструктурной оснащённости, нехватке высококвалифицированных и профессиональных тренеров и специалистов.

Правительством Самарской области в 2022 году утверждена программа регионального развития детско-юношеского спорта, направленная на всестороннее развитие юных спортсменов, организацию детско-юношеских спортивных соревнований и увеличение полномочий негосударственных спортивных организаций в сфере детско-юношеского спорта. В соответствии с программой, уже в начале года в Самарской области оперативно создаются школьные спортивные лиги по некоторым видам спорта, организуются областные детские спортивные мероприятия. Система детско-юношеских мероприятий должна состоять не только из всероссийских соревнований, но и из международных. Поэтому важно развивать спортивное взаимодействие с дружественными странами в сфере организации и проведения детско-юношеских соревнований. Основными вспомогательными площадками для этого могут стать Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС.

Направление государственного управления в сфере спорта, которое должно приобрести особую актуальность, является направление развития спортивной инфраструктуры и материально-технической базы спортивной сферы в регионе. В настоящее время, из-за санкций и ухода

¹ Распоряжение о ходе реализации в 2021 году государственной программы Самарской области "Развитие физической культуры и спорта в Самарской области на 2014-2023 годы" – URL: <https://minsport.samregion.ru/wp-content/uploads/sites/8/2022/04/otchet.pdf> (дата обращения 07.03.2023).

из страны многих иностранных компаний, которые занимались строительством и поставкой современного оборудования на спортивные объекты, остро встал вопрос об импортозамещении как иностранных компаний, так и иностранного оборудования в данной сфере. Должны предприниматься меры по развитию производственной сферы спортивного оборудования, а также налаживаются деловые связи с компаниями, осуществляющими строительство и техническое обслуживание спортивных объектов, из дружественных стран.

Для развития перспективных направлений спортивной сферы в Самарской области реализуется много программ. Одна из таких программ – региональное субсидирование некоммерческих спортивных организаций. Субсидии могут быть использованы для реконструкции инфраструктуры или проведения спортивных мероприятий.

На сегодняшний день основная задача по развитию спортивной отрасли в регионе это – развитие системы физического воспитания различных категорий и групп населения, в том числе школьников и студентов. Для этого нужно постоянно мотивировать население на занятие спортом. Здесь на первый план встает пропаганда здорового образа жизни. Важно развивать коммерческую составляющую спорта в регионе. Это можно сделать с помощью корректировки инвестиционной стратегии Самарской области, которая заключается в добавлении системы задач и инструментов, которые бы способствовали привлечению инвестиций в сферу спорта региона.

В связи с планомерным развитием перспективных направлений в сфере спорта, за год удалось достичь следующих показателей:

- увеличился процент населения Самарской области, которое систематически занимается физической культурой и спортом;
- увеличился процент обучающихся и студентов, которые систематически занимаются физической культурой и спортом;
- увеличился процент лиц с ограниченными возможностями и инвалидов, которые систематически занимаются физической культурой и спортом;
- увеличилась пропускная способность инфраструктурных объектов.

Таким образом, можно сделать вывод, что благодаря развитию перспективных направлений, образуется прочная система механизмов и мероприятий, которая является центром развития и совершенствования сферы спорта в регионе [3]. К таким механизмам можно отнести специальные стипендии и гранты, которые выдаются спортсменам, различные спортивные мероприятия, которые улучшают имидж региона, улучшение качества подготовки и переподготовки кадров, проведение конкурсов по поиску решений проблем в сфере спорта, обеспечение спортивной инфраструктурой все образовательные учреждения и дворы и т.д.

Если проанализировать все данные, то можно сделать вывод, что сфера физической культуры и спорта в Самарской области находится еще в стадии перестройки и становления.

Список источников

1. Погорелый А. Е., Федосова Л. П., Федотова Г. В. Основные направления совершенствования механизма государственного управления развитием физической культуры и спорта // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 1-2(95).
2. Мифтахов М. Р. Эффективность проводимой региональной политики в области физической культуры и спорта (на примере субъектов Приволжского федерального округа Российской Федерации) // Экономические науки. 2020. № 193. С. 335–342.
3. Куманина С. Ю. Проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта в России: правовые аспекты // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: Байкальский студенческий юридический форум-2019 : материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Иркутск, 21 марта 2019 года / Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Том 1. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – С. 62-66.

References

1. Pogorely A. E., Fedosova L. P., Fedotova G. V. Main directions of improving the mechanism of state management of the development of physical culture and sports. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2023;1-2(95):66-69. (In Russ.)
2. Miftakhov M. R. The effectiveness of the regional policy in the field of physical culture and sports (on the example of the subjects of the Volga Federal District of the Russian Federation). *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*. 2020;(193):335-342. (In Russ.)
3. Kumanina, S. Yu. Problems and prospects for the development of physical culture and sports in Russia: legal aspects. In: *Modern problems of lawmaking and law enforcement: Baikal Student Legal Forum-2019: materials of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference*, Irkutsk, March 21, 2019 / Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Volume 1. Irkutsk: Irkutsk Institute (branch) VGUYu (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2019:62–66. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. Е. Термелева – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.
М. Д. Чернозубов – студент Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

Information about the authors

E. E. Termeleva – Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Administration of Samara National Research University.
M. D. Chernozubov – Student of Samara National Research University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; одобрена после рецензирования 27.05.2023; принята к публикации 28.05.2023.

The article was submitted 18.05.2023; approved after reviewing 27.05.2023; accepted for publication 28.05.2023.

**РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РОССИИ
(НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Михаил Васильевич Шутов¹, Татьяна Павловна Черкасова²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹michaelshutov@mail.ru

²tcherkasova@uriu.ranepa.ru

Аннотация. Данная статья посвящена описанию специфики политической конкуренции в субъектах Российской Федерации. За основу взяты результаты выборов в представительные органы 85 регионов России текущих созывов в разбивке по федеральным округам. Кроме этого, в работе дается оценка смешанной избирательной системы на выборах в регионах. За основу взяты результаты политических партий по единому и по одномандатным избирательным округам. На основе полученных результатов соотносится разница полученных показателей, что позволяет дать качественную оценку уровня политической конкуренции в рамках действующей избирательной системы.

Ключевые слова: политическая партия, партийная система, избирательная система, политическая конкуренция, одномандатный избирательный округ, единый избирательный округ, избирательная комиссия субъекта Российской Федерации, мажоритарная система абсолютного большинства, мажоритарная система относительного большинства

Для цитирования: Шутов М. В., Черкасова Т. П. Региональная специфика политической конкуренции в России (на основе результатов выборов в представительные органы Российской Федерации) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 238–243. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-238-243>

**REGIONAL SPECIFICS OF POLITICAL COMPETITION IN RUSSIA
(BASED ON THE RESULTS OF ELECTIONS TO REPRESENTATIVE BODIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Mikhail V. Shutov¹, Tatiana P. Cherkasova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹michaelshutov@mail.ru

²tcherkasova@uriu.ranepa.ru

Abstract. This article is devoted to the description of the specifics of political competition in the regions of the Russian Federation. The results of the elections to the representative bodies of 85 regions of Russia of the current convocations, broken down by federal districts, are taken as a basis. In addition, the paper gives an assessment of the mixed electoral system in the elections in the regions. It is based on the results of political parties on a single and in single-mandate electoral

districts. Based on the results obtained, the difference between the obtained indicators is correlated, which allows us to give a qualitative assessment of the level of political competition within the current electoral system.

Keywords: political party, party system, electoral system, political competition, single-mandate electoral district, single electoral district, election commission of a constituent entity of the Russian Federation, majority system of absolute majority, majority system of relative majority

For citation: Shutov M. V., Cherkasova T. P. Regional specifics of political competition in Russia (based on the results of elections to representative bodies of the Russian Federation). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):232–237. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-232-237>

Функционирование института парламентаризма в Российской Федерации носит трехуровневый характер, что выражается в наличии представительных органов на федеральном, региональном и местном уровнях. На сегодняшний день существование законодательной ветви власти различных уровней невозможно без депутатских объединений и политических партий как группы идеологических единомышленников, выполняющих функцию народного представительства. И даже если избранный депутат не принадлежит к той или иной политической партии он, как правило, становится членом политической фракции после избрания в представительный орган.

В соответствии с требованиями федерального законодательства одним из условий создания политической партии является образование ее региональных отделений не менее чем в половине субъектов Российской Федерации. Указанный факт обуславливает существование политической конкуренции на региональном уровне, что является предметом исследования данной публикации.

Для исследования особенностей региональной политической конкуренции в качестве эмпирической базы проанализируем результаты выборов в 85 субъектов Российской Федерации в разрезе 8 федеральных округов.

В основу анализа положены следующие показатели, приведенные в табл. 1:

- процентный показатель «партий-победителя» по единому избирательному округу, или пропорциональной системе (обозначен как «S1»);
- процентный показатель «вторых партии» по единому избирательному округу (обозначен как «S2»);
- процентная составляющая итогового распределения депутатских мест «партий-победителей» в региональных парламентах с учетом результатов по кандидатам в одномандатных округах (обозначен как «S1 итог»);
- процентная составляющая итогового распределения депутатских мест «вторых партии» в региональных парламентах с учетом результатов по кандидатам в одномандатных округах (обозначен как «S2 итог»).

Таблица 1 – Средние электоральные показатели «партий-победителей» и «вторых партий» на выборах в региональные парламенты крайних созывов (в разрезе федеральных округов)

Table 1 – Average electoral indicators of the "winning parties" and "second parties" in the elections to regional parliaments of extreme convocations (by federal districts)

Федеральный округ	S1	S2	S1 итог	S2 итог
Северо-Кавказский	72	12	79	11
Южный	53	16	75	12
Уральский	46	17	76	11
Приволжский	50	21	71	16
Северо-Западный	35	20	67	16
Сибирский	42	22	61	20
Дальневосточный	40	21	60	15
Центральный	46	18	58	14

Как по партийным спискам, так и по итоговому распределению мандатов «партией-победителем» во всех федеральных округах является Всероссийская политическая партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ». В свою очередь, «второй» партией зачастую является КПРФ.

Из таблицы 1 видно, что разница между показателями «S1» и «S1 итог» варьируется в интервале от 7% до 37% в пользу «партии – победителя». Это свидетельствует о том, что кандидаты по одномандатным округам от победившей партии в подавляющем большинстве случаев выигрывают выборы, что позволяет закрепить результат «партии-победителя».

Показательным примером является результаты выборов во Владимирской области в 2018 г., где партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» набрала 29,57 % по пропорциональной системе, но за счет одномандатных округов обеспечила себе результат в 61 % от общего числа депутатских портфелей. Учитывая, что общая явка на данных выборах составила 32,9 % от общего числа избирателей, можно судить о несоответствии рейтинга «партии власти» относительно количества ее представителей в Законодательном Собрании Владимирской области. Результаты выборов в областной парламент также соотносятся с показателем рассматриваемой партии на выборах в Государственную Думу в 2021 году: показатель «ЕДИНОЙ РОССИИ» составил около 38 % при явке 37,89 %.

Указанный пример является типовым для регионов России. Наиболее сильное колебание также наблюдалось:

- на выборах в Законодательное Собрание Камчатского края в 2021 году (при явке 42,62% партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» набрала 35 % голосов избирателей по единому избирательному округу, но с учетом результатов по одномандатным округам получила 68 % депутатских мандатов);

- на выборах в Законодательное Собрание в Амурской области в 2021 году (при явке 39 % партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» набрала 33 % голосов избирателей по единому избирательному округу, но с учетом результатов по одномандатным округам получила 67 % депутатских мандатов);

- на выборах в Законодательное Собрание Забайкальского края в 2018 году (при явке 22 % партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» набрала 28 % голосов избирателей по единому округу, но с учетом результатов по одномандатным округам получила 42 % депутатских мандатов) и т.д.

Тем не менее, в регионах, где победителями являются оппозиционные партии, наблюдается схожая тенденция. В данном случае примечателен пример Хабаровского края. Так, при явке 35 % партия ЛДПР набрала 56 % голосов избирателей по единому избирательному округу, но с учетом результатов по одномандатным округам получила 83 % депутатских мандатов.

Из приведенных примеров видно, что при нынешней избирательной системе в регионах России существуют ряд факторов, ограничивающих политическую конкуренцию:

1. Низкая явка на выборах, что негативно отражается на легитимности избранной законодательной власти региона. Указанный фактор является объективным, поскольку активность избирателей непосредственно влияет на развитие демократических процессов в государстве вне зависимости от избирательной системы. Систематически не используя свое активное избирательное право, гражданин фактически устраняется от процесса принятия решений.

На наш взгляд, подобную задачу должны решать всероссийские политические партии. В данном случае показателен пример «ЕДИНОЙ РОССИИ», деятели которой заблаговременно до выборов создают «ядро» сторонников в виде списков избирателей, закрепленных за каждым избирательным округом. Это достигается путем функционирования Информационной системы «Вся Россия», что, несомненно, предоставляет цифровое конкурентное преимущество относительно оппонентов. Указанный проект работает на выборах всех уровней, а специалисты региональных отделений систематически верифицируют базу сторонников, избегая дублирования информации. Фактически, лидирующая политическая сила использует механизмы массовой партии в ее классическом понимании, что позволяет эффективно мобилизовать своих сторонников. В то же время оппозиционные партии не располагают схожими проектами, которые могут сравниться по масштабу привлечения граждан на избирательные участки.

2. Гибкость регионального избирательного законодательства, которое может меняться каждый избирательный цикл. Характерным примером данного фактора является пример Ростовской области. Так, в период 2008–2018 гг. наблюдалось постепенное снижение показателей партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» в региональный парламент. Тем не менее, победившая партия сохраняла свое большинство в районе 70 % и более. Электоральным механизмом для удержания лидирующих позиций было изменение «избирательной формулы». В 2013 г. это было достигнуто путем

увеличения количества депутатов с 50 до 60, вследствие чего увеличилось количество одномандатных округов с 20 до 30.

Тем не менее, выборы в Законодательное Собрание в 2018 году наметили тенденцию «потери» доминирующей партией ряда одномандатных округов (если в 2013 году кандидаты от «ЕДИНОЙ РОССИИ» победили в 28 из 30 округах, то в 2018 их результат составил 25 из 30 кандидатов).

Подтверждают указанную выше тенденцию и изменения, которые были внесены в Устав Ростовской области в 2022 году: в соответствии с ними избирательная формула вновь подверглась изменениям перед выборами в представительный орган в сентябре 2023 года: число одномандатных округов увеличено с 30 до 40, а количество мандатов, замещаемых по партийным спискам, сократилось с 30 до 20.

Важно отметить, что, не принимая во внимание политический аспект изменения избирательных округов, у Законодательного Собрания Ростовской области не было возможности не внести соответствующие изменения в Устав. Это связано, прежде всего, с требованиями федерального законодательства, согласно которому избирательные округа образуются сроком на 10 лет: при их формировании необходимо учитывать такой критерий, как численность избирателей, зарегистрированных на соответствующей территории. Он обусловил необходимость принятия новой схемы округов. Однако федеральный законодатель не предписывает увеличивать количество одномандатных округов в случае роста числа избирателей: важно соблюдать только принцип их примерного равенства в установленных территориях. Следовательно, увеличение количества избирательных округов является непосредственной инициативой группы депутатов регионального парламента.

Такие же тенденции происходили и в других регионах незадолго до предстоящих выборов. Приведем лишь несколько примеров:

- в 2021 году Законодательное Собрание Краснодарского края утвердило нормативно-правовой акт, изменивший количество одномандатных округов с 35 до 45, а количество мандатов, замещаемых по партийным спискам, сократилось с 35 до 25;
- в 2021 году Государственный Совет Удмуртской Республики увеличил количество одномандатных округов с 30 до 40 и соответственно уменьшил количество мандатов, замещаемых по партийным спискам, с 30 до 20;
- в 2021 году Саратовская областная Дума уменьшила общее количество депутатов с 45 до 40, а также увеличила количество одномандатных округов с 23 до 30 и соответственно уменьшила количество мандатов, замещаемых по партийным спискам, с 22 до 10;
- в 2021 году схожим образом поступил представительный орган Приморского края, заменив избирательную формулу с 20 на 30 по мажоритарной системе и с 20 на 10 – по пропорциональной и т.д.

Таким же образом поступают политические партии, находящиеся в оппозиции к «ЕДИНОЙ РОССИИ», но занимающие лидирующие позиции в регионе. В апреле 2019 года депутаты Законодательной Думы Хабаровского края, состоящие преимущественно из представителей партии ЛДПР, накануне сентябрьских выборов того же года заменили избирательную формулу с 18 до 24 по мажоритарной системе и с 18 на 12 – по пропорциональной (результаты данных выборов уже были указаны ранее).

Таким образом, увеличение избирательных округов выгодно только лидирующей партии в регионе и, несомненно, является ограничивающим политическую конкуренцию фактором. Вне зависимости от того, какая политическая партия победит на выборах в субъекты Российской Федерации, политическая борьба на последующих выборах происходить в плоскости изменения регионального избирательного законодательства. В таком случае минимизируется роль предвыборной программы партийных объединений. В свою очередь, роль административного ресурса повышается.

Кроме этого, мажоритарная система в Российской Федерации построена по принципу относительного большинства, где для победы на выборах достаточно набрать большее количество голосов, чем каждый из политических оппонентов по отдельности. В данном случае вполне обоснованным выглядит постепенный переход избирательной системы Российской Федерации к мажоритарной системе абсолютного большинства. При такой избирательной формуле предусматривается

возможность назначения второго тура в случаях, когда ни один из представленных на участках кандидатов не набрал более 50 % голосов.

Также действующее избирательное законодательство провоцирует повышение роли административного ресурса, которое обусловлено особенностями формирования состава региональных избирательных комиссий, утверждающих границы избирательных округов. Так, пунктом 6 статьи 23 Федерального Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» определен порядок формирования состава избирательной комиссии субъектов Российской Федерации: «Половина членов избирательной комиссии субъекта Российской Федерации назначается законодательным органом субъекта Российской Федерации, другая половина – высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации». По нашему мнению, данная норма непосредственно влияет на принадлежность губернаторов или глав республик к конкретной политической силе, что создает препятствие к фактически равному партийному представительству в избирательных комиссиях регионах. Именно эта норма провоцирует недовольство представителей оппозиционных партий при изменении границ избирательных округов. При этом избирательная практика показывает, что при увеличении количества одномандатных территорий наибольшему «дроблению» подвергаются те муниципальные районы, в которых на прошлых выборах победил оппозиционный кандидат. Например, единый избирательный округ в г. Новочеркасске Ростовской области в 2022 году был поделен на 4 избирательных округа, интегрирующих в себя другие муниципальные образования.

Учитывая изложенное, для повышения политической конкуренции в регионах представляется возможным законодательно обеспечить равенство представителей политических партий в избирательных комиссиях, отозвав при этом полномочия у высших должностных лиц субъектов Российской Федерации по формированию половины его состава.

Рассмотрев региональную специфику политической конкуренции, можно сделать вывод, что ее обусловленность продиктована нормами федерального законодательства. Именно поэтому повысить уровень состязательности выборов в субъектах Российской Федерации возможно только путем совершенствования всей партийной системы в России, которая характеризуется на сегодняшний день как партийная система картельного типа [1–2]. Учитывая изложенное, процесс повышения политической конкуренции не может происходить в отрыве от участия в политической жизни государства гражданских институтов, призванных проявлять инициативу «снизу» [3]. Именно эта схема взаимодействия органов государственной власти и гражданских институтов позволит сформироваться новым политическим лидерам, управленческая деятельность которых выстраивается на доверии со стороны граждан, несмотря на их возможную субъективность при осуществлении реформ [4]. Кроме этого, взаимодействие органов власти и населения необходимо на уровне местного самоуправления как базовой формы участия граждан в принятии управленческих решений [5]. В свою очередь, без соответствующих решений федеральных органов государственной власти, направленных на легитимацию гражданских инициатив, начало процесса реформирования партийной системы России также невозможно.

Список источников

1. Черкасова Т. П., Шутов М. В. Тренды политической конкуренции в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 224–228.
2. Шутов М.В. Особенности политической конкуренции регионального уровня на примере субъектов РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 284–290.
3. Шутов М. В. Особенности политической конкуренции в Ростовской области // Местное самоуправление в условиях глобальных вызовов современной России: сборник докладов «круглого стола» молодых ученых в рамках научно-практической конференции с международным участием: ЮРИУ РАНХиГС, 2019. Ростов н/Д., 2019. С. 140–143.
4. Чернышов Б. А., Понеделков А. В. Субъектность и доверие – ключевые характеристики политического лидерства, создающие возможность консолидации социума // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4 (119). С. 142–146.

5. Ляхов В.П. Системное взаимодействие органов местного самоуправления с населением как фактор эффективного муниципального управления // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: Материалы Пятой Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2020. С. 158–165.

References

1. Cherkasova T. P., Shutov M. V. Political competition trends in modern Russia. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(1):224–228. (In Russ.)
2. Shutov M. V. Features of political competition at the regional level on the example of the subjects of the Russian Federation. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2019;(2):284–290. (In Russ.)
3. Shutov M. V. Features of political competition in the Rostov region. In: *Local self-government in the context of global challenges of modern Russia*: collection of reports of the "round table" of young scientists in the framework of a scientific and practical conference with international participation: South Russian Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary educational Institution of Higher Professional Education Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA); 2019:140–143. (In Russ.)
4. Chernyshov B. A., Ponedelkov A. V. Subjectivity and trust – key characteristics of political leadership that create the possibility of consolidation of society. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2020;4(119):142–146. (In Russ.)
5. Lyakhov V. P. System engagement of the local authorities with the community as a factor of the effectiveness of the municipal government. In: *State, municipal and corporate governance: theory and best practices*: Materials of the Fifth International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: Rostov State University of Railway Transport; 2020:158–165. (In Russ.)

Информация об авторах

М. В. Шутов – преподаватель кафедры политологии и этнополитики, аспирант ЮРИУ РАНХиГС.
Т. П. Черкасова – доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

M. V. Shutov – Lecturer of the Department of Political Science and Ethnopolitics, Post-graduate Student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.
T. P. Cherkasova – Doctor of Economic Science, Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023; одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

The article was submitted 21.04.2023; approved after reviewing 04.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 244–250

State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):244–250

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316.334.5

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-244-250

**РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**Ярослава Геннадиевна Зинченко¹, Александр Борисович Понамарёв²,
Анна Константиновна Хаустова²**

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³Федеральный центр дополнительного образования и организации отдыха и оздоровления детей, Москва, Россия

¹yazinchenko@uriu.ranepa.ru ²kalvarus94@gmail.com ³bazhenova@fedcdo.ru

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка оценить ресурсное обеспечение и кадровый потенциал экологического просвещения, реализуемого в организациях дополнительного образования в современной России. Авторы презентуют результаты социологического исследования, реализованного в формате экспертного анкетирования преподавателей и административных работников двадцати образовательных организаций, реализующих программы экологического просвещения. Авторы приходят к выводу о том, что основными барьерами, препятствующими эффективному эко-просвещению являются: отсутствие системного подхода к организации образовательных процессов, а также неравномерное распределение ресурсов и материально-технического обеспечения.

Ключевые слова: экологическое просвещение, кадровая политика, дополнительное образование, материально-техническое обеспечение, кадровый потенциал

Для цитирования: Зинченко Я. Г., Понамарёв А. Б., Хаустова А. К. Ресурсное обеспечение и кадровый потенциал экологического просвещения в современной России: // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 244–250. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-244-250>

Sociology Problems

Original article

**RESOURCE PROVISION AND HUMAN RESOURCE POTENTIAL
FOR ENVIRONMENTAL EDUCATION IN CONTEMPORARY RUSSIA:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Yaroslava G. Zinchenko¹, Alexander B. Ponomarev², Anna K. Khaustova³

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

³Federal Center for Additional Education and Organization of Recreation and Rehabilitation of Children, Moscow, Russia

¹yazinchenko@uriu.ranepa.ru ²kalvarus94@gmail.com ³bazhenova@fedcdo.ru

Abstract. This article attempts to evaluate the resource provision and personnel potential of environmental education implemented in the organizations of additional education in modern Russia. The authors present the results of a sociological study, carried out in the form of an expert survey of teachers and administrators in twenty educational institutions, implementing environmental education programs. The authors conclude that the main barriers that prevents effective environmental education is the lack of a systematic approach to the organization of educational processes and the uneven distribution of resources and material and technical support.

Keywords: environmental education, personnel policy, additional education, material and technical support, personnel potential

For citation: Zinchenko Y. G., Ponomarev A. B., Khaustova A. K. Resource provision and human resource potential for environmental education in contemporary Russia: sociological analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):244–250. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-244-250>

Экологическое просвещение является одним из важных контуров развития современного российского образования. Объясняется это, в первую очередь, необходимостью воспитания молодых людей, чьи профессиональные компетенции подкреплены рациональным и уважительным отношением к окружающей среде, природе родного поселения. Данный вид просвещения реализуется во множестве различных направлений и в рамках данной статьи нас интересует экологическое просвещение в контексте организаций, предоставляющих услуги дополнительного образования. Нас интересует ответ на вопрос: «Насколько эффективно современные отечественные образовательные организации дополнительного образования реализуют практики экологического просвещения молодежи?». Таким образом, социологическая аналитика эффективности образовательного процесса в организациях дополнительного образования является целью данного исследования.

Для достижения поставленной цели нам необходимо определиться с индикаторами эффективности. Таковыми являются:

1. Инфраструктура образовательного проекта – материально-техническое оснащение, наличие аудиторий, средств мультимедиа, специализированных средств обучения (ботанические сады, инструменты и т. д).
2. Компетентность преподавательского состава – сочетание квалификации и опыта преподавателей в профильной сфере.

Каждый из вышеприведенных индикаторов инструментализирован в формате экспертного опроса, проведенного в двадцати организациях, предоставляющих услуги дополнительного образования по профилю естественнонаучной направленности и экологического просвещения и представляющих все федеральные округа. В качестве респондентов выступили преподаватели и административные работники образовательных организаций, которых мы попросили оценить качество экологического просвещения. Мы предполагаем, что экологическое просвещение успешно реализуется не во всех организациях, что объясняется неравномерным доступом к необходимым ресурсам каждого отдельно взятого образовательного учреждения.

Начнем с анализа кадров, реализующих программы экологического просвещения. 95 % преподавателей – женщины, среди которых половина находится в возрастном диапазоне от 50 до 59 лет. Лишь 25 % преподавателей относятся к возрастному диапазону до 30 лет. 95 % опрошенных высказались о том, что обладают высшим образованием, 50 % среди которых обучались по педагогическому профилю и 30 % по естественнонаучному. Таким образом, можно сформировать примерный социальный портрет преподавателя, реализующего программы экологического просвещения: это женщина предпенсионного возраста, обладающая высшим образованием с высоким стажем работы (30 % – свыше 25 лет стажа, 25 % – от 16 до 25 лет стажа).

Мы попросили преподавателей оценить друг друга и предприняли попытку выявить, насколько компетентными они являются через перекрестную оценку. На вопрос «Как Вы оцените уровень компетентности преподавательского состава, реализующего программы экологического просвещения?» 45 % выбрали позитивный ответ – «Все наши преподаватели – профессионалы своего дела» и 50 % выбрали «Наши преподаватели успешно работают по программам экологического

просвещения, но не специализируются на проблемах экологии и природы», что, в целом, совпадает с данными об образовании опрошенных экспертов.

Итак, в образовательной среде не наблюдается напряженности, связанной с профпригодностью преподавательского состава. Это может говорить, во-первых, о сплоченной профессиональной культуре преподавателей, а, во-вторых, может свидетельствовать о сформировавшейся замкнутой образовательной системе, в которой преподаватели используют устаревшие методики и не планируют актуализировать свои профессиональные навыки. По результатам экспертного опроса, мы не наблюдаем фундаментальных проблем, связанных с компетенцией преподавателей, так как их стаж и квалификация соответствуют всем поставленным задачам более чем на 50 %.

Перейдем к самому объемному и информативному индикатору – образовательной инфраструктуре. В данном блоке вопросов мы опросили преподавателей и предприняли попытку выяснить, испытывают ли они нехватку каких-либо ресурсов на рабочем месте и имеют ли место факторы, оказывающие значительное негативное влияние на образовательный процесс.

Первым вопросом, на который мы попросили ответить экспертов, был следующий: «Считаете ли Вы, что в нашей стране принимается достаточно мер для просвещения детей и молодежи по экологической тематике?» Никто из опрошенных экспертов не выбрал однозначно позитивный вариант «да, всего достаточно, проблем нет», но при этом никто и не выбрал «нет, в нашей стране совершенно неудачно реализуется экологическое просвещение». Варианты носят своеобразный «центристский» характер, не уходящий в крайности. 55 % опрошенных заявило: «скорее нет, экологическое просвещение не носит системного характера» и 45 % ответили: «Скорее да, достаточно, но кое-чего не хватает». Это подтверждает нашу гипотезу о том, что в настоящий момент экологическое просвещение является достаточно важной общественной повесткой, но практические меры по его реализации оставляют желать лучшего и не носят системного характера во всех регионах страны.

Следующий вопрос посвящен удовлетворенности субъектов экологического просвещения выделяемыми им ресурсами. Вопрос сформулирован следующим образом: «Удовлетворены ли Вы ресурсами, которые выделяются в нашей стране на экологическое просвещение?». Наименее популярный ответ – «да, ресурсов достаточно», выбранный лишь в 5 % случаев. 50 % опрошенных выбрали вариант «Скорее нет, для одних организаций ресурсы есть, а для других нет», а 30 % – «Скорее да, но их нужно больше», что снова демонстрирует дифференциацию организаций, реализующих экологическое просвещение по принципу ресурсной обеспеченности.

Следующий вопрос посвящен формам реализации экологического просвещения в организациях респондентов. Сформулирован он следующим образом: «Какие формы реализации экологического просвещения имеются в вашей организации?». Респонденты высказались о том, что практически все формы занятий реализуются в их организациях. Единственным вариантом, не пользующимся популярностью, выступают «заочные, бесконтактные занятия» (5 %). Это подтверждает нашу гипотезу о том, что опытные преподаватели предпочитают работать, контактируя с детьми, а не использовать лишь технически-опосредованные контакты. Отметим, что подавляющее большинство опрошенных высказалось об их приверженности проектному обучению (95 %), а также креативным и творческим формам обучения (80 %), что очень положительно описывает перспективы реализации экологического просвещения. 75 % экспертов выбрали «классические лекции и практические/семинарские занятия» и 65 % – «дистанционные контактные занятия и вебинары». Таким образом, наблюдается так называемая «старая закалка» преподавательского состава, отдающего предпочтение контактной работе со студентами.

Следующий вопрос направлен на выявление наиболее популярных у субъектов экологического просвещения мероприятий и практик. Сформулирован он следующим образом: «Выберите те мероприятия или формы экологического просвещения, которые практикуются в Вашей организации» (рис. 1).



Рис. 1. Мероприятия и формы экологического просвещения
Fig. 1. Activities and forms of environmental education

Как следует из распределения ответов, представленного выше, наиболее популярные мероприятия – наблюдение за природными объектами (80 %), беседы о природе (75 %) и субботники/уборка мусора (70 %). Из этого следует, что мероприятия, требующие применения специализированного оборудования, взаимодействия с какими-либо объектами не пользуется популярностью у педагогов и экспертов. Предположительно, это связано с недостатком материальных ресурсов.

Следующий вопрос направлен на определение степени взаимодействия организаций, реализующих экологическое просвещение. Сформулирован он следующим образом: «Сотрудничаете ли вы с другими организациями, занимающимися экологическим просвещением?». 55 % опрошенных высказалось о том, что они регулярно сотрудничают с другими организациями, 35 % выбрали ответ «скорее да, но это не носит системного характера» и 10 % «скорее нет, но мы бы хотели сотрудничать с другими организациями». Таким образом, можно сказать, что организации, занимающиеся экологическим просвещением не изолированы друг от друга и имеют высокий потенциал для кооперации. Однако ей необходимо придать системный и целенаправленный характер.

Следующий вопрос позволяет определить, какие именно мультимедийные средства пользуются популярностью у педагогов, реализующих программы экологического просвещения. Вопрос сформулирован следующим образом: «Какие мультимедийные средства применяются во время обучения по программам экологического просвещения в вашей организации?».

Как следует из ответов, представленных на рис. 2, наиболее популярным средством представления информации является презентация. Далее следуют компьютеры и просмотры видеofilмов. Возможность показывать презентации и фильмы стала «мейнстримом» образовательного процесса и обеспечить средства для этого не так сложно. При этом интерактивные доски являются объектом желаний множества педагогов, но не всегда имеется возможность иметь к ним доступ и свободно ими пользоваться.

Редкость использования смартфонов и планшетов (30% и 15% соответственно) свидетельствует о том, что такие «модные» и инновационные технологии как тестирования по QR кодам до сих пор не входят в образовательное пространство так широко, как этого хотелось бы. Средства дополненной реальности, как и ожидалось, выбраны наименьшим (5%) количеством респондентов, так как такое средство требует высокой квалификации педагогов и, очевидно, материального обеспечения со стороны организации. В целом, мультимедиа средства используются достаточно широко и часто, хоть и в самом классическом и простом виде.



Рис. 2 Мультимедийные средства, используемые при реализации программ экологического просвещения

Fig. 2 Multimedia tools used in the implementation of environmental education programs

Следующий вопрос связан с оценкой материального обеспечения заведений, реализующих программы экологического просвещения.

Таблица 1 – Как Вы оцениваете уровень материального обеспечения, необходимый для реализации программ экологического просвещения в Вашей организации? (один ответ)

Table 1 – How do you assess the level of material support required for the implementation of environmental education programs in your organization? (one answer)

1. Всего достаточно, никаких проблем нет	5 %
2. В целом, всего хватает, но хотелось бы что-то обновить или докупить	45 %
3. Много чего не хватает и из-за этого реализовывать программы экологического просвещения затруднительно	50 %
4. Мы вообще ничем не обеспечены, работать почти невозможно	0
5. Затрудняюсь ответить	0

50 % респондентов ссылаются на то, что материально-техническое обеспечение не удовлетворяет их педагогическим потребностям и из-за этого некоторые аспекты программы экологического просвещения реализовать затруднительно. 45 % опрошенных высказались о том, что им всего хватает, но необходимо докупить или обновить некоторые позиции. Лишь 5 % опрошенных заявило о том, что им всего хватает. Полученные ответы свидетельствуют о том, что половина опрошенных сталкиваются с серьезными проблемами обеспечения и их необходимо своевременно решать для полноценной работы учреждений.

Вопросы экологического просвещения должны освещаться не только учреждениями, специализирующимися на этом процессе, но также поддерживаться на уровне государства и местного муниципалитета. Мы задали вопрос респондентам, направленный на определение степени взаимодействия органов власти и учреждений дополнительного образования, реализующих программы экологического просвещения

Таблица 2 – Как Вы оцениваете уровень взаимодействия с государством/муниципалитетом в рамках реализации программ экологического просвещения? (один ответ)

Table 2 – How do you assess the level of interaction with the state/municipality in the implementation of environmental education programs? (one answer)

1. Высокий уровень. Тесно сотрудничаем и реализуем совместные проекты	20 %
2. Средний уровень. Сотрудничаем от случая к случаю, системности в этом вопросе нет.	65 %
3. Низкий уровень. Практически не сотрудничаем и не взаимодействуем	5 %
4. Затрудняюсь ответить	10 %

Как и ожидалось, большинство респондентов (65 %) выбрало ответ, определяющий взаимодействие как несистемное. Это, в свою очередь, сходится с ответами, связанными с оценкой уровня поддержки от государства. Поддержка «от случая к случаю», в целом, очень схожа с оценкой ресурсов «в каких-то организациях ресурсы есть, а в каких-то их не хватает». Отметим, что лишь 5% выбрали однозначно негативный ответ, что свидетельствует о том, что программы экологического просвещения функционируют и их существованию не угрожает опасность, однако с таким уровнем поддержки раскрыть весь потенциал данных программ не представляется возможным.

Следующий вопрос призван определить возможность педагогов работать с обучающимися по индивидуальным планам. Мы задали им следующий вопрос: «Имеется ли в Вашей организации возможность создавать индивидуальные образовательные планы, соответствующие потребностям конкретных учеников?». Ответы разделились по двум позициям: «да, такие возможности есть, и мы регулярно это делаем» выбранный в 45 % случаев и «теоретически есть, но реализовать это затруднительно» тоже 45 %. 10 % опрошенных высказались о том, что возможность имеется, но с чисто формальной точки зрения и никто не применяет такие планы на практике. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что почти половина педагогов дополнительного образования взаимодействует со студентами в «классическом» аудиторно-лекционном формате. С одной стороны, это свидетельствует о преемственности и качестве образования, но также может не отвечать потребностям современности. По нашему мнению, такие вопросы необходимо решать индивидуально в каждой отдельно-взятой организации и по этой причине мы не можем дать однозначного заключения о том, что почти половина организаций не реализует потенциал дистанционного обучения.

Следующий вопрос направлен на определение внутренней удовлетворенности педагогов собственной работой. Это проявляется в их вере в результаты своего труда, а именно в их способность изменить социальное поведение обучающихся в сторону экологически-дружелюбного. Вопрос сформулирован следующим образом: «Как Вы считаете, программы экологического просвещения обладают достаточным потенциалом для того, чтобы сделать людей более ответственными по отношению к природе и экологии?». Практически все респонденты ответили утвердительно. 50% сказали «однозначно да...», а 45% «Скорее да». Это значит, что подавляющее большинство опрошенных уверено в важности своей социальной миссии и в своих профессиональных способностях. Это, в свою очередь, позволит им работать более эффективно и результативно.

Заключительный вопрос этого блока связан с инклюзивностью программ, направленных на экологическое просвещение. Он сформулирован следующим образом: «Как Вы оцените инклюзивность вашей программы экологического просвещения? Доступна ли она лицам с ограниченными возможностями? (далее ОВЗ)» (табл. 3).

70 % опрошенных не увидели никаких препятствий для реализации инклюзивного обучения, а 20 % назвали свои программы изначально рассчитанными на работу, в том числе, с лицами с ОВЗ. Лишь 5 % опрошенных заявили о том, что их программы экологического просвещения не предусмотрены для работы с лицами с ОВЗ.

**Таблица 3 – Как Вы оцените инклюзивность
вашей программы экологического просвещения?**

Доступна ли она лицам с ограниченными возможностями? (далее ОВЗ) (один ответ)

Table 3 – How would you rate the inclusiveness of your environmental education program?
Is it accessible to people with disabilities? (one answer)

1. Да, она изначально была спроектирована с учетом потребностей лиц с ограниченными возможностями	20 %
2. Скорее да, я не вижу очевидных препятствий для лиц с ОВЗ	70 %
3. Скорее нет, так как среда нашей организации не безбарьерная	0
4. Однозначно нет, в наших программах экологического просвещения не предусмотрена работа с лицами с ОВЗ	5 %
5. Затрудняюсь ответить	5 %

Таким образом, образовательная инфраструктура, в целом, соответствует поставленным задачам перед преподавателями, реализующими программы экологического просвещения, но страдает от неравномерности распределения ресурсов между организациями. Это может привести к тому, что одно учреждение будет функционировать эффективно, а другое будет страдать от недостатка ресурсов. Практически все респонденты так или иначе отмечали отсутствие системности в подходе к экологическому просвещению и нашей основной практической рекомендацией будет унификация данного подхода и формирование обязательного реестра ресурсов и инструментов, которыми должна обладать такая организация.

Гипотеза исследования частично подтвердилась: образовательные организации, специализирующиеся на экологическом просвещении, действительно имеют проблемы, связанные с ресурсным обеспечением, но эти проблемы характерны не для всех организаций, так как сам по себе подход к данному типу просвещения не является системным. Мы считаем, что унификация подхода к экологическому просвещению позволит сформировать четкие и недвусмысленные требования к каждой образовательной программе и улучшить опыт, который будут получать обучающиеся за счет доступа к необходимым ресурсам и инструментам.

Информация об авторах

Я. Г. Зинченко – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

А. Б. Понамарёв – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС.

А. К. Хаустова – заместитель директора по организационно-методическому сопровождению естественнонаучной направленности Федерального центра дополнительного образования и организации отдыха и оздоровления детей.

Information about the authors

Ya. G. Zinchenko – Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of the Department of Sociology of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

A. B. Ponomarev – Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

A. K. Khaustova – Deputy Director for Organizational and Methodological Support of the Natural Sciences of the Federal Center for Additional Education and Organization of Recreation and Recreation of Children.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМНОЕ СВОЙСТВО СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Владимир Викентьевич Ковров¹, Наталья Сергеевна Пичко²,
Наталья Халиловна Гафиатулина³

¹Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, lev23@list.ru

²Усинский филиал Ухтинского государственного технического университета, Усинск, Россия, natpichko@yandex.ru

³Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, gafiatulina@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7548-1350>

Аннотация. Авторами данной статьи социокультурная маргинальность студенческой молодежи в современном обществе риска рассматривается в качестве ее проблемного свойства. Свойства, присущие студенческой молодежи: прохождение процесса вторичной социализации и усвоения различных социальных функций; проблема выбора социальных ценностей и ориентиров; борьба между ответственностью и безответственностью; рациональностью и иррациональностью; воздействие информационной среды на сознание; нахождение на пересечении реального и виртуального миров, балансирование между ними. В качестве основных критериев маргинального положения студенческой молодежи выделены: состояние неопределенности и переходности статусных позиций; эксклюзия либо частичная и неполная инклюзия студенческой молодежи в функционирующие социальные и профессиональные структуры; деструктивное состояние ранее наработанных социальных норм, невозможность следовать им; аномия как социальная дезорганизация общества риска, определяющая стратегии поведения молодежи.

Ключевые слова: студенческая молодежь, российское общество, общество риска, маргинальное положение, социокультурная маргинальность, проблемное свойство, социальные институты, ценностные ориентации, социализация

Для цитирования: Ковров В. В., Пичко Н. С., Гафиатулина Н. Х. Социокультурная маргинальность как проблемное свойство студенческой молодежи в современном обществе риска // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 251–256. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-251-256>

Sociology Problems

Original article

SOCIO-CULTURAL MARGINALITY AS A PROBLEM PROPERTY OF STUDENTS YOUTH IN THE MODERN RISK SOCIETY

Vladimir V. Kovrov¹, Natalia S. Pichko², Natalia Kh. Gafiatulina³

¹Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, lev23@list.ru

²Usinsk Branch of Ukhta State Technical University, Usinsk, Russia, natpichko@yandex.ru

³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, gafiatulina@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7548-1350>

Abstract. The authors of this article consider the sociocultural marginality of student youth in the modern risk society as a problem property. Properties inherent in student youth: the passage of the process of secondary socialization and the assimilation of various social functions; the problem of choosing social values and guidelines; struggle between responsibility and irresponsibility; rationality

and irrationality; the impact of the information environment on consciousness; being at the intersection of the real and virtual worlds, balancing between them. The main criteria for the marginal position of student youth are: the state of uncertainty and transitivity of status positions; exclusion or partial and incomplete inclusion of student youth in functioning social and professional structures; the destructive state of previously developed social norms, the inability to follow them; anomie as a social disorganization of the risk society, which determines the behavioral strategies of young people.

Keywords: student youth, Russian society, risk society, marginal position, sociocultural marginality, a problem property, social institutions, value orientations, socialization

For citation: Kovrov V. V., Pichko N. S., Gafiatulina N. Kh. Socio-cultural marginality as a problem property of students youth in the modern risk society. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):251–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-251-256>

В последние три десятилетия привычным для современного российского общества стало переживание состояния неопределенности, рисков и появление новых угроз в противовес социальной стабильности. Современное общество риска испытывает «главное противоречие – между возможностями пользоваться плодами прогресса и постоянно воспроизводящимся состоянием риска» [1, с. 3].

Сегодня рост темпов социокультурной динамики чрезвычайно высок, что позволяет солидаризироваться с оценками У. Бека о том, что современное институциональное пространство утрачивает свое качество быть прочным и устойчивым ориентиром для многих социальных групп. По словам В. Л. Римского, стабильность социальных институтов «становится причиной разрыва социальности, потому что происходит переход от индустриальной эпохи к постиндустриальной, а при этом переходе общество становится все более неустойчивым» и противоречивым [2, с. 142–143].

Во главе такого противоречия пальма первенства принадлежит молодежи в целом, и студенческой молодежи, в частности. Эта группа подвержена влиянию объективных социокультурных условий, «то есть внешних по отношению к ней угроз и риска», причем «социальное взросление отражается в приобретении и изменениях собственного социального статуса» [1, с. 4].

Фразеологизм «маргинальность молодежи» как семантическое словосочетание занимает сегодня устойчивые позиции в социологических, психологических и политических исследованиях. В частности, анализ маргинальности/маргинализации молодежи представлен в работах И. В. Лесковой [3], Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова [4], З. А. Касьян [5], в которых фокус внимания направляется на увеличение рисков маргинализации российской молодежи, детерминированных рискогенным характером развития современного постиндустриального общества и крайне высоким уровнем социальной неопределенности в этом обществе.

О. В. Полякова, применяя системный, неоинституциональный и междисциплинарный подходы, говорит о многоаспектности маргинализации молодежи в современном российском пространстве, маргинализации, связанной с социокультурными, политическими, социально-экономическими и другими факторами [6].

Состояние маргинальности – неизбежное следствие трансформационных процессов, протекающих в обществе риска, в ходе которых изменяются базовые ценностные ориентации и социальные установки, утрачивается то основание, которое могут обеспечить исключительно глубокие социокультурные связи.

Молодежь – активная, динамичная и уязвимая группа населения в связи с переходным, пограничным (маргинальным) социальным статусом, восприимчива к социальным проблемам, изменениям. Маргинальность молодежи, по справедливому мнению А. В. Кочеткова и В. А. Лукова, «сочетается с маргинальностью общества». В процессе осмысления такого амбивалентного свойства маргинальности «и в трактовках молодежи она будет представлена без отрицательной коннотации» [7, с. 250].

Ведя речь о молодежи как об особой социальной группе, необходимо обозначить следующие, присущие ей свойства:

- прохождение процесса вторичной социализации и усвоения различных социальных функций;
- проблему выбора социальных ценностей и ориентиров;

- борьбу между ответственностью и безответственностью; рациональностью и иррациональностью;

- воздействие информационной среды на сознание [8];

- нахождение на пересечении реального и виртуального миров, балансирование между ними.

Данные свойства, с одной стороны, указывают на социокультурную маргинальность молодежи, а с другой, – в совокупности сопровождаются ростом рисков в современном обществе риска при прохождении вторичной социализации, выборе ценностных ориентаций и прочими присущими молодежи пограничными свойствами.

Проблемным свойством современной молодежи в обществе риска является социокультурная маргинальность, что детерминировано следующими факторами:

Во-первых, промежуточностью (переходностью) статуса молодежи. А. И. Ковалева выделяет следующие признаки и проявления переходности (маргинальности) социального статуса молодежи [9, с. 481]:

- предписанность социального статуса;
- динамичность и перспективность статуса молодежи;
- предопределенное обществом «неравенство статуса младшей и старшей возрастных групп молодежи», т.е. неравенство статусных позиций.

Во-вторых, вследствие неопределенности идентичности в обществе риска – с одной стороны, и в силу возрастных особенностей и переходного характера социального статуса молодежи – с другой, по мнению Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, специфичными, проблемными свойствами группового сознания молодежи в целом, и студенческой молодежи, в особенности, являются [10]:

- Лабильность (неустойчивость убеждений, быстрая смена мировоззрений в связи с незавершенностью формирования личности). Это связано с отсутствием инерционности жизненного пути, которая, в той или иной степени, присуща взрослым. Ибо «у молодых нет страха перед потерями, им особенно нечего терять – нет собственных сбережений, не накоплен моральный авторитет, не сформировались жизненные принципы. А поэтому до конца не осознан смысл жизни. Жизненные цели носят сиюминутный, ситуационный характер» [10, с. 47].

- Экстремальность (максимализм и гиперболизация в отражении социальной реальности, неполнота социального статуса, отражающаяся в характере взаимодействия молодежи с другими группами и противостоянии позиций «Мы» и «Они»). «В стремлении к самовыражению и самоутверждению, в желании превзойти сверстников формируются завышенные ожидания, нереальные требования, в том числе и к себе, что проявляется в выборе экстремальных форм поведения, иногда связанных с риском для жизни» [10, с. 47]. Экстремальность сознания в силу переходного, пограничного статуса «в определенных условиях может легко перерасти в экстремизм» [10, с. 48].

- Трансгрессивность (способность, характерная для сознания молодежи «мысленно преодолевать естественные границы и различные барьеры», например, барьер между возможным и невозможным). «На основе трансгрессии осуществляется индивидуальное и групповое конструирование социальной реальности» [10, с. 48].

- Глобальность (расширение социокультурного пространства, информационная открытость, мозаичность сознания, стремительное обновление, коммуникационное сближение). Глобализация молодежного сознания, отражающая процесс изменений в молодежной среде и приводящая к утрате культурной самобытности, девальвации традиционных ценностей «в условиях кризиса и внешних угроз» может вызвать «внутренний протест», нигилизм [10, с. 49] по причине промежуточного, переходного и неопределенного социального статуса молодежи.

Таким образом, основой маргинальности студенческой молодежи как проблемного ее свойства является:

- экстремальность, лабильность, эмоциональная неустойчивость и неустойчивость взглядов как характерные черты молодежи;

- пограничность и переходность социального статуса молодежи по отношению к другим социальным группам;

- молодежь в силу переходного состояния (из детства во взрослость, от безответственности к ответственности, от иррациональности к рациональности и т.д.) подвержена кризисам.

Именно в данном контексте наиболее часто и активно рассматривается маргинальность студенческой молодежи как группы. Потому важным моментом здесь является отказ от априорного

негативизма в социальных оценках понятия «маргинальность». Ибо, по словам О. Г. Филатовой, «негативный или позитивный смысл имеет только социальная направленность маргинальных процессов» [11, с. 85].

Основные критерии маргинального положения студенческой молодежи:

- состояние неопределенности и переходности статусных позиций;
- эксклюзия либо частичная и неполная инклюзия студенческой молодежи в функционирующие социальные и профессиональные структуры;
- деструктивное состояние ранее наработанных социальных норм, невозможность следовать им;
- аномия как социальная дезорганизация общества риска, определяющая стратегии поведения молодежи.

Важно заметить, что в современных условиях общества риска молодежь самостоятельно определяет свою систему ценностей и одной из форм ее определения может стать протест. Исходя из этого, социокультурная маргинальность студенческой молодежи может рассматриваться в качестве отклоняющегося поведения – как некие поведенческие практики по выбору и отстаиванию ценностей, взглядов, установок, позиций, несоответствующих общепринятым социальным нормам и выражающихся в двух вариантов молодежной девиации: девиантной и делинквентной.

Маргинальная молодежь – жертва, «постоянной структурной нестабильности, часто испытывающая недостаток инструментов, средств или контекста, чтобы участвовать в социальных процессах. Такие люди являются воплощением противоречий времени, фиксируют болезненные проблемы общества. Но вместе с тем именно они избавляют его от предрассудков и суеверий, подрывают незыблемость этноцентрического и эгоцентрического жизненного мира, создают новые образцы социального поведения и социальных практик» [11, с. 85].

Какие же специфические факторы, связанные с обществом риска, несут ответственность за маргинальность, переходность социального статуса современной молодежи?

Во-первых, фактор быстрых социокультурных изменений, вызывающий у молодежи состояние неопределенности, связанное с субъективным восприятием разрушенных либо разрушаемых социальных структур.

Во-вторых, аномийная среда как фактор, способствующий возникновению рисков, ибо состояние неопределенности в современном социуме провоцируется воспроизводством рисков.

В-третьих, фактор индустриализации и специализации экономики как комплекс причин «исключения молодежи из процесса производства и отсутствия значимых ролей для них в современном российском обществе. Как подчеркивает И.В. Лескова, «с ростом специализации экономики повышаются требования к обучению», при этом, «ограничения в институционированных ролях стимулируют изоляцию молодежи в учебных заведениях» [3, с. 256-257].

Основу социокультурной маргинальности в современном риска составляют три элемента:

- Социальная маргинальность студенческой молодежи, так или иначе, связана с неопределенным статусом студенческой молодежи в силу дефицита ее социального статусного признания; социальной неуверенности в будущем в связи с наличием общественных рисков и вызовов; влиянием на сознание фейковой медиареальности в условиях киберсоциализации [12]; сложностей, сопряженных с трудоустройством по выбранной профессии; отсутствием авторитета среди старших возрастных групп; отсутствием, как правило, своего собственного жилья; отсутствием наделенности тех или иных прав (юридических или морально-нравственных).

- Культурная маргинальность студенческой молодежи, как говорилось ранее в контексте осмысления проблемных свойств студенческой молодежи как группы, связана с проблемой выбора социальных ценностей и ориентиров, а также образе жизни, «демонстрируемых формах соблюдения правил поведения, ритуалов, культурных предпочтений одновременно на разные культурные системы и соответствующие ожидания социокультурного окружения» [7, с. 248]. В основе культурной маргинальности, по мнению Е. И. Мельниковой, лежат «взаимоотношения систем ценностей двух культур, в которых участвует индивид», культурная маргинальность студенческой молодежи – это результат «двусмысленности статуса и роли» [13, с. 155].

- Структурная маргинальность, включающая в себя политико-идеологическую и экономическую маргинальность студенческой молодежи, сопряженную с наличием поведенческих установок, «затрудняющих или исключающих легитимные формы политического» и экономического

участия; как «результат искаженной политической социализации, дезадаптации, фрустрированности, протеста и отчужденности» от социально-экономической и «политической реальности в целом» [14, с. 104].

В целом, социокультурная маргинальность студенческой молодежи – это такое состояние, характеризующее ее пограничное положение в результате воздействия внешних факторов (как результат пребывания в обществе риска) и внутренних факторов (как свойства переходного, пограничного возрастного периода со специфичными чертами группового сознания (лабильность, экстремальность, трансгрессивность, глобальность) [10].

Таким образом, социокультурная маргинальность является проблемным свойством студенческой молодежи и соответствует современному обществу риска.

Список источников

1. Zubok Yu. A. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: «Мысль», 2007. 288 с.
2. Римский В. Л. Проблемы консолидации общества риска / Консолидация общества: аналитика обеспечения развития России и ее национальной безопасности: сб. материалов III Всероссийской научно-практической конференции. М., 2016. С. 142-145.
3. Лескова И. В. Маргинальность и культурная идентификация молодежи // Социальная политика и социология. Междисциплинарный научно-практический журнал. 2008. №2 (38). С. 252-259.
4. Zubok Yu. A., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164-186.
5. Касьян З. А. Маргинализация молодежи в современном российском обществе: социологический анализ: автореф. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2010. 33 с.
6. Полякова О. В. Методологический потенциал системно-институционального анализа маргинализации молодежи в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1.
7. Кочетков А. В., Луков В. А. Культурная маргинальность // Знание. Понимание. Умение. 2019. №4. С. 248-250.
8. Власова В. Н. Информационное общество как фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 3. С. 43-52.
9. Ковалева А. И. Статус социальный молодежи // Социология молодежи: энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М., 2008. 606 с.
10. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. М., 2022. 304 с.
11. Филатова О. Г. Маргинальность как стратегия социального поведения // Вестник СПбГУ. 2013. Сер. 6. Вып. 4 (№ 30). С. 85-90.
12. Ковров В. В. Фейковая медиареальность в российском обществе как фактор влияния на молодежное сознание // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 40-43.
13. Мельникова Е. И. Культурная маргинальность как феномен российской молодежи // Сибирский педагогический журнал. 2020. № 1. С. 153-158.
14. Черная С. Е. Исследование политико-идеологической маргинальности студенческой молодежи // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2019. Т. 5 (71). №4. С. 102-118.

References

1. Zubok Yu. A. The Phenomenon of Risk in Sociology: The Experience of Youth Research. Moscow; 2007. 288 p. (In Russ.)
2. Rimsky V. L. Problems of Consolidation of the Risk Society. In: *Consolidation of Society: Analytics of Ensuring the Development of Russia and Its National Security*: Sat. materials of the III All-Russian scientific-practical conference. Moscow; 2016;142-145. (In Russ.)

3. Leskova I. V. Marginality and cultural identification of youth. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya. Mezhdistsiplinarnyi nauchno-prakticheskii zhurnal = Social policy and sociology. Interdisciplinary scientific and practical journal*. 2008;2 (38):252-259. (In Russ.)
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Self-regulation of meaningful life values in the cultural space of youth. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019;10(4):164–186. (In Russ.)
5. Kasyan Z. A. *Marginalization of Youth in Contemporary Russian Society: A Sociological Analysis*: Abstract of the thesis. ... cand. sociological Sciences. Novocherkassk; 2010. 33 p. (In Russ.)
6. Polyakova O. V. Methodological potential of the system-institutional analysis of youth marginalization in modern Russia. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2019;(1). (In Russ.)
7. Kochetkov A. V., Lukov V. A. Cultural marginality. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2019;(4):248–250. (In Russ.)
8. Vlasova V. N. Information society as a factor of influence on the social health of Russian youth. *Gumanitarnii Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2022;11(3):43–52. (In Russ.)
9. Kovaleva A. I. Social status of youth. In: *Sociology of youth: encyclopedic dictionary*. Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov (eds.). Moscow; 2008. 606 p. (In Russ.)
10. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. *Youth in the cultural space: self-regulation of life: a monograph*. Moscow; 2022. 304 p. (In Russ.)
11. Filatova O. G. Marginality as a strategy of social behavior. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg State University*. 2013. Ser. 6; 4 (30): 85-90. (In Russ.)
12. Kovrov V. V. Fake media reality in Russian society as a factor of influence on youth consciousness. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2022;(4):40–43. (In Russ.)
13. Melnikova E. I. Cultural marginality as a phenomenon of Russian youth. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*. 2020;(1): 153–158. (In Russ.)
14. Chernaya S. E. Study of the political and ideological marginality of student youth. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya = Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2019;5(71)4:102–118. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Ковров – кандидат педагогических наук, доцент СГУ.

Н. С. Пичко – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных, естественно-научных и общепрофессиональных дисциплин УФУГТУ.

Н. Х. Гафиатулина – кандидат социологических наук, доцент, докторант ЮФУ.

Information about the authors

V. V. Kovrov – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Sevastopol State University.

N. S. Pichko – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities, Natural Sciences and General Professional Disciplines of Usinsk Branch of Ukhta State Technical University.

N. Kh. Gafiatulina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Doctoral Student of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 31.05.2023.

The article was submitted 18.05.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 31.05.2023.

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭТИКИ В ВУЗЕ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Светлана Алексеевна Литвинова¹, Елена Юрьевна Золочевская²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹litvinova@uriu.ranepa.ru

²zolochevskaya@uriu.ranepa.ru

Аннотация. Цифровая трансформация затрагивает и систему образования. Образовательные организации в период пандемии столкнулись с массовым переходом на онлайн-образование и стремительным развитием цифровых технологий. Однако, наряду с развитием цифровых технологий, необходимо отдельно уделять внимание развитию цифрового этикета. При этом успешная социальная адаптация иностранных студентов во многом зависит от развития цифрового этикета в вузе.

Ключевые слова: цифровая этика, этикет, иностранные студенты, социальная адаптация, образовательная среда, социокультурная среда, социальные сети

Для цитирования: Литвинова С. А., Золочевская Е. Ю. Развитие цифровой этики в вузе как фактор успешной социокультурной адаптации иностранных студентов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 257–262. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-257-262>

Sociology Problems

Original article

THE DEVELOPMENT OF DIGITAL ETHICS AT THE UNIVERSITY AS A FACTOR OF SUCCESSFUL SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS

Svetlana A. Litvinova¹, Elena Yu. Zolochevskaya²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹litvinova@uriu.ranepa.ru

²zolochevskaya@uriu.ranepa.ru

Abstract. Digital transformation also affects the education system. Educational organizations during the pandemic faced a massive transition to online education and the rapid development of digital technologies. However, along with the development of digital technologies, it is necessary to pay special attention to the development of digital etiquette. At the same time, the successful social adaptation of foreign students largely depends on the development of digital etiquette at the University.

Keywords: digital ethics, etiquette, foreign students, social adaptation, educational environment, socio-cultural environment, social networks

For citation: Litvinova S. A., Zolochevskaya E. Yu. The development of digital ethics at the university as a factor of successful socio-cultural adaptation of foreign students. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):257–262. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-257-262>

В процессе обучения в учебных группах, общения с представителями различных национальностей иностранные студенты, при освоении новых для себя видов деятельности и форм поведения, могут испытывать определенные проблемы в адаптации к образовательной среде, преодолевая ряд психологических, социальных, нравственных, религиозных барьеров.

Социокультурная адаптация представляет собой процесс интеграции личности в новую социокультурную среду.

Адаптация иностранного студента зависит от различных факторов. К таким факторам относятся: базовый уровень подготовки студента, знания русского языка, индивидуальная способность осваивать образовательную программу, менталитет обучающихся, коммуникативные компетенции всех участников образовательного процесса, личностные качества. При этом, невысокий уровень цифровых компетенций также затрудняет адаптацию иностранных студентов.

Но сегодня общение выходит за рамки аудитории и все активнее перемещается в цифровую среду. Цифровая трансформация затрагивает государство, бизнес, систему образования и практически каждого человека. Новые информационные технологии изменяют систему взаимодействия в цифровом пространстве, представления об этичном и неэтичном поведении в конкретных ситуациях. При этом, понимание правил поведения в цифровом пространстве, взаимодействия в социальных сетях, Интернете строится по «по умолчанию», методом проб и ошибок¹. Поэтому развитие цифровой этики в настоящее время является важным элементом в социокультурной адаптации иностранных студентов. С развитием цифровых технологий появляются новые способы взаимодействия людей в цифровом пространстве. Интернет-коммуникация влечет за собой необходимость обозначить нормы, регулировать онлайн деятельность.

При взаимодействии в цифровом пространстве, студент, с одной стороны является создателем информации при общении в группах, ведении личных страниц в социальных сетях, формируя о себе представление и цифровую репутацию, и, с другой стороны, потребителем информации, необходимой для учебного процесса, в том числе через систему электронно-образовательной среды.

Для предотвращения возникающих конфликтных ситуаций при взаимодействии в цифровой среде необходимо учитывать и следовать правилам цифрового этикета.

Цифровой этикет представляет собой правила взаимодействия в цифровом пространстве в эпоху стремительного развития Интернета.

Стоит отметить, что цифровым этикетом должны обладать все участники образовательного процесса: преподаватель, студент, работники образовательных организаций, отвечающих за организацию образовательного процесса и др.

В период пандемии COVID-19 в 2020 году произошел вынужденный перевод системы образования на дистанционное обучение, тем самым, ускорив процесс цифровой трансформации образования. Однако, новая система online-обучения позволила продолжить работу образовательных организаций и обозначила не только новые возможности для развития цифровых инновационных инструментов в образовательной деятельности, но и множество проблем, в том числе, этических [1].

По данным опроса, размещенного в докладе «Этика и «цифра»: от проблем к решениям» [2] сфера образования занимает 4 место, среди остальных, где вопросам этики необходимо уделять больше внимания.

Трансформация системы образования и переход на онлайн-формат в период коронавирусной инфекции обострил процессы коммуникации участников образовательного процесса в цифровом пространстве и овладения ими правилами поведения в сети Интернет. Отдельные образовательные организации начали разрабатывать правила цифрового этикета студентов в процессе дистанционного обучения [3]. Однако эти правила не носят единый характер.

В вопросах этики образования можно выделить *три основных направления*:

- этика как дисциплина в рамках образовательных программ обучения;
- этика как принцип, который заложены в систему образования через нормативные документы, например, этические кодексы студента;
- профессиональная этика преподавателей и сотрудников образовательной организации².

¹ Электронный ресурс, режим доступа: https://ethics.cdto.center/7_1. Дата обращения: 15.11.2021.

² Там же.

В каких сферах следует уделить больше внимания вопросам этики при внедрении цифровых технологий?



Рис. 1. Результаты онлайн-опроса об этической стороне цифровых технологий

Fig. 1. Results of an online survey on the ethical side of digital technologies

Несмотря на то, что формирование правил цифрового этикета и развитие цифровой этики произошло под влиянием стремительного развития цифровых технологий онлайн-взаимодействия, цифровая этика основывается на компетенциях «soft skills»: коммуникации, лидерстве, работе в команде, управлении людьми, эмоциональном интеллекте, то есть социальных навыков, которые помогают человеку взаимодействовать наиболее эффективно [4].

В своем выступлении на международной конференции по искусственному интеллекту и анализу данных Artificial Intelligence (AI) Journey 2021 Президент РФ В. В. Путин отметил, что именно в семье и школе дети «должны осваивать те самые мягкие навыки, которые их родители, бабушки, дедушки получали в общении со сверстниками, когда учились дружить, помогать друг другу, преодолевать неудачи, формировать сплоченные команды, придумывать разные игры, затеи или совместные проекты»¹. Поэтому элементы понимания взаимодействия в цифровом пространстве формируются у студентов еще до поступления в вуз.

По данным проведенного опроса (около 200 респондентов школьников) более 80 % опрошенных считают, что необходимо знать о правилах поведения в Интернете, в социальных сетях, и такой же процент опрошенных уверены, что знание правил цифрового этикета поможет избежать неловкостей при общении со сверстниками, учителями. При этом школьники хотели более подробнее узнать о том, как не нарушать границы собеседника, о правилах грамотной работы в интернете, цифровой гигиене и многом другом².

С другой стороны, студенты как потенциальные будущие работники различных профессий и при построении карьеры должны понимать свою ответственность в позиционировании себя в цифровом пространстве. По данным опроса кадрового агентства UTEAM, 83 % специалистов по подбору персонала просматривают профили в социальных сетях лиц, претендующих на работу. При проверке кандидатур работодатели определяют ряд параметров (рис. 2).

Кроме того, работодатели все чаще следят за поведением сотрудников в социальных сетях. Чаще всего при просмотре профилей работодателей интересует личные высказывания и уровень профессионализма сотрудников.

Большая часть организаций отслеживают активность сотрудников в социальных сетях (рис. 3).

¹ Электронный ресурс, режим доступа:

https://tass.ru/ekonomika/12910701?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop. Дата обращения: 15.11.2021 г.

² Опрос проведен авторами статьи.

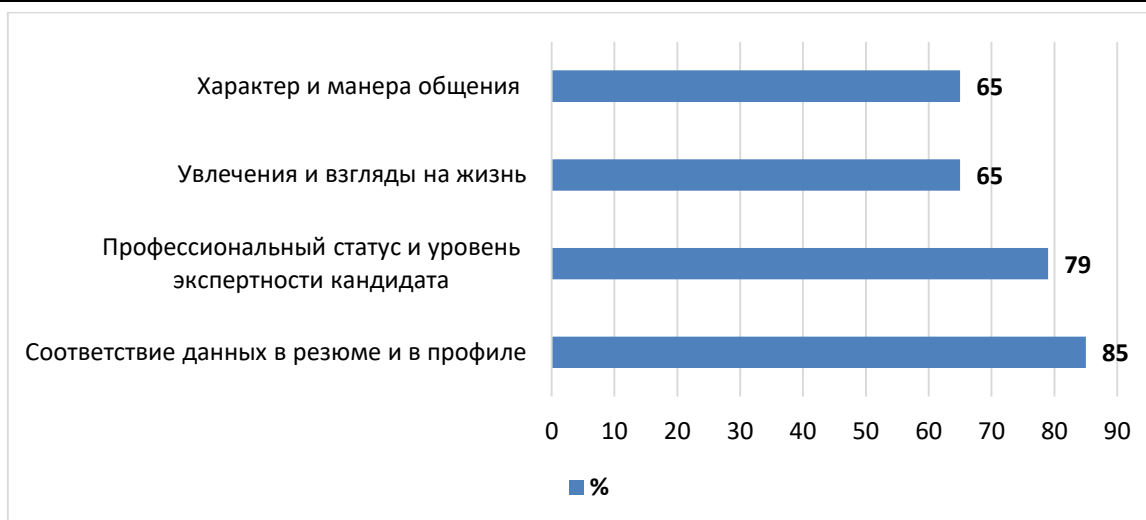


Рис. 2. Параметры, определяемые работодателями при проверке кандидатур

Fig. 2. Parameters determined by employers when checking candidates



Рис. 3 Данные опроса компаний

Fig. 3. Company survey data

Выделяют три причины заинтересованности работодателей в просмотре аккаунтов своих сотрудников:

1. Риск ухудшения репутации организации из-за возможных высказываний на личных страницах работников.
2. Возможность случайного попадания внутренней информации и документов организации в социальные сети.
3. Возможность оценить, чем работник занимается во время удаленной работы либо рабочего дня¹.

Общих принципов цифрового этикета в настоящее время нет, каждый автор, сообщество, организация прописывает правила для себя либо в формате устава, либо простого свода правил. Для образовательных организаций особо актуален этот вопрос. Необходимо регламентировать правила онлайн-переписки, группового общения на форумах и вебинарах, в электронной-образовательной среде, правила ведения электронных журналов и другой документации.

¹ Электронный ресурс, режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4958206> Дата обращения: 15.11.2021.

Обучение навыкам цифрового этикета студентов иностранцев, весьма важно, так как эта целевая группа вынуждена перестраиваться от своего национального окружения и адаптироваться к новому, сохраняя и поддерживая при этом свое эмоциональное благополучие.

Стоит еще раз подчеркнуть, что при проникновении образовательной системы в цифровую среду существенно меняется образ преподавателя и студента, их стиль взаимодействия [5].

По мнению Р. И. Маминой, С. И. Царевой, «поскольку цифровой этикет функционирует на базе новых и новейших информационно-коммуникативных технологий, он отражает не только специфику этикетной коммуникации, но и природу этих технологий» [6].

В этой связи одним из важных направлений развития цифрового этикета является приобретение либо усовершенствование необходимых знаний и навыков работы в области информационных технологий. При этом очень важно не забывать и об основах безопасного интернета. Так, принятая концепция безопасного интернета детей позволит защитить детей от информационных угроз и рисков в цифровой среде, что является ее главной целью.

В нашей стране этикетная тематика в цифровом взаимодействии находится в состоянии осмысления. При этом закрепления цифровых правил поведения на законодательном уровне в настоящее время нет, но есть общепринятые правила поведения, а также неприемлемое поведение, которое осуждается пользователями сети. Так, общими принципами цифрового этикета являются:

1. Позитивное отношение к собеседнику при взаимодействии в цифровом пространстве.
2. Соблюдение субординации и личных цифровых границ собеседника в цифровом общении.
3. Выбор комфортного формата коммуникаций для всех участников процесса.
4. Договоренность о правилах цифрового этикета между участниками цифрового взаимодействия.

5. Готовность и принятие изменяющихся цифровых технологий и норм цифрового этикета.

Однако, несмотря на то, что цифровой этикет находится на этапе своего развития и только формируется как новый вид этикетной коммуникации в условиях цифровой среды, в настоящее время уже можно говорить об основных направлениях его развития [6].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, мы приходим к выводам:

1. Необходимо учитывать специфику культурных особенностей различных национальностей в процессе взаимодействия в цифровом пространстве, руководствуясь общими принципами цифрового этикета.
2. Цифровой этикет должен учитывать быстро меняющиеся контексты онлайн-общения, используемые устройства, условия доступа в Интернет.
3. Цифровой этикет необходимо распространять не только на образовательную среду, но и на все остальное окружение и взаимодействие в глобальном интернет-пространстве и сообществах, чтобы сделать уважительное общение онлайн нормой во всех сферах жизни.

Ближайшее время глобальные изменения в образовании продолжаться. Внедрение и расширение возможностей цифровых сервисов в образовании преобразовывают образовательную среду, а также формируют новые требования к результатам образования, к компетенциям и навыкам, необходимым в цифровом мире. Эти изменения сопровождаются специфическими этическими проблемами и нуждаются в развитии цифрового этикета в образовании, с учетом специфики для иностранных студентов. Кроме того, стоит такие правила фиксировать в этических кодексах студентов, сотрудников и преподавателей образовательных организаций, внедрять в образовательный процесс курсы по цифровому этикету и развивать культуру цифрового взаимодействия.

Список источников

1. Валеева Г. В. Этические риски цифровой трансформации высшего образования // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 11. С. 2343-2347. – DOI 10.30853/mns210398. – EDN RCXVKA.
2. Этика и «цифра»: от проблем к решениям / Под ред. Е.Г. Потаповой, М. С. Шклярчук. М.: РАНХиГС, 2021. 184 с. <https://www.interfax-russia.ru/attachment/5946b125ac3355375c1836f443ceaf4a>
3. Николаева А. Г. Цифровой этикет и его роль в формировании онлайн-идентичности // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании: Материалы V Международной научно-практической конференции, Минск, 13–15 мая 2021 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 256-259. – EDN BRZCGZ.

4. Иванова Е. И. Методическое обеспечение формирования soft-компетенций у детей дошкольного возраста // Народное образование Якутии. 2021. № 3(120). С. 114-116. – EDN AZBQVD.
5. Бабушкин, Ю. А., Алешина С. А. Цифровая образовательная среда как новое пространство воспитательной деятельности // Педагогика: история, перспективы. 2021. Т. 4. № 2. С. 13-19. DOI 10.17748/2686-9969-2021-4-2-13-19. – EDN XFBPOT.
6. Мамина Р. И., Царева С. И. Цифровой этикет в структуре корпоративной культуры современной организации: философско-культурологический аспект. Электронный ресурс, режим доступа: [https://discourse.etu.ru/assets/files/mamina-r.i.-careva-s.i\(1\).pdf](https://discourse.etu.ru/assets/files/mamina-r.i.-careva-s.i(1).pdf). Дата обращения: 15.11.2021.

References

1. Valeeva G. V. Ethical risks of digital transformation of higher education. *Manuscript*. 2021;14(11):2343-2347. – DOI 10.30853/mns210398. EDN RCXVKA. (In Russ.)
2. *Ethics and "digit": from problems to solutions* / Edited by E.G. Potapova, M. S. Shklyaruk. Moscow: RANEPa; 2021. 184 p. <https://www.interfax-russia.ru/attachment/5946b125ac3355375c1836f443ceaf4a>. (In Russ.)
3. Nikolaeva A. G. Digital etiquette and its role in the formation of online identity. In: *Communication in social and humanitarian knowledge, economics, education: Materials of the V International Scientific and Practical Conference*, Minsk, May 13-15, 2021. Minsk: Belarusian State University; 2021:256–259. EDN BRZCGZ. (In Russ.)
4. Ivanova E. I. Methodological support for the formation of soft competencies in preschool children. *Public education of Yakutia = National education of Yakutia*. 2021;3(120):114–116. EDN AZBQVD. (In Russ.)
5. Babushkin Yu. A., Alyoshina S. A. Digital educational environment as a new space educational activities. *Pedagogika: istoriya, perspektivy = Pedagogy: history, prospects*. 2021;4(2):13–19. DOI 10.17748/2686-9969-2021-4-2-13-19. EDN XFBPOT. (In Russ.)
6. Mamina R. I., Tsareva S. I. *Digital etiquette in the structure of corporate culture of a modern organization: philosophical and cultural aspect*. Electronic resource. Available from: [https://discourse.etu.ru/assets/files/mamina-r.i.-careva-s.i\(1\).pdf](https://discourse.etu.ru/assets/files/mamina-r.i.-careva-s.i(1).pdf). [Accessed 15 November 2021].

Информация об авторах

С. А. Литвинова – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета управления ЮРИУ РАНХиГС.

Е. Ю. Золочевская – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

S. A. Litvinova – Candidate of Economic Sciences, Dean of the Faculty of Management, Associate Professor of the Department of Taxation and Accounting, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

E. Yu. Zolochevskaya – Doctor of Economics Sciences, Professor, Deputy Director of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 17.05.2023; принята к публикации 18.05.2023.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 17.05.2023; accepted for publication 18.05.2023.

Научная статья

УДК 364

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-263-268

ВОЛОНТЕРСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ

Наталья Сергеевна Пичко¹, Ярослава Геннадиевна Зинченко²,
Сергей Иванович Самыгин³

¹Усинский филиал Ухтинского государственного технического университета, Усинск, Россия, natpichko@yandex.ru

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, yazinchenko@uriu.ranera.ru

³Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, darya.maksimovich@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению волонтерства и благотворительности в качестве форм социального служения. Авторы работы указывают на то, что социальное служение может рассматриваться не только как нравственная категория, но и как сфера профессиональной деятельности. Обращаясь к практикам социального служения, можно отметить, что ими являются волонтерство (добровольческая деятельность) и благотворительность. Данные социальные практики являются добровольной деятельностью граждан, направленной на оказание социальной и психологической помощи нуждающимся. Волонтерство и благотворительность объединяют людей, солидаризируют их перед общей проблемой, а также позволяют гражданам проявлять чувство эмпатии, любви, альтруизма и социальной ответственности – расти духовно-нравственно и служить на благо общества.

Ключевые слова: благотворительность, волонтерство, благотворительная деятельность, добровольчество, милосердие, служение, социальное служение, социальная помощь

Для цитирования: Пичко Н. С., Зинченко Я. Г., Самыгин С. И. Волонтерство и благотворительность как формы социального служения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 263–268. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-263-268>

Sociology Problems

Original article

VOLUNTEERING AND CHARITY AS FORMS OF SOCIAL SERVICE

Natalya S. Pichko¹, Yaroslava G. Zinchenko², Sergey I. Samygin³

¹Usinsk Branch of Ukhta State Technical University, Usinsk, Russia, natpichko@yandex.ru

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, yazinchenko@uriu.ranera.ru

³Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia darya.maksimovich@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of volunteering and charity as forms of social service. The authors of the work point out that social service can be considered not only as a moral category, but also as a sphere of professional activity. Turning to the practices of social service, it can be noted that they are volunteering (voluntary activity) and charity. These social practices are voluntary activities of citizens

aimed at providing social and psychological assistance to those in need. Volunteering and charity unite people, solidifies them in front of a common problem, and also allows citizens to show a sense of empathy, love, altruism and social responsibility – to grow spiritually and morally and serve for the benefit of society.

Keywords: charity, volunteering, charitable activity, volunteerism, service, social service, social assistance

For citation: Pichko N. S., Zinchenko Ya. G., Samygin S. I. Volunteering and charity as forms of social service. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):263–268. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-263-268>

Противоречие социального развития заключается в том, что обществу и на данном витке развития, и в перспективе необходимы не просто интеллектуально-управленческие ресурсы, а высоконравственные члены общества, которым можно доверить развитие науки, культуры и производства, что, в свою очередь, актуализирует проблему духовно-нравственного развития личности и социального служения. В этой связи в настоящее время в России очень активно развиваются такие виды деятельности и формы социального служения, как волонтерство и благотворительность.

С 1995 г. в России действует Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)¹, в рамках которого закреплены определения дефиниций «благотворительность» и «волонтерство», описаны порядок и условия осуществления данных видов деятельности. Отметим, что 2018 г. в России прошел как «Год добровольца». Также в конце 2018 г. была утверждена Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 г.², основной идеей которой выступает активное содействие государства в развитии добровольческой деятельности и вовлечение населения разных возрастов в данные виды социальной активности.

В настоящее время в Российской Федерации действует более 100 региональных организаций Ассоциации волонтерских центров. В Рязани реализует свою работу ресурсный центр поддержки добровольчества Рязанской области, который по итогам 2022 г. стал лидером рейтинга мониторинга эффективности Ассоциации волонтерских центров. На территории Ростовской области работают: Центр развития добровольчества Ростовской области и Донволонтер. Также на базе Южного федерального университета реализуется ежегодный Всероссийский молодежный форум «Волонтерство и благотворительность в современном мире (ВОБЛАГО)», который в 2023 г. выиграл грант от ФАДМ Росмолодежь³.

Популяризация волонтерской и благотворительной деятельности среди населения России работает довольно успешно, так как сегодня в стране насчитывается более 70 тыс. организаций, развивающих данные виды деятельности, а волонтерами являются более 4 млн чел.⁴

Развитие волонтерства и благотворительности как особых форм социального служения среди населения различного возраста обуславливает интерес исследователей к данному проблемному

¹ Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 N 135-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/?ysclid=lha7ajjqm322186411

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 года № 2950-р «Об утверждении Концепции развития волонтерства». URL: <https://www.garant.ru/prod-ucts/ipo/prime/doc/72039562/?ysclid=lha74gurnm383768497>

³ Приказ от 24 апреля 2023 года № 147 «Об утверждении списка победителей Всероссийского конкурса молодежных проектов среди образовательных организаций высшего образования (за исключением казенных учреждений) в 2023 году». URL: https://fadm.gov.ru/up-load/iblock/9be/027kwqsbmclmr0su2p1229k9eexz6cgw/24_04_2023_%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7_147_%D0%98%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8F%D1%8E%D1%89%D0%B8%D0%B9_%D0%BE%D0%B1%D1%8F%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_%D0%90%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2_%D0%9F_%D0%92_%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D1%83%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf

⁴ Сайт Добро.ru. URL: <https://dobro.ru/>

полю исследования. Исследователей интересует роль волонтерства в формировании профессиональных компетенций студентов [1–2]. Активное внимание ученых приковано к волонтерской деятельности молодежи, мотивам участия молодежи в данной деятельности [3–4]. Не менее интересными для отечественных ученых становятся определенные виды волонтерской деятельности, куда вовлечено население страны, например, культурное волонтерство [5]. Также исследователи обращаются к изучению феномена благотворительности как одного из социокультурных феноменов [6]. Еще исследователи изучают вопросы истории и развития социальных практик милосердия [7]. Обращаясь к духовности населения России, к такой дефиниции, как милосердие, ученые акцентируют свое внимание на социальном служении как одном из выражений русской духовности и факторе социального воспитания молодого поколения страны [8].

Исходя из краткого анализа проблемного поля исследования, касающегося благотворительности и волонтерства в России, мы видим, что проблематика является актуальной как для общественности, так и обладает особой научной значимостью. Несмотря на разработанность выбранной проблематики, мы видим, что стоит обратиться к рассмотрению благотворительной и волонтерской деятельности с позиции форм социального служения.

Служение – это прежде всего действие. Если мы обратимся к определению «служение», которое дано в словаре С.И. Ожегова, то увидим, что: «Служение – работа на пользу чего-нибудь (высокого стиля), не предполагающая обязательности (как армейская служба), регулярности (как церковная служба), односторонности воздействий (как социальная помощь)»¹.

Социальное служение представляет собой социальную деятельность духовно-нравственного порядка². Чаще всего, исследователи связывают данную деятельность с религиозной практикой [9–10]. Как подчеркивает О. В. Решетников, милосердие, сострадание, альтруизм, социальная ответственность – это термины, которые раскрывают смысл социального служения³.

В настоящее время социальное служение представляется возможным рассматривать не только как духовно-нравственное понятие, которое связано с религией, но и как сфера профессиональных интересов человека, которые связаны с помощью и поддержкой тех, кто в этом остро нуждается. Сегодня социальное служение включает в себя такие формы деятельности, которые активно вовлекают население к участию в массовых социальных практиках, основанных на высоких моральных принципах. С точки зрения социологической науки, такая сфера профессиональных интересов выражается в таких формах деятельности, как волонтерство и благотворительность.

Обращаясь к ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», мы видим, что: благотворительность – это добровольная деятельность граждан и юридических лиц, направленная на оказание бескорыстной помощи и поддержки нуждающимся⁴. Также в данном документе указано, что: «Под добровольческой (волонтерской) деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг: социальной поддержки и защиты граждан, подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий, содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами и др.»⁵. То есть, именно благотворительность и волонтерство позволяют людям добровольно работать на пользу кого-то (какой уязвимой социальной группы) или в пользу какого-то направления деятельности (социально-культурная благотворительность; экологическое, медико-социальное и спортивное волонтерство).

Благотворительная деятельность и волонтерство выступают в качестве одной из характеристик социального и духовно-нравственного состояния общества. Развитие данных форм социального служения в обществе, заинтересованность самого населения в участии и реализации различных благотворительных проектов показывает степень зрелости гражданского общества.

¹ Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/letter.php?charkod=209>

² Решетников О.В. «Понятие “социальное служение”». URL: <https://mroc.pravobraz.ru/9600-2/>

³ См. Там же.

⁴ Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 N 135-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/?ysclid=lha7ajgjqm322186411

⁵ Там же.

Согласно данным ВЦИОМ (опрос от 5 сентября 2022 г.), 33 % опрошиваемых граждан помогали незнакомым людям (66% жертвовали деньги детям, 35 % – взрослым, 27 % помогали приютам для животных)¹. Также по данным ВЦИОМ, во время самоизоляции в самый разгар пандемии более 60% россиян высказали свою готовность оказать волонтерскую помощь людям, находящимся на карантине, а также одиноким людям². Именно в пандемию стал активно реализовываться волонтерский проект #Мы вместе, в рамках которого другим людям помогала студентка из Ульяновской области Светлана Анурьева. Несмотря на то, что девушка была неизлечимо больна, она нашла в себе силы оказать помощь тем, кто в ней нуждался, проявила настоящий героизм и любовь к ближнему³.

Во время пандемии акция #Мы вместе стала очень масштабным проектом, в котором не только волонтеры адресно оказывали помощь в доставке продуктов и лекарств пожилым, одиноким и инвалидам, многие граждане отозвались на данную идею и бесплатно оказывали профессиональные услуги в режиме онлайн и перечисляли денежные средства на покупку продуктов, кормов для животных и медицинских масок⁴.

Так глобальный риск смог объединить многих равнодушных людей перед лицом общей проблемы, масштабировать феномен взаимопомощи и социального служения.

Сейчас проект не менее актуален и нацелен на выполнение гуманитарной миссии: оказание помощи жителям и социально значимым организациям ДНР, ЛНР, Запорожской области, Херсонской области⁵. Например, в апреле месяце россияне и волонтеры проекта собрали гуманитарную помощь в виде 100 коробок, которые отправились в Запорожскую и Херсонскую области для молодежи, детей и российских военнослужащих⁶.

При помощи участия в благотворительной и волонтерской деятельности население чувствует солидарность с другими людьми, а также люди страны имеют возможность четко сформировать внутреннюю позицию по отношению к окружающей социальной действительности. Участие населения в благотворительных акциях дает возможность человеку развить чувство милосердия, способность к сочувствию, готовность к оказанию помощи нуждающимся. Служение другим людям через участие в благотворительных акциях и волонтерских мероприятиях развивает духовность человека, желание быть нужным и полезным для общества.

Таким образом, социальное служение – это фактор не только личностного роста, но и показатель зрелого гражданского общества. В качестве сферы профессиональных интересов социальное служение охватывает два вида социальной практики – благотворительную и добровольческую деятельность. Развитость данных социальных практик в России показывает готовность населения служить на благо общества, творить добро для своей души, и для блага тех, кто в этом нуждается.

¹ Благотворительность в России: вовлеченность, мотивы, барьеры.

URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/blagotvoritelnost-v-rossii-vovlechnost-motivy-barery>

² Волонтеры помогают пострадавшим от пандемии. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-pomogayut-postradavshim-ot-pandemii>

³ Светлана Анурьева: История о героизме и самопожертвовании. URL: <https://xn--90abhd2amfbbjx2jf6f.xn--p1ai/news/id/1752>

⁴ Акция взаимопомощи #МыВместе: как это работает. URL: <https://dobro.ru/news/7944-akciya-vzaimopomoshi>

⁵ Указ Президента РФ от 30 апреля 2022 г. N 247 "О поддержке волонтерской деятельности на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области" (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/404561708/?ysclid=lguk32oaho620529704#friends>

⁶ Около 100 коробок гуманитарного груза #МыВМЕСТЕ отправились в Херсонскую и Запорожскую области. URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/tpost/1z634phff1-okolo-100-korobok-gumanitarnogo-gruza-mi>

Список источников

1. Рассохина И. Ю., Аршинова Е. В., Билан М. А. Волонтерская деятельность как средство формирования профессионально значимых компетенций студентов вуза // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskaya-deyatelnost-kak-sredstvo-formirovaniya-professionalno-znachimyh-kompetentsiy-studentov-vuza> (дата обращения: 05.05.2023).
2. Абрамова И. Е., Власов С. Н. Добровольческая деятельность как средство формирования профессиональных компетенций обучающихся медицинского профиля подготовки (на примере студентов РостГМУ) // Гуманизация образования. 2022. № 1. С. 157–167.
3. Певная М. В. Студенческое волонтерство: особенности деятельности и мотивации // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 81–88.
4. Ковров В. В. Влияние волонтерства на социальную активность обучающихся в российских вузах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 4. С. 292–296.
5. Певная М. В., Дроздова А. А. Культурное волонтерство студентов вузов: оценка опыта участия и потенциал развития // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 8-9. С. 41–57.
6. Цинпаева Р. Ш. Культурологическое осмысление современных процессов в российской благотворительности // Человек и культура. 2021. № 2. С. 1-8.
7. Залаутдинова С. Милосердие – как порыв души, как внутреннее переживание, как дар (Социальные практики милосердия: история и современность) // Духовно-нравственное воспитание. 2021. № 3. С. 37–42.
8. Духовность и социальное служение: в 3 томах / А. М. Егорычев, Т. К. Ростовская, Л. В. Мардахаев [и др.]; Российский государственный социальный университет. Том 1. М., 2018. 296 с.
9. Солнышкина М. Г., Миронова Т. Д. Социальное служение РПЦ: взаимодействие институтов государства и церкви в области социальных программ // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 3. С. 208–215.
10. Махно Л. Л. Социальное служение Русской православной церкви: история и современность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 69–79.

References

1. Rassokhina I. Yu., Arshinova E. V., Bilan M. A. Volunteer activity as a means of forming professionally significant competencies of university students. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Vocational education in Russia and abroad*. 2017; 2 (26). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskaya-deyatelnost-kak-sredstvo-formirovaniya-professionalno-znachimyh-kompetentsiy-studentov-vuza> [Accessed: 05.05.2023]. (In Russ.)
2. Abramova I. E., Vlasov S. N. Voluntary activity as a means of forming professional competencies of students of medical training profile (on the example of students of RostSMU). *Gumanizaciya obrazovaniya = Humanization of education*. 2022;(1):157–167. (In Russ.)
3. Pevnaya M. V. Student volunteering: features of activity and motivation. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2015;(6):81–88. (In Russ.)
4. Kovrov V. V. The influence of volunteering on the social activity of students in Russian universities. *Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(4):292–296. (In Russ.)
5. Pevnaya M. V., Drozdova A. A. Cultural volunteering of university students: assessment of participation experience and development potential. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2022;31(8-9):41–57. (In Russ.)
6. Tsinpaeva R. S. Cultural understanding of modern processes in Russian charity. *Chelovek i kul'tura = Man and Culture*. 2021;(2):1–8. (In Russ.)
7. Zalautdinova S. Mercy – as an impulse of the soul, as an inner experience, as a gift (Social practices of mercy: history and modernity). *Spiritual and moral education = Spiritual and moral education*. 2021;(3):37–42. (In Russ.)

8. *Spirituality and social service: in 3 volumes* / A. M. Egorychev, T. K. Rostovskaya, L. V. Mardakhaev [et al.]; Russian State Social University. Volume 1. Moscow; 2018. 296 p. (In Russ.)
9. Solnyshkina M. G., Mironova T. D. Social service of the Russian Orthodox Church: interaction of state and church institutions in the field of social programs. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Ability*. 2019;(3):208–215. (In Russ.)
10. Makhno L. L. Social service of the Russian Orthodox Church: history and modernity. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Izvestiya Tula State University. Humanities*. 2020;(4):69–79. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. С. Пичко – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных, естественно-научных и общепрофессиональных дисциплин УФУГТУ.

Я. Г. Зинченко – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС.

С. И. Самыгин – доктор социологических наук, профессор кафедры финансового и HR менеджмента РГЭУ РИНХ.

Information about the authors

N. S. Pichko – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities, Natural Sciences and General Professional Disciplines of Usinsk Branch of Ukhta State Technical University.

Ya. G. Zinchenko – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor the Department of Sociology of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

S. I. Samygin – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Financial and HR Management of the Rostov State University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 26.05.2023.

The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 26.05.2023.

Научная статья

УДК 316

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-269-281

О ПРАКТИЧЕСКИХ ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ АНОМИИ В СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Чу Дэфон

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, КНР, chdfeng1208@163.com

Аннотация. Преследование личной выгоды во имя общественного блага – это типичная характеристика моральной аномии общественных организаций (НКО) в Китае. Первопричина кроется в недостаточном развитии культуры общественного благосостояния, слабом самоограничении общественных организаций и слабом правительственном надзоре. Морально-нравственное управление общественными организациями в современном Китае должно не только подчеркивать признание ценности членов общественных организаций для целей общественного благосостояния общественных организаций, усовершенствовать предоставление этической системы для общественных организаций и увеличить культивирование индивидуальной нравственности членов общественных организаций, но также и необходимо усилить системные наказания и поощрения за социально-благотворительное поведение социальных организаций и использовать жесткость системы для урегулирования, сдерживания и направления общественно-благотворительного поведения социальных организаций. Говоря предметно, необходимо воспитывать культуру общественного благосостояния в общественных организациях и способствовать руководству ориентацией на ценности общественного благосостояния, сочетая институциональные наказания и поощрения для содействия управлению поведением общественных организаций в сфере общественного благосостояния, усиливать правительственный надзор и содействовать управлению аномией общественного благосостояния общественных организаций, тем самым содействуя всеобщему продвижению преодоления аномии в сфере общественного благосостояния общественных организаций, а также общему продвижению в других направлениях.

Ключевые слова: общественные организации, моральная аномия, управление, практические пути, социальные организации, общественное благосостояние

Финансирование: статья написана при поддержке государственного гранта в рамках проекта Государственного фонда социальных наук «Исследование инновационных институциональных механизмов для регуляции и продвижения создания гражданской нравственности в Новую эпоху» (проект № 20BKS111).

Для цитирования: Чу Дэфон. О практических путях преодоления моральной аномии в современных китайских общественных организациях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 269–281. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-269-281>

Sociology Problems

Original article

ON PRACTICAL WAYS TO OVERCOME MORAL ANOMIE IN MODERN CHINESE PUBLIC ORGANIZATIONS

Chu Defeng

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People's Republic of China, chdfeng1208@163.com

Abstract. The pursuit of personal gain in the name of the public good is a typical characteristic feature of the moral anomie of public organizations (NGOs) in China. The root cause lies in the insufficient development of the culture of public welfare, weak self-restraint of public organizations and weak government supervision. The moral management of public organizations in modern China should not only emphasize the recognition of the value of members of public organizations for the purposes of public welfare

of public organizations, improve the provision of an ethical system for public organizations and increase the cultivation of individual morality of members of public organizations, but also it is necessary to strengthen systemic punishments and rewards for the socially charitable behavior of social organizations and use rigidity settlement systems, deterrence and direction of social and charitable behavior of social organizations. Speaking in a substantive way, it is necessary to foster a culture of public welfare in public organizations and promote leadership orientation to the values of public welfare, combining institutional punishments and incentives to promote the management of the behavior of public organizations in the field of public welfare, strengthen government supervision and promote the management of the anomie of public welfare of public organizations, thereby contributing to the general promotion of overcoming the anomie in the field of public welfare of public organizations, as well as general advancement in other directions.

Keywords: public organizations, moral anomie, management, practical ways, social organizations, public welfare

Financial Support: The article was written with the support of a state grant within the framework of the project of the State Foundation for Social Sciences "Research of innovative institutional mechanisms for regulating and promoting the creation of civic morality in a New era" (project No. 20BKS111).

For citation: Chu Defeng. On practical ways to overcome moral anomie in modern Chinese public organizations. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):269-281. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-269-281>

Введение

Будучи одной из трех основных составляющих, образующих современное общество, общественные организации¹ не только имеют богатое внутреннее содержание, но и отличаются разными процессами развития на Востоке и на Западе. Примерно в 1980-х годах западные общественные организации проявляли особенную активность, но они быстро увязли во временном социальном процветании, вызванном быстрым развитием западных развитых капиталистических экономик и обществ, пока недостатки политики социального обеспечения «от колыбели до могилы» в капиталистических развитых странах Запада не стали все более заметными. В качестве примера приведем серьезный дефицит государственного бюджета, вызванный политикой высокого благосостояния, и распространением идей и сознания получения благ без приложения усилий. Современные капиталистические развитые страны Запада сталкиваются с двойным давлением от «негибкости рынка» и «негибкости правительства». Общественные организации, выступающие в роли надежды на разрешение «двойной негибкости» в западном обществе, в очередной раз выходят на историческую сцену и дают начало глобальной «революции общественных организаций».

С момента образования Нового Китая и до середины 1960-х годов происходил период бурного развития китайских общественных организаций, но когда-то здоровое развитие китайских общественных организаций было прервано на полпути. Только в 1980-х годах, с началом новой эры

¹ 社会组织是一个极为宽泛的概念，同时也是一个多学科交叉的概念，称谓较多，如非政府组织（NGO）、非营利组织（NPO）、民间组织、志愿组织、慈善组织、第三部门等。本文所研究的社会组织特指与国家行政体系中的政府组织和市场经济体系中的企业组织相对应的，隶属于社会体系的社会组织，即由公民自发成立的，自愿组成的，属于非政府性、非营利性和志愿公益性特征的各种组织形式及其网络形态，属于非政府非营利组织，简称NPO。

Социальная организация – чрезвычайно широкое понятие, а также и междисциплинарное понятие со многими названиями, такими как неправительственные организации (НПО), некоммерческие организации (НКО), гражданские организации, добровольные организации, благотворительные организации, третьи ведомства и так далее. Социальные организации, изучаемые в данной статье, конкретно относятся к общественным организациям, принадлежащим к социальной системе, которые соответствуют государственным организациям в государственной административной системе и организациям предприятий в системе рыночной экономики, то есть организациям, созданным гражданами спонтанно и добровольно, и которые относятся к негосударственным организациям. Различные организационные формы и их сетевые формы, которые являются неправительственными, некоммерческими и добровольными характеристиками общественного благосостояния, относятся к негосударственным некоммерческим организациям, именуемым НКО.

реформ и открытости Китая, общественные организации, которые долгое время находились в состоянии бездействия, снова вошли в весеннюю пору развития. Объективно говоря, развитие общественных организаций в современном Китае, с одной стороны, происходило под влиянием мощного внутреннего импульса, обеспечиваемого грандиозным нарративом реформ и открытости, а с другой – под влиянием западной «организационной революции», захлестнувшей весь мир и оказавшей глубокое влияние на развитие китайских общественных организаций. Сегодня мы переживаем эпоху больших перемен, будь то на Востоке или на Западе, значение общественных организаций для государственного социального управления становится все более заметным, и они становятся незаменимой третьей силой в деле поддержания социальной гармонии и стабильности [1]. Смогут ли общественные организации действительно стать незаменимой «третьей силой» в поддержании социальной гармонии и стабильности – это зависит от морали самих общественных организаций. Поэтому, основываясь на анализе современного явления и первопричин моральной аномии в китайских общественных организациях, в данной статье предпринята попытка предложить практический подход к управлению моральной аномией в современных китайских общественных организациях, который несет значение не только для Китая, но и имеет более широкое и универсальное значение.

1. Типологический анализ аномии современных китайских общественных организаций в сфере общественного благосостояния

По сравнению с другими человеческими организациями, самая большая особенность или характерная черта общественных организаций заключается в их добровольном общественном благополучии [2]. По этой причине, моральная аномия общественных организаций в основном относится к их аномии в сфере общественного благосостояния. В соответствии с субъектом общественных организаций, аномия современных китайских общественных организаций в сфере общественного благосостояния в основном представлена тремя типами: аномия общественных организаций, аномия фондовых организаций и аномия частного некоммерческих организаций.

(1) Аномия общественных организаций в сфере общественного благосостояния

Каждый тип общественных организаций имеет свои организационные цели. В соответствии с организационными целями и различными объектами обслуживания общественные организации обычно делятся на общества взаимной выгоды и общества социального благосостояния.

В данной статье в качестве примера приводятся общества взаимной выгоды. Так называемые общества взаимной выгоды представляют собой общественные организации, образованные добровольно в целях обслуживания определенных групп на основе взаимных интересов, с отраслевыми ассоциациями в качестве основных представителей и отраслевым, некоммерческим, рыночным характером, а также членством в качестве основных характеристик. Отраслевые ассоциации, в зависимости от способа их формирования, можно разделить на отраслевые ассоциации, поддерживаемые государством, и отраслевые ассоциации, порожденные внутри рынка. Так называемые отраслевые ассоциации, поддерживаемые государством, относятся к учреждениям, возглавляемым и поддерживаемым правительством, на фоне того, что правительство способствует реформе государственных учреждений в целях удовлетворения потребностей социального развития и реализации преобразования функций государственного ведомства. Это такие ассоциации, как Китайская цементная ассоциация, созданная под руководством правительства для содействия структурной перестройке цементной промышленности и т.д.

Под отраслевыми ассоциациями, поддерживаемыми государством, понимаются ассоциации, связанные с органами управления бизнесом, которые имеют ярко выраженную официальную окраску. Такие объединения носят в большей степени административный характер, а их организационные цели и задачи относительно расплывчаты. В определенной степени можно сказать, что они отделены от некоммерческих социальных групп в качестве инструментов получения прибыли деловыми компетентными органами. Очевидно, что им очень сложно представлять интересы отрасли, это не только неэффективно для общественного благосостояния, но и связано с тем, что имеет отношение к интересам компетентных органов, а также может привести к коррупции и другим губительным действиям в сфере общественного благосостояния.

По сравнению с поддерживаемыми государством отраслевыми ассоциациями, порожденные внутри рынка отраслевые ассоциации обладают относительно высокой автономией и независимостью. Однако поскольку рыночная экономика является экономикой, ориентированной на получение прибыли, она придерживается логики капитала и рынка. Подобного типа ассоциации всегда находятся в противоречии между целью общественного благосостояния и корыстной природой рынка. В результате этого, чтобы защитить внутренние интересы отрасли, время от времени они без колебаний производят действия, наносящие ущерб интересам широкой общественности.

(2) Аномия фондовых организаций в сфере общественного благосостояния

Фонды являются некоммерческими юридическими лицами, признанными законом с гражданскими правами, и их сущностью является организация социального обеспечения. Благотворительность и социальная ответственность – этическая основа фонда, а справедливость и гармония – этическая ориентация фонда. Фонд осуществляет обратную передачу богатства и социальных ресурсов через социальные силы, сокращая разрыв между богатыми и бедными, вызванный приоритетом эффективности и логикой капитала, разрешает противоречие «несбалансированного и недостаточного развития» в современном обществе, поддерживает социальную справедливость, а также способствует социальной гармонии. Это полезное дополнение к системе социального распределения и важная сила для продвижения социальной гармонии. Однако в последние годы некоторые фонды, занимающиеся общественным благосостоянием и благотворительностью, по-прежнему впутывались в скандалы, связанные с коррупцией в сфере общественного благосостояния, незаконным присвоением и растратой фондов общественного благосостояния, а также бессмысленным обогащением, прикрываясь во имя общественного благосостояния. Это не только вызывает масштабные социальные потрясения и влияет на авторитет фондов, но и наносит огромный ущерб системе доверия со стороны всего общества.

(3) Аномия частных некоммерческих организаций в сфере общественного благосостояния

В октябре 1998 года Центральный комитет КПК и Госсовет обнародовали «Временные правила регистрации и управления частными некоммерческими организациями», в которых частные некоммерческие организации четко подразделяются на следующие три типа: первый: предприятия и деловые (непроизводственные) организации; второй: общественные организации; третий: общественные организации, осуществляющие некоммерческую деятельность по социальному обслуживанию другими общественными силами и отдельными гражданами с использованием негосударственного имущества.

Частные некоммерческие организации, являясь полноценными общественными организациями, стремятся предоставлять обществу услуги в сфере общественного благосостояния: «С точки зрения занятости и экономики, их вклад намного выше, чем у общественных организаций, особенно с точки зрения занятости, где они обладают огромным потенциалом» [3]. По этой причине, частные непредпринимательские организации имеют уникальную ценность в процессе построения гармоничного общества и среди общественных организаций являются типом организации с наибольшим потенциалом развития. В соответствии с назначением некоммерческих организаций и соответствующими правилами их управления нетрудно обнаружить, что некоммерческая деятельность и социальное обеспечение являются наиболее важными характеристиками частных некоммерческих организаций. Однако отдельные частные непредпринимательские организации, несмотря на собственный некоммерческий характер, в одностороннем порядке преследуют цели получения прибыли, вплоть до нанесения этим ущерба интересам общества с целью достижения выгоды, приносящей ущерб народным массам.

2. Теоретическое установление причин моральной аномии в современных китайских общественных организациях

Нынешние ученые круги полагают, что общественные организации «обладают отчетливыми этическими характеристиками и глубокими этическим содержанием». Кроме того, «общественное благополучие», «добровольный характер», «некоммерческий характер», «демократизм» общественных организаций являются очевидными проявлениями морали общественных организаций [4].

Основными тремя причинами неоднократного запрета моральной аномии общественных организаций в Китае автор считает следующие: первая – отсутствие поддержки культуры общественного благосостояния; вторая – отсутствие институциональных норм; в-третьих – это неэффективный правительственный надзор.

(1) Ненадлежащий уровень развитие социальной культуры общественного благосостояния

Мэтр отечественной науки Цянь Му говорил: «Все проблемы возникают вследствие вопросов культурного характера. Все проблемы разрешаются вопросами культурного характера» [5]. Культура является не только источником проблем, но и их решением. В этом смысле первопричина моральной аномии общественных организаций заключается в отсутствии поддержки культуры общественного благосостояния. Без поддержки культуры общественного благосостояния общественному благополучию или альтруизму общественных организаций не суждено далеко продвигаться. Есть много причин, по которым в настоящее время общественным организациям в нашей стране не хватает культурной поддержки со стороны общества. Во-первых, бурное развитие общественных организаций и относительное отставание в построении культуры общественного благосостояния. Смотри на развитие общественных организаций в нашей стране, особенно после начала реформы и открытости, можно сказать, что их число быстро увеличилось, а масштабы их деятельности не имеют себе равных ни в одной из предыдущих эпох.

Однако культура общественного благосостояния, являющаяся важным стержнем или основной поддерживающей силой общественного благосостояния общественных организаций, требует длительного процесса аккумуляции. Необходимо не только воспринять подпитку современной культуры общественного благосостояния из традиционной китайской культуры, но и эффективно обобщать и интегрировать опыт и практики, которые были сформированы в ходе становления и развития китайских общественных организаций общественного благосостояния.

Следует сформировать в достаточной мере систематизированную теорию для обогащения культуры общественного благосостояния, которая так необходима для современных общественных организаций. Во-вторых, это вмешательство западного культуроцентризма. В западных обществах, представленных Европой и Соединенными Штатами, современные меры общественного благосостояния находятся в достаточно зрелом состоянии. Многие отечественные теории управления и опыт управления общественных организаций могут выглядеть как тень западных теорий управления и опыта управления.

В определенной степени теория западного культуроцентризма также привнесла некоторые проблемы в построение китайской культуры общественного благосостояния, препятствуя ее здоровому развитию. В-третьих, атмосфера общественной культуры очень бедна, а эффективность построения культуры общественного благосостояния невысока. Культура общественного благосостояния не может существовать самостоятельно, ей нужна соответствующая культурная атмосфера общественного благосостояния, и правильное понимание этой культуры является основной предпосылкой развития ее культурной атмосферы. В действительности же, восприятие и ожидания людей от общественных организаций предельно просты: общественные организации – это воплощение совершенной добродетели и этическая сущность с естественной добродетелью. Поэтому у людей имеются моральные ожидания от общественных организаций, которые не могут быть возложены на другие организации.

Когда реальная ситуация противоречит идеальным ожиданиям, это может естественным образом породить среди людей сильные эмоции отторжения. Искреннее восприятие людьми социальных организаций и преисполненные доброжелательством чаяния возлагают слишком большую моральную ответственность на общественные организации, а также в определенной степени создает напряженность в культурной атмосфере общественного благосостояния. Люди могут допускать совершенно дикие предположения вследствие некоторых негативных новостей о поведении социальных организаций в сфере общественного благосостояния и даже, не задумавшись ни на минуту, подвергнуть их критике. Подобное поведение серьезно повлияло на формирование хорошей социальной культурной атмосферы общественного благосостояния и помешало построению социальной культуры общественного благосостояния.

(2) Недостаточное самоограничение общественных организаций

Общеизвестно, что общественные организации – это негосударственные самоуправляемые организации, которые, в отличие от государственных ведомств, не имеют четко отрегулированной организационной структуры и относительно зрелого механизма управления, и в отличие от предприятий, не так легко воспринимают надзор посредством рыночного поведения со стороны общественности, особенно потребителей, через рынок, как предприятия. В особенности важным является самоограничение общественных организаций.

Что касается нынешнего недостатка самоограничения общественных организаций в Китае, то одна из его причин заключается в незавершенности внутренней структуры управления общественными организациями. Хотя общественные организации и получили название «мифа идеальных концепций», «мифа волюнтаризма» и «мифа совершенной добродетели» [2], однако они не могут существовать вне зависимости от общества, и неизбежно подвергаются влиянию и определяющим условиям внешних естественных факторов. Особенно в современном обществе, где общественный характер богатства и гласность власти подверглись разложению, если социальные организации полагаются только на свою так называемую глубокую этическую основу, то, очевидно, им трудно противостоять губительному влиянию морального кризиса современности, не теряя при этом своих моральных убеждений. Реализация их целей и ценностей в сфере общественного благосостояния неотделима от прочной структуры внутреннего управления общественными организациями.

Фактически, нынешняя структура внутреннего управления некоторых общественных организаций в нашей стране несовершенна, поэтому жесткость самоограничения общественных организаций не является чрезмерной. Это является одной из коренных причин аномии в сфере общественного благосостояния в этих общественных организациях. Во-вторых, внутренняя нормативная система общественных организаций не усовершенствована. Объективно говоря, вследствие отсутствия во многих современных общественных организациях достаточно полных нормативных систем внутреннее управление осуществляется относительно разболтанно. Недостаточные внутренние нормы и системы общественных организаций могут не только напрямую привести к низкому общественному благосостоянию общественных организаций, но могут даже привести к коррупции в сфере общественного благосостояния [6].

Множество общественных организаций либо теряются в напряженном процессе современного быстрого развития и не находят времени заботиться о построении собственной внутренней системы, либо игнорируют обязывающий эффект системы из-за фанатичной погони за приоритетом в сфере общественного благосостояния, либо же не хотят создать надежную внутреннюю систему управления и механизм управления по множеству других причин. Поэтому, необходимо заимствование модели корпоративного управления для создания надежной структуры управления юридическим лицом общественных организаций, аналогичной структуре управления юридическим лицом предприятия; четкое определение ответственного юридического лица, являющегося субъектом общественных организаций, а также учреждение и усовершенствование системы внутреннего управления общественных организаций. Вне всяких сомнений, предельно важно стандартизировать поведение социальных организаций в сфере общественного благосостояния и улучшить мораль социальных организаций.

(3) Слабость контроля со стороны правительственных ведомств

Коренными причинами неэффективного надзора со стороны правительственных ведомств являются, во-первых, недостатки механизма двойного управления. Так называемый «механизм двойного управления» означает, что в соответствии с «Положением об управлении регистрацией общественных организаций» за внутренние дела общественных организаций несут ответственность их компетентные подразделения (соответствующие административные органы и государственные учреждения), а их регистрацией и внешним надзором занимаются отделы по гражданским делам всех уровней механизма управления.

Объективно говоря, двойное управление общественными организациями имеет свою историческую неизбежность и на определенных исторических этапах сыграло чрезвычайно важную роль. Однако с развитием экономики и общества, а в особенности с постепенным углублением

и совершенствованием реформы рыночного хозяйственного механизма, его недостатки постепенно становятся все более заметными: с одной стороны, модель двойного управления «не только увеличивает дублирование рассмотрения в процедурном отношении, но и затягивает время рассмотрения, что влияет на эффективность работы правительства. Еще более важно то, что очень легко ошибочно истолковать ценностную ориентацию государства в отношении общественных организаций, будто бы регистрация и управление общественными организациями ставит целью лишь усиление контроля и его рамок» [7].

С другой стороны, порог регистрации этого механизма двойного управления чересчур высок, что увеличивает стоимость получения юридического статуса организаций социальной защиты, так что некоторые организации могут существовать только нелегально, без государственного надзора, что таит в себе огромную опасность.

Кроме того, компетентное подразделение по надзору за деятельностью имеет слишком много полномочий для управления повседневными делами общественных организаций. Подобное управление является одновременно как строгим, так и скрупулезным, что сильно ограничивает организационную автономию общественных организаций.

Во-вторых, политика отдельных ведомств зачастую плохо взаимосвязана. Наряду с непрерывным развитием общества в нашей стране появляется все больше и больше общественных организаций, и появляется все больше программных документов, регулирующих их деятельность в сфере общественного благосостояния. Однако, в данной области нет государственного ведущего и координирующего органа. По этой причине, соответствующее содержание политики не было систематически отсортировано, что в определенной степени привело к слабой преемственности между старой и новой политикой.

В-третьих, некоторые правила управления противоречат друг другу. Например, «Положение о регистрации и управлении общественными организациями» в основном опирается на принцип недопущения конкуренции в управлении общественными организациями. Однако в опубликованных в 2014 г. «Административных мерах по государственным закупкам услуг (временных)» подчеркивается, правительство применяет принцип «открытого отбора лучших» на конкурентной основе при закупке услуг у общественных организаций [8] и т. д. Взаимные противоречия между программными документами разного уровня, обнародованными разными ведомствами, не только вносят путаницу в управление, но, что более важно, ведут к провалу ценностной ориентации правительственного надзора.

3. Практические пути морально-нравственного управления общественными организациями в современном Китае

Что касается морально-нравственного управления общественными организациями в современном Китае, то автор считает, что необходимо «воспитывать культуру общественного благосостояния общественных организаций и продвигать управление, ориентированное на ценности общественного благосостояния», «сочетать институциональные взыскания и поощрения для содействия управлению поведения общественных организаций в сфере общественного благосостояния» и «усилить правительственный надзор и содействие социально-организационному управлению аномией в сфере общественного благосостояния», а также в целом и другим аспектам.

(1) Воспитание культуры общественного благосостояния общественных организаций и продвижение управления, ориентированного на ценности общественного благосостояния

В сфере культуры общественного благосостояния общественные организации придерживаются ценностной ориентации альтруизма, ориентированного на социальную ответственность, направленную на поддержку, реализацию и пропаганду общественных интересов. Они выполняют функции регулирования, направления и корректировки ориентации общественных организаций на ценности общественного благосостояния. Это – основной элемент, связывающий и поддерживающий здоровое и упорядоченное функционирование социальных организаций, а также предпосылка и основа для обеспечения того, чтобы ориентация социальных организаций на общественное благополучие не изменилась.

Несмотря на то, что общественные организации главной своей целью ставят альтруизм, альтруистические ценности общественных организаций и их членов не являются врожденными, а являются результатом взаимодействия множества факторов. Следовательно, в целях воспитания альтруистических ценностей общественных организаций и их членов необходимо усилить идентификацию общественных организаций и членов в сфере общественного благосостояния; посредством воспитания альтруистических ценностей общественные организации и их члены получают рациональное познание и эмоциональное признание в деле общественного благосостояния.

Посредством разворачивания деятельности в сфере общественного благосостояния проявляется чувство успешности и гордость за возвышенный и приносящий помощь ближним труд в деле общественного благосостояния. Благодаря собственному самоутверждению, общественные организации и их члены преисполняются чувства достижения победы и счастья и сознательно принимают общественное благополучие как цель своей жизни. Говоря далее, хотя миссия общественных организаций состоит в том, чтобы разрешить двойную негибкость правительства и рынка, сами они не являются «природными» спасителями мира.

Как и другие социальные институты, они находятся в процессе постоянного движения и неотделимы от фактически принятых правил и эксплуатации ресурсов [9]. Следовательно, воспитание культуры общественного благосостояния общественных организаций также требует поддержки и подпитки хорошей социальной культурной экологии общественного благосостояния, то есть на основе усиления воспитания ценностей альтруизма необходимо способствовать формированию позитивных общественных и межличностных отношений единства, дружбы, взаимопомощи, равенства и гармонии. Мы должны активно практиковать дух «использования наследия прошлого в интересах настоящего», по-настоящему доискиваться, резюмировать и воспринимать культурные традиции общественного благосостояния в традиционной культуре, пробуждать духовную память о национальной культуре общественного благосостояния и достижения общественного консенсуса в области общественного благосостояния.

Необходимо поддерживать концепцию «поставить иностранное на службу Китая», заимствовать и внедрять достижения выдающихся мировых культур в сфере общественного благосостояния, а также повышать инклюзивность и внутреннюю жизнеспособность китайской социальной организации культуры общественного благосостояния. Следует осуществлять деятельность в области социального обеспечения таким образом, чтобы это нравилось народным массам, расширять влияние, сплоченность, притягательность и привлекательность деятельности в сфере социального благосостояния, дабы как можно больше людей смогли понять, поддержать и принять участие в социальной деятельности.

(2) Сочетание институциональных взысканий и поощрений в целях содействия управлению поведением общественных организаций в сфере общественного благосостояния

Общественные организации являются неправительственными самоуправляющимися организациями. В отличие от государственных ведомств, они не обладают такой хорошо отрегулированной организационной структурой и относительно зрелого механизма управления, и им, в отличие от предприятий, не так легко воспринимать надзор посредством рыночного поведения со стороны общественности, особенно потребителей. Необходимо усовершенствовать соответствующие нормативные системы и способствовать управлению поведением социальных организаций в сфере общественного благосостояния посредством наказаний за неправомерные действия и стимулирования их нормативного поведения в сфере общественного благосостояния.

Прежде всего, необходимо учредить и усовершенствовать внутреннюю нормативную систему общественных организаций, а также усовершенствовать институциональную систему наказаний и поощрений. В развитых странах Запада структура внутреннего управления общественных организаций (НКО) в целом завершена. Социальные организации формируют действующий механизм демократического принятия решений, координации и единства, взаимных сдержек и противовесов и эффективных ограничений через внутренние бизнес-уровни принятия решений, управленческие исполнительные уровни и агентства по мониторингу эффективности. Это обеспечивает эффективное выполнение Устава и целей общественных организаций [10]. Однако большое количество общественных организаций в Китае создаются сверху вниз, и большинство из них являются «наполовину официальными, наполовину гражданскими».

По сравнению с общественными организациями в западных развитых странах существует множество недостатков в сфере маркетинга и социализации. В структуре внутреннего управления также применяется механизм управления на государственном административном уровне. Преимущество подобного механизма управления состоит в том, что с его помощью легко сформировать согласованную и единую маркетинговую цель, режим работы и технический процесс. Данный механизм также может оказывать большее социальное влияние при активности в определенных областях. Его недостатком является то, что он привносит во внутреннее управление организации присущую государственным органам административную, бюрократическую и низкую эффективность. Это приводит к тому, что общественным организациям не хватает автономии, конкурентоспособности и гибкости, а в деятельности общественного благосостояния очень трудно добиться эффективности. Поэтому, для способствования управлению поведением общественных организаций в сфере общественного благосостояния в нашей стране, необходимо активно улучшать структуру управления юридическими лицами общественных организаций, активно строить эту структуру, аналогичную структуре управления юридическими лицами предприятий.

Следует четко определить ответственных юридических лиц субъектов общественных организаций, а также создать и усовершенствовать систему, регулирующую деятельность общественных организаций. Внутренняя система управления выстраивает линию антикоррупционной защиты общественных решений общественных организаций и поведения в сфере общественного благосостояния точки зрения системы и механизма, дабы уменьшить возникновение аномии в сфере общественного благосостояния у общественных организаций.

Необходимо совершенствовать систему управления финансами общественных организаций, то есть использовать надежную систему управления финансами для обеспечения стабильности и бесперебойности сбора средств для деятельности организации, снижения затрат на общественно-полезную деятельность, повышения эффективности общественной деятельности. социального обеспечения, а также использовать научный и эффективный финансовый менеджмент для предотвращения потери активов общественного благосостояния и повышения эффективности фондов общественного благосостояния. Следует использовать все это для предотвращения коррупции в сфере общественного благосостояния и повышения доверия к общественным организациям.

Помимо этого, необходимо учредить и усовершенствовать механизм «поощрения-сдерживания», который бы регулировал общественно-полезное поведение общественных организаций. Механизм «поощрения-сдерживания» общественных организаций – это механизм стимуляции, вознаграждения или наказания общественных организаций, основанный на их деятельности в области общественного благосостояния при общественном влиянии. «Механизм поощрения» может стимулировать жизнеспособность общественных организаций для общественного благосостояния, а «механизм ограничения» может регулировать поведение общественных организаций в этом же отношении.

В настоящее время стимулы для общественных организаций в Китае исходят от государства или от предприятий. Объективно говоря, для общественных организаций они имеют хороший стимулирующий эффект. Однако, поскольку правительство имеет достаточно большие права на размещение социальных ресурсов, сами предприятия сами по себе также являются обладателями социальных ресурсов. Государственная или предпринимательская стимуляция легко может привести к сильной позиции правительства и предприятий в бинарной структуре «государство-общественная организация» и «предприятие-общественная организация», что в определенной степени ограничивает автономию общественных организаций. Следовательно, для механизма стимулирования общественных организаций необходимо начать с инновационных институциональных механизмов и через институциональные гарантии изменить ситуацию, с той где государство и предприятия сильны, а общественные организации слабы, на бинарную структуру «государство и общественные организации» и «предприятия и общественные организации». Изменится предыдущая ситуация «акцент на использовании, а не на поддержке, на оплате, а не на финансировании», что приведет к высвобождению в максимальной степени автономии общественных организаций и стимулированию жизнеспособности общественных организаций в целях повышения общественного благосостояния.

(3) Усиление правительственного надзора и продвижение управления общественными организациями с аномией в сфере общественного благосостояния

Социальные организации, являясь третьей стороной, восполняющей негибкость правительства и рынка, обладают достаточно высокими организационно-моральными достоинствами. Однако вследствие присущей им добровольного характера и спонтанности их организационная структура является достаточно рыхлой. Поэтому в целях усиления правительственного надзора и содействия управлению аномией в сфере общественных интересов в общественных организациях, в первую очередь, необходимо учредить и усовершенствовать триединый механизм надзора «правительственный надзор-общественный надзор-саморегулирование».

Что касается механизма правительственного надзора, то государство должно усилить финансовый надзор за общественными организациями, подчеркнуть некоммерческий характер деятельности общественных организаций и призвать общественные организации к сознательному соблюдению принципа «нераспределения прибыли» и сознательно использовать доходы от предпринимательской деятельности на общественное благосостояние.

Необходимо регулярно проверять, соблюдают ли общественные организации различные политики льготного снижения и освобождения от налогов в соответствии с применимым налоговым законодательством, и корректировать налогообложение общественных организаций в соответствии с обзором ситуации. Следует усилить повседневный надзор за общественными организациями и опираться на интернет-технологии для улучшения возможностей и уровня общественного надзора, а также призывать соответствующие правительственные веб-сайты своевременно раскрывать информацию об общественных организациях.

Следует активизировать деятельность общественных организаций, чтобы обеспечить своевременную и достоверную информацию, получаемую общественностью с правительственных веб-сайтов. На уровне самоконтроля общественных организаций, во-первых, общественные организации должны усилить самоконтроль квалификации доступа к рынку, чтобы предотвратить попадание людей с заболеваниями, что может повлиять на имидж общественных организаций; во-вторых, усилить самоконтроль оценки результатов, то есть проверка и оценка фактических результатов деятельности, осуществляемой членами организации, и обнародование информации о мониторинге и оценке среди общественности, а также активное принятие социального надзора. В-третьих, необходимо усилить самоконтроль за управлением активами организации, своевременно опубликовывать приход и расход средств организации и направления их использования, обеспечивать сохранение и приумножение активов организации и использование средств на общественные нужды и социальные службы. В-четвертых, следует усилить надзор за общественно-полезной деятельностью, то есть производить наблюдение за поведением членов организации в процессе общественно-полезной деятельности. За поведение, выражающееся в несоблюдении целей и правил организации или в их нарушении, общественные организации должны инициировать механизм ответственности и наказания и применять соответствующие наказания в зависимости от степени серьезности нарушения.

Помимо этого, необходимо усовершенствовать методы надзора и повысить эффективность правительственного надзора.

Во-первых, придерживаться как макроуправления, так и микроуправления, а также повысить точность правительственного надзора. В настоящее время китайское правительство в основном осуществляет макроуправление общественными организациями на основе их финансовой отчетности, годовых отчетов и т. д. в отношении их «цели и функционального позиционирования», «сфер и масштабов деятельности» и «влияния на общественное благосостояние». Такой вид макроуправления заведомо затруднителен для повышения точности правительственного надзора. Также необходимо увеличивать масштабы микроуправления общественными организациями, то есть выдвигать конкретные и четкие требования к стандартам и качеству общественно-культурной деятельности. Помимо этого, в максимально возможной степени предоставлять информацию, технологии, координацию и коммуникационную поддержку деятельности общественных организаций в области общественного благосостояния, а также направлять и помогать общественным организациям своевременно и точно осуществлять деятельность в области общественного благосостояния.

Во-вторых, следует твердо придерживаться сочетания комплексного управления и классифицированного управления и подчеркивать актуальность надзора. «Комплексное управление» означает всестороннее управление всей деятельностью общественных организаций со стороны правительства. Преимущество комплексного управления заключается в том, что оно позволяет своевременно держать руку на пульсе динамики состояния общественных организаций и обеспечивать разумное и упорядоченное осуществление общественными организациями деятельности по обеспечению общественного благосостояния. А «классифицированное управление» относится к правительственному управлению общественными организациями, и методы и меры управления, принятые для разных типов общественных организаций, также должны быть различными. Преимущество классифицированного управления заключается в том, что оно не только оптимизирует ресурсы правительственного управления и снижает затраты на него, но также и повышает актуальность управления общественной организацией и повышает его эффективность.

В-третьих, мы должны придерживаться сочетания управления информацией, контроля и надзора на местах для повышения качества надзора. В современном высокоразвитом информационном обществе средства информатизации являются важной опорой для реализации государством контрольной функции общественных организаций. Хотя информационные технологии значительно повысили эффективность правительственного надзора, информационные средства не всемогущи. Поэтому правительственный надзор за общественными организациями должен не только усиливать проверку и проверку достоверности сетевой информации, но и осуществлять оперативный надзор за общественно-благотворительной деятельностью общественных организаций, получать из первых рук реальные материалы и информацию об общественно-благотворительной деятельности общественных организаций. Сочетание контроля информатизации и реального надзора на местах может не только избежать нормативных ошибок, вызванных асимметричной и ложной сетевой информацией, повысить качество надзора, но также является важным способом для правительства выполнить свою регулируемую ответственность и повысить доверие к себе.

В-четвертых, мы должны придерживаться объединения надзора и служб для того, чтобы сформировать совместную силу надзора. Правительство несет двойную ответственность за надзор и обслуживание общественных организаций. Процесс правительственного надзора за общественными организациями является также процессом государственной поддержки и служения общественным организациям. Правительство должно не только контролировать и ограничивать общественные организации в деле урегулирования таких организаций и их общественной деятельности, но также и оказывать поддержку и услуги общественной благотворительной деятельности общественных организаций, а также использовать услуги для стимулирования их осведомленности о саморегулировании и их общественной деятельности. Кроме того, необходимо сформировать объединенную силу между надзором и обслуживанием, интегрировать обслуживание во весь процесс надзора и управления, использовать обслуживание для повышения эффективности надзора и использовать надзор для усиления эффективности обслуживания.

Заключение

Хотя общественные организации в Китае возникли относительно поздно, однако их развитие идет достаточно быстро. Несмотря на то, что государство ускорило разработку системы регулирования и руководства общественно-благотворительной деятельностью общественных организаций, но ее отставание и несовершенство по сути неизбежны и в определенной степени имеют право на объективное существование. В течение долгого времени управление моральной аномией в китайских социальных организациях в основном следовало принципу усиления признания ценности социальных организаций и их членов до уровня «целей общественного благосостояния» в целях гарантии создания этической системы для общественных организаций, и чтобы пути управления были сосредоточены на морально-нравственном воспитании членов общественных организаций [11].

Прежний опыт также показал, что подобные идеи и методика возвращения морально-нравственного управления общественными организациями к личным добродетелям членов общественных организаций принесли хорошие результаты, особенно в период плановой экономики. Однако в условиях рыночной экономики члены общественных организаций существуют в модели

«социальных лиц», а их отношения с общественными организациями являются отношениями экономическими, процентными, договорными, правовыми и т.д. Ограниченность такого подхода к моральному управлению общественными организациями, опирающегося на индивидуальные добродетели, становится все более очевидной с каждым днем. По этой причине автор полагает, что управление моральной аномией общественных организаций в современном Китае должно не только подчеркивать признание ценности членов общественных организаций для целей общественного благосостояния общественных организаций, усовершенствовать предоставление этической системы для общественных организаций и увеличить культивирование индивидуальной нравственности членов общественных организаций, но также и необходимо усилить системные наказания и стимулы за социально-благотворительное поведение социальных организаций и использовать жесткость системы для урегулирования, сдерживания и направления общественно-благотворительного поведения социальных организаций. Это имеет значение не только для Китая, но в определенной степени общее значение для и других стран.

Список источников

1. (美)彼得·德鲁克.大变革时代的管理[M].赵干城,译.上海:上海译文出版社,1999:201.
1. (США) Питер Друкер «Управление в эпоху больших перемен» [М], Чжао Ганчэн, перевод, Шанхай: Шанхайское издательство переводной литературы, 1999:201.
2. 蒋玉.社会组织道德行为的生成逻辑[M].北京:中国社会科学出版社,2016:46,86.
2. Цзян Юй. Генеративная логика морального поведения общественных организаций [М], Пекин: Китайское издательство общественных наук, 2016: 46, 86.
3. 邓国胜.中国民办非企业单位的特质与价值分析[J].中国软科学,2006,(09).
3. Дэн Гошэн, Анализ характеристик и стоимости китайских частных некоммерческих организаций [J], Программное обеспечение Китая, 2006, (09).
4. 李茂平.民间的道德力量[M].北京:中国社会科学出版社,2011:61-71.
4. Ли Маопин, Моральная сила народа [М], Пекин: Китайское издательство общественных наук, 2011:61-71.
5. 钱穆.文化学大义[M].台湾:台湾中正书局,1981:3.
5. Цянь Му. Основные положения культурологии [М], Тайвань: Тайваньское книжное издательство "Чжунчжэн", 1981: 3.
6. 董文琪,王远松.浅析社会组织管理的制度缺陷与改进对策[J].经济与社会发展,2009,(03).
6. Дун Вэньци, Ван Юаньсун. Краткий анализ институциональных недостатков социальной организации и меры по улучшению управления ею [J], Экономическое и социальное развитие, 2009, (03).
7. 陈金罗.中国社会团体立法模式之浅议[C].全国省市区物流社团组织座谈会资料汇编,2003,(12):187.
7. Чэнь Цзиньло. Краткий обзор законодательной модели китайских общественных организаций [С] Сборник материалов симпозиумов логистических организаций провинций, регионов и муниципалитетов по всей стране, 2003, (12): 187.
8. 黄晓春.当代中国社会的制度环境及发展[J].中国社会科学,2015,(09).
8. Хуан Сяочунь. Институциональная среда и развитие социальных организаций в современном Китае [J], Китайские общественные науки, 2015, (09).
9. 周怡.解读社会:文化与结构的路径[M].北京:社会科学文献出版社,2004:18.
9. Чжоу И. Интерпретируя общество: Пути культуры и структуры [М], Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2004:18.
10. 王向南.中国非营利组织发展的制度设计研究[D].东北师范大学(博士学位论文),2014:181.
10. Ван Сяннань, Исследование системного проектирования развития китайских некоммерческих организаций [D], Северо-Восточный педагогический университет (докторская диссертация), 2014: 181.
11. 朱虹.社会中介组织的伦理审思[M].北京:中国社会科学出版社,2013:178-214.
11. Чжу Хун, Этическая оценка общественных посреднических организаций [М], Пекин: Китайское издательство общественных наук, 2013: 178-214.

References

1. Peter Drucker. *Management in the era of big changes*. Zhao Gangcheng, translation, Shanghai: Shanghai Publishing House of Translated Literature, 1999:201. (In Chinese)
2. Jiang Yu. *Generative logic of moral behavior of public organizations*. Beijing: Chinese Publishing House of Social Sciences, 2016: 46, 86. (In Chinese)
3. Deng Gosheng. Analysis of the characteristics and cost of Chinese private non-profit organizations. *China Software*. 2006;(09). (In Chinese)
4. Li Maoping. *The moral strength of the people*. Beijing: Chinese Publishing House of Social Sciences, 2011:61-71. (In Chinese)
5. Qian Mu. *The main provisions of cultural studies*. Taiwan: Taiwan Book Publisher "Zhongzheng", 1981: 3. (In Chinese)
6. Dong Wenqi, Wang Yuansong. A brief analysis of the institutional shortcomings of the social organization and measures to improve its management. *Economic and Social Development*, 2009, (03). (In Chinese)
7. Chen Jinlo. A brief overview of the legislative model of Chinese public organizations. In: *Proceedings of symposia of logistics organizations of provinces, regions and municipalities throughout the country*, 2003, (12): 187. (In Chinese)
8. Huang Xiaochun. Institutional environment and development of social organizations in modern China. *Chinese Social Sciences*, 2015, (09). (In Chinese)
9. Zhou Yi. *Interpreting Society: Ways of Culture and Structure*. Beijing: Publishing House of Literature on Social Sciences, 2004:18. (In Chinese)
10. Wang Xiangnan, *A study of the system design of the development of Chinese non-commercial organizations*. Northeastern Pedagogical University (doctoral dissertation), 2014: 181. (In Chinese)
11. Zhu Hong, *Ethical assessment of public mediation organizations*. Beijing: Chinese Publishing House of Social Sciences, 2013: 178-214. (In Chinese)

Информация об авторе

Чу Дефон – доктор юридических наук, член совета Китайской ассоциации исследований диалектического материализма, доцент, старший преподаватель Школы марксизма при Шанхайском политико-юридическом университете.

Information about the author

Chu Defeng – Doctor of Law, Member of the Council of the Chinese Association for the Study of Dialectical Materialism, Associate Professor, Senior Lecturer at the School of Marxism at the Shanghai University of Politics and Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.05.2023; одобрена после рецензирования 24.05.2023; принята к публикации 25.05.2023.

The article was submitted 08.05.2023; approved after reviewing 24.05.2023; accepted for publication 25.05.2023.

Научная статья

УДК 316.347(470.62)

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-282-287

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ДИНАМИКА И СОДЕРЖАНИЕ

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
Махачкала, Россия, madina2405@mail.ru

Аннотация. Последние десятилетия прошлого столетия ознаменовались деструктивными явлениями в межнациональной сфере, поэтому естественным является исследование происходящих в данной области преобразований. Особое место в национальной сфере занимает этническая идентичность, формы ее существования (позитивная/негативная), ибо они непосредственно влияют на характер личностной коммуникации, формируют межнациональный климат, обеспечивают стабильность. Анализ индикаторов воспроизводства этнической идентичности молодого поколения дагестанцев показывает приоритет признаков национальный язык, этнокультура и религия. Установлено, что родной язык мало значим для опрошенного русского населения при его важности для остальных опрошенных этнических образований. Авторская гипотеза о значимости исторического компонента и исторической памяти для воспроизводства как этнической, так и российской идентичностей результатами исследования не подтвердилась, в сравнении с другими маркерами, менее востребованы в массовом сознании дагестанской молодежи. «Контрольный вопрос» показывает изменение значимости интеграторов – «быть представителем своего народа» заключается в знании и следовании национальным традициям и обычаям своего народа при существенно меньшей доле обозначивших индикатор «национальный язык». Такая позиция в установках опрошенной дагестанской молодежи обусловлена трансформацией их языкового сознания и языкового поведения, что однозначно свидетельствует о деструктивных тенденциях в этноязыковой сфере.

Ключевые слова: идентичность, дагестанская молодежь, межнациональное общение, межэтническое взаимодействие, самоидентификация, этническая идентичность, этничность, многонациональность, межнациональный климат, национальный язык, национальные интересы

Для цитирования: Шахбанова М. М. Этническая идентичность дагестанской молодежи: динамика и содержание // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 282–287. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-282-287>

Sociology Problems

Original article

ETHNIC IDENTITY OF DAGESTAN YOUTH: DYNAMICS AND CONTENT

Madina M. Shakhbanova

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
madina2405@mail.ru

Abstract. The last decades of the last century were marked by destructive phenomena in the inter-ethnic sphere, so it is natural to study the transformations taking place in this area. A special place in the national sphere is occupied by ethnic identity, the forms of its existence (positive/negative), because they directly affect the nature of personal communication, form an interethnic climate, and provide stability. The analysis of indicators of reproduction of the ethnic identity of the young generation of Dagestanis shows the priority of the signs of the national language, ethno-culture and religion. It was found that the native language is of little importance for the surveyed Russian population, despite its importance

for the rest of the surveyed ethnic formations. The author's hypothesis about the significance of the historical component and historical memory for the reproduction of both ethnic and Russian identities was not confirmed by the results of the study, in comparison with other markers, less in demand in the mass consciousness of Dagestan youth. The "control question" shows a change in the importance of integrators – "being a representative of your people" consists in knowing and following the national traditions and customs of your people with a significantly smaller proportion of those who designated the indicator "national language". Such a position in the attitudes of the interviewed Dagestani youth is due to the transformation of their linguistic consciousness and linguistic behavior, which clearly indicates destructive tendencies in the ethno-linguistic sphere.

Keywords: identity, Dagestan youth, interethnic communication, interethnic interaction, self-identification, ethnic identity, ethnicity, multinational, interethnic climate, national language, national interests

For citation: Shakhbanova M. M. Ethnic identity of Dagestan youth: dynamics and content. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):282–287. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-282-287>

Введение

Трансформация социально-экономической, политической и духовной сфер российского общества актуализировала изучение места и функций социальной идентичности, которая является, во-первых, своеобразным стимулирующим фактором в процессах воспроизводства социальных групп и поддержания их целостности, во-вторых, причиной формирования новых социальных общностей. Иными словами, активизация самой социальной идентичности и разных ее типов обусловлена социально-экономическими, политическими преобразованиями российского общества, которые привели к коренным изменениям не только внешних, но и внутренних признаков индивида.

Анализ существующих в современной отечественной и западной науке подходов и понимания содержания этнической идентичности показывает сложность ее структуры и типов. Поэтому изучение этничности и этнической идентичности, типов социальной идентичности, специфики их выражения были в поле зрения российских исследователей, в частности, Э. Александренкова [1], Л. М. Дробижевой [2], Э. Т. Майборода [3], С. В. Рыжовой [4], В. А. Тишкова [5], а также нашли отражение в коллективных монографиях [6, 7] и др.

Прежде чем перейти к анализу этнической идентичности дагестанской молодежи и индикаторов ее воспроизводства следует отметить, что «процесс демонтажа системы социализации советского общества постепенно привел к нивелированию советской идентичности... Основной удар пришелся на молодое поколение россиян... оказались в ситуации "идентификационного вакуума", когда советская идентичность их родителей и учителей была уже не актуальна, а новая российская идентичность еще не была разработана и предложена» [8, с. 137].

Что такое этническая идентичность? Г. У. Солдатов определяет этническую идентичность «как разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп» [9, с. 296]. Исследователи выделяют 7 типов этнической идентичности: 1. нормальная; 2. этноцентричная; 3. этнодоминирующая; 4. этнический фаворитизм; 5. этническая индифферентность; 6. этнонигилизм; 7. амбивалентная [10, с. 130].

Методы исследования

Социологический опрос по изучению этнической идентичности дагестанской молодежи проведен в 2022 г. в гг. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Левашинском, районах Республики Дагестан. N=543. Распределение по национальной принадлежности: аварцы (24,9 %), даргинцы (18,6 %), кумыки (12,3 %), лакцы (10,5 %), лезгины (19,2 %), русские (5,7 %), чеченцы (4,7 %), другие (4,1 %); по образованию: среднее (29,8 %), среднее специальное (37,8 %), высшее (32,4 %); по возрасту: 0–20 лет (36,4 %), 21–25 лет (22,7 %), 26–30 лет (20,8 %), 31–35 лет (20,1 %); по полу: мужчины (48,8 %), женщины (51,2 %).

Результаты исследования

Как же обстоит дело с этнической идентичностью дагестанской молодежи, какие индикаторы ее воспроизводства востребованы в их общественном сознании? С целью получения информации респондентам был задан вопрос «Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?», позволяющий установить национальные интеграторы.

Анализ эмпирического материала показывает превалирование с большим перевесом индикатора национальный язык, который отмечен подавляющей частью респондентов (65,7 %). По сравнению с другими этническими подгруппами, для опрошенных русских важность данного параметра существенно ниже (18,2 %) и он уступает место национальным традициям (54,5 %).

Второе ранговое место по всему массиву занимает идентификатор «национальные традиции и обычаи» (53,6 %) и подчеркивающих его в этническом разрезе, в сравнении, больше среди лезгин (65,6 %), лакцев (56,3 %), русских (54,5 %) и даргинцев (51,4 %), в возрастных интервалах 0–20 лет (54,4 %) и 31–35 лет (73,4 %), а также имеющих высшее образование (62,3 %).

Тройку ключевых маркеров воспроизводства этнической идентичности замыкает религия (41,2 %), приоритетность вероучения как этноопределителя обозначена аварцами (54,5 %) и чеченцами (57,6 %), возрастными подгруппами до 31 года (одна треть) и 40,6 % респондентов со средним образованием.

Обозначение религиозного компонента как одного из важнейших интеграторов воспроизводства этнической идентичности свидетельствует, во-первых, о значимости данного элемента в идентификационном процессе, во-вторых, о наличии в общественном сознании дагестанской молодежи установки отождествления вероисповедания и этничности.

Следует отметить, что в массовом сознании не только молодого поколения, но и всего дагестанского населения важное место занимает этноконфессиональная идентичность, то есть рассмотрение религиозной и национальной принадлежности как составных частей идентификационного процесса. По мнению автора, усилению позиций религии способствовала и способствует активная религиозная деятельность не только в нашей республике, но и в российском обществе, в целом.

Следующим этнообъединяющим параметром для 26,6 % опрошенной дагестанской молодежи является совместная жизнь на определенной территории и здесь можно выделить чеченцев (39,4 %), возрастную когорту 21–25 лет (32,7 %) и имеющих высшее образование (32,2 %). Далее 23,9 % респондентов подчеркивают важность исторического компонента в идентификационном процессе и указывающих на него больше среди представителей русского (45,6 %) и чеченского (45,5 %), лезгинского (33,3 %) и лакского (34,4 %) народов. С возрастом и образованием респондентов увеличивается массив разделяющих данную позицию – с 21,0 % в разрезе 20 лет включительно до 31,3 % в когорте 31–35 лет, с 19,2 % со средним специальным образованием до 33,6 % с высшим образованием.

Варианты ответов «национальная литература, творчество, музыка», «общность характера, схожесть поведения», «историческая территория моего народа» имеют относительно слабые позиции в сравнении с другими индикаторами – 17,3 %, 15,1 %, 14,1 %, соответственно, что, однако, ни в коей мере не снижает их востребованность в массовом сознании опрошенных.

Таким образом, важнейшими этнообъединяющими признаками для дагестанской молодежи выступают национальный язык, элементы этнокультуры и вероисповедание, хотя иные маркеры также имеют определенный вес в воспроизводстве этнической идентичности; значимость каждого интегратора зависит от возраста и уровня образования респондентов: так, маркер религия обозначен более молодыми возрастными подгруппами и имеющими низкий образовательный уровень.

Противоположная картина наблюдается в отношении других параметров, например, при оценке исторического наследия активную позицию демонстрируют представители старшего поколения и имеющие высокий образовательный статус. Иными словами, можно утверждать, что приоритетность каждого из признаков зависит от уровня образования и возраста опрошенной дагестанской молодежи. В этой связи можно согласиться с утверждением В. Д. Попкова, что «постперестроечное поколение молодых людей постепенно оказалось оторванным от культурных основ, определявших поведенческие образцы и ценностную систему предыдущего поколения.

Это привело к тому, что трактовка культурных символов, "героев", равно как и исторических событий и персонажей, для нового поколения и поколения "отцов" могут не только существенно различаться, но и вообще иметь разную природу, что особенно заметно на примере актуальных образовательных моделей, транслирующих идеологию внутреннего системного противоречия. В итоге старшему поколению приходится иметь дело с целым рядом несовпадающих культурных "героев" и символов, формирующих различное восприятие ряда событий российской истории и предписывающих реципиентам взаимоисключающий образ мыслей и образцы поведения. Это постепенно приводит к кризису формирования культурных основ идентичности молодого поколения россиян» [11, с. 138].

Установление маркеров самоидентификации закономерно ставит вопрос не только о значимости вышеперечисленных признаков, но и степени осознания человеком собственной этнической принадлежности, что актуализирует выявление смысла суждения «быть представителем своего народа – это...».

Полученный на вопрос «Что для Вас значит быть представителем своего народа?» материал показывает, что самоидентификация опрошенных с представителями своей этнической группы подразумевает знание и следование этнокультуре (40,0 %), в национальном разрезе суждение разделяют 47,0 % аварцев, 40,6 % лакцев и 45,5 % чеченцев, одна треть из подмассивов кумыков, даргинцев и лезгин. С заметным разрывом второе ранговое место занимает необходимость владения национальным языком (25,2 %) и по этнической принадлежности его важность подчеркнута 31,2 % чеченцев, 27,1 % даргинцев, 28,0 % лезгин и 25,4 % кумыков; из общего массива выделяются представители лакского (9,4 %) и русского (9,1 %) народов не рассматривающих национальный язык как индикатор осознания этнического единства. Установки русских респондентов, вернее, незначимость владения родным языком, как параметра определения национальной принадлежности, имеет под собой основания: а) внутри российского социума угрозы для сохранения русского языка не существует, потому что в национальных административных образованиях он (русский язык) выполняет множество функций, ключевым является статус –язык межнациональной коммуникации; б) каждый дагестанский народ имеет свой национальный (родной) язык, следовательно, умение на нем говорить может выступить критерием единства с представителями своей этнической общности.

Кроме того, можно отметить последовательность опрошенной дагестанской русской молодежи: по результатам ответов на вопрос «Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?» было выявлено, что для опрошенных русских родной язык (здесь русский язык) не имеет большого значения в идентификационном процессе, а данные на вопрос «Что для Вас значит быть представителем своего народа?» подтверждают низкий статус родного (русского) языка для них (опрошенная русская молодежь Дагестана). При этом можно констатировать противоречивость в установках лакцев: одна вторая часть опрошенных из лакской подгруппы на второе место по значимости определила национальный язык как интегратор, при этом осознание своей национальной принадлежности они не связывают с этническим языком.

По сравнению с другими возрастными подгруппами, важность владения национальным языком подчеркнута возрастной когортой 21–25 лет (37,2 %), по уровню образования существенных отличий не выявлено. Далее, для 45,5 % русских, 33,3 % лезгин, 25,7 % даргинцев, 25,0 % лакцев и 23,7 % кумыков суть «быть представителем своего народа» заключается в единстве со своим народом и его национальной культурой. По социально-демографическим признакам данную позицию, в сравнении, разделяют подгруппы от 26 лет и выше (одна треть) и респонденты с высшим образованием (35,6 %). Далее, 12,8 % опрошенного молодого поколения дагестанцев обозначает важность защиты этнических интересов своего народа и здесь можно выделить чеченский (21,2 %) и русский (18,2 %) подмассивы, а также возрастной разрез 26–30 лет (16,3 %), для которых актуально отстаивание национальных прав и потребностей своего национального образования.

Заключение. Таким образом, анализ эмпирического материала показывает, что для опрошенной дагестанской молодежи ключевыми идентификаторами воспроизводства этнической идентичности являются 3 маркера – национальный язык, национальные традиции и обычаи, религия, хотя и остальные признаки не менее востребованы в их общественном сознании, однако сравнительный анализ констатирует разный уровень приоритетности каждого из параметров.

Контрольный вопрос показывает, что при обозначении важности родного языка в процессе самоидентификации личности, его позиции несколько снижаются и доминантной, причем с большим перевесом, становится этнокультура и ее элементы. Кроме того, четко вырисовывается отличие в установках русского населения, с одной стороны, и дагестанских народов, с другой. Чем обусловлена такая позиция? По мнению автора, видимо, тем что для русского народа родным является русский язык, который еще и выполняет функцию языка межнационального общения, в отличие от русских, дагестанские народы изначально билингвальны, то есть владеют языком своей этнической общности, наряду с ним и русским языком, что позволяет им, во-первых, разграничить оба языка, во-вторых, обозначить значение и роль каждого из них в своей жизни.

Список источников

1. Александренков Э. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 135–147.
2. Дробижева Л. М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 78–84.
3. Майборода Э. Т. Этническая идентичность в концепции коллективных прав человека // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов н/Д, 2007. С. 147–162.
4. Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
5. Тишков В. А., Кисриев Э. Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96–115.
6. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.
7. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: [монография] / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.
8. Попков В. Д. Идентификационные ориентиры жителей центральных регионов России: случай Калужской области // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 18. № 3. С. 137–151.
9. Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. 382 с.
10. Коновалова А. В. Формы проявления этнической идентичности в полиэтничном социуме / Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. С. 119–131.
11. Попков В. Д. Идентификационные ориентиры жителей центральных регионов России: случай Калужской области // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 18. № 3. С. 137–151.

References

1. Alexandrenkov E. "Ethnic self-consciousness" or "ethnic identity". *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review*. 1996;(3):135–147. (In Russ.)
2. Drobizheva L. M. Russian identity: Integration factors and development problems. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2013;(1):78–84. (In Russ.)
3. Mayboroda E. T. Ethnic identity in the concept of collective human rights. In: *Vector of identity in the post-Soviet space*. Rostov-on-Don; 2007:147–162. (In Russ.)
4. Ryzhova S. V. *Ethnic identity in the context of tolerance*. Moscow: Alfa-M; 2011. 280 p. (In Russ.)
5. Tishkov V. A., Kisriev E. F. Multiple identities between theory and politics (the example of Dagestan). *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review*. 2007;(5):96–115. (In Russ.)
6. *Interethnic harmony as a resource for the consolidation of Russian society*. L. M. Drobizheva (ed.). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2016. 400 p. (In Russ.)

7. *Interethnic harmony in the all-Russian and regional dimension. Sociocultural and religious contexts*. L. M. Drobizheva (ed.). Moscow: FNISTC RAS; 2018. 552 p.
8. Popkov V. D. Identification landmarks of residents of the central regions of Russia: the case of the Kaluga region. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013;18(3):137–151. (In Russ.)
9. Drobizheva L. M., Aklaev A. R., Koroteeva V. V., Soldatova G. U. *Democracy and images of nationalism in the Russian Federation of the 90s*. Moscow: Mysl, 1996. 382 p. (In Russ.)
10. Konovalova A. V. Forms of manifestation of ethnic identity in a multiethnic society. In: *Vector of identity in the post-Soviet space*. Rostov-on-Don: Publishing House of the UNC RAS; 2007:119–131. (In Russ.)
11. Popkov V. D. Identification landmarks of residents of the central regions of Russia: the case of the Kaluga region. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013;18(3):137–151. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахбанова – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.

Information about the author

M. M. Shakhbanova – Doctor of Sociology, Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Division of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 25.04.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 25.04.2023.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 288–294
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):288–294

Young scientists

Original article

RESEARCH ON MANAGEMENT OF THE E-COMMERCE DEVELOPMENT IN RURAL AREAS OF CHINA: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Zhang Chong

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 1043168992@qq.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6065-2786>

Abstract. This paper is the second part of the survey¹. In recent years, e-commerce in rural areas of China has been developing rapidly, which has an impact on regional development. The article explores and analyzes the issues of e-commerce management in rural areas of China. It has previously been identified that this area has problems such as backward infrastructure, an imperfect system of agricultural supply chains, and unbalanced regional development of e-commerce and conditions for its conduct. The article proposes solutions aimed at improving the management of e-commerce development in rural China. The author recommends: a) setting a management priority for reducing the rural e-commerce gap in various regions of China; b) develop a model of rural e-commerce and implement a general optimization scheme for the development of rural e-commerce in the country; c) organize the process of transferring experience and professional knowledge from regions with high development of e-commerce to regions with its weak use. The key management solutions for the development of rural e-commerce in China are: strengthening infrastructure; optimization of the agricultural supply chain system; improving standardization and branding of rural e-commerce goods; balancing regional differences in rural e-commerce development.

Keywords: rural e-commerce management, rural revitalization, supply chain system, regional differences in rural e-commerce, rural e-commerce gap, standardization and branding, model of rural e-commerce

For citation: Zhang Chong. Research on management of the e-commerce development in rural areas of China: problems and solutions. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):288–294*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-288-294>

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 338.24

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-288-294

ИССЛЕДОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ КИТАЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Чжан Чун

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 1043168992@qq.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6065-2786>

© Чжан Чун, 2023

¹ Part 2. Continuation of the article (part 1): Zhang Chong. Research on management of the e-commerce in rural areas of China: status and development conditions. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(1):271–278*. doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-271-278.

Аннотация. Данное исследование является продолжением статьи¹. В последние годы электронная коммерция в сельских районах Китая стремительно развивается, что оказывает влияние на региональное развитие. В статье исследуются и анализируются вопросы управления электронной коммерцией в сельских районах Китая. Ранее было выявлено, что в данной сфере существуют такие проблемы, как отсталая инфраструктура, несовершенная система цепочек поставок сельскохозяйственной продукции и несбалансированное региональное развитие электронной коммерции и условий для ее ведения. В статье предлагаются решения, направленные на совершенствование управления развитием электронной коммерции в сельской местности Китая. Автор рекомендует: а) установить управленческий приоритет сокращения разрыва в развитии сельской электронной торговли в различных регионах Китая; б) разработать модель сельской электронной торговли и реализовать общую оптимизационную схему развития сельской электронной коммерции в стране; в) организовать процесс передачи опыта и профессиональных знаний от районов с высоким развитием электронной коммерции в районы с ее слабым использованием. Ключевыми управленческими решениями развития сельской электронной коммерции в Китае выступают: укрепление инфраструктуры; оптимизация системы цепочек поставок сельскохозяйственной продукции; улучшение стандартизации и брендинга товаров сельской электронной коммерции; сбалансированность региональных различий в развитии электронной коммерции в сельской местности.

Ключевые слова: управление электронной торговлей в сельской местности, возрождение сельской местности, система цепочек поставок, региональные различия в электронной торговле в сельской местности, разрыв в электронной торговле в сельской местности, стандартизация и брендинг, модель электронной торговли в сельской местности

Для цитирования: Чжан Чун. Исследование управления развитием электронной коммерции в сельских районах Китая: проблемы и решения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 288–294. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-288-294>

1. Introduction

At present, e-commerce has become an important component of digital economy in China, and an important driving force for integrated development between real economy and digital economy. Under the background of rural revitalization, the development of Chinese rural e-commerce is in a period of rapid expansion. The existing rural market needs to be further developed, the scale of rural e-commerce market will further increase, and its contribution to rural economic development will continue to rise. Therefore, it has important and realistic significance to carry out the research on the of rural e-commerce problems and its management and solutions. Part 1 of current research, indicated above, has identified the key problems of the Chinese rural e-commerce. This article put forward effective countermeasures and suggestions in order to improve management of the e-commerce development.

2. Problems existing in the rural e-commerce development

2.1 Rural infrastructure is relatively backward compared to developed areas

Based on the geographical expanse reasons and dispersal of population in China, transportation in some rural areas is backward and logistics network is undeveloped. Although the distribution scope of most logistics companies has been extended to remote rural areas, but the logistics cost is high, remote areas such as Qinghai, Xizang Mongolia and Gansu cannot deliver or with higher cost.

The new infrastructure of rural e-commerce includes classification, sorting and processing equipment, cold chain logistics warehouse, etc. Agricultural products, especially fresh agricultural products, are restricted by backward storage, fresh-keeping, cold chain logistics and other special infrastructure. The cold chain circulation rate of fruits and vegetables, meat and aquatic products in China is only 22 %, 34 % and 41 % respectively, while in European and American countries it is more than 95 % and meat is 100% [1].

¹ Часть 2. Продолжение статьи (часть 1): Чжан Чун. Исследование управления электронной коммерцией в сельских районах Китая: состояние и условия развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 271–278. doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-1-271-278

In recent years, the digital level of rural industry has been improved, but overall, the development has just begun, and the construction of agricultural product terminal service platform and rural big data resources system has just begun. As early as the 1980s, the United States applied information technology to agricultural production on a large scale and realized a high degree of urban-rural integration. For example, in September 2000, the United States Council of Agriculture allocated 1,4 billion US dollars for agricultural information network research and development. So far, nearly 2,0K agricultural information networks have been developed and more than 400 electronic agricultural databases have been established [2]. The Finnish government put forward the "Digital Countryside" project in 2007, aiming to promote the rural economy transition from traditional agricultural economy to low-carbon circular economy, and established a new form of urban-rural connection and value chain [3].

The Chinese government's document on promoting rural digitalization the Digital Agriculture and Rural Development Plan (2019-2025) was released in 2019 [4], the construction of basic data resource system for agriculture and rural areas in China needs time to develop. At present, although China has established a relatively sound financial service system, the supply gap of Chinese rural finance is relatively large, and the service efficiency is low. According to the Chinese Academy of Social Sciences, the gap in finance for agriculture, rural areas and farmers in China is 3,05 trillion yuan. Rural finance is still the weakest link in the whole financial system [5].

When applying for loans from financial institutions, there are strict standards and conditions. Due to the limitations of their own conditions, the participants of rural e-commerce, such as farmers and platforms, are difficult to obtain investment and support from financial institutions, and it is difficult to make mortgage and loan in financial institutions, so rural e-commerce cannot get reliable financial support.

2.2. The e-commerce of agricultural products needs further development

At present, China's rural e-commerce mainly includes two parts: the sales of industrial products in rural areas and the worldwide sales of agricultural products. The sale of agricultural products plays an important role in rural e-commerce, and doing a good job in the production and sale of agricultural products is a key link to ensure the development of rural e-commerce. However, the online retail sales of agricultural products are far lower than the rural online retail sales, hovering at 200 billion yuan, and the gap between the online retail sales in rural areas and the online retail sales of agricultural products is increasing year by year. According to the data, shown as Figure 1, the e-commerce of agricultural products needs to be further developed.

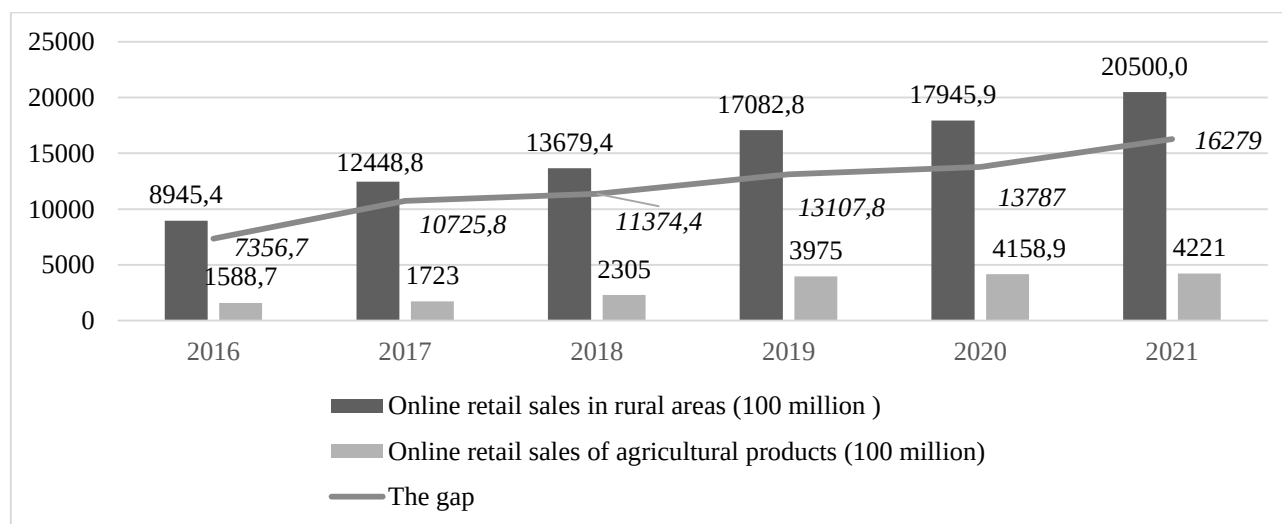


Fig. 1. The gap between online retail sales in rural areas and online retail sales of agricultural products¹

¹ Developed by the author.

One of the reasons restricting the e-commerce of agricultural products development is that the undeveloped supply chain system of agricultural products. According to the research of Liu and Zhang (2022), the key to the stable operation of the agricultural products e-commerce supply chain is to establish long-term stable cooperative partnership [6]. However, there are some problems in China's agricultural product supply chain, such as information asymmetry, poor stability of all links, low level of product standardization and immature development of cold chain logistics network.

The other reason is that the branding level of rural e-commerce is low. China's agriculture is dominated by single farmers, agricultural production is highly dispersed, production and management of the organization degree is low, resulting in a low degree of standardization of agricultural products, quality control is difficult. Some local governments hope to form brand effect and increase the added value of products by building regional public brands [7]. However, the operation and management ability of regional public brand is not strong, the effectiveness of regional public brand cannot be well played, the brand value and influence is low, and the trust of consumers is not obtained. The difficulties of regional public brand operation lie in few aspects. First, the product standardization system is not sound. Second, the brand protection is insufficient, lack of means to deal with counterfeit products infringement.

2.3. Regional development of rural e-commerce is unbalanced

By region, the regional development of China's rural e-commerce is showing a strong to weak trend, from east, middle, west to northeast. According to the data of 2021, the eastern region's rural online retail sales accounted for 78,7 % of the country's rural online retail sales, the online retail sales of agricultural products in the eastern region accounted for 64,7 % of the national online retail sales of agricultural products. However, the proportion of the middle, west to northeast region is smaller compared with the east region [8].

By province, in 2021, rural e-commerce network retail sales in the top 10 provinces, eastern regions accounted for six, respectively Zhejiang, Jiangsu, Fujian, Hebei, Shandong, Guangdong. Among the top 10 provinces in terms of online retail sales of agricultural products, 7 are in eastern China, which are Guangdong, Zhejiang, Shanghai, Beijing, Shandong, Fujian and Jiangsu [8]. In China, the level of rural e-commerce development, the southeast coast is superior to the central, western, and northeastern regions, and the Beijing-Tianjin-Hebei, Yangtze River Delta and Pearl River Delta clusters are better than other regions [9].

3. Solutions

3.1. To improve the infrastructure construction of rural e-commerce

First, by increasing infrastructure investment, China can drive the improvement of logistics, transportation, communication, and network infrastructure in rural areas, and provide hardware support for the development of rural e-commerce. For example, investment in roads, distribution centers of producing areas, cold chain logistics system and logistics centers should be strengthened to improve the efficiency of the entire production and circulation of agricultural products. Logistics infrastructure construction mostly belongs to public facilities, which cost a lot of money, and needs the support of the government in terms of policies, funds, and other aspects.

Second, China needs to push forward the construction of new infrastructure represented by 5G network, Internet of things, big data centers and artificial intelligence, and develop smart agriculture. The German government proposes to use digital technologies such as big data, Internet of Things and blockchain to promote the transformation and upgrading of agricultural industrial chain. German telecom, software provider SAP, German agricultural machinery manufacturer CLAAS and other enterprises cooperate to develop intelligent agricultural solutions, providing intelligent agricultural machinery, intelligent planting, intelligent irrigation, precision feeding, environmental perception, market consulting services [10]. This is something China can learn from.

Last but not the least, China should develop inclusive finance in rural areas to provide necessary financial guarantee for the expansion of agricultural reproduction, agricultural product processing industry and farmers' consumption, and create a better market environment for rural e-commerce. First, the government must promote the construction of a diversified rural inclusive financial system, including commercial

finance, cooperative finance, and policy-based finance. For poor and remote rural areas, financial outlets should be added according to the actual situation to provide more efficient and convenient financial services for rural residents. Second, financial institutions should improve the product system of inclusive finance in rural areas, combine the development characteristics and actual conditions of rural areas, so that more farmers can enjoy insurance, credit and other financial products and services that meet their own needs. Third, there is a need to improve the financial risk compensation mechanism. This mechanism should establish a sound financial risk compensation mechanism and dispersion mechanism involving the government, banks, insurance institutions, borrowers, and other parties.

3.2. Supply chain system for agricultural products should be rebuild

Traditional e-commerce platforms represented by Alibaba and JD.com sell agricultural products by search sales mode. However, due to the low level of e-commerce in rural areas, the poor packaging and other factors, the effect is not as expected. Many small-scale farmers must face many consumers and their agricultural products cannot be sold due to information asymmetry.

At present, some leading e-commerce enterprises in China have begun to transform the supply chain of agricultural products. For example, the new e-commerce enterprises represented by Pinduoduo have created the ultra-short supply chain model of "farmers + distributors + consumers", as shown in Figure 2.

In the new supply chain system, e-commerce platforms directly participate in the production of farmers and actively integrate production, grading, processing, and other supply links. Through picking directly from the source, grading and packaging, the e-commerce platform sells agricultural products to consumers directly. At the same time, through the digitalization of the whole process, the e-commerce platform guides the production and research of farmers and builds a low-cost and efficient logistics network to help farmers reduce costs [11].

The re-shaped supply chain model of agricultural products can not only make the products reach consumers at a faster speed, ensure the freshness of products, but also make more profits stay in the hands of farmers, make the production and processing of agricultural products according to sales to avoid unsalable.

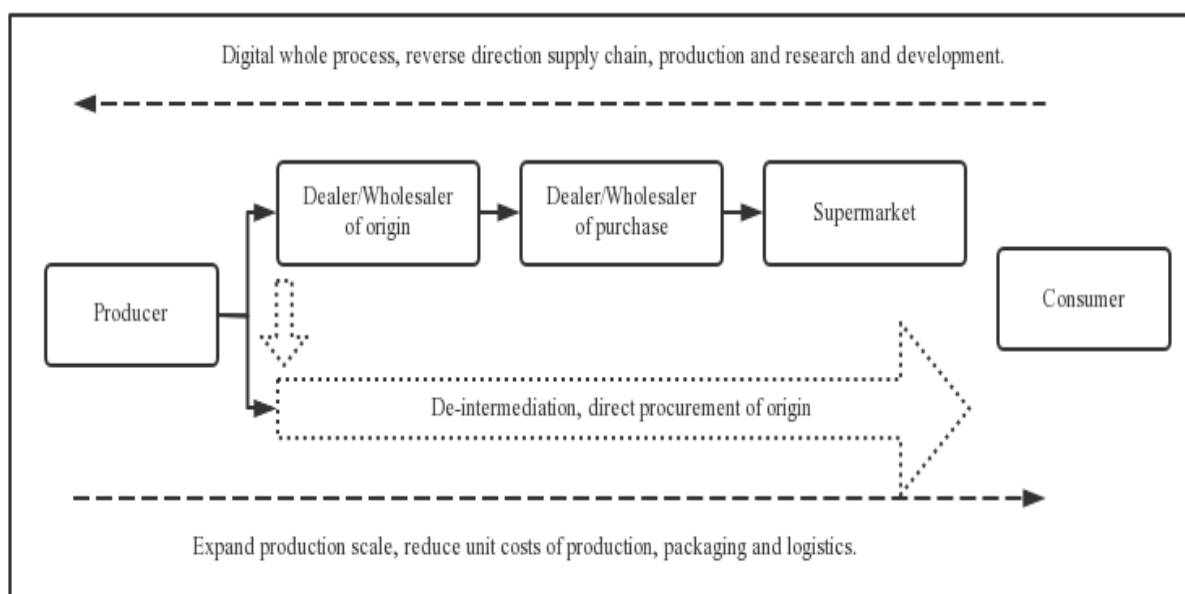


Fig. 2 The re-shaped map of rural supply chain¹

¹ Developed by the author based on Citic Securities Research Institute [12].

3.3. To improve the standardization and branding of rural e-commerce

To construct the brand system of agricultural products, it should start from strengthening people's brand awareness, and cultivate new brands by integrating the existing local brands, to form a batch of featured agricultural products brands with reliable quality and great influence. Second, to establish and improve the brand development mechanism, the government needs to form a sound brand cultivation, certification, supervision, and protection mechanism from the aspects of patent application, certification progress, patent protection, etc. Third, it is to improve the local brand marketing ability, innovate brand marketing methods and channels, and enhance the regional and national influence of agricultural products brands.

Because of China's targeted poverty alleviation and rural revitalization policies, government agencies in many regions will help local agricultural products, such as Yunnan rose, Ningxia wolfberry, Tibet saffron and so on, establish regional public brands.

To improve the operation ability of regional public brands, the government, agricultural products association, agricultural cooperative organizations, and other operating bodies can start from three aspects. First, establish a strict standardization system, formulate standards for network products, so that agricultural products become qualified network products. Second, develop a unified, Internet style packaging, and require all producers to use. Third, strengthen brand protection and formulate strategies to deal with counterfeit products.

3.4. To balance the regional differences in rural e-commerce

For the overall development of the domestic economy, China must optimize the layout to reduce the development gap of rural e-commerce in other areas.

First, for the eastern rural areas with good development of e-commerce, they should actively impart experience and relevant professional knowledge to the areas with poor development.

Second, poorly developed areas should combine the local actual situation and regional characteristics, find out the development direction of rural e-commerce and develop a distinctive rural e-commerce model, to continuously narrow the development gap of rural e-commerce in various regions and realize the overall optimization of the development layout of rural e-commerce in the country.

For example, the western region of China can create a rural e-commerce development model with characteristics and ecological rural economy, with a unique alpine crop as the main e-commerce products; the central and northeast regions can build a rural e-commerce development model based on traditional rural economy, with cash crops as the main e-commerce products.

4. Conclusion

For the development of rural e-commerce in China, this article analyzes the problems and puts forward four measures: strengthen the infrastructure; reshape the supply chain system of agricultural products; improve the standardization and branding of rural e-commerce; and balance the regional differences in the development of rural e-commerce, to provide support for the better development of e-commerce in rural areas.

In terms of improving the infrastructure construction of rural e-commerce, the author proposes that the government should support the construction of rural roads and logistics in terms of policies and funds; promote rural digitization construction by learn from German experience; develop inclusive finance in rural areas and solve the financing problem of rural e-commerce. In terms of re-building the e-commerce supply chain of agricultural products, the author takes the leading e-commerce platform as an example and put forward the ultra-short supply chain model of "farmers + distributors + consumers".

The author tries to improve the brand level of rural e-commerce in three aspects: building the brand system of agricultural products, establishing, and perfecting the brand development mechanism and improving the marketing ability of local brands. At the same time, the article puts forward solutions to the problems of regional public brands in rural e-commerce areas in China.

Finally, in view of the imbalance of regional development of rural e-commerce in China, the author puts forward two suggestions, that is, the developed regions to impart experience and funds to the less developed regions to help the less developed regions; considering the local conditions and regional characteristics, the less developed areas make full use of national policies and the experience of the developed areas for sustainable development.

References

1. Sodhi M M S, Tang C S. Supply chain management for extreme conditions: research opportunities. *Journal of Supply Chain Management*. 2021; 57(1): 7-16.
2. Mironkina A, Kharitonov S, Kuchumov A, et al. Digital technologies for efficient farming. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. IOP Publishing. 2020; 578(1): 012017.
3. Park C, Cha J. A trend on smart village and implementation of smart village platform. *International journal of advanced smart convergence*. 2019; 8(3): 177-183.
4. Ministry of Agriculture and Rural Affairs & Cyberspace Affairs Commission of the CPC Central Committee. Digital Agriculture and Rural Development Plan (2019-2025) [Electronic resource]. Available from: http://www.moa.gov.cn/xw /zwdt/202001/t20200120_6336380.htm [Accessed 20 January 2020].
5. China Federation of Logistics and Purchasing official website, the financial gap is huge, 200 million small farmers call for agricultural finance [Electronic resource]. Available from: <http://jrfh.chinawuliu.com.cn/xydt/202204/11/575033.shtml> [Accessed 11 November 2022].
6. Liu N N, Zhang F W. Reverse integration and optimization of omni-channel supply chain of agricultural e-commerce. *Business Economics Research*. 2022; (22):153-156.
7. Lin Y Q. Reflections on the construction of rural e-commerce regional public brand – A case study of "My Yuli" in Youxi County. *Modern Economic Information*. 2019; (14):335-337.
8. China Ministry of Commerce. China E-commerce Report (2020) [Electronic resource]. Available from: <https:// dzswgf.mofcom. gov.cn/ news/5/2021/9/16316980 18580.html> [Accessed 15 September 2021].
9. Li J. A study on the unbalanced development and rebalancing of rural e-commerce from a spatial perspective, taking three northeastern provinces as examples. *Study of commercial economy*. 2022; (04): 142-145.
10. Knierim A, Kernecker M, Erdle K, et al. Smart farming technology innovations–Insights and reflections from the German Smart-AKIS hub. *NJAS-Wageningen Journal of Life Sciences*. 2019; 90: 100314.
11. Huang W, Qiu X. L. Tripartite evolution game analysis based on fresh agricultural product supply chain. *Journal of Chongqing Technology and Business University: Natural Science Edition*. 2022; 39(6):40-47.
12. Citic Securities Research Institute. <http://www.cs.ecitic.com/newsite/>

Информация об авторе

Чжан Чун – аспирант факультета управления ЮФУ.

Information about the author

Zhang Chong – Postgraduate Student of the Faculty of Management of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.05.2023; одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 02.06.2023.

The article was submitted 19.05.2023; approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 02.06.2023.

Научная статья

УДК 336

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-295-302

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ КРАТКОСРОЧНЫМИ СТАВКАМИ ДЕНЕЖНОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОГО ПРОФИЦИТА ЛИКВИДНОСТИ НА РЫНКЕ МЕЖБАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Чермен Асланбекович Гогичаев¹, Борис Мусаевич Чилиев²

¹Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, Gogichaev.ch@gmail.com

²Российский государственный университет правосудия при Верховном Суде Российской Федерации,
Москва, Россия, Boris_chiliev@mail.ru

Аннотация. Управление краткосрочными процентными ставками денежного рынка в рамках некоторого процентного коридора, а именно обеспечение соответствия их значений уровню ключевой процентной ставки, представляет собой одну из операционных целей центрального банка. Достижение данной цели обеспечивается за счет использования инструментов денежно-кредитной политики, которые предоставляют и абсорбируют ликвидность с рынка межбанковского кредитования. Традиционно незначительный дефицит резервной ликвидности позволяет сохранять контроль над ставками денежного рынка. В период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. центральные банки развитых стран были вынуждены перейти к реализации нетрадиционной денежно-кредитной политики, что стало следствием беспрецедентного роста предложения избыточных резервов и расширения балансов регуляторов. В данной работе на примере опыта Федеральной резервной системы рассматривается то, как определенная выше операционная цель денежно-кредитной политики достигается в условиях устойчивого значительного структурного профицита ликвидности на рынке резервных денег.

Ключевые слова: избыточные резервы, обязательные резервы, рынок межбанковского кредитования, денежно-кредитная политика, выплата дохода по резервным средствам, инструменты

Для цитирования: Гогичаев Ч. А., Чилиев Б. М. Особенности управления краткосрочными ставками денежного рынка в условиях устойчивого профицита ликвидности на рынке межбанковского кредитования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 295–302. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-295-302>

Young scientists

Original article

PECULIARITIES OF MANAGING SHORT-TERM MONEY MARKET RATES UNDER CONDITIONS OF STABLE LIQUIDITY SURPLUS IN THE INTERBANK LENDING MARKET

Chermen A. Gogichaev¹, Boris M. Chiliev²

¹Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia, Gogichaev.ch@gmail.com

²Russian State University of Justice at the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russia,
Boris_chiliev@mail.ru

Abstract. One of the central bank's operative objectives is control of short-term interest rates. It means that monetary authority maintains short-term interest rates within a specified corridor and provides their conformity to the policy rate level. Monetary policy tools, which provide liquidity and absorb it from the interbank lending market, insure effective interest rate steering policy. In conventional times central banks implement their monetary policy in case of insignificant deficit of reserve money preserving

control over money market interest rates. After the Great Recession central banks of developed countries had to bring tools of unconventional monetary policy in operation, what resulted in unprecedented growth of supply of excess reserves and expansion of central banks' balance sheets. Basing on experience of Federal Reserve System this article covers the issue of short-term interest rates steering within the scope of significant sustainable structural liquidity surplus on reserve money market.

Keywords: excess reserves, mandatory reserves, interbank lending market, monetary policy, interest rate paid on reserve balances, tools

For citation: Gogichaev Ch. A., Chiliev B. M. Peculiarities of managing short-term money market rates under conditions of stable liquidity surplus in the interbank lending market. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2023;(2):295–302. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-295-302>

В период после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. центральные банки развитых стран расширили способы реализации денежно-кредитной политики за счет использования нетрадиционных инструментов монетарного стимулирования. Политика количественного смягчения, состоящая из программы крупномасштабных покупок активов в сочетании с нетрадиционными сигнальными мерами, а также реализация политики отрицательных процентных ставок, были призваны оказать воздействия на доходности долгосрочных активов, спреда между доходностями различных ценных бумаг, а следовательно и на их цены. Если подобное воздействие возможно, то сокращается стоимость заимствования на финансовом рынке а затем и в экономике в целом, вдобавок рост цен активов не только воздействует на общий уровень цен в экономике, но и в сочетании со снижением долгосрочных процентных ставок стимулирует эмиссионную активность на финансовом рынке.

С точки зрения целей данной работы, вопрос об эффективности вышеописанных инструментов нетрадиционной денежно-кредитной политики не является значимым. Однако важны внешние эффекты, связанные с их использованием, в частности, эффект расширения баланса центрального банка в условиях реализации программы количественного смягчения. Более того, нетрадиционные меры монетарного стимулирования способны вызывать эффект богатства, а также значительные положительные фискальные экстерналии в виде снижения стоимости обслуживания государственного долга либо сеньоража. С точки зрения операционной цели центрального банка, то есть контроля над краткосрочными процентными ставками, следует сосредоточиться на эффекте расширения баланса.

Практика управления ставками денежного рынка

В рамках программы крупномасштабной покупки активов центральные банки развитых стран приобретали разные виды ценных бумаг (в основном государственные облигации и ипотечные ценные бумаги), что привело к беспрецедентному росту их балансов, поскольку операции покупки сопровождались созданием чрезмерной массы избыточных резервов, что обостряет проблемы связанные с достижением главной операционной цели регулятора – обеспечение полного контроля над резервными деньгами.

Если предположить, что вышеописанный эффект расширения баланса не стерилизуется центральным банком, то можно ожидать что устойчивый профицит ликвидности на рынке межбанковского кредита снизит краткосрочные процентные ставки до их нулевой границы когда издержки альтернативного использования имеющихся резервных денег станут равны нулю.

Для того чтобы сохранять контроль над ставками денежного рынка центральный банк использует инструменты по абсорбированию излишней ликвидности с рынка межбанковского кредитования. Однако управление краткосрочными процентными ставками усложняется еще и тем, что необходимость использования нетрадиционных мер денежно-кредитной политики возникала в ситуации ликвидной ловушки, то есть в условиях, когда ключевая процентная ставка достигла своей нулевой границы. Когда ключевая ставка находится на нулевом уровне вышеописанные издержки исчезают, а спрос на резервы становится абсолютно эластичным.

Другими словами при данном уровне процентной ставки коммерческие банки инвариантны к тому какой объемом резервных денег находится у них на балансе. В то же время контроль над краткосрочными ставками не теряет свою значимость, поскольку с течением времени центральные банки стараются переходить к политике нормализации, то есть к традиционному способу осуществления денежно-кредитной политики. Более того, нулевой уровень ключевой процентной

ставки может и не быть ее нижней эффективной границей, что позволит центральному банку снизить ставку ниже ее нулевого уровня. В таком случае возникает вопрос, как заставить кредитные институты реализовывать накопленные резервные средства на межбанковском рынке и как обеспечить их равномерное распределение между всеми его участниками. Более того управляемость краткосрочными процентными ставками денежного рынка и их предсказуемость существенным образом способны воздействовать на неопределенность в отношении будущей динамики денежно-кредитной политики, а, следовательно, на эффективность нетрадиционных сигнальных мер. Действительно существуют исследования показывающие, что снижение данной неопределенности существенно усиливают эффекты программ покупки активов.

Заметим, что избыточная резервная масса не является некоей необходимостью, и центральный банк всегда имеет возможность стерилизовать накопленную массу денег повышенной силы. Создание значительной резервной массы может быть сопряжено со значительными выгодами и издержками. Так выплата дохода по избыточным резервам может увеличивать доходы коммерческих банков, что увеличивает их показатели достаточности собственных средств и позволяет наращивать предложение кредита. В то же время введение отрицательных процентных ставок способствует росту прибыльности центрального банка, доходы которого перечисляются в государственный бюджет. Таким образом сочетание данного инструмента денежно-кредитной политики с программой количественного смягчения может способствовать созданию сеньоража. Причем, как показывают современные исследования подобный эффект может быть значительным. Однако заметим что отрицательные процентные ставки могут также приводить к снижению прибыльности банков, что будет снижать кредитную активность в экономике. Необходимо также учитывать, что современная экономическая теория прямо указывает на то, что подобные резервы могут иметь непосредственный стимулирующий эффект посредством действия узкого кредитного канала трансмиссионного механизма, и эффекта денежного мультипликатора. В случае если центральный банк старается смягчить денежно-кредитные условия в ситуации ликвидной ловушки посредством описанного резкого и значительного роста предложения избыточных резервов принято говорить, что регулятор реализует программу чистого количественного смягчения (или балансовую политику).

Таким образом вопрос о необходимости стерилизации создаваемой резервной массы, в рамках крупномасштабных покупок активов, разрешается за счет сопоставления вышеописанных издержек. Оценки значимости тех или иных эффектов вызванных значительным предложением резервных денег выходит за рамки данной работы, однако важность контроля над краткосрочными процентными ставками сохраняется. Для того чтобы понять как обеспечить эффективное управление данными процентными ставками в условиях чрезмерного предложения избыточных резервов обратимся к опыту Федеральной резервной системы.

Эффективность в достижении операционной цели Федеральной резервной системы определяется тем, насколько фактическая ставка по федеральным фондам соответствует целевому значению или некоторому набору значений («коридору»). Для выполнения данной задачи регулятор использует в настоящее время четыре инструмента денежно-кредитной политики: 1) процентную ставку, выплачиваемую по резервным средствам (IORB), 2) механизм абсорбирования ликвидности в рамках операций по однодневным обратным РЕПО, а также предоставления – в рамках постоянно действующего механизма однодневных РЕПО; 3) дисконтное окно и 4) операции на открытом рынке.

Последний инструмент данного списка является первоочередным в использовании Центральным банком с целью предоставления необходимого количества резервных денег кредитным организациям. Другими словами, это те операции, которые регулятор проводит с целью удовлетворить спрос на ликвидность на межбанковском рынке. В рамках дисконтного окна устанавливается дисконтная ставка, которая в исторической ретроспективе была индикатором различных ситуаций на финансовом рынке.

Согласно концепции краткосрочных процентных ставок дисконтная ставка представляет потолок ставки по федеральным фондам. В то же время за последние пятьдесят лет она фактически представляла собой нижнюю границу ставки по федеральным фондам, что объясняется в первую очередь проблемой стигматизации данного инструмента [1]. В терминах экономической теории, предельные издержки потери репутации оказываются выше, если прибегать к привлечению

ликвидности в рамках дисконтного окна, что побуждает банки заимствовать по ставке выше дисконтной. Причем разница между этими двумя процентными ставками равна издержкам потери репутации.

Выплата процентного дохода по избыточным резервам призвана элиминировать описанные выше издержки альтернативного использования. В таком случае устанавливая ключевую процентную ставку (policy rate) на уровне процентного дохода выплачиваемого по избыточным резервам центральный банк может устанавливать нижнюю границу процентных ставок денежного рынка. IORB фактически является процентной ставкой, выплачиваемой по избыточным резервам (IOER), в условиях, когда норма обязательного резервирования равна нулю.

Федеральный законодательный акт по упрощению регулирования в сфере финансовых услуг, принятый в 2006 г.¹, предвосхищая возможную будущую динамику процентных ставок и усматривая в институте обязательного резервирования некий налог, ограничивающий потенциальные возможности кредитных институтов, уполномочил федеральные резервные банки выплачивать с 1 октября 2011 г. процентный доход некоторым из этих институтов по средствам располагающимся на их основных корреспондентских счетах (Master accounts). Фактическая дата реализации данной меры денежно-кредитного регулирования была перенесена на 1 октября 2008 г. в соответствии с законом «о чрезвычайных мерах стабилизации экономики» от 2008 г.²

В соответствии с принятым законом с 6 октября 2008 г. федеральные резервные банки выплачивали процентные платежи по всем средствам некоторых «приемлемых финансовых институтов» (eligible financial institutions), расположенным на корреспондентских счетах (Master accounts) кредитных организаций в данных банках. Причем, существовало две процентные ставки: IORR (interest on required reserves – процентная ставка, выплачиваемая по обязательным резервам) и IOER (interest on excess reserves – процентная ставка, выплачиваемая по избыточным резервам). Первая призвана компенсировать влияние скрытого налога, которым фактически являются обязательные резервы для коммерческих банков, так как подобное квазианалоговое бремя искажает поведение экономических агентов и приводит к неадекватному перераспределению ресурсов в экономике: «Требование хранить простаивающие и не приносящие процентный доход средства предъявляемое к депозитным институтам фактически представляет собой налогообложение этих организаций, причем размер этого налога равен процентному доходу, который бы принесли данные средства в отсутствии обязательных резервных требований. Этот упущенный процентный доход, или резервный «налог», прямым образом оказывает влияние исключительно на депозитную систему и лиц, прибегающих к ее использованию, не затрагивая другие части финансовой системы. Таким образом, он создает искусственный стимул для вкладчиков и заемщиков к тому, чтобы обходить данную систему, и, следовательно, может перенаправлять движение ссудного капитала в таком направлении, которое окажется неэффективным с точки зрения распределения ресурсов. В частности, искажая относительные цены транзакционных счетов (transaction accounts) в депозитных институтах, резервный налог может приводить к снижению объемов транзакционных услуг относительно того уровня, который был бы идеальным для функционирования экономики. Резервный налог также создает стимул для депозитных институтов расширять ресурсную базу с целью минимизировать обязательные резервы за счет формирования новых финансовых продуктов, используемых исключительно для транзакционных целей и не подлежащих обязательному резервированию» [2].

Очевидно, что подобный «налог», оказывает косвенное влияние на всех лиц, принимающих участие в кредитном процессе. Таким образом, издержки, связанные с подобным искажением деятельности депозитного (банковского) института, могут быть переложены на его клиентов, например, в форме более низких ставок по депозитам, а также высоких ставок по кредитам. Установление ставки IORR устраняло подобное искажение деятельности финансовых институтов,

¹ Public law 109-351 = Financial Services Regulatory Relief Act of 2006. – 109th Congress, 2006, October 13. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/109/plaws/publ351/PLAW-109publ351.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

² Public law 110-343 = Emergency Economic Stabilization Act of 2008. – 110th Congress, 2008, October 3. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/110/plaws/publ343/PLAW-110publ343.pdf> (дата обращения: 22.03.2023)

подлежащих обязательному резервированию части их активов, то есть данная мера не связана прямым образом с операционной целью Федеральной резервной системы.

Объясняя причины введения ставки IOER, Федеральный резервный банк Нью-Йорка в своем докладе «Federal Funds and Interest on Reserves», выпущенном в 2013 г., утверждает, что: «Выплата процентного дохода по ставке IOER снижает стимул депозитного института выдавать кредиты по ставке намного ниже IOER, что предоставляет Федеральному резерву дополнительный контроль над фактической ставкой по федеральным фондам». Совет управляющих Федеральной резервной системы (The Board of Governors of the Federal Reserve System) принял решение о снижении нормы обязательного резервирования до нулевого уровня, которое вступило в силу 26 марта 2020 г. Данное решение, по сути, устранило необходимость использования ставки IORR до тех пор, пока обязательное резервирование де факто не является инструментом денежно-кредитной политики. Все это привело к тому, что 29 июля 2021 г. вышеприведенные ставки были заменены на одну ставку IORB.

На рис. 1 показано, что несмотря на намерение регулятора установить нижнюю границу ставки по федеральным фондам на уровне IOER (позже IORB), фактически получилась обратная ситуация: начиная с даты введения ставки IOER, за исключением 2018 г., данная процентная ставка почти всегда превышала наблюдаемую ставку по федеральным фондам, создавая впечатление, будто IOER является максимальным желаемым уровнем ставки рефинансирования.

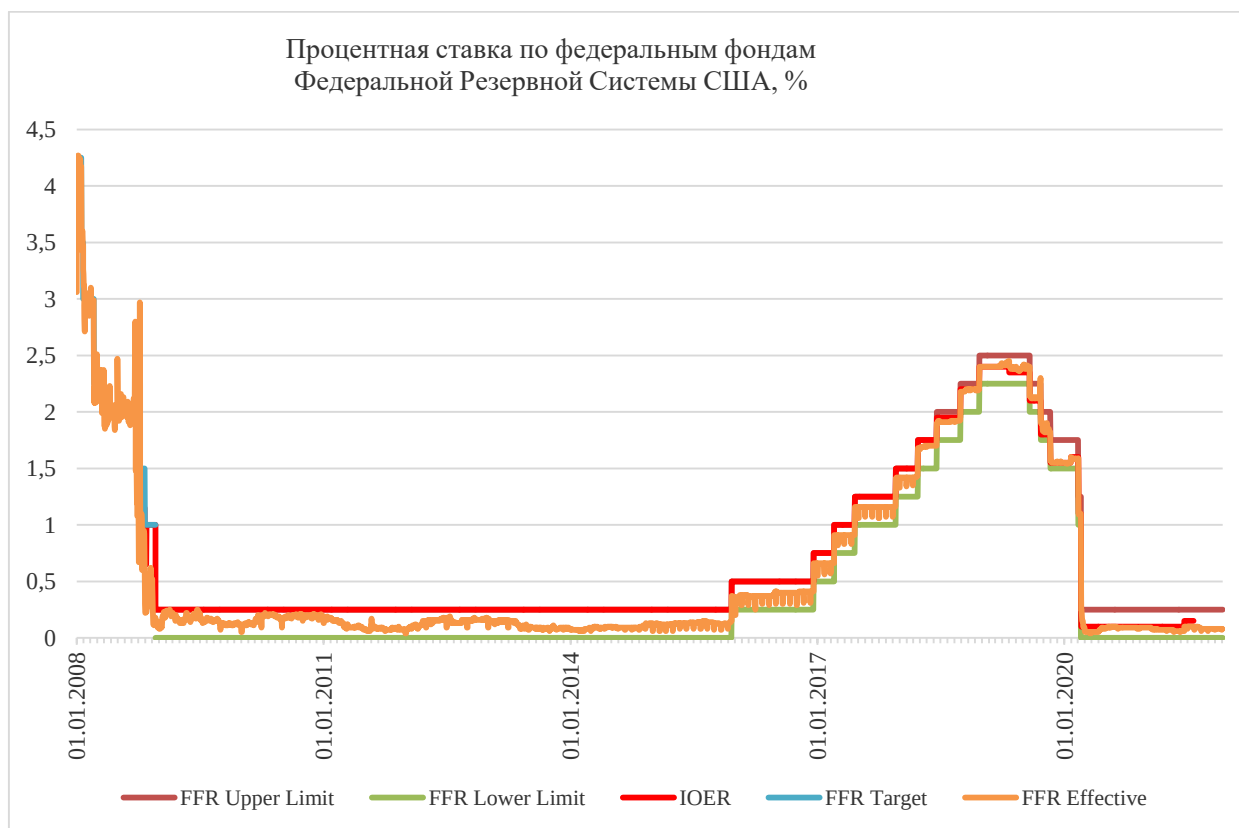


Рис. 1. Целевое значение процентной ставки по федеральным фондам, устанавливаемое Федеральной Резервной Системой США – FFR Target, фактическое значение процентной ставки по федеральным фондам – FFR Effective, верхняя – FFR Upper Limit – и нижняя – FFR Lower Limit – границы процентного коридора, а также процентная ставка по которой выплачивается доход по избыточным резервам – IOER (с 29 июля 2021 года IORB), рассчитанные на ежедневной основе в процентах.

Источник: составлено авторами на основе данных, полученных из <https://fred.stlouisfed.org/>

Fig. 1. The target value of the interest rate on federal funds set by the US Federal Reserve System is FFR Target, the actual value of the interest rate on federal funds is FFR Effective, the upper – FFR Upper Limit – and the lower – FFR Lower Limit – the boundaries of the interest corridor, as well as the interest rate at which income on excess reserves is paid – IOER (from July 29, 2021 IORB), calculated on a daily basis as a percentage.

Source: compiled by the authors based on data obtained from <https://fred.stlouisfed.org/>

В действительности подобный вывод не соответствует действительности, так как, во-первых, таргетируется не конкретное значение процентной ставки по федеральным фондам, а некоторый коридор значений, в рамках которого и устанавливается IOER. Причем, согласно вышеизложенному в условиях, когда объем избыточных резервов превышает равновесный уровень, фактическое значение ключевой ставки с течением времени стремится к значению процентной ставки, по которой производятся выплаты по резервным деньгам.

Таким образом, когда ФРС устанавливает IOER в границах процентного коридора, в рамках которого регулятор желает видеть ставку по федеральным фондам, он как раз и рассчитывает на то, что искомая ставка примет значение максимально близкое к значению IOER. Более того, до тех пор, пока резервы не превышают некоторый заданный уровень спрос на них абсолютно неэластичен, а, следовательно, банки будут привлекать эти средства при любом значении процентной ставки, в том числе и выходящей за рамки устанавливаемых регулятором границ. Для того, чтобы избежать подобного сценария (особенно принимая во внимание, что спрос на резервы обладает значительной волатильностью), ФРС постоянно проводит операции на открытом рынке, чтобы обеспечить достаточность резервов.

Во-вторых, следует учитывать тот факт, что не все финансовые институты, которые проводят операции с резервными деньгами, имеют право на получение процентного дохода по ним (например, Финансируемые государством предприятия – Government Sponsored Enterprises – не имеют право на получение процентного дохода по средствам, располагающимся на их основных корреспондентских счетах (master account) в Федеральной Резервной Системе), что существенно усложняет ситуацию по регулированию краткосрочных процентных ставок [1; 3]. Для решения данной проблемы Федеральный комитет по операциям на открытом рынке проводит операции в рамках механизма однодневных обратных РЕПО (Overnight Reverse Repurchase Agreement Facility). При проведении обратных РЕПО Федеральная резервная система продает ценные бумаги некоторым контрагентам, допущенным к подобным сделкам, и принимает на себя обязательство выкупить эти ценные бумаги по заранее оговоренной цене. По сути, это операции кредитования на условиях овернайт причем кредитором в данном случае выступает не Федеральный резервный банк, а финансовый институт, изначально приобретающий ценные бумаги.

Таким образом, процентный доход, который в данном случае приобретает кредитор является аналогом безрисковой ставки, которую имеют возможность получить финансовые институты, не получающие дохода в виде IOER. В результате на рынке межбанковского кредитования, или, говоря шире, резервных денег установилась ситуация, когда организации не имеющие возможности получать IOER предлагают свободные резервные средства по ставке не ниже, чем доходы получаемые от безрисковых сделок обратного РЕПО, а кредитные институты, подходящие под критерии получения IOER (или IORB) проводят по сути арбитражные сделки, привлекая денежные средства по ставке ON RRP, размещая их на своих корреспондентских счетах (Master account) и зарабатывают разницу между ставками IORB и ON RRP.

Несмотря на то, что возможность подобного арбитража существует на рынке, необходимо учитывать, что существует ряд факторов, ограничивающих подобные сделки. Кооператив из 11 финансируемых государством банков (Federal Home Loan Banks (FHLB)), оказывающих поддержку рынку ипотечного кредитования, и, по сути, представляющих собой GSE и не имеющие возможности получать доход по своим резервным деньгам в виде IOER накладывают ограничения на то, в каком объеме они кредитуют каждого конкретного контрагента [1]. Кроме того, проводя подобные арбитражные сделки, депозитные институты увеличивают собственные балансы, большой объем активов вынуждает производить большие объемы выплат согласно регуляторным требованиям Федеральной корпорации по страхованию вкладов. Расширение активной базы также приводит к неденежным расходам, связанным с нормативами достаточности капитала. Все эти факторы приводят к тому, что наблюдаемая ставка по федеральным фондам фактически колеблется в рамках коридора, ограниченного ставкой по операциям обратного РЕПО (ON RRP rate) и процентной ставкой, выплачиваемой по резервным средствам (IORB).

В-третьих, 2018 г. наглядно показал, что фактическая ставка по федеральным фондам – Federal Funds Effective Rate (FFER) – может превышать ставку, по которой производятся выплаты по резервным деньгам, что также объясняется теоретической логикой, приведенной выше.

Таким образом, для ставки по федеральным фондам в рамках таргетируемого коридора значений устанавливается «двойное дно», в котором происходит ее колебания в период достаточности резервов, однако не существует потолка процентной ставки в рамках данного коридора, а следовательно нестабильность спроса на резервные деньги может приводить к значительным эксцессам значений в некоторые периоды времени. Тем не менее, при риске несоответствия фактической ставки по федеральным фондам ее целевому значению Федеральный комитет по операциям на открытом рынке (FOMC) использует операции на открытом рынке в качестве инструмента, обеспечивающего достаточность резервных средств на рынке. Таким образом подобные операции могут устранять шоки предложения и спроса на рынке резервных денег, удерживая ключевую ставку в рамках таргетируемого коридора значений. Одним из инструментов, позволяющим контролировать верхнюю границу процентной ставки, помимо постоянно действующего дисконтного окна, стал так называемый постоянно действующий механизм РЕПО (domestic Standing Repurchase Agreement Facility) введенный в США июле 2021 г. в качестве сдерживающего фактора на денежном рынке. Этот механизм наряду с механизмом реализации обратных однодневных РЕПО, включается в группу операций на открытом рынке и определяет коридор колебания наблюдаемой ставки по федеральным фондам.

Итак, осуществляя свою деятельность в условиях переизбытка резервных средств, ФРС устанавливает систему «двойного дна» фактически создавая новые условия функционирования рынка резервных денег. Тем не менее, несмотря на то что динамика фактической (эффективной) ставки по федеральным фондам (federal funds effective rate) практически всегда находится в пределах описанного выше коридора «двойного дна», в действительности настоящим потолком по процентной ставке выступает постоянно действующий механизм РЕПО. Введение подобного механизма не всегда очевидно, так как условия по которым происходит предоставление резервных денег в рамках операций РЕПО, совпадают с возможностями привлечения ликвидности кредитными институтами с высококачественным кредитным рейтингом (primary credit) в рамках дисконтного окна. Причем оба источника привлечения резервных средств предлагают краткосрочное заимствование (в подавляющем большинстве случаев) на условиях «овернайт» под определенное обеспечение, приводимое в ломбардном списке.

Различие этих двух механизмов заключается в том, что заимствование в рамках дисконтного окна стигматизируется участниками денежного рынка, что снижает эффективность данного инструмента денежно-кредитной политики. Механизм РЕПО был введен Федеральной резервной системой именно для того, чтобы вернуть в свое распоряжение постоянно действующий механизм, устанавливающий потолок процентных ставок на однодневные ставки межбанковского рынка. В целом проблема стигматизации рассматривается центральными банками как препятствие в регулировании межбанковского рынка [4; 5].

Таким образом, спред между двумя постоянно действующими механизмами – механизмом однодневных сделок обратных РЕПО (ORRAF) и механизмом однодневного РЕПО (SRF) – представляет собой коридор процентных ставок, в рамках которого и происходит движение фактической ставки по федеральным фондам. Тем не менее, в условиях снижения или отсутствия стигматизации дисконтного окна, данный механизм предоставления ликвидности представляется нам более эффективным в установлении потолка процентных ставок денежного рынка (например ставок FFR и SOFR), так как по операциям РЕПО устанавливаются лимитированные кредитные линии с минимальной процентной ставкой равной ставке дисконтного окна предоставляемой первоклассным заемщикам (primary credit rate), а по ставке primary credit в рамках дисконтного окна конкретных ограничений по предоставлению ликвидности нет.

Таким образом, опыт Федеральной резервной системы показывает, что теория управления процентными ставками денежного рынка может отличаться от практики. Установление выплаты процентного дохода на уровне ключевой ставки теоретически должно устанавливать ее нижнюю границу в условиях когда предложение резервов превышает равновесный уровень, то есть тот объем который необходим кредитным институтам для совершения межбанковских расчетов и выполнения обязательных резервных требований. В то же время опыт Федеральной резервной системы показывает, что важно и то как устроен рынок межбанковского кредитования. Тот факт, что некоторые из его участников не имеют возможности получать резервный доход способствует более равномерному распределению резервной ликвидности, за счет того, что организации,

по резервам которых не выплачивается IOER (или IORB) ссужают свои средства тем кредитным институтам которые имеют право на получение данного дохода, которые по сути проводят арбитражные сделки зарабатывая на разнице между процентными ставками по которым они занимают на межбанковском рынке и доходом который они получают по своим резервным средствам.

Таким образом, в периоды когда предложение резервных денег превышает спрос на него процентная ставка IORB устанавливает потолок (а не дно) ставок денежного рынка, а нижняя граница определяется уровнем процентной ставки по операциям обратного РЕПО. В период, когда спрос на резервы резко возрастает, верхнюю границу процентного коридора определяет размер стоимости заимствования в рамках дисконтного окна либо постоянно действующего механизма РЕПО. Описанный способ управления ликвидностью рынка межбанковского кредитования (система «двойного дна») позволяет Федеральной резервной системе сохранять контроль над ставками денежного рынка даже при чрезмерном предложении избыточных резервов, то есть в условиях структурного профицита ликвидности, а также резком изменении спроса на них.

Список источников / References

1. Hamilton J.D. Perspectives on U.S. Monetary Policy Tools and Instruments. *NBER Working Papers*. 2019;(25911). 22 p. [Electronic resource]. Available from: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w25911/w25911.pdf [Accessed 23 March 2023].
2. Feinman J.N., Deschler J., Hinkelman C. Reserve Requirements: History, Current Practice, and Potential Reform. *Federal Reserve Bulletin*. June 1993;79(6):569-589. [Electronic resource]. Available from: https://fraser.stlouisfed.org/files/docs/publications/FRB/1990s/frb_061993.pdf [Accessed 23 March 2023].
3. Bech M. L., Klee E. The mechanics of a graceful exit: Interest on reserves and segmentation in the federal funds market. *Journal of Monetary Economics*. 2011;58(5):415-431.
4. Clews R., Salmon C., Weeken O. The Bank's money market framework. *Bank of England Quarterly Bulletin*. 2010. Q4. Pp. 292-301.
5. Armantier O., Ghysels E., Sarkar A., Shrader J. Stigma in Financial Market: Evidence from Liquidity Auctions and Discount Window Borrowing during the Crisis. *Federal Reserve Bank of New York*. 2011. Staff Report № 483. 38 p.

Информация об авторах

Ч. А. Гогичаев – аспирант кафедры международных финансов МГИМО МИД России.
Б.М. Чилиев – аспирант кафедры экономики РГУП.

Information about the authors

Ch. A. Gogichaev – Postgraduate Student of the Department of International Finance of the MGIMO University.
B. M. Chiliev – Postgraduate Student of the Department of Economics of the Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 21.04.2023.

The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 21.04.2023.

Научная статья

УДК 329

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-303-308

ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Наталья Сергеевна Давыдова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
natalia-davidova86@yandex.ru

Аннотация. В статье показано, что политическую систему можно рассматривать как национальную инновационную систему, требующую модернизации и обладающими всеми ключевыми параметрами по аналогии с социально-экономической национальной инновационной системой. Инновационные процессы должны быть обеспечены соответствующими ресурсами, инфраструктурой, моделями взаимодействия всех акторов, запросом и поддержкой со стороны государства и общества, идеологией ценности и необходимости инноваций, экспертизой ценностно-целевого компонента инновационных преобразований. Анализ актуальных данных социальных мониторингов по теме инноваций и модернизации в России, сопоставление результатов опросов, полученных в последние несколько лет, позволяют выявить положительную динамику в формировании запроса общества, спроса на инновации, и, вместе с тем, недостаточную эффективность государственной инновационной политики.

Ключевые слова: политическая система, национальная инновационная система (НИС), детерминанты политических инноваций, государственная инновационная политика, современная политическая практика, идеология инноваций

Для цитирования: Давыдова Н. С. Детерминанты развития политической инновационной системы: теоретические основания и практика // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 303–308. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-303-308>

Young scientists

Original article

DETERMINANTS OF THE DEVELOPMENT OF THE POLITICAL INNOVATION SYSTEM: THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRACTICE

Natalya S. Davydova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, natalia-davidova86@yandex.ru

Abstract. The article shows that the political system can be considered as a national innovation system that requires modernization and has all the key parameters by analogy with the socio-economic national innovation system. Innovation processes should be provided with appropriate resources, infrastructure, models of interaction of all actors, the request and support from the state and society, the ideology of the value and necessity of innovation, the expertise of the value-target component of innovative transformations. The analysis of the current data of social monitoring on the topic of innovation and modernization in Russia allows us to identify positive dynamics in the formation of the public demand, demand for innovation, and, at the same time, the insufficient effectiveness of the state innovation policy.

Keywords: political system, national innovation system, determinants of political innovation, state innovation policy, modern political practice, ideology of innovation

For citation: Davydova N. S. Determinants of the development of the political innovation system: theoretical foundations and practice. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):303–308.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-303-308>

Научная дискуссия о детерминантах, движущих силах, факторах, инициирующих и поддерживающих инновации, обеспечивающих им реальное развитие и внедрение в социальную реальность, имеет актуальный характер. До сих пор теоретически спорным выступает вопрос о том, выступают ли инновации результатом объективного технико-экономического давления, или же они являются преимущественно следствием общественного запроса на модернизацию и нововведения [1–2].

Как нам представляется, конкретное решение данной проблемы зависит от социально-экономического и политического контекста. Данные полюса решения проблемы следует рассматривать как диалектические противоположности, взаимно обуславливающие друг друга факторы поскольку, инициированные под давлением объективного научно-технического развития инновации для успешной реализации должны получить определенную легитимацию на уровне общественного сознания, опираться на общественный запрос. Более того, реальный инновационный процесс в той или иной степени отражает запрос на инновации со стороны властвующих элит, является пространством пересечения многих групп интересов общества, государства, бизнеса, политических элит, институтов-медиаторов и т.д. Вместе с тем, если радикальные качественные нововведения не опираются на соответствующую материально-техническую базу и не обеспечиваются соответствующими политическими механизмами реализации, они так же не могут быть в полной мере реализованы. Соответственно, при оценке инноваций должен иметь место комплексный многосторонний научный анализ, с учетом интересов всех субъектов и акторов [3].

Если в сфере экономики спрос на инновации поддерживается и обеспечивается такими механизмами, как госзакупки, финансовые субсидии на внедрение, стандартизацией и т.д., то в социокультурной сфере должна развиваться и поддерживаться соответствующая идеология ценности и важности инноваций для обеспечения мирового лидерства и процветания страны. Инновационное опережающее развитие страны как ценность должно коррелировать с национальной идеей и цивилизационным своеобразием страны.

Проведение эффективной инновационной политики в сфере организации обратной связи, мониторинга и оценки результатов инноваций подразумевает выявление основных факторов, способствующих и, особенно, препятствующих инновационным преобразованиям. Данные опроса подтверждают, что в Российском обществе уже сформировался определенный запрос на инновации и позитивная динамика в их оценке. Важно, что более четверти опрошенных готовы стать активными проводниками инноваций в жизнь. При этом они понимают необходимость и возможность поддержки своих инновационных проектов со стороны государства и бизнес структур.

Опираясь на данные ВЦИОМ можно проследить динамику развития идеологии инноваций в современном российском обществе. Так, например, опрос ВЦИОМ от 5 февраля 2020 г. показывает, что большинство опрошенных позитивно оценивает роль науки и инноваций в жизни общества. «С чем, говоря о роли науки, наши соотечественники готовы согласиться в первую очередь? С тем, что наука – это условие прогресса (49 %): за последние 20 лет это мнение укрепились в обществе (26 % в 1989 г.).

Также науку прежде всего связывают с полезными открытиями (44 %), умножением знаний (38 %) и напряженным трудом (31 %). В два раза увеличилась доля согласных с тем, что наука – средство преобразования мира (13 % в 1989 г., 29 % в 2020 г.). Вырос и престиж науки в восприятии россиян: в 1989 году считали науку средством занять хорошее место в обществе 4% наших соотечественников, в 2020 году – уже 17%»¹.

Положительная динамика становления запроса российского общества на инновации и их позитивная оценка подтверждается и результатами одного из последних мониторингов ВЦИОМ по проблеме инноваций. Так, 27 апреля 2021 г. ВЦИОМ выявил, что:

- «82 % россиян считают важным условием независимости государства технологическое лидерство;
- 55 % респондентов относят Россию к числу ведущих технологических стран мира vs 44 % придерживаются иного мнения;

¹ Россия – страна технооптимистов. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-strana-tekhnooptimistov> (дата обращения: 13.11.2022).

• Топ-3 сфер, где Россия занимает лидирующие позиции с точки зрения технологий: оборона, космические технологии и атомная энергетика»¹.

Существенно, что подавляющее большинство опрошенных россиян оценивают роль инноваций и науки как обеспечивающих стране социально-экономическое лидерство. То есть общество оценивает инновации как необходимую, неотъемлемую и важную часть социально-политического и экономического благополучия России. Вместе с тем, немаловажно, что почти половина россиян в настоящий момент не считают Россию ведущей технологической державой. То есть общество только на 50%, а точнее на 55%, считает, что проводимые многие годы в стране реформы и модернизация страны вывели ее на лидирующие позиции на мировой арене. Данное убеждение респондентов можно считать оценкой результатов, проводимой многие годы государственной инновационной политики, которая, как показывают результаты опроса общественного мнения, признана успешной только на половину.

Как нам представляется, политическую систему можно рассматривать как национальную инновационную систему, требующую модернизации и обладающими всеми ключевыми параметрами по аналогии с экономической национальной инновационной системой. То есть для эффективного функционирования и своевременной модернизации политическая система должна быть обеспечена:

- качественными ресурсами, в том числе и человеческим капиталом;
- институтами и связями, обеспечивающие эффективное взаимодействие всех ее элементов и структурно-функциональную интеграцию;
- конкурентным взаимодействием, обеспечивающим динамику и прирост качественно новых характеристик системы, ее инфраструктуры и внешнего окружения;
- идеологией инноваций.

То есть эффективное создание и функционирование национальной инновационной системы в России невозможно без соответствующей модернизации политической системы. А принимая во внимание, что инновационные проекты всегда имеют политическую подоплеку, не ограничиваются инновационными посылами, а опираются на реальный инновационный проект политических элит и соответствующую модель его реализации, в том числе партийных элит, проблемы партийно-электоральной агрегации и инновационного развития России оказываются тесно взаимосвязанными [4].

Инновации способны спровоцировать резкий качественный скачок изменения жизни и уклада общества, в том числе и политического, поэтому они всегда попадают в сферу интересов политических сил. Политики, особенно политическая элита, в том числе партийная элита, пытаются контролировать инновации, поскольку контроль над новым знанием и прибылью, которую приносит внедрение инновационных продуктов, означает новые ресурсы и власть [5]. Важно подчеркнуть, что инновации оцениваются в исследовательской литературе в тесной взаимосвязи с политическим контекстом, с инновационным посылом политической элиты, а также в контексте ценностно-целевых установок. Отсюда проистекает и другой вывод, связанный с атрибутивным свойством инноваций, что производит качественные изменения в социально-политической и экономической структуре общества, а именно – необходимость наличия в обществе определенной степени свободы и плюрализма, демократических элементов, способных преодолевать догматы прежнего уклада жизни и понимания в конкретном обществе и развивать инновации в конкурентной среде.

На практике это означает, что если политические элиты, государство, общество не сформировало соответствующий запрос на инновации, а также не существует необходимых условий для освоения и продвижения нового научного знания и технологий, в том числе плюрализма и демократических свобод, инновационные процессы будут тормозиться, сопровождаться сопротивлением со стороны старого уклада и сил, его олицетворяющих (например, институтов религии, семьи, государства в лице бюрократии и т.д.) интенсивной политической борьбой за контроль над результатами инноваций и контролем над распределением прибыли от их внедрения.

¹ Технологическое лидерство: актуальные вызовы. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologicheskoe-liderstvo-aktualnye-vyzovy> (дата обращения: 13.11.2022)

Более того, инновации, новые научные знания и технологии представляют определенную опасность не только с точки зрения угрозы разрушения прежних укладов, но и с морально-этической точки зрения. Инновации по ценностно-целевому критерию могут применяться на общее благо человечества, балансировать определенные процессы посредством паритетного сдерживания экспансии и амбиций политических игроков, а могут, как это было неоднократно в истории человечества, использоваться для установления господства и доминирования определенных политических сил и политических субъектов над остальным миром. Последнее чревато установлением однополярного мира, неспособностью человечества к выстраиванию партнерских взаимоотношений, эксплуатацией не только отдельных стран, но и целых социально-экономических регионов.

Таким образом, можно сделать вывод, что реализации национальных интересов посредством инноваций должна быть подготовлена созданием определённой социально-экономической и социально-политической среды и идеологии, основанной на понимании необходимости баланса:

- между старым и новым,
- свободой и контролем,
- устойчивостью развития и продвижением вперед,
- господства, лидерства, доминирования и партнёрства, консенсуса, компромисса.

В практике социально-политического строительства это должно выражаться в том, что:

- поддержка и контроль над инновационной деятельностью со стороны государства должна носить регулируемый демократическими процедурами характер;

- инновационная среда должна иметь конкурентный характер, допускающий к участию внутри страны многих акторов;

- элиты и общество должны сформировать запрос на инновации, легитимируя и поддерживая инновационные процессы на всех уровнях власти, управления, реализации;

- инновации должны быть обеспечены соответствующей материально-технической базой, ресурсами, инфраструктурой, включая человеческий капитал;

- модернизация должна носить конструктивный характер. Соответственно возможные и необходимые издержки ее осуществления должны в перспективе покрываться за счет предполагаемых будущих прибылей, «социального выигрыша».

- должны быть разработаны действующие эффективные механизмы преодоления инерции и сопротивления со стороны старых порядков, укладов, олицетворяющих эти уклады социально-политических сил;

- посредством разработки соответствующих механизмов и процедур должны быть найдены возможные решения регулирования социально-политической ситуации, в которой политические субъекты одновременно выступают в качестве заказчиков, исполнителей и объектов инновационных преобразований;

- должна быть учтена ценностно-целевая компонента инновационных преобразований. То есть инновации должны осуществляться не только на благо определенных сообществ, групп интересов, политических сил, национальных государств, но и, по возможности, на благо всего человечества и общей гуманизации жизни на земле.

Таким образом, инновационные процессы должны быть обеспечены соответствующими ресурсами, инфраструктурой, моделями взаимодействия всех акторов, запросом и поддержкой со стороны государства и общества, идеологией ценности и необходимости инноваций, экспертизой ценностно-целевого компонента инновационных преобразований.

Итак, политологическая интерпретация понятия инновации позволяет ее трактовать как процесс и результат политической деятельности основных социально-политических субъектов по инициированию и претворению в жизнь государства и общества качественно новых способов организации социально-политических институтов, технологий и моделей взаимодействия акторов политических процессов, по выработке стратегии и тактики перехода страны на качественно новый прогрессивный уровень развития.

Инновации обусловлены и детерминированы политической средой и политическим контекстом наряду с другими социально-экономическими и идеологическими факторами. Выявлены

и проанализированы структура и основные элементы национальной инновационной системы, в том числе системы политической как НИС [6–7].

Обоснована ведущая роль государства в инновационных процессах. Выявлены и обоснованы основные ограничения и регуляторы государственного контроля, прямой и косвенной поддержки инновационных преобразований посредством разработки и комплексного осуществления государственной инновационной политики, медиации деятельности всех субъектов инновационных процессов в рамках демократических процедур. Оптимальным вариантом поддержки инноваций, наряду с госзаказами, госзакупками, субсидиями на внедрение, налоговым стимулированием и т.д., выступает государственная поддержка и государственный контроль на уровне разработки государственной инновационной политики, которая обеспечивает стратегическое направление, и, вместе с тем, достаточную свободу инновационных кластеров в выработке тактических решений на уровне конкретного взаимодействия и коллаборации.

Несмотря на многообразие моделей национальных инновационных систем с различной долей государственного регулирования, государственная инновационная политика оказывает влияние на характер интеграции инновационных систем и характер конкуренции во внутренней и внешней среде, играет ключевую роль в обеспечении системы ресурсами (деньгами, человеческим капиталом, сырьем, знанием и т.д.), что, согласно теории национальных инновационных систем, оказывает решающее воздействие на результат инновационных преобразований в экономике и социокультурной жизни страны.

Поскольку инновации в стране подразумевают качественные преобразования на всех уровнях власти и общества, а не только в экономической и технико-технологической сфере, их политологическая интерпретация выявляет двойное позиционирование политических субъектов – в качестве инициаторов инноваций, реформ социально-экономических и политических институтов, авторов инновационной политики государства и, одновременно в качестве объектов инновационного воздействия. Обозначенное двойное позиционирование создает дополнительные сложности в реализации инновационных стратегий, поскольку политические субъекты и институты, на которые направлено инновационное воздействие, не соответствуя новым качественным критериям политической эффективности, способны оказывать противодействие административным политическим реформами модернизации системы политического управления, пытаясь сохранить собственные позиции и привилегии в системе политического управления и т.д.

Анализ данных, полученных ВЦИОМ в результате мониторинга общественного мнения по теме инноваций и модернизации в России, сопоставление результатов опросов, полученных в 2017 г., 2020 г., 2021 г. позволяют выявить положительную динамику в формировании запроса общества, спроса на инновации, а также тот факт, что в обществе прогрессивно формируется позитивная идеология инноваций – граждане понимают необходимость и ценность модернизационных процессов и инновационных преобразований для обеспечения конкурентоспособности страны, ее лидирующих позиций на мировой арене и социально-экономического процветания.

То есть общество оценивает инновации как необходимую, неотъемлемую и важную часть социально-политического и экономического благополучия России. Вместе с тем, немаловажно, что почти половина россиян в настоящий момент не считают Россию ведущей технологической державой. То есть общество только на 50 %, а точнее на 55 %, считает, что проводимые многие годы в стране реформы и модернизация страны вывели ее на лидирующие позиции на мировой арене. Данное убеждение респондентов можно считать оценкой результатов, проводимой многие годы государственной инновационной политики, которая, как показывают результаты опроса общественного мнения, признана успешной только на половину.

Список источников

1. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.
2. Freeman C. Systems of Innovation: Selected Essays in Evolutionary Economics, Edward Elgar Pub, 2008.
3. Сергеев В. М. Инновации, демократия и логика конкуренции // Полис. 2000. № 1. С. 108–113.

4. Старостин А. М. Философия социально-гуманитарных наук и инноваций: базовые модели // Социально-гуманитарное познание в контексте философской инноватики: Сб. трудов Международной научной конференции. Ростов н/Д.: Донское книжное издательство, 2014.
5. Старостин А. М., Понеделков А. В., Тованчова Е. Н. Инновационные аспекты в электоральной политике современной России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. №5(156). С. 132-137.
6. Понеделков А. В., Старостин А. М. Элитогенез и элитное позиционирование в контексте формирования новых властных порядков. Очерки политической элитологии. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2023. 208 с.
7. Старостин А. М. Инновационные треки репрезентации науки и научной политики во взаимодействии национальной инклюзивности и глобальной динамики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 201-206.

References

1. Schumpeter J. A. *Theory of economic development. Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Eksmo, 2007. (In Russ.)
2. Freeman C. *Systems of Innovation: Selected Essays in Evolutionary Economics*, Edward Elgar Pub, 2008.
3. Sergeev V. M. Innovations, Democracy and the Logic of competition. *Polis*. 2000;(1):108–113. (In Russ.)
4. Starostin A.M. Philosophy of social and humanitarian sciences and innovations: basic models. In: *Social and humanitarian cognition in the context of philosophical innovation: Proceedings of the International Scientific Conference*. Rostov-on-Don: Don Book Publishing House, 2014. (In Russ.)
5. Starostin A. M., Ponedelkov A. V., Tovanchova E. N. Innovative aspects in the electoral policy of modern Russia. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2023;5(156):132–137. (In Russ.)
6. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. *Elitogenesis and elite positioning in the context of the formation of new power orders. Essays on political elitology*. Rostov-on-Don; 2023. 208 p. (In Russ.)
7. Starostin A. M. Innovative tracks of science and science policy representation in the interaction of national inclusivity and global dynamics. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):201–206. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. С. Давыдова – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

N. S. Davydova – Postgraduate Student of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.05.2023; одобрена после рецензирования 27.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 13.05.2023; approved after reviewing 27.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-309-314

РОЛЬ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В РФ

Максим Вячеславович Максимов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, maximovmax94@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования инструментов непосредственной демократии в местном самоуправлении в Российской Федерации. Автор подчеркивает важность непосредственного привлечения граждан к участию в управленческом процессе на муниципальном уровне. В статье проанализированы наиболее значимые инструменты непосредственной демократии, предусмотренные действующим российским законодательством и рассмотрены перспективы развития института непосредственной демократии в сфере местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное управление, непосредственная демократия, территориальное самоуправление, местный референдум

Для цитирования: Максимов М. В. Роль непосредственной демократии в местном самоуправлении в РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 309–314. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-309-314>

Young scientists

Original article

THE ROLE OF DIRECT DEMOCRACY IN LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Maxim V. Maximov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, maximovmax94@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of using the tools of direct democracy in local self-government in the Russian Federation. The author emphasizes the importance of direct involvement of citizens to participate in the management process at the municipal level. The article analyzes the most significant instruments of direct democracy provided for by the current Russian legislation and considers the prospects for the development of the institute of direct democracy in the field of local self-government.

Keywords: local self-government, municipal administration, direct democracy, territorial self-government, local referendum

For citation: Maximov M. V. The role of direct democracy in local self-government in the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):309–314*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-309-314>

Высокий уровень развития института непосредственной демократии в муниципальном образовании в современных условиях свидетельствует о высоком качестве муниципального управления в нем, так как он гарантирует, что при принятии управленческих решений будет в максимально возможной степени учтена именно воля населения муниципального образования [1].

Особенности российской демократии на данном этапе развития страны, что отражено в ее основном законе, предполагает в обязательном порядке обеспечение функционирования системы форм прямой демократии. Действующий Основной закон РФ признает самостоятельность местного самоуправления в пределах своих полномочий, а также то, что органы МСУ не входят в систему органов государственной власти. Однако в действующей редакции Основного закона страны

(ст. 132 п. 3), в отличие от изначального текста Конституции РФ от 93 года, определяется, что органы МСУ наряду с органами государственной власти входят в единую систему публичной власти. Данная законодательная новелла, с точки зрения некоторых исследователей [2], свидетельствует о потенциальной возможности утраты органами МСУ некоторой части своей автономии.

В настоящий момент в действующем законодательстве сущность вышеупомянутой законодательной новеллы раскрывается в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ¹. В Ст. 1 необходимость формирования института публичной власти обосновывается стремлением обеспечить условия для более совершенного взаимодействия между всеми органами государственной и муниципальной власти с целью эффективного решения задач в интересах населения.

О том, позволит ли формирование института публичной власти и включение в него органов МСУ на практике повысить эффективность решения вопросов местного значения, можно будет судить только после принятия нового закона о местном самоуправлении, который находится в стадии разработки, и начала реализации его положений на практике, однако в данный момент можно утверждать, что самостоятельность муниципальной власти будет в некоторой степени ограничена, как минимум потому, что в ст. 6 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ региональная власть наделяется полномочиями в области формирования органов МСУ, и назначения, и освобождения от должности должностных лиц МСУ. Как именно и в каком случае региональная власть сможет реализовывать данные полномочия в настоящий момент остается неясным до момента принятия нового закона о местном самоуправлении.

Анализ текста нового законопроекта о местном самоуправлении² не предполагает отказа от института непосредственной демократии в муниципальном управлении, практике решения и задач местного самоуправления. Такой подход российского законодателя является оправданным, так как именно непосредственная демократия является высшей формой проявления народовластия, предполагая прямое участие граждан в процессе принятия политических решений, а также в процессе их инициирования и исполнения.

В действующем на данный момент российском законодательстве, регулирующем систему местного самоуправления, в том числе в Конституции Российской Федерации, а также в № 131 ФЗ и других нормативно-правовых актах возможность для населения страны принимать непосредственное участие в муниципальном управлении закреплена, а в новой версии законопроекта, созданном после выхода Российской Федерации из совета Европы и, соответственно, отказа от признания Европейской хартии местного самоуправления, возможность граждан принимать непосредственное участие в местном самоуправлении закреплена в гл. 5 проекта закона.

В соответствии с ч. 3 ст. 3 Конституции РФ высшим непосредственным выражением власти народа наряду с выборами является референдум, который может проводиться на федеральном, региональном и местном уровнях.

Местный референдум является одной из наиболее полноценных и эффективных форм непосредственной демократии в сфере местного самоуправления. Использование именно этой формы непосредственной демократии является полноценной гарантией реализации воли населения муниципалитета относительно того или иного вопроса муниципальной политики. Проведение местного референдума предполагает возможность для каждого жителя муниципального образования с учетом имеющихся в законе ограничений, принять участие в его подготовке и проведении в целом, и в голосовании непосредственно. Соответственно, решение, принятое на муниципальном референдуме, будет соответствовать интересам максимально возможного числа граждан, имеющих право на участие в нем, что в наиболее полной мере соответствует принципам демократического процесса как такового.

Проведение местного референдума предполагает максимально широкое информирование граждан о предстоящем событии, а также сути проблемы, для решения которой был назначен муниципальный референдум. Соответственно, при проведении муниципального референдума

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

² Законопроект № 40361-8 Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. – <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>.

максимально широкое число граждан, проживающих в муниципальном образовании, будет иметь возможность получить подробную информацию, не только о самом факте проведения референдума, но и о сути вопроса, вынесенного на голосование. Учитывая особенности политической культуры россиян, связанные с низким уровнем информированности о политических процессах, в том числе, на муниципальном уровне, а также с низким уровнем политической активности, именно муниципальный референдум позволит, не только привлечь как можно более широкие народные массы к участию в процессе принятия решения, но сделать это решение осознанным и компетентным.

Несмотря на все достоинства муниципального референдума как формы непосредственной демократии, основной его недостаток – относительная дороговизна проведение данной процедуры, результируется в достаточно редком использовании данной формы непосредственного участия граждан в муниципальном управлении в Российской Федерации.

Так, согласно статистическим данным, до 2010-го года в Российской Федерации было проведено 150 местных референдумов [3]. К 2021-му г. на муниципальном уровне было проведено уже более 4 500 референдумов, однако более 90% референдумов, имевших место в Российской Федерации, было проведено в трех субъектах Федерации, а 3148 из них в одном субъекте Федерации. В остальных субъектах Федерации было проведено менее 8% местных референдумов, при этом на 75 субъектов Федерации приходится всего 2,5% от проведенных референдумов. Таким образом, можно констатировать, что значительное увеличение количества референдумов на муниципальном уровне с 2010 года свидетельствует не о расширении практики применения данной формы непосредственной демократии в местном самоуправлении, а стремление властей конкретных регионов и муниципалитетов решить определенные политические проблемы с опорой именно на этот политический институт.

В подавляющем большинстве случаев (более 90 %) на местный референдум выносились вопросы, принятие решений по которым обязательно предполагает, согласно действующему законодательству, проведение местного референдума. В основном вопросы, вынесенные на муниципальный референдум в Российской Федерации, касались проблем самообложения граждан, преобразования и изменения границ муниципального образования (89,8%). И только 20 референдумов предполагали решение вопросов муниципального значения, не касающихся проблем самообложения граждан, но предполагающих ведение определенных запретов, например, запрета на строительство определенного завода и так далее.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что такая форма непосредственной демократии, как муниципальный референдум, фактически не используется в Российской Федерации и не оказывает значительного влияния на процесс муниципального управления.

Достаточно ограниченное использование такой формы непосредственной демократии, как муниципальный референдум в Российской Федерации обусловлено, не только дороговизной данной процедуры, но и особенностями политической культуры в стране, связанными, как с низким уровнем политической активности граждан страны, особенно на муниципальном уровне, так и с нежеланием муниципальных чиновников привлекать население муниципального образования к участию в процессе муниципального управления.

В Российской Федерации невозможно провести муниципальный референдум на части территории муниципального образования, что с учетом того факта, что в Российской Федерации имеются муниципальные образования с количеством жителей более миллиона человек, значительно ограничивает возможности использования данной формы непосредственной демократии в процессе муниципального управления, так как на практике некоторые вопросы, которые могли бы быть вынесены на муниципальной референдум, могут затрагивать интересы лишь ограниченной части населения муниципального образования.

Муниципальные выборы согласно № 131-ФЗ относятся к формам непосредственной демократии в местном самоуправлении. В условиях низкой политической активности россиян, особенно на муниципальном уровне, отмечающиеся в современных условиях в Российской Федерации, именно эта форма непосредственной демократии во многом определяет реальную практику функционирования местного самоуправления, его эффективность и соответствие принимаемых муниципальных решений интересам населения муниципального образования.

Вследствие того, что практика проведения муниципальных референдумов довольно редка в Российской Федерации, учет непосредственного мнения граждан о тех или иных решениях муниципальной власти происходит на основании такой формы непосредственной демократии как опрос граждан. Опрос граждан в отличие от муниципального референдума может проводиться, как на всей территории муниципального образования, так и на ее части, что значительно облегчает практическое использование данного инструмента выявления общественного мнения.

Опрос граждан муниципального образования может проводиться с применением информационных технологий, например, используя ресурсы сайта государственных услуг и/или официального сайта муниципального образования, что значительно удешевляет процедуру его использования, а значит потенциально увеличивает частоту применения данной формы непосредственной демократии.

Основным недостатком опроса как формы непосредственной демократии является необязательность учета мнения граждан относительно решения той или иной муниципальной проблемы, полученного в результате проведения опроса: результат опроса выступает в качестве рекомендации гражданам органам муниципальной власти решить имеющуюся проблему тем или иным образом, однако органы муниципальной власти имеют право не прислушиваться к мнению граждан.

Проведение опросов граждан не сопровождаются столь широкой информационной кампанией, как проведение муниципального референдума, поэтому значительная часть населения муниципального образования может быть не проинформирована, как о самом факте проведения вопроса, так и о сути, затрагиваемой им проблемы. Участие в опросе предполагает для гражданина стремления осознанно принимать участие в политической жизни муниципалитета, тратить свое время и ресурсы на политическую деятельность, что, вследствие низкого уровня политической культуры россиян, является несвойственным для основной массы населения.

Право на внесение гражданами, а также органами территориального общественного самоуправления, старостой сельского населенного пункта инициативных проектов, а также сходное с ним по сути право на законодательную инициативу граждан, предоставляет населению муниципального образования теоретически значительные возможности по реализации своего права на непосредственную демократию в местном самоуправлении.

Однако право население муниципального образования на внесение инициативных проектов в значительной степени на практике ограничивается необходимостью его предварительного рассмотрения на сходе, собрании или конференции граждан, что в условиях неразвитости в Российской Федерации территориального общественного самоуправления служит значимым препятствием по внесению инициативных проектов на рассмотрение муниципальной власти [4].

Другим значимым ограничением относительно возможности реализации инициативных проектов граждан, проживающих в муниципальном образовании, является хроническое недофинансирование местного самоуправления. Большинство бюджетов муниципальных образований в Российской Федерации являются дефицитными и, соответственно, даже если инициативный проект граждан предполагает качественное решение довольно значимых проблем местного сообщества, он может быть не реализован вследствие недостатка средств в городском бюджете.

Значимой проблемой для страны является тот факт, что в истории РФ не существует ни единого примера успешного завершения процедуры отзыва депутата или выборного должностного лица муниципального образования [5], что свидетельствует, либо о неэффективности процедуры данной формы непосредственной демократии, либо ее невостребованности населением, вследствие низкого уровня политической культуры и низкого уровня политической активности россиян.

Ст. 27 Федерального закона № 131-ФЗ закрепляет такую форму непосредственной муниципальной демократии, как территориальное общественное самоуправление. Можно выделить следующие основные достоинства данной формы непосредственной демократии. Во-первых, она позволяет местному населению действительно самостоятельно решать вопросы местного значения без какого-либо посредничества в данном вопросе со стороны органов местного самоуправления. Однако данное достоинство неразрывно связано с недостатком данной формы прямой демократии – необходимостью самостоятельного финансирования решения вопросов местного значения в рамках территориального самоуправления. Софинансирование процесса решения вопросов местного значения в рамках данной формы прямой демократии со стороны органов местного

самоуправления возможно, но оно не является обязательным. Сами же жители в большинстве случаев не имеют возможности финансировать проекты в рамках территориального общественного самоуправления, так как основная масса населения Российской Федерации имеет невысокий уровень доходов.

Во-вторых, потенциально, участие гражданина в деятельности территориального общественного самоуправления способствует повышению уровня его политической культуры и политической активности, что в будущем могло бы стать залогом формирования эффективно функционирующего гражданского общества в Российской Федерации, как на федеральном, так и на региональном, и на муниципальном уровнях.

Институт территориального общественного самоуправления развит неравномерно по всей территории Российской Федерации, а количество ТОСов в определенном субъекте федерации зависит не от уровня его социально-экономического развития, а от наличия региональных и муниципальных программ поддержки данной формы непосредственной демократии, причем, поддержки как организационной, так и финансовой. Фактически система ТОСов формируется в России сверху, несмотря на то, что она является формой непосредственной демократии и важнейшей частью гражданского общества, которое по своей природе должно быть независимо от государства.

Значительное влияние региональных и муниципальных властей на развитие института территориального общественного самоуправления обуславливает тот факт, что в различных субъектах Российской Федерации основные направления деятельности ТОСов значительно различаются. Фактически направление деятельности ТОСов определяются не столько местным населением, сколько органами региональной и муниципальной власти путем финансирования тех или иных проектов, которые именно они считают приоритетными. Такой подход делает систему ТОСов в большей степени инструментом государственной и муниципальной политики, а не формой непосредственной демократии в Российской Федерации.

Таким образом можно констатировать, что основные проблемы ТОСов в Российской Федерации связаны с особенностями политической культуры населения и низким уровнем его политической активности, а ведь именно ТОСы имеют значительный потенциал, как форма непосредственной муниципальной демократии, способная не только в симбиозе с муниципальными властями эффективно решать вопросы местного значения, но и эффективно контролировать деятельность муниципальной власти.

Несмотря на то что законодательство Российской Федерации предоставляет широкий спектр возможностей для населения муниципалитетов принимать непосредственное участие в процессе муниципального управления, на практике данные инструменты практически не используются из-за низкой политической активности граждан и недостатков в системе финансирования местного самоуправления. Для исправления ситуации российскому государству необходимо стимулировать развитие муниципального гражданского общества, а также решить проблему с недостаточной финансовой самостоятельности органов МСУ.

Список источников

1. Холопов В. А. Контекст развития непосредственной муниципальной демократии: анализ теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 11. С. 32–40.
2. Бухвальд Е. М., Кожевников О. А., Ворошилов Н. В. Местное самоуправление: реформировать, но не уничтожать // Самоуправление. 2022. № 1. С. 87–92.
3. Байкалов А. А. Статистический анализ института референдума в РФ // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 45–49.
4. Упоров И. В., Гришай Е. В., Попов М. Ю. Местное самоуправление в России на пороге перемен: к законопроекту есть вопросы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 126–131.
5. Уваров А. А. Эффективность народовластия в соотношении с формами прямого волеизъявления граждан // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 33–38.

References

1. Kholopov V. A. Context of the development of direct municipal democracy: analysis of theory and practice. State power and local self-government. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*. 2013;(11):32–40. (In Russ.)
2. Bukhvald E. M., Kozhevnikov O. A., Voroshilov N. V. Local self-government: to reform, but not to destroy. *Samoupravlenie = Self-government*. 2022;(1):87–92. (In Russ.)
3. Baykalov A. A. Statistical analysis of the referendum Institute in the Russian Federation. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2021;21(363):45–49. (In Russ.)
4. Uporov I. V., Grishai E. V., Popov M. Yu. Local self-government in Russia on the threshold of change: there are questions to the bill. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2022;(1):126–131. (In Russ.)
5. Uvarov A. A. The effectiveness of democracy in relation to the forms of direct expression of the will of citizens. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2018;(3):33–38. (In Russ.)

Информация об авторе

М. В. Максимов – аспирант кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

M. V. Maximov – Postgraduate Student of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.05.2023; одобрена после рецензирования 27.05.2023; принята к публикации 29.05.2023.

The article was submitted 14.05.2023; approved after reviewing 27.05.2023; accepted for publication 29.05.2023.

1 мая 2023 г. исполнилось 70 лет
доктору исторических наук,
профессору кафедры политологии
и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС,
Почетному работнику
высшего профессионального образования РФ
Сергею Алексеевичу Кислицыну.

Кислицын Сергей Алексеевич родился 1 мая 1953 г.
В 1971-1973 гг. проходил службу в рядах Советской
Армии.

В 1979 г. закончил Ростовский государственный
университет (исторический факультет). Трудовую дея-
тельность в высшей школе начал в Новочеркасском по-
литехническом институте (1979–1982 гг.).

С 1979 г. по 1999 г. прошел профессиональный путь от ассистента до профессора
кафедры политической истории Ростовского государственного университета. В 1994 г.
защитил докторскую диссертацию по историческим наукам (специальность 07.00.01 –
политическая история). Ученое звание профессора по кафедре политической истории присво-
ено в 1996 г. Параллельно выполнял обязанности проректора по НИР Донского юридического
института.

С 1998 г. и по настоящее время работает профессором кафедры политологии и этнопо-
литики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Являлся заме-
стителем заведующего кафедрой политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии
государственной службы (ныне – ЮРИУ РАНХиГС).

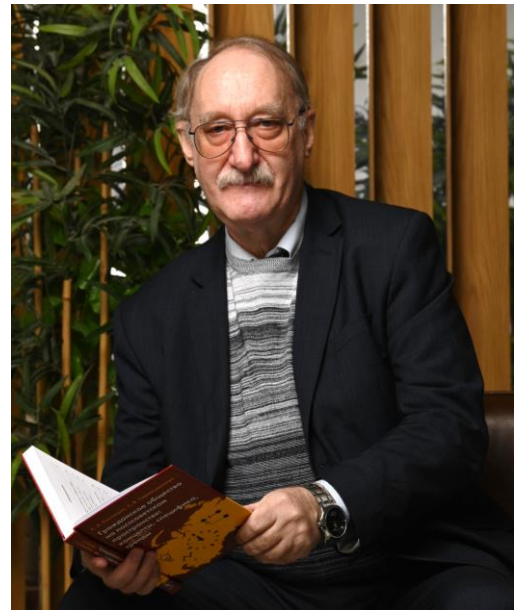
Профессор С. А. Кислицын стоял у истоков основания журнала «Государственное и муни-
ципальное управление. Ученые записки СКАГС», являясь его первым ученым секретарем.
По настоящее время входит в состав редакционной коллегии журнала.

Профессор С. А. Кислицын – член Союза журналистов, ряда общественных научных
объединений. Им опубликовано около 400 работ объемом свыше 500 п.л, в том числе 30 моно-
графий и учебных пособий (7 с рекомендацией Минобрнауки или УМО). Область научных
интересов – контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России и история
казачества.

Профессор С. А. Кислицын – лауреат всероссийских и региональных научных конкурсов.
Является членом постоянной комиссии по НИР Совета при Президенте РФ по делам каза-
чества.

За заслуги в области образования приказом Минобрнауки РФ в 2008 г. награжден нагруд-
ным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

С. А. Кислицын участвовал в работе диссертационных советов по политическим и исто-
рическим наукам в РГУ, ЮФУ и СКАГС.



В настоящее время читает курсы лекций, проводит практические и семинарские занятия по дисциплинам: «Политическая история России и зарубежных стран», «история политических учений», «Новейшие тенденции и направления современной политологии», «история политики», «Этнополитические процессы на Северном Кавказе», «Партология». Лекции, семинары и практические занятия, проводимые Сергеем Алексеевичем, неизменно пользуются высокой популярностью и получают живой отклик в студенческом сообществе.

Проф. С. А. Кислицын осуществляет руководство выпускными бакалаврскими квалификационными работами, магистерскими диссертациями, активно участвует в подготовке научно-педагогических кадров Института. Под его руководством защитилось три доктора и 29 кандидатов наук.

Сергей Алексеевич ведет серьезную общественную работу, активно передавая свой научный и профессиональный опыт студентам, аспирантам и молодым преподавателям. Руководил работой студенческого научно-образовательного кружка «Литература и политика». В своей деятельности уделяет большое внимание духовному, нравственному и патриотическому воспитанию студентов.

Профессор С. А. Кислицын принимает активное участие во многих образовательных мероприятиях, которые проводятся не только в ЮРИУ РАНХиГС, но и в других учебных заведениях Южного федерального округа.

К числу его значительных трудов относятся монографии: «Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России» (М., 2017), «Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в первой половине XX в.» (М., 2014), «Донская персоналия советской эпохи» (Ростов н/Д., 2021), «Красная фронда под секирой НКВД» (Ростов н/Д., 2022), «Подвиг Донбасса в борьбе с украинским неонацизмом» (Ростов н/Д., 2022), «Политика. История. Личность» (Ростов н/Д., 2023). Он является автором вместе с И. Г. Кислицыной переиздаваемых учебных пособий «История Донского края. XX – начало XXI вв.» (для средних школ), «История Ростовской области. От Земли войска Донского до наших дней» (для вузов).

В 2021 г. ему объявлена благодарность заместителя председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы Федерального Собрания РФ за высокий профессионализм и большой вклад в реализацию проекта «Донской край – наш общий дом», создание и совершенствование учебного пособия «История Донского края XX – начало XXI вв.».

Сергей Алексеевич – ответственный, добросовестный, принципиальный и требовательный преподаватель, в то же время внимательно относится к студентам, пользуется их уважением, имеет большой авторитет среди коллег, студентов и выпускников.

***Поздравляем Сергея Алексеевича с Юбилеем и желаем ему
дальнейшей плодотворной учебной и научной работы,
новых достижений в сфере науки и образования, крепкого здоровья!***

***Редакционная коллегия журнала
«Государственное и муниципальное управление.
Ученые записки»***

12 мая 2023 г. исполнилось 80 лет
доктору геолого-минералогических наук,
профессору кафедры экономики, финансов
и природопользования ЮРИУ РАНХиГС,
Почетному работнику
высшего профессионального образования РФ
Александр Васильевич Кокину.

Александр Васильевич Кокин родился в хуторе Калач-на-Дону, в настоящее время этот город – административный центр Калачевского района Волгоградской области.

Он окончил Пермский геологоразведочный техникум, отслужил в рядах Советской армии, и в 1970 году, получив диплом с отличием геолого-географического факультета Ростовского государственного университета по специальности «Геохимия», был принят в аспирантуру. Его учеба прошла экстерном – на это были причины. Еще студентом университета,

Александр Васильевич стал постоянным участником геологических экспедиций в регионах Восточной Сибири, Якутии, Магаданской области, на Чукотке. В Якутии он проработал 32 года в качестве геолога, начальника партии, главного геолога экспедиции.

Страсть к исследованию неизвестного стала ему присущей.

В геологических экспедициях на Чукотке, в Магаданской области, в Якутии, А. В. Кокин занимался геологической съемкой масштаба 1 : 200 000 – 1 : 50 000, тематическими работами по геохимии, металлогении, геохимическому картированию, минералогическому картированию.

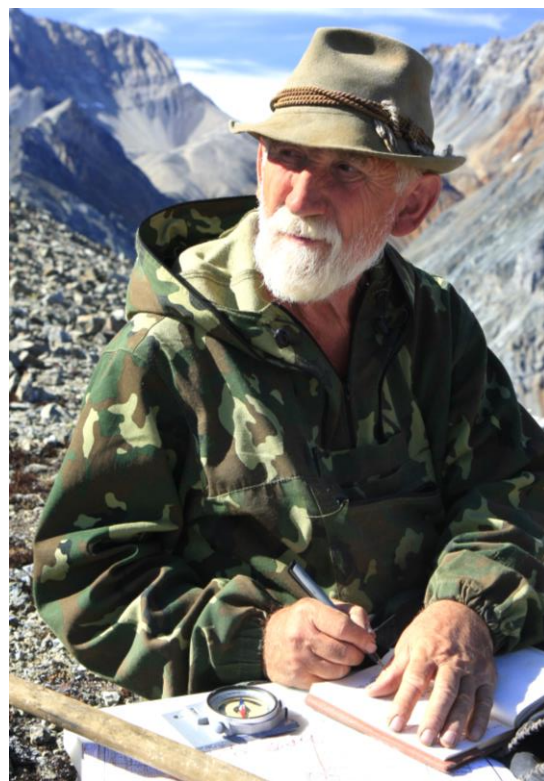
Для Юго-Восточной Якутии рассчитал региональные кларки и геофон осадочных, изверженных пород. Он ввел понятие минеральных кларков. На этой основе геолог-исследователь создал геохимическую карту Южного Верхоянья и Сетте-Дабанского региона масштаба 1 : 500 000; минералогическую карту Южного Верхоянья масштаба 1 : 500 000.

А. В. Кокин успешно вел структурно-минералогические и геохимические исследования золоторудных месторождений, их флангов и занимался перспективной оценкой наличия золота на территории Якутии.

В 1984 году А. В. Кокин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Геохимические особенности золотого оруденения Южно-Верхоянской провинции (Якутия)».

Через пять лет активной научной работы Ученый совет Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева Сибирского отделения Академии наук СССР присудил Александру Васильевичу ученую степень доктора геолого-минералогических наук по специальности «Геология и геохимия» за диссертацию «Эволюция источников металлов эндогенных рудных месторождений».

В 1994 году А. В. Кокин был приглашен в Северо-Кавказскую академию государственной службы (Ростов-на-Дону) на должность профессора кафедры экономики, финансов и природопользования и уже почти три десятилетия он плодотворно трудится в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС.



Александр Васильевич опубликовал более 240 научных и учебно-методических работ по проблемам геологии, геохимии, минералогии, термобарогеохимии, современного естествознания, экологии управления в системе экологической безопасности и природопользования общим объемом более 450 печатных листов.

Признанием научных заслуг ученого стало его избрание в состав Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, Международной академии ноосферы (устойчивого развития), Международной академии минеральных ресурсов.

Он автор актуальных для высшей школы учебных дисциплин, в том числе, в полном смысле, авторских курсов «Концепция современного естествознания», «Экономика природопользования», «Экологический менеджмент», «Минеральные ресурсы в мировой экономике», «Экспертная оценка минеральных ресурсов», «Экологическое право».

Академическое сообщество высоко оценило написанные А. В. Кокиным для обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление» студентов вузов учебники: «Экономика и управление природопользованием», «Экоменеджмент», «Экология и экономика природопользования», «Сбалансированное природопользование», «Менеджер-эколог», «Экологическое право».

Особое место в научных исследованиях профессора А. В. Кокина занимают вопросы мировоззренческого характера, оцениваемые с позиции концепций современного естествознания, а также проблемы развития человеческого интеллекта. Его монографии «Мировоззрение» (2000), «Феномен интеллекта» (2003), «Современные экологические мифы и утопии» (2008), «Осмысление мира» (2010), «Смысл разума» (2018), «Золотое сечение и эволюция» (2022) стали событием не только в геологической науке, но и в философии и методологии научного поиска.

За роман-эпопею «Геологи, или преданные забвению» (в четырех томах, 2005 – 2014), посвященную освоению Восточной Сибири, Александр Васильевич Кокин удостоен звания Лауреата премии имени академика А. В. Сидоренко, учрежденную Министерством природных ресурсов и экологии РФ в номинации «За лучшую популяризацию профессии геолога» (2017).

Александр Васильевич щедро передает свой богатый научный и профессиональный опыт студентам, аспирантам, молодым преподавателям. Под руководством профессора А. В. Кокина подготовлены и защищены 12 кандидатских и 6 докторских диссертаций. Он регулярно выступает с докладами перед студенческой аудиторией и коллегами по институту, читает открытые лекции по проблемам современного естествознания, управления в системе экологической безопасности и природопользования, ведет интенсивную научно-исследовательскую работу, в том числе как участник международных и российских научных форумов. Выступления А. В. Кокина всегда вызывают дискуссию, способствуют просвещению и научному поиску.

***Поздравляем Александра Васильевича с Юбилеем и желаем ему
крепкого здоровья, неиссякаемой энергии,
новых творческих открытий и благополучия!***

***Редакционная коллегия журнала
«Государственное и муниципальное управление.
Ученые записки»***

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

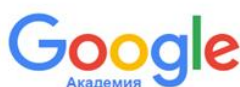
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2. 2023



Выход в свет 30.06.2023. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 3082.3

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Принт». 246035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.
Тел.: 8 (3412) 56-95-53